

VEcordia

Извлечение R-REED2

Открыто: 2007.02.03 01:26
Закрито: 2018.06.10 18:30
Версия: 2018.06.10 18:30

ISBN 9984-9395-5-3
Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2018

ISBN (не установлено)
Дуглас Рид. «Спор о Сионе»

© (не известно)

Дуглас Рид

Дуглас Рид

СПОР О СИОНЕ II

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2018

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

(Продолжение; начало см. в [R-REED1](#))

Глава 37. Заправилы, пророки и народные массы

Посреди ликующих толп в Вашингтоне и Берлине одновременно (4 и 5 марта 1933 г.) начались два 12-тилетних периода правления, закончившиеся также почти одновременно в 1945 году. Сегодня беспристрастному историку трудно решить, которое из этих двух правлений принесло человечеству больше несчастий. Вначале обоих главных актеров, вышедших на мировую арену, приветствовали как пророков. В Америке раввин Розенблюм славословил президента Рузвельта как «*богоподобного посланца, любимца Провидения, мессию завтрашней Америки*», целью поэтического льстеца было «убедить большинство». В 1937 году в Праге, уже стоявшей под угрозой гитлеризма, один из еврейских знакомых автора этих строк рассказывал ему, что раввин в его синагоге всерьез охарактеризовал Гитлера как «еврейского Мессию», явно пытаясь истолковать происходившие события в духе левитских пророчеств. Народные массы, как в Америке, так и в Германии, не иначе, чем в России, все эти годы жили под эгидой своих «премьеров-диктаторов»: орвелловских «Больших Братьев» или советских «любимых вождей», царивших в Москве. По виду противники, мистер Рузвельт и герр Гитлер, каждый по-своему содействовали «разрушительному принципу» в его трех распознаваемых формах: революционного коммунизма, революционного сионизма и грядущего «мирового правительства для принуждения к миру».

Правление Рузвельта началось с бесстыдного обмана: он был парализован и пользовался креслом на колесах, но его никогда не показывали публике ни в натуре, ни на фото, до тех пор, пока ему не помогали подняться на ноги. Его инвалидность не была секретом, но некие заправилы приняли решение, что ложная картина здорового и крепкого мужчины должна была преподноситься публике до его последнего вздоха (и даже после его смерти, так как на памятнике, воздвигнутом в его честь в Лондоне, скульптор представил его в гордой и уверенной позе).

Рузвельт создал необычный до тех пор прецедент, заставив свой кабинет принести присягу некрещеному еврею, верховному судье Кардозо, убежденному сионисту, который еще в 1918 г. выразил полную покорность Брандейсу и раввину Стефену Уайзу словами: «Вы можете пользоваться моим именем как вам угодно»; после этого он получил назначение на пост верховного судьи, причем раввин Уайз потребовал этого сначала от губернатора штата Нью-Йорк, Смита, а затем от президента Герберта Гувера. Другими словами, тень ставшей впоследствии столь хорошо известной «двойной лояльности», с самого начала пала на правительство Рузвельта, как в свое время и на правительство Вильсона, благодаря фигуре Брандейса.

После республиканского междуцарствия в 1921–33 гг. Рузвельт вернулся к политике Вильсона, разрешив в его духе главный вопрос, определявший в те годы будущее Америки: должны или не должны управлять Америкой силы, представленные массовой еврейской иммиграцией из Восточной Европы, наводнившей США в течение 60 лет со времени окончания гражданской войны в Америке. Все компетентные лица с тревогой наблюдали за быстрым ростом этой новой проблемы в жизни страны, правильно оценивая предвидимые результаты пересадки на американскую почву крупной людской массы, религиозное руководство которой наотрез отвергало как ересь всякую мысль о слиянии с другими народами и ассимиляции. Джеймс Т. Адамс (1878–1949) писал об этом в своем «Американском эпосе» (1931), а Редиард Киплинг (1865–1936) живший в Новой Англии в 1890 году, охарактеризовал положение следующими словами:

«Земля опустошалась, теряя своих коренных жителей, место которых еще не было занято беглецами из Восточной Европы... Иммигранты прибывали в Соединенные Штаты по миллиону в год... Где-то на задворках, сами еще этого не сознавая, истинные американцы, чьи предки в течение трех или четырех поколений строили Америку, но от которых ничего не зависело и которые могли сделать еще меньше, пробовали протестовать, не веря, что... чужеродные элементы вскоре будут ассимилированы и превратятся в хороших американцев. Никто их, разумеется, не слышал... Больше всего поражало меня, что все труды и достижения прежних поколений оказывались излишними и ненужными перед лицом этого наплыва иностранцев. Я начал тогда думать, не истребил ли Авраам Линкольн слишком много коренных американцев во время гражданской войны, и не пошло ли это на пользу одним только спешно импортированным массам их европейских сторонников. Вероятно,

это звучит ересью, но я встречал многих, кто думал именно так. Самый никчемный из старых иммигрантов был просеян и просолен за время длительных морских переходов того времени. В 60-ые годы появились пароходы, и теперь стало возможным доставлять человеческий груз со всеми его недостатками за две недели. А около миллиона уже более или менее обжившихся американцев было к тому времени убито».

Эта проблема была новой только для Америки; в истории человечества она уже давно была его старейшей проблемой, а в нашей книге мы показали, как она вставала на протяжении многих веков в одной стране за другой, как только еврейская иммиграция принимала массовые размеры. То же подтверждает и Хаим Вейцман в своем описании того, как он осаждал высокопоставленного британского чиновника, сэра Вильяма Гордона, столкнувшегося с этой проблемой в Англии за 20 лет до того, как она стала тревожить Конгресс Соединенных Штатов. Сэр Вильям пытался разрешить ее в 1906 г. при помощи законопроекта о чужеземцах (подобно тому, как 67-ой и 68-ой конгрессы США пытались разрешить ее законами о квотах). Вейцман пишет, что, выполняя свой служебный долг, сэр Вильям (как впоследствии сенатор МакКарран и депутат Уолтер в Америке в 50-ых гг.) *«стал считаться виновником всех трудностей на пути еврейской иммиграции в Англию»*. Вейцман пишет однако далее:

«Когда в любой стране количество евреев достигает степени насыщения, в стране возникает реакция против них... Англия достигла состояния, при котором она могла переварить лишь определенное число евреев, но не больше... Реакцию против них нельзя расценивать как антисемитизм в обычном, вульгарном смысле этого слова; это общий социальный и экономический феномен, сопровождающий всякую еврейскую иммиграцию, и мы не можем его игнорировать. У сэра Вильяма не было никакого особого предубеждения против евреев. Он действовал... совершенно гуманно, в интересах своей страны... Он считал, что Англия физически не была в состоянии возместить то зло, которое Россия причинила своему населению... Я уверен, что он был бы точно так же настроен против массового наплыва любого чужеземного элемента: однако других иностранцев, требовавших допуска в страну в таком же количестве, не существовало».

Сорок лет спустя Вейцман говорил то же самое евреям в Америке:

«Определенные страны могут переварить только определенное количество евреев; как только это количество превышает, наступает радикальная реакция: евреям нужно убраться».

Вейцман позволил себе высказать вполне трезвые доводы против неограниченной еврейской иммиграции только потому, что он обращался главным образом к евреям, вколачивая в их умы талмудистский догмат, что евреи не могут быть ассимилированы; этот догмат сионизму необходим, хотя он и не обязательно верен. Приведенные цитаты показывают, что в 1906 г. высокий правительственный чиновник еще мог констатировать, что его страна не обязана возмещать «зло», якобы причиненное евреям в другой стране, и имел право действовать согласно «интересам своей страны». В последующие десятилетия западные «премьеры-диктаторы» возвели в степень государственной политики возмещение всех, якобы причиненных евреям третьей страной «зол» за счет ни в чем неповинного населения четвертой страны. Абсурдность этой политики достаточно явствует из вышеприведенных слов Хаима Вейцмана, что когда определенное, переваримое число евреев в любой стране превышает, «возникает радикальная реакция: евреям нужно убраться». Пол-столетия он сам и его коллеги делали всё, что было в их власти, заставляя Америку открыть евреям неограниченный доступ, т.е., говоря его собственными словами, намеренно вели американских евреев к катастрофе; если он прав, то скоро правительствам других стран придется принимать у себя большое число евреев из Америки из-за того «зла», которое им там якобы причинено.

Такова была жгучая проблема американской жизни, когда Рузвельт пришел к власти. Между 1881 и 1920 гг. свыше трех миллионов легально зарегистрированных иммигрантов переселилось в Соединенные Штаты из России, почти все из них – евреи. По данным Статистического бюро США, в 1877 г. в стране было 230'000 евреев, в 1926 г. их было четыре с половиной миллиона. О полном количестве еврейского населения в стране имеются лишь приблизительные данные, так как еврейское руководство не допускает поголовного подсчета еврейского населения «чужими»; приведенные цифры считаются сильно сниженными. В последовавшее за этим десятилетие проверка этих цифр стала невозможной, главным образом благодаря изменениям в классификации иммигрантов, внесенным по распоряжению Рузвельта с целью сокрытия еврейского

проникновения в страну, а учесть незарегистрированную и нелегальную иммиграцию не пытаются даже и правительственные органы: осведомленные источники оценивают общее число евреев в Соединенных Штатах в десять миллионов. Как бы то ни было, в Соединенных Штатах проживает в настоящее время самая многочисленная еврейская колония в мире, пересаженная туда в течение двух последних поколений.

В отношении к общему населению Америки даже самая высокая оценка не подошла бы и к одной десятой. Сама по себе эта группа населения была бы сравнительно малой; однако ее спаянная политическая организация дает ей возможность нарушить равновесие власти, и это придает ей решающее значение. Эта проблема была распознана в 1921 году, когда Иммиграционный комитет конгресса постановил:

«Ассимиляция и слияние групп населения – процессы медленные и трудные. В нашу страну течет все возрастающий поток населения из разрушенных областей Европы. Мы предлагаем радикально ограничить этот поток временной мерой, начав одновременно новый и единственный в своем роде эксперимент внесения законов об иммиграции в нашу конституцию».

Это привело к принятию закона о квотах, ограничившего иммиграцию всех национальностей до трех процентов каждой из них, проживавшей в Соединенных Штатах в 1910 году. Конгресс следующего созыва пошел много дальше вышеприведенной общей рекомендации: специально подчеркивая опасность проблемы, тот же комитет указал:

«Для обеспечения постоянной действенности принципа личной свободы, охраняемого конституционным правительством и установленного на этом континенте почти полтора столетия тому назад, необходимо сохранить основной характер и экономический строй нашего населения... Американский народ не даст никаким иноземным группам права... диктовать характер нашего законодательства».

Последовавшие годы показали, что в результате правления Рузвельта указанный выше принцип был нарушен, «основной характер» американского населения подвергся существенным изменениям, а одна «иноземная группа» получила возможность диктовать политику государства.

Не подлежит никакому сомнению, что прежде чем быть избранным, Рузвельт (как до него Вильсон, Ллойд Джордж и генерал Смитс) был кем-то выбран как подходящее на данном посту лицо. Биограф Хаузен пишет, что в свое время Хаузен уже *«наметил Рузвельта как кандидата в президенты задолго до того, как кто-то его назначил»* в 1913 году помощником морского министра, и затем в течение многих лет тренировал его для поста президента, чтобы в будущем управлять от его имени, как в свое время от имени Вильсона. Но неожиданно дело вдруг сорвалось. Хаузен был уверен, что Рузвельт по своему избранию в 1932 г. немедленно пошлет за ним, но оказалось, что *«кое-кто не желал, чтобы президент обращался ко мне за советами»*. Эти «кое-кто» были явно сильнее его, поскольку Хаузен отставили даже без соблюдения обычных правил вежливости, и с этого момента (1933) он исчезает из нашей повести.

О причинах можно строить только более или менее правдоподобные догадки. Семидесятипятилетний Хаузен порицал своего Филиппа Дрю 1912 года, который, посчитав американскую конституцию «устаревшей и нелепой», силой захватил власть и затем правил с помощью чрезвычайных законов. Для Рузвельта у него были заготовлены более трезвые и ответственные рецепты, и из своей опалы он «с опаской наблюдал» концентрацию безответственной власти в руках президента. В свое время Хаузен заставил Вильсона, не успев тот придти к власти, внести в американскую конституцию, в качестве 16-ой «поправки» (16th amendment), самое разрушительное с социальной точки зрения мероприятие, предложенное еще Карлом Марксом в его Коммунистическом Манифесте в 1848 году, а именно, прогрессивный подоходный налог, но в 1930-е годы Хаузен был немало встревожен тем совершенно необузданным контролем над общественным кошельком, который получил его очередной «Рокланд», поставленный президентом. По-видимому, Хаузен и был отстранен от дел только потому, что он изменил своим первоначальным идеям, поскольку именно эти идеи направляли политику Рузвельта в течение его шестнадцатилетнего правления. Он поддерживал всемирную революцию, и его первым крупным государственным актом было признание коммунистического правительства в России, в наступившей же войне он продолжал политику неограниченной поддержки последнего, начатую еще Хаузен и Вильсоном; Рузвельт далее целиком поддерживал революционный сионизм, и, наконец, он же вернулся к старой идее «Лиги Принуждения к Миру», навязав ее Западу под новым именем «Объединенных

Наций». Так Рузвельт продолжил осуществлять идеи «Филиппа Дрю» на практике. В прошедшем поколении министр внутренних дел в кабинете Вильсона, Франклин К. Лэйн, как-то обмолвился, что *«все замышленное Филиппом Дрю осуществляется на деле, а президент скоро станет им и сам»*. 20 лет спустя биограф Хауза (Хоуден) не без оснований писал, что *«сравнивая вымышленное законотворчество Дрю с тем, что делает Рузвельт, невозможно не видеть поразительного сходства»*. Здесь перед нами наглядный пример того, как одни и те же идеи передаются внутри правящей клики от одного поколения к другому. Идеи Хауза были им заимствованы у революционеров 1848 года, в свою очередь перенявших их от Вейсхаупта и революционеров 1789 года, этим же последним они были внушены еще более древним источником. Когда Хауз от них отошел, они без малейшей задержки были навязаны правящей группе вокруг нового президента, а тот, кто рискнул им изменить, оказался за бортом.

Хауз был единственным пострадавшим во «внутреннем круге». Ко времени его отставки Бернард Барух давно уже был советником Рузвельта, даже еще до занятия им поста президента. Жена президента, Элеанора Рузвельт, писала в своих мемуарах, что *«Барух был доверенным советником моего мужа как в Олбани, так и в Вашингтоне»*, другими словами еще в годы губернаторства Рузвельта в штате Нью-Йорк. Морис Розенблум, один из биографов Баруха, в свою очередь, сообщает, что еще до того как стать президентом, Рузвельт составил план создания новой организации под названием «Объединенных Наций», несмотря на то, что Америка наотрез отказалась в свое время иметь что-либо общее с Лигой Наций после Первой мировой войны. Как раввин Стефен Уайз, так и судья Брандейс, ранее окружавшие Вильсона, теперь перегруппировались в советники Рузвельта, и, судя по всему, антиеврейские мероприятия Гитлера в Германии подкрепили теперь желание м-ра Брандейса изгнать арабов из Палестины.

Похоже, что в самом начале двенадцатилетней эры Рузвельта у «советников» возникли было кое-какие сомнения в послушании президента, и были приняты соответствующие меры (читатель вспомнит неудачные попытки «Рокланда» обрести независимость в 1912 г. и «кликование заговорщиков» после его капитуляции). Этим объясняется тот на первый взгляд странный факт, что раввин Стефен Уайз, активно помогавший Рузвельту при избрании в сенаторы в 1914 г. и в губернаторы штата Нью-Йорк в 1928 г., вдруг не поддержал его на президентских выборах 1932 года. Однако, что-то произошло, развеявшее сомнения раввина, ибо сразу же после избрания Рузвельта он провозгласил, что новый президент *«смог снова заслужить мое неограниченное восхищение»*, а к 1935 году он был, как и прежде, своим человеком в Белом Доме. В свете прежнего опыта, характер лиц, окружавших Рузвельта, не оставлял сомнений в политике, которую он должен был преследовать. Рузвельт сделал это еще более очевидным, значительно расширив круг своих еврейских советников, что в 1933 году приобрело особое, совершенно новое значение. В 1913 году общественность видела в еврейских советниках Вильсона таких же американцев, как и все прочие, отличавшихся только по вере. К 1933 г. сионистская авантюра в Палестине поставила вопрос об их истинной лояльности. К тому же, вставшие после 1913 года вопросы мировой революции и мирового правительства также столкнулись с национальными интересами Америки, а поэтому отношение к этим проблемам ближайшего окружения президента приобрело первостепенное значение.

В этом свете решения Конгресса от 1924 г. о недопустимости того, чтобы *«группы иноземцев... диктовали характер нашего законодательства»* также приобретают особую важность. Среди «советников» президента многие были чужеземцами по рождению или стали несомненно чуждым для Америки элементом в силу их приверженности к сионизму или их отношению к мировой революции и созданию мирового правительства. В этом смысле «иноземная группа», воплощавшая в себе массовую иммиграцию предшествовавшего столетия, окружила американского президента и фактически направляла ход событий. Последовавшие 12 лет показали, что все «советы», которым следовал президент, шли исключительно на пользу разрушающему принципу в его трех взаимосвязанных формах: коммунизма, сионизма и мирового правительства.

Виднейшее место среди советников Рузвельта (кроме трех вышеупомянутых лиц) занимал уроженец Вены Феликс Франкфуртер. Биограф Хауза, Хоуден, выражая мнение самого Хауза, считал Франкфуртера самым могущественным из всего президентского окружения: *«Профессор Франкфуртер был двойником Рузвельта в большей степени, чем кто-либо другой... он играл роль Хауза при президенте Вильсоне»*. Истинную роль таких неофициальных советников обычно трудно определить, и не исключено, что эта оценка ставит Франкфуртера слишком высоко в иерархии Белого Дома; однако, вне всякого сомнения, его влияние было очень велико (как и многие другие, он впервые вошел в круг «советников» еще при президенте Вильсоне). Подобно

Брандейсу и Кардозо он стал членом Верховного Суда США и никогда не выступал на политической сцене открыто, однако, результаты его влияния легче проследить, чем у других, где их можно обнаружить лишь с большим трудом. В 30-ых годах он руководил юридическим факультетом в Гарварде, что позволило ему вырастить целое поколение молодых людей, которые впоследствии придали определенную форму событиям 40-х и 50-х годов, пользуясь явными преимуществами при назначениях на ответственные посты. В их числе был некий Альджер Хисс, впоследствии разоблаченный и осужденный как коммунистический агент, действовавший на посту одного из влиятельнейших «советников» Рузвельта; не лишено интереса, что верховный судья Франкфуртер по собственной инициативе выступил на процессе Хисса с положительной характеристикой разоблаченного советского агента. Второй воспитанник Гарварда, Дин Эчисон, в должности министра иностранных дел США, также нашел нужным публично заявить, что он «не повернется спиной» к Хиссу, а также и к другим обвиняемым на том же процессе. Хисс играл решающую роль на американской стороне в Ялте, где пол-Европы было отдано Западом на поток и разграбление мировой коммунистической революции; Китай был отдан во власть той же революции в период деятельности Эчисона на посту государственного секретаря США.

Помимо этой группы молодых людей, явно натаскивавшихся в первые годы эры Рузвельта для овладения впоследствии американским госдепартаментом, президент был окружен группой еврейских советников и на самом вершине правительственной иерархии. Генри Моргентау (ведущий сионист, чей «план Моргентау» 1944 года послужил основой для раздела Европы в 1945 г.) был у Рузвельта министром финансов в течение одиннадцати из двенадцати лет его правления. Другими ближайшими сотрудниками президента были сенатор Герберт Лейман (Herbert Lehman, также видный сионист, игравший руководящую роль в осуществлении «второго исхода» евреев из Европы в 1945–46 гг., поведшего к войне в Палестине), судья Самуил Розенман (постоянно проживавший в Белом Доме и «помогавший» Рузвельту писать его речи), Давид Найлс (сын русских евреев, в течение долгих лет «советник по еврейским вопросам» как Рузвельта, так и его преемника Трумана), Венъямин Коган (также видный сионист и составитель «декларации Бальфура» в 1917 г.) и еще три других русских еврея: Сидней Хилман, Исидор Любин и Лев Пазвольский.

Эти ведущие имена из личного окружения президента представляли лишь верхушку сооружения, возведенного вокруг политической жизни Америки. Совершенно очевидно, что этот неожиданный рост еврейского влияния за кулисами власти не мог быть результатом естественного процесса. Имел место тщательный отбор; евреи антисионисты, противники революции и мирового правительства в это окружение не допускались. Создание подобного рода «дворцовой гвардии» не могло пройти незамеченным и было мало популярно в правительственных кругах; однако, атаковать негласных советников, ни за что конкретно не отвечавших, хотя фактически всем руководивших, было очень трудно, а Рузвельт игнорировал все протесты и начал в таком окружении свою, трижды возобновлявшуюся президентскую деятельность. К тому же времени вышел на сцену и Гитлер как символ периодически повторявшегося с математической точностью преследования евреев, заняв в планах советников Рузвельта то место, которое за 20 лет до того занимал в расчетах советников Вильсона русский царь.

Рузвельт смог оставаться президентом в течение столь длительного времени главным образом благодаря разработанному Хаузом безошибочному плану избирательных кампаний. По этому методу, рассчитанному на привлечение «текучих» голосов, главный упор был сделан на «неравноправие» с целью обработки негров, выдвинутых на первый план в качестве ширмы, но в действительности лишь отвлекавших внимание от влияния «иноземных групп» в составе «дворцовой гвардии» и парализовавших протесты против него. Заметим для европейских читателей, что агитация о горестных судьбах американских негров, столь хорошо известная за пределами Америки, продолжает и в наше время исходить из Нью-Йорка, распространяясь почти исключительно двумя еврейскими организациями, Американским Еврейским комитетом и т.н. Лигой против диффамации, располагающими громадными средствами, а также Национальной Ассоциацией для Прогресса Цветных Народов, организованной и руководимой с самого начала евреями, причем негры до сего времени играют в ней лишь пассивную роль. Весьма характерно, что сами негры не желают ничего иного, как улучшения своих условий жизни наряду с белым населением, но вовсе не смешения с ним, что они полностью отвергают. Вся же энергия еврейского руководства организациями, выступающими якобы от имени негров, направлена исключительно на принудительное смешение рас, чего не желают ни белые, ни черные, но что явно входит в расчеты «сионских мудрецов». Под давлением этих псевдонегритянских организаций дело дошло

до разбора вопроса в Верховном Суде США, который в 1955 году объявил нелегальной систему раздельного обучения детей в школах, и потребовал ввести принудительное совместное обучение белых и черных. В южных штатах выполнение этого решения вряд ли возможно без гражданской войны, и оно уже привело к многочисленным столкновениям с участием Национальной гвардии и танковых частей; целью является заставить белых родителей отправлять детей в смешанные школы, что опять-таки не имеет иной цели, как способствовать смешению белой и черной рас.

Автору этих строк удалось познакомиться с бюджетом Американской Еврейской комиссии за 1953 год, составлявшим тогда 1`753`000 долларов. О негритянском вопросе в этом документе говорилось следующее:

«Положение евреев в отношении гражданских и политических прав лучше обеспечено, нежели у некоторых иных групп, в особенности у негров. Однако, до тех пор, пока возможно нарушение этих прав у негров, права евреев также не могут считаться достаточно обеспеченными. Поэтому значительная часть наших усилий направлена на уравнивание возможностей для этих других групп, а не для нас самих... Примером служат наши отношения с Национальной Ассоциацией для Прогресса Цветных Народов, которая обращается к нашей помощи в определенных областях, в которых мы особо компетентны... Полезным оружием являются судебные процессы... Мы непосредственно участвуем в судебных исках... направляем в суды жалобы против сегрегации... и готовим процессы против дискриминации негров».

Необходимо в связи с этим заметить, что Верховный Суд США состоит не из профессиональных юристов, а из лиц, назначенных президентом по политическим соображениям; нетрудно видеть, что это способно привести страну к совершенно непредвиденным, опасным последствиям.

Параллельно с эксплуатацией негритянского вопроса, партия Рузвельта расширила беспрецедентную до тех пор кампанию с целью привлечения «бедноты» обещаниями выжать дополнительными налогами все соки из «богатых». Эта демагогия оказалась столь успешной, что республиканцы в панике стали соперничать с демократами в поисках благосклонности «иноземцев», видя в них ключ к победе на выборах. В результате закулисная власть оказалась обеспеченной с обеих сторон, и американский избиратель фактически лишен всякой возможности сделать настоящий выбор между партиями, поскольку победа любой из них идет на пользу одной и той же силы. Рузвельт укрепил свою позицию при помощи «дефицитных бюджетов», другими словами неограниченного расходования государственных средств согласно теории, что размеры государственной задолженности не играют роли, поскольку государство якобы влезает в долги только у самого себя. С тех пор американский народ потерял всякую возможность контроля над государственными финансами, а хозяин Белого Дома получил возможность простым росчерком пера декретировать такие расходы, которые в прежние времена покрыли бы годовые бюджеты у полдюжины экономных государств. Рузвельт добился этих прав под предлогом необходимости бороться с экономическим кризисом тех лет, однако созданное им перманентное «чрезвычайное положение» продолжается по сей день.

Президентская деятельность Рузвельта явно развивалась по заранее разработанному плану, и ход событий во всем мире был бы совершенно иным, если бы его правление не было столь долгим. Скрытый механизм работал так успешно, и хватка его наставников была так крепка, что Рузвельт трижды переизбирался на пост президента. Только один раз за этот период его правление было поставлено под непредвиденную угрозу, которая могла серьезно нарушить их планы. В одном из южных штатов, Луизиане, появился политикан того же рода, что и президент Рузвельт. Хью Лонг, молодой демагог с мясистым лицом и курчавыми волосами, родом из бедной крестьянской семьи, приобрел популярность тем, что, подобно Вильсону и Рузвельту, он ополчился на «денежные интересы» (в его штате на нефтяные «интересы» вообще и на *Standard Oil* в частности). Став кумиром белой бедноты, он был в 1928 году избран губернатором штата и для постройки школ сразу же обложил налогами нефтяные компании, за что при открытии законодательного собрания Луизианы некий раввин Уолтер Пейзер отказался дать ему свое благословение, назвав его «недостойным губернатором». Популярность Лонга возросла после этого еще больше, и в марте 1935 г. он был избран в Сенат, где он посвятил большую часть одной из своих речей нападкам на небезызвестного Бернарда Баруха, которого он, видимо, считал главным представителем упомянутых «интересов». Заметим, что Лонга, у которого были многочисленные еврейские сотрудники, его противники обвиняли во всех смертных грехах, кроме антисемитизма. Лонг становился крупной силой в стране и написал книгу «Моя первая неделя в Белом Доме» с

многочисленными иллюстрациями, изображавшими Рузвельта примерно таким, каким он позже был в Ялте, покорно слушавшим мудрые речи крепкого и энергичного Хью Лонга.

Лонг собирался побить Рузвельта его собственным оружием, превзойдя его расточительными государственными расходами и щедрыми обещаниями. Он делал это умело и оригинально, превосходя в ловкости даже самого «Ф.Д.Р». С помощью своей программы «раздела богатств» и «каждый сам себе король» он сумел забрать в руки весь политический аппарат Луизианы. Когда государственные субсидии начали поступать в штаты (для финансирования всякого рода «кризисных проектов», а заодно и для покупки голосов), Лонг спокойно переключил их на собственные цели. Он провел в законодательном собрании штата закон, запрещающий местным органам принимать какие-либо субсидии из Вашингтона без согласия местного правительства. Поскольку Лонг стоял во главе этого правительства в штате, он перехватил обильный денежный поток и использовал его для укрепления своих собственных избирательных шансов, а вовсе не шансов Рузвельта. Короче говоря, он пользовался общественными средствами совершенно так же, как и сам Рузвельт, только для своих целей.

В 1935 году предстояла вторая избирательная кампания Рузвельта, советники которого вдруг сообразили, что популярность Лонга вышла далеко за пределы Луизианы, и что он превратился в политическую фигуру общеамериканского масштаба. Как впоследствии писал Джон Флинн в своем «Мифе Рузвельта» (см. библиографию), национальный комитет демократической партии

«был поражен, когда тайный подсчет голосов показал, что Лонг, выступая кандидатом от третьей партии, смог собрать от трех до четырех миллионов голосов и что его план «раздела богатств» сильно подорвал позиции демократической партии как в промышленных, так и в сельскохозяйственных штатах».

Другими словами, хотя Лонг в то время и не прошел бы в президенты, но он наверняка мог бы помешать переизбранию Рузвельта, и правящая клика неожиданно встретилась с серьезной угрозой своему правлению. Но, как далее писал Флинн, *«судьба стала демократкой и осталась ею»*: 8 сентября 1935 года молодой еврей, некий д-р Карл Вейс, застрелил Лонга в здании луизианского парламента. Мотивы преступления, по газетным сообщениям, «остались неизвестными», поскольку доктор Вейс, который мог бы пролить на них свет, был в свою очередь на месте застрелен неосторожным телохранителем Лонга. Небезынтересно, что сам Лонг предсказал свою смерть еще в июле того же года, открыто заявив в Сенате, что враги готовят его убийство с помощью *«одного человека, одного револьвера и одной пули»*. Он сообщил, что разговор на эту тему был записан диктографом, скрытым в номере отеля в Нью-Орлеане, где собирались его враги. Писатель-современник, Холдинг Картер (Carter, см. библиографию), якобы присутствовавший при этом «разговоре», утверждает, однако, что *«весь заговор состоял лишь в невинных пожеланиях типа «Я надеюсь, что кто-нибудь его угробит»... и т.д.»*.

Как бы то ни было, политический результат убийства не оставлял сомнений: переизбрание Рузвельта было обеспечено. Общественность была успокоена обычными в таких случаях ссылками на помешательство убийцы, а также на различные иные мотивы, помимо сумасшествия. Никакого судебного расследования произведено не было, как и во многих других случаях политических убийств последних ста лет, когда расследование также либо не производилось вообще, либо же было умышленно неполным. В тех случаях, когда такое расследование производилось добросовестно, как например после убийств президента Линкольна, эрцгерцога Франца-Фердинанда или короля Югославии Александра, оно ни в одном случае не подтвердило теории «одинокого помешанного» (которая, разумеется, также немедленно преподносилась общественности), а неизменно обнаруживало стоявшую за убийством организацию с мощной поддержкой «заинтересованной стороны». Устранение Лонга с политической сцены существенно повлияло на ход событий последующего десятилетия, и с этой точки зрения оно представляется столь же важным событием, как и убийства более высокопоставленных лиц.

Рузвельт был переизбран в 1936 году. Ему явно было предписано осуществить планы Хауза и Вильсона, заставив Америку ввязаться в «международные осложнения», и, подобно Вильсону, он от выборов к выборам обещал страну от них избавить. Тем временем во всем мире рос гвалт по поводу Гитлера и, как уже было показано ранее, преследование им политических противников было незаметно превращено в «преследование евреев». За два года до начала Второй войны Рузвельт открыто обязался заявлением, смысл которого был хорошо понятен посвященным, вовлечь Америку в войну для достижения прежде всего того, чего требовала его «дворцовая

гвардия». Вильсон выступал публично с угрозами по адресу России в декабре 1911 года, т.е. примерно за три года до Первой войны; заявление Рузвельта с открытой угрозой Германии было сделано в октябре 1937 г., т.е. за два года до второй. Оба заявления идентичны в своем определении политических целей Америки как целей еврейства в том ложном понимании, которое придавали им сионисты. 5 октября 1937 г. Рузвельт заявил:

«Пусть никто не воображает, что Америка избежит угрозы... что западное полушарие не подвергнется нападению... Когда начинает распространяться эпидемия физического заболевания, общество одобряет и общими усилиями организует карантин для больных, чтобы защитить здоровье общества от распространения несчастья».

Сочинители президентских речей оказались на этот раз недостаточно осторожными. Намек на совместную организацию «карантина для больных» был правильно понят общественностью как угроза начать войну. Это вызвало такое волнение в публике, что до того момента, когда Америка 4 года спустя фактически вступила в войну, Рузвельту пришлось безостановочно обещать избирателям, что «ваших сыновей никогда не пошлют в чужую войну». (В октябре 1937 года Рузвельт, однако, уже должен был знать, что война начнется осенью 1939 г.; автор этих строк именно в это время послал в «Таймс» из Вены сообщение о соответствующем высказывании на этот счет со стороны Гитлера и Геринга, а президент, надо думать, также получил об этом не менее точную информацию).

Как было упомянуто в предыдущей главе, фальсификация сообщений из Германии производилась к тому времени уже на протяжении четырех лет. Мы приводили несколько примеров этого, и сейчас даем еще один. Раввин Стефен Уайз упоминает в своей книге (см. Библиографию, Wise), что Американский Еврейский Конгресс организовал сразу же после прихода Гитлера к власти всеобщий бойкот германской торговли на основании «телеграфных сообщений» из Германии о том, что там «подготавливается всегерманский погром». Тот же автор сообщает далее, как бы мимоходом, что «сообщенного погрома», собственно, вовсе и не было, однако это не помешало продолжению бойкота до самой войны. Национал-социалистические источники всегда утверждали, что однодневный бойкот еврейских торговцев в Германии 1 апреля 1933 г. был ответом на исходившую из Нью-Йорка провокацию, и вышедшая в 1949 г. книга Уайза подтверждает это.

Слово «погром» взято во всех языках с русского (оно означает «избиение») и играет особую роль в еврейской пропаганде. Его употребляют при любых беспорядках, в которых замешаны евреи, и ему нарочито придается этот специфический, хотя и ложный смысл, т.ч. нерусский читатель вероятно примет за опечатку, если он прочтет о «погроме русских» (или, скажем, арабов). Хаим Вейцман пишет, что в его родных местах, в России «никогда не было погромов», но неизменно употребляет это слово, поясняя, что «вовсе необязательно самому жить в условиях погромов, чтобы знать, что весь нееврейский мир отравлен антисемитизмом». Подстрекая британского верховного комиссара в Палестине принять суровые меры против арабов, Вейцман оперировал доводом: «я по собственному опыту знаю атмосферу, предшествующую погромам», — хотя по собственному признанию у него такого опыта никогда не было. Он называет «погромом» беспорядки в Палестине, при которых пострадали пять или шесть евреев, и характеризует как «арабский терроризм» события 1938 года там же, во время которых было убито 69 англичан, 92 еврея и 1500 арабов. Совершенно аналогично этому, известный английский военный, сэр

Stephen Samuel Wise¹ (1874.03.17 – 1949.04.19)

¹ В.Э.: Родился в Будапеште, его отец и дед были раввинами (с фамилией Weiss); отец матери Мор Фишер основал фарфоровую компанию; когда зять Аарон Вейс захотел присоединиться, тесть купил ему билет в Нью-Йорк в один конец, и Стефан Уайз как ребенок попал в Америку. Он учился в Колледже города Нью-Йорка (1887–1891), в Колледже Колумбии (бакалавр искусств в 1892) и в Университете Колумбии (доктор философии в 1901). Он был (24-летним) делегатом 2-го съезда сионистов (Базель 1898), где возглавлял англоязычную секцию и стал первым (почетным) секретарем Американской федерации сионистов; с 1899 года был членом Международного исполнительного комитета сионистов.

Адриан Картон де Вайарт, кавалер креста Виктории, живший в Польше в период между обеими войнами, писал, что разрешить там еврейский вопрос,

«по-видимому, нет возможности... распространяются слухи о якобы происшедших погромах (в Польше), но я считаю эти слухи грубо преувеличенными, поскольку никаких свидетельств очевидцев о якобы имевшем место избиении многих тысяч евреев не существует».²

Начиная с упомянутого воображаемого погрома в Берлине, антигерманская пропаганда в США подготовила ту атмосферу, в которой Рузвельт смог произнести свою речь о «карантине». Сионистов в его окружении действительные или воображаемые испытания евреев вообще не беспокоили, они были им необходимы как для их политики внутри Америки, так и для их прочих обширных планов, и единственное, чего они действительно боялись, было облегчение жизни евреев. Они продолжали политику талмудистских революционеров в царской России, где они дошли до убийства Царя-Освободителя, лишь бы не допустить эмансипации евреев. Сам раввин Уайз сообщает, что протесты и мольбы евреев из Германии прекратить бойкот ни его, ни его друзей-сионистов не остановили. Всякая возможность какого-либо примирения между Гитлером и германскими евреями приводила сионистов в ужас, и раввин Уайз известил своих сторонников, что он боится только двух вещей:

«что наших еврейских братьев в Германии могут уговорить или заставить заключить какое-нибудь соглашение, которое сможет принести с собой некоторое улучшение или смягчение их судьбы... что нацисты, дабы избежать опасных последствий слишком сурового режима, могут принять паллиативные меры и тем разоружить еврейский протест»

(Он характеризует эту вторую возможность, как главную опасность).

Другими словами, сионисты боялись, что «преследование» может прекращаться; это ясно видно из высказываний их руководства. Раввин Уайз в Нью-Йорке предпочитал этому любые страдания евреев:

«Умереть от рук нацистов – жестоко, но выжить по их милости в тысячу раз хуже. Мы переживем нацизм, если только мы не впадем в непростительный грех, торгуясь и договариваясь с ним, чтобы спасти несколько еврейских жертв»

(из выступления Уайза на всемирной еврейской конференции в 1934 г.).

«Мы безоговорочно отбрасываем с гневом и презрением любое предложение, обеспечивающее безопасность немногим евреям за счет позора всего еврейства» (1936).

В Вашингтоне верховный судья Брандейс столь же решительно приветствовал «еврейское мученичество» в Германии:

«Любые меры, способствующие расширению заграничного рынка для германских товаров, усилят Гитлера... Облегчить экономические трудности Гитлера только чтобы спасти путем эмиграции несколько германских евреев, было бы... весьма плачевной политикой».

² То, что, по мнению Дугласа Рида, русское слово «погром» означает «избиение» (англ. massacre, т.е. избиение или резня) – лишнее доказательство того, как еврейской пропаганде удалось исказить в представлении Запада русскую дореволюционную действительность. Если бы погромы евреев в Польше и России действительно характеризовались избиением или резней, то за границей употреблялись бы именно эти, достаточно ясные и резкие обозначения, и не было бы нужды вводить в западные языки незнакомый им термин «погромов»; напомним, что бесчисленные «погромы» евреев во всей Западной Европе на протяжении средних веков выливались в большинстве случаев именно в резню и избиение; под этими обозначениями они и вошли в историю, и для них незачем было выдумывать слово «погром». Характерной чертой погромив в России было, однако, то, что обозленные на евреев низшие слои русского и польского населения, больше всех страдавшие от еврейского засилья в торговле, ремеслах и пр., принимались «громить» еврейские дома, лавки и шинки, причем человеческие жертвы имели при этом место лишь в виде исключения, что не мешает еврейской пропаганде, в особенности после революции, когда уже нет больше опасности быть уличенными в клевете, преувеличивать число жертв до фантастических размеров. – Прим. издателей.

В действительности же сионисты были готовы «договариваться с нацистами» и заключать с ними финансовые сделки всегда, когда это служило их целям. Семь лет спустя, в разгаре второй мировой войны «группа высоких нацистских чиновников» сообщила раввину Стефену Уайзу, что за известную сумму евреям может быть разрешено выехать из Польши в Венгрию. Трудно понять, что именно выигрывали на этом евреи, поскольку обе страны были под властью Германии; у раввина должны были быть какие-то скрытые мотивы (возможно связанные с будущим «исходом» в Палестину) добиваться переезда евреев из оккупированной Польши в Венгрию в военное время, после того, как он столь упорно сопротивлялся спасению их из Германии в мирное время. Он обратился к Рузвельту с просьбой о переводе нужных для этой взятки долларов на немецкий банковский счет в Швейцарии, на что последовал «немедленный» ответ: «Почему Вы медлите с этим сами, Стефен?» Тут же были даны соответствующие распоряжения другому видному сионисту, министру финансов США Генри Моргентау, и, несмотря на все протесты Государственного департамента США и британского министерства иностранных дел, не считавших возможным финансировать военного противника, деньги были переведены на счет Всемирного Еврейского Конгресса в Женеве для передачи национал-социалистическому руководству.

Для американских сионистов призрак примирения между Гитлером и евреями представился особенно грозным в 1938 году, когда глава правительства Южной Африки, генерал Смит, послал своего министра обороны, Освальда Пироу в Германию, чтобы он постарался, если это окажется возможным, смягчить остроту еврейского вопроса. Премьер-министр Англии, Невиль Чемберлен, приветствовал эту попытку, сказав Пироу, что давление со стороны международного еврейства было главной помехой на пути к англо-германскому взаимопониманию, и объяснив, что ему было бы гораздо легче противостоять этому давлению (вспомним «непреодолимое давление» Льва Пинскера!), если бы удалось уговорить Гитлера умерить свое упрямство. Пироу поехал в Германию, сообщил затем, что он сделал конкретные предложения, что Гитлер ответил положительно, и что таким образом соглашение уже намечалось.

В этот самый момент снова вмешалась некая странная «судьба», как это было и с Хью Лонгом, Столыпным, императором Александром Вторым и многими другими, выходящая на сцену каждый раз, когда появлялась надежда на умиротворение в еврейском вопросе. Молодой еврей застрелил в Париже германского дипломата фон Рата. В Германии вспыхнули погромы, было сожжено несколько синагог, и миссия Пироу была сорвана. Расследование причин преступления в Париже не состоялось, как не было и попыток установить действие каких-либо организаций, стоявших за убийцей, а если таковые и были, то никаких результатов расследования сообщено не было; раввин Уайз снова преподносит в своих записках давно знакомую версию (которую можно найти и в романе Хауза) о «полусумасшедшем юноше», якобы доведенном его «испытаниями» до безумия.³

Рузвельт реагировал немедленно:

«Последние новости из Германии глубоко взволновали общественное мнение Соединенных Штатов... Я сам едва мог представить себе, что подобные вещи могут происходить в культурной стране в двадцатом столетии... я немедленно отозвал нашего посла в Берлине для доклада и консультации».

Возмущение Рузвельта относилось, разумеется, только к сожжению синагог; об убийстве он даже не упоминал. Подчеркнутая же фраза в приведенной цитате была заведомой ложью,

³ «Испытания» 17-летнего Гершеля Грыншпана, никогда не жившего в Германии, состояли в том, что его родителям, бежавшим от польского антисемитизма через польско-германскую границу, немецкими властями не было разрешено остаться в Германии, и они были отправлены обратно в Польшу. Не представляется удивительным, что германские власти, стремившиеся отделаться от собственных евреев и всячески поощрявшие их легальную эмиграцию из Германии (вплоть до конца 1941 г., т.е. более, чем 2 года после начала войны), не были заинтересованы в нелегальном наплыве в их страну евреев, бежавших от погромов в Польше. Из создавшегося в те годы положения трудно не сделать вывода, что положение евреев в Германии в 1938 г. было (до убийства фон Рата и вызванного им действительного погрома в Германии) во всяком случае лучше, чем в Польше, и «безумие» Грыншпана, если бы речь могла идти о таком, должно было бы быть направлено не столько против немецких дипломатов, сколько против польских. Наличие иных мотивов убийства – не у Грыншпана, но у тех, кто им руководил – не вызывает, таким образом, сомнений. Раввин Уайз не стесняется преподносить в своих послевоенных мемуарах явную бессмыслицу, рассчитывая на то, что никто из его американских читателей не поинтересуется биографией Грыншпана. – *Прим. издателей.*

поскольку и Рузвельт, и все его современники уже давно были свидетелями варварского уничтожения религиозных святынь в несравненно большем масштабе. Единственная разница заключалась в том, что это не были синагоги, но Рузвельт, зная о том, как взрывали христианские церкви в советской России, став президентом, поспешил признать большевистское правительство. К тому же, Рузвельт сделал свое заявление после того, как послал телеграмму, приветствовавшую Мюнхенское соглашение, т.е. капитуляцию Чехословакии перед Гитлером, по-видимому также не находя в ней ничего несовместимого с культурными понятиями двадцатого столетия. Именно в это время автор этих строк оставил свой пост, считая для себя невозможным продолжать работать журналистом в условиях, когда ложь и дезинформация стали хозяевами положения в печати.

Фактически Соединенные Штаты оказались втянутыми во Вторую мировую войну уже когда президент Рузвельт сделал эти заявления в 1937 и 1938 г.г., а отнюдь не в день Перл-Харбора. Прямая дорога ведет от этих его выступлений к заявлению 17 июля 1942 года, когда он возвестил готовящуюся месть Германии исключительно за преследование евреев; те же, кто вложил в его уста эту угрозу, с самого начала делали всё от них зависящее, чтобы не допустить смягчения участи евреев в Германии.

История показала, что убийство фон Рата в Париже было тем новым выстрелом в Сараеве, который развязал вторую войну. В отличие от Вильсона, Рузвельт, однако, никогда не собирался сохранять американский нейтралитет; уже в 1938 году его ментор Бернард Барух заявили: «Мы проучим этого Гитлера; это ему даром не пройдет» (свидетельство генерала Джорджа Маршалла). Если существующее в наше время положение не изменится (признаков чего пока что не видно), то в третьей войне американский президент окажется скованным теми же цепями, что и его предшественники в 1914–1918 и 1939–1945 г.г.

В продолжение шести лет, когда назревало то, что современные историки называют «ненужной войной», автор этих строк наблюдал, как приближалась гроза и темнел горизонт в Берлине, Вене и других столицах, на которые вскоре должна была опуститься долгая ночь: Прага и Будапешт, Белград и Бухарест, София и Варшава. Как и многие другие, он видел, как подбрасывали горячее в костер готовящейся войны; может быть даже, он видел больше других, не принадлежа к какой-либо одной стране или одной партии, а наблюдая за всеми ими. Автор слышал песни и крики штурмовиков в их *Stammkneipen*, горькие жалобы их противников в частных домах и нервный шепот опасливо оглядывавшихся через плечо беглецов. Автор видел лицо толпы, этого динозавра, лишённого мозга, в ее обоих состояниях, возбужденное надеждами и иллюзиями (в Берлине), и угнетенное, с впалыми щеками и пустым взглядом безнадежного отчаяния (в Москве). Он встречался со страхом на всех уровнях жизни, от подметальщиков улиц до глав правительств, и видел царство террора в обеих столицах, где он безраздельно господствовал.

Автор этой книги лично знал или встречал многих людей, выглядевших влиятельными и принадлежавших к противоположным лагерям; все они, общими усилиями делали «ненужную войну» всё более и более неизбежной. Он разговаривал с Гитлером, Герингом и Геббельсом; на берегу Женевского озера он обедал с круглолицым Литвиновым, выглядевшим как типичный завсегдатай эмигрантских кафе, удивляясь, что мог знать о России этот человек, который так мало ее знал, хотя и был министром иностранных дел завладевшей ей шайки. Автор встречался с Муссолини и с Рамзаем Макдональдом, одним из британских премьер-министров, промелькнувших как тени на экране тех лет. Он беседовал часами с Эдуардом Бенешем в пражском Граджине, с австрийскими канцлерами и венгерскими премьер-министрами, с балканскими королями и политиками. Полный надежд и будучи еще неоперившимся птенцом, автор ездил знакомиться с Лигой Наций, с отвращением наблюдая ее заседания, лишённые всякого подобия достоинства, с их непрерывными закулисными сговорами, толпами прихлебателей и интриганов, вызывавшими омерзение; вряд ли многие из тех, кто в свое время знал Лигу Наций, стали бы поддерживать нынешнюю ООН. Автор выехал в Москву в составе журналистской гвардии вокруг новой восходящей звезды, молодого министра Антони Идена, и увидел там режим, отличавшийся от нацистского разве что тем, что преследуемые в Германии евреи занимали в советском государстве господствующее положение на всех ключевых постах.

Повсюду царил сплошной сумятица, из которой выступал один предвидимый факт: Гитлер начнет войну, если ему не помешают, и эта война придет, так как ему не помешают. Был даже один британский премьер-министр, Спиди Болдуин (источник постоянных огорчений для газетных корреспондентов в Германии), который скрыл от своей страны правду о воинственных пла-

нах Гитлера потому что, как он признался впоследствии, он «боялся проиграть на выборах». Если его преемник, Невиль Чемберлен, надеялся, потворствуя Гитлеру, натравить его на Советский Союз (автор не располагает доказательствами, но это могло входить в расчеты Чемберлена), то это по крайней мере можно было бы назвать политической линией, в то время как до него таковой не существовало вообще. Однако, она была ошибочной, поскольку все внимательные наблюдатели в Германии предвидели, что, когда Гитлер решится нанести удар, он объединится со Сталиным, но не начнет войны против него (автор писал это в своих книгах, опубликованных до войны).

Став свидетелем двух первых захватов Гитлера – Австрии и Чехословакии – автор понял, что последняя надежда предотвратить ненужную войну была потеряна. Он чувствовал, что живет в мире, потерявшем рассудок, и озаглавил написанную им в это время книгу «Ярмарка безумия». Он тогда объяснял происходящее лишь безрассудным отсутствием ясной политической линии. 18 лет спустя, в свете того, что произошло или стало известным, для него не подлежит сомнению, что в некоторых кругах эта «ненужная война» вовсе не представлялась такой уж ненужной.

Глава 38. Далекие маленькие страны...

В предвоенном десятилетии 1930–40 гг., когда в Вашингтоне и Берлине правили «шеф» Рузвельт и «фюрер» Гитлер, в забытой Палестине дела шли всё хуже и хуже. Английское правительство поняло безнадежность авантюры, навязанной ему Бальфуrom (скончавшимся в 1930 г., распрощавшись на смертном одре с д-ром Вейцманом), и уже всерьез собиралось от нее отделаться, когда накануне новой войны Уинстон Черчилль сумел снова взвалить на свою страну груз палестинских обязательств. В результате этого британский народ, полагавший, что он имеет дело с одним лишь Гитлером, был вовлечен в войну ради неизвестных ему целей, тех же, что в свое время едва не привели к поражению Англии в 1918 году. Сменявшие друг друга английские правительства этой эпохи напоминали циркового клоуна, которому не удается отделаться от липучки для мух: не успевал он стряхнуть ее в одном месте, как доктор Вейцман клеил ее на новое. В самой Палестине английские администраторы и военные выполнить навязанный им «мандат» не были в состоянии. Арабы беспрерывно бунтовали; сионисты в Лондоне давили на правительство, чтобы оно усмиряло их силой; когда власти на местах пытались действовать беспристрастно, в интересах обеих сторон, приказы сверху мешали им в этом.

Можно было бы сказать, что британская колониальная политика преуспела во всем мире, кроме Палестины. Ей удалось создать на пустовавших ранее землях свободные заокеанские народы, а на покоренных ей территориях она выполнила данное ей обещание (никем вначале не принимавшееся всерьез) уйти, как только возмужавшее с ее помощью местное население окажется способным обрести независимость. Индия – лишь один пример этого. В Палестине же все принципы британской колониальной политики были поставлены наголову, а накопленный опыт объявлен несостоятельным под хорошо известным «непреодолимым давлением» из Лондона или же из других столиц, если Лондон вдруг оказывался несговорчивым.

На долю британских администраторов и военных в Палестине выпала самая злосчастная роль во всей британской истории: вероятно не случайно, что единственный из них, удостоившийся официального признания своих заслуг после эвакуации британских властей, оказался изменником. Англичане прекрасно знали, как надо управлять «протекторатами», и это слово не всегда имело то сомнительное значение, которое было ему придано Гитлером в Чехословакии. Оккупация страны с согласия и даже по приглашению местного населения может быть весьма благотворной. Автор этих строк лично познакомился с одним из таких настоящих протекторатов – Басутоленд. Англичане пришли туда по приглашению народа басуто, который в результате этого выжил, став свободной нацией, в то время как иначе он был бы поработен более сильными соседями. Его положение сейчас много лучше, а его будущее светлее, чем при любых других обстоятельствах, и весь народ это хорошо сознает, так что буквально несколько десятков белых управляют 660 000 басуто на началах полного взаимного уважения.⁴

Слово «протекторат» происходит от английского «протект», что означает защищать. В Палестине, впервые в их истории, англичанам пришлось подавлять тех, кого они пришли «защищать», и, в свою очередь, защищать совсем других – захватчиков, прибывших из России. Сказались результаты полного извращения со времен Бальфура принципов гражданского управления в Англии. Согласно западным конституционным традициям, гражданские власти должны стоять над военными, дабы предотвратить возможное образование милитаристских режимов. Однако, когда гражданские власти становятся орудием в руках тайной третьей силы, преследующей захватные цели, они фактически уступают место военному руководству, хотя и вовсе не в лице собственных генералов. Высший принцип управления страной становится, таким образом, наголову, а вооруженные силы страны могут быть поставлены на службу чуждым ей разрушительным интересам. Именно это и произошло в Палестине.

Подавление местного арабского населения как «бунтовщиков» в Палестине пользы сионистам не принесло. Их лобби в Лондоне и Вашингтоне усилило свои позиции в начале 30-х годов в связи с приходом к власти Гитлера, но и эти успехи были парализованы дальнейшим ухудшением дел в Палестине в ходе этого десятилетия. К этому времени Хаим Вейцман, который раньше, с 1904 по 1919 годы, сосредоточивал все свои усилия на английском правительстве, распространил свою активность еще на два центра: в его орбиту входили теперь, по его собственному

⁴ Прим перев. – С 1966 г. Басутоленд – самостоятельное государство Лесото.

признанию, «Иерусалим, Лондон и Вашингтон», а с британскими премьерами он обходился уже без особых церемоний.

Его очередной жертвой стал снова Рамзай Макдональд, который, после отставки всех его социалистических коллег, остался премьером коалиционного правительства из других партий. Джимми Макдональд из Лоссимауса, когда-то бедный шотландский мальчик, сделал к тому времени блестящую карьеру, став всеми уважаемым мистером Рамзаем Макдональдом, носителем пышной седой шевелюры. Своего сына Малькольма Макдональда он сделал помощником министра колоний, после чего оба Макдональда сменили восторги социалистической риторики на холодный и трезвый мир «непреодолимого давления». Макдональд попытался было прекратить бесконечные беспорядки и восстания в Палестине, в которых англичане несли всё большие человеческие потери, объявив, что его правительство прекратит сионистскую иммиграцию, *«урегулирует скупку земель сионистами и будет сурово карать подстрекателей к мятежам, из каких бы кругов они ни исходили»*. В результате Макдональд немедленно же стал мишенью яростных нападок, быстро обретая то смущенное и усталое выражение лица, которое было так хорошо знакомо современникам (таким автор видел его в 1935 году). Посетившие его Хаим Вейцман и его трое сионистских коллег обвинили Макдональда в «легкомысленном обращении», как пишет Вейцман, *«с моральными обязательствами, вытекавшими из обещаний, данных им евреям»*. Ведущие политики его собственной страны, Америки и Южной Африки открыли против него злостную кампанию. Запуганный премьер назначил специальный министерский комитет для нового пересмотра столь часто уже пересматривавшейся «палестинской политики». Председателем комиссии был назначен министр-социалист Артур Гендерсон, а секретарем Малькольм Макдональд; членами комитета были Хаим Вейцман и еще шесть ведущих сионистов; арабы, как обычно, в нем представлены не были.

Вейцмана особо возмутило намерение правительства карать подстрекателей к мятежам, из каких бы кругов они не исходили; по его мнению, организаторами беспорядков, насилия и убийств могли быть только местные арабы. Макдональд снова сдался, послав Вейцману письмо с согласием на его условия, после чего сионистская иммиграция в Палестину в 1934–35 г.г. превысила все предыдущие размеры. Покончив с Макдональдом, доктор Вейцман отправился в большое путешествие: накануне мировой войны он побывал в Южной Африке, Турции, Франции, Италии, Бельгии и ряде других стран. Во Франции он повстречался *«со всеми премьерами межвоенного периода»*, из которых наиболее симпатичным ему показался его единоведец Леон Блюм. Французский министр иностранных дел Аристид Бриан также был настроен весьма благосклонно, *«хотя и не совсем ясно понимал, о чем шла речь»* (Вейцман неоднократно поминает столь добрым словом в своих записках тех политиков, которые послушно выполняли его требования). С Муссолини он встречался трижды. Перед собранием весьма влиятельных людей Вейцман распространялся о беззакониях Гитлера, поучая, что «на ответственности культурного мира» в связи с этим лежит изгнать арабов из Палестины (разумеется, это было высказано в несколько более мягкой форме).

Несмотря на все эти усилия, к концу 30-х годов сионизм в Палестине стоял перед окончательным провалом, и только весьма своевременно развязанная Вторая мировая война спасла эту безответственно начатую авантюру от бесславного конца и полного забвения. В 1936 году арабские волнения достигли своей высшей точки. В течение 14-ти лет сменявшие друг друга английские правительства, по указке сионистов, отказывали арабам в разрешении провести в их стране выборы. Доктор Вейцман аргументировал, что такой отказ был вполне в духе «демократии», но с течением времени этот довод начал терять убедительность, и британское правительство оказалось лицом к лицу со всё более трудной задачей. Преемник Макдональда на посту премьера, Стенли Болдуин, прибегнул к испытанному средству «долгого ящика», послав в Палестину еще одну (пятую?) расследовательную комиссию, после чего всё это превратилось в сущий фарс.

Вейцман и его окружение добились от запуганного ими Макдональда отказа от уже официально объявленной новой «палестинской политики», выработанной в согласии с ответственными правительственными советниками по данному вопросу. Посланная Болдуином в Палестину для поисков альтернативных решений еще одна комиссия была встречена там никем иным, как тем же доктором Вейцманом, который теперь проворно летал из Лондона в Иерусалим и обратно, указывая правительству в Лондоне, что ему нужно делать, а членам комиссии в Палестине, о чем им нужно сообщать правительству, после чего правительству в Лондоне указывалось, как нужно

реагировать на полученные им сообщения. Тот же Вейцман находил еще время для визитов в Нью-Йорке, чтобы организовать и оттуда нужное давление.

Упомянутая комиссия (под председательством некоего Пиля) откуда-то получила совет, что извечная палестинская дилемма может быть успешно разрешена путем раздела страны. И, разумеется, немедленно обратилась за консультацией к Вейцману. До этого времени претензии сионистов на создание особого еврейского государства тщательно скрывались от общественности, которой говорилось только о «национальном очаге», в котором непременно нуждаются евреи. Для Вейцмана было ясно, что как только британское правительство согласится на раздел Палестины, оно тем самым обяжет себя создать и самостоятельное еврейское государство. Чисто азиатское мастерство в искусстве переговоров, проявленное Вейцманом, достойно немало уважения. Ссылаясь на Ветхий Завет, он вколачивал в умы идею раздела Палестины, не связывая себя никакими будущими границами. Относительно территории, которую надо было отдать сионистам, он готов был сделать уступку, поскольку даже сам Иегова не указывал в своих откровениях левитам точных границ. Тем самым принималось предложение территории, но оставался совершенно открытым вопрос о ее границах, в результате чего даже «раздел» не мог считаться окончательным решением. Доводы Вейцмана в пользу раздела представляют немалый интерес в свете последующих событий:

«Арабы боятся, что мы завладеем всей Палестиной. Что бы мы ни говорили об обеспечении их прав, они нам всё равно не поверят, поскольку они находятся во власти страха и не способны слушать доводов рассудка. Еврейское государство с четкими, международно гарантированными границами явилось бы чем-то окончательным. Нарушение этих границ означало бы войну, на что евреи никогда не пойдут, не только по моральным соображениям, но еще и потому, что это восстановило бы против них весь мир».

Комиссия Пиля пришла к решению, что «мандат» неосуществим и рекомендовала раздел Палестины. Если бы британское правительство приняло решение этой комиссии и оставило страну, человечество смогло бы избежать многих неприятностей; однако, два года спустя началась Вторая мировая война, сделавшая палестинскую проблему неразрешимой.

В годы, когда эта война приближалась, Вейцман продолжал осаждать западных политиков, убеждая их, что *«еврейский национальный очаг будет играть весьма важную роль в этой части света в качестве единственного надежного союзника демократий»*. Это означало, что сионистские требования оружия для насильственного захвата Палестины должны были под этим лозунгом пропагандироваться политиками и печатью среди народов Запада. В 1938 г. Вейцман предложил английскому министру колоний Ормсби-Гору разрешить сионистам создать в Палестине сорокатысячную армию. Предполагалось, что «ненужная война» вскоре начнется (в чем все ведущие закулисные политики Запада были явно между собой согласны), и Вейцман, в свою очередь, делал всё от него зависящее, чтобы эту войну приблизить, выдвигая на первый план интересы евреев. После убийства фон Рата и последовавшего за ним еврейского погрома в Германии он заявил в разговоре с Антони Иденом:

«Если какому-то правительству разрешают уничтожить целую национальную общину, не совершившую никакого преступления..., то это означает начало анархии и разрушение основ культуры. Те державы, которые видят это, не делая ничего, чтобы предотвратить преступление, в один прекрасный день сами подвергнутся суровому наказанию».

В этих частных, но судьбоносных разговорах в министерских приемных преследование Гитлером его многочисленных политических противников даже не упоминалось; судьба одной национальной группы выдвигалась, как достаточное требование для развязывания войны. Дальнейшие события показали, что сионисты сами намеревались *«уничтожить целую национальную общину, не совершившую никакого преступления»* (палестинских арабов, которые о Гитлере даже еще и не слышали), и оружие, которого они требовали, было впоследствии использовано именно для этой цели. Любопытно, что Вейцман аргументировал в духе христианской веры, согласно которой уничтожение неповинного в преступлениях народа само по себе является преступлением и должно быть «сурово наказано». Однако, согласно левитскому закону, на котором Вейцман основывал свои претензии на Палестину, то же самое являлось главным требованием всех «законов и предписаний» и должно было быть не наказано, а вознаграждено властью и богатством.

В течение всего последнего года перед началом войны тайные носители власти удвоили свои усилия, чтобы завладеть полным контролем над людьми и событиями. Рузвельт был подчинен им полностью, однако его можно было использовать только на более поздней стадии. В Англии уездный помещик и предприниматель Болдуин был заменен на посту премьера бирмингемским дельцом Невилем Чемберленом, однако в лице этого последнего «непреодолимое давление» за кулисами власти неожиданно встретилось с серьезным препятствием. С именем Чемберлена связана последняя уступка Гитлеру: выдача Чехословакии и ее вынужденная капитуляция. В продолжении нескольких недель в 1938 г. общественность ликовала, веря, что Чемберлен смог с помощью мюнхенского соглашения спасти дело мира: автор этих строк, в те дни в Будапеште и Праге, впервые понял, что в свое время хотел сказать Томас Джефферсон своими словами:

«Мне жалко смотреть на толпу моих сограждан, которые, читая газеты, живут и умирают с верой, будто им стало что-то известно о том, что происходит на их глазах».

Как бы то ни было, Чемберлен мог считать себя вынужденным пойти на эту сделку, поскольку, по вине его предшественника Болдуина, Англия была совершенно неподготовлена к войне. Автор считает, что его расчет был ошибочным и что даже в этот поздний час твердость отвратила бы опасность, поскольку германские генералы уже готовы были свергнуть Гитлера; однако, вполне возможно, что Чемберлен был искренне убежден в том, что другого пути не было. Его непростительной ошибкой было изображать Мюнхен как нечто морально оправданное и подкреплять свои доводы соображениями о «далекой маленькой стране, до которой нам нет никакого дела», и другой подобной же фразеологией.⁵

В этом последнем вопросе Чемберлен был по крайней мере последователен, желая освободить Англию от обязательств, данных Бальфуrom и запутывавших ее в дела другой «далекой маленькой страны», где она столкнулась с одними лишь неприятностями. Его политика встретила ожесточенное сопротивление закулисных сил, и, по мнению автора этих строк, настоящие причины его падения были те же, что и при отстранении от власти Асквита в 1916 г.

1938 год, когда был провозглашен «раздел», был в Палестине самым кровавым годом: в беспорядках было убито 1500 арабов. Комиссия Пиля рекомендовала раздел, не найдя, однако, способа его осуществить. Была послана еще одна комиссия, на этот раз для изучения вопроса, как можно разрезать младенца пополам, не убивая его. Эта комиссия Вулхеда, в свою очередь, доложила в октябре 1938 г., что и она практических путей к разрешению вопроса предложить не может. Вовремя начавшийся еврейский погром в Германии после убийства советника фон Рата в Париже, был в ноябре 1938 г. использован сионистами для активизации анти-арабской агитации и арабских погромов в Палестине. Тут Чемберлен сделал нечто противоречившее всем установленным за кулисами политическим нормам. Он созвал в Лондоне Палестинскую конференцию, на которой, впервые после мирной конференции 1919 г., были представлены также и арабы. Результатом конференции явилась «Белая Книга» от марта 1939 г., в которой британское прави-

⁵ Этот довольно распространенный в англосаксонском мире взгляд на «Мюнхен» представляется в свете исследований последнего времени спорным. В Мюнхене (в сентябре 1938 г.) была лишь исправлена одна из вопиющих несправедливостей навязанного Европе Версальского «мира»: было освобождено от чешского господства трехмиллионное население судетских немцев, третиравшихся как граждане второго сорта в не имевшей исторических прецедентов «Чехословакии». В свете Вильсоновых принципов «самоопределения народов» мюнхенское соглашение трудно не признать вполне разумным и законным.

То, что «Чехословакия» получила в результате отделения Судетской области смертельный удар, и что словаки, в свою очередь, поспешили выйти из подчинения Праге, а поляки заняли польские районы в Тешене (в которых им было отказано в свое время в Версале, в результате интриг ведущих масонов Масарика и Бенеша), трудно записать на счет одного только Гитлера. Перед лицом анархии и полного развала в стране, Бенешу пришлось уйти в эмиграцию, а остаткам чешского правительства не оставалось иного как просить Гитлера принять их под свой «протекторат». Это произошло через полгода после «Мюнхена», в марте 1939 г., и к мюнхенскому соглашению не имело отношения, хотя и было его последствием.

Сам того не замечая, автор становится в этом вопросе на точку зрения критикуемых им политиков группы Черчилля, активно поддерживавшихся сионистами в Англии и за океаном, вне всякого сомнения подготавливавших новую мировую войну и успешно изобразивших в мировой пропаганде «захват Чехословакии» как доказательство стремлений Гитлера к «мировому господству», для чего у Германии не было ни технических, ни военных возможностей, и о чем в политике «третьего Рейха» – вопреки решениям Нюрнбертского процесса, основанным на явных фальшивках, не было даже и намека. – *Прим. издателей.*

тельство обязалось «создать в течение десятилетнего срока независимое палестинское государство и закончить управление Палестиной по мандату». В этом государстве власть должна была быть поделена между местными арабами и сионистскими иммигрантами так, чтобы были обеспечены насущные нужды обеих национальных групп. Еврейская иммиграция на ближайшие пять лет должна была быть ограничена 75 000 в год, скупка земель сионистами также должна была быть ограничена.

Будучи осуществлен, этот план дал бы Палестине мир, но он не создавал самостоятельного еврейского государства. В нужный момент теперь на первое место в британской политике вышел Уинстон Черчилль. Десять лет подряд он стоял в политической тени, и будущим историкам не мешает знать то, о чем современники Черчилля уже успели забыть, а именно, что в течение всего этого периода Черчилль был в Англии крайне непопулярен. Причиной тому были не столько его личные качества или действия, сколько «плохая пресса» – сильнейшее оружие в руках тех, кто контролирует политические карьеры. Эта умело организованная враждебность выявилась особенно ясно во время кризиса монархии (отречение короля Эдуарда VIII в 1937 г.), когда предложение Черчилля отсрочить принятие решений встретило резкий отпор, а он сам был освистан в Палате общин и вынужден покинуть трибуну. Его биографы рисуют его пораженным в эти годы жестокой депрессией, а сам он считал себя политически «конченным», что отразилось в одном из его частных писем Барнауду Баруху, написанном в начале 1939 года:

«Война начнется очень скоро. Она захватит нас, она захватит и вас. Вы будете у себя командовать парадом, я же останусь здесь в стороне».

Вскоре после этого письма в политической судьбе Уинстона Черчилля произошел неожиданный поворот к лучшему, и на основании опубликованных материалов можно считать, что (совершенно так же, как это было и с Ллойд-Джорджем в 1916 г.) немалую роль в этом сыграло его отношение к сионизму. Всё, что нам с тех пор известно о Черчилле, дает повод считать, что в первую очередь к нему самому, этой любопытной помеси Бленхейма с Бруклином,⁶ относится данная им в 1939 г. характеристика коммунистического государства, как «загадки внутри секрета, окутанного тайной». Мы уже упоминали, что в 1916 году он был в числе самых первых политиков, активно поддержавших сионизм в своих предвыборных выступлениях, так что, по словам одного из сионистских ораторов, любой еврей, голосующий против Черчилля, должен был считаться изменником еврейскому делу. Однако во время первой войны, будучи у власти, Черчилль себя в этой области ничем не проявил, так что Вейцман упоминает его в своих записках того времени только один раз, и притом вовсе не в качестве «друга». Став министром колоний в 1922 году, он даже немало раздражил сионистов своей Белой Книгой, которая, по словам Вейцмана, «сводила на нет декларацию Бальфура». Черчилль предлагал в ней, ни много, ни мало, как то, чтобы Законодательный Совет в Палестине в большинстве своем состоял из демократически избранных членов. Для этого не только нужно было бы провести выборы, чего до самого конца ни при каких обстоятельствах не допускал Вейцман, но надо было еще и позволить арабам управлять собственной страной!

Десять лет, которые Черчилль провел в политической пустыне (1929–39), были, следовательно, годами, когда он был в опале у сионистов, и в записках д-ра Вейцмана он не упоминается ни разу, вплоть до самого кануна Второй мировой войны, когда его неожиданно «открыли» (как это случается с артистами в кино) в качестве одного из самых ревностных приверженцев сионизма. Это было тем более странным, что еще не далее, как 20 октября 1938 г. Черчилль повторил в одном из своих выступлений то, что говорилось в Белой Книге 1922 года:

⁶ Уинстон Черчилль происходил из семьи герцогов Марльборо, владельцев замка-дворца Бленхейм, названного в честь победы под Бленхеймом (Бавария) английских войск под командованием Джона Черчилля, первого герцога Марльборо, над французско-баварским войском в 1704 г., в войне за испанское наследство. Отец Уинстона Черчилля, лорд Рандольф Черчилль, был третьим сыном седьмого герцога Марльборо, что давало ему право называться лордом только «из вежливости» (lords by courtesy) без права на место в палате лордов, принадлежавших лишь главе семьи. Он умер в 1894 г. от прогрессивного паралича как последствия сифилиса. Мать Уинстона Черчилля, урожд. Дженни Джером, была дочерью американского миллионера, родившаяся в Бруклине (Нью-Йорк); в лондонском свете она была известна, до и после свадьбы с лордом Рандольфом, своими бесчисленными связями со всеми, кто в этой области не ленился, начиная с принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII. В высшем свете и при дворе «передовой» и «демократической» Англии господствовали перед Первой мировой войной нравы, немислимые в «отсталой» России. – *Прим. издателей.*

«Мы должны... дать арабам торжественное обязательство..., что годовая квота еврейской иммиграции не будет превышать определенной цифры по крайней мере в течение десяти лет».

Лишь немного времени спустя тот же Черчилль упоминается в записках Вейцмана как политик, который в частном разговоре недвусмысленно дал ему понять, что он будет поддерживать переселение в Палестину многих миллионов сионистских иммигрантов. Столь же неожиданно Вейцман сообщает, что когда в 1939 г. он *«встретился с м-ром Уинстоном Черчиллем (которого он игнорировал в течение 17 лет), он сказал мне, что примет участие в дебатах в Палате общин, выступая, разумеется, против предложений Белой Книги»*. Читателю предоставляется самому догадываться, почему это Черчилль стал вдруг «разумеется» выступать против документа, который, требуя справедливого отношения к арабам, был в полном согласии с его собственной Белой Книгой 1922 г. и со всеми его выступлениями на протяжении 17-ти лет.

В день упомянутых парламентских дебатов Хаим Вейцман был приглашен Черчиллем на завтрак, во время которого этот последний «прочел нам свою речь», спросив, не находит ли Вейцман нужным внести в нее какие-либо изменения? Читатель вспомнит, что и издатели «Таймса» и «Манчестер Гардиан» писали свои передовицы о сионизме лишь после консультации с главарями заинтересованной стороны; теперь и Черчилль таким же образом готовился к выступлению в парламентских прениях по важному вопросу государственной политики. Черчилль пользовался известностью как блестящий оратор, в Америке же его известность основывалась на том странном (по мнению американцев) факте, что он писал свои речи сам. Однако, при обстоятельствах, описанных выше Вейцманом, вопрос писательского мастерства представляется весьма второстепенным. Черчилль выступил в роли «чемпиона» сионистов (как пишет Вейцман), однако на этот раз безуспешно; длительные прения закончились победой Невилля Чемберлена, Белая Книга которого была одобрена большинством 268 голосов против 179. Несмотря на столь значительный перевес, многие политики уже тогда почувствовали, откуда начинает дуть новый ветер, и стали соответственным образом переставлять свои паруса, на что указывало большое число воздержавшихся от голосования – 110. Это было первым предупреждением Чемберлену, каким путем он в недалеком будущем окажется свергнутым перебежчиками из его собственной партии. В парламентских прениях обнаружился еще один любопытный факт: для оппозиции сионизм стал к тому времени основным догматом ее политики, фактическим мерилom качества настоящего «социалиста»! Шедшая к власти социалистическая партия давно уже забыла о нуждах рабочего класса, о жалобах угнетенных и о печальной судьбе «малых сих»; она впуталась в международные интриги и заботилась лишь о том, чтобы вовремя оказаться на стороне сильных. Так лидер социалистов Герберг Моррисон в обвинительной речи против Малькольма Макдональда (чье министерство отождествлялось с Белой Книгой) сожалел о ереси человека, «который когда-то был социалистом». К этому времени изгнание арабов из Палестины стало социализмом, а профсоюзная знать, щеголяя подаренными ей золотыми часами, не интересовалась судьбами бедных и угнетенных людей далекой страны.

Вторая мировая война началась очень скоро после этих прений в британской Палате общин и принятия «Белой Книги». На время войны все планы «создания независимой Палестины» и «ликвидации мандата» были, разумеется, отложены, а к концу войны взорам наблюдателей открылась совершенно иная картина. Рузвельт в Америке, как пишет в своих воспоминаниях Гарри Гопкинс, дал «как частные, так и официальные заверения» своей активной поддержки сионизма. В Англии Чемберлен считался помехой сионизму, но его дни уже были сочтены, а Черчилль готовился стать его преемником. Он пользовался популярностью как «человек, доказавший свою правоту» относительно Гитлера и войны: о его беседах с Хаимом Вейцманом и о том, к чему они впоследствии должны были привести, народ не знал, разумеется, ровно ничего.

Глава 39. Сион вооружается

В продолжении шести лет Второй мировой войны многомиллионные массы сражались на полях трех континентов, но в конце войны те, кто считали себя победителями, оказались дальше от своих целей, чем в ее начале. Над конференциями политиков-победителей петух прокричал во второй раз. За 30 лет до того президент Вильсон пытался доказать миру, что «причины и цели войны неясны..., политики обеих воюющих сторон преследуют одни и те же цели»; будущее доказало его правоту. Во время первой войны германское руководство решило финансировать революцию в России с помощью своих еврейских агентов (Парвус-Гельфанд), а «полковник» Хауз и Ко, всеми силами ее поддерживали. Штаб-квартира сионистов оставалась в Берлине, пока они рассчитывали, что победившая Германия создаст в Палестине их «еврейский очаг», переезд совершился, как только в победе союзников не осталось сомнений.

Результаты Второй мировой войны еще раз доказали правоту Вильсоновых прорицаний. Война вообще не могла бы начаться без сообщничества агентов мировой революции в нападении на нового «умалишенного в Берлине», что же касается втянутых в нее народов, то им предлагалось лишь выбирать между нацистами и коммунистами. Когда те и другие пошли войной друг на друга, то «советник» Гопкинс, занявший место Хауза, начал в свою очередь поддерживать мировую революцию, после чего ни о каком «освобождении» уже не могло быть речи. Гитлер хотел отделаться от евреев в своей стране; с ним был вполне согласен и судья Брандейс в Америке, объявивший, что «ни один еврей не должен остаться в Германии». Черчилль хотел переселить в Палестину три–четыре миллиона евреев, а коммунистическая держава, исповедовавшая в своей официальной программе антисионизм, обеспечила первый контингент переселенцев.

Когда рассеялся дым сражений, стало видно, что достигнутыми оказались три цели, из которых ни одна не упоминалась в начале войны. Мировая революция при помощи Запада распространилась на всю восточную и среднюю Европу; сионизм был вооружен, чтобы силой утвердиться в Палестине; «мировое правительство» – детище обеих согласованно действовавших сил, было воссоздано в новой форме, на этот раз в Нью-Йорке. Настоящей была только та война, которая шла за кулисами Второй мировой; она заставила оружие, людей и богатство Запада служить перечисленным выше целям. Сквозь редящийся туман войны стало возможным различить грандиозный «план», впервые обнаруженный в документах Вейсхаупта и нашедший затем свое подтверждение в «Протоколах».

В начале войны официальная британская политика предусматривала отказ от невыполнимого «мандата» и эвакуацию Палестины по обеспечению в ней равноправного представительства всех заинтересованных сторон. Сионистам было ясно, что ни одно британское правительство не пойдет на преднамеренное убийство, другими словами, на изгнание арабов из их собственной страны силой оружия; они решили, под покровом войны, раздобыть это оружие для себя.

Едва началась война, как Хаим Вейцман явился к Черчиллю. Неизвестная общественности, эта незаурядная личность сумела в течение 33-х лет (со времени его первой беседы с Бальфуrom в 1906 г.) управлять политиками Англии и Америки. Трудно представить себе, чтобы одни его личные качества смогли внушить такое почтение: очевидно, они видели в нем представителя какой-то силы, которой они имели основания опасаться. Историк Кастейн называл эту силу «еврейским интернационалом», а политик Невиль Чемберлен – «интернациональным еврейством». Черчилль вернулся к власти, после десятилетнего перерыва, в качестве первого лорда адмиралтейства (морской министр) и, казалось бы, должен был заниматься вопросами войны на море, но доктора Вейцмана интересовало совершенное иное: «После войны мы хотим иметь в Палестине государство с тремя или четырьмя миллионами евреев» заявил он, а Черчилль, по его словам, ответил: «Да, конечно, я вполне с этим согласен». Всего лишь годом раньше Черчилль требовал дать арабам «торжественное обязательство», что сионистская иммиграция будет ограничена. Даже сейчас, в 1956 году, хотя евреев в Палестине всего один миллион шестьсот тысяч, их присутствие служит причиной непрестанной войны; трудно сомневаться в том, что станет со страной, если это число удвоится или утроится, и Черчиллю это должно было быть ясно и в 1939 г. Вообще говоря, в то время Палестина вовсе не входила в круг его обязанностей, но д-ру Вейцману, видимо, откуда-то было известно, что в недалеком будущем Черчилль станет премьер-министром. Следующим шагом Вейцмана была поездка в Америку, где он изложил свой план президенту Рузвельту, который «проявил интерес», хотя и с осторожностью (дело было накануне

его третьей избирательной кампанией), а когда Вейцман вернулся в Англию, то Черчилль уже сменил Чемберлена на посту главы правительства. Так была воссоздана ситуация 1916 года, с небольшой лишь разницей. От Ллойд-Джорджа требовалось тогда направить в Палестину британские войска для завоевания требуемой страны, что он и сделал. От Черчилля теперь требовалось передать оружие наводнившим ее сионистам, чтобы они смогли окончательно в ней утвердиться, что он также послушно исполнил. Как он сам подтверждает в примечаниях к своим военным мемуарам, соответственные распоряжения отдавались им в течение всех пяти месяцев между его первой и второй встречей с Вейцманом. Черчилль стал премьер-министром 10 мая 1940 года, когда Франция была накануне разгрома, а британский остров остался без союзников, под защитой одного лишь флота и остатков своей авиации: английская армия была уничтожена во Франции. 23 мая Черчилль дал распоряжение министру колоний лорду Ллойдю, чтобы английские войска были отозваны из Палестины, а *«евреи как можно скорее вооружены и организованы для защиты самих себя»*. Это распоряжение было повторено им 29 мая (в дни эвакуации английских войск из Дюнкерка) и 2-го июня. Шестого июня он жаловался на оппозицию со стороны военных, а в конце июня на *«трудности с двумя министрами, в особенности с лордом Ллойдом, который был убежденным антисионистом и стоял за арабов; я же хотел вооружить еврейских колонистов»*. Таким образом, уже тогда обсуждение этих вопросов не имело ничего общего с национальными интересами Англии, а велось в митинговом стиле «за» или «против». Черчилль продолжал в том же духе, убеждая лорда Ллойда, что сильная английская армия в Палестине *«была платой за нашу анти-еврейскую политику, которой мы придерживались в течение нескольких лет»* (напомним, что это была политика его собственной Белой Книги 1922 года). Если хорошо вооружить евреев, аргументировал Черчилль, британские войска могли бы быть освобождены для службы на других фронтах, *«а опасаться нападений евреев на арабов не приходится»*. Он не нашел нужным информировать парламент о точке зрения ответственного за палестинские дела министра, гласившей: *«я никоим образом не могу согласиться с тем, что Вы написали мне в ответ»*.

В это время любое оружие ценилось в Англии на вес золота. Войска, спасенные из Франции, были дезорганизованы и обезоружены; сам Черчилль пишет, что в то время на всем британском острове были едва 500 полевых орудий и две сотни танков самых разнообразных возрастов и образцов. Еще много месяцев спустя он взывал к президенту Рузвельту прислать ему 250 000 винтовок для *«обученных и обмундированных, но невооруженных людей»*. В те дни автор этих строк рыскал по всей стране, пока нашел револьвер сорокалетней давности, делавший только одиночные выстрелы. Подбадривавшие население лозунги Черчилля о борьбе до последнего на побережье и на улицах английских городов не производили большого впечатления на автора, знавшего, что если врагу только удастся высадиться, то ни на берегах, ни на улицах никого не останется: нельзя бороться с танками голыми руками. Над безоружной страной нависла грозная опасность. Автор был бы немало удивлен, если бы он знал в то время, что главной заботой Черчилля было вооружение сионистов в Палестине.

Когда Вейцман снова встретился с Черчиллем в августе 1940 г., опасность германского вторжения уже прошла. Он предложил создать в Палестине сионистскую армию в 50 000 бойцов, а в сентябре он представил Черчиллю «программу из пяти пунктов», главным из которых был *«призыв на военную службу в Палестине возможно большего числа евреев»*. Как пишет Вейцман, Черчилль «согласился с этой программой». Лорд Ллойд (как в свое время сэр Вильям Робертсон, Эдвин Монтегю и многие другие в годы первой войны) всеми силами противился этим планам. Как и всех, кто, сталкиваясь с этой проблемой, оставался верным своему долгу, его постигла враждебная судьба: он умер в 1941 году, в возрасте 62-х лет. Однако ответственные администраторы и военные продолжали сопротивляться «ведущим политикам», стараясь не допустить нового отвлечения английских сил для чуждых им задач. Вейцман жалуется, что, несмотря на поддержку Черчилля, *«прошло ровно четыре года, прежде чем в сентябре 1944 г. была официально сформирована еврейская бригада»*, приписывая эту задержку упорному сопротивлению «экспертов» (по его собственному выражению). Жаловался и Черчилль: *«Я хотел вооружить евреев в Тель-Авиве, но здесь я встретил сопротивление со всех сторон»* (дело было в июле 1940 г., как раз перед началом германских воздушных налетов на Англию).

По всем данным Вейцман считал, что пришло время преодолеть это неожиданное сопротивление путем «давления» извне, так как весной 1941 года он снова поехал в Америку. Как и во время первой войны, он официально был занят научной работой на пользу английских вооружений, на этот раз в области производства изопрена. По его словам, он был *«полностью занят»*

этой работой»; тем не менее он сумел от нее освободиться, и он не был бы доктором Вейцманом, если бы его прогулка через Атлантический океан в военное время вдруг встретилась бы с какими-то затруднениями. В Америке почва для его приема была подготовлена раввином Стефеном Уайзом, давшим указания президенту Рузвельту (как в свое время он давал их президенту Вильсону) по поводу его обязанностей в отношении сионизма: *«13 мая 1941 года я (Уайз) счел необходимым послать президенту отчеты свидетелей событий в Палестине (вспомним его «отчеты») о якобы состоявшемся в Германии погроме в 1933 году, приведшие к антигерманскому бойкоту в Нью-Йорке),*

указав, в какой опасности находятся там невооруженные евреи... Нужно заставить британское правительство понять, как пострадает дело демократии и как будет возмущено общественное мнение, если произойдет массовое избиение евреев, потому что они не были своевременно вооружены, а оборона Палестины не была усилена артиллерией, танками и авиацией».

Президент ответил:

«Я могу только обратить внимание англичан на нашу глубокую заинтересованность в обороне Палестины и нашу заботу о защите ее еврейского населения, а также сделать всё возможное для снабжения британских сил средствами для наилучшей защиты Палестины».

Вооруженный этим письмом (как в свое время Вейцман вооружился отчетом об интервью, написанном им же на официальных бланках британского министерства иностранных дел), Стефен Уайз

«на следующий же день отправился в Вашингтон, где высокие правительственные чиновники заверили меня, что британцам дадут понять, что наш народ в Палестине должен быть хорошо вооружен (артиллерией, танками и авиацией)... и, вероятно, благодаря вмешательству Рузвельта разговоры о паритете в значительной степени прекратились»

(это был намек на требование ответственных британских администраторов, чтобы отправленное в Палестину вооружение было поровну распределено между арабами и сионистами: даже Черчилль не мог оспаривать законность такого требования).

Сионистские заправилы во всех странах умело согласовывали между собой «непреодолимое давление на международную политику». Если Лондон медлил с выполнением распоряжений, ему «давали понять» из Вашингтона: если медлил Вашингтон, давление шло из Лондона. К моменту приезда Вейцмана в Вашингтон политическая машина была должным образом смазана, и он быстро уверился в том, что *«ведущие политики проявляют глубокую симпатию к нашим сионистским стремлениям».*

Плохо обстояло дело только с непосредственно ответственными за политику данной страны лицами, как в Вашингтоне, так и в Лондоне: *«как только сталкиваешься с экспертами Госдепартамента, начинаются затруднения»* (Вейцман). Ниже уровня «ведущих политиков» в Вашингтоне рядовые министры и ответственные администраторы, а в Палестине американские профессора, миссионеры и коммерсанты, всеми силами пытались избавить американскую политику от этого кошмара. Главного ответственного чиновника в Вашингтоне Вейцман характеризовал не иначе, как в свое время Черчилль лорда Ллойда: *«Глава восточного отдела Госдепартамента был откровенный антисионист и сторонник арабов»*; мы видим теперь, откуда исходил политический жаргон, проникший в англо-американские высшие сферы.

В этот его приезд в США Вейцману стало ясно, что оказывать давление на Лондон лучше всего из Вашингтона, и в начале 1942 года он переехал в Америку. От научной работы, «поглощавшей» всё его время в Англии, он освободился очень легко: президент Рузвельт обнаружил, что доктор Вейцман срочно необходим Америке для работы над проблемами синтетического каучука. Американский посол в Лондоне Джон Д. Уайнант учуял грозящие неприятности и «серьезно посоветовал» Вейцману по прибытии в Америку *«полностью посвятить себя химии».* Сионистские махинации и их неизбежные последствия немало тревожили посла и, по-видимому, его сломили, ибо и он вскоре после этого разговора с Вейцманом трагически погиб. Вспоминая полученный от Уайнанта совет, Вейцман писал: *«Фактически я разделял мое время поровну между наукой и сионизмом»*; если это было правдой, то химия получила от нашего доктора много больше, чем этого могли ожидать все, кто был с ним знаком.

Перед отъездом Вейцман зашел в знаменитый дом №10 на Даунинг Стрит, как он пишет, чтобы попрощаться с секретарем Черчилля. Нас не удивляет, что он встретился при этом с самим премьером, который, по его словам, сказал ему следующее:

«По окончании войны мне хотелось бы видеть Ибн-Сауда хозяином на Ближнем Востоке, владыкой над владыками, при условии, что он договорится с Вами... Конечно мы Вам в этом поможем. Держите это в секрете, но Вы можете поговорить об этом с Рузвельтом, когда будете в Америке. Если только он и я твердо решим сделать что-либо, ничто нам не сможет помешать».

Запись своего доверительного разговора с Черчиллем Вейцман передал сионистскому политическому секретарю с указанием известить сионистский исполнительный комитет в случае если бы с ним, Вейцманом, что-либо случилось; впоследствии он опубликовал это в своей книге, из которой мы его и цитируем.

Если Черчилль всерьез ожидал, что Хаим Вейцман поможет ему посадить на трон арабского «владыку Ближнего Востока», то он жестоко ошибался, поскольку такое владычество предназначалось сионизму. Встретившись с Рузвельтом, Вейцман не нашел нужным уведомить его о мнении Черчилля и якобы говорил с президентом только о своей научной работе. Однако от других ведущих лиц он требовал, «чтобы Америка послала максимальное число самолетов и танков на этот фронт» (то есть в Африку, где они впоследствии стали бы доступны палестинским сионистам). В то же время он налажил тесное сотрудничество с Генри Моргентау из ближайшего окружения президента, который позднее, в решающий момент, как он пишет, оказал ему «исключительно ценную помощь».

И здесь Вейцману пришлось встретиться с досадными помехами:

«Ведущие политики никогда не доставляли нам никаких трудностей. Подавляющее большинство из них всегда понимали наши стремления, и их заявления о поддержке создания еврейского национального очага могут заполнить целые тома. Однако за кулисами, на более низких уровнях власти, мы встречали упрямую, увертливую и скрытную оппозицию, вся информация, шедшая с Ближнего Востока в Вашингтон, действовала против нас».

К этому времени сам доктор Вейцман уже почти 40 лет также работал «за кулисами», и столь же увертливо и скрыто: история не знает другого примера такой деятельности. При очередной закулисной встрече с президентом Рузвельтом он хотя и передал ему послание Черчилля, но – как он сам пишет – в несколько измененной форме: Черчилль заверил его, якобы, что «по окончании войны статус еврейского национального очага будет изменен, а Белая Книга 1939 года будет аннулирована». Он представляет это как «план Черчилля», но это совершенно не то, о чем Черчилль говорил выше, хотя вполне возможно, что это и было у него на уме. Наиболее любопытно, что Вейцман опустил главную мысль Черчилля – сделать короля Ибн-Сауда «владыкой Ближнего Востока... при условии, что он договорится с вами».

Вейцман пишет, что ответ Рузвельта на «план Черчилля» (представленный ему в совершенно извращенном виде) был «вполне положительным», что на языке сионистов означало, что Рузвельт соглашался на создание еврейского государства («статус еврейского национального очага будет изменен»). Далее Вейцман пишет, что президент сам упомянул Ибн-Сауда, отметив, что он «сознает важность арабского вопроса». Коли Вейцман точен в передаче этого разговора, то он во всяком случае не сказал, что Черчилль рекомендовал ему соглашение с Ибн-Саудом. Наоборот, согласно своим же мемуарам, он придерживался в разговоре с Рузвельтом взгляда, «что мы не можем ставить наше дело в зависимость от согласия арабов». Это было полной противоположностью тому, что Черчилль понимал под соглашением с арабами, и недвусмысленно означало войну против арабов при американской поддержке. После этого Рузвельт, пишет Вейцман, «еще раз уверил меня в своей симпатии и желании урегулировать этот вопрос».

Есть какая-то тайна в сдержанности Рузвельта по отношению к «арабскому вопросу», и она могла бы возыметь серьезные последствия, не умри он через два года, вскоре после своей встречи с Ибн-Саудом. Однако ни сдержанность Рузвельта, ни его личные мысли и намерения не имели в 1943 г. особого значения, поскольку решение давно уже было принято. Под прикрытием войны в Европе вооружение было на пути к сионистам, и эти закулисные действия определили события будущего. Начиная с этого момента, ни ведущие политики, если бы они только вздумали протестовать, ни стоявшие под постоянным нажимом ответственные администраторы

не могли больше помешать сионистам заложить в Палестине заряд замедленного действия, который в наше время в состоянии взорвать всю вторую половину двадцатого столетия.

В июне 1943 года доктор Вейцман вернулся в Лондон, не сомневаясь в том, что «давление» из Вашингтона теперь полностью обеспечено.

Глава 40. Захват Америки

На протяжении шести лет Второй мировой войны, пока целые страны переходили из рук в руки, а все силы воюющих народов были заняты войной, за их спиной разыгрывалось другое, незаметное вторжение, последствия которого оказались более серьезными, чем все перемены, вызванные военными действиями. Речь идет о политическом вторжении в США новых сил, победа которых стала ясной в конце войны, когда вся американская политика оказалась направленной на обеспечение окончательной победы только двух факторов – революции в Европе и сионизма на Ближнем Востоке. В историческом аспекте Рузвельт добился успехов только в трех областях, причем все они стали гибельными для его собственной страны: он помог вооружить сионизм, вооружил мировую революцию в ее московской крепости, и широко открыл ворота американской земли для вторжения в нее московских агентов.

Рузвельт вступил на этот путь дипломатическим признанием Советов сразу же по своем избрании президентом. Посол революции, Максим Литвинов, обещал ему на словах, что революционное государство не будет вмешиваться во внутренние дела Америки, и никто из его менторов и «советников» не нашел нужным напомнить ему, что лисице достаточно всунуть свой нос, чтобы вскоре оказаться и в самом курятнике. О поддержке революционного государства деньгами и оружием будет нами рассказано в последующих главах; в этой главе мы опишем его вторжение в Америку в течение долгих лет правления Рузвельта.

Рузвельт начал с разрушения барьеров против бесконтрольной иммиграции, возведенных до него американскими конгрессами, сознававшими опасность захвата правительственного аппарата «чужеземными группами». Рядом президентских указов контроль над иммиграцией был существенно ослаблен. Чиновникам департамента иммиграции было запрещено задавать иммигрантам вопросы об их коммунистических связях, равно как была отменена и регистрация еврейского происхождения. Американская пресса раздувала кампанию против всякой проверки политической благонадежности иммигрантов, клеймя «дискриминацию рожденных за границей». Число иммигрантов, обосновавшихся за этот период в Соединенных Штатах, никому точно неизвестно. Сенатор Пат МакКарран, председатель юридического комитета сената США, подсчитал, что до 1952 г., помимо легальной иммиграции в США, в страну нелегально переселились пять миллионов иностранцев, включая большое число «активных коммунистов, сицилианских бандитов и других преступных лиц». Начальник контрольного отдела департамента иммиграции не в состоянии был назвать даже приблизительную цифру нелегальных переселенцев, отмечая, что когда удалось наладить хотя бы приблизительный контроль, «ежегодно задерживалось и отправлялось обратно более полмиллиона» перешедших одну только мексиканскую границу. Службе социального обеспечения, выдававшей карточки для получения работы, было запрещено давать департаменту иммиграции или полиции какие бы то ни было сведения об иммигрантах. За счет новой иммиграционной волны разбухла масса «колеблющихся избирателей», на которой концентрировала свои усилия демократическая партия Рузвельта, следуя старому рецепту Хауза и не забывая демагогического лозунга об «отмене дискриминации». Ограничение проверки политической благонадежности открыло доступ в гражданское управление и в вооруженные силы активным коммунистам, не только рожденным в Америке, но и иностранцам, недавно получившим право жительства. Результаты этой политики стали известны благодаря множеству разоблачений послевоенного периода, описание которых заполнило бы многотомную энциклопедию. Этим процессом оказался захвачен весь англо-американский Запад, как показали соответственные разоблачения в Англии, Канаде и Австралии: не менее знаменательным представляется, что, за исключением Канады, все эти частичные разоблачения были обязаны инициативе отдельных лиц, а не государственных инстанций; никаких серьезных попыток исправить создавшееся положение сделано не было, так что оно остается фактически неизменным с 30-х и 40-х годов, предопределяя тем самым роковую слабость Запада в любой будущей войне.

Возобновление массовой иммиграции легло в основу вторжения чуждого элемента в политическую жизнь Америки. Процесс шел в трех направлениях и имел целью захват трех важнейших позиций в государственной деятельности: государственную политику на ее высшем уровне, гражданское управление на среднем уровне и «общественное мнение», т.е. обработку масс, как основу всего предприятия. Мы уже показали в предыдущих главах, как, с помощью системы т.н. «советников», прочно установившейся в американской политической жизни начиная с 1913 года,

был захвачен контроль над правительственной политикой США; эта фаза в процессе захвата власти предшествовала всем остальным. Методы проникновения тех же элементов в аппарат гражданского управления будут рассмотрены в конце этой главы; сейчас мы опишем как, с помощью контроля над печатной информацией, эти элементы подчинили себе общественное мнение Америки, без чего успех обеих других фаз захвата власти был бы невозможен.

Хаим Вейцман, усердно готовившийся в свое время в России к своей будущей миссии на Западе, называл эту форму борьбы за власть «техникой пропаганды и подхода к массам». Теперь мы покажем оперативную механику, скрытую под этим названием. В одной из прежних глав этой книги мы отметили, что еврейская масонская организация «B'nai B'rith» своевременно пустила ростки в определенном направлении. До того ее можно было сравнивать с такими группами других религиозных обществ как Христианская Ассоциация Молодых Людей (YMCA) или т.н. Рыцари Колумба; ее официальными целями были помощь бедным, больным и сиротам, и благотворительная деятельность вообще. Маленькое ее ответвление 1913 года под названием «Анти-Диффамационная Лига» (ADL) к 1947 году превратилась в мощную тайную полицию, став большой силой в жизни Америки, если не по форме, то фактически. В тех странах, где тайная полиция существует как государственное учреждение (НКВД в СССР или Гестапо в Германии перед Второй мировой войной), все силы и ресурсы страны находятся в ее распоряжении, и такое государство характеризуется, как полицейское. Сионисты сумели создать в США ядро собственного полицейского аппарата, почти столь же эффективного, как и упомянутые прототипы тайной полиции. Единственное, чего ему еще недостает, это – право ареста и заключения в тюрьму неугодных ему элементов, и, по мнению автора, именно это является конечной целью этой сионистской институции.

На жаргоне мировой революции понятие «анти-диффамации» (т.е. противодействие клеветы) фактически означает пользование клеветой как оружием против политических противников: ADL живет тем, что оклеветывает противников сионизма как антисемитов, фашистов, жидоедов, охотников за «красными», параноиков, лунатиков, сумасшедших, реакционеров, твердолобых, фанатиков, крайне правых экстремистов и т.п.⁷ Этот клеветнический словарь установлен раз и навсегда, и его употребление можно проследить назад во времени вплоть до нападков на Баррюэля, Робисона и Морса сразу же после французской революции. Политическую линию любого писателя, журналиста, или любой газеты легко установить, подсчитав как часто в их текстах употребляются перечисленные выше словесные штампы для характеристики противников. Несомненным достижением «анти-диффамационной лиги» (ADL) можно считать, что постоянное повторение этих порочных эпитетов превратило их в клеймо, которого всеми силами стараются избегать партийные политики всех мастей. Употребление этих диффамирующих ярлыков фактически сделало невозможной серьезную и спокойную дискуссию по любому вопросу, и можно лишь поражаться тому, как легко два поколения западной общественности смогли подчиниться шаманским заклинаниям сравнительно немногочисленной группы азиатских заговорщиков.

В году своей организации (1913) АДЛ помещалась в маленькой комнате в конторе еврейской ложи «Бнай Брит» и располагала минимальными средствами. Но уже в 1933 г. Бернард Браун (Bernard J. Brown, «From Pharaoh to Hitler», 1933) мог написать:

«с помощью АДЛ мы смогли заткнуть рот не-еврейской печати вплоть до того, что ни одна газета в Америке не рискнет упомянуть еврейского происхождения любой неблагоприятной личности».

Еврейский орган «Menotah Journal» в Нью-Йорке писал в 1948 г.:

«Если в переиздании любого литературного классика встретится хотя бы одна фраза, неблагоприятная для евреев, то АДЛ будет обрабатывать ни в чем не повинного издателя до тех пор, пока он не устранил нежелательного текста. Пусть какой-либо ничего не подозревающий режиссер покажет в своем фильме типичного еврея, – АДЛ немедленно подымет такой шум, что он постарается забыть о существовании евреев вообще.⁸ Однако, когда умелая пропаганда начинает прививать евре-

⁷ Прим. перев.: совершенно подобно тому, как в России до революции национально-патриотические элементы огульно клеймились «черносотенцами»; в русской эмиграции этот же термин применяется и до сих пор.

⁸ За примерами ходить не далеко, не в одной только Америке: классическая драма Шекспира «Венецианский купец» с ее главным действующим лицом Шейлоком исчезла с театральных сцен сразу же после Первой мировой войны; роман Диккенса «Оливер Твист» вычеркнут из списков детской литературы, ибо в нем жулик Фейган, посылающий мальчиков воровать, оказывается евреем. Когда в Англии после Второй

ям коммунистические идеи, ... АДЛ не говорит ни слова. Не будет ни предостережений, ни призывов быть осторожными, ни, тем более, разоблачений или порицаний, и это несмотря на то, что где-то высоко, в центре организации, сидят люди, которые на собственном опыте знают, как умело коммунисты проникают в другие организации».

(«Menotah Journal» в данном случае выражал мнение многих евреев, возмущенных тем, что АДЛ нападает на антикоммунизм, приравнивая его к антисемитизму).

Эти цитаты показывают, как сильно выросло влияние АДЛ за 35 лет. Общественная дискуссия подпала под действие средневековых законов о ереси. Малейшая критика сионизма или планов создания мирового правительства немедленно встречает яростный разнос в прессе. Критика коммунизма допускается только в том случае, если одновременно подчеркивается, что результатом войны будет лишь создание всемирного коммунистического государства, другими словами, что «коммунизм лучше не трогать»; что же касается Иерусалима, то «это не только столица Израиля, но и столица всего мира» (сионистский бургомистр Иерусалима в 1952 г.). Во всей Америке сегодня лишь немногие писатели защищают свободу и независимость дискуссии. Они готовы спорить по любому вопросу, представляющему общественный интерес в свете традиционных национальных интересов Америки, но не по вопросу о сионизме, о котором вряд ли хоть один из них даже заикнется. Автор беседовал об этом с четырьмя писателями из числа ведущих, получив от всех один и тот же ответ: этого делать нельзя. Если писатель находится на службе, то, затронув сионизм, он будет быстро уволен. Независимые писатели не найдут издателей для своих книг, поскольку они не найдут рецензентов, разве лишь в стиле упомянутого выше диффамирующего словаря.

Бюджет АДЛ, начавшей столь скромное существование в 1913 г., достиг в 1948 г. трех миллионов долларов, причем она – лишь одна из многих еврейских организаций, обслуживающих цели сионистов в Америке и располагающих такими же средствами. Обсуждая «антидиффамационную истерию», упомянутый нами еврейский «Menotah Journal» писал: *«Борьба с антисемитизмом разрослась в большое коммерческое предприятие с многомиллионным годовым бюджетом»*. По словам журнала, целью является *«непрерывно бить в антисемитский барабан»*, чтобы припугнуть жертвователей. Обычным методом является *«открытый шантаж еврейских предпринимателей: если Вы не в состоянии дать на наше дело 10 000 долларов, то лучше*

войны по этому роману был поставлен фильм, толпа еврейских хулиганов разгромила кинотеатр в Западном Берлине, где его собирались показывать, и с тех пор об этом фильме никто больше не слышал. Роман Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна», на котором выросли многие поколения детей во всей Европе и Америке, изъяты из американских библиотек: АДЛ находит его «расистским».

«Анти-Диффамационная Лига» уделяет свое внимание далеко не одной лишь литературе, театру и кино: она содержит вооруженный аппарат террористов, выполняющий задания более серьезного характера, особенно активизировавшийся после Второй войны. Известный германский киноактер Фердинанд Мариан, игравший главное действующее лицо в фильме «Еврей Зюсс» по роману Лиона Фейхтвангера, стал жертвой «автомобильной катастрофы» в 1945 г., когда ни одному немцу в Германии пользование автомобилем не разрешалось. Другой жертвой «автомобильной катастрофы» в том же году стал граф Антон Арко-Валлей, застреливший в Мюнхене в феврале 1919 г. (!) самозванного главу кратковременного советского правительства в Баварии, еврея Курта Эйснера: тело графа было выдано его семье для погребения лишь через месяц после убийства.

В антисионистских кругах США не существует сомнений, что делом АДЛ была также смерть генерала Паттона, командующего американскими оккупационными войсками в Баварии в 1945 г.: его автомобиль был раздавлен вылетевшим из-за угла на полном ходу пятитонным грузовиком, однако, согласно официальной версии, подробности катастрофы до сих пор «не выяснены». Генерал Паттон был против антинацистского террора в Германии после капитуляции, считая, что месть побежденным не может входить в задачи цивилизованного государства и его военного командования.

Не далее, как в июле 1984 г. в г. Торрансе (Калифорния) ночью были взорваны зажигательными бомбами помещения «Института исторического обозрения» (Institute for Historical Review); полицейское расследование до сих пор не смогло обнаружить даже следов виновных. Институт опубликовал ряд материалов, из которых явствует, что 6 миллионов убитых в Германии во время войны евреев являются мифом, поскольку, согласно его изысканиям, ни в одном концлагере газовых камер не было: в лагере Дахау они были построены пленными солдатами СС по американскому приказу после капитуляции, в Саксеихаузене и Освенциме они строились по советскому приказу. Институт объявил уже несколько лет тому назад премию в 50 000 долларов любому, кто сможет доказать перед судом газовые убийства хотя бы в одном германском концлагере; странным образом, желающих до сих пор не нашлось. В национальных кругах Америки АДЛ именуется не иначе, как «еврейским Гестапо». – Прим. издателей.

переведите свою фирму в другое место». Журнал пишет, что «самозванные защитники американских евреев загнали их в состояние массовой истерии». Эта весьма критическая цитата отнюдь не противоречит тому, что было сказано выше о подавлении всякой критики: в данном случае речь идет о еврейском органе, а в еврейской печати дискуссия и обсуждение сравнительно свободны, поскольку она распространяется только «среди своих». Если бы не-евреи выписывали и читали еврейские газеты и журналы, они знали бы много больше о том, что происходит в мире. Цензура распространяется лишь на не-еврейскую печать.

«Menotah Journal» демонстрирует также, как газетные новости фальсифицируются еврейскими агентствами печати: пустяшная драка между подростками в Манхэттене *«подается под устрашающими заголовками на первой странице в таком виде, что неопытный читатель подумает о возобновлении царистских погромов»* (как в свое время «царистские погромы» преподносились мировой печати или как раввин Стефен Уайз цитировал ложные «донесения о погроме в Берлине» в 1933 году). С помощью той же тактики «запугивания на первой странице» организуются и массовые митинги в Мэдисонском парке в Нью-Йорке, на одном из которых тогдашний претендент на президентскую должность (Вендель Уильки) не постеснялся заявить: *«я потрясен растущей волной антисемитизма в нашей стране...»*.

Описанные методы вызывают массовую истерию не только среди еврейства и подлизывающихся к нему политиков; другой вид массовой истерии культивируется в среде честных, но мало осведомленных «либералов», страсть которых пылать благородным негодованием легко доводит их до самообвинения: примером тому – покойный Джордж Оруэлл. Он был честным человеком, потому что не только призывал других идти на помощь угнетенным и мстить за несправедливость, но сам пошел воевать, когда началась гражданская война в Испании (разумеется, на стороне «красных»). Там он своими глазами увидел, что коммунизм много хуже того, с чем он боролся. Оруэлл умер прежде, чем он смог поехать в Палестину, где он увидел бы истинную суть вещей, а поэтому всё, что он писал об «антисемитизме», было просто отголоском всеобщей «анти-диффамационной истерии». Его пример настолько характерен, что заслуживает подробного комментария: здесь честный человек повторяет чужие слова, искренне веря, что он выдумал их сам. Оруэлл занялся расследованием «антисемитизма в Англии» (в 1945 г.) и нашел «заметные антисемитские черты у Чосера»⁹. Современные нам писатели Беллок и Дж.К. Честертон были, оказывается, «литературными жидоедами». Он обнаружил также места у Шекспира, Смолетта, Теккерея, Бернарда Шоу, Т.С. Эллиота, Олдоса Хаксли и других, *«которые, будучи написаны теперь, были бы заклеены как антисемитизм»* (сам того не подозревая, он высказал сухую правду: будь они написаны теперь, их бы наверняка «заклеймили»). Но затем ему не повезло со следующим ляпсусом: *«вообще я могу назвать только двух английских писателей, которые до прихода Гитлера защищали евреев – это Диккенс и Чарльз Рид»*. Так Оруэлл возвел в защитники еврейства одного из тех, кого АДЛ ославила как жидоеда: из-за малопочтенного образа еврейскою жулика Фейгина фильм «Оливер Твист» был в США запрещен, что было делом рук АДЛ, представитель которой, Арнольд Форстер, писал:

«Американские кинопрокатные фирмы отказались передать фильм кинотеатрам после того, как АДЛ выразил опасение, что он может принести вред: фирма *Rank Organisation* изъяла фильм из обращения и Соединенных Штатах».

Впоследствии, после «семидесяти двух вырезок» со стороны цензуры АДЛ, фильм был допущен к демонстрации со специальным введением для зрителей, что речь идет о «постановке по Диккенсу без его антисемитских тенденций» (в оккупированном Берлине запрет фильма был окончательным: английские власти распорядились не показывать Диккенса немцам).

Автор был в это время в Америке и мог наблюдать, как осуществилось его предсказание, сделанное в 1943 году, когда он писал в одной из своих книг, что в результате тайной цензуры Чосер, Шекспир и Диккенс будут в один прекрасный день заклеены как «антисемиты». Автор в свое время нарочито преувеличивал, желая подчеркнуть наличие неофициальной цензуры; однако факты оправдали его предсказания во всех трех случаях: постановщику Шекспира в Нью-

⁹ Джеффри Чосер (Geoffrey Chaucer, 1343–1400) – величайший поэт средневековой Англии – писал в своих «Кантерберийских рассказах» о еврейских ритуальных убийствах христианских детей как об общеизвестном в ту эпоху, неоднократно установленном факте, в частности об убийстве евреями с ритуальной целью восьмилетнего мальчика Гуго (Hugh) в г. Линкольне в 1255 г., причисленного впоследствии церковью, после тщательного расследования всех подробностей дела, к лику святых. – *Прим. издателей.*

Йорке было предложено не ставить «Венецианского купца», Диккенс подвергся запрету, а Чосер был занесен в черный список.

Частная организация, способная достигать таких результатов, явно всесильна: ничего подобного этому в мире никогда еще не существовало. Писатель Винсент Шиан (Vincent Sheean, см. библиографию) писал в 1949 году:

«В Америке не слышно голосов, которые посмели бы сказать что-либо в защиту прав арабов, любых их прав: малейшая критика сионистского руководства немедленно клеймится как антисемитизм».

Известная журналистка Дороти Томпсон, чьи статьи и портреты в те годы ежедневно печатались в сотнях газет, также вздумала было заявить аналогичный протест в пользу арабов. В результате популярность Шиана среди рецензентов резко упала, а портреты и статьи Дороти Томпсон редко кто увидит сейчас в газетах.

Как мы дошли до жизни такой? Какими средствами довели Америку (и весь Запад) до такого состояния, когда ни один политик не займет важного места и ни один издатель не будет чувствовать себя спокойным за своим столом, пока они не постелят коврика и распластуются на полу, выразив покорность Сиону? Как довели президентов и премьер-министров до соперничанья друг перед другом за благосклонность незначительной группы лиц, как шаферы соперничают между собой за букет невесты? Почему руководящие политики терпят, чтобы ими козыряли, как свадебными генералами, на банкетах по сто долларов за прибор в пользу Сиона, или собирали их на сцене для вручения медалей за услуги сионистам?

Власть денег несомненно велика, а погоня за голосами избирателей явно играет немалую роль, однако сильнейшим оружием в руках сионистов является, по мнению автора, их контроль над всеми средствами информации. Они могут выпятить и распропагандировать всё, что им выгодно, и исключить, замолчав, всё, чего они не желают, создав таким путем для любого избранного ими лица «хорошую» или «плохую» прессу. Фактически это является полным контролем общества, а на жаргоне сегодняшнего дня это называется «техникой пропаганды и подхода к массам». Это выражение принадлежит доктору Вейцману, но за ним скрыто древнее азиатское умение, о котором, по известному нам поводу, писали евангелисты св. Марк и св. Матфей: «Первосвященники и старейшины убедили толпу... Первосвященники побудили народ...».

За 40 лет своего существования¹⁰ АДЛ довела технику «убеждения» масс до абсолютного совершенства. Это – метод промывания мозгов, которого масса не сознает, и он дает громадные возможности задушить всякий голос оппозиции. Одним из первых пострадавших был председатель комитета Конгресса США по надзору за подрывной деятельностью против государства (т.н. Комитет по расследованию антиамериканской деятельности). Уже в «Протоколах» говорилось (в 1902 г.), что национальным государствам не позволено будет преследовать антигосударственную подрывную деятельность как уголовное преступление, и это «предсказание» неизвестных нам «мудрецов» также оказалось сбывшимся. Первый председатель этого Комитета, Мартин Дайс, уведомил своих сотрудников, что тайная инквизиция требовала от него ограничить определение подрывной деятельности одним только «фашизмом», приравняв этот последний к «антисемитизму». Другими словами, по замыслу «мудрецов», любое противодействие разрушительному принципу было бы объявлено подрывной деятельностью, в то время как сам подрыв государственных основ оставался бы вне подозрений и не подлежал преследованию. Дайс отказался подчиниться приказу, и вскоре организованная кампания клеветы прикончила его политическую карьеру.

К концу войны АДЛ совместно с Американским Еврейским Комитетом *«решили осведомить американскую публику об опасности антисемитизма»*. Они сообщили американским евреям, что из каждых ста американцев 25 заражены антисемитизмом, и что 50 других могут также захватить эту «болезнь». К 1945 году была организована *«энергичная воспитательная кампания, охватившая всех мужчин, женщин и детей»* в Америке при помощи прессы, радио, рекламы, детских книг – комиксов, школьных учебников, лекций, фильмов, с поддержкой «церквей» и профсоюзов. Ее программа включала «219 ежедневных радиопередач», рекламные объявления на целую страницу в 397 газетах, пропаганду плакатами в 130 городах и «внушения», незаметно вкрапленные в печатные тексты на промокательной бумаге, спичечных коробках и конвертах. Вся американская пресса («1900 ежедневных газет с тиражом в 43'000'000»), а также провинциальные, негритянские и рабочие газеты, включая газеты на иностранных языках, систе-

¹⁰ Написано в 1955 г. – прим. перев.

матически снабжались материалом в форме «новостей, статей, карикатур и комиксов». Сверх того АДЛ разослала в 1945 г. «по библиотекам и другим учреждениям более 330 000 книг, пропагандировавших наши взгляды», снабдила множество авторов «материалом и полным сюжетом для их книг», и разослала девять миллионов брошюр «тщательно подготовленных с учетом нужд и уровня понимания адресатов». Самозванные воспитатели Америки нашли, что «странички юмора» особенно эффективны для промывания мозгов у молодежи, солдат, матросов и летчиков, разослав «миллионы экземпляров» пропаганды в этой форме. Организация, проводившая эту работу, состояла из главной квартиры на всю Америку, общественных комитетов в 150 городах, одиннадцати областных отделов, и насчитывала «2000 руководящих сотрудников в тысяче городов». Общественности осталось фактически неизвестным даже название организации, распространявшей такое обилие пропагандного материала. Начиная с 1940-х г., система т.н. «объединенных корреспондентов» (syndicated columnists), сидевших в Нью-Йорке и Вашингтоне, охватила всю американскую печать. Статья, написанная одним автором, ежедневно печаталась на столбцах тысяч газет; эта система привлекала издателей своей дешевизной, ибо им не нужно «было оплачивать собственных авторов». С помощью нескольких десятков тщательно подобранных журналистов (зарабатывавших, в свою очередь, при этой системе громадные деньги) можно было окрасить из одного центра весь поток информации в желаемый цвет (метод, также давно предсказанный в «Протоколах»). Так в Америке (как и в Англии) было выращено целое поколение, лишенное правдивой информации и независимой оценки о характере сионизма, его изначальной связи с коммунизмом, о проникновении чуждого элемента во всё гражданское управление, с полным подчинением ему руководящих «администраторов», и о прямой связи всего этого с тайным планом создания мирового сверх-правительства.

Сперва этот скрытый контроль встретил сильную оппозицию, однако в течение двух десятилетий она была постепенно уничтожена. Автор уже приводил примеры того, как это делалось в Англии. Применялись разные методы, включая скупку газет, но главную роль играло непрерывное организованное давление, при котором убеждение подкреплялось угрозами. В Америке любая газета, напечатавшая статью или комментарий, негодные АДЛ, неизбежно должна ожидать посещения представителей Лиги. Самой обычной угрозой является отказ помещать в данной газете объявления, что равносильно ее разорению; объявления же даются не самими заказчиками, а через специальные агентства, находящиеся почти без исключения в еврейских руках. Армия «объединенных корреспондентов» по указанию центра немедленно набрасывается на любого автора, журналиста или радиокомментатора, ставшего негодным. Многие из них поплатились карьерой, потеряв издателей или свое место в радиокомпании; за примерами ходить не далеко. В 1950 году газета «Chicago Tribune» опубликовала статью видного сотрудника государственного департамента (м-во иностранных дел США), по мнению которой Соединенными Штатами управляло «тайное правительство», состоявшее из трех членов узкого круга покойного президента Рузвельта, названных по имени: Генри Моргентау (б. министр финансов), верховный судья Феликс Франкфуртер и сенатор Герберт Лейман. Слово «еврей» сказано не было; статья выражала мнение высокого государственного чиновника по вопросу, который он считал имеющим первостепенное государственное значение. Она вызвала большое беспокойство в сионистской и еврейской печати во всем мире (по понятным причинам лишь немногие из нееврейских газет обратили на нее должное внимание). Автор этих строк был тогда в Южной Африке, но предвидел, что должно было произойти, и смог, по своему очередном приезде в Америку, убедиться в правильности своих предположений; газета «Chicago Tribune» осаждалась со стороны АДЛ настойчивыми требованиями опровержения статьи и принесения официальных извинений. Ни того, ни другого в данном случае не последовало: газета была последним из могикан тех времен, когда печать еще была относительно свободной. В качестве любопытной детали можно отметить, что автор «антисемитской» статьи, незадолго до ее появления, пытался освободить из заключения, взяв на поруки, еврея, приговоренного к пожизненному наказанию за убийство, считая, что его вина была уже достаточно искуплена. Ярлык «антисемита» оказался, тем не менее, прочно приклеенным.

Даже приведенные выше данные о бюджете, штатах и деятельности Лиги неспособны показать, насколько велика власть этой вездесущей организации. Автор сам не поверил бы, пока не убедился воочию, что столь мощная группа способна почти невидимо действовать в государстве, номинально управляемом президентом и Конгрессом. Ее многочисленные отделы и подотделы – лишь центры обширной сети сотрудников и агентов, ее аппарат столь же эффек-

тивен и всевидящ, как НКВД в порабощенной России или Гестапо в нацистской Германии, в чем автору пришлось убедиться на собственном опыте.

Будучи довольно малозаметной личностью, автор был в 1949 г., когда он приехал в Америку, почти незнаком американской общественности, поскольку публикация большей части его книг была предотвращена в США методами, описанными выше. С момента его приезда АДЛ, однако, следила за ним, подобно коршуну, и на этом ему впервые пришлось убедиться в ее активности и бдительности, хотя до того он не в состоянии был себе представить, что она действительно способна следить за каждым воробьем на каждой крыше. Знакомый американец, читавший некоторые из книг автора, познакомил его со своим коллегой, а этот последний, в свою очередь, пригласил его к обеду, на котором присутствовало третье лицо, представленное хозяином, как «мой кузен». Кузен оказался весьма занятой личностью; только годом спустя автор узнал, что это был руководитель нью-йоркского отдела АДЛ, и что встреча и обед были устроены по его инициативе. Таким путем часто добываются материалы для «личного дела» и будущей клеветы. В 1956 г. АДЛ опубликовала целый сборник под заглавием «Против течения», представив его как «книгу об использовании антисемитизма в качестве политического оружия». Книга была полна нападок на «антисемитов» и содержала многочисленные выдержки из частных писем и разговоров поименованных лиц. Рецензент этого произведения в «Нью-Йорк Тайме», хотя и явно ему симпатизируя (какой сотрудник этой газеты мог бы быть против?), всё же вынужден был отметить, что

«авторы не раскрывают секрета, как они получили все эти любопытные сведения..., умолчание об источниках информации – главная слабость сборника, и она особо существенна там, где цитируются частные разговоры».

Кто были эти расспрашивавшие, задавал вопрос рецензент, и как они подходили к своему делу? Автор этих строк мог бы без труда дать ему ответ, и читателю посланной книги он также известен. Разговор автора с «кузеном», выдававшим себя за ярого антисемита,¹¹ материала для сборника не доставил, и причина этого небезынтересна. Под конец оживленного вечера «кузен» вдруг спросил автора, насколько сильно, по его мнению, распространен антисемитизм в Соединенных Штатах? Автор ответил, что, объехав в свои предыдущие приезды более тридцати из 48 штатов Америки и встретив тысячи людей, он ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь произнес слово «еврей». Если бы он знал, кем «кузен» был в действительности, он дал бы тот же самый ответ, потому что это было правдой.

Встреча с «кузеном» состоялась через несколько дней по приезде автора в США и с того момента АДЛ знала о каждом его шаге. Она знала о книге, которую он писал в то время, а когда она была готова к печати, «кузен» встретился с издателем одной из прежних книг автора и в упор спросил его, не собирается ли он издавать и эту. Издатель был человеком осторожным и ответил отрицательно. Три года спустя, когда в 1952 году упомянутая книга вышла в Англии, голливудский журнал Американского Легиона¹² опубликовал отрывки из нее, общим числом в 500 слов (две страницы). АДЛ немедленно потребовала, чтобы командор Легиона в Голливуде публично отмежевался от напечатанного. Командор направил АДЛ к редактору журнала. Ничего неточного или неправильного в цитируемой книге приведено не было, «представители» просто объявили, ее «антисемитской». Редактор отказался опровергать что-либо, пока не будут доказаны фактические неправильности в тексте или приведены серьезные доводы, и подал в отставку после того как командор, игнорируя его мнение, опубликовал знакомые в подобных случаях «извинения» перед лицом угрозы, что «все евреи» будут бойкотировать голливудский стадион, содержащийся и построенный Легионом. Уходя, редактор заявил, что всё это только подтверждает правду написанного в книге. Извинение командору не помогло, ибо Американская Широковещательная Компания (American Broadcasting Company, ABC), охватывающая всю страну и передававшая по телевидению соревнования и митинги на стадионе, немедленно заявила о расторжении контракта с Легионом и о том, что она отныне будет передавать программы его конкурентов. Потрясенный командор смог лишь заявить, что «всё это было для меня ужасным ударом».

Когда в 1951 году автор снова посетил Америку, другой его знакомый, охотно читавший его книги, посоветовал писать для американских газет, не поверив тому, что он услышал в ответ.

¹¹ Чем не чекистский приём? – прим. перев.

¹² Известная патриотическая организация в США. – прим. перев.

Он возразил, что один хорошо знакомый ему орган рад будет напечатать статью на одну из злободневных в то время тем (не о сионизме), и написал письмо издателю. Он был немало удивлен, получив ответ, что печатать что бы то ни было из-под пера автора этих строк было «*verboden*»¹³, а когда он предложил печатать без упоминания имени автора, то ему сказали, что и это не поможет: «*В нашей редакции наверняка сидит сотрудник АДЛ*» (письмо хранится у автора этих строк). Другой знакомый, владелец большого книготоргового концерна, дал распоряжение своей конторе выписать из Канады одну из книг автора, и вскоре получил ответ, что оптовый книготорговец в Торонто в настоящее время этой книги не может достать. Автор навел справки сам, причем выяснилось, что никакого заказа на книгу в Торонто вообще не было получено. Знакомый автора взялся лично за расследование этой истории, но так и не мог докопаться, кто в его собственной фирме перехватывает заказы, сказав под конец, что теперь ему ясно, что «мои книги на индексе».

Читателю достаточно умножить эти несколько примеров из личного опыта одного лица, чтобы распознать действие подобной системы на общий поток информации, достигающий широких масс. Народы западных стран полностью лишены правдивой информации о жизненно важных вопросах их настоящего и будущего, и делает это (как их в этом ежедневно заверяют) «самая свободная пресса в мире». Другим методом АДЛ, чтобы держать евреев в состоянии массовой истерии, а не-евреев в неведении, является работа агентов-провокаторов, ложных «антисемитов» (подобно упомянутому выше «кузену»). Частью этого метода служит распространение заведомо ложных «документов», разоблачающих «мировой заговор» и обычно приписываемых какому-либо мифическому собранию раввинов. Любой серьезный исследователь талмудистскою предприятия, легко доказуемого на основании подлинных текстов Талмуда, легко может распознать эти фальшивки, – однако, много ли таких знатоков среди широкой публики? Один из «почитателей» недавно прислал автору «документ», обнаруженный, по его словам, в потайном ящике старого семейного комода, не открывавшегося в течение ста лет. Автор отдал бумагу на исследование, запросив после этого своего корреспондента, каким образом его давно покойному дедушке удалось получить бумагу производства 1940 года. Переписка на этом закончилась.

Известен случай, когда сама «Анти-Диффамационная Лига» вынуждена была признать использование ей фиктивного «антисемита». В США после войны подвизался плодовитый писатель книг против антисемитизма, армянин по рождению, некий Аветис Богос Деруньян, хорошо известный под одним из своих псевдонимов, как Джон Рой Карлсон. По поводу одной из его книг, опубликованной во время войны, в которой он нападал на более, чем 700 лиц, он несколько раз привлекался к суду за клевету, и судья, присуждая денежную компенсацию, заявил следующее:

«Эта книга написана совершенно безответственной личностью, готовой ради денег утверждать всё, что угодно: я не поверил бы ни одному его слову ни под присягой, ни без нее; эта книга напечатана издателем, который также за деньги готов печатать всё, что угодно».

В ноябре 1952 года хорошо известный американский заграничный корреспондент Рэй Брок уличил Карлсона в радиоинтервью с ним в том, что он в прошлом издавал «*злой антисемитский листок под заголовком «Защитник христианства»*». Отрицать было невозможно, поскольку этот факт был общеизвестен, и Карлсону не оставалось иного, как заявить, что он делал это из одобрения «Анти-Диффамационной Лиги». Модератор интервью, в свою очередь, сообщил, что в ответ на его запрос Лига подтвердила этот факт (отрицать его Лига также не могла, ибо она еще в 1947 году признала в газете «*Chicago Tribune*», что Карлсон был у нее на службе с 1939 по 1941 год и что она «была вполне довольна его работой»).

То, что подобный субъект смог в 1951 г. опубликовать еще одну книгу с нападками на «антисемитов», и что она была расхвалена ведущими нью-йоркскими газетами (несмотря на приведенный выше комментарий суда), говорит о громадной перемене в жизни Америки, которой сумела добиться АДЛ со времени Первой мировой войны. Паутина, в центре которой сидит АДЛ, распространилась на другие англо-саксонские страны, так что в настоящее время ни один писатель не может отделаться от этих пут. Приведем еще несколько примеров из личного опыта:

¹³ В английском оригинале стоит это хорошо знакомое в англо-саксонском мире немецкое слово – *прим. перев.*

В марте 1952 года газета «Truth» (в то время бывшая еще независимой) сообщила, что Канадский Еврейский Конгресс (Canadian Jewish Congress) потребовал от одного канадского книготорговца убрать книгу автора этих строк со своих полок. Посетив Канаду позже в том же году, автор убедился, что такому же давлению подверглись все канадские книготорговцы, многим из которых пришлось подчиниться. В то же время в одном сионистском журнале в Южной Африке стояло черным по белому: *«До тех пор, пока расовые группы не будут защищены законом, ни один книжный магазин не имеет права объявлять, что он продает книги... вроде некоторых книг Дугласа Рида»*; проведя впоследствии некоторое время в Южной Африке, автор нашел, что и там ситуация ничем не отличалась от канадской. «Расовая защита», о которой идет речь в приведенной цитате, заключается в продиктованной сионистами т.н. «Конвенции о геноциде» Объединенных Наций, одна из статей которой предписывает уголовное преследование за любое высказывание, могущее нанести «душевный вред» кому бы то ни было: если эта статья будет навязана миру в ходе следующей войны, то политическая цензура АДЛ станет постоянным и всемирным становлением.¹⁴ Автору еще не случалось бывать в Австралии, но он не сомневается, что и там в книжных магазинах действует та же тайная цензура, что и в Канаде и Южной Африке. Во всяком случае, в то же самое время один австралийский сенатор, которого автор не знал даже по имени, нападая на «антисемитскую» организацию, о которой он тоже никогда еще не слышал, утверждал, что эта организация была в тесной связи с автором; австралийские газеты опубликовали это клеветническое сообщение, но печатать опровержение отказались. В эти же годы автор получил многочисленные сообщения от своих читателей, что главный библиотекарь большой Торонтской читальни наклеил на обложку его книг соответственное «предупреждение» читателям; никакие протесты не помогли.

Так всеми этими методами между читающей публикой и важной для нее информацией был спущен непроницаемый занавес. Рядовые граждане оказались в том же идейном плену, что и ведущие политики. Незавоеванной оставалась лишь одна позиция, расположенная между закабаленными политиками и слепой и обманутой толпой. Это был тот класс, на который больше всего жаловался в свое время доктор Вейцман: штатные государственные служащие, профессионалы и специалисты своего дела. С самого начала именно отсюда шло наиболее упорное сопротивление наступавшему сионизму (помимо *«внешних влияний, исключительно с еврейской стороны»*, на что особенно жаловался Вейцман). Почти невозможно подкупить независимых ни от каких выборов государственных служащих, профессиональных чиновников или военных, специалистов по иностранным делам. Эти несменяемые служащие чувствуют себя независимой и нераздельной частью народа, которому они служат. Профессиональный военный инстинктивно чувствует, что нация и его долг – одно и то же, и отшатывается при мысли, что военные операции могли бы служить каким-то иным, скрытым целям. Специалист в какой-либо области не в состоянии приравливать свой опыт и знания ко вкусам партийных политиков, – столь же мало, как хорошего мастера не уговорить изготовить часы, идущие в обратном направлении. Фактически

¹⁴ «Конвенция о геноциде» была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Ее инициатор и автор – американский адвокат, польский еврей Рафаил Лемкин. Конвенция не распространяется на массовые убийства по политическим мотивам (!), однако предусматривает уголовное преследование за действия или высказывания, *«могущие причинить физический или душевный вред»* членам национальных или иных групп. В течение 37 лет Конгресс США отказывался ратифицировать эту конвенцию. Ее противники аргументировали тем, что конвенция, не преследуя ни коммунистического уничтожения целых социальных, религиозных или национальных групп, ни фактического арабского геноцида в Израиле, легализует политическую цензуру со стороны любого организованного меньшинства, заинтересованного в подавлении неугодных ему взглядов. В Швеции, где конвенция уже принята, историк Д. Фельдерер был приговорен к тюремному заключению и помещен в психиатрическую лечебницу (!) за развенчание «мифа о шести миллионах» евреев, якобы уничтоженных в газовых камерах во время войны, и «дневника Анны Франк», большая часть которого написана шариковым пером, впервые появившимся в продаже в 1952 г., т.е. через 10 лет после того, как он якобы был написан еврейской девочкой в Амстердаме. Суд не выразил сомнений в содержании книг Фельдерера, но установил, что оно способно причинить «душевный вред» евреям.

АДЛ отнюдь не намерена дожидаться «третьей войны», чтобы добиться ратификации конвенции в США: ее принятие в сенате США в октябре 1984 г. смогло быть предотвращено только угрозой группы сенаторов начать обструкцию ее обсуждения с помощью т.н. «флибустеринг», т.е. нескончаемых выступлений одного лица или группы лиц (американский рекорд: 22 часа подряд одним оратором, в 1953 г.). Ратификация была еще раз отложена, но в американских политических кругах не сомневаются, что еврейским лобби обеспечено достаточное количество голосов для ее принятия. – *Прим. издателей.*

лишь полный и окончательный захват всей государственной власти, включающий право увольнения со службы, профессиональной дисквалификации и, наконец, ареста и уголовного преследования в состоянии полностью преодолеть сопротивление чиновников, профессионалов и специалистов тому, что они находят противоречащим их служебному долгу. По мнению автора этих строк, АДЛ систематически подготавливает такое положение, и уже сделала однажды решительные шаги к его достижению, а именно, в 1943 году.

Руководство этой организации, судя по всему, сознает, что наиболее подходящим моментом для достижения ее целей является последняя стадия большой войны и самое первое время по ее окончании. В начале войны втянутые в нее массы борются за внушенные им ее светлые идеалы; после периода некоторого смущения вслед за окончанием войны, положение несколько проясняется, и они начинают задавать вопросы, за что они, собственно, воевали и что в действительности оказалось достигнутым под прикрытием военных действий. Если скрытые цели закулисных махинаций к этому времени еще не будут достигнуты, момент окажется упущенным. В первую войну ее скрытые цели были достигнуты в период 1916–1922 гг. (отнюдь не в 1914–18 гг.), а во второй войне – между 1942 и 1948 гг. (опять таки, не в период 1939–45 гг.). Если нам суждено будет дожидаться начала третьей мировой войны, скажем в 1965 г., и она будет продолжаться до 1970 г., причем целью ее будет, разумеется, «борьба с коммунизмом» и его уничтожение, то последний рывок к достижению окончательных целей мирового сионизма и созданию коммунизированного всемирного сверх-государства будет сделан в период наибольшего политического смущения всех мозгов, скажем в 1968–74 гг.¹⁵

Попытка окончательно подчинить себе всё гражданское управление США была сделана в 1943 г., на четвертом году войны, и частично разоблачена лишь благодаря случайности в 1947 г., когда военный и послевоенный туман начал рассеиваться. Целью было поставить между американским народом и его правительственным аппаратом преграду в виде клеветнического черного списка, который закрыл бы доступ в этот аппарат людям патриотического долга, широко открыв его проверенным агентам антиамериканского заговора. Составленные в тот период черные списки росли столь быстро, что вскоре охватили бы буквально всех граждан Соединенных

¹⁵ Внимание русских читателей книги Дугласа Рида следует обратить на прозрение автором вероятных целей возможной третьей войны. Вспомним его указание (в 27-ой главе настоящей книги о «Протоколах»), что в нашем веке крик об «антисемитизме» по адресу того или иного государства указывает будущего противника в очередной войне, целью которой должно быть его уничтожение. Всемирная антигерманская кампания, начиная с 1933 г., т.е. задолго до Нюрнбергских законов и «кристальной ночи», еще свежа в памяти современников: не иначе, разумеется, следует рассматривать и крик о «погромах» в России задолго до начала Первой мировой войны.

Роли в Первой мировой войне были распределены заранее: лидер польских социалистов Пилсудский, принадлежавший к небольшому кругу посвященных, в январе 1914 г. предсказал, делая доклад перед группой международных революционеров в зале Географического общества в Париже, «скорую австро-русскую войну из-за Балкан»: за Австрией встанет Германия, а за Россией – Франция и Англия; Россия будет разбита немцами, а центральные державы будут затем побеждены коалицией Франции, Англии и Америки. Радостное восклицание Ллойд Джорджа при известии о февральском перевороте в Петрограде – «главная цель войны достигнута!» – получает в связи с вышеизложенным любопытное освещение.

Дуглас Рид предвидел в 1950-х годах вещи, о которых тогда еще трудно было догадываться. В наши дни в США время от времени раздаются голоса специалистов о том, что «угроза со стороны советского атомного потенциала нарочито преувеличивается, и что Америка обладает в этой области неизмеримым превосходством. Усовершенствование оружия, действующего в мировом пространстве, в ближайшем будущем должно сделать США неуязвимыми как против (маловероятного) «первого удара», так и против любого «ответного удара», в силу чего американские ядерные ракеты смогут безнаказанно физически уничтожить все 280-миллионное население России. На вопрос рядового современника, зачем это могло бы быть нужным Америке, Дуглас Рид, если бы он дожил до наших дней, вероятно ответил бы, что американцам это, разумеется, ни к чему, но в свете учений Талмуда и плана «Протоколов» такое «окончательное решение вопроса» представляется не только желательным, но даже и богоугодным: всё же научное исследование и производство атомного оружия находится в США, со времен Баруха, в еврейских руках (см, примечание к главе 46). Комментарии мировой печати на тему о «советском антисемитизме» приобретают в связи с этим также новое освещение, хотя этот антисемитизм выражается главным образом в том, что одним только евреям разрешается беспрепятственный выезд из СССР.

Размышления покойного Дугласа Рида о возможной третьей мировой войне уже в 1965–70 г.г. читатель может разумеется, приложить к любой иной дате нашего времени, точно не известной никому, кроме тех, кто уже в январе 1914 г. знал о «скорой австро-русской войне из-за Балкан», или кто, как Макс Нордау, предсказал эту войну уже в 1903 г. (см. главу 26 о «Ереси доктора Герцля»). – *Прим. издателей.*

Штатов, чья служба в аппарате управления страной была нежелательна ее тайным правителям. Клеветнические списки АДЛ с собранными в них диффамирующими данными находились в процессе включения их в официальные данные личных столов и отделов кадров всей гражданской службы США. Эти списки легко могли в будущем стать основой для массовых арестов при удобном случае, как подобные же списки тайной полиции Геринга стали основой для устранения политических противников режима в Германии после поджога Рейхстага. Никто в Америке, ни тогда, ни до сего времени, не знал и всё еще не знает, как далеко зашла подготовка фактического государственного переворота в стране.

Уже упоминавшийся нами Мартин Дайс охарактеризовал в свое время лигу АДЛ, составившую эти списки, как

«террористическую организацию, использующую все свои средства не для защиты доброго имени евреев, а для насильственного принуждения и подчинения (*неевреев*) своим целям с помощью террористических методов; это – лига диффамации и клеветы».

(В 1956 г., однако, президент Эйзенхауэр направил ежегодному съезду АДЛ хвалебное послание, отмечая заслуги этой организации в деле *«напоминания нашему народу, что высокие религиозные принципы должны прилагаться во всех отраслях общественной жизни»*).

Характеристика Дайса полностью подтвердилась разоблачениями т.н. «Подкомитета по расследованию гражданского управления», специально назначенного Бюджетным комитетом палаты представителей США и заседавшего три дня, 3-го, 6-го и 7-го октября 1947 г. под председательством депутата Конгресса от штата Мичиган Клера Э. Гофмана. И на этот раз расследование было обязано инициативе и усилиям отдельных лиц; правительственные инстанции всеми силами старались его сорвать. Неизвестный нам государственный служащий как-то заметил тайные махинации, поставив нескольких депутатов Конгресса в известность о том, что черные списки «нежелательных» лиц постепенно вводятся в дела и картотеки гражданской службы. Вероятно, даже и это не возымело бы никаких последствий, не узнай депутаты, что их собственные имена стоят в списках! Все возможности контроля и проверки были за долгие годы правления Рузвельта настолько урезаны, что даже и в этом случае расследование могло быть проведено исключительно на основании «употребления не по назначению отпущенных Конгрессом средств» (отсюда и формальное вмешательство Бюджетного комитета Конгресса США).

В результате расследования, предшествовавшего трехдневному заседанию Подкомитета, около сотни американских депутатов Конгресса и сенаторов узнали, что они (а во многих случаях даже и их жены) значатся как «нацисты» в списках департамента Гражданского управления.¹⁶ Им удалось получить фотокопии карточек с записями о них из картотек Гражданского управления с пометкой, что порочившие их сведения были

«взяты из списков подрывных личностей», составленных названной по имени еврейской адвокатской (*частной*) фирмой. В примечаниях значилось далее, что эти списки составлены в сотрудничестве с Американским еврейским комитетом и с Анти-Диффамационной Лигой: источники сообщаемых данных не подлежат рассмотрению ни при каких обстоятельствах, однако дальнейшие данные могут быть получены...»

(следовало название еврейской адвокатской фирмы).

Судебной повесткой в Подкомитет был вызван старший чиновник департамента Гражданской службы США, в обязанности которого входила проверка кандидатов на замещение должностей в гражданских ведомствах. Он показал, что списки, о которых шла речь, были так засекречены, что он сам ранее не имел понятия об их существовании (очевидно, до получения повестки с вызовом). До тех пор ему были известны лишь обычные списки департамента, в которых были занесены лица, по тем или иным официально установленным причинам не подлежавшие приему на службу в случае подачи ими об этом заявления. Проведенной им проверкой было затем установлено, что в засекреченных списках содержались «750 000 карточек», заготовленных в нью-йоркском отделении департамента (в то время, как Главное управление департамента находилось в Вашингтоне) и что копии этих карточек были разосланы и включены в дела всех местных отделений департамента Гражданской службы на всей территории США. Он

¹⁶ Соответствует русскому, дореволюционному Министерству внутренних дел, ведавшему назначениями чиновников, вплоть до губернаторов, в государственном аппарате, – *прим. перев.*

заявил Подкомитету, что он не имеет права представить самих засекреченных списков; это могут сделать лишь трое главных уполномоченных Гражданской службы (фактические руководители всей Гражданской службы, подчиненные непосредственно президенту Соединенных Штатов).

Тогда Подкомитет вызвал, также судебной повесткой, всех трех главных уполномоченных – это были г-да Митчелл и Флеминг, и некая мисс Пекине. Они отказались представить списки, заявив, что на это существует запрещение президента (засекреченные списки были составлены при Рузвельте, но запрет их показывать был сделан президентом Труманом). На что председатель Подкомитета Гофман ответил: Я впервые слышу признание того, что в нашей стране существует Гестапо». Главные уполномоченные не нашли нужным протестовать против такого заявления, после чего Гофман задал им вопрос, были ли занесены в черный список также и лица, не собравшиеся еще подавать заявление о приеме на гражданскую службу. Митчелл подтвердил, что и это также имело место, признав тем самым, что поле действия черных списков было неограниченным. Гофман уточнил: «другими словами, это не имеет отношения к конкретным делам лиц, подающих заявления о приеме их на государственную службу?» Митчелл подтвердил и это. «Таким образом» – продолжал Гофман – «вы претендуете на право заносить в ваши списки всех и каждого в нашей стране?» с чем все трое главных уполномоченных молчаливо согласились.

Расследованием было установлено, что в одном лишь июне–июле 1943 г. (т.е. в период наибольшего смущения и политической неразберихи во время большой войны) к засекреченным спискам было добавлено 487 033 карточки, над чем работали десятки служащих. Один из присутствовавших депутатов Конгресса напомнил главным уполномоченным, что именно в 1943 г., когда заполнялись эти карточки, департамент Гражданской службы категорически запретил служащим отделов кадров задавать подателям заявлений вопросы об их принадлежности к коммунистическим организациям (таково было общее правило, введенное Рузвельтом). Главные уполномоченные всеми силами старались избежать обсуждения в Подкомитете роли АДЛ в этом деле, повторно уклоняясь от ответа на вопросы по этому поводу.

Официальный отчет о расследованиях и заседаниях Подкомитета по расследованию гражданского управления, столь сенсационный с точки зрения существовавших до тех пор официальных моральных правил, ясно показал, что АДЛ имела полную возможность скрытно заполнить картотеки государственных учреждений порочащими данными о сотнях тысяч лиц, которые в подходящий момент легко могли быть превращены в полицейские досье, охватывающие всё население страны. Не могло подлежать сомнению, что налицо была попытка захватить полный контроль над государственным аппаратом Гражданского управления и превратить добросовестное исполнение долга и лояльность по отношению к государству в дисквалифицирующий признак, влекущий за собой увольнение или не допускающий приема на службу. Никаких обязательств и гарантий устранить обнаруженные злоупотребления от ответственных лиц получено не было, в силу чего всё это публичное расследование можно сравнить с хирургическим вскрытием, при котором врачи, обнаружив злокачественную опухоль в непосредственной близости от жизненно важного органа, объявили бы, что им запрещено ее удалять, и снова зашили бы тело больного. В результате установленное скандальное положение продолжает существовать до сего дня.

Какое употребление могло быть сделано из наличия подобных засекреченных черных списков, охватывающих всю страну, иллюстрируется несколькими странными происшествиями в 1951 и 1952 г.г., когда воинские части неожиданно занимали небольшие города в штатах Калифорния, Нью-Йорк и Техас, «оккупируя» их от имени то «Организации Объединенных Наций», то «военного командования». Солдаты занимали городские управы, полицейские участки и телефонные станции: бургомистры, городские служащие и просто частные лица арестовывались; группы «врагов», переодетых кем-то в «фашистские» военные формы, водились под конвоем по улицам: военно-полевые суды выносили приговоры и «осужденных» немедленно сажали в устроенные с неожиданной быстротой концлагеря; плакаты на стенах домов угрожали «сопротивляющимся» и «заговорщикам» суровыми наказаниями, и т.д. Весь этот спектакль был очень похож на репетицию того, чему мир может стать свидетелем в период политической сумятицы в будущей третьей войне, если «Лига принуждения к миру» в третий раз протянет руку к мировому владычеству. И в описанном случае возмущенные граждане не в состоянии были установить, кем всё это было приказано. Официальный представитель военного министерства, полковник из Пентагона, будучи прижатым к стенке одним из напористых частных расследователей, не получил разрешения сказать больше, чем это дело «имело местное и политическое значение, не подчиненное контролю военных». Это указывало на президента, правительство и Госдепарта-

мент как инициаторов происшедшего, однако все эти инстанции хранили такое же молчание, как и скупые на разъяснения главные уполномоченные департамента Гражданской службы в 1947 г.

Под конец Второй мировой войны это тайное вторжение, во всех его формах, в государственный аппарат США, настолько нарушило его внутреннюю структуру, что в случае третьей мировой войны внешний облик американской республики, знакомый миру в течение последних двухсот лет, неизбежно должен будет претерпеть существенные изменения. Инстинктивная борьба коренного населения страны за сохранение самих себя и своих традиций от узурпации власти чуждым элементом, истинный характер которого ему не позволено распознать, терпела одно поражение за другим. Его сопротивление усилилось по окончании истерии военного времени, и некоторые бреши в стенах американской демократии удалось заделать, однако остались опасные слабые места, которые неизбежно скажутся в трудный период новой войны, приближение которой ежедневно вдалбливается в умы народной массы политиками и контролируемой чуждыми силами печатью.

Начиная с 1943 года главная опасность для Американской республики заключается не столько во вражеских авиации и флотах, сколько в расшатанных основах ее национальной жизни.

Глава 41. Революция распространяется

Вторая мировая война следовала гораздо ближе, чем первая, плану, намеченному «Протоколами» уже в 1902 г. Вовлеченные в войну массы людей несли разрушение, гибель и месть друг другу не ради собственного спасения, а для дальнейших успехов тайного плана порабощения человечества под властью деспотического «мирового правительства». Цели войны, провозглашенные при ее начале («свобода», уничтожение «милитаризма», «нацизма», «фашизма», «тоталитарных диктатур» и т.д.) достигнуты не были; наоборот, территории, где господствовало тоталитарное рабство, значительно расширились.

Ленин писал в свое время:

«Мировая война (1914–1918 г.г.) приведет к установлению коммунизма в России; вторая война распространит его контроль на всю Европу, третья мировая война будет нужна для победы коммунизма во всем мире».

Центральная фраза этого предсказания была подтверждена результатом Второй войны: революция продвинула свои границы до середины Европы, к этим получила возможность взять под свой военный контроль всю Европу, по крайней мере к началу любой третьей войны. Во время последней войны «премьеры-диктаторы», никому об этом официально не объявляя, создали постоянную должность «Верховного союзного главнокомандующего»; в 1956 году американский генерал Грюнтер, занимавший этот пост, заявил в интервью западно-германской газете: *«Если дело вообще дойдет до сухопутной войны, то мы конечно недостаточно сильны, чтобы удержать настоящую линию фронта в Европе».*

К 1956 году западные народы были приучены почти ежедневными напоминаниями своих руководителей к мысли, что война с «Россией» неизбежна. К этому вела непрерывная цепь предыдущих событий: третья война становилась неизбежной из-за тех результатов, к которым привела вторая. Последние, в свою очередь, были достигнуты тем, что государственная политика и военные операции западных держав были переключены на разрушение национальных государств и всеобщее порабощение, а осуществление этих тайных целей стало возможным благодаря тому, что в прошлой главе было описано как «захват Америки», сила и богатство США решили исход Второй мировой войны, но они были использованы так, что угроза третьей войны стала постоянной. Так история американского участия во Второй войне показала силу «чужеземной группы», захватившей власть в Вашингтоне, и придала современную реальность прощальной речи Джорджа Вашингтона, который в свое время сказал следующее:

«Против коварных чужеземных влияний заклинаю вас верить мне, мои сограждане, что свободные люди должны ревниво сохранять свою бдительность, ибо история и опыт показывают, что чужеземное влияние – смертельный враг республиканского правления».

Это было сказано в 1796 г., когда режим террора во Франции показал истинный характер революции, и когда впервые агенты этого заговора были обнаружены в Америке.

Опубликованные исторические материалы о Второй войне показывают, что мировой заговор захватил власть над американской государственной политикой, направлял ход военных операций, мог использовать вооружение, экономику и финансы по своему усмотрению. Сознательные агенты заговора были многочисленны и занимали руководящие посты в государственном аппарате; однако можно допустить, что среди ведущих политиков, подчинявшихся заговорщикам или поддерживавших их, многие могли и не знать, к чему неизбежно должны были в конечном результате привести их действия. Эта глава в истории американской республики охватывает три с половиной года, от Перл-Харбора до Ялты. Есть многозначительное сходство между вступлением Америки в войну в 1898 и 1941 годах. В обоих случаях была применена провокация с целью вызвать негодование толпы, облегчив тем самым «переубеждение» Конгресса и «общественного мнения». В 1898 году американский линейный корабль «Мэйн» был «затоплен испанской миной» в порту Гаваны, после чего Испании была объявлена война. Много лет спустя, когда «Мэйн» был поднят со дна моря, было установлено, что броня линкора была вывернута наружу силой взрыва, происшедшего внутри корабля. В 1941 году японский налет на Перл-Харбор, в т.н. «день вечного позора», позволил президенту Рузвельту объявить всей стране, что неожиданное

нападение поставило ее «в состояние войны». Позднейшие разоблачения показали, что правительство в Вашингтоне было задолго предупреждено о нападении, но не сообщило об этом защитникам Перл-Харбора. В обоих случаях позднейшие разоблачения были приняты «общественным мнением» с полной апатией, что не потеряло значения и в 1956 году, когда другой американский президент публично поклялся, что он никогда не начнет войну «без санкции Конгресса», добавив однако, что американским войскам, возможно, придется вести *«местные действия военного характера в порядке самозащиты»* без парламентской санкции.

Во время первой войны президент Вильсон был переизбран после данного им предвыборного обещания ни в коем случае не ввязываться в европейскую войну, объявив немедленно же после вторичного вступления в должность, что *«состояние войны фактически существует»*. Во время второй войны Рузвельт был переизбран в 1940 г. также после неоднократных официальных заверений, что *«ваши сыновья не будут воевать ни в какой чуждой войне»*. В его предвыборной программе была, однако, сделана оговорка: *«Мы не пошлем наши армии, флот или воздушные силы воевать в чужие страны за пределами Америки, кроме как если на нас нападут»*. Эти шесть последних слов были добавлены (по свидетельству одного из биографов Бернарда Баруха, некоего Розенблюма)

«сенатором Джеймсом Ф. Бернсом, столь тесно связанным с Барухом, что часто было невозможно сказать, кому из них лично принадлежала какая-либо, поддерживаемая ими обоими идея».

Значение этой оговорки стало ясным 7 декабря 1941 года, в день японского нападения на Перл-Харбор. За 12 дней до того военный министр Генри Л. Стимсон, после правительственного совещания 25 ноября 1941 года, записал в своем дневнике:

«Речь шла о том, как нам маневрировать, чтобы заставить японцев сделать первый выстрел, в то же время не подвергая себя слишком большой опасности; это будет трудной задачей».

К предыстории этой записи относится, что уже 27 января 1941 года посол Соединенных Штатов в Токио известил свое правительство, что *«в случае возникновения конфликта между Соединенными Штатами и Японией, японцы намерены неожиданно напасть на Перл-Харбор»*. Далее советский шпион в Токио, Рихард Зорге сообщил советскому правительству в октябре 1941 г., что *«японцы намерены атаковать Перл-Харбор в течение ближайших 60-ти дней»*, получив ответ, что его информация передана президенту Рузвельту (признание Зорге напечатано в газете «New York Daily News» от 17 мая 1951 г.); 26 ноября 1941 г. правительство Рузвельта послало Японии фактический ультиматум; начиная с сентября 1941 года и до момента атаки, все японские сообщения, перехваченные и расшифрованные американской разведкой, неизменно указывали на предстоящее нападение на Перл-Харбор, но не были сообщены местному командованию; 1-го декабря 1941 г. начальник дальневосточного отдела военно-морской разведки США составил донесение командующему Тихоокеанским флотом, что *«начало войны между Японией и Соединенными Штатами предстоит в самое ближайшее время»*, однако оно было задержано высшим командованием; 5 декабря 1941 г. полк. Садтлер из военной службы связи США на основе полученной им информации составил телеграммы командующим: *«Война с Японией предстоит немедленно; исключите все возможности второго Порт-Артура»* (ссылка на неожиданное нападение японцев, начавшее русско-японскую войну), однако и эти телеграммы были задержаны. Японский ответ на ультиматум Рузвельта, равнозначный объявлению войны, был получен в Вашингтоне 6 декабря 1941 г., о чем командованию в Перл-Харбор не было сообщено ни слова; 7 декабря 1941 г. в полдень в Перл-Харбор было наконец послано сообщение, гласившее: *«Японцы послали нам сегодня ноту, равнозначную ультиматуму... объявите состояние боевой тревоги»*, которое местные командующие в Перл-Харбор получили через 6–8 часов после японского нападения. Опубликованная после войны документация показывает, что одна только американская база на Гавайских островах была оставлена без всяких сведений о неизбежном нападении, в результате которого погибли два линейных корабля, два эскадренных миноносца (не считая многих судов, выведенных из строя), 177 самолетов и 4575 убитых, раненых или пропавших без вести. Прямым и немедленным результатом Перл-Харбора была катастрофа, постигшая британский флот у малайских берегов, где были потоплены линкоры «Prince of Wales» и «Repown» с большими потерями в личном составе.

Руководство, готовое вовлечь свою страну в войну путем облегчения вражеского нападения на нее, не может считаться ведущим эту войну в национальных интересах своего народа.

Большинство американцев до сих пор еще не знают правды о Перл-Харборе – роковом начале, от которого непрерывная линия ведет к роковому концу. По вопросу о Перл-Харборе было восемь расследований; семь военных во время войны и одно в Конгрессе после ее окончания. Все они происходили в обстановке необходимости соблюдения военной тайны, а поэтому ни одно из них не было ни гласным, ни полным; более того, все они проводились под контролем той же политической партии, к которой принадлежал президент США в дни Перл-Харбора. Все важнейшие факты (то, что президент знал из перехваченных японских донесений по крайней мере за 2 месяца до того, что готовилось неожиданное нападение, и что это не было доведено до сведения командующих в Перл-Харборе) были замолчаны. Дневник военного министра (с упомянутой многозначительной записью) не был допущен как доказательство, а сам Стимсон не получил вызова «по случаю нездоровья». Благодаря контролю над прессой, шестимесячное разбирательство было представлено общественности в нарочито запутанном виде.

Однако трое военно-морских командующих, имевших непосредственное отношение к происшедшему, опубликовали книги с полным отчетом о событиях. Контр-адмирал Киммель, командующий Тихоокеанским флотом США в дни катастрофы, ссылается на слова одного из своих коллег-адмиралов, что

«в план президента Рузвельта входило, чтобы никакого предупреждения на Гавайские о-ва послано не было» и что «руководящие деятели в Вашингтоне, преднамеренно не уведомившие наши силы в Перл-Харбор об угрозе нападения, ни в коем случае не могут быть оправданы. Командующим в Перл-Харборе вообще не было сообщено об... американской ноте, врученной японскому послу 26 ноября 1941 г., которая фактически исключала возможность дальнейших переговоров и сделала войну в Тихом океане неизбежной... Командующим флота и армии в районе Гавайских о-вов не было сделано даже намека о важнейших японских телеграммах, перехваченных, расшифрованных и сообщенных ответственным лицам в Вашингтоне 6 и 7 декабря 1941 года».

Адмирал флота Халси (Halsey), бывший в описываемое время одним из трех старших начальников под командой адмирала Киммеля, пишет:

«Данные нашей разведки говорили о вероятном нападении Японии на Филиппины, южные районы или Голландскую Ост-Индию. Хотя Перл-Харбор не исключался из обсуждения, однако всё, о чем нам сообщали, указывало на другие возможные объекты атаки. Если бы мы знали, что японцы непрерывно собирают детальные сведения о точном расположении и передвижениях наших военных судов в Перл-Харбор (что явствовало из перехваченных донесений) мы, разумеется, сосредоточили бы наши усилия на подготовке отражения готовившегося нападения на Перл-Харбор».

Контр-адмирал Теобальд, командир эскадры миноносцев в Перл-Харборе, писал в 1945 году:

«Ссылки на секретность, которая якобы необходима при обсуждении государственной политики, если речь идет о том, чтобы происшедшее не повторилось в будущем, к данному случаю относиться не могут, поскольку в наш атомный век облегчение неожиданного вражеского нападения с целью спровоцировать начало войны, немислимо»

(адмирал, видимо, надеется на «немислимость» подобного повторения).

«Непреложным фактом в истинной истории Перл-Харбора» – *добавляет он* – «является неоднократное сокрытие от адмирала Киммеля и генерала Шорта (*морской и армейский командующие в Перл-Харборе, которых затем сделали козлами отпущения за катастрофу*) важнейшей военной информации... В истории еще не было случая, чтобы командующему не сообщали, что через несколько часов его страна вступит в войну, и что по всем данным его силы станут первым объектом неожиданного нападения вскоре после восхода солнца».

Адмирал Теобальд цитирует показание адмирала Старка (начальник военно-морского генштаба в Вашингтоне, скрывший от адм. Киммеля японское фактическое объявление войны), что все его действия совершались по приказу высшего руководства, «что могло указывать только на президента Рузвельта. Самое невероятное из всего сделанного им в это время было утаивание военной информации от адмирала Киммеля».

Адмирал флота Халси в своей книге воспоминаний, вышедшей в 1953 г., назвал адмирала Киммеля и генерала Шорта «нашими военными мучениками». Обоих заставили подать в отстав-

ку, чтобы скрыть от общественности, посреди военной суматохи и секретности, настоящих виновников катастрофы в Перл-Харборе: однако в том смысле, как это писал адм. Халси, они были лишь первыми военными мучениками, открыв собою длинный ряд американских морских и армейских начальников, на которых обрушилось нечто совершенно новое, как в их собственной службе, так и в истории их страны. Им пришлось испытать опалу или увольнение, когда они стремились достигнуть победы наилучшими военными средствами или же возражали против стратегических планов сверху, явно уменьшавших шансы на скорую победу. Им приходилось подчинять военные операции какому-то высшему плану, характер которого был им неизвестен, но который явно имел мало общего с победой в интересах страны, служить которой они считали с юных лет долгом своей военной карьеры.

В чем заключался этот высший план, которому должны были служить военные усилия Америки от Перл-Харбора до Ялты и после нее? Ни в чем ином, как в осуществлении ленинского тезиса о «распространении» революции. Только в свете этого плана становятся объяснимыми события после вступления США в войну. Вступление Америки в Первую мировую войну совпало с революцией в России, и «советник» Хауз немедленно предложил президенту Вильсону *«всеми средствами оказать финансовую, промышленную и моральную поддержку новой русской демократии»*. Во время второй войны Гитлер напал на своего московского сотоварища по разделу Польши вскоре после переизбрания Рузвельта, и еще до Перл-Харбора Америка оказалась полностью в состоянии войны, поскольку «финансовая, промышленная и моральная» поддержка «новой демократии» в Москве, путем ленд-лиза, была оказана в невиданных до того масштабах, поставив ресурсы Запада на службу революционному коммунистическому государству.

В число трех форм поддержки революции в России, перечисленных Хаузом в 1917 г., входила «финансовая поддержка». Труднее всего ответить на вопрос, как велика была тогда эта финансовая поддержка. Множество книг упоминают о крупной помощи, оказанной русской революции «банкирскими домами Уолл-Стрита» и т.п., однако мы не находим возможным их цитировать из-за невозможности проверки; подобные трансакции и не поддаются проверке, т.к. они совершаются в обстановке полной секретности¹⁷. Многозначительное указание содержится, однако, в письме самого Ленина Ангелике Балабановой (его представительнице в Стокгольме в

¹⁷ Финансирование русской революции «мировым капиталом» можно считать вполне доказанным. Во время первой мировой войны оно проводилось одновременно по трем основным линиям:

В Америке ведущую роль в подрывной работе против России уже задолго до войны играл глава еврейского банкирского дома Кун, Леб и Ко, Яков Шифф, вместе со своим компаньоном и зятем Феликсом Варбургом. Этот банк финансировал Японию во время русско-японской войны (1904–06), оплачивал подрывную пропаганду среди русских военнопленных в Японии и одновременно финансировал революцию 1905 г., главным образом через Троцкого и Израиля Гельфанда (он же Александр Парвус). Под давлением Шиффа в 1912 г. был расторгнут действовавший с 1832 г. русско-американский торговый договор на том основании, что русское правительство «дискриминировало» евреев, эмигрировавших в США и затем возвращавшихся для подрывной работы в Россию под защитой американских паспортов. Шифф истратил на подготовку русской революции, по собственному признанию, 20 млн. долларов, из них 12 млн. до первой войны.

В Германии упомянутый выше Гельфанд-Парвус связался в 1915 г. через германского посла в Дании, влиятельного масона графа Брокдорф-Ранцау, с Берлином, получив миллионные субсидии «для поддержки революции в России», финансирование проводил банкирский дом Макса Варбурга (брат нью-йоркского Варбурга) в Гамбурге. Всего большевикам было передано 40 млн. золотых марок, т.е. 10 млн. долларов.

В Англии подготовкой революции в России руководил член военного кабинета Ллойд Джорджа во время первой войны, крупный банкир и влиятельный масон лорд Мильнер (Milner) через английского посла в России сэра Джорджа Бьюкенена. После того, как в сентябре 1916 г. Англия вынуждена была признать права России (после окончания войны и победы над Германией и Турцией) на Босфор и проливы, в Лондоне было решено форсировать революцию, которая избавила бы Англию от выполнения союзных обязательств. В феврале 1917 г. английские агенты раздавали деньги солдатам петроградского гарнизона, подстрекая их к мятежу, они же, вместе с еврейскими агентами Парвуса-Гельфанда, использовали временные затруднения с подвозом муки в столицу и сеяли панику, распространяя слухи об отсутствии хлеба. Общая сумма, истраченная Мильнером на русскую революцию, оценивается в более чем 21 млн. золотых рублей, т.е. более 10 млн. долларов.

Русская революция, таким образом, организовывалась и финансировалась во время первой мировой войны одновременно врагами (Германия), «союзниками» (Англия) и нейтральной страной (США). Координация действий столь разнородных факторов трудно представить себе без участия сил, стоявших над правительствами и достаточно ясно обрисованных Дугласом Ридом. – *Прим. издателей.*

то время, когда коммунизм еще только устанавливался в Москве): *«Тратить миллионы, десятки миллионов если нужно. В нашем распоряжении денег достаточно»*. Нет сомнений, во всяком случае, в оказании большевизмским заговорщикам германской финансовой поддержки. В числе документов германского министерства иностранных дел, захваченных союзниками в 1945 году, было донесение статс-секретаря фон Кюльмана императору Вильгельму, в котором говорилось:

«Только после того, как большевики начали регулярно получать от нас денежные средства, по разным каналам и под разными этикетками, они смогли поставить на широкую ногу их главный орган «Правду», развить энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкую базу их партии».

Разделяя иллюзии многих западных политиков последующего поколения, статс-секретарь добавлял: *«Несомненно в наших интересах использовать то время, пока они (большевики) находятся у власти, которое вероятно будет недолгим»*. На полях этого донесения неизвестной рукой была сделана пометка: *«Не может быть речи о поддержке большевиков в будущем»*; писавший явно не учел возможности привода в будущем к власти Гитлера. В тех же германских документах имеется сообщение германского посла в Копенгагене, графа Брокдорф-Ранцау, от августа 1915 г. по поводу деятельности «эксперта по русским делам», некоего д-ра Израила (он же Александр) Лазаревича Гельфанда, помогавшего организовывать большевизмский заговор. В сообщении говорится: *«Доктор Парвус (псевдоним Гельфанда) снабдил (большевицкую) организацию деньгами для покрытия расходов... даже люди, работающие в организации, не имеют понятия, что за этим стоит наше правительство»*. По оценке Гельфанда-Парвуса для «полной» организации революции требовалось около 20 миллионов рублей. Брокдорф-Ранцау получил указание из Берлина на выплату аванса, и к документам приложена расписка Гельфанда: *«Получено от германского посольства в Копенгагене 29 декабря 1915 г. один миллион рублей в русских банкнотах для поддержки революционного движения в России. Подпись: А. Гельфанд»* (Журнал Королевского Общества Международных Дел, Лондон, апрель 1956 г.).

Во время Второй мировой войны в подобной секретности в деле поддержки революции уже нужды не было. В июне 1942 г. ближайшее доверенное лицо президента Рузвельта, очередной «советник» Гарри Гопкинс, выступал на большом собрании в Мэдисон Сквере в Нью-Йорке и, обращая свои слова к советскому правительству, официально заявил: *«Мы твердо решили, что ничто не остановит нас разделить с вами всё, что мы имеем»*. Это полностью соответствовало распоряжению президента всем военным учреждениям США от 7 марта 1942 г. (ставшему известным лишь много времени спустя) о том, что всё военное снабжение должно в первую очередь передаваться Советскому Союзу, прежде всех других союзников и вооруженных сил Соединенных Штатов. Глава американской военной миссии в Москве, генерал-майор Джон Р. Дин, описывает в опубликованной им в 1947 г. книге свои тщетные попытки задержать этот поток снабжения, отмечая, что этот приказ Рузвельта *«был началом политики уступок России, принесшей нам много вреда, от которого мы не оправились до сих пор»*. Употребленное генералом Дином слово «уступки» представляется не соответствующим истинному положению вещей, поскольку речь шла о гораздо большем, а именно о целеустремленном способствовании увеличению военной и промышленной мощи революционного коммунистического государства после войны. Все данные свидетельствуют о том, что Рузвельт собирался оказывать революционному государству большую поддержку, чем всем остальным союзникам, свободным или находившимся тогда еще под властью врага: ясно также намерение Рузвельта поддерживать советского захватчика польской территории и его полное безразличие к «освобождению» Польши и других побежденных Германией стран. Высокие идеалы, которыми приманивались западные народы, пока они не оказались полностью втянутыми в войну, были фактически оставлены, и их место заняли сверх-национальные планы распространения революции, уничтожения национальных государств и создания мирового правительства (автор этих строк начал писать об этом в 1942 г., после чего немедленно последовало его вытеснение из области журнализма, хотя до того он был одним из наиболее известных и высоко оплачиваемых корреспондентов мировой печати).

Политика поддержки революционного коммунистического государства в 1941 году должна была повлечь за собой гораздо более серьезные последствия, чем в 1917 г., когда американская помощь могла способствовать установлению коммунизма в одной только России. В 1941 г. положение было совершенно иным, коммунизм давно уже был прочно установлен. Поддержка в безграничном объеме, обещанная Гопкинсом, неизбежно должна была повести к его дальнейшему «распространению», в соответствии с тезисами Ленина. Так и случилось: поддержка была

столь щедрой, что она позволила коммунизму распространиться на громадную территорию и в то же время подготовиться к следующей войне; перспектива же этой третьей войны, возникшая сразу после окончания второй, была затем изображена западной общественности как результат «вероломства» Советов.

Ценности, переданные Америкой революционному коммунистическому государству, превышают человеческое воображение. Избранный в 1932 году под лозунгом «борьбы с дефицитом», президент Рузвельт растратил в течение 12 лет больше государственных средств, чем все американские президенты вместе взятые до него, с безответственностью неограниченного диктатора. Сегодня, через 11 лет после его смерти¹⁸ государственные расходы Америки всё еще стоят выше понимания любой экономической академии, представляя собой пирамиды нулей с затерявшимися среди них единицами. На этом усеянном нулями, как звездами, небосклоне даже цифры Рузвельтова ленд-лиза, «одолженного» революционному государству, могут показаться незначительными: 9 миллиардов 500 миллионов долларов. Однако, целые армады судов перевозили в СССР не бумажные деньги, а вооружения и товары на эту потрясающую сумму, теоретически в счет позднейшей уплаты; фактически имел место перевоз народного богатства в гигантских масштабах; немногими десятилетиями раньше несколько вновь созданных государств могли бы построить на этом свой бюджет без малейших опасений за будущее. Этот поток народных средств направлялся одним единственным лицом, о котором его официальный биограф (Роберт Шервуд) пишет, что «он был вторым по значению человеком в Соединенных Штатах». Другими словами, до тех пор почти никому не известный Гарри Гопкинс сыграл роль неограниченного монарха в распределении военных материалов, ту самую роль, которая в 1917 году принадлежала Бернарду Баруху. Этому же последнему принадлежала во время первой войны и сама идея назначения «одного лица» – разумеется, его самого – в качестве полномочного «администратора» всемогущего Ведомства военной промышленности (War Industries Board), чего Барух настойчиво требовал уже в 1916 г., т.е. задолго до вступления США в войну. Это ведомство было создано после вступления Америки в войну на базе прежней «Совещательной комиссии» при «Оборонном совете» в правительстве.

История назначения Гопкинса на аналогичный пост во второй войне весьма интересна в том смысле, что она показывает могущество и методы непосредственного окружения американских президентов во время обеих мировых войн. Назначенный в 1919 г. т.н. Следственный комитет Конгресса США под председательством Вильяма Дж. Граама пришел к заключению, что «совещательная комиссия», породившая в 1918 г. Ведомство военной промышленности,

«действовала как скрытое правительство Соединенных Штатов... Комиссия из семи лиц, назначенных президентом, выработала целую систему военных закупок, организовала цензуру печати, установила контроль за снабжением населения пищевыми продуктами... одним словом, вырабатывала практически все без исключения военные мероприятия, которые впоследствии проводились Конгрессом как законы, и всё это делалось за закрытыми дверями за недели и даже за месяцы до того, как Конгресс Соединенных Штатов объявил войну Германии... Не было ни одного проведенного впоследствии закона военного времени, который не был бы еще до фактического объявления войны обсужден и утвержден этой Совещательной Комиссией».

Сам Барух, отвечая на вопросы следственного комитета Конгресса на тему о «единоличном администрировании» военного времени, установленном им же самим, показал:

«Мне принадлежало окончательное решение, кому что давать... пойдут ли снабжение армии или флоту... железным дорогам, или союзникам, получит ли паровозы генерал Алленби, или же они будут отправлены в Россию или Францию... Я имел больше власти, чем кто-либо другой...».

По-видимому под впечатлением первой войны были написаны слова Черчилля, обращенные к Баруху в 1939 г.: «*Приближается война... Вы будете там командовать парадом...*». Полноту власти Баруха во время первой войны показывают события 1919 года (по окончании войны), когда президента Вильсона привезли из Европы обратно в Америку в состоянии полной неработоспособности. Барух «стал одним из членов группы, которая выносила решения во время болезни президента» (Розенблюм, см. библиографию). Эту группу называли не иначе, как «регентский совет», и когда главный член кабинета заболевшего президента, госуд. секретарь (министр иностранных дел) Роберт Лансин по собственной инициативе созвал заседание совета

¹⁸ Написано в 1956 г. – прим. перев.

министров, больной президент уволил его. В дальнейшем президент порвал отношения и со многими другими своими сотрудниками, включая полк. Хауза, однако «за Баруха Вильсон держался до последнего».

Во время Второй мировой войны, президент Рузвельт, идя по стопам Вильсона, создал «Совет Оборону» с такой же «Совещательной Комиссией» (1940), а в 1942 году реорганизовал ее в Ведомство военного производства, соответствовавшего аналогичной организации 1918 года. Тот же Барнард Барух снова посоветовал поставить эту всемогущую организацию под власть одного лица, но случилось так, что этим лицом оказался не он сам. Его биограф Розенблум пишет, что Барух был этим весьма разочарован, но этому необязательно верить. Редкие ссылки на Баруха в этой книге не показывают всей полноты его влияния. Все наиболее осведомленные люди, известные автору этих строк, всегда считали, что он обладал большей властью, чем любое другое лицо в окружении американских президентов на протяжении более, чем 40 лет и что он пользуется ей и до настоящего времени¹⁹. Его биограф сообщает, что он был непрерывным советником всех американских президентов (включая трех от республиканской партии, избранных в 1920, 1924 и 1928 г.г.), начиная от президента Вильсона; в биографии издания 1952 г. Розенблум предсказал, что Барух будет «советником» и у президента Эйзенхауэра и даже указал, каковы будут его «советы». Истинное место Баруха в этой истории будет показано позднее при описании его весьма знаменательного, первого открытого выступления.

Хотя Барух и правильно охарактеризовал самого себя как наиболее влиятельного человека в мире в 1917–18 г.г., однако его возможности руководить событиями и перекраивать карты мира были тогда значительно меньше, чем у людей, занимавших аналогичное положение во время второй войны, по той причине, что в «решения, кому что давать» теперь было включено и революционное коммунистическое государство, ставшее мощной военной силой с явными и обширными территориальными целями. Даже Ведомство военного производства отошло на второй план, как только было создано «Управление ленд-лизом», а Гарри Гопкинс назначен его «администратором», а заодно и председателем «советского протокольного комитета» с правом определять квоты снабжения для отправки в Россию. С этого момента судьба и будущее Запада оказались в руках человека, которого в политических кругах называли «попрыгунчиком Гарри»²⁰. Гопкинс мог занимать столь высокое положение только в нашем столетии; в нормальные времена правильно информированное общественное мнение никогда бы этого не допустило, поскольку никаких способностей к ведению сколько-нибудь важных дел у него не было, и меньше всего в области международных отношений. Даже его биограф, весьма симпатизирующий своему соседу по Белому Дому (в аристократических покоях которого Гопкинс, по собственному признанию, как-то с успехом сыграл роль сводника для прибывшего с официальным визитом Молотова, поставив ему соответственное «знакомство»), удивляется, как этот субъект, «*столь темного происхождения и так мало подготовленный к большой ответственности*», мог стать «особым советником президента».

Что касается именно этого вопроса, то сегодняшнему историку уже невозможно выяснить, кто именно «избрал» мистера Гопкинса для этой роли. Известно, однако, что в дни своей молодости Гопкинс был увлечен теми же идеями («Луи Блана и революционеров 1848 года») как и мистер Хауз в свои юные дни в Техасе. Его профессорами были социалист-фабианец в Лондоне (учивший, что национальные государства должны раствориться в «Соединенных Штатах Мира») и еврей русско-австрийского происхождения, ученик и поклонник Толстого. Перед нами снова любопытный пример передачи «идей» из поколения в поколение закулисных «советников». Судя по всему, это были единственные качества, позволяющие его биографу Шервуду назвать его «неизбежным фаворитом Рузвельта». Раньше он был известен как политический попрошайка и холуй у богатых, умевший «устраивать» нужных лиц. Оксфордский университет присудил ему докторскую степень, вероятно наименее заслуженную во всей истории этого почтенного заведения, а неприличные отзывы о нем в военных мемуарах Черчилля мало приятны для чтения.

Заняв место председателя «советского протокольного комитета» при Рузвельте, Гопкинс столкнулся там с некоторыми его членами, весьма скептически оценивавшими политику безоговорочного откармливания коммунистического государства. Скептикам им было в 1942 г. дано следующее повелительное распоряжение:

¹⁹ Родившись в 1870 г., Барнард Барух умер в 1965 г. – прим. перев.

²⁰ «Harry the Hop» – английская игра слов от фамилии Hopkins: «Hop» означает «прыгать» – прим. перев.

«Соединенные Штаты делают (в данном случае) то, чего они не стали бы делать для других союзных наций, не получив от них необходимых данных. Решение действовать, не имея полных данных, было принято... после должного обсуждения... В настоящее время эта политика проводится безоговорочно, хотя многие постоянно требуют ее пересмотра. Предлагается в будущем оставлять эти требования без внимания».

Так мы видим, что, с помощью м-ра Гопкинса, революционное коммунистическое государство также стало «неизбежным фаворитом Рузвельта». В его цитированном выше распоряжении видна тайна, на которую мы уже обращали внимание в вопросе британских министров и сионизма: «политика» была «решена» заранее и не подлежала изменению. Кто именно «решал» ее, и кто постановил, что она не может быть пересмотрена ни при каких обстоятельствах, остается секретом г-на Гопкинса, и всё это снова делалось «за закрытыми дверями», в тайне от проливавшего свою кровь народа. Напрасно лидер республиканцев сенатор Роберт Тафт пытался протестовать против того, что он ясно видел:

«Как может кто-либо поверить в то, что Россия борется за демократические принципы... чтобы распространить наши свободы на весь мир, мы собираемся посылать самолеты и танки коммунистической России, но ведь ни одна страна не несет большей ответственности за настоящую войну и германскую агрессию».

Против сенатора Тафта немедленно была поднята яростная кампания в печати, продолжавшаяся до самой его смерти. Сегодняшняя карта мира и международное положение полностью подтверждают правоту его предостережений. Из вышеприведенного распоряжения Гопкинса ясно видно, что исход войны был решен этими закулисным действиями в 1942 г. и даже еще ранее.

Из числа упомянутых Тафтом самолетов и танков, Советам были подарены 15 000 одних и 7 000 других. Далее, им был поставлен целый военный флот из 581 корабля; через много лет 127 судов были возвращены, а в 1956 году советское правительство предложило уплатить еще за 31 судно; остальные суда, общим числом свыше 300, были объявлены потерянными, потопленными или несудоходными. Советам был также поставлен целый торговый флот. Всё это составляло только малую часть переданного Советам американского народного достояния. Правительство США никогда не сообщало подробностей этих поставок. Тем, что они вообще стали известны, как и то, что большая часть поставок заведомо предназначалась для усиления военно-промышленного потенциала революционного коммунистического государства по окончании войны, мы обязаны одной из тех случайностей, которые помогают историку, хотя зависимое положение печати не допускает того, чтобы они стали известны широким массам, а потому они и не в состоянии способствовать исправлению создавшегося положения.

В мае 1942 г. некий капитан Джордж Р. Джордан начал свою службу в большом Нью-Аркском аэропорту в штате Нью-Джерси. Он был призванным из запаса офицером Первой мировой войны и не забыл доброго совета, данного ему сержантом в Техасе в 1917 году при начале службы: «Держи глаза и уши открытыми, пасть закрытой, и записывай всё, что видишь». Последние слова, по мнению автора этих строк подарили потомству самую удивительную книгу из всех написанных о Второй мировой войне.

Капитан Джордан должен был явиться на службу в «Депо Объединенных Наций № 8», как в приказе ему был назван Нью-Аркский аэропорт. Организация, известная под названием «Объединенных Наций» была создана только 3 года спустя, другими словами, уже имело место предвосхищение событий, разоблачавшее намерения людей, стоявших у власти. Начиная службу в роли офицера связи, капитан Джордан не имел ни малейшего представления о той власти, которую Советы уже приобрели в Америке, но три события скоро открыли ему глаза. В мае 1942 г. пассажирский самолет американской воздушной линии зацепил при взлете крышку мотора среднего бомбардировщика, предназначенного по ленд-лизу для советского правительства; принявшим поставки советский офицер раздраженно потребовал, чтобы американские воздушные линии не допускались на аэропорт вообще. Услышав отказ, советский офицер сказал, что он «позвонит мистеру Гопкинсу», и через несколько дней из Ведомства гражданской авиации США пришел приказ, запрещающий всем американским гражданским авиалиниям пользование этим аэропортом. После этого капитан Джордан начал вести обстоятельный дневник, благодаря чему он смог позже (когда он и весь мир узнали о существовании «атомных бомб») доказать, что в

1942 г. с Нью-Аркского аэропорта были посланы в СССР графит, алюминиевые трубы, металл кадмий и торий (материалы, необходимые для атомного реактора) на общую сумму в 15 миллионов долларов. В то время «Проект Манхеттен» (производство первой атомной бомбы) считался настолько засекреченным, что его начальник, генерал-майор Лесли Гровс, позже засвидетельствовал, что без его личного разрешения его учреждение не выдало бы ни одного документа даже самому президенту Рузвельту. Когда капитан Джордан делал записи в своем дневнике в 1942 г., он, разумеется, не имел понятия, для чего могут понадобиться все эти материалы, поскольку ни о «проекте Манхеттен», ни об «атомной бомбе» он еще не слышал.

В следующий раз роль советских офицеров бросилась ему в глаза, когда один из них возмутился, увидя красную звезду на самолете Техасской нефтяной компании и пригрозил «позвонить в Вашингтон», чтобы и это не оскорбляло его взора. С большим трудом Джордану удалось объяснить советчику, что Техасская компания пользовалась этой эмблемой своего штата («Штат Одиноким Звездой») за много лет до революции 1917 года. К этому времени капитану Джордану стало ясно, что отправка материалов в Советский Союз выходила далеко за пределы того, что покрывалось официальными условиями ленд-лиза

(«Правительство Соединенных Штатов будет продолжать снабжать СССР таким оборонным материалом, оборонным оборудованием и оборонной информацией, которые будут допущены... президентом для снабжения и передачи»),

и что поставлялись колоссальные количества материалов, не имевших никакого отношения к «обороне», но предназначенных усилить мощь Советского Союза после войны. Он отметил отправку *«тракторов и сельскохозяйственных машин, целого алюминиевого завода, вагоноремонтных мастерских, сталелитейного оборудования»* и множества другого. Эти поставки (о которых один из советских переводчиков с восторгом сказал ему, что «они помогут нам модернизировать нашу страну») были оценены только в круглых цифрах, и это была единственная информация по данному вопросу, сообщенная американским правительством. «Двадцать первый отчет Конгрессу об операциях ленд-лиза», представленный президентом Труманом, приводил под рубрикой «невоенных поставок» гигантскую сумму в 1 миллиард 674 миллиона 586 тысяч долларов сельскохозяйственных продуктов и 3 миллиарда 40 миллионов 423 тысячи долларов промышленных материалов и товаров.

В 1943 году, когда океанские конвои стали нести большие потери в результате подводной войны, значительная часть отправок ленд-лиза стала пересылаться воздушным путем, для чего у «Больших Водопадов» в штате Монтана был оборудован особый аэропорт, и капитан Джордан был назначен туда в качестве «отправщика ленд-лиза». Приказы из Управления американской авиации США снова именовали его «представителем Объединенных Наций», хотя такой организации всё еще не существовало. Прибыв на место службы, он получил президентскую инструкцию о «пересылке русских самолетов», в которой значилось: *«...в первую очередь обеспечивать обслуживание, оборудование и переброску русских самолетов, давая им предпочтение даже перед самолетами для воздушных сил США»*. Здесь он в третий раз познакомился с тем, как велика была на месте «власть Советов»: советский офицер, сотрудничавший с ним, нашел, что его чин капитана слишком мал, и ходатайствовал о производстве в майоры; производство немедленно состоялось, и полковник Котиков самолично нацепил новые звездочки на погоны майора Джордана, – эпизод, вероятно, единственный в американской военной истории.

Вскоре майор Джордан заметил, что через его «трубопровод в Москву» постоянно проходит большое количество крепко перевязанных и запечатанных советскими печатями чемоданов с неизвестным ему содержанием. К этому времени его подозрения достигли крайней степени, и он использовал подходящий случай (и единственную возможность в его власти: отправлять или задерживать пилотируемые американцами самолеты ленд-лиза на последнем перегоне в Фербенкс на Аляске), чтобы пробиться через кордон вооруженных советских чекистов в один из самолетов и проверить содержание примерно 18-ти из общего числа 50-ти чемоданов, о чем им была сделана соответствующая запись. Среди множества бумаг, планов, писем и чертежей он сделал две интересные находки, которые несколько лет спустя оказались полностью соответствующими разоблаченной в 1948–56 г.г. картине советского шпионажа и заговора в Америке. Одной была связка папок Государственного Департамента США с наклейкой на каждой папке. На одной из них стояло «от Хисса», на другой «от Сэйра». Майор Джордан никогда еще этих имен не встречал, но впоследствии они стали известны всему миру: один был ведущим сотрудником Госдепартамента США, осужденным за шпионаж в пользу СССР (Альджер Хисс), а другой был

видным чиновником того же Госдепартамента, и оказался замешанным в том же деле. В папках были копии секретных донесений американских дипломатов в Москве, отправленных дипломатической почтой в Вашингтон; теперь они пересылались обратной почтой тем, от кого они в первую голову должны были держаться в секрете.

Вторая находка была еще более важной, и она продолжает затрагивать судьбу всех живущих на Западе, как если бы она была сделана только сейчас. Это было письмо, адресованное советскому наркому внешней торговли Микояну, и майор Джордан сделал из него выписку: «...было чертовски трудно получить всё это от Гровса» (глава проекта атомной бомбы). Письмо было подписано «Г.Г.», и к нему были приложены планы атомной установки в Ок-Ридже в штате Теннесси и машинописная копия донесения с резиновым штампом «Гарри Гопкинс». Донесение изобиловало словами столь непонятными майору Джордану, что он также выписал их с целью выяснить позже их значение; среди этих слов были «циклотрон», «протон», «дейтрон», и фразы вроде «энергии, освобожденной при расщеплении», или же «стены в пять футов толщины из свинца и воды для задержки летящих электронов». Как мы уже отмечали, мистер Гопкинс был «неизбежным фаворитом Рузвельта», «особым советником президента» и «вторым по значению лицом в Соединенных Штатах».

На протяжении ряда лет после второй войны общественности Америки и Англии внушалось руководством, что лучшей защитой против новой войны является атомная бомба в руках Запада. 23 сентября 1949 г. Советский Союз взорвал свою собственную атомную бомбу, что не удивило никого из тех, кто внимательно следил за ходом событий. Майор Джордан не считал возможным хранить далее молчание и обратился к одному из сенаторов, который, в свою очередь, был настолько озабочен слышанным, что побудил известного радиокомментатора, Фультона Льюиса, сделать эту историю достоянием гласности. Таким путем, а позже и благодаря книге майора Джордана, всё это стало известным и послужило темой двух обсуждений в Конгрессе, в декабре 1949 и марте 1950 г.г. Пресса дружно извращала важность и содержание разоблачений, т.ч., как во всех других подобных случаях, никаких серьезных мер не последовало; не было сделано ничего, чтобы предупредить повторение того же самого в будущей войне.

В 1944 г. майор Джордан, еще более обеспокоенный тем, что ему пришлось видеть, попытался встретиться с главным офицером связи по ленд-лизу при Государственном Департаменте, но был перехвачен одним из младших чиновников, который сказал ему: «Слишком старательные офицеры легко могут оказаться где-нибудь на острове в Тихом океане». Вскоре после этого майора Джордана убрали с аэродрома у Больших Водопадов. В своей книге Джордан привел полные списки поставок по ленд-лизу, с которых он мог сделать копии за время своей службы в качестве офицера связи. В них перечислены все химикалии, металлы и минералы, необходимые для атомного реактора, а некоторые из них пригодны также и для производства водородной бомбы. Списки материалов, отправленных в Советский Союз, включали бериллий, кадмий, кобальтовую руду и ее концентрат (33'600 фунтов), кобальт-металл и кобальтовый лом (806'941 фунт), уран-металл (2.2 ф.), алюминиевые трубы (12'776'472 ф.), графит (384'482 ф.), торий, нитрат урана, окись урана, урановый оксид, алюминий и сплавы (366'738'204 ф.) алюминий в брусках (13'744'709 ф.), то же в листах (124'052'618 ф.), бронзовые и латунные слитки и бруски (76'545'000 ф.), бронзовая и латунная проволока (16'139'702 ф.), бронза и латунь в листах (536'632'390 ф.), изолированная медная проволока (399'556'720 ф.) и т.д.

Списки включают также и «чисто послевоенное снабжение для России» (по характеристике генерала Гровса), как то: нефтеочистительный завод, кузнечное оборудование и запасные части (на сумму в 53'856'071 долларов), токарные станки, точно-механические сверлильные станки, оборудование для консервных заводов, оборудование молочных фабрик, лесопильное, текстильное и силовое оборудование (60'813'833 долл.), литейный завод, полная электростанция, телефонные инструменты и оборудование (32'000'000 долл.), электрогенераторы (222'020'760 долл.), кинооборудование, радиоаппараты и оборудование (52'072'805 долл.), 9594 товарных железнодорожных вагонов, 1168 паровозов (101'075'116 долл.), торговые суда (123'803'879 долл.), грузовые автомобили (508'367'622 долл.) и так далее, без конца.

Среди наиболее крупных подарков, предназначенных для послевоенного развития советской промышленности, списки майора Джордана включали: ремонтный завод для точного оборудования (550'000 долл.), две фабрики для пищевой промышленности (6'924'000 долл.), три газогенераторных установки (21'390'000 долл.), нефтеочистительный завод с машинами и оборудованием (29'000'000 долл.), 17 стационарных паровых и 3 гидро-электрические установки (273'279'000 долл.). Воспроизведенные Джорданом списки наводят на мысль, что г-ном Гопкин-

сом и его помощниками овладела настоящая истерия в желании услужить Советам, поскольку логически оправдать посылаемое часто было довольно трудно, как например: очки на 169'806 долларов, зубные протезы на 956 долларов, 9126 ручных часов на камнях (143'922 доллара), 6222 фунта туалетного мыла, губная помада на 400 долларов, 373 галлона спиртного, рыболовная леска на 57'444 доллара, проекционные фонари (161'046 долларов), ярмарочные игрушки (4'352 доллара), копировальная бумага (1'256 фунтов), 2 «новых рояля», разные музыкальные инструменты на 60'000 долларов и нечто, видимо предназначавшееся непосредственно для «любимого вождя народов», доброго и милого «дядюшки Джо», столь обожаемого Рузвельтом и Черчиллем, а именно трубка стоимостью в 10 долларов.

Прошлые незаурядные способности Гопкинса в области выклянчивания фондов для всякого рода благотворительных дел проявились и теперь в виде пожертвованных Советскому Союзу в течение 4-х лет 88'701'103 долларов для «помощи нуждающимся»; кому случалось бывать в Советской России, ни минуты не усомнятся в том, что комиссары немедленно раздали эти деньги бедным! Передача Советам наличных денег по ленд-лизу на этом не закончилась. В 1944 г. министр финансов Рузвельта, небезызвестный г-н Моргентау, и его заместитель Гарри Декстер Уайт (из семьи русских евреев, эмигрировавших в США; впоследствии разоблачен как советский агент) распорядились передать советскому правительству дубликаты печатных досок (эстампов) министерства финансов США для печатания оккупационных банкнот в Германии после войны. Другими словами, банкноты советского производства для оплаты своих войск должны были оплачиваться американским правительством, т.к. Советам была поставлена даже специальная бумага для печатания этих денег. Протесты из осведомленных кругов американской общественности заставили правительство США в конце 1946 г. прекратить оплачивать свои войска этими банкнотами, после чего советское правительство также уже не могло больше ими пользоваться. Военная администрация американской зоны оккупации в Германии установила затем, что ими было оплачено на 230'000'000 долларов больше той суммы, на которую эти банкноты были выпущены в США, скромное предложение с американской стороны уплатить хотя бы 18'000 долл. за печатные доски, краски и бумагу (на чем Советы «заработали» 250 милл. долларов!) было советским правительством, разумеется, игнорировано.

Так в течение 4–5 лет подряд происходило перекачивание из Америки в революционное коммунистическое государство всего нужного для ведения войны, материалов и товаров для обеспечения его же послевоенного ускоренного развития, и американского народного богатства в самых различных его формах, причем какая бы то ни было «дискуссия» по этому вопросу была высшим руководством США категорически запрещена. Мало того, обслуживанию коммунистов тем же руководством был обеспечен приоритет перед всеми нуждами как самой Америки, так и всех других ее союзников в войне.

Было еще два пути, по которым могла идти поддержка коммунистическому государству и обеспечение его дальнейшего «распространения»: 1) характер ведения военных операций и 2) направление государственной политики на международных конференциях на высшем уровне по мере развития этих операций. После того, как передача вооружений и народного богатства революционному государству проводилась такими темпами и с таким фанатизмом, можно было ожидать, что также политическая линия найдет свое выражение и в ведении военных операций, и в принятии вытекающих из них решений. Именно это и имело место; сведущие наблюдатели предсказывали это уже в то время, сейчас же рассеивающийся военный туман делает картину ясной для всех. Она является неизбежным результатом закулисного захвата власти в Америке, описанного в предыдущей главе.

Стремление повернуть все военные операции на пользу революционному советскому государству, спровоцировавшему в союзе с Гитлером начало войны путем совместного нападения на Польшу, началось вскоре после Перл-Харбора. Оно не удалось тогда, однако увенчалось полным успехом в последних стадиях войны, как это показал ее исход. Ведущую роль в этом сыграла наиболее загадочная личность во всей Второй мировой войне, генерал Джордж К. Маршалл, начальник главного штаба вооруженных сил США. Именно ему сенатор Джозеф МакКарти в своем выступлении в Сенате 14 июня 1951 г. (это тщательно документированное обвинение представляет собой важнейший исторический источник по данному вопросу) приписал заранее запланированный систематический саботаж победы, начавшийся задолго до окончания Второй мировой войны, как и то, что Америка, с ее полными возможностями повлиять на все военно-политические решения, лавировала между планами Черчилля и Сталина «почти неизменно в пользу советской линии».

В связи с далеко идущими последствиями действий генерала Маршалла, небезынтересно бросить взгляд на начало его карьеры. Президент Рузвельт назначил его начальником Главного штаба в 1939 г. вне очереди и через голову 20-ти генерал-майоров и 14-ти старших по производству бригадных генералов, несмотря на то, что шестью годами ранее его производство в генералы, после отрицательной характеристики со стороны генерального инспектора вооруженных сил США, не было санкционировано тогдашним начальником Главного штаба, генералом МакАртуром. Одним из первых мероприятий Маршалла на новом посту было его обращение в 1940 г. к сенатору Джеймсу Ф. Бернсу, доверенному лицу Баруха, с просьбой внести в Конгресс проект поправки к армейским законам о производстве, которая позволила бы начальнику Главного Штаба игнорировать права служебного старшинства в пользу более молодых офицеров, если он считал их обладающими «необычными способностями». Принятая Конгрессом поправка Бернса предусматривала, что *«в период войны или острой государственной необходимости... любой офицер регулярной армии может быть временно произведен в более высокие чины»*, и с помощью этого закона Маршалл провел в 1940 г. 4 088 внеочередных производств, в их числе 50-летнего подполковника Эйзенхауэра, до тех пор не имевшего ни полевого, ни командного опыта, но ставшего три года спустя Верховным Главнокомандующим Союзных вооруженных сил. Сотрудничество генералов Маршалла и Эйзенхауэра сыграло решающую роль в исходе войны в 1945 году²¹.

Сразу же после Перл-Харбора и вступления США в войну в декабре 1941 г. советские пропагандисты в Москве и на Западе стали громко требовать немедленной высадки англо-американских войск в Европе. Встретившись с Рузвельтом вскоре после Перл-Харбора, Черчилль добился совместного решения, считавшего вторжение на европейский континент ранее 1943 г. с военной точки зрения невозможным. Однако, в апреле 1942 г. Эйзенхауэр²², по распоряжению ген. Маршалла, разработал план вторжения уже в 1942 г., и Рузвельта уговорили протелеграфировать в этом смысле Черчиллю. Генерал Маршалл, вместе с г-ном Гопкинсом, полетели в Лондон, где они слышали от Черчилля, что катастрофа на французском побережье в результате поспешной и необдуманной высадки была бы, по всем данным, *«единственным путем для нас наверняка проиграть войну»* (Шервуд, см. библиографию).

Учитывая назначение Маршалла на высший военный пост еще до начала войны, его следовало бы считать лучшим военным специалистом Соединенных Штатов. Что он, однако, предлагал в 1942 г., было равносильно приглашению единственному серьезному союзнику Америки на Западе совершить самоубийство, после чего война наверняка была бы проиграна, по крайней мере для Англии. Черчилль заявил, что осуществление предлагаемой высадки превратит Ламанш в «реку союзной крови», хотя в действительности кровь была бы на три четверти английской: когда командующего американскими силами на Британских островах запросили, какие силы он мог бы выделить для этой операции, *«он ответил, что у него нет ничего, кроме 34-ой пехотной дивизии, стоявшей в Ирландии»*. Генерал Кларк добавил, что даже и эта одна дивизия не располагала ни танками, ни противовоздушной защитой, и что она не могла считаться обученной (первые американские части, высадившиеся в конце 1942 г. в Северной Африке, оказались совершенно небоеспособными). Ведущий американский военный комментатор, Хан-

²¹ Карьеры обоих высших военных США, вплоть до их неожиданного продвижения на вершины военной иерархии во время Второй мировой войны, отличаются редкой бесцветностью, стоявшей в противоречии к стараниям «Американской Энциклопедии» создать им ореол «полководцев».

Маршалл (род. 1880, производство в офицеры в 1901 г.) закончил Первую войну 38-летним капитаном, что после 17 лет службы, в том числе одного года на европейском театре, говорит о весьма ограниченных способностях. Дослужившись в 1936 г. в возрасте 56 лет до бригадного генерала (после отказа в производстве в 1933 г.), он был произведен Рузвельтом в генерал-майоры в год его назначения нач-ком Главного штаба вооруженных сил США – беспрецедентный случай в военной истории цивилизованных стран.

Эйзенхауэр (род. 1890) был произведен в офицеры в 1915 г. в возрасте 25 лет, закончив офицерское училище 61-м по счету: в числе его способностей «Ам. Энци.» отмечает лишь таковые в футбольной команде училища. Закончив Первую войну подполковником в должности нач-ка учебного лагеря в американской провинции, он не получал дальнейших производств в течение 23-х лет. В 1940 г. он служил в штабе пехотного полка в безвестном калифорнийском форту, пока не был произведен Маршаллом по новому закону о внеочередных производствах в полковники в марте 1941 г. и в бригадные генералы в сентябре того же года. – *Прим. издателей.*

²² За полгода до того произведенный в бригадные генералы – *прим. перев.*

сон Болдвин, писал впоследствии: «Задним числом теперь совершенно ясно, что наши планы высадки в Западной Европе в 1942 г. были чистой фантазией».

Несмотря на всё это, генерал Маршалл, вернувшись в Вашингтон, предложил Рузвельту, чтобы США прекратили свое участие в войне в Европе, если Англия не согласится с его планом (об этом свидетельствует б. военный министр США Стимсон, см. библиографию). Маршалла снова послали в Англию уговаривать Черчилля (генерал демонстративно отказался поселиться в имени британских премьер-министров Чекерсе). Его план провалился окончательно после того, как от ген. Кларка было получено из Ирландии донесение, что он может предоставить для предполагаемой операции лишь одну необученную и недостаточно вооруженную дивизию. Тем не менее, и план высадки – явно с единственной целью «спасти» СССР – был выработан, и угроза англичанам была сделана, и в свете этих действий высшего военного начальника США следует рассматривать всё происшедшее впоследствии в ходе войны.

Весной 1942 г. во Франции и Голландии всё еще стояли 1 300 000 солдат германской армии в то время, как у западных союзников не было ничего отдаленно равноценного для нападения на эту силу, даже если бы они располагали к тому времени превосходством в воздухе, судами для высадки, амфибийными средствами транспорта и войсками, обученными для вторжения – о чем тогда не могло быть и речи. Рузвельту пришлось отказаться от опасной авантюры Маршалла, и Англия в третий раз во время войны оказалась спасенной от смертельной опасности²³. В 1942 и 1943 г.г. английские, а затем и американские армии смогли одержать победы над немцами в Северной Африке, после чего наступил переломный пункт в ходе всей войны²⁴. Западные союзники были теперь подготовлены к решительному удару в Европе. Вопрос был, как и где он должен был быть нанесен. Вторичное вмешательство генерала Маршалла определило в этот момент характер всей войны.

Личные воспоминания Черчилля, как и свидетельства всех остальных источников, показывают, что английский премьер был последователен в отстаивании своей точки зрения в данном вопросе от начала до самого конца. Он был единственным среди лидеров западной коалиции, кто обладал большим военным и политическим опытом, и он ясно видел, что война не принесет ни настоящей победы, ни мира, если революционному коммунистическому государству, агрессору, развязавшему войну, будет разрешено проникнуть глубоко в Европу. По его планам, военные операции должны были проводиться так, чтобы советские войска не могли продвинуться много дальше естественных границ СССР.

В споре по этому вопросу главным противником Черчилля оказался генерал Маршалл, больше даже, чем Рузвельт, который в последнем году войны, в результате своей болезни, явно потерял способность ясно мыслить, если только не стал просто беспомощным пленником своего окружения. Черчилль настаивал, чтобы союзники ударили как на севере, так и на юге с тем, чтобы занять западными войсками Балканы и Центральную Европу прежде, чем они, избавившись от гитлеровского, попадут в советский плен. Этот план обеспечил бы настоящую победу, дав всему миру шанс пользоваться миром до конца 20-го века, и в значительной степени осуществил бы первоначальные «цели войны», среди которых на первом месте, как известно, стояло «освобождение». Генерал Маршалл, наоборот, требовал сосредоточения всех сил на вторжении во Францию, что отдавало Восточную и Центральную Европу, как и Балканы, советским армиям; Рузвельт же, то ли сознательно, то ли потеряв способность мыслить, поддерживал ту же линию до горького финала в Ялте, где «поражение было вырвано из зубов победы».

²³ Автор имеет в виду: 1) Эвакуацию 340 000 англо-французских солдат из Дюнкерхена в Англию после разгрома Франции в конце мая 1940 г.; Гитлер питал иллюзии относительно возможности заключения мира и не желал окончательно «добывать» Англию, для чего имелась полная возможность. Спасенный британский экспедиционный корпус стал ядром развертывания армий, выигравших затем кампании в Северной Африке в 1942–43 г.г. и в Нормандии в 1944 г. 2) Спасение в воздушной «битве за Англию» и от германского вторжения в том же 1940 г. Ни для того, ни для другого у германского командования не было достаточных военно-воздушных сил, прежде всего бомбардировочной авиации дальнего действия; в числе прочего, в этом доказательство того, что Гитлер не подготавливал не только «мировой», но даже и общеевропейской войны. Утверждения противного на Нюрнбергском процессе были основаны на фальшивке, т.н. «протоколе Хосбаха» от ноября 1937 г., от которого не существовало ни оригинала, ни копии, и чей никем не подписанный «микрофильм с копии», предъявленный обвинением в Нюрнберге, с тех пор также исчез. – Прим. издателей.

²⁴ Главным образом, разумеется, после немецкой катастрофы под Сталинградом – прим. перев.

Война продолжалась еще полтора года, однако жребий был брошен, как показали последующие события, на первой конференции в Квебеке в августе 1943 г., когда англо-американские войска, завершив завоевание Северной Африки, повернули в Европу и уже вытесняли германские армии из Италии. По настоянию Маршалла, в Квебеке было принято решение оттянуть войска из Италии для второстепенной высадки на юге Франции, что должно было помочь намеченному главному вторжению в Нормандии. Это означало раздробление союзных войск под командованием фельдмаршала Александра в Италии (превратившихся, по словам генерала Кларка, после занятия Рима, в «колоссальную военную машину... с неограниченными возможностями»), остановку их наступления и, прежде всего, отказ от удара из Италии через Адриатическое море с выходом союзных армий на Вену, Будапешт и Прагу. Это изменило бы всю послевоенную ситуацию в пользу Запада и в пользу мира; простой взгляд на карту Европы сделает это ясным каждому читателю. В этот момент победа была уже в руках, но ей пренебрегли ради высадки в южной Франции, что было еще худшим распылением военных сил с еще худшими последствиями, чем посылка английских войск в Палестину в Первую войну.

Второстепенная высадка на юге Франции не приносила военных преимуществ, могущих оправдать принятие этого решения, явно носившего политический характер; это полностью подтверждается документом, на котором генерал Маршалл основывал свои доводы в пользу указанного решения в Квебеке. Документ этот был озаглавлен «Положение России» и приписывался (согласно Шервуду) «военной оценке США на очень высоком уровне», что указывает на того же генерала Маршалла. В нем говорилось:

«После войны Россия будет занимать в Европе господствующее положение... Поскольку Россия является решающим фактором в настоящей войне, ей должна быть оказана любая помощь, а также должно быть сделано всё, чтобы заручиться ее дружбой. Точно также, поскольку она несомненно будет господствовать над Европой после поражения держав оси,²⁵ то тем более необходимо развивать и поддерживать с Россией самые дружественные отношения».

Здесь перед нами не терпящая возражений и «дискуссий» политика в области поставок ленд-лиза повторяется и в сфере военных операций, это безоговорочная капитуляция перед приоритетом советских целей и интересов. Сталин был против союзного удара на Балканы, утверждая, что «единственная прямая дорога для удара в сердце Германии ведет через сердце Франции»; американская «военная оценка на очень высоком уровне» фактически предлагала следовать планам Сталина. Как видит читатель, этот документ дважды преподносит политическое предположение, как совершившийся факт, а именно, что после войны «Россия будет занимать в Европе господствующее положение» и что она «несомненно будет господствовать над Европой». Именно это было в 1943 году еще вопросом, решить который призваны были два года дальнейших военных операций, а политика Черчилля была направлена на предотвращение как раз того, что здесь преподносилось в качестве решенного вопроса. Черчилль хотел видеть Советы победителями в войне, но отнюдь не «господами» Европы. Он оказался в проигрыше, и в этот день в 1943 году, с помощью закулисных политических махинаций, Вторая мировая война была в политическом смысле проиграна Западом.

Это было наиболее важное по своим последствиям вмешательство генерала Маршалла в ведение операций. Черчилль не позволяет себе критиковать Маршалла открыто, но оценивает его роль в своих военных воспоминаниях довольно загадочно, сожалея в их разделе «Триумф и трагедия» об упущенных возможностях. Генерал Марк Кларк, однако, командовавший в 1943 г. американскими войсками в Италии, писал в 1950 г.:

«Мы перебросили наши силы из Италии во Францию явно в угоду Сталину... чтобы не допустить нас в Центральную Европу. Операция «Наковальня» (высадка в южной Франции) кончилась в тупике. Совершенно ясно было, почему Сталин был за «Наковальню»... После падения Рима армия Кессельринга могла бы быть уничтожена, если бы мы могли предпринять окончательное наступление. За Адриатическим морем лежала Югославия... а за Югославией были Вена, Будапешт и Прага... после падения Рима мы погнались за ложными целями, как с политической, так и со стратегической точки зрения... Если бы не промах на высшем уровне, помешавший нам занять Балканы и отдавший их Красной Армии, средиземноморская кампания могла бы стать наиболее решающей для всей послевоенной истории... Было отменено наступление, которое изменило бы всю

²⁵ Имеется в виду ходячее обозначение «оси Рим-Берлин» – прим. перев.

историю отношений между западным миром и советской Россией... Ослабление похода в Италии... было одной из грубейших политических ошибок этой войны».

Генерал Марк Кларк – блестящий офицер, переведенный впоследствии на второстепенные должности и подавший в отставку – говорит об «ошибках» или «промахах» (blunders), однако цитированный нами документ, как и многие другие источники, ставшие теперь доступными, показывают, что принятое тогда решение не было ошибкой в обычном значении этого слова, т.е. промахом в результате неправильного учета возможных последствий. Последствия не только ясно предвиделись, но входили в расчеты принимавших решение; в этом в настоящее время не может быть ни малейших сомнений. Это решение было не военным, но политическим, и оно было сделано группой лиц, окружавших президента. В области военных операций оно было точной параллелью решению в сфере ленд-лиза: подчинение всех остальных соображений интересам революционного коммунистического государства.

В результате всего этого война, которая могла закончиться (вероятно уже в 1944 г.) освобождением стран, покоренных Гитлером, и оставила бы советское государство в пределах естественных русских границ, или недалеко за ними, а Европу в состоянии равновесия, тянулась далее в течение 1944 и 1945 г.г., в то время как германским войскам в Италии была дана передышка, а дорогостоящая высадка на юге Франции ничем не помогла главному фронту вторжения в Нормандии. Характер, который война приобрела в ее последние 10 месяцев, был навязан ей советским правительством с помощью его прямого агента в правительстве США, известного под именем Гарри Декстера Уайта, которого все известные авторитеты считают с тех пор автором плана полного разрушения Германии и отдачи всей Европы под советское «господство», ставшего известным, как «план Моргентау». Тень этого плана нависла (как будет показано далее) над западными армиями, постепенно пробивавшими себе путь к границам Германии. До последнего момента Черчилль (несмотря на поражение его плана ударить «под мягкий живот противника» на Балканах) пытался спасти всё, что еще было возможно, начав энергичное наступление левым флангом союзных армий на Берлин и дальнейший обход его на восток. История этого описана в мемуарах как самого Черчилля, так и Эйзенхауэра. Эйзенхауэр описывает, как он отклонил предложение фельдмаршала Монтгомери в конце 1944 г. бросить все наличные силы в энергичное наступление на Берлин. По его мнению, план был слишком смелым и рискованным, хотя ранее в своих воспоминаниях он мягко упрекает Монтгомери в чрезмерной осторожности. В течение последующих месяцев он продолжал неторопливое наступление на всем западном фронте, дав возможность Красной Армии пробиться глубоко в Европу, а в марте 1945 г. (после конференции в Ялте, когда стало ясным намерение Советов не освободить, но захватить Румынию и Польшу, и Рузвельт начал посылать официальные протесты Сталину), генерал Эйзенхауэр уведомил советского диктатора о своих военных планах прямой телеграммой «лично маршалу Сталину». Сообщение этих планов Сталину еще до согласования их с Союзным Генеральным Штабом вызвало раздраженный протест Черчилля, до последнего момента старавшегося предупредить готовившееся фиаско требованием, чтобы по крайней мере Вена, Прага и Берлин были заняты войсками западных союзников.

Всё это было напрасным. Генерал Маршалл уведомил Лондон из Вашингтона, что он полностью одобряет как «стратегическую концепцию» генерала Эйзенхауэра, так и «процедуру ее сообщения русским». После этого союзное продвижение на Западе фактически совершалось по получению согласия Советов, советы же Англии во внимание не принимались. Генерал Эйзенхауэр 28 марта 1945 г. сообщил непосредственно Сталину, что он остановит свои войска не доходя до Вены. 14 апреля он же уведомил Союзный Генеральный Штаб, что он остановится в 70 милях (112 км), не доходя до Берлина, на линии Эльбы, присовокупив: «с вашего согласия, я предлагаю известить об этом маршала Сталина»; поскольку британские возражения уже были отклонены, первые три слова этой фразы были простой формальностью. Оставалась еще Прага, столица оккупированной Чехословакии. Эйзенхауэр сообщил Сталину, что, «если положение этого потребует», он будет наступать на Прагу, поскольку у него крупные силы бездействовали на чешской границе. Сталин ответил (9 мая 1945 г.), предлагая ген. Эйзенхауэру «воздержаться от продвижения союзными войсками в Чехословакию... за линию Карлсбада, Пильзена и Будвейса». Эйзенхауэр немедленно отдал приказ генералу Паттону остановиться на этой линии.

Так произошло то, что Черчилль в своих воспоминаниях называет «отвратительным разделом Европы», добавляя пустые слова о том, что «он не может долго продолжаться». Пять лет спустя генерал Эйзенхауэр заявил, что ответственность за все три роковых решения нес он один.

«Я должен внести здесь полную ясность. Вашим вопросом Вы подразумеваете, что решение не наступать на Берлин было политическим решением. Наоборот, ответственность за это решение лежит только на одном лице во всем мире. Это был я. Никто не вмешивался в это ни в малейшей степени».

Это было ответом на вопрос, заданный па обеде Общества юристов города Нью-Йорка 3 марта 1949 г., который гласил:

«Общее мнение таково, что если бы наши армии заняли Берлин... и Прагу, картина послевоенного периода могла бы быть иной... Если бы наши политические лидеры... не вмешивались в Ваши военные действия, направленные на занятие возможно большей территории, ...не думаете ли Вы, что тогда послевоенная картина была бы совершенно иной?»

Слова Эйзенхауэра не могут быть правдой, даже если он сам думал, что это так и было. Приказ задержать союзное наступление, пока Красная армия не захватит Германию и Центральную Европу с их тремя столицами, явно следовал политике, которая, как уже было показано, направляла «ленд-лиз»: предпочтение требованиям советского государства перед всеми остальными союзниками, и даже перед нуждами самой Америки. Биограф Эйзенхауэра, его бывший морской адъютант, капитан первого ранга Гарри Батчер, особо отмечает, что к тому времени, когда генерал Эйзенхауэр (вопреки протестам Черчилля) вступил в прямые переговоры с Москвой по вопросу о границах союзного наступления, вопрос *«границ и зон оккупации уже выходил за пределы компетенции ставки верховного командования»*. Действия генерала Эйзенхауэра ясно следовали политическим планам, предпринятым на самом высшем уровне; к тому времени, когда он стал президентом США, последствия этой политики были для всех ясны, и вполне возможно, что Эйзенхауэра «преследовал» пример Рузвельта (как этого последнего всегда «преследовал» пример Вильсона). Черчилль дал (11 мая 1953 г.) точную оценку военных операций, задержавших Вторую мировую войну, ставшую вторым разочарованием для войск, считавших себя победителями:

«Если бы Соединенные Штаты послушались нашего совета после установления перемирия в Германии, западные союзники не отвели бы своих войск от достигнутых ими рубежей на условленные границы оккупационных зон до тех пор, пока не было бы достигнуто соглашение с Советской Россией по многим спорным вопросам относительно оккупации вражеской территории, в которой германская зона была, разумеется, одной только частью. Однако наша точка зрения не была принята, и большая область Германии была передана для оккупации Советам без того, чтобы было достигнуто общее соглашение между всеми тремя странами-победительницами».

Вся политика передачи вооружения, товаров и народного богатства, а также ведения операций во время Второй мировой войны служила, таким образом, дальнейшему распространению революции. Другим путем, способствовавшим этому же распространению, была систематическая капитуляция западной государственной политики на самом высшем уровне во всех переговорах и на всех конференциях, состоявшихся по мере развития военных действий. Описывать все эти встречи (в Атлантическом Океане, в Каире, Казабланке, Тегеране и Ялте) означало бы излишне утруждать читателя. Чтобы продемонстрировать контраст между первоначальными декларациями высоких целей войны и «конечной капитуляцией» перед тем, что в ее начале столь усердно обличалось, достаточно кратко описать первую (в Атлантике) и последнюю (в Ялте).

«Атлантической хартии» предшествовало третье послевыборное выступление Рузвельта 6 января 1941 г., в котором он уведомил еще не вступившую в войну Америку, что он *«ожидает увидеть в будущем мир, покоящийся на принципе четырех основных свобод... свободе слова, свободе религии, свободе от нужды и свободе от страха»*. Вскоре после этого, 14 августа того же 1941 г., Атлантическая хартия – совместное произведение Рузвельта и Черчилля – воспроизвела фразеологию, с которой давно уже были знакомы все, кто дал себе труд прочесть «Протоколы» 1902 г. (интересно, ознакомились ли с ними наши «премьеры-диктаторы»?). В ней перечислялись «определенные основные принципы», которые должны были управлять политикой Америки и Англии и на которых оба подписавшие хартию *«основывали свои надежды на лучшее будущее для всего мира»*. Первым был *«отказ от всякого территориального или иного расширения»*, а вторым *«отказ от территориальных изменений, не соответствующих свободно выраженным пожеланиям самих заинтересованных народов»*. Третьим принципом было *«право всех*

народов избирать для себя желаемую форму правления; и далее, желание видеть восстановленными суверенные права и самоуправление всех тех, кто был их насильно лишен».

Отступление с этих высокопарных высот началось в Казабланке и Тегеране в 1943 г. (на конференции в Тегеране присутствовал и Сталин, включенный в «декларацию», как «*стремящийся... к уничтожению тирании и рабства, угнетения и нетерпимости*»), и закончилось в Ялте, в феврале 1945 г., ровно через три с половиной года после «Атлантической хартии».

К моменту ялтинской конференции наступление англо-американских армий в Европе было задержано с тем, чтобы Красная армия могла прочно окопаться в сердце континента. На этой конференции стало очевидным глубокое падение западной дипломатии (если только это выражение не слишком мягко) с ее прежних высот, и чтение ее протоколов заставляет европейцев с тоской вспоминать о прежних эпохах, когда послы и государственные деятели в парадных формах и сознании своей ответственности с достоинством упорядочивали отношения между народами после очередной войны: по сравнению с Венским и Берлинским конгрессами ялтинская конференция выглядит как дешевый концерт в кабаке.

После отказа советского диктатора выехать за пределы своих владений, западные лидеры поехали на поклон к нему в Крым, в переговорах с азиатами это с самого начала было равносильно капитуляции. Как американский президент, так и его правая рука, Гопкинс, были оба на пороге смерти, у Рузвельта это было ясно всем, кто видел его тогда в киножурналах: автор этих строк не забудет возгласов удивления и ужаса среди публики, в которой он тогда сидел. Некоторых из руководящих сановников сопровождали их родственники, т.ч. конференция носила характер семейного пикника, приятного отдыха от докучных обязанностей военного времени. Хуже всего было то, что гости стали объектами (а многие из них и жертвой), одного из старейших трюков, применяемого азиатами при переговорах, а именно, обработки алкоголем. Генерал-майор Лоуренс Кьютер, представлявший американские военно-воздушные силы, вспоминает:

«В качестве первого блюда за утренним завтраком подавался средних размеров бокал крымского коньяка. За коньяком и вступительными тостами следовали повторные угощения икрой с водкой... После них подавались холодные закуски с белым вином... под конец сервировались крымские яблоки с многочисленными бокалами довольно сладкого крымского шампанского... последним блюдом был стакан горячего чая, к которому подавался коньяк. И это был лишь, завтрак! Как мог кто-либо, с желудком полным всего этого, принимать разумные или логические решения в вопросах жизненных интересов Соединенных Штатов?... Эллиот Рузвельт, приехавший на конференцию вместе с отцом, говорил, что практически все без исключения были в стельку пьяны».

Об одном из ужинов Чарльз Боулен, помощник государственного секретаря (министра иностранных дел США) и переводчик при Рузвельте, вспоминает, что *«хозяином за столом был сам маршал Сталин. Атмосфера за столом была весьма сердечной и, в общей сложности, было выпито сорок пять тостов».*

В довершение всего, смертельно больной Рузвельт прибыл в Ялту с подписанным им т.н. «планом Morgenthau», составленным советским агентом, работавшим в его собственном министерстве финансов (Гарри Декстер Уайт), и в сопровождении другого советского агента, впоследствии разоблаченного и осужденного Альджера Хисса, который в этот решающий момент был особым советником президента по политическим делам и ведущим сотрудником Госдепартамента. В результате из трех сторон стола конференции советское правительство было представлено на двух, и исход совещаний был логическим результатом такой расстановки сил. Вплоть до самого начала конференции Черчилль не прекращал своих попыток спасти хотя бы часть Центральной Европы и Балканы от судьбы, уготованной им в Ялте. Встретившись с Рузвельтом на Мальте, по дороге в Ялту, он вновь предложил открыть операции в бассейне Средиземного моря; но генерал Маршалл тут же заявил, в прежнем тоне своих угроз в 1942 г., что *«если английский план будет принят... он укажет Эйзенхауэру, что тому не остается ничего, как сложить с себя командование»* (Шервуд). За месяц до встречи в Ялте Черчилль телеграфировал президенту Рузвельту: *«В настоящее время мне кажется, что исход этой войны будет еще более неудачным, чем исход прошлой».* Это было довольно далеко от сознания того «лучшего часа» его жизни в 1940 г., когда, заняв пост премьер-министра, он мог написать: *«Благословением Божиим является власть в дни национального испытания, если знаешь, где и какие приказы должны быть отданы».* Теперь он знал, как ничтожна была истинная власть «премьеров-диктаторов», и мог лишь в лучшем случае надеяться спасти хоть немного из обломков победы, выброшенной в окно в тот момент, когда она была близка.

Всё, что знал теперь Черчилль и что он говорил Рузвельту, было совершенно неизвестно воюющим народам. Полный контроль над печатью, которым так нагло хвалились уже «Протоколы», не давал правде достигнуть широких масс, которых день ото дня захлестывали волной энтузиазма по поводу великой победы, якобы уже бывшей в их руках. Вся «власть» г-на Черчилля была бессильна что-либо в этом изменить. За несколько месяцев до того (23 августа 1944 г.) он с удивлением запрашивал своего министра информации: *«Разве есть какое-либо запрещение опубликовывать факты об агонии Варшавы, которые, судя по газетам, практически замалчиваются»* («Триумф и трагедия»). Вопрос звучит вполне искренне, и в таком случае Черчиллю было неизвестно то, о чем ему мог рассказать любой честный журналист, а именно то, что такие факты были «практически замолчаны». Он не сообщает, каков был ответ, если он его вообще получил. «Агония», о которой говорит Черчилль, относится к героическому восстанию подпольной польской армии генерала Бора-Коморовского против немцев в тот момент, когда Красная армия подходила к Варшаве. Советское наступление было, по приказу из Москвы, немедленно приостановлено, и Сталин не разрешил английской и американской авиации пользоваться советскими аэродромами, чтобы помочь полякам. Черчилль пишет: *«Я едва мог поверить моим глазам, прочтя его жестокий ответ»*, и сообщает, что он настаивал на приказе Рузвельта американским самолетам пользоваться этими аэродромами, поскольку *«Сталин не посмеет стрелять по ним»*. Рузвельт отказался, и поляков выдали на поток и разграбление войскам СС, сравнившим Варшаву с лицом земли. 1 октября 1944 г. после двухмесячного сопротивления польское подпольное радио Варшава передало свое последнее сообщение:

«Такова горькая правда: с нами поступили хуже, чем с гитлеровскими сателлитами, хуже, чем с Италией, хуже, чем с Румынией, хуже, чем с Финляндией... Бог справедлив, и в своем всемогуществе Он накажет всех, кто отвечает за это страшное оскорбление польской нации»

– слова, вызывавшие в памяти передачу чешского радио в 1939 г., после выдачи Чехословакии Гитлеру: «Мы завещаем нашу скорбь Западу».

Власть, захваченная мировой революцией на зараженном Западе, была достаточна для того, чтобы предотвратить опубликование фактов, подобных этим, во время Второй войны, и запрос Черчилля министру информации повис в воздухе. «Агония Варшавы имела место ровно через 3 года после того, как Рузвельт подписал свою «декларацию принципов», в которой он желал *«видеть восстановленными права и самоуправление тех, кто был силой их лишен»*.

Таков был закулисный фон ялтинской конференции, на которой при первой же встрече со Сталиным президент Рузвельт, уже одной ногой в гробу, обрадовал советского диктатора признанием, что он теперь *«более кровожаден в отношении немцев, чем год назад, и что он надеется на повторение Сталиным его тоста за расстрел 50 000 офицеров германской армии»*. Слово «повторение» намекало на тегеранскую конференцию в декабре 1943 г., на которой Сталин предложил такой тост, а Черчилль запротестовал и сердито вышел из комнаты. После чего Рузвельт предложил, чтобы расстреляны были только 49 500, а его сын Эллиот, в веселом застольном настроении, выразил надежду, что «сотни тысяч» из них будут убиты в боях; сияющий «дядюшка Джо» встал со своего места и обнял президентского сынка.

Вторя Сталину, Рузвельт явно хотел позлить Черчилля, которого он в 1945 г., по-видимому, считал своим соперником; своему сыну Эллиоту он говорил уже в Тегеране, что

«к сожалению, премьер-министр слишком много думает о том, что будет после войны и в каком положении будет Англия; он боится, что русским позволят стать слишком сильными».

Он не скрывал этого и от Сталина, сказав, что *«теперь он скажет ему кое-что по секрету, чего он не хотел бы говорить в присутствии премьер-министра Черчилля»*. В числе того, чего не должен был слышать Черчилль, было следующее:

«Президент сказал, что наши армии теперь так близки друг к другу, что они могут установить непосредственный контакт, и он надеется, что генерал Эйзенхауэр сможет теперь прямо сноситься с советским штабом, минуя Союзный Генеральный Штаб в Лондоне и Вашингтон»

(4 февраля 1945 г.).

Это объясняет судьбу, постигшую Вену, Берлин и Прагу; в марте, апреле и мае 1945 г. генерал Эйзенхауэр, связавшись непосредственно с Москвой, сообщил Советам свои планы наступления и согласился остановить свои армии, не доходя до этих столиц.

Сталин не предлагал снова расстрелять 50 000 германских офицеров. Ялтинские протоколы показывают, что он довольно сдержанно относился к сделанным ему частным предложениям Рузвельта (например, чтобы англичане оставили Гонконг), рисуя его человеком, державшим себя с большим достоинством, и гораздо более сдержанным в выражениях, чем президент США. Причиной этому, с одной стороны, могло быть то, что болтовня Рузвельта производит, по своему бездушию и цинизму, отталкивающее впечатление на читателя; с другой же, даже Сталин вероятно сомневался в том, что президент пойдет так далеко, поддерживая усиление Советов, и, опасаясь ловушки, был более сдержан, чем обычно. Как бы то ни было, на страницах ялтинских протоколов этот массовый убийца и палач миллионов выглядит менее отвратительным, чем его гость.

Главным испытанием для чести Запада был в Ялте вопрос, что будет с Польшей. Вторжение в Польшу Советов и немцев, как партнеров по ее разделу, развязало Вторую мировую войну; не подлежало сомнению, что декларация Рузвельта и Черчилля в атлантической хартии 1941 г. о «восстановлении суверенных прав и самоуправления» для тех, «кто был насильно их лишен», в первую очередь относилась именно к Польше. Ко времени ялтинской конференции, за два с половиной месяца до окончания войны в Европе, Польша фактически была отдана как добыча мировой революции: об этом наглядно свидетельствовал отказ помогать варшавским повстанцам, и это же не могло быть убедительнее доказано, чем приказом Рузвельта генералу Эйзенхауэру подчинить его планы наступления советским пожеланиям. Это означало, что Польша, а с ней и все европейские государства к востоку и юго-востоку от Берлина будут фактически либо присоединены к СССР, либо, же войдут в зону господства революции.

Хотя Черчилль всё еще не оставлял надежды на предотвращение этого, непосредственно предстоящий захват этих территорий был в Ялте ясен для каждого, и окончательное моральное падение Запада заключалось в принятии этого факта, в конечном итоге и самим Черчиллем. Это было полной капитуляцией: отговорка, что только половина Польши отойдет к Советам, что Польша получит «компенсацию» в виде территории, отрезанной от Германии, и что в этом перекроенном государстве будут проведены «свободные выборы», звучала насмешкой для каждого, кто знал, что вся Польша и половина Германии, которой Польша должна была быть «компенсирована», перейдут из под нацистского господства в советское рабство, и что армии западных союзников должны были быть остановлены, чтобы не помешать этому.

Поэтому, когда в Ялте президент Рузвельт попросил разрешения «поставить вопрос о Польше», от благородных «принципов» Атлантической хартии уже не оставалось и следа. Он начал со ссылки на то, что «в Соединенных Штатах проживают 6 или 7 миллионов поляков», показывая этим, что для него вопрос заключался не в Польше, а лишь в голосах на выборах, после чего он предложил ампутацию восточной Польши по линии Керзона, добавив странное замечание, что «большинство поляков, как и китайцы, хотят лишь сохранить лицо»; многие наблюдатели того времени отмечали частую бессвязность в его речи, и в этом случае он также не объяснил, как потеря польской территории могла помочь полякам «сохранить лицо». Рузвельт был подготовлен для такого предложения хорошо знавшим свое дело советником. Эдвард Стеттиниус, который хотя и был в то время номинально государственным секретарем США, но по видимому не принимал большого участия в направлении иностранной политики, сделал тогда запись, что «президент попросил меня прислать ему юриста для консультации о формулировке заявления о польских границах; я послал к нему Альджеру Хисса». Черчилль остался в одиночестве, заявив свой последний протест на тему о первоначальных «принципах» и о тех целях, с которыми якобы была начата Вторая мировая война:

«Мы пошли войной на Германию за свободу и суверенность Польши. Каждый здесь знает, чего нам это стоило при нашей неподготовленности, мы рисковали нашей жизнью, как нации. У Великобритании нет территориальных интересов в Польше. На карте стояла только наша честь, и мы обнажили меч за Польшу в ответ на зверское нападение Гитлера. Я никогда не соглашусь ни с каким решением, которое не даст Польше свободы и независимости...».

Позже, когда ему пришлось уступить давлению Рузвельта и Сталина, он заявил с горечью:

«Нас обвинят в том, что британское правительство уступило во всем в вопросе о (польских) границах, и не только согласилось с советской точкой зрения, но и активно ее поддержало... Великобританию обвинят в том, что она бросила Польшу на произвол судьбы...».

В конечном итоге, видно, и ему не оставалось ничего иного, как подписать соглашение, а когда впоследствии в Лондоне состоялся «парад победы», польские солдаты в английских мундирах, первыми поднявшие оружие против Гитлера, сидели в трауре в своих казармах.²⁶

Черное дело было сделано и, вместо свободы слова и религии, свободы от страха и нужды, народы Восточной Европы были отданы во власть режима тайной полиции и концентрационных лагерей. Казалось, что ничего худшего сделано быть не могло, однако было сделано нечто еще худшее: согласно «протоколу о германских репарациях», было разрешено и распространено на побежденных наихудшее изобретение советского терроризма, рабский труд, поскольку этот документ узаконивал получение «тремя правительствами» репараций от Германии в форме «использования германской рабочей силы».

Было еще и дополнительное соглашение, согласно которому западные союзники рассматривали всех русских военнопленных в Германии как «дезертиров», подлежащих возвращению в Советский Союз. На бумаге всё это выглядит менее страшно. Но каковы были результаты этой политики для живых людей, видно из свидетельства преп. Джеймса Чутера, английского военного священника и одного из четырех тысяч пленных из распущенного германского лагеря для военнопленных, пробравшихся навстречу наступающим западным союзникам в 1945 г.:

«Вдоль восточного берега реки Мульде скопилось множество людей... десятков тысяч беженцев, прибывших раньше нас. Река Мульде была демаркационной линией, на которой остановились американцы и до которой должны были продвигаться русские. Американцы не пускали никого через реку, кроме германских солдат и союзных военнопленных. Время от времени, отдельные беглецы в отчаянии бросались в воду, чтобы избежать ожидаемого зверства Советов. Чтобы избежать подобных инцидентов и отпугнуть беглецов, с западного берега время от времени, слышались очереди американских пулеметов... грозное предупреждение всем, кто хотел бы спастись, переплыв реку».

Таков был финал Второй мировой войны, и соглашение, освящавшее все эти ужасы (в котором сталинская подпись присоединилась к обоим подписавшим Атлантическую хартию в 1941 г.), торжественно объявляло: *«Настоящей декларацией мы подтверждаем нашу веру в принципы Атлантической Хартии»*²⁷.

²⁶ Немаловажная деталь в предвоенных событиях бросает свет на подоплеку подготовки Второй мировой войны в соответствии с выводами Дугласа Рида, но рисует роль Англии в менее «рыцарском» виде. В ноябре 1938 г. польское правительство лишило гражданства несколько десятков тысяч польских евреев, проживавших в Германии, что вызвало осложнения в отношениях с последней, уже отправившей обратно в Польшу 10'000 лиц того же сорта: лишение их польского гражданства затрудняло их высылку из Германии, как «нежелательных иностранцев». Другими словами, положение евреев в Польше мало чем отличалось от их положения в Германии, причем обе страны всеми средствами стремились отделаться от нежелательного для них элемента. Напрашивается вывод, что «обнажить меч за Польшу» Англии (а под ее давлением и Франции, причем за обеими странами стояло «непреодолимое давление» из США) пришлось для того, чтобы превратить локальный германо-польский конфликт, не затрагивавший ничьих иных интересов, в мировую войну, цели которой имели мало общего с «восстановлением суверенитета и свободы Польши»: Английская «гарантия» от 31 марта 1939 г. имела целью настроить Польшу непримиримо в вопросе Данцига и «польского коридора», сделав соглашение с Германией невозможным; Войну спровоцировали Советы, заключившие с Гитлером тайное соглашение о разделе Польши: об этом знали в Вашингтоне и Лондоне, но не сообщили полякам, посулив им военную помощь, заведомо считавшуюся невозможной. После начала военных действий война была немедленно объявлена Германии, но не Советам, напавшим на Польшу на 3 недели позже. Польша была разгромлена немецкими руками. Германия – «Западом» в союзе с Советами, обе страны за антиеврейские законы и «антисемитизм». – *Прим. издателей.*

²⁷ Со времени написания книги Дугласа Рида стали известны гораздо большие «ужасы», главным образом о выдаче русских военнопленных, «остарбайтеров», власовцев, казаков и др. на расправу Советам. Внук повешенного в Москве ген. П.Н. Краснова, Н. Краснов, освобожденный при Хрущеве, смог выехать из СССР и написать свои воспоминания («Незабываемое», Сан-Франциско, 1957), вышедшие в США на русском и английском языках. Н. Краснов лишь ненадолго пережил издание своей книги: его отравили в Аргентине. Западной общественности история «великого предательства» (ген. Науменко) стала известной главным образом из книг лорда Николая Бетедля («Последняя тайна», 1974) и Николая Толстого («Жертвы Ялты», 1977) – см. библиографию. В обоих трудах детально описывается выдача гл. обр. 50'000 казаков с женами и детьми в Австрии, с точным перечислением участвовавших в этой «операции» шотландских и

Под конец ялтинской конференции произошел еще один любопытный эпизод. Во время последнего разговора «с глазу на глаз» между Рузвельтом и Сталиным накануне отъезда президента, собиравшегося встретиться с королем Ибн-Саудом, Сталин заметил, что «еврейский вопрос был очень трудным; они (русские) также хотели создать «еврейский национальный очаг» в Биробиджане, но из этого ничего не вышло: евреи оставались там два–три года, а затем разбежались по большим городам». Тогда президент Рузвельт, в манере члена аристократического клуба, уверенного, что его хозяин также состоит в нем, «сказал, что он – сионист, спросив, является ли им маршал Сталин?» На читателя этих записей это производит впечатление, что тут два деловых человека подошли, наконец, к сути дела. Сталин ответил, «в принципе – да», но тут же добавил, что «от него не укрывается трудность вопроса». И здесь грузинский налетчик, грабивший банки, производит лучшее впечатление, как государственный деятель, и говорит в более деловом тоне, чем любой из западных лидеров за последние 40 лет, ни один из которых не видел в этом вопросе никаких «трудностей» (Черчилль заранее клеймил все разговоры о «трудностях», как антисемитизм). Нет сомнения, что этим кратким обменом мнений разговор на эту тему не закончился, но в официальном отчете дальнейших подробностей не содержится. В тот же последний день официальных совещаний конференции Сталин спросил Рузвельта, какие уступки он собирается сделать королю Ибн-Сауду, на что президент ответил, что «он мог бы предложить ему только одну уступку, а именно отправить к нему (Ибн-Сауду) шесть миллионов американских евреев» (эта цитата засвидетельствована источниками, но вычеркнута из официального текста). Приведенные цитаты, за исключением последней, взяты нами из официального издания «Конференции на Мальте и в Ялте в 1945 г.», опубликованного Госдепартаментом США 16 марта 1955 г. Газеты вышли на следующее утро, 17 марта, с заголовками на всю первую страницу, типичным для которых был заголовок в канадской «Монтреаль Стар»: «Столицы мира в ужасе после раскрытия секретов Ялты». Всё это, разумеется, ерунда: в 1955 году общественность воспринимала подобные сообщения с полным безразличием, будучи доведенной с помощью контроля печати до состояния бессильного одурения, предсказанного в «Протоколах» 1902 г.

Как исторический документ, разоблачения ялтинских протоколов достаточно красноречивы, однако они далеко не полны. Очень многое из них было вычеркнуто (мы привели только один пример), в том числе наверняка самое худшее. В мае 1953 г., под давлением со стороны американского Сената, Госдепартамент приступил к печатанию неподчищенных текстов, причем до июня 1956 г. должны были выйти из печати протоколы всех двенадцати совещаний на высшем уровне военного времени. Однако, до мая 1956 г. были опубликованы только ялтинские протоколы, и те подчищенные цензурой. Два сотрудника Госдепартамента, которым была поручена подготовка документов к печати и которые настаивали на ее полноте и спешности, д-р Дональд Дозер и г. Брайтон Баррон, были уволены в отставку в начале 1956 г., хотя еще в апреле 1955 г. со стороны президента Эйзенхауэра последовало заявление:

«Я думаю, что глупо было бы... скрывать какие-либо документы военного времени, включая мои собственные ошибки. Надо опубликовать всё, на чем общественность США могла бы научиться из прежних ошибок для принятия правильных решений в настоящее время».

ирландских частей и имен их офицеров. Авторов трудно заподозрить в намеренном умолчании того, о чем сообщает Н. Краснов: окружившие казаков «англичане» были черноволосые, курчавые типы, говорившие по-польски и немедленно занявшиеся «обменом» на папиросы часов, колец и др. вещей их пленников, с пояснением на русско-польском жаргоне, что жить им осталось недолго и что папиросы пригодятся им больше всего другого. Очевидно, участие еврейской Палестинской бригады (на английской службе) в этой «операции» было столь тщательно замаскировано, что упомянутым английским авторам (лорд Бетелль и Н. Толстой) не удалось найти следов «талмудистской мести» также и в этой трагедии Второй мировой войны. В разгар «холодной войны» смерть Н. Краснова была в кругах русской эмиграции в Аргентине приписана советским агентам. Однако, в эпоху Хрущева у Советов не было особого интереса в сокрытии тайн сталинского режима; если бы существовало опасение разоблачений, то Н. Краснова не выпустили бы из СССР. Есть, поэтому, основания сомневаться в советском авторстве этого убийства; с другой стороны, убийство последнего члена семьи «черносотенца» и «антисемита» генерала Краснова, к тому же раскрывшего последний секрет в «последней тайне» (Бетелль), могло кое-где считаться весьма «богоугодным» делом. Для израильского Моссада (служба разведки и диверсии), оперировавшего в Аргентине в те годы как у себя дома (похищение Эйхмана в 1960 г.), отравление беззащитного русского эмигранта не представляло большого труда. – Прим. издателей.

Перед увольнением на пенсию Баррона «подвергли усиленному промыванию мозгов, чтобы добиться от него согласия на изъятие ряда важных документов». Он был вынужден заявить своему начальству, что готовящаяся ими к изданию компиляция «извращена, неполна и плохо подчищена с целью обелить прежние правительства и ввести американский народ в заблуждение». История с ялтинскими документами показывает, что через 10 лет после войны государственная власть всё еще была в руках «чужеземной группы», сумевшей во время войны подчинить экономику, военные операции и государственную политику целям «распространения» революции. И теперь еще та группа была в состоянии игнорировать заявления президентов и действовать вопреки воле Конгресса США; возжи были полностью в их руках. Это означает, что проникновение в американское правительство и его аппарат агентов мировой революции, начавшееся со дней первого президентства Рузвельта в 1933 г., не было устранено и к 1955 году, несмотря на многочисленные разоблачения: а поскольку это так, то и в любой третьей мировой войне все силы Америки смогут снова быть направлены на скрытый, но по-прежнему первоочередной план создания мирового коммунизированного общества (третья фаза ленинского плана). Втянутые в такую войну народные массы снова будут воевать за цели, прямо противоположные тем, которые будут предподнесены им в ходе какого-либо нового «Перл-Харбора».

Подрыв жизненных основ Запада не ограничивался одними Соединенными Штатами, но распространился на весь Западный мир; если мы в этой главе описываем главным образом Америку, то это делается лишь потому, что после войны мощь и богатство Америки так выросли, что злоупотребление ими сможет решить судьбу всего мира. Как уже было нами показано, такое же положение наблюдалось и в Англии – стране, из которой произошли заокеанские нации, в том числе самые многочисленные из них, Канада и Австралия.

Первое разоблачение планов подрыва Запада и распространения мировой революции имело место в Канаде сразу же по окончании войны, и оно было единственным из четырех, в котором последовало полное правительственное расследование и полное опубликование всех его результатов; оно же было толчком к другим аналогичным разоблачениям в США, Австралии и Англии. Разоблачения были сделаны, с риском для собственной жизни, русским, сообщившим канадскому правительству о наличии сети шпионажа и агентурного проникновения в государственный аппарат, центром которого было советское посольство в Оттаве (несмотря на то, что разоблачение и предупреждения Запада о грозящей ему опасности были сделаны русскими, политики и печать продолжали натравливать свою общественность против «русских», а отнюдь не против революционного коммунистического заговора, первой жертвой которого в свое время стала именно Россия). То, что в данном случае последовало полное и открытое расследование – весьма необычное в подобных случаях – обязано, по-видимому, тому обстоятельству, что тогдашний канадский премьер-министр, Макензи Кинг, был, хотя и дошлым политиком, но простаком, интересовавшимся, главным образом, спиритизмом. Документально убедившись в справедливости разоблачений Игоря Гузенко, он понял, что они свидетельствуют о «такой серьезности положения, в котором Канада еще никогда не находилась до сего времени», и немедленно полетел известить президента США (преемника Рузвельта) и тогдашнего премьер-министра Англии (Клементу Эттли), что «положение было даже еще более серьезным в Соединенных Штатах и в Англии».

К этому времени документальные доказательства, представленные бывшим советским агентом Унтгакером Чамберсом, о том, что Альджер Хисс был центральной фигурой советского шпионажа в Госдепартаменте США, были уже известны, но игнорировались двумя американскими президентами в течение шести лет, а тремя годами позже и м-р Труман нашел нужным публично высмеять их как «красную селедку»²⁸. Разоблачение Хисса и его соучастников было исключительно результатом личных усилий отдельных патриотов (в том числе будущего вице-президента и президента Никсона), сумевших выжать правду из скрывавшего ее правительства и настоять на расследовании. Дело Хисса повлекло за собой множество других разоблачений, показавших, что американский правительственный аппарат на всех уровнях кишел советскими агентами. Литература того времени по данному вопросу настолько обширна, что ее невозможно привести здесь даже суммарно, но приводимые данные неопровержимы, а многие из них были сообщены официально, хотя и с большой неохотой.

В Англии, в продолжение шести лет после предупреждений со стороны премьер-министра Канады и расследования высшими инстанциями, не было сделано ничего для исправления уста-

²⁸ Английское выражение, означающее обман – прим. перев.

новленного этим расследованием положения. В 1951 г. два сотрудника Форин Оффиса (мин-во иностр. дел), один из которых занимал высокую должность и делал быструю карьеру, в то время как оба в личном отношении слыли довольно сомнительными типами, но явно протезировались чьей-то невидимой рукой, неожиданно исчезли из Лондона. Вскоре выяснилось, что они бежали в Москву, опасаясь разоблачений в духе Альджера Хисса. В течение добрых четырех лет после этого английские правительства (как социалистическое, так и консервативное) отказывались назначить открытое расследование или представить какую-либо информацию, кроме ничего не говорящих заверений, что «делается всё необходимое для выяснения». В 1955 г. английский Форин Оффис неожиданно сообщил, что оба подозревались в передаче секретной информации советским органам, уже начиная с 1949 года (они исчезли в 1951 г.). Западное признание было далеко не добровольным, а вынужденным в силу того, что еще один русский, Владимир Петров, из советского посольства в Канберре (Австралия) также бежал на Запад, сообщив, что оба скрывшихся агента, Бургесс и Маклин, были завербованы как советские шпионы еще в их студенческие годы в Кембриджском университете за 12 лет до того, т.е. еще в 1930–35 г.г. – это обычный метод ловли агентов в дни их неосторожной юности, в равной степени отмечающийся как в документах Вейсхаупта, так и в «Протоколах»; карьера Альджера Хисса представляет собой полную параллель тому же в Америке. Немедленно после запоздалого признания Форин Оффиса, Бургесс и Маклин были торжественно представлены Советами представителям международной печати в Москве в качестве сотрудников министерства иностранных дел СССР; британское правительство не нашло ничего лучшего, как тут же пригласить тогдашних советских вожаков, Хрущева и Булганина, прибыть с официальным визитом в Лондон.²⁹

Разоблачения Петрова привели в Австралии, четвертой стране, зараженной чумой советского шпионажа, к официальному расследованию Королевской комиссией, состоявшей из трех высокопоставленных судебных чиновников. Из всей серии расследований на Западе, только австралийское может быть поставлено в один ряд с канадским, за 9 лет до того. Оно было довольно обстоятельным, и в его официальном отчете (от 14 сентября 1955 г.) было установлено, что, начиная с 1943 г., советское посольство в Канберре «руководило организацией шпионажа в Австралии», наряду с предостережением, что советские шпионы продолжали действовать в Австралии с помощью агентов, прибывавших в страну как иммигранты. Министр иностранных дел Австралии Кейзи одновременно констатировал, что среди государственных служащих Австралии действовало «гнездо изменников». Это подтверждало то, что говорил Макензи Кинг за 10 лет до того, а также и то, что в течение целого десятилетия ни в одном из четырех затронутых или зараженных этим недугом государств не было сделано ничего для отворачивания смертельной опасности, в которой они находились.

Главной причиной этого было то, что все правительственные, парламентские и судебные расследования этого десятилетия (за исключением одного) служили не столько информации, сколько дезинформации общественного мнения, сосредоточивая всё внимание на «шпионаже», хотя фактически этот вопрос являлся второстепенным. То, что большие государства стремятся разузнать с помощью шпионов и агентов секреты других стран, давно уже было всем известным фактом, так что даже небывалый до тех пор масштаб советского шпионажа не слишком волновал общественность; считалось, что на то и существует контрразведка, чтобы следить за такими вещами. Расследования, таким образом, отвлекли внимание общественности от самого главного, что было ими обнаружено. Дело было не в простой краже документов, а в контроле и направлении чужой рукой государственной политики на самом высшем уровне, к которым привело заражение государственного аппарата западных стран. Именно это позволило направлять во время войны весь поток вооружений, товаров, финансовых средств, а также и военные операции, и доведение западных политиков на конференциях глав правительств в сторону обеспечения максимальных успехов революционного коммунистического государства, как в смысле территориального расширения, так и в смысле усиления его военной мощи. Эта сторона вопроса была освещена только в ходе судебного процесса над Альджером Хиссом и сопутствовавших ему

²⁹ Хрущев и Булганин были приняты королевой Елизаветой в Бэкингемском дворце, как в 1953 г. ей пришлось, под тем же «непреодолимым давлением» принимать бывшего слесаря, австрийского унтера первой войны, советского агента и массового убийцу, «маршала» Тито: на лондонской набережной против Вестминстера к приему Тито выстроились Черчилль в визитке и цилиндре, и его королевское высочество герцог Эдинбургский при всех орденах и в парадном мундире адмирала флота, в чин которого он только что был произведен. Пожав руку принцу Филиппу, Тито соблагоизволил заметить, что «он рад его встретить». – *Прим. издателей.*

предварительных и дополнительных расследований и разоблачений. Они показали, что мировая революция располагала активными агентами на вершинах политической власти Запада, где они направляли в ее пользу государственную политику и всю энергию народного существования. Оба разоблаченных агента поставляли своим хозяевам также секретные материалы, но это была лишь небольшая часть их деятельности, в ходе которой им удалось перековать карту Европы и создать положение, перед которым весь мир стоит в настоящее время.

Имена Альджера Хисса и Гарри Декстера Уайта неотделимы от этого исхода событий. Начиная со своих студенческих лет в 30-х годах, Хисс продвигался с чьей-то невидимой помощью столь же быстро по ступеням государственной службы, как и Маклин в Англии. Уже в 1939 г. на него указал, как на советского агента, его сотоварищ-коммунист, осознавший свой долг перед страной в тот момент, когда революционное коммунистическое государство сговорилось с Гитлером о нападении на Польшу, однако на это указание никто не обращал внимания в течение многих лет, когда два американских президента, один за другим, продолжали протектировать Хисса. Он неразлучно находился при президенте Рузвельте в Ялте (часто при беседах с глазу на глаз Рузвельта со Сталиным), и выдача Восточной Европы на поток и разграбление коммунистам неразрывно связана с его именем; невозможно прийти к иному выводу перед лицом разоблачений, сделанных на его судебном процессе. После Ялты, явно как знак особого доверия, которым он пользовался у международной мафии, направлявшей события в этот период всеобщего смятения, его сделали первым генеральным секретарем рожденной в Сан-Франциско в апреле 1945 г. Организации Объединенных Наций, которая, таким образом, увидела свет, направляясь агентом мировой революции.

Руководящая роль, которую Хисс играл в Ялте, видна на немногих примерах. Номинальный государственный секретарь США, Эдвард Стеттиниус, накануне ялтинской конференции отдал распоряжение сотрудникам Госдепартамента, чтобы

«все материалы для президента по вопросам, которые должны будут обсуждаться на совещаниях Больших Трех, должны быть в руках м-ра Хисса не позднее, чем в понедельник 15-го января (1945 г.)».

Этим самым в распоряжение Хисса были отданы все материалы Госдепартамента на предмет осведомления президента о вопросах, обсуждение которых ожидалось в Ялте. Джеймс Бернс, бывший ранее государственным секретарем США, и принимавший участие в ялтинской конференции в качестве директора Военного ведомства по мобилизации и демобилизации, писал впоследствии:

«Насколько я мог судить, президент почти не был подготовлен к ялтинской конференции... Лишь накануне нашей остановки на Мальте я узнал, что у нас на борту было целое собрание весьма обстоятельных анализов и рекомендаций, подготовленных Госдепартаментом... Когда я впоследствии познакомился с некоторыми из этих великолепных материалов, я очень сожалел, что мы не изучили их за время поездки. Я уверен, что этого не было сделано ввиду болезни президента».

Материалы, подготовленные специалистами-профессионалами Госдепартамента касались будущих отношений с Советами, однако заявления Рузвельта в Ялте ни в какой степени не отражали их содержание, поскольку он не дал себе труда с ними ознакомиться. Американскую политику в Ялте фактически делал Хисс. Стеттиниус отмечает неизменное присутствие Хисса «за спиной президента» на всех формальных совещаниях, упоминая, что и он сам всегда « совеща́лся» с Хиссом перед этими заседаниями и после них. Официальный, сильно подчищенный американский отчет о ялтинской конференции явно подвергся редактированию со специальной целью затушевать роль Хисса; он содержит лишь сделанные им замечания и реплики, не говорящие ничего, будучи вырванными из контекста главного содержания: его роли в заговоре. Упомянутый нами ранее Брайтон Баррон – один из двух официальных историков Госдепартамента, уволенных за отказ «извращать историю» и «замалчивать официальные данные» – заявил в феврале 1956 г. на публичном собрании в Чикаго, что, если бы ему было разрешено, он мог бы «на примерах показать, какой властью пользовался Альджер Хисс и как он действовал на самом высшем уровне государственной власти», добавив, что официальный отчет «обходит молчанием его важнейшие действия на этой роковой конференции». Имя Альджера Хисса стало хорошо известно, благодаря его судебному процессу и осуждению. Однако, наиболее осведомленное лицо в этой истории, Уиттакер Чамберс, считает, что субъект, известный под именем «Гарри

Декстер Уайт», которого он называет «одной из самых влиятельных личностей во всем мире», сыграл еще большую роль в подчинении американской политики советским интересам.

Как писали американские газеты, все их попытки обнаружить свидетельство о рождении гражданина по имени «Гарри Декстер Уайт» были напрасными: кем он был в действительности, никому не было известно! Небезизвестный Генри Моргентау младший,³⁰ единственный несменявшийся министр в кабинетах Рузвельта за все 12 лет правления последнего, вскоре же после своего назначения министром финансов принял «Гарри Декстера Уайта» на службу, в своем министерстве (в 1934 г.). Его быстрое продвижение по службе (как и Хисса в Госдепартаменте) указывает на влиятельную и постоянную поддержку. Сразу после Перл-Харбора его назначили руководителем «*всех действий министерства финансов, связанных с международными отношениями*», после чего он стал заместителем самого министра.

В течение всех этих лет этот правительственный чиновник, чья истинная личность, по-видимому, навсегда останется тайной, действовал в качестве советского агента, и доказательства этого были представлены президенту Рузвельту, не нашедшему нужным обратить на них внимание. Уиттакер Чамберс показал, что он впервые получил от Уайта секретные документы (для передачи их советским органам) в 1933 г.; в 1939 г. он предложил представить доказательства деятельности Уайта и Хисса; документальные доказательства хранились им в течение дальнейших лет, пока он не представил их для опровержения клеветнических заявлений Хисса по его собственному адресу. С самого начала и до конца ни одна правительственная инстанция не выразила желания ознакомиться с ними. Федеральное Ведомство по расследованиям (ФБР) допросила Чамберса в 1941 г., причем он назвал имя Уайта, однако ничего предпринято не было; ФБР не нашло также нужным включить в расследование этого дела какую-либо государственную инстанцию, т.ч. окончательное разоблачение было сделано частным агентством, и то только 1948 году.

Первое решающее вмешательство м-ра Уайта в американскую государственную политику состоялось в 1941 г. Согласно двум не вызывающим ни малейших сомнений источникам (проф. Вильям Лангер и проф. С. Эверетт Глизон из Гарвардского университета, в их книге «Необъявленная война»), именно Уайт составил текст американского ультиматума от 26 ноября 1941 г., с помощью которого Японию «заманили сделать первый выстрел» в Перл-Харборе (по выражению военного министра США Стимсона). Рука Уайта, следовательно, ясно видна в первом акте вхождения Америки в войну, как и рука заинтересованного в нем советского руководства. Обеспечив начало войны, он смог обеспечить и ее окончание исключительно в интересах той же стороны, его хозяев. Ему же приписывается и авторство знаменитого «плана Моргентау», направленного на разорение и фактическое уничтожение Германии. В обоих случаях, следовательно, американская политика диктовалась министерством финансов, а не Госдепартаментом или военным министерством, которые, согласно конституции, ответственны – под общим руководством президента – за ведение международной политики в военное время; в министерстве же финансов, как уже было указано, м-р Уайт нес «полную ответственность» за всё имевшее отношение к международным делам, очевидно не в рамках одного только этого министерства. По окончании Второй войны в Америке наблюдалась тенденция приписывать инициативу обоих роковых решений одному Уайту. Здесь явно налицо попытка снять ответственность с самого министра, Генри Моргентау. Однако, Моргентау назначил Уайта на его ответственный пост, и он же подписал как проект ультиматума Японии в ноябре 1941 г., так и проект расчленения Германии в сентябре 1944 г., а президент Рузвельт в обоих случаях действовал согласно представленному ему плану. Невозможно поэтому разграничить ответственность Моргентау и Уайта, в крайнем случае можно было бы сказать, что загадочный «Гарри Декстер Уайт» был душой этой достойной пары.

О том, как зародился «план Моргентау» по расчленению Германии на мелкие провинции, полному разрушению ее промышленности с затоплением угольных шахт и рудников, и сведением ее на уровень «козьего пастбища», было описано в 1947 г. другим заместителем министра финансов США, Фредом Смитом. Он сообщает, что вопрос впервые обсуждался на совещании (в его присутствии) между Эйзенхауэром, министром Моргентау и Уайтом в обеденной палатке генерала на юге Англии, 7-го августа 1944 г. По словам Смита, вопрос о будущем Германии был поднят Уайтом. Эйзенхауэр сказал, что ему хотелось бы «на некоторое время крепко пристру-

³⁰ В отличие от его отца, бывшего послом США в Константинополе во время Первой войны – *прим. перев.*

*нить немцев... всё население Германии – синтетические параноики*³¹, на что м-р Уайт заметил: «Мы можем тогда сослаться на Вас в вопросе обращения с немцами», а генерал Эйзенхауэр дал ему на это свое разрешение. На основе этого разговора Моргантау составил свой план, согласовав его в Лондоне с Черчиллем и Иденом, после чего он вылетел обратно в США, где он представил этот план Рузвельту. Вплоть до этого момента, пишет Смит, Госдепартамент не был извещен об активности Моргантау в этом вопросе. У Рузвельта вероятно были какие-то сомнения по поводу плана, и он назначил комиссию для разработки плана послевоенной организации Германии, в которой государственный секретарь и военный министр сошлись наконец с м-ром Моргантау из министерства финансов. Оглашение в комиссии плана Моргантау «привело к такому бурному взрыву, какой еще никогда не нарушал торжественной тишины покоев Белого Дома»; министры Хэлл (госуд. секретарь) и Стимсон (военный) оба заявили свой категорический протест. Тем не менее, когда затем Рузвельт полетел в Квебек для встречи с Черчиллем, то «случилось так», что сопровождал его м-р Моргантау, а г-да Хэлл и Стимсон остались дома. Черчилль пишет, что он был этим удивлен, но затем и он, и Рузвельт оба подписали план, который правильно было бы назвать «планом Уайта-Моргантау».

Так президент Рузвельт (вопреки энергичным протестам членов его кабинета, государственного секретаря Хэлла и военного министра Стимсона) и премьер-министр Черчилль (вопреки его собственным многочисленным заявлениям) санкционировали «мир» возмездия и наказания для побежденных, причем впоследствии оба делали вид, что не ведали, что творят. По словам Черчилля, он весьма «сожалел», что поставил под этим документом свою подпись, из чего, однако, не совсем ясно, почему он это сделал (уклончивый комментарий Джеймса Ф. Бернса также гласил, что «это трудно понять»). Рузвельт изображал дело так, будто речь шла о его инициалах, по ошибке поставленных им на маловажном междуведомственном меморандуме, который он не дал себе труда прочесть. По его словам, он уступил приставаниям «верного, старого друга», что опять-таки указывает на м-ра Моргантау: далее, он, оказывается, был «совершенно потрясен» тем, что получилось, и, не мог понять, «как он вообще мог поставить под этим свои инициалы; видимо он сделал это, не подумав» (Стимсон).

Общественному мнению дело потом изобразили так, будто ошибка была вовремя замечена и «план Моргантау» не был осуществлен: фабрики не были взорваны и шахты не были затоплены. Это было неправдой, а лишь мазней медом по губам, дух возмездия, пропитавший план Уайта-Моргантау, господствовал в послевоенной действительности. Моргантау не удалось добиться, чтобы (как Рузвельт это «в шутку» предлагал Сталину в Ялте) немецких «архи-преступников» расстреливали без всякого следствия, а те судебные процессы, которые были затем разыграны в Германии, навеки остаются позорным пятном на западном правосудии. Раздел Германии (который фактически разрезал надвое всю Европу, друзей и врагов без разбора) был чреват большими опасностями для будущего, чем любое расчленение Германии на отдельные провинции. И наконец, санкционирование Западом рабского труда повернуло вспять культурное развитие Европы на протяжении девятнадцати столетий: характерно, что через 11 лет по окончании войны правительство США отказалось поддержать проект международной конвенции, внесенный Международной Организацией Труда и запрещающий принудительный труд: подпись под Ялтинскими соглашениями явно исключала возможность присоединиться к подобной конвенции.

Так призрак «Гарри Декстера Уайта» продолжает висеть над сценой современности, поскольку направление, приданное им и его сообщниками американской правительственной политике, сделало будущее всего Запада еще более сомнительным и внушающим опасения, чем когда-либо. С окончанием войны его авторитет у американских президентов продолжал расти, и он был назначен председателем второй из двух международных конференций, на которых ковались планы подчинения национальных государств международному директорату. Первой была организационная конференция Организации Объединенных наций, председательское место которой было занято Альджером Хиссом. Второй была финансовая конференция в Брестон Вудс, в результате которой были созданы Международный банк и Международный валютный фонд. Уайт был организатором этой последней конференции и был затем назначен американским директором Международного валютного фонда. Другими словами, главными представителями

³¹ Эта комбинация двух слов не имеет даже подобия конкретного или переносного значения, свидетельствуя разве что о склонности генерала к употреблению «умных» слов, смысла которых он сам не понимал – прим. перев.

правительства Соединенных Штатов на каждом из этих подготовительных совещаний по созданию нового сверхнационального директората были советские агенты.

Накануне того, как Уайт получил это свое последнее назначение (официально объявленное президентом Труманом 23-го января 1946 г.), ФБР неоднократно предупреждало Белый Дом о тайной деятельности м-ра Уайта, в последний раз в особом докладе на имя личного военного адъютанта президента от 8 ноября 1945 г., в котором Уайт был открыто назван советским агентом и шпионом. По объявлении президентом нового назначения Уайта, руководитель ФБР Эдгар Гувер 1 февраля 1946 г. снова направил правительству энергичное предостережение, указывая, что если назначение Уайта будет утверждено, то *«он будет в состоянии в значительной степени влиять на решение всех международных финансовых вопросов»*. Несмотря на всё это, назначение Уайта было утверждено 1 мая 1946 г.: это отметил в своем показании 17 ноября 1953 г. государственный прокурор Герберт Браунелль. В своем ответе на сообщения ФБР президент Труман признал, что подтверждение назначения Уайта было им сделано после получения предупреждения от февраля 1946 г., о предупреждении от ноября 1945 г. он не нашел нужным упомянуть. В апреле 1947 г., когда расследование о деятельности Хисса уже приближалось к концу, м-р Уайт ушел в отставку «по состоянию здоровья». В августе 1948 г., когда его вина была доказана и должна была быть сообщена общественности, он был вызван на допрос Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности, показав там, что ни в каких заговорах он никогда не участвовал. В частном порядке ему были тогда предъявлены наиболее уличавшие его доказательства (все они сохранены в официальных архивах), и через три дня его нашли мертвым. Он был похоронен по еврейскому обряду, но вскрытия тела произведено не было, и обстоятельства его смерти остаются столь же загадочными, как и его личность.

Семь лет спустя (в сообщении от 3 января 1955 г.) Внутренний комитет по вопросам безопасности Конгресса США установил, что:

Альджер Хисс, Гарри Декстер Уайт и их сообщники из коммунистического подполья в правительстве обладали властью оказывать решающее влияние на американскую государственную политику и политику международных организаций во время Второй мировой войны и в годы непосредственно по ее окончании; (это как раз тот решающий и особо опасный «период всеобщего смятения», о котором мы уже говорили ранее: последние годы большой войны и первые годы по ее окончании);

Они обладали властью оказывать решающее влияние на создание и деятельность Организации объединенных наций и ее подчиненных учреждений;

Их власть не была ограничена их официальными должностями. Она заключалась прежде всего в доступе к руководящим правительственным деятелям и влиянии на этих последних, а также в их возможностях предоставлять или скрывать информационные материалы, на которых должны были основываться политические решения их начальников;

Хисс, Уайт и значительное число их коллег, помогавшие в решающий период времени делать международную политику Америки и политику международных организаций, были разоблачены как тайные коммунистические агенты.

Это заключение комитета Конгресса могло бы выглядеть, как хороший конец довольно печальной истории, поскольку в прежние времена подобные разоблачения и их опубликование парламентскими инстанциями имели бы последствием, прежде всего, отстранение виновных в создавшемся положении, а затем ряд мероприятий, направленных на устранение обнаруженных недостатков. В данном случае, однако, автор этих строк может засвидетельствовать (поскольку он сам находился в течение многих лет этого периода в Америке), что если и были какие то попытки исправить положение, то лишь совершенно недостаточные. Главной причиной этого было то, что весь процесс расследований и разоблачений сопровождался яростной кампанией в печати, но отнюдь не против заговора и его виновников, а, наоборот, против тех, кто всё это расследовал и разоблачал.

Здесь мы наблюдаем повторение того периода после французской революции, когда грязная клевета изливалась на Морса, Баррюэля и Робисона. Если будущий историк станет перелистывать пожелтевшие страницы газет этого периода, то он увидит, что на каждое слово, направленное против разоблаченного или осужденного заговорщика, приходится десятки тысяч оскорблений против тех, кто требовал расследования и исправления создавшегося положения; он увидит целые столбцы похвал по адресу г-на Хисса рядом со статьями, полными клеветы по адресу раскаившегося заговорщика, Уиттакера Чамберса, самозащита которого против возведенной на него со стороны участников заговора клеветы привела к осуждению Хисса. Со временем

вся эта буря обрушилась на голову возглавлявшего расследование сенатора Джозефа МакКарти (как в свое время она бушевала вокруг Мартина Дайса, пока его не удалось вытеснить из политической жизни), а для обмана широких масс было изобретено новое слово: «маккартизм» (т.е. требование расследования и исправления злоупотреблений) путем бесконечного повторения стал в глазах широкой публики чем-то гораздо более худшим, чем государственная измена.

Поэтому важнейшим событием истории США после Второй войны следует считать осуждение американским сенатом деятельности сенатора МакКарти в 1954 г. За два года перед тем, в 1952 г., впервые после 20 лет, президентом был избран кандидат от республиканской партии, генерал Эйзенхауэр. Возвращение к власти, после перерыва в два десятилетия, воодушевило республиканцев, а победа генерала Эйзенхауэра в значительной степени обуславливалась его обещанием покончить с проникновением коммунистической агентуры в правительство, имевшим место, как показали проведенные расследования за долгий период правительства Рузвельта и унаследованным его преемником Труманом. В 1954 году, однако, новый президент нашел нужным высказаться, что он «не одобряет методов» сенатора МакКарти, дав тем самым понять, что он «одобрит» его осуждение (того же настойчиво требовал и т.н. Американский Еврейский Комитет, влиятельное еврейское лобби в Соединенных Штатах по сей день, удивляться чему особенно не приходится, поскольку громадное большинство разоблаченных советских агентов были евреи).

Это осуждение состоялось, после чего сенатор МакКарти, как и многие до него, сошел с политической сцены, а правило, согласно которому всякое «расследование» не иначе, как злонамеренно, вновь было возведено в степень политического принципа. Американским избирателям пришлось, таким образом, убедиться, что кажущийся «выбор» между двумя кандидатами во время президентских выборов фактически таковым не является, по крайней мере в вопросе борьбы с подрывной деятельностью и изменой. После одобренного тогдашним президентом осуждения, всякие расследования и разоблачения прекратились. Отныне агенты мирового заговора снова могли беспрепятственно продолжать свою подземную подрывную работу, как во время Второй войны ее вели, главным образом, г-да Альджер Хисс и Гарри Декстер Уайт. Это делает американскую политику в любой следующей войне совершенно непредвидимой и чрезвычайно катастрофически опасными последствиями.

В вопросе подрывной деятельности современные «премьеры-диктаторы» выполняют функции, предназначенные им еще в «Протоколах» 1902 года, представляющих собой убедительнейший документ мирового заговора, агентами которого были субъекты типа Гарри Декстера Уайта. В протоколе 19 говорится, что когда их цели будут достигнуты, а мировое сверх-правительство окончательно установлено, всякая попытка подорвать его будет поставлена в один ряд с

«воровством, убийством и любым иным видом грязного и отвратительного преступления», и добавляется, что «мы сделали всё возможное, чтобы не дать в руки национальных государств такого средства борьбы с изменой. Именно с этой целью мы рекламировали в печати, в официальных выступлениях и косвенными методами... мученичество, якобы принимаемое на себя подстрекателями и изменниками во имя идеи общего блага»³².

Хисс долгие годы преподносился мировой печатью, независимо от ее партийной принадлежности, как мученик; сенатор МакКарти, употребивший упомянутые «средства борьбы с изменой», изображался как грубое животное. Эта власть над печатью, установившаяся за последние

³² «Протоколы», составление которых датируется 1897 г. (Первый сионистский конгресс в Базеле: 1902 г. был годом первого их опубликования в России), имели в виду нашумевшее в те годы «дело Дрейфуса» во Франции: еврей-офицер французского генерального штаба был признан двумя военными судами виновным в государственной измене и приговорен к пожизненной каторге. В результате беспрецедентной еврейской пропагандной кампании он был помилован президентом (не получив судебного оправдания), реабилитирован, повышен в чине, награжден крестом Почетного легиона и превращен в «национального героя». Дело Дрейфуса разожгло во Франции атмосферу гражданской войны, привело к смене нескольких правительств и всего военного командования, подорвало авторитет армии и чрезвычайно ослабило военную организацию страны – результат, полностью отвечающий намерениям «Протоколов», и своего рода генеральная репетиция всех последующих аналогичных событий, включая аферы Хисса, Уайта и пр. – *Прим. издателей.*

20 лет,³³ парализует все попытки национальных государств бороться с предательством: печать стоит между ними и предателями. «Протоколы» 1902 г. предсказывали:

«Нам будет обеспечена верная победа над нашими противниками, ибо в их распоряжении не будет органов печати, в которых они могли бы полностью и окончательно выразить свою точку зрения».

В Америке, являющейся в настоящее время ключом к будущему всего Запада, дело еще более осложняется наличием органа, обладающего правом решительного вмешательства в этой области. Верховный Суд США, решающий споры по конституционным вопросам между центральным правительством и сорока восемью правительствами отдельных штатов, часто решает вопросы, которые в прочих парламентарных государствах подлежали бы компетенции законодательных учреждений (т.е. парламента). Далее, члены Верховного Суда являются политическими, т.е. партийными назначенцами, а вовсе не обязательно профессиональными юристами или хотя бы лицами, обладающими юридическим образованием. Опасность, заключающаяся в политическом контроле со стороны подобного органа, очевидна, и она стала особенно ясной в решении Верховного Суда от 2 апреля 1956 г., когда он большинством голосов отменил осуждение коммуниста по законам штата Пенсильвания против измены. В своем решении Верховный Суд указал, что «вопросы измены» подлежат компетенции одного только Конгресса США, и что в этой области «не остается места» для законодательства отдельных штатов или же их мероприятий против измены. К этому времени 42 из общего числа сорока восьми штатов имели собственные законы против измены, и если это решение Верховного Суда не будет отменено особым актом Конгресса, то в 42-х штатах одним ударом окажутся сметенными все препятствия на пути к предательству, и единственной защитой страны от него останется центральное правительство, которое, как убедительно показали события 40-х и 50-х годов, сверху донизу пронизано изменниками. Решение Верховного Суда полезно поэтому сравнить с цитированным выше местом из «Протоколов».

И, наконец, Вторая мировая война привела к возрождению Лиги Наций, которая в свое время возникла из т.н. «Лиги принуждения к миру». Эта организация никогда не была настоящим союзом народов, будучи лишь инструментом для контроля над ними в руках тех, кто держал власть в руках. Цитированные выше заключения Сенатского Комитета США показали роль, которую играли г-да Альджер Хисс, Гарри Декстер Уайт и их сообщники в создании и организации ООН. Не подлежит сомнению, что в их намерения входило «распространение революции» на весь мир, согласно ленинскому плану, и превращение этой организации в «сверх-правительство», предвиденное «Протоколами». Тень международного режима концлагерей уже витает над ее проектом «конвенции о геноциде», квалифицирующей причинение «душевного вреда» не указанным точно «группам» как уголовное преступление.

Как будет выглядеть наше будущее, зависит от того, смогут ли национальные государства одержать победу в «борьбе с изменой». Во время Второй мировой войны, как и во время Первой, все ведущие политики и «премьеры-диктаторы» стран западных союзников с самого начала втайне согласились создать мировую организацию и подчинить ей их собственные национальные государства. Это был их план, а не воля их народов, чье мнение никто никогда не спрашивал. Ни один народ никогда не выражал желания раствориться в некоем «мировом государстве», управляемом неизвестно кем. Наоборот, национальное чувство, не ослабевающее несмотря ни на какие испытания и поражения, было сильнейшим проявлением человеческого духа в 20-м столетии, оно несомненно будет расти, пока не прекратится обман народов и не потерпят окончательное фиаско все попытки обезличить их. Тем не менее, лидеры военного времени, свободные от всякого общественного контроля над их совещаниями, обменом телеграммами и телефонными переговорами, в течение всей войны продвигали осуществление проекта нового мирового порядка, руководство которым по окончании войны оказалось в руках господ Хисса и Уайта. В биографии Бернарда Баруха можно прочесть, что Рузвельт вынашивал эту идею задолго до того, как стать президентом, и даже уже нашел для нее название «Объединенных Наций». У самого же Баруха, бессменного советника президентов, амбиции были по истине космические; его биограф цитирует его неоднократное высказывание: «Конечно, мы можем переделать весь мир». Полное отсутствие чувства человеческого смирения – наиболее характерное качество этих переоценивающих свои способности смертных. Черчилль в этом отношении производит столь же отрица-

³³ Писалось в начале 50-х годов – прим. перев.

тельное впечатление, насколько исследователям этой эпохи импонируют его попытки отвратить печальный конец войны. В деле перестройки мирового порядка он был столь же неисправим, как и все другие, а его временами самоуверенная фразеология («*Я не для того стал премьер-министром Его Величества, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи*») плохо согласуются с его энергичной поддержкой плана именно такой «ликвидации» всех национальных государств.

Так в те годы, когда готовился катастрофический конец бушевавшей войны, все эти лидеры военного времени были заняты проектами переделки мира и мирового правительства. Они не в состоянии были довести войну до истинно победного конца, но были готовы перестроить весь мир. По словам Черчилля (октябрь 1944 г.), «*вопросы всемирной организации навязывались теперь нам всем*». Из далекой от событий Южной Африки снова раздался призыв генерала Смасса не забыть включить в эту мировую организацию и советскую Россию; а в Вашингтоне президент Рузвельт не оставлял сомнений в том, что революционное коммунистическое государство, помогавшее Гитлеру развязать войну, должно стать «*полноправным и признанным членом любого объединения великих держав с целью предотвращения международных войн*». Рузвельт предвидел период «разногласий» и «компромиссов», пока «ребенок» не научится ходить. Для Черчилля же этот «ребенок» представлялся «всемирным инструментом», и с тех пор это лишенное всякого смысла выражение стало ходячим среди лидеров военного времени. Так с помощью еще одной мировой войны вновь возродилась «Лига принуждения к миру», а многочисленные агенты мирового заговора прочно оказались на руководящих постах ее центрального органа и вспомогательных учреждений, чего и следовало ожидать в свете того, что стало теперь известным: г-да Хисс и Уайт были главарями этого могущественного клана.

Ленинский завет о «распространении» революции путем Второй мировой войны осуществился. Это произошло вовсе не в результате успешной пропаганды и «убеждения» народов (там, где национальным государствам было позволено решать свою судьбу самим – как в Венгрии в 1919 г. и в Испании в 1936–39 г.г. – коммунизм оказался выброшенным за борт), а потому что заговорщикам удалось пролезть в руководство Западом, фактически упразднить все законы по борьбе с предательством и изменой, и завладеть направлением политики, экономики и военных действий.

Глава 42. Месть талмудистов

Вопреки возражениям гос. секретаря США Хэлла и военного министра Стимсона, как и со стороны министерства иностранных дел Англии, политика англо-американского руководства привела к тому, что Вторая мировая война закончилась «миром возмездия» или вернее, поскольку месть противоположна миру и никогда не может к нему привести, мстью победителей, посеявшей, как в свое время и Версальский «мир», семена новой войны. Ответственность за это ложится на обоих «премьеров-диктаторов» Запада, Рузвельта и Черчилля, подписавших ялтинскую «хартию мести», сколько бы они ни критиковали этот документ впоследствии. В нем «христианский» Запад совместно с варварским «Востоком» порешили варварскую месть над Европой. Целью настоящей главы будет выяснить, на ком лежит главная и первоначальная ответственность, поскольку оба эти политика впоследствии утверждали, что они действовали по настоянию иных или же под давлением неназванных лиц, либо же вообще не отдавали себе отчета в том, что подписывали: трудно найти лучшее доказательство фактического бессилия этих якобы всесильных руководителей военного времени.

В январе 1943 г. на совещании в Казабланке Рузвельт впервые задал тон «слепого возмездия» (Хэлл), «неожиданно потребовав безоговорочной капитуляции» противника. В их ветхозаветном звучании эти слова означали, что никакого «мира» с врагом не будет заключено вообще, что ставило на голову все «принципы», провозглашенные ранее западными лидерами. Государственный секретарь Хэлл отмечает, что ни он, ни его департамент не были поставлены в известность об этом неожиданном салто-мортале в американской политике, и что равным образом был «шошеломлен» и сам Черчилль: британский же Форин Оффис настоятельно просил от употребления этого термина воздержаться. Тем не менее, тот же Черчилль (согласно его собственному заявлению в Палате общин после войны) был за его употребление, «но лишь после того, как его употребил президент, не посоветовавшись со мной». Черчилль добавил, что «если бы британский кабинет был об этом спрошен, он высказался бы против»; тем не менее; в течение долгих лет он настаивал на необходимости совещаний в том же духе «на высшем уровне» между московским диктатором и обоими западными лидерами, не взирая на этот печальный опыт.

Так в 1943 г. в Казабланке впервые было решено отпраздновать возмездие. На основе этого в сентябре 1944 г. был выдвинут «план Morgентау», явно задуманный в Москве, представленный Гарри Декстером Уайтом его министру, и затем подсунутый м-ром Morgентау Рузвельту, который, вместе с Черчиллем, скрепил его своими инициалами: дух этого «плана» пронизывал решения Ялтинской конференции и протоколы ее совещаний. Сколько бы ни поражался ему впоследствии Рузвельт («он не мог понять, как он вообще мог поставить под этим свои инициалы») и ни сожалел о нем Черчилль («у меня не было времени детально познакомиться с планом Morgентау... я сожалею, что поставил свои инициалы под ним»), им трудно верить, поскольку оба подписали ялтинское соглашение, законное детище плана Morgентау, хартию мести побежденным. Подписывая ее, оба западных политика причинили Западу больший вред чем всё, что могла наделать война; разрушенное бомбами можно отстроить вновь, но разрушенные духовные ценности, плод усилий христианских народов за 19 веков их развития, восстановить труднее, «Восток» не потерял на этом ничего, ибо месть всегда была его варварской традицией, нарушенной правлением царей, но восстановленной в 1917 году. На христианском Западе дело обстояло иначе. В течение долгих столетий Европа постепенно смогла облагородить ведение войны, дикие обычаи древности сменились рыцарским кодексом к концу царствования Людовика XIV, запрещавшим бессмысленные убийства или жестокое обращение с невоюющим населением, как и грабеж его собственности, и предписывавшим неприкосновенность белого флага сдачи и обращение с убитыми, ранеными и пленными противника как со своими собственными солдатами. Из всего этого со временем выросла международная организация, взявшая на себя, под знаком креста, миссию заботы о каждом солдате, независимо от его национальности или чина. Этот кодекс гуманного ведения войны был вероятно наилучшим первым шагом к окончательному прекращению всех войн, на что обращало свои надежды человечество. Описание войн, которые велись согласно этому кодексу, облагораживает: описание тех, которые им пренебрегали, наполняет отвращением.

Войны 19-го столетия в Европе велись во всё большей мере под знаком этого кодекса чести, и их анналы свидетельствуют о стремлении человечества к возвышенным идеалам, даже в

кровавом деле войны. Так было во время Крымской войны, такими же были и три войны Пруссии против Дании, Австрии и Франции. Их честно вели, и их честно закончили. Темным пятном в военной истории Запада остается гражданская война в Америке, где победители также праздновали возмездие над побежденными. Возможно, что и здесь этого не произошло бы, если бы не убийство президента Линкольна, миротворца и объединителя, на другой день после победы: в тени этого до сих пор нераскрытого преступления вероятно скрываются те же самые революционные заговорщики, которые давно уже управляют событиями в этой стране. За одним этим исключением, войны велись в гуманном духе в Европе и повсюду, куда ступала нога европейца. На пороге нашего столетия разыгралась англо-бурская война в Южной Африке, и немногие выдержки из дневника бурского полковника Дениса Рейтца, непосредственно после военных действий, показывают, как согласно этому кодексу обращались друг с другом воюющие стороны всего лишь полвека назад.

Сцена в лагере для английских военнопленных:

«Один из пленных попросил поговорить с моим отцом, его звали Уинстон Черчилль... он сказал, что он не солдат, а военный корреспондент, и попросил, чтобы его на этом основании освободили. Мой отец возразил, что, когда его взяли в плен, при нем был пистолет Маузера, и что поэтому он должен оставаться здесь. Уинстон Черчилль ответил, что в Судане все военные корреспонденты носили оружие для самозащиты, и это сравнение рассердило моего отца, сказавшего ему, что буры не имеют привычки убивать невоюющих...».

После бурской победы под Спион-Копом:

«Мы провели следующий час или два, помогая английским врачам Красного Креста и партиям носильщиков хоронить их убитых и подбирать их раненых...».

После занятия бурами Данди:

«Я видел смертельно раненого командующего английскими войсками генерала Пенна Саймона, и мне сестры сказали, что он не доживет до утра. На утро... я увидел носильщиков с его телом, завернутым в одеяло, и я сопровождал их до маленькой английской часовни, за которой его похоронили».

Во время осады бурами Дедисмита:

«Одному из наших прострелило обе ноги, а другой храбро тащил его на плечах к укрытию под английским огнем, пока англичане не увидели, что он несет раненого товарища; после этого они оставили его в покое и дали ему возможность вернуться к нашим линиям, не сделав ни единого выстрела»; ... «Громадный солдат вдруг вырос передо мной в темноте... нацелившись на меня штыком, но споткнулся и упал. Он был теперь в моей власти, а мой карабин нацелен ему в бок, но тут мне стало противно убивать его, как собаку, и я велел ему поднять руки вверх...». «Я увидел убитого мной солдата и пришел в ужас, т.к. моя пуля снесла ему полголовы; причиной было то, что как-то в дозоре я нашел в заброшенной лавке несколько разрывных патронов Маузера и взял их для охоты. Я хранил их в отдельном кармане, но в спешке, видимо, зарядил им винтовку, не заметив этого. Эта ошибка меня очень огорчила... я никогда не стал бы пользоваться подобным оружием. Я выбросил все оставшиеся патроны в ручей...».

После боя:

«Наших тяжело раненых мы оставили, чтобы их забрали английские санитарные повозки... Англичане, как офицеры, так и солдаты, отличались неизменной гуманностью. Мы это так хорошо знали, что никогда не боялись оставлять им наших раненых, будучи совершенно уверенными в том, что их подберут и о них внимательно позаботятся... «Мы увидели издали огни поезда, но генерал Сматс не разрешил ни завалить рельсы, ни открыть огонь по приближавшемуся паровозу, из боязни убить гражданских лиц, так что мы стояли и смотрели, как перед нашими глазами проезжали офицеры и прочие лица в вагон-ресторане... не подозревая, что на них смотрят из темноты»...».

По дороге к подписанию бурами капитуляции:

«Мы провели целую неделю со всеми удобствами на борту английского линейного корабля «Монарх», и английские офицеры и солдаты соревновались друг с другом в гостеприимстве. При

всех их недостатках, англичане все-таки великодушная нация... В продолжение всей поездки мы не слышали ни одного слова, которое могло бы задеть нас или оскорбить нашу честь, хотя они и знали, что мы едем подписывать поражение».

Так ведут себя на войне культурные люди. Сегодня все твердят, как попугаи, что «следующая война уничтожит культуру», но это лишено всякого смысла, поскольку культура есть состояние духа, которое не может быть уничтожено бомбами, однако она может быть уничтожена такими действиями, как акты мести побежденным в 1945 году. Война, как ее описывал полковник Рейтц, происходила, когда автор этих строк был еще мальчиком, а Кодекс, которому подчинялись он и ему подобные на всех сторонах, как на войне, так и в мирное время, был тем, в котором воспитывались англичане того поколения.³⁴ Этот кодекс соблюдался еще и в Первую мировую войну. Автор помнит, как англичане обращались с немецкими пленными, и он же помнит освобождение английских пленных из немецких лагерей во время последнего наступления: обращение было одинаковым на обеих сторонах. Раненые не имели национальности: если они попадали в плен, о них заботились так же тщательно, как если бы они были на своей стороне. Невоенные и гражданское население щадились обеими сторонами, грабеж и насилия стояли вне закона.

Что тогда привело к неожиданному отказу от этого гуманного кодекса по окончании военных действий в последней войне? Народы не изменились за 27 лет, истекших со времени перемирия в 1918 году, они не стали ни более жестокими, ни менее сострадательными, чем раньше. Их ослепили пропагандой, скрывавшей от них истинный характер действий их руководства: а это самое руководство, по его же собственному признанию, действовало по настоянию других лиц или же не знало, что оно подписывает. Так начался разгул мести победителей 1945 года, а культурным людям не оставалось иного, как повторить слова Эдмунда Берка: *«Всё исчезло: и чувство принципиальности, и целомудрие чести, для которой малейшее пятно было глубокой раной».*

Прелюдией к этому была, задолго до окончания военных действий, бомбежка без разбора гражданского населения уже фактически побежденной страны, которой не было дано возможности честно капитулировать. Английские и американские политики больше всех кричали об убийствах невоенных Германией в обеих войнах. 10-го февраля 1944 г. закончилась Ялтинская конференция, на которой Рузвельт, болтая с глазу на глаз то Сталиным, сказал, что он *«становится всё более кровожадным»* в отношении немцев. 13 и 14 февраля англо-американские бомбардировщики часами сбрасывали бомбы на незащищенный Дрезден, переполненный беженцами, главным образом женщинами и детьми, спасавшимися от наступавшей Красной армии. Точное число убитых, сгоревших и засыпанных в развалинах в течение этого дня и ночи никогда не сможет быть установлено: оценки колеблются между 50 000 и 250 000, возможно даже еще много больше, и, следовательно, больше, чем в Хиросиме и Нагасаки, где были сброшены первые в истории атомные бомбы также на совершенно незащищенное гражданское население; это было сделано вопреки возражениям как американского, так и британского главнокомандующих, генерала МакАртура и лорда Луиса Маунтбаттена, указывавших, что Япония и без того на пороге окончательного поражения. Изданные до сих пор документы военного времени так и не указывают, кто отдал приказ об уничтожении Дрездена, и всё было сделано для того, чтобы не допустить общественного обсуждения этой позорной истории.

Затем последовал приказ генерала Эйзенхауэра остановить англо-американское наступление на линии Эльбы и отдать тем самым Берлин, Вену, Прагу и всю Восточную Европу советской солдатне. Это было мстью в равной степени врагам и друзьям, означая отдачу половины континента азиатскому порабощению, еще более усиленной варварским приказом (результаты которого были ясны из приведенных ранее показаний свидетелей) союзным армиям силой воспрепятствовать бегству из обреченных территорий на Запад. В этот момент англо-американские пушки были повернуты против многих жертв Гитлера, как и против немецких женщин и детей.

³⁴ Англо-бурская война известна и своими темными пятнами на английской стороне. Чтобы взять врага измором, англичане выжигали поля и массами убивали скот в бурских селениях, а чтобы принудить буров к сдаче, сажали их жен и детей в лагеря, где они умирали с голоду. Таким образом, концлагеря для заключения людей, за которыми не было никакой вины, – изобретение не только не немецкое, но даже и не советское, а английское. Английские солдаты и, в особенности, их офицеры, вероятно, вели себя в соответствии со спортивным духом, присущим английской нации, но приказы сажать женщин и детей в концлагеря приходили из Лондона, а об их источнике наверное и у Дугласа Рида было бы свое, особое мнение. – Прим. издателей.

Наивысшего пункта это варварство достигло, когда из лагерей, где были собраны сотни тысяч бежавших разными путями на Запад, множество было выдано обратно их преследователям. Рабство было отменено в британских колониях за более, чем сто лет до того; в Америке оно было отменено президентом Линкольном в гражданской войне 1861–65 г.г.; англо-американские вож-ди военного времени восстановили рабство в Европе в 1945 году!

Вершиной мести побежденным были т.н. «процессы военных преступников», самым позорным был Нюрнбергский процесс над главными руководителями национал-социалистической Германии. «Злой дух», на уничтожение которого народные массы Запада натравливались в течение шести лет войны, не был упомянут ни в обвинении, ни в приговоре, даже в отсутствии, несмотря на то, что его заместитель Мартин Борман (смерть которого была доказана не более, чем смерть Гитлера) был в числе обвиняемых. Это любопытное белое пятно в самом конце карьеры Гитлера столь же загадочно, как и многие другие в его известной до сих пор биографии. В наши дни, когда проникновение агентов мировой революции во все партии, классы и правительства стало общеизвестным фактом, небезинтересно отметить, что в громадной литературе о нем не упоминаются его ранние политические связи, в том числе коммунистические. Венское полицейское дело о нем, по-видимому, исчезло. Будущий командующий его коричневой армии, капитан Рем, рассказывал одному офицеру СА (от которого автор этой книги слышал это впоследствии лично), что когда баварские воинские части выгнали в 1919 г. большевицкое правительство из Мюнхена, то некий Адольф Гитлер был взят в плен в составе личной охраны московского эмиссара Левине и спас свою шкуру тем, что стал осведомителем (что, возможно, и объясняет то, что Рем, хранивший этот компрометирующий секрет, был убит по приказу Гитлера вскоре по приходе последнего к власти).³⁵ Название, которое сам Гитлер вначале предлагал для своей партии, было «партия социалистов-революционеров»; самого себя он считал «исполнителем марксизма», но вовсе не его могильщиком, и он сам говорил Герману Раушнингу, что построил свою организацию по образцу коммунистической. Автор лично встречался с Гитлером раз или два, и изучал эту личность с близкого расстояния в течение многих лет, до и после его прихода к власти; по его мнению, труда, который полностью освещал бы эту личность и ее роль, до сих пор еще не написано.

Послевоенный период характеризовался целым рядом действий, специально разыгранных с целью особого унижения «христианского» Запада, как если бы заключенных заставляли паясничать на потеху своим тюремщикам. Так было в Нюрнберге, где советскому члену трибунала было поручено зачитать ту часть обвинительного акта, в которой говорилось об арестах мужчин и

³⁵ Это сообщение, которое Дуглас Рид, разумеется, не имел возможности проверить, представляется совершенно неправдоподобным. В наиболее обстоятельном и исторически безупречном труде о Гитлере, книге Вернера Мазера «Адольф Гитлер. Легенда, миф, действительность» (532 стр., см. библиографию, раздел 6), в которой воспроизведен каждый шаг в биографии этой довольно необычной личности, не только не говорится об этом ни слова, но нет даже намек на возможность подобной ситуации. Кратковременный период анархии и «советской власти» в Баварии (7 ноября 1918 г. – 4 мая 1919 г.) Гитлер провел в казарме запасной части в Мюнхене, куда он был отправлен в конце ноября 1918 г. после тяжелого отравления газом на фронте в октябре того же года. «Революция» в Баварии произошла в условиях, весьма схожих с русскими в феврале и октябре 1917 г.: деморализованное отречением императора Вильгельма и баварского короля Людвига III население Мюнхена, включая многочисленный гарнизон из запасных, не пошевелилось, когда 7 ноября 1918 г. берлинский еврей-журналист Курт Эйсер (наст. фамилия Космановский) во главе, по собственному признанию, одиннадцати (!) гл. обр. еврейских анархистов поднял уличный сброд на демонстрацию, провозгласив в Баварии республику, а себя главой ее «правительства». После того как Эйсер был в феврале 1919 г. застрелен на улице лейтенантом графом Арко, в Мюнхене была объявлена «советская власть». Три русских еврея-коммуниста (Евг. Левине, Макс Левин и Тувия Аксельрод) в компании трех немецких евреев (Эрнст Толлер, Эрих Мюсам и Густав Ландауэр) руководили местными подонками вроде выпущенного из сумасшедшего дома (и впоследствии в нем же умершего) «комиссара по иностранным делам», еврея д-ра Франца Липпа или 21-летнего матроса Эльхофера, назначенного «командующим Красной армии» и специализировавшегося на убийстве заложников. Как и его товарищи по запасному полку, Гитлер не мог похвастаться активной деятельностью против баварских подражателей Ленина и Троцкого, и его политическая деятельность началась, по рекомендации его офицеров, лишь по освобождении Мюнхена баварскими, прусскими и вюртембергскими «белыми» добровольцами 1–4 мая 1919 г., что не дает, однако, ни малейших оснований подозревать его в каком либо сотрудничестве с «красными». К тому же, о наличии у русско-еврейских комиссаров «личной охраны» историкам ничего не известно: при приближении «белых» Левину и Аксельроду удалось бежать в Австрию, Евг. Левине спрятался в квартире знакомого еврея, но был выдан своими и расстрелян по приговору военного суда в июне 1919 г. – *Прим. издателей.*

женщин в их домах и их увозе в лагеря принудительного труда. Английские, американские и французские члены суда присутствовали, таким образом, при открытом издевательстве над воспитавшим их европейским судопроизводством: за спиной советского «судьи» вставали тени чекистских подвалов, где людей расстреливали без суда и следствия, и гигантских просторов сибирской тюремной империи, где к тому времени уже в течение 30 лет эксплуатировались миллионы заключенных рабов, отправленных туда без всякой вины и даже подобия какого-либо суда.

Таковы были вершины мести побежденным: в низинах совершались бесчисленные действия более мелочного возмездия, составляющие самые темные страницы недавней истории Запада. Налицо был явный возврат к варварским эпохам: кто вдохновлял его? Чья рука заставляла лидеров Запада поддерживать революционную азиатчину в разгуле ее дикой мести в стиле примитивных, первобытных племен? Это отмщение не было «Божьим» в христианском понятии слова; чьим оно было тогда?

Некоторые действия носили явно символический характер, свидетельствуя об авторстве или природе этой мести. Они повторяли, 30 лет спустя, такие же действия, совершенные в период революции в России: талмудистскую похвальбу, запечатленную на стене подвала в Ипатьевском доме в Екатеринбурге, и причисление к «лику святых» Иуды Искариота. После Второй мировой войны члены германского руководства были повешены в еврейский День Искупления, 16 октября 1946 г., т.ч. их казнь была представлена еврейству как мардохеева месть Аману и его сыновьям. В баварской деревне Обераммергау, где на протяжении трех столетий разыгрывались мистерии страстей Господних, актеры-крестьяне из местных жителей должны были отвечать перед коммунистическим судом за «нацистскую деятельность». Игравшие Иисуса Христа и апостолов были осуждены; оправдан был один лишь игравший Иуду.

Такие вещи не происходят случайно, и на мести Германии, как и раньше на мести России, лежит явная печать талмудистского возмездия, другими словами мести христианству, поскольку Талмуд является специально антихристианским продолжением дохристианской Торы. Разгул антихристианской мести происходил по обе стороны того, что с тех пор носило название «железною занавеса», якобы отделявшего «свободный мир» от поработанного азиатского: в деле отмести побежденным железного занавеса не было, ибо и Нюрнберг, и Обераммергау находились в американской зоне оккупации. Выбором еврейского Судного Дня для повешения нацистских руководителей и германских генералов политическое руководство Запада придало окончанию войны специфический аспект «еврейской мести». Форма, приданная нюрнбергскому суду, показала назначение проводившейся во время войны гигантской кампании пропагандных фальсификаций, о которой уже было упомянуто ранее. «Преступления против евреев» были выделены в особый пункт обвинения, как если бы евреи чем то отличались от других, а в дни, когда это обвинение зачитывалось, сто миллионов человеческих существ в Восточной Европе были выданы преследованиям, часть которых испытали евреи, в соответственной пропорции к их общему числу, в Германии. Из этого особого обвинения был сделан главный его пункт против обвиняемых, основанный на голословном утверждении, будто были убиты «шесть миллионов евреев», причем со временем слово «убиты» было заменено выражением «погибли». Любой независимый и беспристрастный суд с самого начала отверг бы иск, предъявленный на основании этого ничем не доказуемого утверждения. В Нюрнберге, однако, ученые юристы, которые в любом частном иске потребовали бы оправдания на основании неточности в десятой доле процента в обвинении, оперировали этой совершенно фантастической цифрой для обоснования осуждения.

Ранее уже было описано, с примерами из еврейских источников, какими методами на протяжении ряда лет евреи были «выделены» из общей массы жертв Гитлера и число их произвольно раздувалось изо дня в день: сожжения нежелательной литературы в Германии превратились в «сожжение еврейской литературы»; концлагеря, в которых 90% заключенных были немцы, превратились в «концлагеря для евреев»; в сообщении военного времени об убийстве «150 000 белоруссов, украинцев и евреев» в оккупированных немцами областях, эта фраза была изменена на «150 000 евреев» и т.д., без конца. «Шесть миллионов евреев», без тени сомнения принятые судом в Нюрнберге, были заключительным продуктом этого процесса. За шесть лет войны немцы, японцы и итальянцы, с применением самых смертоносных средств современной техники, отправили на тот свет в общей сложности 824 928 британских, англо-имперских и американских солдат и офицеров, торговых моряков и гражданских лиц. Если мы примем, что половина этого числа была убита немцами в Европе, то – если верить приведенному выше утверждению – они убили здесь же в пятнадцать раз большее число евреев. Для этого им было бы необходимо

пустить в дело такое количество людей, оружия, транспортных средств, охраны и материалов, с которым они легко могли бы выиграть войну не один раз, а многократно. Эта фантастическая цифра не заслуживала бы даже упоминания, если бы с ее помощью на всю Вторую мировую войну не была наложена печать «иудейской войны», и если бы это, в свою очередь, не предвещало будущих форм любой третьей войны. Только поэтому она заслуживает рассмотрения.

На протяжении всей истории, с древних времен по наши дни, истинное число живших в то или иное время «иудаистов», иудеев или евреев не поддавалось сколько-нибудь точному определению: поэтому не может быть точно определено и число их жертв при любых катастрофах, а количество еврейских жертв за Вторую мировую войну не может быть определено еще по многим иным причинам. Процесс всеобщей мистификации начинается уже в Книге Бытия, продолжаясь на протяжении всей Торы: например, 70 человек, взятых Иаковом с собой в Египет, расплодилось за 150 лет до двух или трех миллионов. Во все эпохи соответствующие «оценки» обнаруживают большие, иной раз громадные колебания, и только об «оценках» может вообще идти речь, поскольку само современное понятие «еврей» не поддается ни юридическому определению, ни статистическому учету. Выдающийся еврейский авторитет в данном вопросе, д-р Ганс Кон, пишет в своей статье в «Ежегоднике» Британской Энциклопедии за 1942 год:

«В связи с тем, что во многих государствах, где в 1941 году проживало наибольшее число евреев, в переписях населения не отмечался вопрос о вероисповедании,... точное число евреев во всем мире в 1941 г. не могло быть установлено. По вопросу о том, какие лица подпадают под определение «еврейской расы» вообще не существует единого мнения... В тех странах, где переписи включали вопросы о религиозном происхождении, даже этот религиозный критерий еврейской веры с трудом поддается точному определению. Поэтому предположение, обычно вращавшееся вокруг цифры в 16 миллионов (во всем мире), не может считаться основанным на точных данных. К этой неопределенности относительно общего числа евреев в мире в последние годы прибавилась еще растущая неопределенность их количественного распределения в различных странах и на отдельных континентах. Вероятно более 6 миллионов евреев проживали в Польше и в СССР».

Трудно представить себе более сомнительные основания, чем это авторитетное мнение, для каких бы то ни было «оценок» (не говоря уже о «статистике»), однако и последующий период времени, когда на этот шаткий фундамент нагромодились дополнительные неясности в связи с войной и оккупацией, тысячи усердных пропагандистов изобретали всё новые «точные» цифры еврейских жертв, под конец сговорившись на шести миллионах! По словам д-ра Кона, «вероятно» более 6 млн. евреев проживали в 1941 г. в Польше и СССР. В отношении последнего, эти данные не противоречат другому еврейскому специалисту вопроса, проф. Леве (Н.М.Т. Loewe), писавшему в Британской Энциклопедии за 1937 г., что в СССР проживало 2 700 000 евреев. Четырьмя годами ранее (1933) еврейский журнал «Opinion» определял еврейское население СССР цифрой около 3-х миллионов, официальная же «Большая советская энциклопедия» писала (1953 г.), что «еврейское население Советского Союза составляло в 1930 г. 3 020 000 чел.».

Сравнительное согласие в данных четырех источников относительно периода 1933–1941 г.г. могло бы навести читателя на мысль, что по крайней мере для одной страны (СССР) число евреев в ней на определенном отрезке времени поддавалось достаточно точному определению. Можно, однако, только констатировать, что в этих статистических джунглях буквально ничего точно определить невозможно. В 1943 г. Советский представитель, еврей Михоэльс, заявил в Лондоне (согласно последнему сообщению еврейской газеты «Jewish Times» в Йоганесбурге, Южная Африка, в 1952 г.), что «сегодня в СССР проживают 5 миллионов евреев». Эта цифра на два миллиона выше той, что указывалась за 2 года до того, и если она верна, то это очевидно означало, что большинство польских евреев после начала советско–германской войны оказались на советской территории. Однако, в том же номере «Jewish Times» ведущий еврейский журналист, Джозеф Лефтович, определил еврейское население СССР в 1952 г. в два с половиной миллиона, что означало «потерю в 2 500 000 с 1943 г.», задав вопрос: «Куда они делись, и как?» По мнению автора этой книги, ответ гласит, что они растворились в одной лишь статистике. Это еще далеко не конец полного конфуза в одной только этой части данного вопроса. Британская Энциклопедия издания 1937 г., сообщая вышеназванную цифру евреев в СССР в 2,7 млн. со слов еврейского знатока вопроса, указывает, что они составляли 6% от всего населения. Народонаселение СССР определялось, однако, в другом томе той же энциклопедии цифрой в 145 млн. а 6% от этого числа было бы 8 700 000 чел.!

Бросается в глаза, что энциклопедии, статистические ежегодники и альманахи только в одном этом вопросе противоречат один другому и не заслуживают доверия. Число примеров могло бы быть автором умножено (например, Всемирный еврейский конгресс определил в 1953 г. еврейское население СССР в полтора миллиона), однако путаться дальше в этом безвыходном лабиринте бесполезно. Все опубликованные цифры представляют собой лишь совершенно произвольные «оценки» и, как таковые, не имеют практической ценности. Профессиональный статистик мог бы написать целую книгу об усердных попытках наших «энциклопедистов» согласовать послевоенные цифры еврейского населения во всем мире с предвоенными, за вычетом «газированных» шести миллионов. Цифры – хитрая штука; вот несколько примеров:

Ведущий американский статистический ежегодник, «World Almanac», определял в 1947 г. еврейское население во всем мире в 1939 г. в 15'688'259. В позднейших изданиях вплоть до 1952 г. он повысил (не дав объяснения) довоенную цифру на один миллион, доведя ее до 16'643'120 чел. Население 1950 г. он обозначил в 11'940'000 чел., что, если вычесть ее из первой цифры, указывает сокращение почти на 4 млн. (но не на 6 млн.). Однако, даже и эту оценку ежегодник основывает на другой, а именно на том, что в 1950 г. еврейское население СССР составляло 2 миллиона. Это всё еще оставляет без ответа вопрос г-на Лэфтвича в связи с заявлением Михоэlsa, что в 1943 г. в СССР проживали 5 млн. евреев.

Столь же авторитетный британский «Whittaker's Almanac» долгие годы воевал с той же проблемой. Издания 1949 и 1950 г.г. давали «оценку» мирового еврейского населения в 1939 г. в 16'838'000 чел., в 1949 г. – 11'385'200 чел., т.е. сокращение почти на 5,5 млн. Однако, сложение цифр еврейского населения по отдельным странам приводило к сумме в 13'120'000 (а не 11'385'200). Еврейское же население СССР Whittaker's за 1950 г. определял в 5'300'000 чел., против цифры в 2'000'000 за тот же год в американском World Almanac.

Оба этих справочника пользуются наилучшей репутацией в смысле проверки и аккуратности сообщаемых ими данных. Ошибки, поэтому, – не их вина: в этой области, и только в ней одной, можно получить одни лишь еврейские «оценки», а им, по понятным причинам, верить трудно. Мы упомянули о разногласиях в издании 1951 г., указав, что, начиная с 1952 г., Whittaker's не печатал дальнейших «оценок еврейского населения», по-видимому отчаявшись получить сколько-нибудь надежные данные. Другие энциклопедии похерили этот вопрос уже в 1950 году, и, наконец, газета «Нью-Йорк Таймс», ведущая еврейская газета в мире (поскольку она принадлежит издающей ее еврейской семье, а Нью-Йорк в наше время, главным образом, еврейская столица); опубликовала в 1948 году статью, явно претендовавшую на статистическую авторитетность, в которой еврейское население всего мира (через 3 года по окончании войны) исчислялось цифрами между 15,7 и 18,6 миллионами; если любая из этих двух цифр более или менее близка к истине, то это означает, что еврейское население за годы войны осталось на одном уровне или даже увеличилось.

Газетные статьи скоро забываются (если дотошный исследователь не сохраняет их в своем архиве), в то время как пропагандные фабрикация передаются всё время дальше. Так и современные историки, весьма точные во всех остальных вопросах, передают будущим поколениям легенду о «массовом уничтожении» евреев. После войны проф. Арнольд Тойнби закончил свое монументальное «Изучение истории» (Study of History), в восьмом томе которого (1954) стояло:

«Нацисты... сократили еврейское население континентальной Европы, к западу от Советского Союза, с примерно шести с половиной до всего лишь полутора миллионов, в результате массового его уничтожения».

Назвав эту фразу «чисто статистическим утверждением», он тут же в сноске добавил, что она не была таковым: *«нет возможности сообщить точные цифры, основанные на заслуживающей доверия статистике, и в 1952 г. представлялось маловероятным, чтобы нужная информация когда-либо могла быть получена»*. Тойнби объясняет, что его цифры основывались на еврейских подсчетах, «содержавших несколько источников возможных ошибок». В заключение он пишет, что «можно оценивать» число убитых нацистами евреев в пять миллионов.

И эта оценка также лишена всякой исторической ценности. Отправным пунктом для рассмотрения этого вопроса является непреложный факт, что ни 6 млн. евреев, ни любое их количество, близкое к этой цифре, не могло быть «убито» и не могло «погибнуть», по причинам, приведенным в начале нашего обсуждения; утверждение, сделанное в этом смысле перед Нюрнбергским трибуналом, равносильно оскорблению памяти 825'000 солдат, моряков и гражданских лиц, павших на всех театрах войны; никто, кроме западных политиканов нашего века к подоб-

ному утверждению не был бы способен. Число убитых или погибших евреев никогда не сможет быть установлено по причинам уже упомянутым или частично отмеченным проф. Тойнби в его цитированном выше примечании. Само понятие «еврей» не поддается точному определению; в статистике евреи большей частью не выделяются вообще; ни в какой период времени число живущих в мире евреев не может быть установлено хотя бы с относительной точностью. Более того, всякие попытки статистического уточнения с помощью данных переписи или иммиграции немедленно объявляются «дискриминацией» или «антисемитизмом». Даем примеры:

«Иммигранты, прибывающие в Австралию, должны теперь отвечать в анкетах на вопрос, являются ли они евреями; об этом сообщает в Сиднее исполнительный комитет австралийского еврейства, заявивший перед иммиграционными инстанциями протест против этой практики»

(«Джуиш Таймс», Йоганнесбург).

В Англии, *«за отсутствием официальной статистики невозможно сделать более, чем приблизительную оценку... точное количество евреев в Англии остается тайной»* («Зионист Рекорд», Йоганнесбург). В Соединенных Штатах президент Рузвельт, под непрерывным давлением, вынужден был отменить требование проставлять в иммиграционных анкетах обозначение «еврей», а в 1952 г. «Антидиффамационная Лига» совместно с Американским Еврейским Комитетом развернули яростную кампанию против т.н. Акта МакКаррана–Уолтера в Конгрессе, восстановившего это требование. В конечном итоге, этот «Акт» был принят, несмотря на вето со стороны президента Трумана, но даже и после этого строгое соблюдение восстановленного требования не могло прояснить положения, поскольку никому из иммигрантов не возбранялось обозначать свое происхождение «британским» или любым иным, вместо «еврейского».

Это положение в области статистики наблюдается в настоящее время почти без исключений во всем мире, т.ч. весь вопрос продолжает оставаться секретом, и это явно делается умышленно. Никто не в состоянии даже ориентировочно определить, какое количество евреев умерло во время войны не по естественным причинам, в результате военных действий или бомбежки, а насильственной смертью от руки нацистов, или от любой другой. Автор этих строк склоняется к мнению, что каково бы ни было число евреев в занятых Гитлером странах, количество жертв на их стороне должно было быть более или менее пропорциональным их доле в общем населении, польском, чешском или любом ином. Автор мог убедиться в том, что такого же мнения придерживались и лично известные ему лица, пережившие немецкие концлагеря и оккупацию. Испытав достаточно сами, они сожалели о еврейских жертвах, как и обо всех других, но отказывались понять, почему вдруг евреи должны быть выделенными из всех остальных, а число их жертв столь чудовищно преувеличено. Непонятная им причина этого стала ясной с повешением нюрнбергских жертв в еврейский Судный День: этот символический акт определил весь характер оккупации в первые ее годы по обе стороны разделившей Европу границы, и даже всю будущую внешнюю политику Запада далеко за пределами Европы. Талмудистское возмездие знаменовало собой начало новой эры западной истории, в ходе которой все национальные интересы должны будут подчиняться интересам одного только еврейства, представляемого местечковыми талмудистами из России. Автор этих строк сохраняет описание, данное ему свидетелем, того как нюрнбергский приговор был объявлен 30 сентября и 1 октября 1946 г. (между еврейским Новым годом 26 сентября и еврейским Судным днем 5 октября), и был приведен в исполнение после полуночи, утром 16 октября, в день Хошана Рабба, когда еврейский бог, по истечении того срока, в который он проверяет свой приговор на каждом живом существе и может еще простить грешников, произносит свое окончательное суждение. В описании говорится:

«...все думали, что приговор будет объявлен раньше, чем это произошло в действительности, но ряд незначительных обстоятельств задержал его, пока не было установлена дата его объявления около 15-го сентября... Тогда Х, один из членов суда, высказал возражения по поводу литературной формулировки одной из частей приговора... было приблизительно подсчитано, сколько времени займет переделка и ее размножение, после чего была установлена окончательная дата».

Мы не сообщаем имени «члена суда» (по английским законам на это нужно его разрешение). В результате этой задержки для литературных поправок, объявление приговора пришлось на священные дни еврейского года, а исполнение его состоялось в день возмездия Йеговы. Нечто вроде этого уже было предсказано автором в книге, написанной во время войны после того, как Антони Иден сделал 17 декабря 1942 г. заявление по вопросу о евреях в Палате общин, ограни-

чив ими одними свою угрозу, что *«ответственные за эти преступления не избегнут возмездия»*. В Америке Рузвельт также сделал заявление в аналогичном духе.

Нюрнбергский процесс послужил образцом для многочисленных других процессов «военных преступников» более мелкого масштаба; их описание, с юридической и моральной точек зрения, может быть найдено в книгах г.г. Монтгомери Бельджиона, Ф.Дж.П. Виля и покойного капитана Расселя Гренфелля. Часть правды о них просочилась наружу в ходе последних лет. Американское ведомство по пересмотру судопроизводства, созданное в результате многочисленных требований и протестов, опубликовало в 1949 г. отчеты о некоторых из американских военно-полевых судов в Дахау, где было вынесено 297 смертных приговоров. В этих материалах описываются инсценированные «процессы», куда обвиняемых приводили с мешком на голове и с петлей на шее и где их «судили» перед бутафорскими «алтарями» с Распятиями и свечами; их подвергали пыткам, чтобы вынудить «сознания», которые затем предьявлялись на действительных процессах, в то время как обвиняемые продолжали считать инсценированные судилища настоящими.

Самым большим был «процесс Мальмеди» в 1945–46 г.г., на котором были приговорены к смерти 43 обвиняемых. Здесь речь шла об убийстве солдатами частей СС американских пленных под Мальмеди в 1944 г., и со стороны американского обвинения можно было ожидать злых чувств против всех, кто оказался бы действительно виновным. Кто помнит, однако, безукоризненное поведение американских войск в Германии после Первой мировой войны, не удивится тому, что мучителями взятых в плен германских солдат в Мальмеди были вовсе не американцы. Это были австрийские евреи, приехавшие в США перед началом Второй войны, которых в эру Рузвельта быстро приняли в американскую армию и нарядили в американские мундиры. Присутствовавший на этих процессах настоящий американец (опытный судебный репортер) демонстративно покинул службу в Ведомстве военных преступлений, став свидетелем садистского зверства одного из таких инквизиторов во время инсценированных судилищ. Главный американский обвинитель на процессе в Мальмеди, полковник по чину, признался в Сенатском подкомитете что об инсценировке «процессов» ему было известно; он считал это допустимым, если настоящий суд был поставлен в известность о методах, с помощью которых были добыты признания обвиняемых, которые, по его мнению, должны были также знать, что эти псевдоюридические «черные мессы» были комедией, «поскольку им не было дано защитников». Назначенная для расследования американская комиссия юристов установила в 1949 г., что признания были добыты

«при помощи инсценировок, во время которых одно или несколько лиц, одетых в американскую форму, изображали из себя судей, в то время как другие, также одетые в американскую форму, играли роли обвинителя и защитника обвиняемых».

В результате некоторые из смертных приговоров были смягчены. Председатель комиссии юристов, судья Гордон Симпсон из штата Техас, доложил Сенатскому подкомитету, что методы судопроизводства «не были американскими» (они наверняка не были также и британскими), будучи выработанными *«на лондонской конференции четырех держав, предписавшей как вести процессы военных преступников»*: ответственность, таким образом, снова ложилась на лондонских и Вашингтонских политиков, вернее на те группы, которые оказывали на них соответствующее давление. Судья Симпсон подтвердил также, что в американской армии *«не нашлось достаточно квалифицированных американцев»* для ведения этих процессов, запятнавших доброе имя западного правосудия, *«и что поэтому пришлось привлечь к ним эмигрантов из Германии»*.³⁶

³⁶ «Процесс Мальмеди» – позорнейшая страница в истории американской послевоенной «правосудия» в побежденной Германии. Ни о каком убийстве пленными полком 1-ой танковой дивизии СС (ком-р полка – штандартенфюрер, т.е. полковник войск Пейпер) не могло быть речи. На второй день последнего германского наступления на Западном фронте («Арденнская операция»), 17 декабря 1944 г., передовой отряд из 5 танков полка Пейпера столкнулся южнее бельгийского города Мальмеди с американской бронетанковой батареей с 200 солдат и офицеров, уничтожив ее с большими потерями для американцев. В районе боя, продолжавшегося 10–15 мин., остались 71 убитых американцев, и когда после неудачи германского прорыва в Арденнах этот район вновь был занят союзниками, британская радиостанция ВВС распространила ложное сообщение, что это были американцы, убитые немцами после сдачи в плен. По окончании войны в оккупированной Германии началась охота за военнослужащими 1-ой танковой дивизии СС. Более 1100 чел. были заключены в тюрьму в гор. Швебиш-Халль, где от них добывали «признания» с помощью средневековых пыток (забивание спичек под ногти с последующим заживанием) и не

Эта сторона вопроса получила дополнительное освещение в январе 1953 г., когда двое личностей были арестованы американскими властями в оккупированной Вене по обвинению в передаче секретных американских военных материалов советским органам в сговоре с секретарем советского посольства в Вашингтоне. Оба были венскими евреями, прибывшими в Америку в 1938 и 1940 г.г. будучи соответственно в возрасте 16 и 26 лет. В любой иной войне они находились бы под наблюдением, как «иностранцы из враждебной страны», однако в эру Рузвельта они получили назначения в американской армии как «дружественные иностранцы». В 1945 г. их назначили «сотрудниками американских обвинительных органов на процессах военных преступников». После их ареста как советских агентов и шпионов, один из руководителей Американской военной администрации в Вене отметил, что

«это сходится с имеющимися данными о том, что слишком многие из американцев, действовавших в Нюрнберге, было либо коммунистами, либо использовались последними». По его словам, «когда процессы закончились, то сотни сотрудников американского обвинения в Нюрнберге разъехались в разных направлениях, многие из них поступили на службу в Госдепартамент США или же в учреждения Объединенных Наций».

К тому же времени стало известно, что в 1949 г. в кратких докладах американскому верховному комиссару в Германии МакКлоу о происходившем судопроизводстве *«были обнаружены серьезные ошибки в переводах с немецкого и других языков на английский в документах судопроизводства, во многих случаях эти ошибки были нарочито сделаны лицами, уличенными с тех пор в коммунистических связях»*. Этот факт никогда не был опубликован, его разоблачение беспристрастным расследованием доставило бы западному политическому руководству много неприятностей. Как будет показано в конце настоящей главы, по окончании войны нацистские концлагеря продолжали действовать под контролем коммунистов; описанными выше методами они превратились в обвинителей и судей по делам преступлений, в массовом порядке совершавшихся ими самими.

Месть побежденным практиковалась в одном духе и теми же методами по обе стороны демаркационной линии. Советские солдаты-азиаты, наводнившие Германию, особо подстрекались Ильей Эренбургом из Москвы расправляться с беременными женщинами: что иное мог означать призыв этого животного *«не щадить даже еще нерожденных фашистов»?* Жившая затем в Берлине американка, г-жа Френсис Февьелл, описывает свой ужас, когда она прочла дневник ее экономки Лотты с описанием *«изнасилования Лотты и тысяч других женщин, даже*

поддающихся описанию издевательств и унижений. Команда «следователей» состояла из немецких евреев-эмигрантов в американских формах во главе с полковником Розенфельдом и ст. лейт. Перль. «Признания» удалось выпытать лишь у немногих 18-летних солдат, но пытки привели к нескольким случаям самоубийства и помешательства. Достаточно отметить, что назначенная впоследствии для пересмотра всех дел американская сенатская комиссия установила 139 случаев одних только неизлечимых повреждений половых органов. «Процесс Мальмеди» начался в мае 1946 г. в лагере Дахау под руководством «юридического советника армии США», того же полк. Розенфельда, хотя в составе суда было несколько американских генералов. Суд отклонил показания взятого в плен в описанном выше бою под Мальмеди американского подполковника МакГауна, бывшего непосредственным свидетелем боевых действий полк. Пейпера и его подчиненных, но принял на веру заявление (под присягой, как свидетеля!) главного садиста Перля, что он пальцем не тронул ни одного из заключенных. 16 июля 1946 г. были вынесены приговоры 73 обвиняемым, в том числе 43 смертных. В результате энергичного вмешательства американского защитника обвиняемых на процессе, юриста подполковника Эверетта, который с помощью сенатора МакКарти дошел до федерального суда США, ни один смертный приговор в исполнение приведен не был и в конечном итоге все приговоренные были по прошествии нескольких лет освобождены. Главный обвиняемый, полковник войск СС Пейпер – один из храбрейших германских офицеров второй войны, кавалер Рыцарского Креста, командир полка в 30 лет, благороднейшая личность, которую не могли сломить ни пытки, ни унижения; на процессе он предложил взять на себя одного несуществующую вину при условии сохранения жизни его бывшим подчиненным; суду, однако, одного повешенного было мало. Главный обвинитель на процессе, американский подполковник Эллис (нееврей), требовавший в 1946 г. смертной казни для Пейпера, написал ему 20 лет спустя (1966) письмо, равнозначное извинению, в котором он засвидетельствовал, что всегда считал полковника «достойным джентельменом» (a fine gentleman). «Заинтересованная сторона», однако, не упускала Пейпера из виду, ожидая удобного случая для отправления собственного «правосудия»: в 1976 году (через 30 лет после «процесса Мальмеди») Пейпер был зверски убит и сожжен в доме на юге Франции, где он проживал последние годы. Убийцы и мотивы преступления остались, разумеется, «невыясненными». – Прим. издателей.

65-летних старух, вшивыми монгольскими солдатами, не раз, но множество раз, женщин с детьми, цеплявшимися за их платья...» В дневнике были записаны

«все даты и подробности, записанные при свете фонарика, убийства тех, кто пытался защитить старых женщин, извинения русского офицера, увидевшего трупы... его объяснения Лотте, что солдатам были даны двое суток свободы грабежа... Мне в жизни не приходилось читать чего-либо более ужасного, я вся похолодела, закончив это чтение».

Свобода грабежа! – таковы были человеческие результаты политических соглашений, сопровождавшихся сорока пятью восторженными тостами в Ялте.

На западной стороне практиковалась та же месть побежденным. В августе 1947 г. член английского парламента Найгель Берч обнаружил в одном из концлагерей около 4000 немцев, всё еще содержащихся там бессрочно, без суда и какого бы то ни было обвинения. Первым вопросом, когда кого-либо из них вызывали к допросу, было: «знали ли Вы о преследованиях евреев?» В том же духе продолжался весь допрос, иные преследования интереса не представляли; в то же время легионы человеческих существ гнали обратно под советский террор, от которого они пытались спастись. Английское и американское правительства не оставляли у немцев сомнений о характере практиковавшегося ими возмездия... Одним из первых мероприятий союзных верховных комиссаров был «закон против антисемитизма». Так было распространено на Запад то, что лучше всего определяло природу большевицкой власти в России – «закон против антисемитизма», введенный 27 июля 1918 г. По этому англо-американскому указу немцев сажали в тюрьму и конфисковали их собственность еще 10 лет спустя; в 1956 году австрийский еврей, к тому времени давно проживавший в Англии и получивший британское гражданство, подал в суд на немца по западно-германскому закону, унаследованному от оккупационных властей и каравшему «антисемитские высказывания или предубеждение против евреев».

Подобные законы способны подавить любое открытое обсуждение, но не могут запретить думать. Их назначением явно было исключить всякое общественное расследование о характере режима, установленного как к востоку, так и к западу от «железного занавеса». Результатом явилась «свобода грабежа» также и в англо-американской зоне оккупации, причем согласно упомянутому англо-американскому «закону против антисемитизма» уголовным преступлением было бы также и всякое открытое обсуждение нижеследующей истории, которую автор цитирует из еврейской газеты «Jewish Herald» в Йоганнесбурге:

«Филипп Ауэрбах был человеком необычайно сильного характера и крайней смелости, сгоравший еврейской гордостью и чувством ненависти к германскому нацизму... Он был жесток и безжалостен в те дни, когда американцы еще ненавидели Германию и готовы были выполнять его требования, помогая ему освобождать немцев от награбленного ими, предоставив ему право подписи любых документов, неограниченное право обыскивать, арестовывать и наводить ужас... В те дни, когда Филипп Ауэрбах возглавлял мощные еврейские демонстрации в Германии после войны, его всегда сопровождали высокопоставленные американские офицеры, подчеркивая этим его авторитет. С еврейским флагом во главе этих демонстраций Ауэрбах принимал парады под звуки исполнявшегося оркестром еврейского гимна Хатиква, с десятками тысяч ди-пи в непрерывном политическом наступлении за открытие для евреев ворот Палестины, перед восстановлением еврейского государства... Никто никогда не сможет даже приблизительно оценить в денежном выражении все ценности, которые Ауэрбах вывез из Германии – оборудование, одежду, мебель, автомобили и все иные виды товаров... Он пользовался в Германии властью, уступавшей разве лишь военной администрации».

Описанный здесь субъект³⁷ был частным лицом, которое, тем не менее, могло использовать для своего грабежа американские вооруженные силы. Его преступления были настолько явными, что со временем даже еврейским организациям пришлось от него отмежеваться (говорят, кстати, что он грабил евреев не хуже, чем христиан), хотя скорее по необходимости, а отнюдь не из моральных соображений. На восьмом году по окончании войны (1952), когда «свободному миру» потребовалась поддержка Западной Германии, Ауэрбах был арестован по обвинению «*включавшему вывоз из Германии бесконечного количества товаров по поддельным документам, в чем,*

³⁷ Которого хорошо помнят и все русские, проживавшие по окончании войны в Баварии – прим. перев.

по-видимому, были замешаны также еврейские офицеры американской армии и еврейские благотворительные организации».

В 1952 г. Западную Германию заставили платить «репарации» новому сионистскому государству, т.ч. открытое разоблачение грабительской деятельности Ауэрбаха при поддержке американской армии было невыгодным. Цитированное выше обвинение было поэтому опущено, как пишет «Джуиш Геральд», *«несомненно ввиду возможных осложнений политического характера».* Без этого любые фальсификации вряд ли смогли бы оправдать платеж немцами дани русским местечковым сионистам в Палестине. Ауэрбаха судили (вместе с попавшимся на том же деле раввином) по сравнительно маловажным обвинениям в растрате общественных фондов на сумму в 700 000 долл., шантаже, взяточничестве и подделке расписок. Он получил два с половиной года тюрьмы и впоследствии покончил с собой. Американская и английская печать поместили об этой истории краткие и маловразумительные сообщения. Не упустив отметить, что она указывает на возрождение «антисемитизма» в Германии. Разумеется, это было эхом на сообщения еврейской печати, которая, после самоубийства Ауэрбаха, в тоне обвинения вопрошала: «На ком его кровь?» и т.п. Другими словами, общим правилом к тому времени стало, что осуждение любого еврея по любому обвинению, будь он виновен или невиновен, само по себе являлось «антисемитизмом». «Джуиш Геральд», например, считал обвинения Ауэрбаха морально позорными и неоправданными, поскольку они относились к периоду времени, когда *«обычные правила поведения никем не соблюдались, меньше всего евреями, которые совершенно справедливо игнорировали немецкие представления о том, что хорошо и что плохо».* Игнорировавшиеся евреями принципы были однако не только немецкими, но общепринятыми во всем христианском мире, или, по крайней мере они были таковыми до тех пор. Единственным протестом против этих фальсификаций, который удалось найти автору, был со стороны еврейского корреспондента газеты «Нью-Йорк Дейли Ньюс», случайно оказавшегося жертвой ауэрбаховских махинаций; поступи он со стороны одной из его немецких жертв, или же американских, или английских свидетелей, ни одна западная газета его не напечатала бы.

Народы Запада не знали в то время, разумеется, ничего об этих событиях в оккупированной англичанами и американцами Германии; если бы они даже и знали о них, они вряд ли особенно протестовали бы, ибо в этот период они были еще полностью под влиянием пропаганды военного времени, в особенности в вопросе нацистских концентрационных лагерей. Видимо, они совершенно забыли, что концлагеря были коммунистическим изобретением³⁸, скопированным Гитлером, и что, чем дальше красные армии разрешали проникать вглубь Европы, тем более было обеспечено дальнейшее процветание этой системы. Их чувства были воспламенены ужасающими картинами кинохроник, показывавшихся им на миллионах экранов по мере того, как союзные армии продвигались в Германию, со штабелями истощенных трупов, сложенных как дрова, в этих лагерях. Автор был в числе этих зрителей, и с большими сомнениями слушал комментарии вокруг себя. Пропаганда военного времени – один из самых коварных ядов, и автор полагает, что эти кинозрители 1945 г., которым в течение долгих лет не показывалось правдивой информации, потеряли всякую способность, а возможно даже и желание объективно оценивать то, что они видели. Большинство из них принимало показанные им трупы за трупы евреев, ибо это вдалбливалось им печатью день изо дня. Они постоянно читали о «нацистских газовых камерах для евреев»... о «нацистских крематориях для евреев», и лишь немногие из них дали себе труд прочесть впоследствии воспоминания заключенных, чтобы разобраться в том, кем эти жертвы были в действительности. Дадим лишь один пример: немецкая коммунистка-еврейка, проведшая 5 лет в концлагере Равенсбрук (г-жа Маргарита Бубер-Нейман, жена убитого в московском НКВД немецкого коммуниста Гейнца Неймана) свидетельствует, что первыми жертвами были больные, инвалиды и неработоспособные, называя в числе следующих жертв на первом месте поляков, затем чехов, балтийцев, венгров и прочих. Другими словами, горы трупов были жертвами того же бессердечия, как и живые, которых западные союзники гнали обратно в район советских концлагерей; что же касается «нацистских» концлагерей, то историческая правда, которую стремится установить настоящая книга, требует констатировать, что к тому времени, когда союзные армии вступили на территорию Германии, они фактически находились под внутренним коммунистическим контролем, евреи были в числе мучителей, и антикоммунизм мог привести заключенного скорее в камеру смерти, чем антигитлеризм. Еще десять лет тому назад³⁹

³⁸ См. прим. № 1 к настоящей главе. – Прим. издателей.

³⁹ Т.е. в начале 40-х годов – прим. перев.

подобное высказывание потонуло бы в гомерическом смехе, если бы оно смогло вообще быть опубликовано. В наши дни, однако, уже достаточно стало известным об иллюминатско-коммунистических методах проникновения во все классы, партии, церкви, организации и учреждения, чтобы у многих появилось желание – так, по крайней мере, кажется автору – подождать, без предвзятого мнения, конкретных доказательств; автор постарается ниже их представить.

Ленинским лозунгом было превращение всех войн в гражданскую войну, что означало, что заговорщики должны были воевать не за победу их страны, но исключительно за успех революции. Захват концентрационных лагерей изнутри обеспечивал наилучшую помощь этой стратегии, ибо концлагеря были полны людей, которые, пережив их, стали бы насмерть бороться с коммунизмом, как они ранее боролись против гитлеризма. Наш мир никогда не был в состоянии правильно понять этого аспекта сопротивления Гитлеру, как он никогда не мог правильно понять и самого Гитлера. Кто внимательно прочтет настоящую книгу, сможет понять глубокое значение слов, сказанных им Герману Раушнингу: *«Я обязан масонству собственным просвещением и идеями, которых я никогда не смог бы получить из других источников»* (почти точные слова Адама Вейсхаупта)... *«Я очень многому научился у марксизма... весь национал-социализм основан на нем»*⁴⁰.

⁴⁰ В годы написания настоящей книги среди историков уже высказывались многочисленные сомнения в достоверности книги Германа Раушнинга «Беседы с Гитлером» (заглавие немецкого издания после войны), которые, однако, в то время подавлялись «заинтересованной стороной», поскольку его «разоблачения» приводились на Нюрнбергском процессе как доказательства виновности нац.-соц. руководства в подготовке мировой войны. За истекшие 30 лет неопровержимо доказано, что книга Раушнинга от начала и до конца – фальсификация. Ее окончательное разоблачение было сделано в 1983 г. швейцарским историком Вольфгангом Хэнель (Hanel, см. библиографию, раздел 6). Утверждение Раушнинга, что он «более ста раз» лично беседовал с Гитлером, было легко опровергнуто многочисленными воспоминаниями и документацией германских архивов, из которых явствовало, что Раушнинг – видный национал-социалист в Данциге перед войной – виделся с Гитлером всего 4 (четыре!) раза исключительно по данцигским вопросам, постоянно в присутствии третьих лиц и ни разу с ним лично не беседовал.

Раушнинг был после Первой мировой войны одним из лидеров национальных кругов в Данциге, ставшем по Версальскому договору «свободным городом» вне новых границ Германии. Став впоследствии активным нац.-социалистом, он претендовал на возглавление этой партии в городе, пока не вошел в конфликт с ее местным главой Форстером. Не получив поддержки у нац.-соц. руководства в Германии, он был исключен Форстером из партии и ушел в 1938 г. в эмиграцию, где связался с кругами коммунистов-эмигрантов и немецкой литературной (гл. обр. еврейской) эмиграции. Постоянно нуждаясь в деньгах (большая семья и лечение по причине слабого здоровья), он стал летом 1939 г. добычей известного антинацистского активиста в Париже еврея Имре Ревеса (Imre Revesz, в эмиграции Emery Reves), эмигрировавшего из Германии после того как его бюро службы печати в Берлине было разгромлено 1 апреля 1933 г. штурмовиками СА в ответ на объявленный еврейством всемирный бойкот Германии. В Париже Ревес располагал неограниченными средствами, возглавляя антигерманскую кампанию в мировой печати, в тесном контакте с Черчиллем и «военной партией» в Лондоне. Ревес предоставил Раушнингу «помощь» со стороны своих сотрудников в написании в рекордный срок книги, которая вышла в свет в Париже в конце 1939 г. под заглавием «Гитлер сказал мне...» («Hitler ma dit...») и с подзаголовком «Доверительные сообщения Фюрера о его планах завоевания всего мира» («Confidences du Fuehrer sur son plan de conquête du monde»). За это совместное творчество Раушнинг, по свидетельству Ревеса, получил наличными 125 000 франков, «больше чем какой-либо автор когда-либо во Франции»; книга была немедленно переведена на все языки и издана в 20 странах Европы и Америки, сопровождаясь необычно громкой рекламой, организованной Ревесом.

Сама книга представляет собой смесь собственных идей автора в нац.-соц. духе, искаженных цитат из «Мейн Кампф», приписанных Гитлеру чужих слов и выдумок противников «фюрера», а также самого Раушнинга, не имея ни малейшей исторической ценности. Приписываемые Гитлеру масонские и коммунистические влияния и связи – плод фантазии автора и его «помощников», не стеснявшихся в переводах исказить в «нужную» сторону даже немецкий текст рукописи самого Раушнинга.

При всем внешнем сходстве многих сторон обоих тоталитарных режимов (тайная полиция, концлагеря, преследование церкви и религии и т.д.), тезис Д. Рида о скрытом сотрудничестве коммунистов и нацистов в мировом плане совместной работы на торжество всемирной революции (не высказанный автором прямо, но напрашивающийся из приводимых им примеров с комментариями) представляется мало убедительным. Разумеется, это несколько не умаляет справедливости приводимых Д. Ридом ниже описаний засилья коммунистов в нацистских лагерях (подтверждаемого также Маргаритой Бубер-Нейман, см. библиографию, раздел 6), как и многочисленных фактов сотрудничества заключенных евреев с лагерной администрацией с целью спасти собственную шкуру ценой предательства своих сотоварищей. – *Прим. издателей.*

В своем захвате изнутри концентрационных лагерей, коммунисты обрели помощь в политике безоговорочной поддержки революции, проводившейся лидерами Западного мира; она давала им власть и авторитет среди заключенных, которые они использовали в своих целях. Автор с удивлением услышал однажды рассказ одного молодого британского офицера, сброшенного с парашютом в Югославию, о том, как для Тито сбрасывались целые контейнеры с золотыми соверенами (иметь которые английским гражданам не разрешалось). Нет сомнений, что попытки Черчилля ограничить проникновение Советов в Европу путем вторжения союзников с юга парализовались его упорным насаждением коммунизма в Югославии. Своему эмиссару к Тито Черчилль дал следующую инструкцию: *«Чем меньше Вы и я заботитесь о том, какой режим они у себя установят, тем лучше»*. Результатом политики Черчилля было установление там коммунистического режима; англичане предали в Югославии своего антикоммунистического союзника, генерала Михайловича, который был впоследствии расстрелян Тито. Совершенно то же имело место и в Греции. Майор Стенли Мосс, сброшенный в греческой Македонии как офицер связи и начальник саботажных отрядов, был свидетелем того, как коммунисты захватывали контроль над партизанами с помощью настоящего золотого дождя, поливавшего их; он пишет, что

«когда пришел день победы в Европе, весь мир поразился тому количеству золота, которое было в распоряжении (*гречески*) коммунистов. Ни копейки они не получили из России, все было дано им западными союзниками. Много лет подряд сюда направлялся золотой поток для содержания партизанских войск и общих нужд ведения войны, однако коммунисты использовали лишь малую часть его для борьбы с немцами. Нам было известно задолго до того, как будет выглядеть будущее... и тем не менее мы не в состоянии были его предотвратить»

(майор Мосс ошибается только в одном: «весь мир» и не думал «поражаться количеству золота», которое коммунисты получили от союзников, п.ч. ему никогда об этом не было сообщено ни слова).

Такая же картина наблюдалась во всех занятых немцами странах Европы. Подполковник британской авиации Ио-Томас, посланный во Францию с секретным заданием изучить методы и организацию французского движения сопротивления, безрезультатно предупредил Лондон:

«Целью коммунистической партии является массовое восстание французов в день вторжения союзников на континент... чтобы захватить господство после освобождения. Тем временем в передачах радио Би-Би-Си высмеивались французы, боявшиеся коммунистического призрака».

Последствия были описаны в книге Сислея Хэддлстона в 1952 г.: в период «освобождения» Франции коммунистами были убиты более ста тысяч антикоммунистов.

Неудивительно, что в подобных условиях внутренняя власть в «нацистских» концлагерях также была захвачена коммунистами, т.ч. когда западные кинозрители смотрели картины «освобождения» этих лагерей, они в действительности имели перед глазами то, что их армии помогли превратить в постоянную институцию в Европе к востоку от Эльбы. Правда вышла наружу в 1948 году, однако трудно предположить, что хотя бы один из миллиона упомянутых кинозрителей что-либо об этом узнал. В этом году революционный главарь Югославии, известный под псевдонимом «маршала Тито», разругался с главарями в Москве. Для коммуниста это было опасным делом, и он решил защититься средством лучшим, чем армия телохранителей, а именно опубликовав кое-что из известного ему в расчете на то, что Москва оставит его в покое, не желая дальнейших разоблачений. Он инсценировал судебный процесс, о котором широко сообщалось в Югославии, но не говорилось ни слова на Западе. Были расстреляны 13 его ближайших сотрудников-коммунистов из правительственного и партийного руководства за участие в массовых убийствах заключенных в знаменитом нацистском лагере в Дахау.

Правда просачивается наружу самыми странными путями, хотя в нашу эпоху тотального контроля печати она не просачивается очень далеко. В этом случае ее орудием оказался пожилой австрийский генерал Вильгельм Шпильфрид, переживший заключение в Дахау. Он хотел сообщить всему миру о том, что там происходило, и сумел прихватить в общей суматохе при роспуске лагеря (по прибытии союзных войск) картотеку Гестапо из конторы начальника лагеря со списком убитых и того, как они были убиты, с подписями работников Гестапо, ответственных за каждый такой случай. Среди обнаруженных таким образом агентов лагерного Гестапо были несколько руководящих сотрудников «маршала Тито». Со временем генералу Шпильфриду уда-

лось опубликовать небольшую часть этого материала; оставшаяся часть всё еще ждет издателя, который отважился бы ее напечатать.

«Тито» (некий Иосиф Броз) был сам кремлевским агентом, начиная с 1933 г. Отдав своих ближайших сотрудников под суд, открывшийся в Любляне 20 апреля 1948 г., он занес меч возможных дальнейших разоблачений над кремлевскими владыками; в числе обвиняемых были: Оскар Юранич – генеральный секретарь титовского мин-ва иностр. дел; Бранко Диль – генеральный секретарь министерства народного хозяйства; Стане Освальд – руководящий сотрудник министерства промышленности; Янко Пуфлер – управляющий государственным химическим трестом; Милан Степишник – начальник госуд. металлургического института; Карл Барле – руководящий работник в звании министра; Борис Крейни и Миро Кошир – профессора Люблянского университета, и несколько других коммунистических заправил. Все они были в прошлом членами интернациональных бригад в Испании и агентами НКВД. Все, как полагается, признали свою вину, но то, как они пытались защищать свои поступки, заслуживает интереса. Они оправдывались, утверждая, что они не убили и не причинили вреда ни одному коммунисту. *«Я никогда не ставил под угрозу ни одного из наших, я никогда не сделал ничего худого партийному товарищу»*. Они подтвердили, что они неизменно выбирали кандидатов на смерть из числа людей консервативных или либералов, католиков, протестантов или православных, евреев или цыган при условии, что жертва не принадлежала к коммунистам. Это деловое сотрудничество в концлагерях между гитлеровскими Гестапо и его прототипом, советским НКВД выразилось прежде всего в следующем: в лагерях были созданы «антифашистские комитеты», и если бы Гитлер и его Гестапо были искренни в своих заявлениях, то первыми кандидатами в газовые камеры были бы, разумеется, члены именно этих комитетов; вместо этого их признали представителями лагерных заключенных и создали им привилегированное положение, после чего они охотно принимали участие в убийствах товарищей по лагерю. Это было наилучшим путем для сокращения числа антикоммунистов в послевоенной Германии.

Следует заметить, что и в этом вопросе западная общественность была безнадежно заведена в тупик многолетней пропагандой, представлявшей «нацистов» как злейших врагов «наших советских союзников», в то время как между теми и другими наблюдалось разительное сходство. Некий Карл Штерн, немецкий еврей, эмигрировавший в Америку и перешедший в католичество, пишет (см. библиографию) о своих собственных заблуждениях в этом отношении в те годы, когда он служил в психиатрическом институте в Германии до войны:

«Два врача-нациста открыто исповедывали т.н. теорию перманентной революции Троцкого. Эта теория была мне неизвестна... но то, что ее проповедывали именно эти люди, было совершенно новым и весьма удивительным... Я сказал им как-то: господа, насколько я понимаю, в вашей теории политической стратегии вы в значительной степени следуете Троцкому. Не кажется ли вам странным, что вы, национал-социалисты, цитируете большевика и еврея Троцкого, как если бы он был вашим апостолом? – Они расхохотались, глядя на меня как на политического простака, каковым я несомненно и был... Оба принадлежали к весьма сильному в то время крылу в нацистской партии, стоявшему за союз коммунистической России с нацистской Германией против того, что они называли западным капитализмом... Подчас трудно было различить, говорили ли они на нацистском или на большевицком жаргоне, и в конечном итоге разница была невелика».

В результате нацистско-коммунистического сотрудничества росли горы трупов в лагерях, которые впоследствии показывались на экранах внешнему миру. Этот кино-журнализм дословно выполнял сказанное много раньше Дж.К. Честертоном:

«Журнализм – это ложная картина действительности, проектируемая на освещенном экране в затемненной комнате, из которой настоящего мира не видно».

Главный обвиняемый в Любляне, коммунист Юранич, признал: *«Да, я убил сотни и даже тысячи людей, и принимал участие в медицинских экспериментах, что было моей работой в Дахау»*. Диль показал, что его задачей было принимать участие в опытах с кровоостанавливающими средствами, для чего он стрелял отобранным для опытов заключенным в упор в грудь. Пуфлер описал впрыскивание жертвам малярийных бацилл с целью наблюдения за реакцией, отметив, что *«они мерли, как мухи, и мы докладывали врачу или офицеру СС о результатах»*. Эти признания не были ложными. Они подтверждались фактами и не могли быть оспорены, поскольку те же «доклады» начальству отмечались и в захваченных генералом Шпильфридом документах из канцелярии начальника лагеря. Пуфлер объяснил, как коммунистическим подручным

Гестапо удавалось скрыть свою работу от других заключенных: когда они сами возвращались из лабораторий или крематориев в лагерь, они выдумывали сказки, как им удалось чудом или с помощью хитрости спастись; поскольку ни одна из настоящих жертв никогда обратно не возвращалась, уличить их было невозможно. Всех этих субъектов поставили к стенке, однако вовсе не за их преступления. Их хозяин сбросил их, как пешки, в своей игре с Кремлем. Они точно исполняли главный закон революции («все войны должны быть революционными войнами»), пользуясь представлявшимися им возможностями уничтожать политических противников, а вовсе не «врагов». В иной форме они лишь повторяли то, что делали их хозяева в Москве, убивая пулями в затылок 15 000 польских офицеров в Катынском лесу и других, до сих пор не обнаруженных местах: они подрывали человеческую основу национальных государств, пролагая дорогу всеуничтожающей революции.

Разоблачения люблянского процесса подтверждались во множестве пунктов многочисленными воспоминаниями бывших заключенных, переживших концентрационные лагеря. Одо Хансен, сын знаменитого норвежского полярного исследователя, описывал свои наблюдения в лагере Саксенхаузен за полтора года до окончания войны:

«Просто удивительно, как коммунистам удавалось верховодить здесь: после эсэсовцев, они пользовались полной властью в лагере, привлекая коммунистов всех национальностей и ставя их на руководящие места... Многие из норвежских заключенных стали здесь коммунистами. Помимо непосредственных выгод, связанных с этим, они наверняка считали, что советская Россия будет после войны командовать парадом и что поэтому полезно вовремя окраситься в нужный цвет. Прошлой ночью я разговаривал с нашим старшим из блока, коммунистом. Если он и его товарищи придут к власти, будет не только расплата, но воцарятся еще гораздо большие жестокости, чем мы их испытали со стороны СС. Со всем моим гуманизмом я не в состоянии был пробиться сквозь эту ледяную глыбу ненависти и жажды мести, это упорное стремление, до времени скрытое, к новой диктатуре».

Подполковника авиации Ио-Томаса, сброшенного с парашютом во Франции, чтобы помочь французскому «резистансу», немцы поймали и посадили в лагерь Бухенвальд. Один английский офицер, уже сидевший там, сказал ему по прибытии:

«Никому не говорите, что вы – офицеры, а если кто-либо из вас занимал до войны руководящую должность, то помалкивайте об этом. Всё внутреннее управление в лагере в руках коммунистов... Бухенвальд – наихудший лагерь во всей Германии: шансы выжить здесь практически равны нулю».

Подполковник Ио-Томас пишет:

«Все трое главных внутренних управляющих лагеря, т.н. лагерные старосты, были коммунисты». *Под их наблюдением* «заключенным прививали тифозные и другие бациллы, причем наблюдалась их реакция на различные впрыскивания, почти всегда, оканчивавшаяся смертью. Из группы в 37 офицеров выжили только трое, остальных повесили на крюках у стены крематория и медленно задушили. Троице выжившим приходилось бояться своих солагерников почти так же, как они раньше боялись немцев: если бы коммунисты узнали, что офицерам удалось избежать виселицы, они наверняка донесли бы на них».

Коммунисты управляли лагерями, пытали и убивали свои жертвы. Если и была какая-либо разница между ними и гестаповскими тюремщиками, то лишь в том, что они были много хуже, ибо они предавали и убивали тех, кто считался их товарищами в борьбе против общего врага. Поскольку восточные евреи повсюду играли решающую роль в коммунизме, естественно, что евреи были в числе замешанных в этих действиях. Само по себе, это вовсе не удивительно, ибо евреи могут быть, как и все остальные, хорошие и плохие, жестокие или гуманные; но это тщательно скрывалось от общественности, которой рисовалась картина лагерей смерти, заполненных почти исключительно евреями, которых терзали потерявшие человеческий облик «нацисты». В действительности евреи составляли лишь малую часть лагерного населения; главными мучителями и палачами были в последние три года войны коммунисты, мотивы которых были показаны выше; а среди этих мучителей были и евреи.

В архиве автора сохранились сообщения еврейской печати о «процессах» евреев, разоблаченных прежними заключенными-евреями из лагерей Освенцима, Вланова, Мюльдорфа и других. Есть достаточно причин ставить при этом слово «процессы» в кавычки. За одним только

исключением, все эти «процессы» проводились раввинскими судами в западных странах или же в суде в Тель-Авиве. Они считались чисто еврейским делом, не касающимися прочего человечества, и если вообще выносились какие либо приговоры, то об этом не сообщалось ни в одной газете, хотя действия обвиняемых мало чем отличались от того, что разбиралось на процессе в Любляне. Было ясно, что если такие действия вообще совершались, то судить их можно было только по еврейскому закону – если они вообще подлежали суду – а христианским законам во всех этих историях не было места. С тех пор, как сионистам удалось восстановить «еврейскую нацию», это является господствующим представлением, нашедшим в частности отражение в сообщении газеты «Zionist Record» в 1950 г., в котором говорилось, что функцией

«главного бюро общественной информации при Исполнительном комитете австралийского еврейства было скрывать от нееврейской общественности неблагоприятное поведение отдельных евреев, совершивших малые или большие проступки».

Эта «функция» соответственных еврейских учреждений выполняется постоянно и во всех без исключения западных странах.

В Тель-Авиве еврейские свидетели обвинили врача-еврея и двух евреек в смертельных впрыскиваниях заключенным в Освенциме, повреждении половых органов, проведении медицинских экспериментов и отправке жертв в камеры смерти. В другом случае, врач-еврей (служивший в городской больнице) был обвинен в Тель-Авиве в 1951 г. несколькими евреями-свидетелями в жестокостях, совершенных им в лагере Вланов, где он был «помощником немецкого начальника лагеря». Свидетельница-еврейка показала, что он избил ее до потери сознания, а когда она пришла в себя, то она нашла застреленными своих трех сыновей в возрасте 12, 15 и 18 лет. Она показала далее, что за две недели до того обвиняемый приказал украинским лагерным полицейским забрать 30 заключенных, в том числе ее мужа, которые все были застрелены. Газеты сообщали в нескольких строчках об этих обоих случаях, однако никаких результатов судебного разбирательства автору этих строк обнаружить не удалось.

Еврейский суд из трех членов (состав, предписанный левитским законом) выслушал в Нью-Йорке обвинения со стороны одного еврея против служителя синагоги, убившего заключенного в лагере в Мюльдорфе, где истец был старшиной барака. В газетном сообщении говорилось, что суд пошлет свои заключения «еврейской общине» в городе, где проживал обвиняемый, *«не делая никаких предложений и не предлагая никаких санкций»*; это означало, что если бы он и оказался «военным преступником», то его общине предлагалось действовать по собственному усмотрению. Во всех этих случаях было само собой разумеющимся, что рассмотрению подлежали только жестокости по отношению к другим евреям, что если обвиняемые совершали то же по отношению к нееврейским заключенным, то это им в преступление не вменялось.

Несколько иным, но в основном того же характера, было и дело, слушавшееся в одном из израильских судов в 1954–55 г.г. Одним венгерским евреем была распространена в Израиле брошюра, обвинявшая некоего д-ра Израиля Кастнера, высокопоставленного чиновника и ведущего кандидата (на выборах 1955 года) израильской правительственной партии большинства, в сотрудничестве с нацистами в Венгрии во время войны, в подготовке убийства евреев, спасении нацистского военного преступника от наказания и т.п. Кастнер немедленно подал на своего обвинителя в суд за клевету, и после девятимесячного разбирательства израильский судья вынес решение, что все обвинения подтвердились. В этом решении говорилось, что д-р Кастнер был нацистским коллаборантом «в полном смысле этого слова» и что он «продал душу дьяволу»; комментарий израильского премьера того времени, Моше Шаретта, гласил, что *«любое действие оправдано, в том числе и продажа души дьяволу, если это нужно для спасения евреев»* (заметим, что Кастнер обвинялся в предательстве евреев нацистам). Израильское правительство объявило, что оно подаст через государственного прокурора апелляцию против этого решения, и автор этих строк не в состоянии был обнаружить никаких дальнейших последствий этого дела, если таковые вообще имели место.

Итак, в то время, как всему миру трубили о «военных преступниках» и их процессах, еврейские «военные преступники» представляли только перед еврейскими судами и, если их постигало какое-либо наказание, то общественности об этом не становилось известным. Автору известен лишь один случай (возможно, что другие ускользнули от его внимания), когда такие евреи были в числе обвиняемых на «процессе военных преступников». Еврейское Телеграфное Агентство (Jewish Telegraph Agency) сообщало 8 мая 1946 г. что

«вчера были объявлены приговоры по делу 23-х охранников концлагеря Брендаук под Антверпеном, одного из менее известных нацистских узилищ; в числе охранников были 3 еврея: Вальтер Облер, Лео Шмандт и Салли Левин. Облер и Левин приговорены к смертной казни, Шмандт – к 15 годам заключения».

Уже упоминавшийся нами г. Джозеф Лефтвич в дискуссии с А.К. Честертоном об «анти-семитизме», задал по поводу этого процесса вопрос: *«Что он доказывает? Что зверя в человеке можно найти повсюду, и что евреи не более застрахованы от этого, чем любая иная группа людей».* Это, разумеется, вполне правильно, но не имеет отношения к установленному нами факту, что во время последней войны мировой общественности была преподнесена совершенно ложная картина преследования одних только евреев неевреями, и что, к нашему общему вреду, мировые события нашего века систематически извращаются пропагандой.

Глава о еврейских пособниках Гитлера оказывается довольно длинной. Английский посол в Испании во время войны, лорд Темпльвуд, писал:

«Месяц за месяцем, генерал Франко» (по слухам, сам из семьи еврейского происхождения) «превращал испанскую печать в самый громкий рупор немецкой пропаганды. Ни одной из наиболее известных газет не разрешалось действовать самостоятельно, каждая должна была вторить голосу своего хозяина. Этим хозяином в данном случае оказался восточный еврей весьма темного происхождения, по имени Лазар... В Вене он в свое время верно служил Гитлеру как фанатический пропагандист «аншлюса». С тех пор он стал в нацистском мире большим человеком... В германском посольстве в Мадриде он обладает большим авторитетом, чем сам посол, и ежедневно не только направляет общую линию испанской печати, но и лично редактирует тексты новостей и статей. Его сотрудники сидят в редакциях испанских газет, и ни одно слово не достигает испанских читателей без его разрешения. Умело мешая грубый приказ с открытым подкупом, он сумел сделать испанские газеты еще более ядовитыми, чем газеты, издающиеся в Германии».

Автор лично хорошо знал этого Лазара – заговорщика весьма обходительного, улыбчивого и светского типа, и через него впервые познакомился с еврейским элементом в числе гитлеровских посвященных высших степеней. Знакомство с ним состоялось впервые в 1937 г., когда он был «секретарем по делам печати» при австрийской миссии в Бухаресте. Австрия в те годы была штаб-квартирой автора и жила в ежедневной боязни нацистского вторжения, которое и состоялось в 1938 году, а ее заграничные представители считались австрийскими патриотами и яркими анти-нацистами; если речь шла о евреях, то это представлялось вдвойне верным. Прежде всего автора поразило, что обедневшая маленькая Австрия могла позволить себе роскошь держать «пресс-секретаря» в балканской столице; второй неожиданностью был шикарный образ жизни Лазара и его развлечений. Автор полагал, что, как и многие другие, примостившиеся на краю дипломатии («пресс-секретарство» на Балканах всегда слыло сомнительным делом), он хорошо подрабатывал на стороне, что в Бухаресте не считалось необычным.

Лазар сам, однако, был типом весьма необычным, хотя и отнюдь не в области гешефта с мехами или коврами, как это поначалу смутно подозревал автор. Его благосостояние имело, как вскоре показали события, политический источник, а именно, нацистский. Когда Гитлер захватил Австрию, журналистов собрали на пресс-конференцию в знаменитом «Бальном Доме» на площади того же имени в Вене, чтобы познакомить их с нацистской версией события. Когда открылась дверь, вошел официальный представитель нового режима, гитлеровский «порт-пароль» и хозяин печати в захваченной стране, ярый сторонник и пропагандист «аншлюса»; это был никто иной, как месье Лазар, недавний «австриец» (родившийся турецким подданным). Он сразу увидел автора, и на его наглom лице промелькнула смесь улыбки со смущением; помахав рукой, он сказал: «Халло, мистер Рид, как приятно снова с вами встретиться!» Затем он объяснил нам благие мотивы фюрера, продиктовавшие вторжение и его замечательные последствия для Австрии, Германии и всего мира. Читатель может увидеть здесь, насколько действительность отличается от ложной картины, показываемой общественности, особенно во время войны, когда люди, подобные этому субъекту, контролируют поток информации.

На фоне всех этих событий, еврейская месть побежденной Европе достигла по окончании войны талмудистских вершин в форме двух весьма символических массовых перемещений, одного на восток и другого на запад. Из «свободного мира» союзные армии гнали беженцев от коммунизма опять в большевицкое рабство; из коммунистических стран (в которых, как правило, никто не может выехать из своего города без полицейского разрешения) свободно двинулись орды восточных евреев, перевозимых под союзной защитой через всю Европу по направлению к

Палестине. Этот двухколейный процесс наложил на послевоенное возмездие свою легко опознаваемую печать, что можно проследить в следующих цитатах:

«Saturday Evening Post» от 11 апреля 1953 г. писал:

«Предъявляя это позорное (*ялтинское*) соглашение как основание, агенты советского МВД ездили после войны по лагерям ди-пи, вылавливая там тысячи людей, бежавших от советской тирании. Эти несчастные жертвы загонялись в товарные вагоны и увозились обратно на смерть, пытки или медленную смерть в сибирских лесах и шахтах. Многие кончали в дороге самоубийством. Согласно тому же ялтинскому соглашению, Советам было позволено эксплуатировать немецких военнопленных на принудительном труде в счет репараций. Этой бесчеловечности не может быть оправдания».

Мисс Катрин Хэلم из Калифорнии была заместителем директора (1945–51) лагеря для беженцев в Вильдфлехене в Баварии, управлявшегося организацией, известной под названием УНРРА (Администрация Объединенных Наций по помощи и размещению). В своей книге воспоминаний она пишет, как одна из ее коллег

«была временно переведена в управление лагеря на юге Германии, откуда русские беженцы, в большинстве военнопленные, отправлялись по Ялтинскому соглашению обратно в СССР. Она рассказала нам, как русские пленные перерезывали себе вены на руках и вешались. Даже после того, как у них были отобраны все опасные предметы, они находили пути к самоубийству. Ей было непонятно, как Сталину удалось втолковать Рузвельту и Черчиллю, что у немцев были вовсе не русские военнопленные, а одни только дезертиры».

А теперь другая сторона картины: каково было обращение с одной единственной группой, выделенной из общей массы жертв Гитлера и заключенных Сталина? Мисс Хэلم рассказывает:

«... а потом приехали евреи. В нашем северном районе у нас еще никогда не было еврейских лагерей... Евреи составляли менее одной пятой всего населения ди-пи в нашей зоне, но это было столь нахальное меньшинство, что если бы вы судили об оккупации только по газетам, у вас создалось бы впечатление, что в них одних заключалась вся проблема перемещенных лиц... С ними приходилось обращаться как с сырыми яйцами, это в особенности предписывалось при переводах их из одних лагерей в другие. И горе тому из работников УНРРА, который оставил бы на виду хоть один виток колючей проволоки в тех лагерях, куда их переводили. Для них была создана особая категория снабжения как «преследовавшихся», они были единственными ди-пи, кроме больных, которые получали, не работая, особый паек... Вдоль дороги, делившей лагерь на две части, было маленькое немецкое поселение. Еврейские представители... подняли крик, что это было самой большой опасностью для них; УНРРА должна дать им оружие для вооружения еврейской полиции с целью защиты от этих немцев, живших среди них. Мне и в голову не приходило, что через две недели все эти немцы рады будут работать на евреев, и я уступила, пообещав ходатайствовать о вооружении лагерной полиции... Еврейская полиция щеголяла в зеленых шерстянных формах, со звездой Давида на шапках... Всё было заранее предвидено и организовано... На стенах их канцелярии красовались воинственные плакаты, изображавшие молодых евреек в окопах, бросавших гранаты в арабов. Еврейская полиция практиковалась в стрельбе из винтовок, которые мы достали для них для «защиты» от немцев, которые теперь выполняли в лагере тяжелую физическую работу. Еврейские мастерские работали на полный ход, изготавливая военные шинели из прекрасного шерстяного материала и прочные кожаные ботинки с подошвами на гвоздях, приспособленные для плохих дорог. Мы могли лишь догадываться, что всё это предназначалось для Израиля, и в конечном итоге, какими-то таинственными путями, вся эта продукция туда и отправлялась; ни одного из наших ди-пи в этом обмундировании мы не видели... Над всей этой кипучей деятельностью развевался невиданный нами ранее флаг с голубыми полосами и Давидовой звездой на белом фоне».

Мисс Хэلم описывает, как они показывали этот лагерь делегации раввинов из Америки:

«Мы демонстрировали большой лагерь, подготовленный как маклеры готовят к показу свои объекты, и это несомненно был наилучший лагерь для ди-пи во всей Европе... Но раввины только неодобрительно качали головами, им всё это было недостаточно хорошо».

Она пишет, что специальный американский закон по вопросу о «перемещенных лицах» был полон оговорами и западнями, делавшими его неприменимым по отношению к обычным ди-пи; «только евреи, утверждавшие, что они подвергались преследованиям в одной из восточ-

но-европейских стран, могли проскочить через эти западни». Мисс Хэلم сообщает, что американские полу-официальные и пользовавшиеся правительственной поддержкой организации поставляли мастерские, оборудование, материалы и «особые дополнительные пайки», предназначенные для одних только евреев.

Некий подполковник Иуда Надич описал в южноафриканской газете «Jewish Times» от 4 февраля 1949 г., какими методами водворялось в завоеванной Европе это нахлынувшее в нее новое привилегированное сословие; раввин Надич был

«советником по еврейским делам у генерала Эйзенхауэра при американских вооруженных силах в Европе, и тесно сотрудничал с ним во всех вопросах, касавшихся ди-пи и других еврейских проблем». Он пишет: «К чести Эйзенхауэра нужно отметить, что когда ему было доложено об ужасных условиях в лагерях ди-пи» (в 1945 году), «он немедленно принял меры к улучшению этих условий. Были изданы указания об увеличении продовольственных пайков для преследовавшихся; в отличие от всех остальных ди-пи для евреев были организованы специальные лагеря; для еврейских ди-пи, проживавших вне лагерей, были созданы преимущественные условия, был назначен специальный советник по еврейским делам и оказана полная поддержка Совместному Распределительному Комитету (т.н. «Джойнт»), а затем и Еврейскому Агентству. В британской зоне генерал Монтгомери не допускал всего этого, в результате чего в американскую зону изливался непрерывный поток еврейских ди-пи. Лично Эйзенхауэр часто посещал лагерь с целью инспекции, его приезды подымали дух у ди-пи, напоминал офицерам на низших ступенях о желаниях их главнокомандующего. Недостаточно усердные офицеры подвергались взысканиям, включая одного из высших генералов».

«Желанием» генерала Эйзенхауэра было, согласно этому авторитетному свидетелю, чтобы с евреями обращались как с привилегированным классом. Если он следовал советам своего еврейского «советника», то этому не приходилось удивляться, поскольку для раввина Надича несколько евреев в числе каждой сотни ди-пи были единственными «преследовавшимися», и притом «в отличие от всех остальных ди-пи». Это свидетельство раскрывает функции особенно характерной для нашей эпохи должности «еврейского советника».

Так к 1945 году из всего обширного гитлеровского «преследования политических противников», начатого в 1933 году, осталось одно лишь «преследование евреев». Пропагандой было вычеркнуто всё, кроме этой малой части; цитированное нами свидетельство объясняет, почему мисс Хэلم могла из своего лагеря ди-пи писать: «если бы вы судили только по газетам... у вас создалось бы впечатление, что в одних евреях заключалась вся проблема перемещенных лиц». В то время как миллионные массы пострадавших были забыты или отправлены обратно на преследования, которых некоторым из них удалось на время избежать, эта одна группа была под защитой и с помощью Запада снабжена, одета, вооружена и отправлена для вторжения в маленькую страну в Аравии.

Азиатский восток поставлял этих захватчиков: христианский Запад направлял их. В этом предприятии не было никакой разницы между «свободным» миром и поработанным за «железным занавесом», наоборот, цели были одними и теми же, а их достижение тщательно координировано. Явно действовал единый направляющий центр, которому были совершенно безразличны границы и национальные государства, друзья или «враги» военного времени, а также любые «принципы», столь громко провозглашавшиеся премьер-министрами-диктаторами. Запад практиковал ветхозаветное возмездие так же, как и «Восток», но образцом служил Восток, тем самым образом, который проявился в России в 1917 г., был предсказан в «Протоколах» в 1902 г., и был виден уже в революции 1848 г. в Европе. Зачинщиков возмездия, разлившегося по Европе в 1945 г., следует поэтому искать в революционном подполье; мы должны проанализировать эту новую революцию 1945 года, чтобы выяснить, была ли она и ее руководство теми же, что и в 1917 г. (когда они были 90% еврейскими) и в 1848 г. (когда Дизраэли утверждал, что революцией руководили одни евреи).

Исторический анализ событий трех десятилетий с 1917 по 1945 г. приводит к выводу, что к 1945 году европейская революция уже в течение целого столетия стояла под еврейским руководством, – столетия, в начале которого Дизраэли впервые точно обозначил характер этого руководства. Автор употребляет выражение «еврейское руководство революцией» для характеристики движения, направляемого восточно-галмудистским раввинами, а отнюдь не движения, пользующегося общей поддержкой еврейства. Как уже неоднократно отмечалось, самая упорная оппозиция этому движению исходила от западных евреев, наиболее удаленных географически от

талмудистского директората. Это то же различие, которое добросовестный исследователь должен делать между «национал-социализмом» и «немцами», между «коммунизмом» и «русскими».

В этом смысле, революция, продолжавшаяся три десятилетия после 1917 г., была, по убеждению автора этой книги, чисто еврейской. Еврейский характер первого большевицкого правительства и его кошмарных дел был показан выше. Теми же особенностями отличались и два его кратковременных отпрыска, насажденных большевиками в 1919 году в Баварии и Венгрии. В обоих случаях большинство террористов были завезены в эти страны под маской «возвращающихся военнопленных», обученных как коммунистические агитаторы в советской России. Коммунистическое движение в Германии возглавлялось в те годы «Союзом Спартака» (вспомним, что «Спартак» был партийным псевдонимом Адама Вейсхаупта), руководителями которого были почти исключительно евреи: Роза Люксембург, Лео Йогихес (оба из Польши), Пауль Леви и Евгений Левине (из советской России), и Карл Либкнехт. Неудивительно, что и большевицкое правительство в Баварии оказалось под главенством евреев: Курта Эйслера, Эрнста Толлера и того же Евгения Левине.

В Венгрии главными заправилami террористического режима были сплошь обученные в советской России евреи: Бела Кун, Матиас Ракоши (он же Розенкранц), Эрно Гере и Тибор Самуэль. Открытые антихристианские эксцессы этого режима показывали его скрытые пружины. Немецкий историк Коммунистического Интернационала, Ф. Боркенау, пишет:

«Большинство большевицких и лево-социалистических вождей, как и значительная часть их сотрудников и исполнителей были евреями... антисемитизм стал поэтому естественной формой реакции против большевизма».

В этой весьма типичной выдержке читатель видит, что «реакция против большевизма» приравнивается к «антисемитизму»: очевидно, чтобы не быть причисленным к «антисемитам», не следовало «реагировать против большевизма».

Следующей на очереди была Испания, где революция разразилась в 1931 г. Она также руководилась эмиссарами из Москвы, многие из которых были евреями, что немало способствовало разочарованию многих ярых республиканцев. Многие католики и даже представители духовенства голосовали за республику, слишком поздно убедившись в том, что обещанные «реформы» вылились в наступление на христианскую веру как таковую. Церкви и монастыри разрушались, за этим следовали убийства священников и монахинь, революция вновь обнаружила перед всем миром свой специфический характер, как это было в Баварии, Венгрии, России, и задолго до того во Франции и Англии. Официальный орган Коминтерна открыто свидетельствовал, кто был вдохновителем антихристианских эксцессов в Испании: *«Пламя горящих церквей и монастырей в Испании показало истинный характер испанской революции»*; отцовство революции можно было, таким образом, проследить на протяжении еще одного поколения. Церковная собственность подверглась конфискации, однако испанский народ от этого не стал богаче; золотой запас Испанского Банка (около 700 миллионов долларов) был последним республиканским премьером Хуаном Негрином переведен в Москву (об этом сообщил перешедший на Запад советский чекистский генерал Вальтер Кривицкий). Убийство в 1936 г. лидера монархистов Кальво Сотело восстановило против революции даже тех испанцев, которые желали конституционного образа правления, они увидели, что в действительности ими правит чужеземная, антихристианская тирания, и в результате революция была «выплюнута из страны», как это случалось везде, куда не смогла добраться для ее поддержки Красная армия со своими «политкомиссарами».

В Америке как сионисты, так и еврей-антисионисты, открыто или косвенно, признавали еврейское авторство в испанской революции. В годы, когда делались попытки договориться с Гитлером по еврейскому вопросу, судья Брандейс, бывший их ярим противником, заявил раввину Стефену Уайзу: *«Германия разделит судьбу Испании»*. Бернанд Браун (см. библиографию) писал:

«...евреи несли полную ответственность как за установление республики в Испании, так и за уничтожение авторитета церкви в этой стране, как и во всех других странах, где еще господствует свобода».

На протяжении двух десятилетий, т.е. между Первой и Второй мировыми войнами, еврейские физиономии неперестанно уменьшались в числе в ряду любимых вождей, выстраивающихся

на ленинском мавзолее во время больших торжеств – единственные случаи, когда закабаленный русский народ мог лицезреть своих правителей, причем даже громopodobные овации передавались с пластинок через громкоговорители на Красной площади. Мало того, евреи даже оказывались на скамьях подсудимых во время показательных процессов, или просто исчезали без всяких объяснений с политической сцены. В еврейском руководстве мировой революцией, однако, не произошло, судя по нижеприводимым цифрам и фактам, больших изменений.

В 1920 году, судя по официальным большевицким публикациям, из 545 членов руководящих партийных и правительственных инстанций 447 были евреями. Американский еврейский журнал «Опинион», уже цитированный нами, сообщал в 1933 году, что евреи занимали почти все должности советских послов, и что в Белоруссии 61% всех официальных лиц были евреями; в том же журнале отмечалось, что еврейская доля в населении (тогда 158'400'000) была «менее двух процентов». Если эта цифра верна, то число евреев в советской России составляло тогда менее 3 миллионов. В том же 1933 году, еврейская газета «Jewish Chronicle» сообщала, что одна треть всех евреев в России занимала официальные должности в государственном и партийном аппарате; если и это верно, то тогда действительно не может быть никаких сомнений, что они составили новый правящий класс страны после уничтожения прежнего.

В коммунистическом учении за это время не произошло вообще никаких изменений. Нарком просвещения Луначарский, один из немногих русских в руководстве, выступал в стиле, ничем не отличавшемся от талмудистского:

«Мы ненавидим христианство и христиан, даже лучших из них следует считать наихудшими ближними. Они проповедуют любовь к ближним и милосердие, что идет вразрез с нашими принципами. Долой любовь к ближнему: нам нужна ненависть. Мы должны научиться ненавидеть, и только тогда мы сможем завоевать весь мир».

Это – лишь один образчик целой литературы того времени, и единственным известным автору первоначальным источником столь человеколюбивой доктрины является Талмуд, сам по себе представляющий лишь продолжение древней, варварской, дохристианской религии и содержащий такие перлы, как: «*Вы (евреи) – человеческие существа, но другие народы на земле – не люди, но животные*». Столь возвышенным высказываниям Луначарский был, по-видимому, обязан своим назначением послом в Испанию в период революционных потрясений в этой стране.

В 1935 г. автор этих строк поехал в Москву по поручению лондонского «Таймса», сопровождая лорда-хранителя печати Антони Идена, – первого английского министра, посетившего столицу революции. До того «Таймс» упорно отказывался держать корреспондентов в Москве, поэтому автор был первым представителем английской печати после Роберта Вильтона, история которого была рассказана ранее. Пятнадцатилетний вакуум заполнялся обосновавшимся в Риге корреспондентом Р.О.Дж. Эрчем, против которого за кулисами велась непрерывная клеветническая кампания; автор знал о ней, но, будучи новичком, не отдавал себе отчета в ее значении. В Москве автора поразило нечто, не случавшееся с ним еще ни в одной другой столице. В его первом сообщении говорилось, что Иден проезжал по улицам, окаймленным «серой и молчаливой толпой», и еврейский цензор потребовал, чтобы это было вычеркнуто. Вначале автор посчитал это просто вздорной придижкой, спросив цензора, не хочет ли он, чтобы в сообщении говорилось о буржуах в цилиндрах на московских улицах; однако, в последующие дни ему пришлось увидеть больше, и в своей книге, написанной в 1938 году, он писал:

«Отдел цензуры, другими словами весь механизм контроля и обуздания иностранной печати, состоял из одних евреев, и это удивило меня более всего другого в Москве. Во всем учреждении не было по-видимому, ни одного нееврейского сотрудника... Мне всегда говорили, что процент евреев в советском правительстве был мал, но в этом одном важном отделе, с которым мне довелось познакомиться близко, у них была полная монополия, и я задавал себе вопрос, где же были русские? Видимо, они были в числе той серой и молчаливой толпы, которую я видел, но о которой нельзя было писать».

Вскоре автор узнал от старожил, что «процент евреев в советском правительстве» вовсе не был так уж мал, что в их руках был сосредоточен если и не весь контроль, то во всяком случае значительная его часть. Автор не смог познакомиться в Москве ни с одним русским, – это была другая сторона этого единственного в своем роде опыта. Никогда в жизни ему не приходилось видеть правящего класса, столь герметически изолированного от поработанной им массы. Во

время этого приезда в Москву автору вовсе не приходило в голову искать доказательств еврейского господства; то, что он видел, навязывалось ему само. В 1935 году он, пожалуй, даже еще не начинал размышлять по поводу «еврейского вопроса». Описанное выше впечатление было первым, которое получил сравнительно опытный наблюдатель, никогда ранее не бывавший ни в Москве, ни вообще в России. Он нашел его подтвержденным со стороны другого опытного журналиста, который провел в России 12 лет, с 1922 по 1934 г.; книга Вильяма Генри Чемберлена (см. библиографию) является до сих пор ценным источником по истории этого периода. Он пишет:

«Значительное число евреев сделали карьеру в советской бюрократии. Из примерно дюжины сотрудников отдела печати при Наркоминделе, которых я знал лично, я помню только одного нееврея. Преобладание евреев в этом комиссариате в годы моего пребывания в России было почти смехотворным; русские были представлены седым швейцаром и пожилыми, опустившегося вида женщинами, разносившими чай.⁴¹ Много евреев было также в ГПУ, Коминтерне и в комиссариатах, связанных с торговлей и финансами».

По вопросу о причинах такого положения Чемберлен приходит, однако, к выводам, отличным от выводов автора этих строк. Он пишет:

«После того, как я покинул Россию, мне случалось получать письма с вопросами, «как ведут себя евреи при советском строе», причем подразумевалось, что евреи действуют, как сплоченная масса, и что вся русская революция была еврейским заговором. Это предположение не имеет ни малейшего исторического обоснования... Теория, согласно которой евреи единым расовым блоком работали на победу большевизма, не выдерживает серьезного исторического анализа».

В этом дышащем авторитетом утверждении смешиваются две весьма различные вещи: направляющая сила еврейства и вся масса народа, называемого «евреями». Ни немцы, ни русские не работали «единым расовым блоком» на победу национал-социализма или большевизма, но и тем, и другим их навязали. Массы и толпа никогда не «работают» сознательно на победу чего бы то ни было; их толкает в нужном направлении любая хорошо организованная группа, которой удастся захватить над ними власть. «Сплоченная масса» рабочих и не думает «работать» на всеобщую забастовку, но всеобщие забастовки объявляются от ее имени. В настоящей книге было достаточно ясно показано, что, например, самая упорная оппозиция сионизму исходила именно от евреев, но сегодня всему «расовому блоку» надели сионизм, как смирительную рубашку. По убеждению автора этих строк, доказуемой направляющей силой революции, начиная, по крайней мере, с 1848 г., был восточно-европейский талмудистский раввинат, и в этом смысле «революция» действительно была «еврейским заговором».

В 1935 году в Москве автору случилось лично познакомиться с некоторыми из еврейских олигархов. Одним из них был тучный Максим Литвинов, типичный завсегдатай венских или парижских эмигрантских кафе, превратившийся в революционного вельможу. Другим был начальник отдела печати Уманский – ловкий, улыбчивый, но весьма опасный молодой человек, родом, как говорят, из Румынии, и столь же похожий на русского, как африканский негр. У автора было постоянное чувство, что он путешествует по России в запломбированном вагоне, не хуже того, в котором Ленин в нее приехал. Насколько известно, к 1937 году это положение не изменилось. Русский эмигрант и публицист, А.П. Столыпин (отец которого, один из последних настоящих освободителей русского народа, был убит еврейским террористом в 1911 г.), писал в этом году (см. библиографию), что замена евреев русскими или иными «на высших ступенях советской официальной лестницы» была несомненно тактическим ходом, и что евреи «по-прежнему держат главные рычаги управления, в тот день, когда им придется выпустить их из рук, всё

⁴¹ Другой автор пишет буквально то же самое: Юджин Лайонс, американский еврей и коммунист, был в 20-ые годы американским корреспондентом в Москве, где он был вхож в высшие советские «сферы», участвуя даже в кремлевских попойках. То, что он увидел, превратило его в убежденного антикоммуниста, и после войны он написал блестяще документированную книгу («Наши тайные союзники: русский народ») с уничтожающей характеристикой советского строя и, что еще более редко на Западе, с объективной и глубоко положительной оценкой дореволюционной России. О Наркоминделе 30-х годов Лайонс пишет, что «в партийных кругах его называли «синагогой»»: от швейцара до Литвинова там не было ни одного нееврея. См. Eugene Lyons, «Our Secret Allies: The Russian Peoples», Duell, Sloan & Pearce, New York 1953. – Прим. издателей.

марксистское сооружение развалится, как карточный домик». Столыпин перечислял высокие посты, по-прежнему занятые евреями, особо отмечая, что ключевые позиции реального контроля, держащегося на терроре, полностью оставались в еврейских руках. Это были концентрационные лагеря рабского труда, которыми управлял еврейский триумvirат и в которых содержалось не менее 7 миллионов русских; тюрьмы, управляемые еврейскими комиссарами; весь механизм печати и ее распределения, включая цензуру; и, наконец, чисто талмудистская по своему существу система «политкомиссаров», обеспечивающая террористскую дисциплину в армии.

В 1938 г. некий Бутенко, скромный работник советской дипломатической службы, не желая возвращаться в Москву, бежал из Бухареста в Италию. В статье в «Джорнале д'Италия» он писал, что правящий класс в России почти исключительно состоит из евреев; в особенности на Украине всё управление и вся промышленность были в их руках, и это положение было установлено правительством в Москве. Другими словами, кадры революционных руководителей не претерпели между 1917 и 1939 г.г. существенного изменения; они исчезли из первых рядов, но сохранили за собой «рычаги управления». После этого картина покрылась туманом войны, и следующим периодом времени, в котором можно проверить положение вещей, являются ее последние годы и первый послевоенный период, начиная с 1945 года.

Даже еще до того, как началась Вторая мировая война, «военные цели» революции были сформулированы Сталиным на III Конгрессе Коминтерна в Москве, в мае 1938 г.:

«Возрождение революционной деятельности в сколько-нибудь широком масштабе не будет возможным, пока нам не удастся использовать существующие противоречия между капиталистическими странами с тем, чтобы вовлечь их в вооруженный конфликт между собой... Любая война должна автоматически закончиться революцией. Основная работа наших партийных товарищей в иностранных государствах заключается, поэтому, в способствовании возникновению такого конфликта».

Как заметит читатель, это было единственными провозглашенными «целями войны», неуклонно преследовавшимися в ходе последовавшего конфликта, «возникшего» с помощью пакта Сталина с Гитлером. Западные руководители, изменив своим собственным, ранее сделанным заявлениям о «целях войны» и отдав пол-Европы революции, обеспечили тем самым достижение в этом районе вышеуказанных «военных целей».

Каких «вождей» подарила революция выданным ей, как добыча, восточно-европейским государствам в 1945 году? Здесь вновь представляется возможность проверить личность стоявшей за революцией направляющей силы. Ее выбор был свободным: не было никакой необходимости для революции навязывать дюжине отданных ей стран еврейские правительства, если это не было сознательной политикой. В советизированной Польше американский посол Артур Блисс Лейн отметил преобладание евреев, многих из них даже не из Польши, на ключевых должностях аппарата террора. Посетивший Польшу депутат английского парламента майор Тафтон Бимиш писал: *«Многие из наиболее влиятельных, коммунистов в Восточной Европе – евреи... Я был удивлен, убедившись, какой большой процент евреев служит в тайной полиции»*.

В советизированной Венгрии террорист 1919 года Матиас Ракоши (он же по одним данным Розенкранц, по другим – Рот, родом из Югославии) вернулся в 1945 году в качестве премьера, разумеется под защитой Красной армии. Восемь лет спустя (1953) агентство печати Ассошиэтед Пресс сообщало, что *«90 процентов высших руководителей венгерского коммунистического режима – евреи, включая премьера Матиаса Ракоши»*; лондонский «Таймс» писал в том же году, что кабинет Ракоши был «преобладающе еврейским»; журнал «Тайм» в Нью-Йорке писал о *«главным образом еврейском (90% на высших ступенях) правительстве коммунистического премьера Матиаса Ракоши, который сам тоже еврей»*. Как и во всех других коммунистических странах, наступление на христианство началось в Венгрии с заключения в тюрьму высших священнослужителей. Наибольшее внимание внешнего мира привлек процесс венгерского кардинала Миндсенти, обвиненного в государственной измене. О вдохновителях процесса нетрудно было догадаться, прочтя в 1949 году обращение к мировому еврейству «Центрального бюро евреев в Венгрии, Венгерской сионистской организации и венгерской секции Всемирного Еврейского Конгресса», в котором говорилось:

«Венгерские евреи с большим удовлетворением узнали об аресте кардинала Миндсенти. Этим актом венгерское правительство отправило главу банды погромщиков... в заслуженное им место».

О советизированной Чехословакии лондонский журнал «Нью Стейтсмен» (источник, заслуживающий доверия в данном вопросе) писал через 7 лет по окончании войны (1952):

«В Чехословакии, как и повсюду в центральной и юго-восточной Европе, как партийные интеллигенты, так и руководящие работники тайной полиции в значительной степени еврейского происхождения».

О Румынии, «Нью-Йорк Геральд Трибюн» сообщал в 1953 г., через 8 лет после войны, что «Румыния, как и Венгрия, имеет вероятно наибольшее количество евреев в правительстве». Главной террористкой в Румынии была еврейка Анна Паукер, отец которой (раввин) и брат находились в Израиле. Это был один из интересных случаев описанных Хаимом Вейцманом разногласий в еврейских семьях в годы его детства между «революционным коммунизмом» и «революционным сионизмом» и только в одном этом вопросе. Мадам Паукер использовала свое положение, чтобы дать возможность отцу выехать в Израиль, несмотря на то, что (по словам брата) «партийная линия предписывает удерживать евреев в Румынии». От социологов, интересующихся сравнением методов революции с обычаями африканских дикарей, не ускользнет роль женщин в революциях; явно дававшаяся им сознательно, начиная с тех представительниц слабого пола, которые сидели за вязанием чулок вокруг гильотины, приветствуя восторженным ревом каждую катившуюся благородную голову. В советизированной Восточной Германии режимом террора управляла некая фрау Хильда Бенъямин, которую поставили сначала вице-президентом Верховного Суда, а затем министром юстиции. О «красной Хильде» даже западная печать не скрывает, что она была еврейка, как не было сомнений в варварском характере царившего при ней режима, причем даже лондонский «Таймс» не убоился зайти далеко, охарактеризовав ее, как «наводящую ужас фрау Бенъямин». В течение всего лишь двух лет почти 200 000 восточных немцев были осуждены по ее указаниям за «политические преступления», а сама она председательствовала на нескольких «показательных процессах» по советскому образцу против людей, обвинявшихся в таких преступлениях, как принадлежность к секте «свидетелей Иеговы». Население советизированной Германии насчитывало, согласно переписи 1946 года, 17 313 700 граждан, из них, если верить еврейским «оценкам», от 2-х до 4-х тысяч евреев. Этому ничтожному меньшинству, как писала иоганнесбургская газета «Зионист Рекорд» в 1950 г.,

«жизнь в восточной зоне принесла значительные улучшения. Немало из них занимают сегодня в правительстве и государственном аппарате высокие посты, которых ни один еврей не мог занимать когда-либо раньше в Германии, и которых они, несмотря на все разглагольствования о демократии, не могут даже сегодня достигнуть в Западной Германии. Несколько евреев занимают руководящие должности в министерствах информации, промышленности и юстиции. Верховный судья в советском секторе Берлина – еврей, они же главные судьи в нескольких провинциях вне Берлина. В печати, как и в театре, значительное число евреев получили ответственные должности».

Даже четырём тысячам евреев вероятно не удалось бы занять всех перечисленных руководящих должностей, а поэтому та же газета писала в другом номере, что

«когда русские (!) оккупационные власти были организованы после войны, в советской администрации много евреев занимали ключевые посты и имели высокие звания. В их числе были евреи из России... прибывшие в Германию и Австрию в рядах Красной армии, а также евреи из стран, присоединенных к России за последние 10 лет, из балтийских стран Латвии и Литвы».

Тем самым мы доходим в этом повествовании до наших дней, а что еще остается, будет описано в заключительной главе. Когда революция распространялась в 1945 году на выданные ей Западом страны, в них повторялась история 1917–18 г.г. в России. Разразились талмудистская месть, и повсюду были установлены еврейские правительства, цели которых не вызвали сомнений. В последующие 8 лет не произошло существенных перемен, ни реальных, ни внешних. Всё сделанное лишним раз подтвердило как природу революции и ее направляющей силы, так и талмудистские цели обеих.

Глава 43. Сионистское государство

Революция распространилась на пол-Европы, услужливо открытой для нее западными союзниками; подобно змее, готовящейся к нападению, она высунула ядовитое жало дальше, к южным берегам Европы, через Средиземное море, в маленькую страну, именовавшуюся Палестиной. Деньги, снаряжение, транспорт и конвой были даны Западом; но революция поставила главное, что было необходимо для создания сионистского государства: народ для вторжения в него и оружие, обеспечившее верную победу.

Запад дал свое согласие, но в конечном итоге сионистское государство было детищем революции, осуществившей тем самым левитскую доктрину «возвращения». Ее вторжение в Европу и Аравию явились единственными «территориальными приобретениями» победителей во Второй мировой войне, в начале которой западные «премьеры-диктаторы» вторично в наши дни публично отказались от всяких завоеваний. Результатом этих двух вторжений стали два постоянных взрывчатых заряда новой войны – в разделенной Европе и разделенной надвое Палестине – которую в любой момент могут спровоцировать те, кто ожидает от третьей мировой войны своих собственных выгод.

Как помнит читатель, накануне Второй мировой войны сионизм в Палестине находился при последнем издыхании: английский же парламент пришел в 1933 году, убедившись на основании двадцатилетнего опыта, что реализация «еврейского национального очага» невозможна, к решению отказаться от невыполнимого «мандата» и убраться из Палестины после того, как будет обеспечено парламентарно-демократическое представительство всех партий в стране – арабов, евреев и всех прочих. Мы помним также, что радикальное изменение этой политики наступило, когда Черчилль после своего прихода к власти в 1940 году частным порядком известил Хаима Вейцмана, что он «полностью согласен» с сионистскими амбициями «создать после войны... в Палестине государство с тремя или четырьмя миллионами евреев»; об этом сообщает в своих записках сам Вейцман, и это его свидетельство до сих пор еще никем не было оспорено. Черчилль известен тем, что он никогда не уставал выражать свое глубокое уважение парламентарной системе правления, однако в данном случае, будучи одним из ведущих политиков военного времени, он скрыто и совершенно произвольно игнорировал решения, принятые британской Палатой общин после детального обсуждения и дебатов. После этого читатель сопровождал д-ра Вейцмана в его поездках по Америке и помнит, как старания Черчилля «вооружить евреев», против чего энергично выступали все британские власти на местах, получили оттуда поддержку, благодаря «давлению» со стороны Вейцмана и его подручных.

Таково было состояние вынашивавшегося западными политиками сионистского государства, до которого мы дошли в нашем описании событий. В течение всего 1944 года, как сам Черчилль свидетельствует в своих мемуарах военного времени, он неизменно продолжал способствовать сионистским амбициям.

«Хорошо известно мое твердое решение не нарушать обещаний сионистам, данных декларацией Бальфура и уточненных моим собственным последующим заявлением как министра колоний в 1921 году. Никакие изменения в этой политике не могут иметь места без полного ее обсуждения в кабинете» (запись от 29 июня 1944 г.).

Однако изменение этой политики после полного ее обсуждения в британском кабинете и в парламенте имело место в 1933 году. Черчилль попросту игнорировал важнейшие политические решения парламента и правительства, восстановив прежние, отмененные ими, и повторив странные слова другого министра колоний, уже цитированного нами Леопольда Эмери, также заявлявшего, что изменения в политике данного вопроса не могут иметь места.

Далее в записях Черчилля следует:

«Нет сомнений в том, что это преступление» – *преследования евреев в Венгрии после ее оккупации немцами в конце последней войны* – «представляет собой наибольшее и страшнейшее из когда-либо совершенных преступлений во всей истории человечества... все замешанные в этом преступлении, включая тех, кто лишь выполнял приказы, участвуя в резне, будут преданы смертной казни, как только они попадут к нам в руки и будет доказано их участие в убийствах... Необходимо опубликовать официальное заявление, что все связанные с этим преступлением будут нами пойманы и казнены» (11 июля 1944 г.).

Здесь Черчилль, вслед за Рузвельтом и Иденом, прямо связывает казнь виновных только с преступлением против евреев, предавая полному забвению всех остальных пострадавших, как это фактически и произошло впоследствии. В предыдущей главе нами было, однако, показано, что евреи были не только в числе жертв, но и в числе их мучителей.

Далее:

«Я намерен как можно скорее удовлетворить просьбу д-ра Вейцмана о создании еврейских вооруженных сил, о чем он писал в своем письме от 4 июля» (12 июля 1944 г.). «Мне нравится, что евреи намерены сами расправиться с убийцами их соотечественников в Центральной Европе, и я думаю, что это вызовет также большое удовлетворение в Соединенных Штатах. Желанием евреев как будто является воевать против немцев повсюду. У них счета с одними только немцами» (26 июля 1944 г.).

Если Черчилль, как свидетельствует Вейцман, согласился создать «государство с тремя или четырьмя миллионами евреев в Палестине», то ему должно было быть ясно, что у сионистов будут гораздо большие счета с населением Аравии, и что еврейские вооруженные силы наверняка будут более предназначаться для нападения на этих ни в чем не повинных людей, чем на немцев.

Последнее известное нам замечание Черчилля по этому вопросу было сделано после окончания войны в Европе:

«Весь палестинский вопрос должен быть разрешен на мирной конференции... Я не согласен с тем, чтобы мы одни взяли на себя ответственность за разрешение этой весьма сложной истории, в то время как американцы будут сидеть сзади и критиковать. Не кажется ли Вам, что нам следует попросить их заняться этим делом?... Я не вижу ни малейших преимуществ, которые Англия могла бы когда-либо получить в этой болезненной и неблагодарной задаче. Теперь очередь других заняться этим делом» (6 июля 1945 г.).

Эти замечания (в сочетании с шутливым предложением Рузвельта в разговоре со Сталиным отправить «шесть миллионов американских евреев» королю Ибн-Сауду) показывают скрытые мысли наших премьеров-диктаторов, столь послушно выполнявших сионистские требования. Черчиллю хотелось свалить эту неразрешимую проблему на американцев: Рузвельт был бы рад свалить ее еще на кого-нибудь другого. Как показывают оба их высказывания, великие вожди оказались в этом деле в роли клоуна, тщетно пытающегося отделаться от липучки для мух. В своем служебном меморандуме Черчилль писал, что он не видит «ни малейших преимуществ» для Англии «в этой болезненной и неблагодарной задаче». Однако в своих публичных выступлениях перед внимательными ушами сионистов он продолжал (и продолжает до настоящего момента, когда пишется эта книга) столь безудержно восхищаться сионистской авантюрой, что это – как будет показано ниже – вызывало удивление даже еврейских критиков.

В тот день, когда Черчилль диктовал вышеприведенный меморандум, его пожелания насчет «разрешения палестинского вопроса на мирной конференции» были настолько лишены всякого значения, что можно предполагать с его стороны одну лишь иронию. Вопрос давно уже был разрешен, поскольку у сионистов было оружие, а людей, чтобы им пользоваться, им поставлял Запад контрабандой из восточно-европейских районов революции (об этом говорилось в предыдущей главе) под аплодисменты обеих главных политических партий, как в Англии, так и в Америке, готовых приветствовать любой акт агрессии, вторжения или преследования, совершенный этими переселенцами с помощью полученного ими оружия. Особенно наглядно это было видно на примере социалистической партии в Англии – стране, которая к тому времени несла главную ответственность за судьбу Палестины. Рабочая партия – как она называла себя – делала в Англии вид защитницы бедных, незащищенных и угнетенных; она родилась под лозунгом пенсий по старости, пособий по безработице, бесплатной медицинской помощи и общей заботы о всех нищих, несчастных и обездоленных. Под конец войны эта партия видела перед собой шанс возглавить правительство с помощью солидного большинства в парламенте. Подобно консервативной партии (как и обеим партиям в США) она по-видимому считала даже в этот момент свою победу недостаточно верной и сочла полезным заручиться поддержкой Сиона. Так она сделала главной целью своей внешней политики изгнание из далекой, маленькой страны народа, который всегда был беднее, несчастнее и угнетеннее, чем даже английские рабочие в худшие годы про-

мышленной революции. Глава рабочей партии Клемент Эттли провозгласил в 1944 году новый ведущий лозунг британского социализма:

«Давайте способствовать выезду арабов из Палестины и въезду в нее евреев. Мы хорошо вознаградим их за потерянную землю и позаботимся, чтобы их поселение где-нибудь в ином месте было тщательно организовано и щедро финансируемо».

12 лет спустя почти миллион этих изгнанников, чьему «выезду» из Палестины «способствовали» бомбы и снаряды, всё еще томились в лагерях соседних с Палестиной арабских стран,⁴² а британские социалисты, с каждой новой переменной событий всё громче требовали продолжения их несчастий.

Делая упомянутое заявление, британские социалисты прекрасно знали, что под предлогом войны против Германии сионисты накапливали вооружение для захвата Палестины силой. Британский командующий на Ближнем Востоке, генерал Уэвелл (Wavell) задолго до того уведомил Черчилля, что *«предоставленные самим себе, евреи разобьют арабов»*, лишенных всяких источников вооружения. Точку зрения генерала Уэвелла относительно сионистских планов разделяли все ответственные британские администраторы на местах, почему его особо невзлюбил доктор Вейцман. Как было показано ранее, уже в Первую мировую войну неблагоклонность Хаима Вейцмана могла стать опасной даже для весьма высокопоставленных лиц, и не исключено, что она же сыграла роль в последующем отозвании Уэвелла с Ближнего Востока и его назначении в Индию. Официальная британская «История войны на Ближнем Востоке» характеризует генерала Уэвелла как *«одного из величайших полководцев в военной истории»*, отмечая однако его усталость от взваленного на него бремени тяжелой ответственности, усугубленной отсутствием доверия со стороны Черчилля, бомбардировавшего ближневосточного командующего «придирчивыми и излишними» телеграммами по поводу «мельчайших деталей». Отозвание Уэвелла было очередной жертвой сионизму, что не могло не отозваться на успехах Англии во время войны; это трудно доказать, но представляется весьма логическим предположением.

В 1944 году политическое убийство вновь выходит на сцену. Британский министр колоний, лорд Мойн, нес в правительстве ответственность за развитие событий в Палестине; до него эту должность занимал лорд Ллойд, испытывавший грубые нападки со стороны Черчилля за медлительность в «вооружении евреев» и скончавшийся в 1941 году. Лорд Мойн был известен своим человеколюбием и, хотя он симпатизировал иудаизму, он считал подобно всем своим предшественникам, что сионистская авантюра в Палестине закончится катастрофой. Желая помочь всем нуждающимся, он был склонен поэтому возродить идею наделения землей в Уганде всех евреев, действительно нуждающихся в новом пристанище. Это человеколюбивое намерение вызвало смертельную ненависть против него сионистов, не желавших и слышать о каком либо отклонении от их заветных амбиций и цели этих амбиций – Палестины. По свидетельству Черчилля, лорд Мойн в 1943 году якобы изменил свои взгляды в этом вопросе, после чего Черчилль предложил Вейцману поехать в Каир, чтобы встретиться там с Мойном и убедиться в улучшении положения. Свидание не состоялось, т.к. в ноябре 1944 года лорд Мойн был убит двумя сионистами из Палестины; так еще один миротворец был убран с тернистого пути, усеянного костями многих других, пытавшихся установить мир в этой части света. На некоторое время это событие нарушило поток черчиллевских меморандумов к его правительственным коллегам по вопросу о «вооружении евреев», и британские администраторы, ответственные за Палестину, вновь энергично выступили за ограничение еврейской иммиграции в страну. Ответом Черчилля (от 17 ноября 1944 г.) было, что это *«будет лишь на руку экстремистам»*, после чего дальнейшим планам экстремистов перестало оказываться сопротивление, а численность их соплеменников в стране соответственно увеличилась.

По мере приближения войны в Европе к концу, надежды Черчилля на успех какой-либо spectacularной акции по благополучному размещению восточно-европейских хазар в Аравии стали развеиваться. Он выступил было с предложением сделать короля Ибн-Сауда *«властителем всего Ближнего Востока, при условии, что он сможет найти с Вами (т.е. с Хаимом Вейцманом) общий язык»*: не исключено, что сообщение Вейцмана об этом президенту Рузвельту стало причиной еще одного любопытного эпизода в 1944 году. Некий американский полковник Хоскинс (по словам Вейцмана, «личный представитель президента Рузвельта на Ближнем Востоке») прибыл с визитом к арабскому монарху. Как и все, кто разбирался в ближневосточных делах,

⁴² Положение не изменилось и сейчас, через 40 лет после заявления Эттли – прим. перев.

полковник Хоскинс не питал никакого доверия к планам создания сионистского государства, но был за то, чтобы помочь устройству евреев (тем из них, кто этого желал) в Палестине при условии соглашения с арабами. Прибыв к Ибн-Сауду, он узнал, что король считал себя грубо оскорбленным Вейцманом, о котором он говорил лишь

«в самом разгневанном и презрительном тоне, утверждая, что я» (*Вейцман*) «пытался подкупить его взяткой в 20 миллионов фунтов, чтобы он продал Палестину евреям, от каковой сделки король, разумеется, с возмущением отказался».⁴³

Ни о каком «общем языке» после этого конечно не могло быть речи, и полковник Хоскинс также исчезает с нашей сцены – еще один из многих благонамеренных людей, тщетно пытавшихся справиться с неразрешимой проблемой, порожденной м-ром Бальфуrom.

В последние месяцы войны оставались, таким образом, лишь два возможных решения ближневосточного вопроса. Либо британское правительство, отказавшись от решений 1939 года, должно было продолжать бесплодную борьбу, стараясь сохранить беспристрастное равновесие между коренным населением Палестины и осаждавшими его местечковыми захватчиками: либо же оно должно было плюнуть на «мандат» и убраться из страны, после чего сионисты изгнали бы ее коренное население силой оружия, полученного ими на европейском и африканском театрах войны. Не было сомнений в том, что приближался именно этот второй потрясающий момент палестинской драмы. Вейцман заявил Рузвельту, что сионисты «не могут ставить решение вопроса в зависимость от согласия арабов», но президент отказался вынести окончательное решение. Черчилль, согласно Вейцману, уже принял решение, хотя и сообщил об этом лишь в частном порядке, и в 1944 году Вейцман нетерпеливо требовал от него официального решения в форме «именной декларации Бальфура», в которой (вместо ничего не говорившей фразы о «еврейском национальном очаге») сионистам гарантировалась бы определенная территория; еще в 1949 году Вейцман писал с возмущением, что «под предлогом» того, что сначала должна быть закончена война, Черчилль отказался от объявления этой официальной и окончательной капитуляции.

Подобно Макбету, великие мира сего старались стусеваться по мере приближения рокового момента этого преступного действия. Ни Черчилль, ни Рузвельт не в состоянии были послать своих солдат на это преступление, и сионисты иступленно вопили об их неспособности к принятию твердых решений. Рузвельт поплыл в Ялту с выражением обреченного отчаяния на лице, запечатленного в кинохрониках, договорился там о разделе Европы и, под конец, кратко информировал Черчилля (который, как пишет Гарри Гопкинс, был «поражен» и «весьма озабочен» этой новостью), что он намерен встретиться с королем Ибн-Саудом на борту американского крейсера «Квинси». Всё последующее представляется сплошной загадкой. Ни Рузвельт, ни

⁴³ Это было не первой попыткой еврейства получить Палестину путем «взятки». В начале нашего столетия к турецкому султану Абдул Гамиду явилась делегация ведущих европейских евреев, предложившая ему астрономическую по тому времени сумму за отдачу Палестины евреям. Абдул Гамид, прозванный «красным султаном» за кровавую резню армян в конце прошлого века, считал, однако, своей задачей заботиться в первую очередь о судьбе своих мусульманских подданных, и указал еврейской делегации на дверь. Это не пошло ему на пользу: еврейские деньги были даны масонской организации «младотурок», и в 1908–09 г. в Турции произошла революция, отстранившая султана от власти. Центр «младотурок» находился в Салониках, где проживала большая колония евреев, принявших для вида мусульманство (как в средние века их «христианские» единоверцы – «марраны» в Испании), но продолжавших исповедовать Талмуд–Тору. Эти псевдо-мусульмане держали в своих руках значительную часть турецкой торговли (их единственными конкурентами были армяне) и располагали многочисленной агентурой во всех руководящих кругах турецкого государства, благодаря чему революция произошла в кратчайший срок и без малейшего сопротивления, хотя до тех пор масонская организация «младотурок» не пользовалась в стране ни малейшим влиянием. В захватившем в 1908–09 г. власть в Турции «Комитете единения и прогресса» руководящую роль играли еврейские псевдо-мусульмане (Джавид-бей, Талаат-Паша и др.). С началом первой мировой войны Комитет разработал план физического уничтожения двухмиллионного христианского меньшинства в Турции – армян, и провел это уничтожение в массовом масштабе в 1915 г. Резня продолжалась (впоследствии также и греков) до 1922–23 г., уже при Кемале-«Ататюрке» («отец турок»), результатом были полтора миллиона вырезанных армян-мужчин, женщин и детей всех возрастов – и полмиллиона армянских беженцев во всем мире. См. Peter Lanne, «Der erste Volkermord des 20. Jahrhunderts», Мюнхен, 1977: автор освещает масонский характер «младотурецкой» революции и потворствование преступлениям младотурок после войны со стороны западных держав и Лиги Наций, но по видимому незнаком с еврейским руководством турецкой революцией, что, разумеется, всегда держалось под величайшим секретом. – *Прим. издателей.*

Черчилль не обладали ни малейшим правом наделять арабской землей ловчил, осаждавших их в Вашингтоне и Лондоне; однако, то что от них теперь требовалось, представлялось, по сравнению с тем, что они только что натворили в Ялте, столь маловажным, что никто не удивился бы, если бы Рузвельт наконец сдался и предъявил королю Ибн-Сауду жесткий ультиматум в палестинском вопросе. Вместо этого, он неожиданно вышел из роли, которую играл в течение многих лет, и заговорил как настоящий государственный деятель; после этого он быстро скончался.

Рузвельт покинул Ялту 11 февраля 1945 г., проведя следующие три дня, 12, 13 и 14 февраля на борту «Квинси» в обществе короля Ибн-Сауда. Он обратился к королю с просьбой «*допустить еще некоторое количество евреев в Палестину*», услышав в ответ категорическое «нет». Ибн-Сауд сказал ему, что «*там уже имеется вооруженная до зубов палестинская армия из евреев... не собирающаяся воевать с немцами, но явно нацеленная на арабов*». 28 февраля Рузвельт прибыл в Вашингтон. 28 марта король подтвердил письмом свои устные предостережения (с тех пор полностью подтвержденные фактами) о последствиях, которые возымеет американская поддержка сионистов. 5 апреля Рузвельт ответил, также письмом, подтвердив данное устно Ибн-Сауду обещание, что «*в качестве главы американского правительства, я не предприму никаких действий, которые могли бы оказаться враждебными по отношению к арабскому народу*», 12-го апреля он приказал долго жить.⁴⁴

Это его обязательство никогда не стало бы достоянием гласности, если бы другой американский государственный деятель, государственный секретарь (министр иностранных дел)

⁴⁴ Обстоятельства смерти Рузвельта настолько загадочны, что одно только полное подчинение всех средств информации заговорщикам на самом «высшем уровне» могло утаить их от американской общественности. Несмотря на долговременную болезнь президента, смерть, наступившая Рузвельта в его имении в Уорм Спрингс, в штате Джорджия, куда его сопровождал Генри Моргентау, была совершенно неожиданной. В свидетельстве о смерти, подписанном неким д-ром мед. Брюнном из военно-морского госпиталя Бетесда (из окна которого на 16-ом этаже четыре года спустя «выбросился» министр обороны Форрестол; см. примечание к главе 33), причиной смерти было указано «кровоизлияние в мозг» как следствие «артериосклероза». Американские законы, как федеральные, так и отдельных штатов, предписывают вскрытие трупов в случаях неожиданной смерти, в особенности, если дело идет о должностных лицах, не говоря уже о президентах. Кроме того, по американской традиции (обычай и для других стран) тела скончавшихся президентов выставляются в открытом гробу для прощания с ними. По смерти Рузвельта не последовало ни вскрытия, ни выставления тела. Труп президента был перевезен в запечатанном гробу в другое имение Рузвельта, Гайд Парк в штате Нью-Йорк, где он был похоронен. Гроб сопровождался вооруженными солдатами, получившими приказ стрелять во всякого, кто попытается открыть гроб. После похорон могила в Гайд Парке охранялась день и ночь в течение нескольких месяцев вооруженной стражей, явно с целью воспрепятствовать возможной эксгумации.

Уже в 1948 г. в книге Эммануила Джозефсона «Странная смерть Франклина Д. Рузвельта» были сообщены подробности смерти президента, наряду с поистине сенсационными, но детально подтвержденными сведениями об окружении президента, в руках которого он находился. Диагноз об артериосклерозе и якобы вызванном им ударе опровергается показанием личного врача президента, прикомандированного к нему морским министерством, вице-адмирала д-ра Росса МакИнтайра (Ross McIntire), не сопровождавшего Рузвельта в Уорм Спрингс; регулярные осмотры президента никаких признаков склероза мозговых артерий не показали, главной заботой врача было состояние сердца, что в возрасте пациента (73 года в день смерти) являлось вполне нормальным.

Причины недопущения президентским окружением (т.е. главным образом м-ром Генри Моргентау) вскрытия и выставления тела, согласно Джозефсону, не подлежат сомнениям: по свидетельству находившегося в Уорм Спрингс священника, президент был убит пулей в затылок, по-видимому разрывной, обезобразившей по выходе из черепа всё лицо. Жена президента, Элеонора Рузвельт, объясняла невыставление тела тем, что это якобы «не было обычаем в семье Рузвельтов». Не говоря о том, что президент страны не подлежит «семейным обычаям», это не соответствует действительности: тело матери президента, Сары Делано Рузвельт, было, например, по распоряжению сына выставлено для прощания. Забыв об этом заявлении, м-р Рузвельт опровергла сама себя в журнале «Сатердей Ивнинг Пост» от 8 февраля 1958 г., написав (статья «On My Own»), что на следующий день после погребения в Гайд Парке ее сын Джимми обнаружил в сейфе личные указания президента на случай его смерти, в которых было особо оговорено, чтобы его тело было выставлено в Капитолии (здание конгресса США в Вашингтоне). Как она пишет, «странным образом» все остальные посмертные распоряжения президента, кроме одного этого, были выполнены дословно. По свидетельству, как Джозефсона так и зятя президента, полковника Кертиса Далл (женатого на Анне Рузвельт), Элеонора Рузвельт была одной из главных пособниц окружения президента, управлявшего страной за его спиной и от его имени. См. Emanuel M. Josephson, «The Strange Death of Franklin D. Roosevelt», Chedney Press, New York, 1948; urtis B.Dall, «F.D.R. My Explited Father-In-Law», Christian rusead Publications, Tulsa, Oklahoma, 1968. – *Прим. издателей.*

Джеймс Бернс не опубликовал его полгода спустя (18 октября 1945 г.), тщетно пытаясь удержать преемника Рузвельта, нового президента Трумана, от «враждебных арабскому народу действий», которых президент Рузвельт поклялся не совершать. Это обязательство было дано Рузвельтом фактически на смертном одре, и еще одной из больших загадок истории является вопрос, дал ли он его всерьез? Если да, то остается предположить, что смерть снова вмешалась в пользу сионизма. Близкий к нему Гарри Гопкинс (присутствовавший при беседах с Ибн-Саудом и изложивший их содержание в служебной записке) презрительно отрицает серьезность этого обязательства, указывая, что президент Рузвельт *«полностью обязался – официально, частным порядком и по собственному убеждению – содействовать сионизму»*; однако в его меморандуме зафиксировано заявление Рузвельта, что от Ибн-Сауда он узнал о Палестине за пять минут больше, чем раньше за всю свою жизнь; по-видимому из этого заявления впоследствии родился анекдот, будто бы Ибн-Сауд сказал: «Уже две тысячи лет, как нам давно известно всё то, чему Вам пришлось научиться с помощью двух мировых войн». Вряд ли, однако, Гарри Гопкинса именно в этом вопросе можно считать заслуживающим доверия: немедленно после бесед с Ибн-Саудом он, бывший до тех пор тенью Рузвельта, но непонятым причинам порвал с президентом, не встретившись с ним больше до самой его смерти. Гопкинс заперся в своей каюте на крейсере и сошел через три дня в Алжире на берег, «послав сообщение» президенту через третье лицо, что вернется в Америку другим путем. Этот разрыв представляется столь же неожиданным, как в свое время разрыв между г-дами Вильсоном и Хаузом.⁴⁵

Единственное, что не подлежит сомнению, это то, что над последними неделями и днями жизни Рузвельта нависла тень спора о Сионе, а отнюдь не американских или европейских вопросов. Останься он жить и стань его обязательство Ибн-Сауду известным, сионизм, столь мощно помогший его избранию президентом и нахождению на этом посту в течение 12 лет, превратился бы в его злейшего врага; вместо этого он умер. В категоричности его обязательства Ибн-Сауду не может быть сомнений, он писал: *«в отношении основного положения в Палестине не будет принято ни одного решения без полнейшей консультации как с арабами, так и с евреями»*; это было прямым отпором Вейцману, заявившему ему, что *«мы не можем ставить решение вопроса в зависимость от согласия арабов»*.

Так сходит с нашей сцены и м-р Рузвельт, в последний момент окутанный непроницаемой тайной. Прощальный взгляд на хевру, окружавшую его в продолжение двенадцатилетнего правления, бросает главный корреспондент при Белом Доме, Мерриман Смит; его описание отвратной тризны показывает, что описанные выше ялтинские попойки сопровождали президента до самой могилы:

«Большинство пассажиров (*похоронного*) поезда были ближайшими сотрудниками Рузвельта. Не успел скрыться из глаз увешанный траурными флагами вокзал Гайд-Парка, как началось нечто вроде похоронной тризны. Алкоголь лился рекой в каждом купе и каждом салоне. Занавески на окнах были спущены, и снаружи поезд выглядел как любой другой, везущий траурных гостей домой. Но за этими занавесками Рузвельтовские подручные развлекались полным ходом, полагая, по-видимому, что их бывший хозяин не имел бы ничего против... Один из главных застрельщиков нового курса⁴⁶ на моих глазах с грохотом спустил в уборную целый поднос пустых стаканов с насмешливым ревом: вниз в трубу, обойдемся без вас! Официанты носились по коридорам с подносами расплескивающихся бокалов. Не будучи знакомым с публикой в салонах, можно было бы принять ее за возвращающихся домой болельщиков с футбольного поля. Некоторые явно принимали виски в качестве лекарства от забот по поводу их будущей службы... Слышен был пьяный хор шотландского гимна о добром старом времени, Auld Lang Syne...».

Так выглядела праздничная запряжка столпов государственного служения в те последние дни, когда «наши мальчики» воевали за очередную «победу», когда коммунистические орды захватывали половину Европы, а местечковые отправлялись Западом для вторжения в Палестину. Рузвельта от палестинской дилеммы освободила смерть, лицом к лицу с ней остался Черчилль. Сионистскую милость он выслуживал уже начиная с выборов 1906 года. Он же был министром в том британском правительстве, другой член которого (Леопольд Эмери, согласно цитате в одной из сионистских газет в 1952 году) заявил:

⁴⁵ Это представляется менее неожиданным в свете того, что Гарри Гопкинс характеризуется в книге полковника Далла, как «доверенное лицо» или агент Бернарда Баруха. – *Прим. издателей.*

⁴⁶ New Deal – лозунг эры Рузвельта, начиная с 1932 г. – *прим. перев.*

«Опубликовывая Декларацию Бальфура, мы имели в виду, что если евреи смогут стать большинством населения в Палестине, то они смогут образовать еврейское государство... Мы не имели в виду разделения одной только палестинской территории к западу от реки Иордан».

Черчилль также никогда публично не заявлял о подобном намерении (наоборот, он даже отрицал его), и это означает, что даже созданное после Второй мировой войны сионистское государство отнюдь не удовлетворяло авторов декларации Бальфура, и что следует ожидать дальнейших захватов арабских земель военными методами.⁴⁷ Слово «если» определяет смысл процитированного выше заявления Эмери: «... *Если евреи смогут стать большинством...*» К 1945 году три десятилетия арабских восстаний показали, что сионисты никогда не смогут стать большинством, пока арабы не будут изгнаны с родной земли силой оружия. Оставался вопрос, кто должен был их изгнать? Рузвельт поклялся не делать этого. Доктор Вейцман, всегда готовый, как Шейлок, требовать свой фунт мяса, настаивал на том, что Черчилль обязался помогать ему до последнего. Но даже Черчилль не смог завершить этого грязного дела. От этой дилеммы его избавила не смерть, но поражение на выборах. Узвленное самолюбие говорит из его мемуаров: «*Не успели все наши враги безоговорочно сдаться или собраться это сделать, как британские избиратели уволили меня от руководства их делами*».

Дело обстояло, разумеется, далеко не так просто. Будущим историкам приходится пользоваться мемуарами, но современникам событий картина была яснее, и автор этих строк находился в Англии и мог наблюдать выборы, «уволившие» Черчилля. Трудно было ожидать от британских избирателей особой благодарности за исход войны (подвергнутый самой жестокой критике со стороны того же Черчилля), но были и другие причины для его поражения, кроме разочарования в его способностях. Как и на американских выборах, выборы в Англии в 1945 году показали власть тех, кто имел возможность их манипулировать в свою пользу. Черчилль зашел очень далеко, «вооружая евреев» и обязавшись частным порядком поддерживать сионизм, но Вейцману и этого было недостаточно. К середине нашего века контроль над британской печатью в этом вопросе был полным, и сионистская пропаганда отвернулась от Черчилля, повернувшись единым фронтом в сторону социалистов, давших требуемое обязательство «враждебных действий» против арабов (мы помним, как Эттли собирался «способствовать выезду арабов из Палестины и въезду евреев в нее...»). Фракция еврейских членов Палаты общин как один человек переметнулась на поддержку социалистической партии (став решающей силой ее левого крыла, где скрывались неподдельные коммунисты). Поражение и разочарование их бывшего «чемпиона» на выборах 1906, 1917 и 1938 г.г. было восторженно принято сионистами. Как пишет Вейцман, победа социалистов (и «увольнение» Черчилля) «*привела в восторг все либеральные круги*». Такова была награда за сорокалетнюю поддержку Черчиллем сионистов: не отдав британским войскам приказа очистить Палестину от арабов, он превратился в их врага.

Так Черчилль оказался по крайней мере избавленным от задачи решать вопрос, что делать дальше с Палестиной, и одно это должно было бы умерить разочарование его отставкой вслед за «победой». Социалисты, получившие наконец солидное большинство в парламенте, немедленно увидели, что от них требуются насильственные меры для «способствования выезду арабов» из Палестины. Когда и они со страхом отшатнулись от этого злодейского предприятия, крики об «измене» обрушились на них, как град камней. Доктор Вейцман кипит в своих записках от возмущения на этом этапе: «*через три месяца по приходе к власти социалистическое правительство отказалось от обязательств, столь часто и ясно, даже горячо повторявшихся по адресу еврейского народа*». На протяжении 40 лет лорд Керзон представляется единственным руководящим политиком, замешанным в этих вопросах, который распознал, что даже самое поверхностное выражение симпатии по адресу доктора Вейцмана превращается впоследствии в «обязательство», торжественно ему данное и затем, очевидно, нарушенное самым подлым образом.

В преемники лорда Ллойда, лорда Мойна и других, покойных или опороченных, на пост министра колоний победившими социалистами был назначен заслуженный партиец, некий м-р Холл; не успел он вступить в должность, как к нему явилась делегация Всемирного сионистского конгресса, каковой визит описывается им следующим образом:

«Я должен сказать, что поведение членов этой делегации сильно отличалось от всего, когда-либо мной виденного. Это отнюдь не было просьбой к правительству Его Величества рассмотреть

⁴⁷ Комментарии излишни – прим. перев.

решения сионистского конгресса, но требование, чтобы правительство Его Величества выполняло то, что сионистская организация ему предписывает».

Десятилетием позже бывший президент США Труман вспоминал аналогичные визиты к нему в период его президентства, описывая их в тех же тонах наивного удивления; к 1945 году всё это продолжалось уже начиная с 1906 года без того, чтобы г. Холл смог пробудиться от своей политической спячки. Вскоре после этого его убрали из министерства колоний, неожиданно найдя его достойным звания пэра и поместив на отдых в Палату лордов.

Социалистическое правительство 1945 года оказалось в области внутренней политики пожалуй самым худшим, что могло достаться истощенной войной стране, остро нуждавшейся в приливе свежих сил; однако, в области внешней политики оно смогло сослужить своей стране по крайней мере одну службу: спасти из ее чести то, что еще можно было спасти. Несмотря на «непреодолимое давление» со всех концов света, оно отказалось играть роль убийцы в Палестине; если оно и не защитило арабов, чего оно к тому времени уже и не в состоянии было бы сделать, то по крайней мере оно отказалось их прикончить в угоду сионистским хозяевам. Эта заслуга принадлежит исключительно Эрнесту Бевину, британскому министру иностранных дел в социалистическом кабинете и, по мнению автора настоящей книги, наиболее выдающемуся политику, которого Англия смогла выдвинуть на протяжении 20-го столетия. Говорят, что король Георг VI, самый нетребовательный из всех британских монархов, настоятельно посоветовал новому социалистическому премьер-министру, Клементу Эттли, назначить министром иностранных дел самого лучшего и наиболее энергичного из его сотрудников, поскольку состояние мировой политики этого явно требовало. После этого Эттли пересмотрел уже составленный им список кандидатов, вычеркнув из него кое-кого из достойных «либералов», которые незамедлительно вовлекли бы страну в предстоящий погром арабов, и остановившись на Бевине. К 1945 году палестинский вопрос явно стал слишком важным, чтобы им могли заниматься министры колоний; он превратился – и он еще надолго останется таковым – в главное занятие премьер-министров и министров иностранных дел, президентов и государственных секретарей Англии и Соединенных Штатов, став наиболее легко воспламеняющимся источником новых войн. Сразу же по достижении «победы» в 1945 году, он стал доминировать над политикой всех национальных государств, извращая ее и направляя на ложные пути. Отбросив благоговейный страх перед Сионом, Эрнест Бевин, когда-то деревенский парнишка из Сомерсета и кумир английских докеров, взял эту бомбу в руки, пытаясь вырвать ее взрыватель. Если бы хоть один из руководящих политиков в каком-либо западном государстве поддержал его, он мог бы спасти положение. Вместо этого все они набросились на него, как стая волков; в их самозабвенном подчинении сионизму было нечто от истерического фанатизма сектантских сборищ.

Бевин был крепкой натурой, в его жилах текла кровь обитателей британского запада с их бесстрашной традицией, но даже его сломили физически немногие годы непрекращавшейся кампании злостной клеветы. Они не смогли сломить или запугать его духовно. Но он ясно понял, что имеет дело с предприятием по сути дела заговорщическим, с заговором, в котором революция и сионизм неразрывно связаны между собой, и он был, вероятно, единственным из политиков нашего века, который употребил именно это слово «заговор», исчерпывающе характеризующее, согласно любому словарю, создавшееся положение вещей. Вейцману он заявил в лицо, что никому не удастся ни заставить его, ни уговорить на действия, противные британским интересам. Вейцману никто еще не отважился давать такого урока и притом на столь высоком уровне, начиная с 1904 года, и его бешенство вылилось при посредстве сионистских организаций всего мира в последовавшую затем кампанию непрерывной клеветы против Бевина.

Останься Черчилль английским премьером, он наверняка бросил бы английские войска на раздел Палестины. Трудно сделать иной вывод из его меморандума союзному Комитету начальников штабов от 25 января 1944 г., в котором он писал:

«Предоставленные самим себе, евреи разобьют арабов; нет поэтому никакой опасности в том, чтобы нам объединиться с евреями для насильственного проведения предлагаемого раздела...».

Читатель заметит, что одно и то же далеко не всегда является одним и тем же: раздел Европы был в глазах Черчилля «позорным разделом, который не может долго продержаться»; раздел Палестины насильственным путем заслуживал в глазах Черчилля того, чтобы «объединиться с евреями». Бевин не желал иметь ничего общего с подобными планами. По его инициативе социалистическое правительство объявило, что оно

«не намерено согласиться с тем, что евреев нужно убрать из Европы или что им не должно быть разрешено снова проживать в этих (*европейских*) странах без всякой дискриминации, приобщая свои способности к восстановлению европейского процветания».

Эти слова показывают, что Бевин вполне понимал природу сионистского шовинизма, вызванные им проблемы и единственное возможное их разрешение. Они рисуют нам то, что неизбежно должно в один прекрасный день осуществиться, но теперь этот день отодвинут от нас до поздних времен, после нового разрушительного периода в Палестине, в осложнения которого, возможно, окажется впутанным весь мир. Он был либо первым британским политиком, полностью понявшим положение, или же первым, имевшим смелость действовать согласно этому пониманию.

Социалистическое правительство 1945 года вынуждено было, в силу своей ответственности, сделать то, что до него также были вынуждены делать все ответственные правительства: послать еще одну комиссию (которая могла лишь повторить то, что уже докладывалось всеми прежними) для расследования положения, регулируя тем временем сионистскую иммиграцию и обеспечивая интересы коренного арабского населения в согласии с обязательством первоначальной декларации Бальфура. Для Вейцмана это было «возвращением к старой, изворотливой и двойственной политике обязательств по отношению к палестинским арабам», и сионистская машина была пущена в ход на уничтожение Бевина, на чью голову в последующие два года обрушилась развернутая во всем мире кампания, действовавшая целеустремленно, синхронизированно и с невероятной силой. Вначале была двинута в поход консервативная партия, которую социалисты победили в свое время с помощью капитуляции перед сионизмом, что поставило на их сторону всю контролируемую печать. Вытесненные из правления консерваторы разыграли теперь этот козырь против социалистов, капитулировав в свою очередь перед сионистами. Цель была ясной: объявив в свое время, что она будет бороться против внутренней политики социалистов и поддерживать их внешнюю политику, консервативная партия немедленно сделала одно только исключение в этой второй части, сразу же после социалистической декларации о Палестине; она повела атаку против палестинской политики социалистического правительства, что означало атаку против Бевина. С безопасных высот в оппозиции, Черчилль унижил себя, обвинив Бевина в «антиеврейских настроениях», выпустив снаряд из арсенала Анти-Диффамационной Лиги и добавив к ее каталогу клеветнических ярлыков еще один: «бевинизм». Выдающийся коллега Черчилля в течение долгих военных лет, Бевин никогда не унижал себя подобного рода клеветой на своего политического соперника. На своем полном опасностей посту Бевин, таким образом, мог рассчитывать на поддержку своей внешней политики со стороны оппозиции во всем, кроме палестинского вопроса. Возможно, что ему и тут еще удалось бы спасти положение, если бы не вмешательство нового американского президента, Гарри Трумана, чье автоматическое выдвижение на эту должность после смерти Рузвельта придало истории 20-го столетия характер античной трагедии, если не просто комедии ошибок. Труман утопил свою страну по уши в палестинской трясине в тот самый момент, когда в Англии нашелся наконец достаточно твердый политик, способный ликвидировать эту катастрофическую авантюру. Как маленький городишка на американском среднем Западе, так и Канзас Сити трудно считать подходящим местом для изучения вопросов мировой политики, если только речь не идет о гении, не нуждающемся в образовании, дополняющем его врожденные качества. К тому времени, когда на него неожиданно свалилось президентское бремя, у Трумана было два главных недостатка, делавших его мало подходящим для этой должности. Одним было воспитание в медвежьем углу вдали от всякой мировой политики; другим – слишком близкое знакомство с политиканством на провинциальных задворках. В Канзас Сити он видел эту машину в действии и был хорошо знаком с кумовством и политическим «блатом», как и с манипуляцией избирательных голосов. В его представлении политика была гешефтом с весьма простыми правилами, не оставлявшими места для высокопарных идей. Поставить свою подпись под актами еще невиданного в западной истории разрушения выпало на долю вечно-улыбающегося здоровяка среднего роста, бодро выскочившего на арену великих событий. В Потсдаме он нашел, что «дядя Джо» был «хорошим парнем», и закончил начатое Рузвельтом перекраивание политической карты Европы и Азии. Он же распорядился обрушить атомное разрушение на беззащитные Хиросиму и Нагасаки. Никогда еще участие в серии подобного рода дел не выпадало на долю разорившегося торговца галантереей, волею судеб оказавшегося на посту «премьера-диктатора». После этого он устремил взгляд на внутреннюю политику и занялся предстоящими выборами в Конгресс и президентскими

выборами. Он хорошо знал (и открыто заявил), что для того и другого важно было заручиться выборной поддержкой американского еврейства.

В то время, как Бевин силился распутать палестинский клубок, Труман сводил все его усилия на нет. Прежде всего он потребовал немедленного допущения новых ста тысяч евреев в Палестину, а затем организовал посылку в Палестину первой односторонней комиссии расследования, что было, разумеется, единственно возможным путем добиться результатов, благоприятствовавших целям сионистов. Из четырех американских членов этой комиссии двое были заядлыми сионистами; единственным ее английским членом был известный сионистский пропагандист, ярый враг Бевина из левого крыла партии. Эта «англо-американская» комиссия выехала в Палестину, где источником ее информации стал главным образом доктор Вейцман, околавившийся в этой стране уже, по крайней мере, в десятый раз на протяжении 30 последних лет. Комиссия рекомендовала (хотя и с добавлением «с осторожностью») допустить в Палестину 100 000 «перемещенных лиц», так называемых «ди-пи», что, разумеется, служило лишь целям дезинформации общественности, в то время весьма озабоченной судьбами миллионов «ди-пи», ни один из которых, однако, не желал ехать в Палестину.

Так были заготовлены дрова для костра следующей войны, а президент Соединенных Штатов открыто выступил в поддержку «враждебных действий» против арабов, поскольку ничем иным принятые решения быть не могли. Очередной сионистский конгресс в Женеве в 1946 г. с удовлетворением отметил новые «обязательства» Запада, к которым были причислены «предложение» Трумана и «осторожные рекомендации» пристрастной и односторонней Палестинской комиссии. Сам сионистский конгресс также представлял собой весьма любопытное сборище главным образом палестинских евреев (уже там проживавших) и евреев американских (туда вовсе не собиравшихся); согнанные со всей Европы для перевоза в Палестину еврейские массы представлены на конгрессе не были. Большое значение имели принятые этим конгрессом решения, которые описывает Вейцман. По его словам, этот конгресс был «особого характера», показав *«тенденцию использования методов... обозначившихся различными терминами, как-то сопротивление, оборона или активизм»*. Несмотря, однако, на эти «оттенки», пишет Вейцман, *«одно было общим для всех: убеждение в необходимости активной борьбы с британскими властями как в Палестине, так и в любом другом месте в данном вопросе»*. Завуалированную терминологию Хаима Вейцмана следует рассматривать в общем контексте настоящей книги и всей истории сионизма. Его слова означают, что Всемирным сионистским конгрессом в Женеве в 1945 году было решено возродить методы террора и политических убийств, применявшихся в России в эпоху расцветания двухголового заговора революции и сионизма. Конгрессу было хорошо известно, какие методы имелись в виду, «обозначаясь различными терминами» в его дебатах, ибо они уже были возрождены убийством лорда Мойна и многими другими актами террора в Палестине. Побудительным мотивом к фактическому принятию подобного решения явилась инициатива американского президента силой водворить сто тысяч иммигрантов в Палестине. Сионисты приняли это как очередное «обязательство» Америки санкционировать всё, что бы они ни творили дальше в Палестине, и в этом они были совершенно правы.

Похоже, что д-ру Вейцману стало ясно, что стояло на карте и что на склоне своих лет он отшатнулся от раскрывшихся перед ним перспектив: от возврата к культу кровожадного божества Молоха. В своей жизни он видел достаточно крови, пролитой во имя революционного коммунизма и революционного сионизма, обеих сил, довлевших над жизнью в отцовском доме и его родном местечке в черте оседлости. В дни юности он принимал активное участие в беспорядках и революциях, считая политическое убийство их естественным атрибутом; в зрелые годы он с ликованием принял разрушение России, несмотря на вызванные им десятилетия кровавого террора. В течение 55 лет подряд он звал к разрушению и спускал с цепи псов войны. Почти неизвестный ввергнутой с его помощью в две мировых войны общественности, он превратился в одну из влиятельнейших личностей в мире. Начиная с 1906 года, когда он впервые одурачил Бальфура, он неизменно подымался вверх по лестнице успеха, пока его слово не стало законом в приемных, вынуждая аудиенции у монархов и подчинение президентов и премьер-министров. Теперь, когда столь давно задуманное им предприятие было накануне завершения, он отшатнулся от перспектив дальнейшего кровопролития безгранично раскрывшегося перед его глазами. Кровь, снова кровь, а в конце... что же в конце? Д-р Вейцман вспомнил судьбу Саббатая Цеви.

Он выступил против *«подчинения деморализующим силам в нашем движении»*; этой туманной фразой он прикрывал то, что Черчилль называл «экстремизмом», а британские администраторы на местах просто «терроризмом». Видно, он сильно изменился под конец своих дней,

ибо ему должно было быть ясно, что без террора сионизму никогда не удалось бы стать на ноги, и что в 1946 году, если сионистское государство должно было быть создано, то это могло быть достигнуто только с помощью насилия. По всем данным, доктору Вейцману стала наконец ясна вся тщетность полувекового «давления за кулисами», и он увидел неизбежное в будущем фиаско, грозившее рожденному террором сионистскому государству. Психологически это был один из самых интересных моментов нашей истории. Возможно, что со старостью приходит также и мудрость; люди устают от жестоких слов и дел, которые, как им казалось в дни их заговорщической юности, способны разрешить все проблемы, и отвращение к ним вероятно овладело Хаимом Вейцманом. Если это действительно произошло, то было уже слишком поздно, чтобы что-либо изменить. Построенная им машина должна была продолжать работать по инерции до своего собственного разрушения, как и уничтожения всего, что стояло на ее пути. Остаток сионистского будущего был теперь в руках «деморализующих сил движения», и он сам им его передал.

Вейцман не получил вотума доверия и не был переизбран президентом Всемирной сионистской организации. Через 40 лет после Герцля его отставили в стороне, как в свое время он сам отставил в сторону Герцля, и по той же самой причине. Со своими хазарами из России он свергнул Герцля, согласного принять Уганду, что означало отказ от Палестины. Его свергли за то, что он испугался возобновления террора, что также фактически означало отказ от Палестины. Нота отчаяния прозвучала в его записках уже раньше в связи с убийством лорда Мойна: *«Палестинские евреи... должны вырвать с корнем это зло из их среды... это совершенно не-еврейское явление»*. Эти слова предназначались для западных ушей и были обманными; политическое убийство вовсе не было «совершенно не-еврейским явлением» в талмудистских районах России, в которых Хаим Вейцман провел свою революционную и заговорщическую юность; это было ему хорошо известно и ряд подобных же актов запятнал сионизм уже в прошлом. Выступая перед чисто сионистской аудиторией, он и не характеризовал политический терроризм как «нееврейское явление», а наоборот открыто заявил: *«Чем является террор в Палестине, как не древним злом под новой, отвратительной личиной?»* Это «древнее зло», выпущенное как джинн из талмудистской бутылки и вставшее перед Вейцманом в Женеве в 1946 году, навело его на предчувствия, которыми полны последние страницы его книги, изданной в 1949 году, когда сионистское государство уже было создано при помощи открытого террора. Как он пишет, *«убийство Мойна осветило пропасть, в которую приводит терроризм»*. Так под конец своих дней Вейцман увидел единственную цель своей неутомимой поездки: пропасть. Он дожил до того, когда она приняла первый миллион своих жертв. С момента его отставки фактический контроль над сионизмом перешел в руки террористов (как он их называл) и его запоздалые крики «стой!» не достигали ничьих ушей. «Активисты» (как они сами себя называли) оказались наделенными властью разжечь третий мировой конфликт в любой момент, когда они сочтут это нужным. Вейцман еще дожил до того, чтобы сыграть решающую роль в следующей стадии этой авантюры, но никогда с тех пор не пользовался в сионизме действительной властью.

Завладев в 1946 г. властью, террористы принялись прежде всего выживать из Палестины англичан, зная что при созданном во время Второй мировой войны положении им обеспечен успех. Если бы англичане стали защищаться сами или защищать семитских арабов, – крик об «антисемитизме» не умолк бы до тех пор, пока политики в Вашингтоне не выступили против англичан; когда убрались бы англичане, пришел бы черед изгнанию арабов. Террор фактически продолжался уже долгие годы, и убийство Мойна было лишь одним из многочисленных эпизодов. Один из допекаемых сионистами британских министров колоний, Оливер Стенли заявил уже в 1944 г. в Палате общин, что этот террор существенно нарушил «ведение английских военных операций», другими словами, способствовал отдалению конца войны; Стенли заслуживает, как источник, доверия, ибо после его смерти сионисты восхваляли его, как «нашего верного друга». В 1946 и 1947 гг., после женевского конгресса сионистов, террор резко усилился и сотни британских солдат были перебиты в засадах или во сне, взорваны бомбами и т.д. «Древнее зло» этого террора было намеренно продемонстрировано, когда двух английских сержантов медленно замучили до смерти и оставили повешенными в роще. Выбор этой левитской формы убийства указывал, что здесь действовал иудейский закон: «повесить на дереве» было смертью, уготованной «проклятым Богом». Дрожа под яростными нападками американской и английской печати, британское правительство боялось обеспечить защиту своим чиновникам и военным, и один британский военный писал в «Таймс»:

«Какая армии польза от симпатий правительства? Оно не наказывает за убитых и не предотвращает дальнейших убийств. Неужели у нас нет больше достаточной смелости для обеспечения закона и порядка там, где они лежат на нашей ответственности?»

Именно в этом и была зарыта собака. В результате «непреодолимого давления» правительства западных великих держав превратились в безвольных рабов, а Великобритания и Америка перестали быть суверенными нациями. Доведенное до отчаяния английское правительство передало в конце концов палестинский вопрос новой организации в Нью-Йорке, называвшей себя «Объединенными Нациями» и имевшей так же мало прав распоряжаться Палестиной, как и Лига Наций до нее. Делегаты с острова Гаити, из Либерии, Гондураса и других медвежьих углов «свободного мира» толпами перли к «Лейк Саксес» (Озеро Успеха), забытому пруду в предместье Нью-Йорка. Из лона ООН с шипением выползали все новые отпрыски с именами вроде КОБСРА (Совет британских благотворительных обществ помощи за границей), УНРРА (Администрация объединенных наций по вопросам помощи и размещения), ЮНЕСКО (Организация ООН по вопросам просвещения, науки и культуры) и пр. В один прекрасный день нечто под названием ЮНСКОП (Специальный комитет ООН по вопросам Палестины) представило ООН доклад, рекомендуя «раздел Палестины».

Наш доктор Вейцман, хотя давно уже уволенный за свои предостережения против терроризма, был опять главным источником информации для прибывших в Иерусалим деятелей ЮНСКОПа; теперь он срочно вернулся в Нью-Йорк, где он в октябре–ноябре 1947 г. руководил закулисными махинациями еврейского лобби. «Непреодолимое давление» действовало с неослабевающей силой. Делегаты, показывавшиеся публике в киножурналах, были пустыми куклами; вся большая игра велась за кулисами, и в этом, по словам Честертона, «реальном мире», о существовании которого общественность даже и не подозревала, организовывались две операции, с помощью которых судьба Палестины должна была решиться вдали от болтовни в залах ООН. Прежде всего, сотни тысяч евреев из России и Восточной Европы перебрасывались контрабандой через всю Западную Европу для вторжения в Палестину; далее, приближающиеся президентские выборы в США были использованы сионистами, чтобы заставить обе соперничающие партии драться за поддержку сионистов, обеспечив тем самым подачу решающего американского голоса в ООН в пользу этого вторжения.

В том и другом случае, как и неоднократно в ходе предыдущих трех десятилетий нашлись люди, пытавшиеся избавить свои народы от опасных последствий такого вторжения. Контрабанда восточных евреев через Западную Европу была разоблачена английским генералом, сэром Фредериком Морганом (чья роль в планировании союзной высадки в Нормандии с признательностью отмечается в воспоминаниях Эйзенхауэра). По окончании военных действий британское военное министерство «одолжило» генерала Моргана организации УНРРА, отпрыску ООН, роль которого предположительно должна была заключаться в «помощи и размещении» пострадавших от войны. Генералу Моргану доверили попечение о самых несчастных из них (т.н. «перемещенных лицах», ди-пи), и он скоро смог убедиться в том, что УНРРА, стоившая американским и британским налогоплательщикам кучу денег, использовалась в качестве ширмы для контрабандной переброски целых орд евреев с Востока в Палестину. Эта публика не имена ни малейшего отношения к «перемещенным лицам», их родные места были «освобождены» от немцев Красной армией, и они имели полную возможность продолжать там жить, будучи защищенными особыми законами против «антисемитизма», навязанными всем этим советизированным странам их новыми московскими хозяевами. Их никто не «изгонял из Германии», которой они никогда в жизни не видели. Это снова были те же восточные евреи, «ост-юден», хазары, которых их талмудистские властители гнали в новые страны с заговорщическими целями.

Тем самым на потухающих углях прошедшей войны готовилось варево новой, и генерал Морган дважды (в январе и августе 1946 г.) публично заявил о наличии «тайной организации с целью массовой переброски евреев из Европы, второго исхода». Американский сенатор Герберт Лейман, ведущий сионист и генеральный директор УНРРА, квалифицировал это заявление, как «антисемитское», потребовав отставки генерала. Он смилиостивился после уверения генерала Моргана о полном отсутствии у него «антисемитских» намерений, но когда восемь месяцев спустя генерал повторил свое предостережение, он был немедленно уволен новым генеральным директором, известным сионистским прислужником и бывшим мэром Нью-Йорка, г. Фиорелло Ла Гуардия, прозванным ньюйоркцами (за его итальянское имя) «маленьким цветочком». На место генерала Моргана Ла Гуардия назначил некоего Мейера Когана, а британское правитель-

ство поторопилось наказать генерала, уволив организатора нормандской высадки в отставку, якобы по его собственной просьбе, что было неправдой. Разоблачения генерала Моргана были подтверждены, независимо один от другого, двумя высокопоставленными премиями, однако, в силу зависимого положения западной печати, едва дошли до сведения общественности. Особый бюджетный комитет британской Палаты общин доложил парламенту в ноябре 1946 г., что

«очень большое число евреев, почти равняющееся второму исходу, мигрировало из Восточной Европы в американские зоны оккупации в Германии и Австрии с намерением в большинстве случаев в конечном итоге прибыть в Палестину. Совершенно ясно, что речь идет о вполне организованном движении с необходимыми денежными средствами и влиятельными силами позади, однако комитету не удалось получить конкретных доказательств того, кто были действительные организаторы».

Американский сенат, в свою очередь, послал в Европу т.н. Военно-расследовательную комиссию, которая доложила, что

«массовая миграция евреев из Восточной Европы в американскую зону Германии является частью тщательно организованного плана, финансируемого особыми группами в Соединенных Штатах».

Перед нами, таким образом, снова картина заговора, поддерживаемого западными правительствами, в данном особом случае правительством США. «Организаторы» в Америке щедро разбазаривали общественные средства, осуществляя массовую переброску целого населения под ширмой помощи жертвам войны. Руководители этой организации обладали властью немедленно увольнять находившихся на правительственной службе и государственном жалованье высоких должностных лиц, позволивших себе разоблачить их махинации, а британское правительство оказывало подобным действиям полную поддержку. Несмотря на то, что к этому времени (1946–47 гг.) опасность политики революционного коммунистического государства якобы уже стала ясной западным политикам (и была начата «холодная война» против этой опасности), все три правительства в Вашингтоне, Лондоне и Москве действовали в одной только данной области в полном согласии. «Исход» пришел из России и той части Европы, которую Запад выдал как военную добычу революции. Всем было известно, что ни один человек не мог покинуть советского государства, как и всех прочих советизированных стран Восточной Европы, без специального разрешения, дававшегося лишь в самых редких случаях; однако, в одном лишь этом случае «железный занавес» вдруг поднялся, выпустив громадное количество людей, вполне достаточное для обеспечения немедленной войны и постоянного очага беспорядков на Ближнем Востоке. За 30 лет до того столь же бесшумно раскрылись порты и границы враждебной Германии, союзной Англии и нейтральной Америки, чтобы спустить революционную орду на Россию. В обоих данных случаях, на этом высшем уровне международной политики, другими словами, на сверхнациональном, не существовало ни союзников, ни врагов, ни нейтралов: все правительства подчинялись велениям высшей силы.

В свое время один из британских министров колоний, ранее других замешанный в дела сионизма и декларацию Бальфура 1917 года, Леопольд Эмери, констатировал, что «опубликовывая декларацию Бальфура, мы полагали, что евреи образуют еврейское государство, если они смогут стать большинством в Палестине». В годы 1946–48 эта идея начала наконец реализовываться единственным возможным путем: массовой пересадкой восточных евреев в Палестину. Оставалось только одно: получить от «объединенных наций» нечто вроде липовой легализации готовившегося вторжения. Для этого нужно было обеспечить полную покорность американского президента, а ее можно было добиться, пригрозив его партийным советникам проигрышем на президентских выборах, предстоявших через год. В рассеивающемся тумане прошедшей войны эта подпольная переброска целого населения фактически раздувала пламя нового конфликта, и в Америке (после увольнения генерала Моргана в Европе) нашлись два человека, пытавшихся по долгу службы подавить эту опасность в зародыше. Одним из них был генерал Маршалл, чье вмешательство в вопросе высадки в Европе, а впоследствии и в китайском вопросе, оказалось чреватое самыми роковыми последствиями. В палестинском вопросе, однако, он оказался на высоте. В 1947 г. он был государственным секретарем США и нес, таким образом, главную ответственность перед президентом за внешнюю политику. Он стремился уберечь страну от вовлечения ее в палестинскую аферу и, как это всегда бывало во всех подобных случаях, результатом была лишь его скорая отставка.

Другим лицом был министр обороны Джеймс Форрестол. Успешный банкир, он был привлечен в правительство во время войны за свои административные способности; он был состоятельным человеком, и одно лишь желание послужить своей стране побудило его принять официальную должность. Он также предвидел катастрофические последствия вовлечения Америки в палестинскую историю и умер увидев, что потерпел поражение, стараясь отвести опасность. Из всех, кто на протяжении двух поколений оказывался причастным к упомянутому вопросу, он был единственным, оставившим дневник, полностью разоблачающий методы, с помощью которых Сион контролирует правительства и правителей, и манипулирует ими. Труман зашел даже дальше Рузвельта в деле изъятия внешней политики и государственной безопасности из ведения ответственных за них по конституции министров и в принятии решений вопреки их совету под давлением со стороны советников по делам выборов. Картина происходившего получила полное освещение в «Дневнике» Форрестола, в мемуарах самого Трумана, и в книге Хаима Вейцмана. Закулисная борьба за влияние над американским президентом, а следовательно и над всей республикой, продолжалась с осени 1947 г. до весны 1948 г., другими словами, начиная с дебатов в ООН по вопросу о разделе Палестины и до провозглашения сионистского государства Израиль после насильственного захвата страны. Немаловажное значение имеют точные даты событий. В ноябре 1947 г. сионисты потребовали голосования о «разделе», а в мае 1948 г. они желали признания их вторжения в Палестину. Президентские выборы в США должны были состояться в ноябре 1948 г., а существенно важный предварительный выбор кандидатов в президенты был назначен на июнь–июль 1948 г. Партийные организаторы внушили Труману, что его переизбрание находится в руках сионистов; оппозиционный кандидат получил такой же совет от своих партийных организаторов. Предвыборная кампания превратилась в своего рода аукцион, на котором организаторы выборов непрестанно понуждали обоих президентских кандидатов набивать цену, соревнуясь друг с другом в поддержке сионистского вторжения в Палестину. Одержавший победу неизбежно должен был проникнуться уверенностью, что его выбор был наградой за «поддержку раздела» в ноябре 1947 г. и за «признание Израиля» в мае 1948 г.; ничто не могло нагляднее продемонстрировать громадные изменения в политической жизни американской республики, происшедшие в результате массовой иммиграции восточных евреев в США после окончания гражданской войны в прошлом столетии. Форрестол оставил нам исчерпывающее описание главных ходов в этой скрытой, роковой борьбе. Бомба замедленного действия, заложенная Бальфуrom за 30 лет до того, созрела к взрыву в этот момент, когда британское правительство объявило в 1947 г., что оно отзовет свои власти и войска из Палестины, если прочие страны будут продолжать саботировать беспристрастное управление страной. Это было ответом на проект Трумана немедленно допустить дальнейшие 100 000 «перемещенных лиц» в Палестину. Ответственные сотрудники госдепартамента не замедлили указать американскому правительству на неизбежные последствия британской эвакуации Палестины. Генерал Маршалл информировал кабинет, что *«за этой эвакуацией последует кровавая война между арабами и евреями»* (8 августа 1947 г.), а заместитель государственного секретаря США Роберт Ловетт указал (15 августа 1947 г.) на опасность *«усиления неприязни всего арабского и магометанского мира»* против США. На это предостережение последовали возражения со стороны партийных политиков. На одном из правительственных обедов министр почт и телеграфа Роберт Ханнеган, бывший председатель демократической партии (партия президента Трумана), заседал на президента с требованием, чтобы тот *«сделал официальное заявление по вопросу палестинской политики»*, в котором разрешалось бы *«допущение 150 000 сионистов»* в страну. Другими словами, ответом на английское предостережение должно было стать повышение цены на сионистском предвыборном аукционе со ста до ста пятидесяти тысяч евреев, направляемых в Палестину. Ханнеган подчеркнул, что удовлетворение этого нового требования *«окажет очень большое влияние и вызовет громадный эффект при сборе денежных средств для Демократического Национального Комитета»*, добавив в качестве доказательства, что удовлетворение прежнего требования (100 000 еврейских иммигрантов в Палестину) имело результатом *«получение очень больших сумм от еврейских жертвователей, которые будут в дальнейшем давать или не давать деньги в зависимости от того, что президент сделает для Палестины»*. Так в одном из важнейших внешнеполитических вопросов президент без обиняков был поставлен перед необходимостью сделать выбор между национальными интересами с одной стороны, и чисто партийными интересами получения денежных средств, голосов избирателей и выборного успеха с другой. Споры по этому вопросу продолжались в течение многих месяцев и были разрешены исключительно в этом плане без всяких прикрас. Создавшееся положение всё более тревожило

министра обороны Форрестола. Он считал, что если национальная политика и государственная безопасность, за которую он нес ответственность, будут подчинены вопросам купли голосов, то страна попадет под окончательный контроль сионистов; уже в 1946 г. он просил президента *«изъять Палестину из политики»*. В то время Труман был *«в принципе согласен»*, но выразил мнение, что из этого вряд ли что-либо выйдет, поскольку без маневрирования в политике не обойтись, а *«изменить политику и наш образ правления невозможно»*. Подстегиваемый опасениями, Форрестол неутомимо старался в сентябре 1947 г. *«изъять Палестину из политики»*. Он считал, что в обеих конкурирующих партиях большинство обязано было понимать необходимость исключения, в высших интересах государства, важнейших вопросов внешней политики из партийной полемики, так, чтобы палестинский вопрос не становился предметом торговли на выборах. У сторонников *«практической политики»* его мысли не вызвали ничего, кроме презрения. Встревоженный приведенными выше соображениями Ханнегана от 4-го сентября 1947 г., Форрестол задал президенту Труману на правительственном обеде 29-го сентября прямой вопрос, *«нельзя ли изъять еврейско-палестинский вопрос из политики?»* Труман ответил, что *«попробовать стоит, но он смотрит на это дело скептически»*. На следующем обеде (16-го октября) партийный босс Ханнеган соответствующим образом отчитал министра:

«Г-н Ханнеган поставил вопрос о Палестине. Он заявил, что многочисленные жертвователи на избирательную кампанию демократов энергично настаивают на заверениях в полной поддержке правительством еврейской позиции в Палестине».

Предвидя капитуляцию Трумана, Форрестол встревожился еще более. 6-го ноября 1947 г. он явился к менеджеру Демократической партии Ховарду МакГрату, но не смог ничего добиться и на этот раз, услышав от него: *«В двух или трех ведущих штатах мы не получим большинства без поддержки лиц, глубоко заинтересованных в палестинском вопросе»*. Форрестол возразил: *«Я согласен лучше потерять эти штаты на выборах, чем рисковать последствиями нашей позиции в палестинском вопросе»*; как и следовало ожидать, это возражение не произвело большого впечатления.

На следующий день Форрестол снова был поддержан генералом Маршаллом, заявившим на заседании кабинета министров, что Ближний Восток представляет собой *«очередную бочку с порохом»*, после чего министр обороны

«повторив предложение... всерьез попытаться изъять палестинский вопрос из американской партийной политики... Внутренняя политика кончается на берегу Атлантического Океана, и ни один вопрос не таит в себе большой угрозы для нашей безопасности, чем именно этот» (7 ноября 1947 г.).

Приближался срок голосования о «разделе Палестины» в ООН, и Форрестол вновь обратился к менеджеру Демократической партии МакГрату, показав ему секретный доклад американской разведки о положении в Палестине. МакГрат отмахнулся и от этого, указав, что значительная часть денежных средств Демократического Национального Комитета поступает из еврейских источников и что эти пожертвования делаются

«явно с целью, чтобы жертвователи получили возможность выразить свои взгляды и чтобы их взглядам было уделено серьезное внимание в таких вопросах, как в настоящее время вопрос Палестины. Среди евреев растет недовольство тем, что Соединенными Штатами не делается то, что нужно для обеспечения голосов в Генеральной Ассамблее ООН в пользу раздела Палестины», и «что сверх того евреи ожидают, что США сделают все от них зависящее для проведения этого раздела в жизнь, после того как ООН проголосует за него, в случае необходимости даже силой оружия».

Из этой цитаты видно, как росла цена за сионистские голоса и избирательные фонды в результате закулисных махинаций. Вначале от Соединенных Штатов ожидалась только поддержка в ООН предложения о разделе Палестины. На протяжении немногих недель это «ожидание» превратилось в требование обеспечить голоса других стран в поддержку раздела и послать американские войска для его насильственного проведения; партийный организатор явно не видел в этом ничего необычного, а поэтому, если американским солдатам когда-либо придется сражаться на Ближнем Востоке, то, по прочтении «Дневников» Форрестола, им по крайней мере станет ясно, как они там очутились. Из чувства долга Форрестол продолжал уговаривать МакГрата

«серьезно призадуматься над этим вопросом, поскольку он касается не одних только арабов на Ближнем Востоке, но всего мусульманского мира с его четырьмястами миллионов населения в Египте, Северной Африке, Индии и Афганистане».

Пока за занавешенными окнами Белого Дома и партийных бюро разыгрывалось это заведомо проигранное Форрестолом сражение, Хаим Вейцман неутомимо организовывал в Вашингтоне, Нью-Йорке и Лейк Саксесе «голосование» за раздел Палестины. Ему вначале пришлось встретиться с некоторыми трудностями, но в этот кульминационный момент он был избавлен от них, благодаря «поразительной и желанной перемене» в настроениях некоторых из тех «еврейских богачей», которые были раньше против сионизма. В этих последних главах своей книги он впервые называет Бернарда Баруха, отмечая, что раньше Барух был «оппозиционным евреем», одним из «богатых и могущественных евреев, которые были против идеи еврейского национального очага, не будучи о ней достаточно осведомленными». Можно лишь догадываться о точном составе и характере того «еврейского интернационала», который, согласно еврейскому историку Кастейну, образовался на рубеже нашего столетия. Вполне допустимо, в свете всего, что произошло в мире с тех пор, предполагать его в форме постоянного верховного директората, размещенного вне зависимости от каких бы то ни было национальных границ, изменения в составе которого происходят исключительно в связи со смертью отдельных его членов и замещением вакантных мест другими лицами. Если это так, то следующим законным выводом было бы, что д-р Хаим Вейцман был его весьма высокопоставленным, возможно даже самым высоким сотрудником, подчиненным однако этой инстанции, стоявшей над ним. В этом случае автор настоящей книги полагает, что четверьма наиболее влиятельными членами еврейского директората в Соединенных Штатах были прежде всего Бернард Барух и, далее, сенатор Герберт Лейман, Генри Моргентау младший, и член Верховного Суда США Феликс Франкфуртер. Если возможны были сомнения, то они относились бы ранее к Баруху, который до того никогда открыто не солидаризовался ни с «левыми» начинаниями, ни с сионизмом. Его старый приятель Уинстон Черчилль уведомил Вейцмана об «отрицательном отношении» Баруха к сионизму, и Вейцман, по собственным словам, «остерегался затрагивать еврейский вопрос», встречаясь с Барухом в Америке.

Как бы то ни было, в этот критический момент Барух неожиданно «сильно изменился» (как пишет тот же Вейцман), и его поддержка, присоединившаяся к «давлению» сионистов на американскую политику, оказалась решающей. Как быстро выяснил бегавший по кулуарам ООН в Лейк Саксес доктор Вейцман, американская делегация в ООН была против раздела Палестины. Тогда он заручился «чрезвычайно полезной» поддержкой м-ра Баруха (которого до тех пор, на протяжении более чем 40 лет, даже столь близкие друзья, как Черчилль, неизменно считали противником сионизма!), а также и младшего Генри Моргентау (сына «старшего» Генри Моргентау, американского посла в Турции во время первой войны), чье имя навсегда осталось связанным с планом талмудистского отмщения Германии, принятым Рузвельтом и Черчиллем на конференции в Оттаве в 1944 году. Бернард Барух наверняка не был проникнут тем чувством почтения к Вейцману, которое овладевало западными политиками, как только сионистский вождь появлялся на горизонте. Его неожиданную помощь сионизму следует поэтому приписать либо его внезапному обращению в сионистскую веру, либо же запоздалому проявлению скрывающихся ранее чувств.⁴⁸ Как бы то ни было, далее будет показано, что его помощь оказалась решающим фактором.

Вейцман пользовался прочной поддержкой других влиятельных евреев в Демократической партии. Сенатор Лейман возглавлял УНРРА, переправлявшую восточных евреев в Палестину, потребовав отставки генерала Моргана за публичное разоблачение этой массовой человеческой контрабанды; его роль в разыгрывавшемся сценарии вполне ясна. Не отставал от него и верховный судья Франкфуртер: заведующий ближневосточным отделом госдепартамента Лой Гендерсон сообщил Форрестолу, что

«на него и на Ловетта оказывается сильнейшее давление в смысле активного обеспечения Америкой голосов в ООН за раздел Палестины; по его словам, Феликс Франкфуртер и судья Мэрфи написали филиппинскому делегату письмо, настоятельно добываясь его голоса».

Это был тот самый м-р Франкфуртер, который пришел на мирной конференции в Париже в 1919 г. к полковнику Хаузу «для разговора о евреях в Палестине»; он же был впоследствии

⁴⁸ Возможно также указание, или же новое решение, «на высшем уровне» – прим. перев.

заботливым наставником советского шпиона Альджера Хисса на юридическом факультете Гарвардского университета.

С такой поддержкой Вейцман был в положении осаждающего крепость генерала с превосходящими силами, когда он прибыл к коменданту крепости, президенту Труману (19 ноября 1947) с требованием, чтобы США поддержали раздел Палестины, а также чтобы район Негева (чему Вейцман придавал «большое значение») был включен в сионистскую территорию. Послушание Трумана не оставляло желать лучшего; *«он обещал мне, что он немедленно свяжется с американской делегацией»* (Вейцман). В ООН, на Лейк Саксес, глава американской делегации Гершель Джонсон только что собрался уведомить сионистского представителя, что Америка решила голосовать против включения Негева, как его вызвали к телефону и он получил переданный Труманом приказ д-ра Вейцмана. Этим дело было завершено, и 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН рекомендовала (сионистская пропаганда неизменно пишет «решила»), чтобы по истечении срока британского «мандата» над Палестиной 1-го августа 1948 г., были созданы *«независимые арабское и еврейское государства с особым международным режимом для города Иерусалима»*.

Результаты голосования были 31 голос «за» против 13-ти, при десяти воздержавшихся. Как был обеспечен американский голос, было показано выше. Что касается некоторых прочих голосов, то заместитель государственного секретаря США Роберт Ловетт сообщил на следующем правительственном обеде 11-го декабря 1947 г., что *«ему никогда в жизни не приходилось наблюдать такого давления, как в последние три дня»*. По его словам, резиновая компания «Файрстон», имевшая концессию в Либерии, получила по телефону распоряжение указать своему представителю в Либерии *«чтобы он оказал давление на либерийское правительство в смысле голосования за раздел»* (мы уже цитировали сообщение Лоя Гендерсона о «сильном давлении» с американской стороны для «обеспечения» голосов малых стран). Так было обеспечено «решение» ООН по одному из самых опасных вопросов мировой политики текущего столетия.

На министерском обеде сразу же после «решения» ООН Форрестол возобновил наступление:

«Я указал, что многие рассудительные люди еврейской веры полны сомнений относительно мудрости сионистского давления за создание еврейского государства в Палестине... Это решение чревато опасными последствиями для безопасности нашей страны в будущем».

После этого он обсудил этот вопрос (3 декабря 1947 г.) с Джеймсом Бернсом, смещенным с поста государственного секретаря в том же 1947 г. (его отставку легко было предвидеть: он сделал достоянием гласности обязательство, данное Рузвельтом королю Ибн-Сауду). Бернс сообщил Форрестолу, что действия президента Трумана поставили британское правительство «в самое затруднительное положение», добавив, что «главную ответственность» за них несут Давид Найлс и судья Самуил Розенман – два члена той «дворцовой гвардии», которой в свое время окружил себя президент Рузвельт; русский еврей Найлс (разумеется, псевдоним!) был президентским «советником по еврейским делам», а судья Розенман был редактором (т.е. автором) президентских речей. Оба они, по словам Бернса, напугали Трумана сообщением, что Дьюи (оппозиционный кандидат в президенты) собирался выступить с заявлением в пользу сионистской позиции по вопросу о Палестине, утверждая, что если Труман его не опередит, то штат Нью-Йорк будет демократами потерян.

Бернс позволяет нам здесь бросить еще один взгляд на закулисный аукцион. Два кандидата на высшую должность в Соединенных Штатах (Томас Дьюи кандидировал от Республиканской партии) выглядят, как дети, натравленные один на другого обещанием кулька с конфетами. Разыгрывая сионистскую карту в вопросе раздела Палестины, Труман далеко еще не обеспечивал демократам победы, ибо до выборов оставался целый год, в течение которого сионисты подвешивали кулек со сладостями всё выше, требуя всё больше и больше, а республиканцы, в свою очередь, набивали цену. В отчаянии, Форрестол попытался убедить республиканского кандидата Дьюи:

«Я сказал ему, что палестинский вопрос глубочайшим образом беспокоит меня с точки зрения безопасности страны, и снова попросил, не могли ли бы обе партии с обоюдного согласия изъять этот вопрос из предвыборной кампании».

Ответ губернатора (штата Нью-Йорк) Дьюи не отличался от ответа Трумана:

«Добиться результатов будет очень трудно из-за возбужденного поведения еврейства, для которого Палестина стала эмоциональным символом, а также потому, что Демократическая партия не захочет отказаться от еврейских голосов».

Дьюи и дальше, после этого разговора, старался переплюнуть демократов в погоне за «еврейскими голосами», будучи вероятно немало удивлен тем, что, несмотря ни на что, оказался побежденным.

После этого Форрестол попытался поддержать оппозицию со стороны госдепартамента своим меморандумом от 21 января 1948 г., в котором он проанализировал угрозу национальной безопасности, проистекающую из вовлечения Америки в палестинскую авантюру:

«Весьма сомнительно, чтобы существовал какой-либо иной сектор наших внешних сношений, обладающий большим значением или таящий в себе большие опасности... для безопасности Соединенных Штатов, чем наши отношения с Ближним Востоком».

Он предостерегал, что *«мы можем навсегда испортить наши отношения с мусульманским миром»* и, сделав ложный шаг, «ввязаться в войну». Он отметил, что среди отдельных республиканцев он смог найти «некоторое одобрение» его предложений изъять палестинский вопрос из партийной политики, но что среди демократов господствует мнение, *«что значительная часть партийных фондов финансируется из сионистских источников, которые требуют взамен права распоряжаться этой частью нашей государственной политики»*. Последние семь слов дословно отражают положение и не оставляют в нем сомнений. Сионисты требовали подчинения им американской государственной политики, обещая взамен четырехлетнее президентство тому, кто даст больше. Были ли они действительно в состоянии дать обещанное, никогда не смогло быть проверено; партийные организаторы верили им на слово, а кандидаты обеих партий напяливали на себя власяницу покорного смирения даже еще до своего выдвижения, зная (или опасаясь), что без нее их даже не выдвинут.

Форрестол настаивал, чтобы государственный секретарь (генерал Маршалл) заявил президенту официальный протест, указав, что большое число евреев

«считают нынешнее рвение сионистов чреватым самыми опасными последствиями не только в смысле раскола, вносимого ими в жизнь Америки, но в конечном итоге и для положения евреев во всем мире».

Заместитель государственного секретаря Ловетт, прочтя меморандум Форрестола, показал ему другой, уже заготовленный плановым отделом Госдепартамента. Президенту сообщалось в нем, что план раздела Палестины «практически неосуществим» (совершенно так, как британскому правительству его колониальные чиновники указывали на «практическую неосуществимость» английского «мандата» в Палестине); далее, что против интересов Америки поставлять оружие сионистам, не давая его арабам; и что Соединенные Штаты не должны братья за насильственное проведение «рекомендации» о разделе, но должны, наоборот, стараться, чтобы она была взята обратно. Ловетт добавлял, что

«использование другими Организации Объединенных наций в качестве пропагандной платформы усложняет ведение нашей внешней политики», *отметив, что Госдепартамент считает «серьезной помехой и препятствием для своей работы деятельность в Белом Доме м-ра Найлса обращающегося непосредственно к президенту по всем вопросам, касающимся Палестины»*.

Заместитель государственного секретаря сообщил Форрестолу, что как раз в тот самый день он снова оказался под «давлением» с той же стороны: Найлс позвонил по телефону из Белого Дома, *«выразив надежду, что эмбарго на продажу вооружения сионистам будет снято»*.

Джеймс Форрестол явно уже стал к этому времени досадной помехой для сил позади Белого Дома, и было решено его убрать. Для начала к нему явился с визитом Франклин Д. Рузвельт младший. Сколь бы ни обещал его батюшка на смертном одре не предпринимать «враждебных действий против арабов», сынок (нью-йоркский политикан с надеждами на президентство) был рьяным приверженцем сионистов. Форрестол заявил ему в лицо, *«что методы, применявшиеся людьми, не принадлежавшими к правительству, для оказания давления и принуждения на делегатов других наций в Генеральной Ассамблее граничили со скандалом»*. С некоторым удивлением он отмечает в своих записях, что в ответ на это его посетитель «воздер-

жался от угроз», и тогда он объяснил ему свой план «изъятия палестинского вопроса из партийной политики» путем соглашения между обеими партиями. Достойный отпрыск своего родителя, м-р Рузвельт мл., ответил, что

«это невозможно, что страна уже слишком втянута в это дело, и что, кроме того, подобного рода соглашение неизбежно послужит к поражению демократов и победе республиканцев».

На что Форрестол ответил, что *«отказ следовать за сионистами, возможно, приведет к потере штатов Нью-Йорк, Пенсильвания и Калифорния»* (те самые «ключевые штаты», о которых говорил парторганизатор МакГрат), *«однако мне кажется, что настало время кому-нибудь подумать и о том, не потеряем ли мы Соединенных Штатов»*.

Комментарий к этому со стороны м-ра Рузвельта мл. остался неизвестным, но во всяком случае он оказался предвестником многих бед для Форрестолы, поскольку в тот же день (3 февраля 1948 г.) в дело вмешался сам Бернард Барух. Ранее оппонент сионизма, Барух стал теперь таким ревностным его защитником, что его совет Форрестолу гласил

«перестать заниматься этим вопросом... поскольку во мне уже видят, притом в такой степени, что это угрожает моим собственным интересам, противника палестинской политики Объединенных Наций».

Этими зловещими для Форрестолы словами впервые в анналах нашей истории отмечается непосредственное вмешательство Баруха в высокую политику, и в характере этого вмешательства не остается сомнений. Его «советом» было, ни много ни мало, чтобы Форрестол, член кабинета и ответственный министр, больше заботился бы о собственных интересах, которые теперь были под угрозой; до тех пор министр Форрестол считал своим долгом заботиться исключительно об интересах своей страны. Форрестол не пишет, увидел ли он в этом совете угрозу; однако, его записи о визите молодого Рузвельта в тот же день показывают, что мысль об «угрозе» не была ему чужда.

Похоже, что полученный «совет» навел на Форрестолу страх, до и после него сковывавший в конечном итоге почти всех, кто пытался отделаться от крепостной зависимости Сиону. Четырьмя днями позже (7-го февраля 1948 г.) он набросал последний свой документ по данному вопросу, никогда не представленный им президенту, но содержащий кое-что имеющее историческое значение. В нем значится, что 6-го февраля *«Эйзенхауэр уведомил меня, что для эффективного участия США в палестинской полицейской акции потребуются примерно одна дивизия с соответствующими вспомогательными подразделениями»*. Другими словами, к этому времени генерал Эйзенхауэр (в то время начальник штаба американских вооруженных сил) разрабатывал планы отправки американских войск в Палестину. Форрестол отложил свой меморандум в сторону и сделал 12 и 18 февраля две последние попытки повлиять на генерала Маршалла дать отпор планам президента и партийных менеджеров; на этом его вмешательство в данном вопросе пришло к концу.

Отказ от дальнейшего сопротивления ему не помог, и в течение последующих двенадцати месяцев он был буквально затравлен до смерти. Его конец должен быть здесь описан до того, как мы перейдем к вооруженному захвату Палестины; он был классическим примером преследования при помощи клеветы, приводящего жертву к смерти. Автор этих строк прибыл впервые в Америку в начале 1949 года и был поражен ядовитой подлостью нападок печати и радио на некоего Джеймса Форрестолы, министра обороны по должности. Кроме имени ему об этом человеке не было известно ровно ничего, а его роль в описанной выше истории была совершенно неизвестна широкой публике. Тем не менее, она ежедневно читала и слышала, что он был ненормальным, был трусом, не вступившимся за свою жену при нападении грабителей, что он подавал ложные сведения при уплате налогов и т.п. Случайно автор познакомился с одним из друзей Форрестолы, который сообщил ему, что министр доведен этим преследованием до такого состояния, что его близкие были в сильнейшей тревоге за него. Несколько недель спустя он выбросился из окна небоскреба, оставив на столе списанные из греческой трагедии стихи, заканчивавшиеся словами: *«Горе, горе! таков будет плач...»*⁴⁹.

⁴⁹ О смерти Форрестолы см. примечание к главе 33. – Прим. издателей. (См. R-REED1 {[Forrestal](#)} – V.E.).

Американские законы о клевете весьма либеральны и различны в разных штатах, а судебные процессы тянутся очень долго. Даже выигрыш такого процесса, как правило, не приносит никакой реабилитации или возмещения. Практически почти нет границ тому, что можно говорить о том, кого решили оклеветать; поношения печатаются в стиле, разжигающем страсти толпы, а когда они передаются по радио, то это делается в бешеных тонах, напомилавших автору вой африканских дикарей в моменты испуга. В наследии Форрестала была найдена тетрадь, полная записей и вырезок этих поношений, и под конец жизни он не в состоянии был слушать радио. На его голову были вылиты целые ушаты помоев и грязи, а под конец два радио-диктора объединились для нанесения последнего удара. Один из них объявил (9 января 1949 г.), что «на этой неделе президент Труман примет отставку Форрестала», присовокупив к этому вранье насчет каких-то акций германского химического концерна «И.Г.-Фарбен». 11 января другой диктор сообщил миллионам слушателей, что отставка Форрестала давно бы уже состоялась, если бы первый диктор не сообщил о ней преждевременно; к этому была добавлена история с грабежом каких-то драгоценностей. За несколько недель до этого президент Труман сообщил представителям печати, что он просил Форрестала не подавать в отставку; 1-го марта он вызвал Форрестала к себе, потребовав его немедленной отставки сроком к 1-му мая, без указания причин. Форрестал покончил самоубийством 21 мая; на похоронной церемонии Труман назвал его «жертвой войны».

Кстати, примерно в то же время еще одного из современников подобным же образом загнали на порог смерти; если он выжил, то только из-за того, что его попытка самоубийства оказалась неудачной. Его преследование исходило из тех же клеветнических источников, хотя он провинился в другой области: Уиттакер Чамберс осмелился раскрыть проникновение коммунистической агентуры в аппарат американского правительства. Автор этой книги был в то время в Америке, став свидетелем преследования Чамберса, описанного впоследствии им самим; в его книге приводится любопытный пример того, о чем шла речь раньше (см. главу 16), а именно, о талмудистской практике «проклятия с помощью пристального злого взгляда» (согласно «Еврейской Энциклопедии»). Правверные талмудисты не преминут усмотреть в попытке самоубийства Чамберса и в последовавшем ухудшении его здоровья подтверждение дословной правильности и эффективности «закона» в этом вопросе.

После того, как предупреждение со стороны Баруха заставило Форрестала отступить, ответственные сотрудники госдепартамента, во главе с генералом Маршаллом, продолжали борьбу; в течение всего этого времени в Англии Бевин также сражался в одиночку с консервативной оппозицией, как и с собственной партией. Был один момент, когда в обеих странах, впервые после 1917 года, министры и их сотрудники, казалось бы, могли одержать победу. Это случилось в марте 1948 года, когда, в результате «рекомендации», кровавые беспорядки в Палестине усилились настолько, что Совет Безопасности ООН вынужден был забить отбой. Даже Труман был в панике, и его представитель в Совете Безопасности объявил о перемене американской политики, предложив (19 марта 1948 г.) отложить раздел Палестины, установить перемирие между враждующими сторонами и, по окончании срока английского «мандата», установить «опеку» над страной. Фактически таково было предложение меморандума Госдепартамента, сделанное уже в январе того же года. Всё указывало на то, что в самый последний момент безумная идея «еврейского государства» наконец терпит крах. После военного угара начался постепенный возврат к разумному мышлению – процесс, который Ллойд Джордж 30 лет тому назад предостерегающе называл «оттепелью»; если сионистская авантюра теперь провалилась бы, то возродить ее стало бы возможным только в результате третьей мировой войны. «Опека» стала бы, разумеется, тем же «мандатом», только в иной форме и с Соединенными Штатами в качестве ее главного исполнителя; легко было предвидеть, что через десять или двадцать лет, в результате продолжающегося сионистского давления, американцы убедились в невозможности «мандата». Другими словами, вопрос стоял: теперь или никогда, и сионисты не теряли времени для нанесения решительного удара. Они поставили «Объединенные нации» перед свершившимся фактом, разделив страну сами. Террористический акт, с помощью которого это было достигнуто, был прямым следствием политики, принятой Всемирным сионистским конгрессом в 1946 г., на котором «деморализующие силы в нашем движении» (слова Вейцмана) договорились о методах «сопротивления... обороны... активизма» (см. выше), отставив в сторону протестовавшего против них Вейцмана, хорошо знавшего, во что всё это выльется.

Вейцман тогда назвал режим террора в Палестине «древним злом под новой отвратительной личиной»; 9-ое апреля 1948 г. показало что именно он имел в виду и почему он назвал это зло

древним. В этот знаменательный день «активисты» из террористической организации сионистских убийц «полностью уничтожили» арабскую деревню, точно и дословно выполняя «закон», установленный Второзаконием; читатель не забыл, что оно является основным иудаистским законом, представляя собой расширенное толкование первоначального Моисеева закона израильтян. Эта дата стала особо знаменательной во всей истории сионизма. Для арабов, хорошо знавших Тору (*«нам уже две тысячи лет известно то, чему вам пришлось научиться с помощью двух мировых войн»*), она означала, что сфабрикованный левитами между 700 и 400 гг. до Р.Х. варварский иудейский закон восстанавливается в XX веке по Р.Х. с помощью как «христианского» Запада, так и коммунистического «Востока». Они знали, что резня должна была показать им, чего они должны были ожидать, оставаясь в Палестине. После этого почти всё арабское население Палестины бежало в соседние арабские страны. Резня в Дейр-Ясине удостоилась в западной печати лишь краткого сообщения; в нью-йоркском журнале «Тайм» стояло:

«Еврейские террористы из организации «Банда Звезды» и «Иргун Цвай Леуми» ворвались в деревню Дейр-Ясин, перебив всё население. 250 арабских трупов, главным образом женщин и малых детей, были затем обнаружены брошенными в колодцы».

Дейр-Ясин того времени

В свое время, еще на Версальской конференции в 1919 г., доктор Хаим Вейцман заявил: *«Наш мандат – Библия»*, и эти слова звучали неплохо для западных ушей. Дейр-Ясин показал, что эти слова означали в действительности, будучи повторенными сионистскими вожаками в Палестине 30 лет спустя. Резня в Дейр-Ясине была актом исполнения древних «законов и предписаний», включая соответственный текст во Второзаконии ([VII,2](#)):

«Когда введет тебя Господь Бог твой в землю, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею, и изгонит от лица твоего... семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя... и поразишь их; тогда передай их закланию, не вступай в союз и не щади их»; *и далее*: «Не оставляй в живых ничего что дышит, но предай их закланию»⁵⁰.

Семь арабских государств в наши дни награждены каждое своей долей палестинских беженцев 1948 года, являющихся живым напоминанием того, какой общей судьбой грозит им сионизм, осуществляя свой древний «закон».

Пассивная реакция всего еврейства, как такового, на этот варварский акт яснее всего другого показала, как за немного лет сионизму удалось изменить его психологию. Когда в 1933 г. (всего лишь за 15 лет до Дейр-Ясина) еврейский публицист Бернард Браун цитировал вышеприведенный отрывок из Второзакония как основание для недоверия на стороне арабов, он добавил свой комментарий:

«Некультурные арабы не понимают, разумеется, что современные евреи не принимают Библию дословно, что они добры и милосердны, не будучи в состоянии быть столь жестокими по отношению к другим людям, но арабы подозревают, что если евреи претендуют на Палестину на основе исторических прав, то они выводят эти права исключительно из Библии, арабы же понимают все ее части буквально». {[Brawn](#)}

⁵⁰ В.Э. 2018-05-23: Видимо, это Втор. [20:16](#).

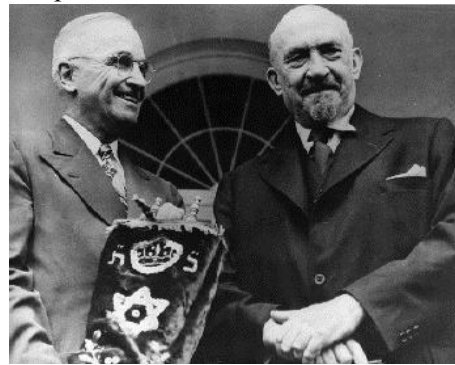
Права были арабы, а не Браун; этот просвещенный западный еврей не в состоянии был понять в 1933 г., что сионизм означал возврат к древнему суевию в его самой варварской форме.

Дейр-Ясин остался единичным фактом только потому, что арабам стало ясно его значение, и они бежали из своей страны. Другой еврейский писатель Артур Кестлер не сомневается в отношении причины и следствий. Он был в те дни в Палестине и пишет, что после Дейр-Ясина арабское гражданское население поголовно бежало из Хайфы, Тиберии, Яффы, всех остальных городов, а затем и из всей страны, так что «к 14 мая бежали все, осталось лишь несколько тысяч». Все беспристрастные источники согласны между собой относительно целей и последствий Дейр-Ясина, и после 9 апреля 1948 г. не оставалось сомнения в том, что все будущие действия и амбиции Сиона будут стоять под знаком исполнения древнего иудейского Закона. Дейр-Ясин объясняет нынешние опасения оставшихся арабских государств столь же исчерпывающе, как и бегство палестинских арабов.

На некоторое время Дейр-Ясин разрешил сионистскую проблему. Раздел Палестины оказался осуществленным путем голого насилия. Это событие раскрыло также (по крайней мере арабам, если еще и не Западу) характер той «пропасти, в которую приводит терроризм», по словам Вейцмана. Начиная с 9 апреля 1948 г., весь западный мир сам стоит на краю этой пропасти, вырытой усилиями двух поколений его политических деятелей. После того, как 9 апреля 1948 г. терроризм осуществил раздел страны, положение, существовавшее 19 марта 1948 г., когда правительство США признало раздел неосуществимым и решило изменить свою политику в этом вопросе, коренным образом изменилось. Д-ра Вейцмана по-видимому продолжали преследовать его страхи, но теперь после очищения территории для еврейского государства он не хотел, а может быть и не мог отступить от «пропасти». Задачей теперь было достигнуть нового изменения американской политики, добиться признания того, что было добыто террором, и на эту цель Вейцман направил все свои усилия. В дни грозившего изменения политики США Вейцмана срочно вызвали из Лондона в Лейк Саксес письмами, телеграммами и телефонными звонками, а за день до объявления упомянутой перемены он заперся с глазу на глаз с Труманом. Когда по прошествии немногих дней в редакции газет стали поступать скудные сообщения о Дейр-Ясине, он продолжал неутомимо трудиться над своей главной задачей, которой теперь стало получение «признания» для созданного дейр-ясинскими террористами еврейского государства.

Энергия Хаима Вейцмана была поистине неистощимой. Он единолично осаждал все «объединенные нации», будучи, разумеется, везде принимаем, как репрезентант мировой державы нового типа. «Тесный контакт» он установил, например, с делегатами Уругвая и Гватемалы, которых он характеризует в своей книге, как «неизменных отважных защитников» сионизма, а также и с тогдашним генеральным секретарем ООН, неким г-ном Тригве Ли из Норвегии. В середине апреля, когда новости из Дейр-Ясина стали бить в нос даже делегатам в Лейк Саксес, было решено созвать Генеральную Ассамблею. Было ясно, что американский голос окажется решающим, и тут д-р Вейцман начал, как он пишет, «заниматься вопросом американского признания еврейского государства». Другими словами, государственная политика США, выработанная конституционным путем консультаций между главой государства и его ответственными министрами, должна была снова подвергнуться изменениям по требованию Хаима Вейцмана.

Здесь снова приобретают значение точные даты событий. 13 мая 1948 г. д-р Вейцман встретился с президентом Труманом; дело было накануне выдвижения президентских кандидатов, а еще несколько месяцев спустя предстояли выборы президента, так что время для оказания «непреодолимого давления» было самым подходящим. Вейцман сообщил президенту, что британский мандат на Палестину истекает 15 мая, после чего управление «еврейским государством» возьмет на себя временное правительство. Он настаивал на «немедленном» признании его Соединенными Штатами, и президент реагировал с самым услужливым рвением. 14 мая сионисты в Тель-Авиве провозгласили свое новое государство. Буквально через несколько минут в Лейк Саксес стало «неофициально» известно, что президент Труман уже его официально признал. Американским делегатам в ООН никто об этом

Harry S. Truman and Chaim A. Weizmann (1948.05.25)

ничего не сказал, и они приняли новость «с недоверием», но связавшись «после большой неразберихи» с Белым Домом, они получили оттуда указания Вейцмана из уст президента. Сам Вейцман немедленно помчался в Вашингтон уже в качестве президента Израиля, а принявший его там президент Труман заявил впоследствии, что момент признания нового государства *«был самым счастливым в моей жизни»*. В своих воспоминаниях, опубликованных восемь лет спустя, Труман упоминает обстоятельства, сопровождавшие этот счастливый момент, и некоторые из них заслуживают быть сообщенными читателю. Описывая шестимесячный период от «голосования по вопросу раздела» в ноябре 1947 г. до «признания» Израиля в апреле 1948 г., он пишет: *«Доктор Хаим Вейцман... зашел ко мне 19 ноября, а через несколько дней я получил от него письмо»*. Труман затем цитирует это письмо, датированное 27 ноября; в нем Вейцман ссылается на «слухи», согласно которым *«наши люди оказывали неподобающее, весьма сильное давление на некоторые делегации (Объединенных наций)»*, добавляя от себя, что *«это обвинение ни на чем не основано»*. Комментарий Трумана гласит, однако:

«Неоспоримым фактом было не только, что это давление в ООН превосходило всё, но и Белый Дом также был под непрерывной осадой. Мне еще никогда не приходилось испытывать такого давления и столько пропаганды, нацеленных на Белый Дом, как в этот момент. Настойчивость нескольких сионистских экстремистов, руководимых политическими мотивами и не останавливающихся перед политическими угрозами, раздражали меня и возмущали. Некоторые из них требовали даже, чтобы мы заставили суверенные нации голосовать в благоприятном для них смысле на Генеральной Ассамблее».

Упомянутые Труманом «политические угрозы» явно относились к предстоящей кампании переизбрания президента Трумана; невозможно дать его словам иное разумное объяснение. Согласно Вейцману, однако, Труман обещал ему в упомянутом выше разговоре 19 ноября 1947 г. «немедленно связаться с американской делегацией», и ее голос был 29 ноября подан за «рекомендацию» ООН в пользу раздела Палестины. Возмущение президента Трумана сионистскими методами (выраженное в его воспоминаниях 1956 года) никак не отражает его капитуляции перед ними в 1947 году; это не мешает отметить, поскольку иначе у читателей его «мемуаров» создалось бы иное впечатление об американском президенте. Тот же Труман, в том же 1956 году так описывает результаты «решения вопроса», т.е. раздела Палестины, поддержанного им в ноябре 1947 г.: *«каждый день поступали сообщения о новых актах насилия на Святой Земле»*. Ему пришлось также убедиться в том, что его ноябрьская капитуляция, как и отрицание д-ром Вейцманом «неподобающего давления» ничего не изменили в последующие месяцы:

«Еврейское давление на Белый Дом не уменьшилось после голосования ООН за раздел. Отдельные личности и целые группы и организации требовали от меня, обычно в весьма задиристом и возбужденном тоне, обуздать арабов, запретить англичанам поддерживать их, послать американских солдат, сделать то, и другое, и третье»

(Здесь перед нами опять восстает описанная Дизраэли картина того, как *«миром управляют совсем не те, кого считают правителями люди, не знающие, что творится за кулисами»*). Осажденному президенту пришлось искать спасения в отступлении:

«Давление росло, и мне пришлось отдать распоряжение, что я не желаю больше принимать никого из сионистских экстремистов. Я был даже настолько расстроен, что отложил свидание с д-ром Вейцманом, который уже вернулся в США и желал со мной встретиться».

В 1956 г. м-р Труман, видимо, всё еще считал небольшую отсрочку свиданий с Вейцманом драконовской мерой, заслуживающей быть запечатленной для потомства. За этим последовал визит к нему его старого еврейского компаньона по торговым делам (в дни молодости Труман был довольно неудачливым галантерейным торговцем), который в тот день 13 марта 1948 г., *«был глубоко обеспокоен страданиями еврейского народа за границей»* – дело было за три недели до Дейр-Ясина – и умолял его принять доктора Вейцмана, что президент Труман тотчас и сделал (18-го числа того же марта). Это было за день до того, как правительство США приняло решение (19 марта) отказаться от рекомендации раздела Палестины, и Труман пишет, что по уходе Вейцмана (18 марта) *«у меня создалось впечатление, что он вполне понимает нашу политику, а я в свою очередь знал, чего он хочет»*. Последовавшие за этим кровавые недели в Палестине

Труман обходит молчанием, даже не упоминая названия Дейр-Ясин и лишь мимоходом замечая, что

«ближневосточные специалисты Госдепартамента почти все без исключения враждебно относились к идее еврейского государства... и я должен с огорчением отметить, что некоторые из них склонялись к антисемитизму».

Он продолжает описание событий двумя месяцами позже (с 14 мая, т.е. после Дейр Ясина и сопутствовавшего ему кровавого погрома) в следующем тоне:

«Раздел состоялся не совсем так мирно, как я надеялся, но неоспоримым фактом теперь было, что евреи полностью контролировали территорию своего народа... Раз евреи были готовы теперь провозгласить государство Израиль, я решил действовать немедленно, дав новой нации американское признание. Полчаса спустя, точно через 11 минут после провозглашения государства Израиль, мой секретарь по делам печати Чарли Росс передал в прессу сообщение о де-факто признания Соединенными Штатами временного правительства Израиля. Как мне передавали, для некоторых профессиональных специалистов в Госдепартаменте это было неожиданностью».

Труман не находил нужным в своих «Мемуарах» ни упомянуть своего заявления в мае 1948 года о «самом счастливом моменте» его жизни, ни объяснить, в чем могло заключаться это счастье после долгих месяцев такого «давления» и «политических угроз» в осажденном Белом Доме, что в один прекрасный день ему пришлось спрятаться, хотя и ненадолго, даже от д-ра Вейцмана. Для целей нашего повествования он сыграл свою роль и больше не нужен. Через полгода после самого счастливого момента его переизбрали президентом, а в момент, когда пишется эта книга, у него есть все данные прожить еще двадцать лет⁵¹ симпатичным бодрячком, на которого печальные последствия дел, связанных с его именем, явно производят столь же малое впечатление, как тихоокеанский циклон на прыгающую по волнам пробку. В 1956 году он удостоился чести войти в компанию тех, кому старинный Оксфордский университет присудил полезную степень, и лишь одна женщина-профессор возвысила одинокий и не встретивший поддержки голос против ее присуждения главе правительства, чье имя ассоциируется главным образом с атомным убийством Хиросимы и Нагасаки. После счастливого признания Труманом того, что произошло в Палестине между ноябрем 1947 и маем 1948 гг., дебаты в кругу «объединенных наций» потеряли значение, и доктор Вейцман (в письме к президенту Труману начисто отрицавший применение «неподобающего давления») стал энергично добиваться последующих признаний, чтобы поставить свое дело вне всяких сомнений. До него дошло, что в Лондоне Бевин «оказывал давление на британские доминионы... чтобы они отказали в признании», и он быстро показал, кто был большим специалистом по части оказания такого «давления». С исторической точки зрения, этот момент имел громадное значение, поскольку впервые выяснилось, что сионизм, внесший такой глубокий раскол в еврейство, сумел расколоть также и британскую империю или содружество наций; чего ни одна угроза или опасность войны еще никогда не могли сделать, было достигнуто с помощью «непреодолимого давления на международную политику». Неожиданно оказалось, что Сион был господином положения в столь далеко отстоявших от центральной сцены столицах, как Оттава, Канберра, Кейп Таун и Веллингтон. Это доказывало наличие блестящей организации и синхронизации действий; в течение немногих десятилетий должны были быть осуществлены чудеса подпольной организации, чтобы можно было в решающий момент обеспечить полное подчинение ведущих политиков в Канаде, Австралии, Южной Африке и Новой Зеландии. Эти страны находились далеко от Палестины, у них не могло быть ни малейшего интереса в заложении мин новой мировой войны на Ближнем Востоке, а еврейское население в них было минимально. Тем не менее, покорность была проявлена без промедления; здесь действовала мировая сила.

Не-английскому читателю нужно дать понять глубокое значение того, что произошло. Тесная связь между британским островом и происшедшими из него заокеанскими странами, сколь бы она ни была неосязаемой и не основанной на принуждении, в часы опасности всегда являла собой силу непонятную и таинственную для внешнего наблюдателя. Приведем в качестве иллюстрации маленький пример: новозеландский бригадный генерал Джордж Клифтон рассказывает, что когда он попал в плен к немцам в Африке в 1941 году, его привели к фельдмаршалу Ром-

⁵¹ Труман умер в 1972 г. в возрасте 88 лет – прим. перев.

мелю, который задал ему вопрос: За что вы, новозеландцы, воюете? Это не ваша, а европейская война. Почему вы здесь, ради спорта? – Бригадир Клифтон был поражен необходимостью объяснить нечто столь же естественное для него, как сама жизнь:

«Я понял, что фельдмаршал задал этот вопрос вполне серьезно; мне никогда раньше не приходилось выражать словами тот совершенно очевидный факт, что если Британия воюет, то мы воюем вместе с ней; я поднял руку с крепко сжатыми пальцами и сказал: Мы все держимся друг за друга. Если вы нападаете на Англию, вы нападаете также и на Новую Зеландию, и на Австралию, и на Канаду. Британское Содружество наций воюет совместно».⁵²

Это было совершенной правдой в том, что касалось народов, однако это уже перестало быть правдой в отношении ведущих политиков. Заговор, пришедший из местечковой России, нашел с их помощью слабые места в наших доспехах, а «давление» в Веллингтоне и прочих столицах было столь же сильным и эффективным, как и вокруг Белого Дома. В данном конкретном случае (Новой Зеландии) типичной для того времени фигурой среди группы еврейских илотов был премьер-министр Новой Зеландии, некий г-н Питер Фрезер. Редко у кого могло быть меньше оснований ненавидеть арабов, или хотя бы интересоваться ими, но он был их непримиримым врагом, став каким-то образом еще одним верным слугой сионизма. Происходя из нищей шотландской семьи, он отправился на другой конец света, найдя там славу и богатство, заразу сионизма он по-видимому подцепил в свои восприимчивые молодые годы в Лондоне, где она распространялась среди тщеславных молодых политиканов, и привез ее с собой в новое государство, так что еще десятилетиями спустя он прилагал всю свою энергию и власть на достигнутом им посту для уничтожения маленького безобидного народа в далекой Палестине. По его смерти в 1950 г. одна из сионистских газет писала:

«Он был убежденным сионистом... Несмотря на свою большую занятость в качестве главы делегации своей страны на парижской ассамблее ООН, он уделял много времени и внимания палестинскому вопросу... сидя день за днем в Политическом комитете, когда обсуждался этот вопрос. Он ни на минуту не покидал комнаты заседаний; ни одна деталь не ускользнула от его внимания. ... Он был единственным премьер-министром в составе комитета и покинул его, как только палестинский вопрос получил свое разрешение. ... Неоднократно Питеру Фрезеру приходилось голосовать против Объединенного Королевства (*Англии*), но это его не смущало... Он был нашим верным другом до последнего дня своей жизни».

Человек с подобного рода чуждыми амбициями в сердце наверняка не разделял взглядов бригадира Клифтона и его товарищей, а если бы генералу был известен образ мыслей его премьер-министра, то ему, вероятно, было бы трудно найти подходящий ответ на вопросы фельдмаршала Роммеля. Обнаружив столько интереса к сионизму, м-р Фрезер вряд ли был особо озабочен интересами собственной страны, и Новая Зеландия ввязалась в войну настолько мало подготовленной, что когда бригадир смог увидеть в Порт Саиде новозеландцев, уцелевших после боев в Греции и на Крите, то они были

«исхудавшими, небритыми, измученными сражениями, многие из них были подавлены, и все были подавлены физически и морально, тяжело переживая потерю столь многих «добрых парней»: мистер Фрезер нес немалую часть вины за это» (Клифтон).

⁵² В вопросе Роммеля скрывалась «маленькая» деталь, ускользнувшая от внимания не только новозеландского бригадира, но и автора книги: Германия не «напала» на Англию, объявление войны исходило от Англии, а под ее «непреодолимым давлением» и от Франции (см. примечание к главе 36). Гитлер добился сотрудничества с Англией, считая главной опасностью для Европы большевизм, с которым он был готов бороться и военными методами. Англо-германское морское соглашение 1935 г., заключенное по инициативе Германии, добровольно ограничивало тоннаж германского военного флота одной третью британского, что одно уже исключало возможность «нападения» с германской стороны. Польско-германский конфликт столь же мало касался прочих держав и требовал их вмешательства, как и австро-прусская (1866), франко-германская (1870), русско-японская (1904) и ряд других европейских войн, имевших локальное значение, не говоря уже о вне-европейских войнах. Одно дело – рассчитывать на помощь близкого соседа и родственника при нападении с третьей стороны; другое – требовать той же помощи, нападая на третью сторону сам. – *Прим. издателей.*

С таким главой правительства быстрое признание Новой Зеландией того, что было сделано в Палестине, было обеспечено, как бы мало всё это ни касалось новозеландцев.

Вернемся теперь к нашему доктору Вейцману. В Южной Африке, чтобы насолить Бевину, он обратился к давно известному читателям генералу Сматсу. По чистой случайности автор настоящей книги в то время сам был в Южной Африке и, прочтя в газетах о прилете туда хорошо известного сионистского эмиссара, не сомневался в том, что должно было последовать. Выступая перед еврейской аудиторией, этот господин заявил, что *«евреи не считают себя связанными какими-либо границами, которые установит для них ООН»*; автор не помнит возражений против этого заявления, кроме как со стороны одного еврея, указавшего, что эти слова не сулят ничего хорошего для мира. Приняв этого воздушного посланца, генерал Сматс немедленно объявил о «признании»; быстрота, с которой он это сделал, уступала темпам одних лишь Трумана и советского диктатора Сталина, действовавших в этом вопросе в полном согласии. Насколько помнится, это было последним политическим актом генерала, ибо через два дня он провалился на выборах. Известно, что его сын старался отговорить его от признания Израиля, указывая, что он потеряет на этом голоса избирателей, но Сматс этим советом пренебрег. С точки зрения избирательной тактики это, возможно, было правильным решением, поскольку его конкуренты несомненно были тоже готовы услужить сионистам, а арабских избирателей в Южной Африке не было.

Авторитет генерала Сматса в британском Содружестве наций (как и его непопулярность среди большинства его бурских соотечественников) основывался исключительно на распространенном мнении, что он был создателем «англо-бурского примирения» после войны и патриотом «большой семьи» Британского Содружества. В одном только палестинском вопросе он предал остро нуждавшееся в поддержке и осаждаемое со всех сторон правительство в Лондоне, исполнив долг воинской дисциплины по отношению к другим хозяевам. Автор давно уже хотел встретиться с ним, что ему на этот раз удалось. Дни генерала подходили к концу, и вскоре он также исчезнет из нашего повествования, однако перед смертью он, как и д-р Вейцман, вдруг увидел пропасть, вырыть которую усердно помогал он сам:

«В палестинской проблеме» – *сказал он своему сыну в том же 1948 году* – «у нашего порога стоит трагедия... Неудивительно, что Англии всё это надоело до отказа. Провал в Палестине будет не одним только британским провалом. Другие страны тоже приложили к этому руку, в том числе Америка, и тоже испытали неудачу. Палестина... одна из величайших проблем в мире, которая может сыграть громадную роль в будущем нашего мира... Мы хотели, чтобы арабы и евреи сами справились с ней, но это нам не удастся. Большая сила идет в наступление, и Палестина лежит на ее пути».

Это говорилось частным порядком, но отнюдь не публично: судя по всему, политики находят нужным носить маску, как клоуны в цирке. Подобно Труману, он без промедления сделал то, что от него требовал д-р Вейцман, и даже еще в 1949 г., выступая также перед сионистской аудиторией, заявил что *«счастлив соединить мое имя по крайней мере с одним успешным делом в моей жизни»*. Одна за другой, страны британского Содружества повертывались к Лондону спиной. Д-р Вейцман записывает, что новозеландский представитель, сэр Карл Берендсен, «добился поддержки Австралии», а вслед за тем не преминули последовать и ведущие политики в Канаде. Когда британские доминионы выстроились вслед за Труманом и генералиссимусом Сталиным, то не посмели отстать и маленькие страны со своими «признаниями»; трудно было ожидать от них, что они станут нерешительно топтаться перед дверью, в которую устремились великие мира, и так «еврейское государство» оформилось «де-факто», причем единственным фактом была резня в Дейр-Ясине. Вейцман стал президентом нового государства, но для нас теперь настало время распрощаться с ним. Со сцены уходит и он, после бурной пятидесятилетней деятельности, в основном заговорщической, в которой он принудил к капитуляции всех политических лидеров Запада, оставив упомянутую Сматсом «трагедию», как подкидыша на пороге чужого дома. Трудно отыскать более захватывающую биографию и возможно, что другому автору удастся описать ее в героических тонах. Автору этих строк она представляется исполненной разрушительных целей, а сам доктор Вейцман, достигший триумфа лишь на закате своих дней, убедился в том, что и триумф может быть весьма горькой, часто смертельной чашей.

Этот вывод напрашивается из его книги, последняя часть которой читается с захватывающим интересом. Она вышла в 1949 году, а, следовательно, могла бы довести свое повествование, по крайней мере, до того момента, который вписывается в настоящем труде. Он этого не сделал,

закончив 1947 годом, – спрашивается, почему? Ответ довольно ясен: в 1946 г. он предостерегал Всемирную сионистскую организацию против «террора», указав на «пропасть», в которую должно было завести «древнее зло», после чего он был смещен. Затем он стал президентом нового государства, порожденного именно этим террором. По-видимому, он хотел оставить еврейству письменное доказательство своих предостережений, но не мог заставить себя осудить акты террора и убийств, в которых родилось новое государство, а поэтому сделал вид, будто он закончил рукопись ранее этих событий. Датой окончания своего труда Вейцман поставил 30 ноября 1947 г. – день, последовавший за его триумфом в Лейк Саксес, когда президент Труман по его требованию позвонил американской делегации, чтобы она голосовала за раздел Палестины. Видимо, ему хотелось, чтобы книга на этой ноте и закончилась. Вскоре последовала попытка изменения американской политики и те события, против которых он предостерегал, а поскольку его книга вышла лишь в 1949 году, у него было еще достаточно времени, чтобы выразить свое мнение о них. Однако он ограничился одним только эпилогом, в котором не нашел нужным даже упомянуть решающее дело в Дейр-Ясине – презрительный ответ сионистских «активистов» на его предостережения. Он далее отметил, будто бы этот эпилог был закончен в августе 1948 года, что также избавило его от необходимости упомянуть следующий решающий акт сионистского терроризма, а именно убийство графа Бернадотта в сентябре 1948 г. Видно, у доктора Вейцмана душа ушла в пятки, когда он увидел, что отождествил себя с резней и с убийством, приняв и сохранив президентство в новом государстве.

Тем большее значение приобретают сделанные им раньше предупреждения, которые он мог бы вычеркнуть перед выходом книги в свет. Например, он бросает сионистским террористам (в чьи руки он отдал будущее Палестины и даже много больше) обвинение, что они «принуждают самого Господа Бога» к выполнению их решений. Именно это и было ересью сионизма и всех, кто ему способствовал, будь то евреи или не-евреи с самого начала, и самого д-ра Вейцмана более, чем кого-либо иного. Он писал далее: *«террористические группы в Палестине представляли собой серьезную опасность для всего будущего еврейского государства; фактически их поведение граничило с анархией»*. Оно было анархией, а не только граничило с ней, и деятельность всей жизни доктора Вейцмана была анархической. Даже и в этих обвинениях он вовсе не руководствовался нравственным отвращением; он осуждал не разрушительную природу анархии как таковую, а лишь ее нецелесообразность, *«потому что у евреев живут заложники во всем мире»*.

На следующий день после своего триумфа в Лейк Саксес он вернулся к своей новой теме:

«Нельзя иметь один закон для евреев и другой для арабов... Надо дать арабам уверенность в том, что решение ООН окончательно, и что евреи не посягнут на территории за теми границами, которые им отведены. Эти опасения живут в сердцах многих арабов, и этим страхам должен быть положен конец во всех отношениях... Они должны убедиться в том, что их братья внутри еврейского государства пользуются теми же правами, что и еврейские граждане... Мы не должны поклоняться иным богам. Пророки всегда наказывали еврейский народ самым строгим образом за такие поползновения, и когда бы он ни отвращался в язычество, строгий бог Израиля его наказывал... Я не сомневаюсь в том, что весь мир будет судить еврейское государство по его отношению к арабам».

– Хорошо сказано! Доктор Вейцман надевает тут облачение израильского пророка, а может быть и корону датского короля Кнута, приказавшего отступить волнам моря. В дни опубликования этих возвышенных словес арабов уже изгнали с их родной земли, евреи «посягнули» на территории далеко за пределами «рекомендованных» им границ, арабы не только не пользовались «правами еврейских граждан», но превратились в нищих и бездомных беженцев. Д-р Вейцман делает вид, будто ему всё это неизвестно; он не хочет видеть того, что произошло, и говорит, что лучше было бы этого не делать. Даже в политике трудно перещеголять подобный образец публичного лицемерия! Остается предположить, что он не в состоянии был набраться мужества для критики совершенного, но на пороге смерти хотел всё же указать на последствия; те самые последствия, к которым с самого начала должен был привести труд всей его жизни, если он хотел иметь успех. Под конец он рывкнул было «задний ход!», но никто его даже и не слышал.

Человек, калибром побольше Вейцмана, испустил крик ужаса при виде содеянного, связав последствия с делами, которые он не побоялся назвать по имени. Д-р Иуда Магнес был прямым продолжателем древних израильских обличителей. Родившись в Америке в 1877 г., он, как и д-р Вейцман, посвятил свою жизнь сионизму, но в совершенно ином духе. Он был религиозным сионистом, не политическим, и не намерен был «принуждать Господа Бога». С самого начала он

трудился над созданием двухнационального арабско-еврейского государства, обличая сионистский шовинизм с его самых первых шагов. Он стал ректором Еврейского университета в Иерусалиме в 1925 г., после того, как в 1918 г. он резко выступил против помпезной церемонии его заложения Вейцманом. В 1935 году он стал президентом университета, и в 1948 году находился в Иерусалиме. Он был потрясен, увидев возрождение «древнего зла под новой, отвратительной личиной», и оставил предсмертное послание с резким осуждением как сионистов, так и западных политиков:

«Нельзя пользоваться беженцами, как козырем в руках политиков. Плачевно, даже просто невероятно, что после всего перенесенного в Европе евреями, на Святой Земле рождается проблема арабских перемещенных лиц».

Смерть постигла его немедленно же после этих слов, и автору не удалось выяснить ее обстоятельств; сообщения об этом в еврейской литературе весьма туманны и напоминают то, что писалось о коллапсе и неожиданной смерти Теодора Герцля. В предисловии к книге раввина Эльмера Бергера, например, говорится, что он «умер от разбитого сердца» – диагноз довольно сомнительный, как с медицинской, так и с криминалистической точки зрения.

В лице д-ра Магнеса еще один еврейский миротворец присоединился к той группе чувствовавших ответственность людей, которые в течение 50 лет старались освободить Запад (и самих евреев) из тисков талмудистского заговора из России. Он вызвал к жизни существующую и в настоящее время т.н. Ассоциацию Игуд, всё еще говорящую его словами, и даже из Иерусалима. В ее органе «Нер» писалось в декабре 1955 г.:

«В конце концов нам придется признать правду: мы не имеем вообще никакого принципиального права мешать возвращению арабских беженцев на их родную землю... К чему должна стремиться Игуд? К тому, чтобы превратить эту вечную бочку с порохом (*т.е. государство Израиль, по словам премьер-министра Пинки Лавона*) в место мирного сожительства. Каким оружием намерен пользоваться Игуд? Оружием правды... Мы не имели права занимать арабский дом, не заплатив за него; то же относится и к полям и роцам, к складам и фабрикам. Мы не имели ни малейшего права на колонизацию и на осуществление сионизма за чужой счет. Это – грабеж, это – бандитизм. ... Мы снова один из очень богатых народов, но мы не стыдимся грабить собственность нищих феллахов».

В настоящий момент всё это – лишь едва слышный голос в еврействе, и, кстати, то же было сказано и Альбертом Эйнштейном:

«Мое понимание существа и природы иудаизма отвергает идею еврейского государства с границами, армией и светской властью, сколь бы малой она ни была; боюсь, что от этого пострадает внутренняя сущность иудаизма» (1950).

Но этот слабый голос – единственная надежда на спасение еврейства от хазарского сионизма. В наши дни, однако, более вероятно, хотя и не неизбежно, что это спасение придет лишь после окончательных потрясений, в которые бессмысленная палестинская авантюра заводит западное человечество, а вместе с ним и евреев.

Остается отметить еще одну подробность создания «де-факто» сионистского государства, а именно то, что оно явилось детищем революции. Революция позволила евреям «стать большинством в Палестине», как этого желали британские авторы декларации Бальфура 1917 года; иного пути к изменению положения в Палестине не существовало, поскольку нигде на Западе невозможно было найти достаточно евреев для переселения в нее. Это массовое переселение можно было осуществить исключительно с помощью тех восточных евреев, которые столетиями привыкли подчиняться талмудистскому режиму, и выше было показано, какими методами это переселение было достигнуто. Израильская статистика 1951 г. показала, что созданное к тому времени «большинство» (около 1,4 млн. евреев) состояло из более чем миллиона (1'061'000) родившихся в других краях иммигрантов, а из них 577'000 прибыли из коммунистических стран за «железным занавесом», где ни один не-еврей не мог даже переехать из одного города в другой без полицейского и иных разрешений. Из прочих 484'000 чел. большинство были североафриканские или азиатские евреи, приехавшие после создания государства Израиль и не принимавшие участия в насильственной экспроприации чужой земли.

Ее захватчиками были, следовательно, восточные евреи татарско-монгольского происхождения, но численный перевес сам по себе еще не мог обеспечить успеха, нужно было еще иметь

оружие. Как мы помним, во время войны генерал Уэвелл сообщил Черчиллю, что евреи «разобьют арабов», если им это только будет разрешено, и очевидно он основывал свою оценку положения на имевшейся в его распоряжении информации о том вооружении, которое было накоплено сионистами. К тому времени это могло быть только английским или американским вооружением, нелегально добытым со складов союзных армий, оперировавших в Северной Африке и на Ближнем Востоке (на что политики в Лондоне и Вашингтоне явно смотрели сквозь пальцы, если не давали на то открытого разрешения). Хотя генерал Уэвелл в конечном итоге и оказался прав, но к тому времени он переоценивал силы сионистов, недооценивая силу арабского сопротивления, ибо свою последующую победу сионисты приписывали вовсе не приобретенному ими западному вооружению. Наоборот, они считали, что своей победой в шестимесячной борьбе (между голосованием в ООН за «раздел» и Дейр-Ясином) они были обязаны коммунистическому вооружению. Железный занавес, приподнявшийся для пропуска захватчиков в Палестину, поднялся еще раз, чтобы доставить им оружие в достаточном количестве.

Это было первым следствием отданного генералом Эйзенхауэром по указанию Рузвельта приказа остановить союзное наступление на линии к Западу от Берлина–Вены, отдав Чехословакию в руки советчиков; вооружение для сионистов было поставлено из этой захваченной Советами страны, где военный концерн Шкода в результате политики союзников перешел из нацистских в коммунистические руки. Немногим позже признания Труманом сионистского государства в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн» было опубликовано следующее сообщение из Израиля:

«Престиж советской России стоит во всех политических фракциях (*Израиля*) необычайно высоко. Благодаря своей неизменной поддержке Израиля в ООН, Советский Союз создал себе верных сторонников среди левых, умеренных и правых элементов. Еще большее значение для нового государства, борющегося за свое существование, имел тот малоизвестный факт, что Россия дала практическую помощь в тот момент, когда в ней была наибольшая нужда... Россия открыла свои склады вооружения Израилю. Самые существенные и вероятно самые большие массовые закупки вооружения евреи смогли сделать у советского сателлита – Чехословакии. Поставки чехословацкого вооружения, прибывшие в Израиль в критический период войны, сыграли решающую роль... На параде еврейских частей по улице Алленби в Тель-Авиве на прошлой неделе на плечах израильской пехоты красовались новенькие чехословацкие винтовки» (5.8.1948).

К этому времени вся сионистская и управляемая сионистами печать на Западе, как по команде, перешла к приравнению «антикоммунизма» к «антисемитизму»; все знают, что любое указание на еврейское происхождение коммунизма и его руководства давно уже обличалось как характерная черта антисемитов. Чикагская еврейская газета «Сентинель» (Часовой), например, писала уже в июне 1944 года:

«Нам хорошо известно, чем в действительности является анти-советизм... Приходилось ли вам когда-либо встречать во всем мире антисемитов, которые не были бы одновременно и антикоммунистами?... Мы знаем наших врагов. Давайте наконец признаем и наших настоящих друзей, советский народ».

В день первого мая в школах нового государства развевались красные флаги революции и распевался «Интернационал»: открытое признание родственной близости с революцией, если не ее прямого отцовства. В январе 1950 г. корреспондент лондонского «Таймса» в Тель-Авиве сообщал, что Чехословакия продолжала быть источником снабжения вооружения для сионистского государства.

Таково было рождение «Израиля» и беды, причиненные им другим. На свете еще не было другого незаконнорожденного политического отпрыска, у которого было бы столько крестных отцов. «Признания» сыпались с неба, миротворцы повсюду отвергались. Бевин оставался еще недолгие годы на своем посту, подав затем в отставку; смерть не заставила долго ждать и его. От генерала Маршалла и Форрестала отделались при первой возможности, показав остальным, что выполнять свой долг и принимать свои обязанности всерьез – дело опасное. Не прошло и нескольких недель, как новое государство сделало еще один шаг в сторону «пропасти», раскрывшейся в результате активности «древнего зла». «Объединенные нации», примирившиеся с завершённым разделом Европы и рекомендовавшие такой же раздел Палестины, проявили запоздалую заботу о мире, послав шведского графа Фольке Бернадотта в качестве посредника между враждующими лагерями в Палестине. Граф Бернадотт с давних пор посвятил себя делу

смягчения человеческих страданий в мире, сделав особенно много для спасения и помощи еврейским жертвам во время Второй мировой войны. Трудясь под знаком креста (Красного), он был убит на том самом месте, где крест впервые стал символом веры и надежды. Трудно представить себе что-либо более варварское, чем убийство посредника и миротворца одной из враждующих партий; в первые же четыре месяца своего существования сионистское государство вписало и этот символический акт в список своих преступлений.

Граф Бенадотт вел при жизни дневник (как и Форрестол), опубликованный после его смерти. В нем содержится запись, что, приняв на себя миссию примирения, он встретился в Лондоне с Наумом Гольдманом, в то время вице-президентом Еврейского агентства и представителем сионистского государства, который сказал ему, что *«государство Израиль в состоянии теперь принять на себя полную ответственность за Банду Звезды (стерн ганг) и членов (террористической организации) Иргун»*. Это были как раз те банды убийц, чье преступление в Дейр-Ясине очистило сионистам территорию Палестины, получив затем молчаливое «признание» Западом; те самые «активисты», против которых Вейцман предостерегал сионистский конгресс уже в 1946 году. Дейр-Ясин показал, что они могли с помощью обдуманных актов террора изменять ход мировых событий безотносительно к тому, что говорилось на эту тему сионистскими политиками, западными политическими деятелями, или «объединенными нациями».

Этими возможностями они продолжают обладать и в 1956 г.⁵³ и будут обладать и в дальнейшем. Они в любую минуту в состоянии ввергнуть весь мир в новую войну, ибо их водворили в наиболее легко воспламеняющемся месте в мире, справедливо охарактеризованном государственным секретарем США, министром иностранных дел Англии и самим сионистским премьером как «пороховая бочка». До того дня, когда д-р Наум Гольдман сделал графу Бернадотту цитированное выше сообщение, поддерживалась иллюзия, будто они стояли за пределами контроля со стороны «ответственных» сионистских лидеров, якобы осуждавших их методы. Заверение Гольдмана по-видимому имело целью убедить графа Бернадотта в том, что его посредничество не будет нарушено актами вроде Дейр-Ясина. После этого террористы убили самого Бернадотта, а впоследствии (как мы покажем позже) израильское правительство приняло на себя ответственность и за террористов, и за их преступление.

После успокоительных заверений Гольдмана граф Бернадотт отправился восстанавливать мир. В Египте он встретился с премьер-министром Нокраши-пашой, сказавшим ему, что

«в еврейской экономической мощи не может быть сомнений, поскольку они контролируют народное хозяйство многих стран, включая Соединенные Штаты, Англию, Францию, сам Египет и вероятно также и Швецию»

(этого последнего граф Бернадотт также не нашел нужным оспорить). Нокраши-паша добавил, что и арабы не рассчитывают избежать этого господства. Однако, еврейское экономическое господство в Палестине – это одно дело; с чем арабы не намерены примириться и против чего они будут бороться, это – попытка основать с помощью насилия и терроризма, и с помощью международного сионизма, сионистское государство, основанное на принуждении. Король Фарук заявил Бернадотту, в свою очередь, что если война будет продолжаться, то она превратится в третью мировую войну. Граф Бернадотт согласился и с этим, сказав, что именно поэтому он и принял на себя роль посредника в Палестине. Он указал также, что во время войны ему *«удалось спасти около 20 000 человек, среди них многих евреев; я лично руководил этой задачей»*. Очевидно, он полагал, что заслужит этим уважение с сионистской стороны, однако он жестоко ошибся. В течение немногих дней (9 июня 1948 г.) ему удалось уговорить арабов согласиться на перемирие без предварительных условий, однако немедленно же последовали яростные нападки на него сионистов за то, что он «вынудил евреев к перемирию».

Count Folke **Bernadotte** of Wisborg
(1895.01.02 – 1948.09.17)

Внук короля Оскара II Шведского

⁵³ Год написания настоящей книги – прим. перев.

«Мне стало ясным, в какое опасное положение я попал... хорошее отношение ко мне не преминет превратиться в подозрительность и враждебность, если в качестве посредника я не буду прежде всего принимать во внимание интересов еврейской стороны, а буду стараться найти беспристрастное и справедливое решение вопроса».

Вскоре еврейская военно-террористическая организация «Иргун» (за которую сионистское правительство словами Гольдмана в Лондоне приняло на себя «полную ответственность») нарушило заключенное перемирие, высадив в период 18–30 июня 1948 г. войска и оружие на арабской территории. Граф Бернадотт и сопровождающие его наблюдатели *«не были в состоянии установить количество высаженных солдат Иргуна или выгруженного военного снаряжения»*, потому что сионистское правительство не разрешило им прибыть на место действий. В первые недели июля *«еврейская печать начала яростные нападки против меня»*. В ход была пущена клевета (как и против Форрестола), и заслуги Бернадотта по спасению евреев во время войны были вывернуты наизнанку; печатались инсинуации, будто его переговоры под конец войны с начальником Гестапо Гиммлером об освобождении евреев из лагерей носили сомнительный характер. *«Поношения по моему адресу»* (намекалось, что граф Бернадотт был «нацистом») *«были большой несправедливостью, поскольку благодаря моим стараниям были спасены около 10 000 евреев»*. Всё это имело для сионистов так же мало значения, как в свое время попытки Александра II и его министров *«улучшить условия жизни евреев»*; беспристрастность была тем смертным грехом, который совершил Бернадотт. В период между 19 июня и 12 августа 1948 г. ему пришлось неоднократно указывать сионистскому военному губернатору Иерусалима, д-ру Джозефу, что, согласно сообщениям его наблюдателей, *«наиболее агрессивной стороной в Иерусалиме были евреи»*. 16 сентября, на своем историческом пути миротворца *«в Иерусалим»* (заглавие его книги), граф Бернадотт подписал свой смертный приговор; в этот день он послал свой отчет, как посредника, с острова Родос по адресу ООН, и не прошло и суток, как он был убит.

Причины убийства заключались в его предложениях. Он принял установление «де-факто» сионистского государства, но, исходя из этого, пытался примирить и умиротворить обе стороны беспристрастными предложениями, столь справедливыми по отношению к любой стороне, насколько это позволяли обстоятельства. Его главной заботой было арабское население, изгнанное после погрома в Дейр-Ясине из родных мест и скученное в беженских лагерях за пределами границ Израиля. Никто на Западе до тех пор еще не пытался им помочь, а у Бернадотта еще свежи были воспоминания об удачном спасении многих тысяч евреев из-под Гитлера. Его предложения сводились к следующему: 1) границы Израиля должны быть установлены согласно рекомендациям ООН от 29 ноября 1947 г., район Негева должен оставаться арабской территорией, а Объединенные Нации должны обеспечить неприкосновенность этих границ; 2) Иерусалим должен быть интернационализирован (что также предусматривалось «рекомендациями») под контролем ООН; 3) Объединенные Нации должны «подтвердить и обеспечить» право арабских беженцев вернуться в родные места.

Отправив свой отчет 16-го сентября 1948 г. по назначению, граф Бернадотт прилетел на следующий день, т.е. задолго до того, как его предложения могли быть получены в Нью-Йорке, в Иерусалим. Он ехал со своей группой, невооруженные и без всякой охраны к дому губернатора, когда их автомобиль был остановлен ставшим поперек дороги сионистским джипом. Время и пути их передвижений были явно известны столь же хорошо, как и содержание отчета графа Бернадотта; из джипа выскочили трое, подбежали к его автомобилю, и очередями из автоматов убили его и начальника группы наблюдателей, французского полковника Серо. Пережившие это покушение члены сообщили в послесловии к дневнику графа Бернадотта о подробностях убийства. Не остается никаких сомнений в его тщательной подготовке и точном исполнении, как и в том, кто был его организатором. Убийцы скрылись без малейших помех, двое с тем же джипом, третий пешком. Ни один из них не был ни найден, ни обвинен; согласно одному из заслуживающих доверия описаний убийства, трое убийц сели в ожидавший их самолет, доставивший их в Чехословакию. В последующем расследовании, которое вынуждена была провести израильская сторона, было отмечено:

«Проведенное убийство и сопровождавшая его подготовка указывают на следующее: 1) ясное решение убить графа Бернадотта и выработку детального плана проведения убийства; 2) сложную организацию шпионажа, способную проследить передвижения графа во время его пребывания в

Иерусалиме, что позволило руководителям операции назначить ему точное время и место; 3) опытных в подобного рода действиях людей, или же получивших для этого подготовку заблаговременно; 4) наличие нужного вида оружия и средств связи, как и безопасного места, чтобы спрятать убийц; 5) опытного начальника, ответственного за выполнение операции».

За подобного рода публику новое государство, как мы видели, приняли «полную ответственность». Три дня спустя французское агентство печати получило письмо с выражением сожаления за убийство полковника Серо, по ошибке принятого за начальника штаба посредника, шведского генерала Лундстрема, названного «антисемитом» (генерал Лундстрем сидел на другом месте того же автомобиля). Письмо было подписано «Хазит Моледет»: в отчете израильской полиции, проводившей расследование, значится, что это было названием тайной террористической группы внутри организации «Банда Звезды».

Генерал Лундстрем опубликовал на следующий день (18 сентября) заявление, что

«эти преднамеренные убийства двух высокопоставленных международных должностных лиц представляют собой тягчайшее нарушение перемирия, являясь черной страницей палестинской истории, за что Объединенные Нации требуют полного отчета».

Никаких подобного рода требований от ООН ожидать не приходилось, поскольку они (как это было нами показано) реагируют на одно только закулисное давление. Никаких собственных норм нравственности они не имеют (или, по крайней мере, не имели в то время; никто не может гарантировать от чудесных изменений в будущем); они представляют собой говорящую куклу со скрытым механизмом, для которой убийство ее посредника на Ближнем Востоке было столь же безразлично, как правительствам в Вашингтоне и Лондоне были безразличны клеветническая облава на Форрестола или убийство лорда Мойна. Они игнорировали предложения посредника; сионисты забрали себе ту территорию, какую желали, включая Негев, не допустили возвращения арабов, и объявили, что интернационализации Иерусалима они не допустят – они продолжают оставаться в этих вопросах столь же непреклонными сегодня, восемь лет спустя, как и тогда,⁵⁴ газеты во всем мире напечатали редакционные статьи по поводу убийства Бернадотта в их обычном стиле, по-видимому заранее заготовленном для подобных случаев (*«неисчислимый вред, причиненный делу сионизма...»*), а затем возобновили ежедневные поношения всех, кто выступал за арабов, как «антисемитов». Лондонский «Таймс» нашел даже, что в его смерти Бернадотт был повинен сам: предложение интернационализировать Иерусалим *«несомненно подстрекнуло евреев убить графа Бернадотта»*, а в обычном понимании слово «подстрекать» включает в себя собственную вину.

Четыре месяца спустя два агента «Банды Звезды», по имени Елин и Шмулевич, были приговорены в Израиле к 8 и 5 годам заключения в связи с убийством, причем председатель особого суда, зачитывая приговор, отметил, что *«нет доказательства того, что приказ об убийстве был отдан руководством организации»*. Согласно сообщению Еврейского Телеграфного Агентства, *«оба обвиняемых едва обращали внимание на судопроизводство, зная, что государственный совет должен был объявить декрет о всеобщей амнистии»*. Через несколько часов после осуждения их выпустили на свободу, после чего их в триумфальном порядке привезли на большой митинг. «Главнокомандующий» иргунской банды, некий г-н Менахем Бегин, несколько лет спустя в столь же «триумфальном порядке» совершил турне по Западным странам, причем, например, в Монреале его приветствовал *«почетный караул монреальской полиции во главе с раввинами, несшими свитки Торы»* (согласно сообщению южноафриканской еврейской газеты «Джуиш Геральд»). Выступая в Тель-Авиве во время предвыборной кампании в 1950 г., Бегин приписал себе немалое участие в основании сионистского государства с помощью дела в Дейр-Ясине; он сообщил также, что «Иргун» в свое время «захватил Яффу», которую правительственная партия якобы *«была готова отдать арабам»*. Дословно он заявил:

«Другим вкладом Иргуна в общее дело был Дейр-Ясин, заставивший арабов покинуть страну, освободив место для новых пришельцев. Без Дейр-Ясина и последовавшего изгнания арабов нынешнее правительство не смогло бы принять в стране и десятой части иммигрантов».

⁵⁴ Теперь Иерусалим уже скоро 20 лет как захвачен Израилем и объявлен его столицей – прим. перев.

Menachem Wolfovich **Begin** (1913.08.16 – 1992.03.09;
Брест-Литовск – Тель-Авив)⁵⁵

В последующие годы, вплоть до настоящего времени, Бегин продолжал свои кровожадные выпады против соседних арабских государств. Еврейская газета «Зионист рекорд» в Йоганнесбурге (Южная Африка) писала 20 августа 1954 г.:

«БЕГИН ПРИЗЫВАЕТ К ВОЙНЕ. Иерусалим. «Будем нападать на арабов, разбивать одно слабое место за другим, сокрушать один фронт за другим, пока не будет обеспечена полная победа»... Таково было содержание выступления лидера партии Херут, Менахема Бегина, на прошлой неделе в Иерусалиме он говорил с балкона гостиницы, выходящего на площадь Сиона, где собралось несколько тысяч человек. «Наши потери в этих действиях будут немалыми, но во всяком случае они будут меньшими, чем в сражении против объединенных арабских армий» – заявил Бегин – «сегодня наша армия обороны уже сильнее, чем все армии арабов вместе... Моисею понадобилось десять ударов, чтобы вывести израильтян из Египта; мы можем одним ударом выгнать египтян из Израиля» – сказал Бегин, имея в виду полосу Газа»⁵⁶.

⁵⁵ В.Э.: Родился в семье секретаря брест-литовской еврейской общины. Окончил в Брест-Литовске еврейскую религиозную школу, затем государственную гимназию (1931), потом юридический факультет Варшавского университета (магистр права 1935). С 10-летнего возраста состоял в детской сионистской организации «Хашомер-Хацаир», в 16 лет примкнул к радикальному крылу движения, «сионизму-ревизионизму», вступил в молодёжную организацию ревизионистов «Бейтар». В марте 1939 назначен (руководителем ревизионистов Жаботинским) общим руководителем («комендантом») «Бейтар» в Польше. В 1939 году он был осужден на 6 недель тюрьмы за организацию демонстрации протеста перед посольством Англии (против английских ограничений еврейской иммиграции в Палестину по плану равновесия там между арабами и евреями). Став руководителем Бейтара, Бегин тотчас начал формировать ячейки боевой организации «Эцель» (Иргун) и одновременно пытался организовать как можно более массовый выезд польских евреев в Палестину. После нападения немцев на Польшу в 1939 году вместе с женой и детьми бежал в Вильнюс, где в 1940 году после оккупации Литвы был арестован как «агент британского империализма» и приговорён к 8 годам лагерей. В 1941 г. был освобожден из лагеря на р. Печоре как польский подданный и вступил в армию Андерса, которая через Иран эвакуировалась в Палестину. Там в 1943 году вышел из армии Андерса, стал руководителем организации «Иргун» и в декабре провозгласил вооружённое восстание против англичан.

⁵⁶ Основатель государства Израиль, Давид Бен-Гурион, открыто называл Бегина «фашистом», запретив ему поставить свою подпись (как члена «народного совета») под декларацией о создании Израиля. По данным британской администрации в Палестине, под руководством Бегина было убито более 20 000 арабов. Когда в 1977 г. Бегин стал премьер-министром, лишь немногие органы печати в Европе и Америке (давно, разумеется, заклеенные как «крайне правые» и «антисемитские») опубликовали плакаты английского командования в Палестине от июля 1947 г. с фотографией замученных до смерти, обезображенных до неузнаваемости и повешенных на деревьях двух английских солдат. Плакат приводил также фотографии 9 руководителей террористической банды «Иргун» с обещанием награды в 50 000 фунтов за поимку любого из них; первым в числе разыскиваемых преступников стоял Менахем Бегин. В год своего вступления в должность премьер-министра Бегин приехал с официальным визитом в Лондон, где правительство Маргарет Тэтчер принимало массового убийцу и военного преступника с почетным караулом и «красным ковром». Судя по отсутствию соответствующих сообщений в печати, английская королева была

Для арабских стран наличие у них палестинских беженцев служило постоянным напоминанием о Дейр-Ясине и зловещем значении слов Бегина. В течение пяти лет официально делалось вид, будто в Дейр-Ясине действовали «террористы», не имеющие задания от правительственных властей. Однако, в апреле 1953 г. четыре члена Иргуна, получившие в Дейр-Ясине ранения, потребовали компенсации. Израильское министерство безопасности отказало было в удовлетворении этого требования на том основании, что для нападения в свое время «не было дано задания», в ответ на что командующий Иргуном предъявил письменный приказ официальной главной квартирой сионистов в Иерусалиме, в котором содержалось предписание о нападении. Подписавший в свое время этот приказ был в момент его опубликования израильским посланником в Бразилии.

В Нью-Йорке, где находилась главная квартира ООН, имелись веские причины для замалчивания требований о расследовании убийства Бернадотта. В момент убийства Америка стояла перед президентскими выборами, предвыборная кампания была на полном ходу, и оба кандидата (Труман и Дьюи) считали сионистские голоса решающими для своего успеха. Оба они соперничали за поддержку сионистов, а Палестина была от Нью-Йорка далеко. Труман представлялся более желательным кандидатом, поскольку он осуществил американское признание нового государства, объявив его «самым счастливым днем» своей жизни; в другой раз он даже объявил, что это признание руководствовалось «высочайшими гуманитарными целями». Через несколько недель после иерусалимского убийства Труман был избран, а на Новый Год он подарил служащим Белого Дома закладки для книг с надписью «*я предпочитаю мир посту президента*».

К 1948 году выборная стратегия, выработанная «полковником» Хаузом в 1910 году, была усовершенствована в точный инструмент в руках сионистского интернационала с главным рычагом в штате Нью-Йорк. Век механизации и деячества обогатили английский язык новым глаголом «подстраивать» (to rig). Специалисты «подстраивают» механизмы, например игральные автоматы; Ванька бросает в шелку монету, полагая, что машина работает по закону вероятности и что если ему повезет, то всё ее содержание окажется у него в кармане. В действительности же машина подстроена так, что точная часть всех поступлений автоматически откладывается в пользу игорного синдиката (от 80 до 90 %), а Ваньке достается остаток, и то в маленьких порциях. «Подстраивание» американской избирательной системы – определяющий фактор в политических событиях 20-го века. Механизм, вначале созданный, чтобы дать американскому Ваньке возможность высказать свое мнение о политике и партиях, «подстроен» до такой степени совершенства, почти исключаящей ошибки, что никакого решающего голоса в делах страны он вообще не имеет; безразлично, какую монету и в какую шелку он бросит – выигрывает всегда правящий «синдикат».

Похоже, что с самого начала избирательная система была разработана так, чтобы облегчить работу всякого рода «чуждым влияниям», т.е. организованному подпольно меньшинству, ставящему себе целью диктовать правительственную политику Соединенных Штатов.⁵⁷ Выборы висят

всё же избавлена от необходимости принимать убийцу английских солдат в Бэкингемском дворце. – *Прим. издателей.*

⁵⁷ Американская «революция» в 18-ом веке была делом рук такого «чуждого влияния», а именно масонства, о котором в книге Д. Рида говорится сравнительно мало. От аристократов Вашингтона, Гамильтона и Джефферсона до печатника Франклина и демагога Томаса Пейна, выгнанного из Англии и ставшего главным пропагандистом разрушительных идей в Америке, пока его не выгнали и оттуда, всё руководство революцией состояло из масонов. Дело было задумано и организовано в масонских ложах Бостона и Филадельфии («братская любовь» в переводе с греческого), для ее оправдания перед одураченным «народом» не нашлось других причин, как гербовый сбор в пользу Англии и смехотворно низкий налог на привозной чай. Глава бостонских масонов Самуил Адамс (не смешивать с его троюродным братом Джоном А., вторым президентом США, и сыном последнего Джоном Квинси А., шестым президентом страны), начиная с 1760-х годов организовывал беспорядки и вел сепаратистскую пропаганду. В 1770 г. он натравил толпу бостонской шпаны на английских солдат в таможне, а когда трое хулиганов были убиты, это было представлено стране как «бостонская резня» (Boston Massacre). В 1775 г. бостонская ложа распорядилась не платить таможенного сбора за привезенный английскими кораблями чай и послала сотню переодетых «под индейцев» погромщиков захватить корабли и выбросить груз чая в море, что развязало войну за независимость и вошло в историю как «бостонское чаепитие» (Boston Tea Party). Новое государство, вошедшее в союз с революционной Францией после 1789 г., управлялось с самого начала масонской кликой, не останавливавшейся перед убийством противников. Убийство в 1826 г. масона Вильяма Моргана, намеревавшегося опубликовать отчет о секретах «братства», привело к созданию Антимасонской партии в 1828 г.,

в воздухе непрерывно; выборы в Конгресс через каждые два года, президентские – каждые четыре. Не успеют Конгресс или президент быть избранными, как «группы влияния» начинают обрабатывать кандидата на следующие выборы. Партийные организаторы начинают готовить следующие сражения, а будущие сенаторы, конгрессмены и президенты начинают чувствовать соответствующее «давление» и на него реагировать. Не дается ни минуты передышки, в которую могла бы утвердиться мало-мальски здравомыслящая политика, освободившись от мертвой хватки интересов, далеко не тождественных с истинными интересами страны или ее населения. Позже будет показано, как в 1953 году даже простые выборы мэра города Нью-Йорка имели своим следствием внезапную и радикальную перемену в государственной политике Америки по вопросу о «поддержке Израиля». Усиление «давления» в эти периодически повторяющиеся моменты и непрекращающиеся «напоминания» носителям власти в Конгрессе или в Белом Доме со стороны партийных боссов приводят к акробатическим трюкам, ставящим наголову всю политику, вырабатываемую ответственными за нее министерствами.

В этих условиях новое государство, созданное в Палестине в 1948 году, никогда не может стать нормальным «государством» в любом смысле этого слова, известном человеческой истории. Оно представляет собой форпост всемирной организации, простирающей свое влияние на все правительства, парламенты и министерства иностранных дел в Западном мире (в первую очередь в Соединенных Штатах, самом мощном государстве в мире в 1950-е годы), чья главная функция – осуществлять контроль над американской республикой, а вовсе не играть роль «роди-

ставшей третьей политической партией в стране и выставившей кандидата на президентских выборах. Однако, подчинение масонству печати и публицистики, школ, бесчисленных протестантских «церквей» и всей политической деятельности привело к тому, что через 10 лет Антимасонская партия сошла на нет и исчезла. Участие евреев в американском масонстве тех времен мало заметно; однако взаимная связь масонов во всем мире и их подчинение единому центру никогда не представляли сомнений, на что всегда указывали папские энциклики, начиная с 1738 г., определявшие масонство не иначе, как служение Сатане и сохранившие свою действительность до наших дней. Содержащееся в большинстве энциклопедий сообщение, что первая масонская ложа в мире была организована в Лондоне в 1717 г. – сказка с целью дезинформации, что явствует хотя бы из того, что царь Петр I был «завербован» в масоны (и создал первые масонские ложи в России) главой лондонской ложи и строителем собора св. Павла в британской столице, сэром Христофором Реном (Sir Christopher Wren) уже в 1696 г., чем объясняется примитивная антицерковность великого реформатора и позорящие его память художества, вроде «всешутейшего и всепьянейшего собора», издававшегося над православной верой.

Историки сходятся на том, что масонство является наследником впавшего в ересь средневекового ордена рыцарей-храмовников (тамплиеры), разгромленного французским королем Филиппом IV Красивым и папой Климентом V за сатанизм, поношение христианства, педерастию и стяжательство. Орден, действовавший на Ближнем Востоке и имевший отделы во всей Европе, собрал несметные богатства и участвовал в денежных операциях, которые в ту эпоху осуществлялись одними евреями. В 1314 г. в Париже были сожжены на костре гроссмейстер храмовников Жак де Моле (Molay) и его главные подручные. Французский историк наших дней, Морис Дрюон (Maurice Druon), еврей и масон, указывает в своем семитомном романе «Проклятые короли» («Les Rois maudits», Paris, первое изд. 1957 г.), что племянник казненного гроссмейстера, Жан де Лонгви (Longwy) возглавил ушедший в подполье орден, дав клятву мести королю и папе (оба умерли в следующем же 1315 г.). Согласно Дрюону, орден реорганизовался немедленно по его запрещении, в международную тайную организацию, причем известны имена его гроссмейстеров вплоть до 18-го века, когда он, по всем данным, реорганизовался в современное масонство. Клятвы мести христианской церкви и монархиям, сопровождающиеся пронзанием кинжалом чучела с короной на голове принадлежат к ритуалу масонских посвящений в высшие степени.

Французская революция руководилась от начала и до конца масонами. Бастилия, в которой содержались в 14-м веке арестованные тамплиеры, была разрушена как символ «тирании» – в 1789 г. в ней содержались трое заключенных: один фальшивомонетчик, один убийца и половой психопат маркиз де Сад; охрана замка состояла из солдат-инвалидов под командой офицера, чью голову парижская чернь носила по улицам на пике. В замке Тампл в Париже, в свое время конфискованном у тамплиеров, содержалась французская королевская семья и отсюда Людовика XVI и Марию-Антуанетту повезли на казнь. Иллюминаты, розенкрейцеры, карбонарии и многочисленные прочие объединения 18 и 19-го веков – отпрыски одной и той же всемирной организации, ею же созданы и руководятся и бесчисленные «безобидные» общества, от эсперантистов (изобретатель этого «языка», уничтожающего в случае своего введения всю европейскую культуру, – варшавский врач-еврей Заменгоф), клубов «Ротари» и «Лайонс» до законспирированной действующей финансово-промышленной мафии «бильдербергеров» и «трилатералов», ставящей себе цель создания мирового правительства и руководства мировой экономикой из одного центра, в национальной принадлежности которого не существует сомнений и чья деятельность возвращает читателя к главной теме настоящей книги. – *Прим. издателей.*

ны» для евреев всего мира. Последствием этого положения является всё большее втягивание Америки во взрывчатую ситуацию на Ближнем Востоке, созданную искусственно и чреватую опасностью новой мировой войны.

В 1948 году, через 31 год после первой победы двойного заговора (декларация Бальфура и большевистская революция), было основано сионистское государство. Застрельщику его «признания», Труману, все его ответственные сотрудники указывали, что террористический раздел Палестины методами Дейр-Ясина приведет к третьей мировой войне; все ведущие западные политики получили подобный же совет и информацию со стороны их ответственных советников. Ни у кого из ведущих политиков мира не могло быть сомнений в том, какие формы примет будущее в результате их поддержки сионизма, и их официальные выступления перед общественностью не могли отражать их личных взглядов или убеждений. Американские политики сороковых и пятидесятых годов явно были, как в свое время г-да Леопольд Эмери и Уинстон Черчилль, в плену навязчивой идеи, что по каким-то никогда не объясненным ими причинам политика в одном только этом вопросе не подлежит изменению. Ни этот плен лондонского и Вашингтонского правительства, ни то, у кого они сидят пленниками, не осознается в наше время (1956 год) ни американским, ни английским народом, хотя в массах растет беспокойство по поводу явной опасности новой мировой войны, могущей начаться на Ближнем Востоке и распространиться оттуда на весь мир. Во многих частях прочего мира создавшееся положение уже давно было замечено. В 20-х годах, например, кашмирский магараджа задал сэру Артуру Лотиану (как этот дипломат пишет в своих воспоминаниях) вопрос,

«зачем британское правительство устанавливает в Индии то, что он назвал «иегуди на радж» (*господство евреев*). Я возразил против такой формулировки, но магараджа настаивал, указав, что вице-король Индии, лорд Реддинг – еврей, британский статс-секретарь в Индии, Эдвин Монтегю – еврей, что евреем был и верховный комиссар, сэр Вильям Мейер, и спросив, какие доказательства мне еще нужны?»

Так индийский магараджа на другом конце света ясно видел уже 30 лет тому назад истинное положение вещей, создавшееся в Западном мире. Ранее мы уже цитировали заявление египетского премьер-министра графу Бернадотту о том, что *«еврейская экономическая мощь контролирует хозяйственные системы... Соединенных Штатов, Англии, Франции, самого Египта...»*. За прошедшие с тех пор годы руководители арабских государств открыто и неоднократно указывали, что американское правительство стало простым орудием сионистских устремлений, подтверждая это в качестве доказательства собственным опытом.

Далеко на другом конце света чувствовались другие последствия «подстройки» избирательной машины в Нью-Йорке: поддержка мировой революции. Китайский лидер Чан Кай-ши был подобными же зигзагами в американской государственной политике изгнан с азиатского континента (на котором с американской помощью водворился коммунизм) на остров Формозу (Тайвань). Известный американский радиокomentатор Текс МакКрери посетил его там, сообщив затем миллионам радиослушателей в Америке: *«Я корчился от стыда, когда мне было сказано, что Америке можно доверять только в течение 18 месяцев между выборами»*.

Контроль над американской государственной политикой путем контроля над избирательной машиной привел в 1952 году к апогею талмудистской мести, на этот раз над той частью побежденной Германии, которая была после раздела Европы оставлена «свободной»: эту половину Германии заставили платить дань сионистскому государству, существование которого началось лишь через три года после поражения Германии во второй мировой войне! Западные союзные победители пытались выжать такую же дань («репарации») после первой мировой войны, но не сумели: то, что было выжато, стояло лишь на бумаге, будучи покрыто американскими и английскими займами. После Второй войны мировая революция выжала дань из Восточной Германии, попросту ограбив ее. Западные державы не требовали «репараций» для себя, но потребовали их для Сиона. К тому времени тревожные донесения ответственных лиц на Ближнем Востоке стали чувствоваться и в Госдепартаменте, которому неустанно напоминалось, что семь арабских государств не признали черное дело 1948 года, что они считали себя по-прежнему в состоянии войны с захватническим государством, и что оружие, применявшееся против них, они считали оплаченным Соединенными Штатами. Тогда родилась идея заставить «свободную» часть Германии платить через несколько лет по окончании войны «репарации» государству, которого во время войны даже еще и не существовало; так можно было продолжать откармливать новое государство, затемнив в то же время источники снабжения. Эта идея долго вынаши-

валась за кулисами, получив затем (совершенно как приговор и казни в Нюрнберге) неожиданное символическое осуществление накануне священных дней еврейского Нового Года в 1952 г. (или, как писал нью-йоркский еженедельник «Тайм», в последнюю неделю еврейского года 5711»). Это событие, разумеется, стало центральной темой последующих еврейских празднеств, и одна из еврейских газет писала: «*Это был наилучший новогодний подарок, какой мы могли себе представить*».

Канцлер оккупированной Западной Германии, Конрад Аденауэр, «бледный как мел», по описанию газет, сообщил Бундестагу в Бонне о «*необходимости морального и материального возмещения*». Его министр юстиции, д-р Делер, выступая в Кобурге, выразил то же иначе:

«Соглашение с Израилем было заключено по желанию американцев, потому что Соединенные Штаты, учитывая настроения в арабских странах, не могут продолжать поддерживать государство Израиль в той же форме, как до сих пор».

Предстояли очередные президентские выборы в Америке, и правительство США приняло правительство Западной Германии к уплате Израилю 822 миллионов долларов в течение 12–14 лет, главным образом в товарах германской промышленности. Результаты этой транзакции разительно напоминают описание в книге Штегелина о «Каббале» окончательного еврейского торжества по пришествии Мессии:

«Давайте посмотрим, как евреи будут жить в их древней стране под управлением Мессии. Прежде всего, чужие народы, которым они еще разрешат существовать, будут строить им дома и города, пахать землю и сажать виноград, и всё это без всякой оплаты их трудов».

Картина лишь немногим отличается от того, что навязано английским, американским и немецким налогоплательщикам под различными формами принуждения (скрытыми в первых двух случаях и открытыми в последнем) в виде уплаты дани сионизму.⁵⁸ Западной общественности, разумеется, ничего не сказали о том, какими методами была вынуждена уплата этой дани немцами: им изобразили это как независимый акт западногерманского правительства, побуждаемого высокими моральными соображениями. Еврейской аудитории всё это было столь же хорошо известно, как и слушателям д-ра Делера в Кобурге. Достаточно двух примеров: Еврейское Телеграфное Агентство

«сообщило, что правительство Соединенных Штатов сыграло важную роль в том, чтобы заставить Западную Германию сделать евреям приличное предложение о репарациях; британское правительство также сыграло в этом роль, хотя и в меньшей степени»;

а еврейская газета «*Сионист Геральд*» в Йоганнесбурге писала:

⁵⁸ Дугласу Риду, видимо, осталось неизвестным, как это 822 млн. долларов немедленно обнаружили тенденцию к возрастанию в астрономической прогрессии. В марте 1953 г. боннский Бундестаг утвердил уплату Израилю «возмещения» в сумме трех с половиной миллиардов марок, из них 3 млрд. непоплаченными товарами западногерманской промышленности (что соответствовало по тогдашнему курсу доллара 822 млн. долларов) и дополнительно полмиллиарда марок наличными еврейским международным организациям (еще 137 млн. долларов!). Президент Всемирного еврейского конгресса Наум Гольдман пишет в своей книге «Еврейский парадокс» (*Le Paradoxe juif*, Paris, стр. 149), что до того «некоторые еврейские организации», не названные им, были готовы удовольствоваться «смехотворными» 20 миллионами марок – по-видимому суммой, более или менее соответствовавшей действительным убыткам европейских евреев в результате войны; однако, когда он, Гольдман, «взялся за дело», то сумма германских платежей выросла до 80 миллиардов марок, что в 20 раз превышало то, что готов был уплатить Бундестаг. В немецкой печати неоднократно указывалось, что к 1985 году уже выплаченные Израилю суммы достигли 100 миллиардов марок и что окончательный (?) общий размер платежей достигнет по крайней мере 140 миллиардов. Немногие органы печати, поместившие эти сведения, неизменно характеризуются прочей прессой, как «крайне-правые», однако опровержения указанных данных ниоткуда не последовало. В той же книге Гольдмана указывается, что с маленькой Австрии сионисты содрали 30 миллионов долларов, хотя Австрия всюду (в том числе и в книге Дугласа Рида) изображается, как «первая жертва Гитлера», и, казалось бы, к уплате «репараций» несуществовавшему до 1948 г. государству не может быть обязана. – *Прим. издателей.*

«Соглашение (Израиля) с Германией не было бы возможным без активной и очень эффективной помощи правительства Соединенных Штатов в Вашингтоне и Верховного комиссара США в Германии».

Не иначе оценивала происшедшее и вся арабская печать, а когда один из американских корреспондентов попытался посетить один из лагерей арабских беженцев, его выпроводили оттуда с комментарием: *«Какой смысл разговаривать с Вами? Мы, арабы, прекрасно знаем, что ни одна газета в Америке не может писать правды о палестинском вопросе»*. В Англии официальная версия событий была дана парламенту лордом Редингом, заместителем министра иностранных дел и сыном того вице-короля Индии, о котором кашмирский магараджа спрашивал за 30 лет до того сэра Артура Лотиана. Заявление лорда Рединга было, как полагается в таких случаях, вызвано соответствующим «запросом», на этот раз со стороны социалистического пэра, лорда Гендерсона, начавшего с того, что *«шесть миллионов евреев были отправлены на тот свет»*. Ответ лорда Рединга представляет несомненный интерес; он сказал, что платежи Западной Германии новому государству будут *«до некоторой степени носить характер морального возмещения, больше даже чем материального»*, и что они будут *«основываться на подсчетах стоимости поселения в Израиле евреев, изгнанных нацистами из Европы»*. Это заявление вновь устанавливает принцип, согласно которому единственным нацистским преступлением, подлежащим возмещению, было преследование евреев; никому даже в голову не приходило просить возмещения в пользу поляков, чехов и любых прочих пострадавших от войны. Наиболее любопытным является указание на «моральное возмещение»: когда оно было высказано, около миллиона арабов были изгнаны сионистами из Палестины, и все просьбы о возвращении неоднократно и с презрением отвергались. Но самым характерным в заявлении Рединга являются слова о *«поселении в Израиле евреев, изгнанных нацистами из Европы»*. Израиль является единственным местом в мире, где доступны точные сведения о еврейском населении. Согласно израильской правительственной статистике, оно составляло в 1953 году 1'4000'000 чел., из них всего лишь 63'000 евреев из Германии и Австрии (менее 5%). При известном напряжении фантазии эти 63'000 можно было бы считать единственными жителями Израиля, действительно изгнанными из Европы и расселенными в Израиле. Главная масса евреев прибыла из Польши, Румынии, Венгрии и Болгарии через некоторое время после окончания войны (причем вряд ли их могли оттуда «изгнать», поскольку в этих странах они были после войны под защитой особых законов и пользовались преимущественным зачислением на государственную службу) или же из Северной Африки. [Для вымогательства] из Западной Германии в пользу сионистского государства не существовало ни малейших моральных оснований, а если бы таковые когда-либо существовали, хотя бы в отношении упомянутых 63'000 евреев, то они давно уже были бы перевешены сионистским изгнанием почти миллиона арабов. Всё это не имеет прецедентов в западной истории, и лишь доказывает степень подчинения американского и английского правительства сионизму. Западную Германию заставили покрывать значительную часть стоимости вооружения и хозяйственного развития нового государства; этим была еще более приближена возможность новой большой войны, а перспективы для арабского мира еще более ухудшились. Сионистское государство было прочно поставлено на ноги, и последствия этого не замедлили сказаться. Оказание «давления» в этом вопросе на правительство Западной Германии было одним из последних важных политических актов правительства Трумана, чей срок президентства на этом закончился. Как примечание к западногерманскому делу, можно отметить, что в то же время западные оккупационные власти в Вене, действуя в данном случае в полном согласии с Советами, унизили маленькую Австрию (первую жертву Гитлера), наложив свое вето на австрийский закон об амнистии и возмещениях, который мог бы пойти на пользу некоторым не-евреям. Австрийское правительство (к тому времени снова считавшееся «суверенным») заявило протест американскому Верховному комиссару, обвинив его в подчинении приказам «эмигрантов из Австрии», работавших при его штабе в качестве «еврейских советников». Ни в английской, ни в американской печати ни одного вразумительного сообщения об этом эпизоде не появилось.

Глава 44. Орудие мирового владычества

Помимо продвижения революции в сердце Европы и насильственного создания сионистского государства, Вторая мировая война имела своим третьим последствием вторичную попытку построить здание «мирового правительства», на алтаре которого должна была быть принесена в жертву западная государственность. Это явно должно было стать конечной целью, к которой вели параллельные процессы коммунизма и сионизма. Сама идея впервые была сформулирована в документах Вейсхаупта, стала принимать определенные формы в течение 19-го столетия и была во всех деталях преподнесена в «Протоколах» в самом начале нашего 20-го века. В ходе Первой мировой войны она была главной среди тех идей, которые «полковник» Хауз и его подручные сумели «вливать в мозги» президента Вильсона, стараясь внушить ему, что эти идеи были его собственными. Практическую форму она обрела вначале как «Лига принуждения к миру», а затем, в конце войны, как «Лига Наций».

Свою первую частичную реализацию она получила таким образом, как и все связанные с ней вспомогательные начинания, в тот период наибольшего идейного разброда, о котором уже была речь, т.е. в последней фазе военных действий и в первое время по их окончании. Ни о чем подобном никогда не было и речи до войны, в которую оказались втянутыми народы Европы и Америки, и им не было дано разумных объяснений характера и цели этого предприятия. В период военного положения наши премьеры-диктаторы считали само собой разумеющимся, что их народы согласны со всем, что они затевали; когда рассеялся туман войны, то единственным выражением общественного мнения по этому вопросу был немедленный отказ Конгресса Соединенных Штатов иметь с этим делом что-либо общее.

За двадцатилетний период между войнами стало ясно, что т.н. Лига Наций не была в состоянии ни «принудить» народы и государства к миру, ни сохранить его, и что по своей воле народы не собирались отказаться от своего суверенитета. Тем не менее, накануне Второй мировой войны готовившиеся к ней политики вновь стали носиться с планом создания чего-то, именуемого ими «всемирным правительством», причем все они сходились на том, что народы должны отказаться от своих суверенных прав. Как пишет биограф Баруха, Моррис Розенблюм, Рузвельт носился с этим планом уже в 1923 году после того, как его разбил паралич, и, всё еще прикованный к постели, сочинял проекты «плана для сохранения мира», а впоследствии, уже президентом, дал этому проекту название «Объединенных Наций».

В Англии Уинстон Черчилль, казалось бы воплощение и поборник британской государственности, возглавил в 1936 г. английскую секцию международного объединения под названием «Общество нового содружества народов», выступавшего за создание «международных полицейских сил для поддержания мира» (во всех подобных проектах и декларациях, понятия «силы» и «мира» уживаются друг с другом), и официально заявил (26 ноября 1936 г.), что оно отличается от «всех прочих объектов мира» тем, что *«стоит за применение силы для защиты закона против агрессора»*. М-р Черчилль не пояснил, какой или чей закон он имел в виду, но он предложил силу, как путь к миру. Неудивительно поэтому, что при встрече с президентом Рузвельтом в августе 1941 г., когда родилась лишняя всякого практического смысла «Атлантическая Хартия», Черчилль (согласно его собственным запискам) счел нужным заверить президента, что *«общественное мнение в Англии будет весьма разочаровано отсутствием всякого намерения создать после войны международную организацию с целью сохранения мира»*. Автор настоящей книги находился в то время в Англии и был «разочарован» главным образом именно той мыслью, которую так упорно преследует Черчилль; что же касается «общественного мнения в Англии», то такового вообще по этому вопросу не существовало, поскольку никакой информации для его создания предоставлено не было. Черчилль действовал исключительно по собственной инициативе, как, впрочем, и Рузвельт:

«Рузвельт говорил и действовал с полнейшей свободой и авторитетом во всех вопросах... Я представлял Англию почти с такой же свободой. Так было достигнуто полное согласие, причем неоценимым преимуществом были экономия времени и сокращение числа посвященных в эти планы лиц»;

Черчилль описывает далее, как *«все главные вопросы между нашими странами решались практически во время личных встреч»* между ним и Рузвельтом, при «полном взаимопонимании».

В результате в заключительной стадии войны и без малейшего участия в этих вопросах воюющих народов, «вопросы мировой организации», как ее именовал Черчилль, стали главной темой в сугубо частных дискуссиях его с Рузвельтом, генерала Сматса из Южной Африки и премьер-министров британских доминионов. К этому времени, однако, (1944 г.) Черчилль стал употреблять для обозначения того же самого термин «мировое орудие», и тут, как и выше, при упоминании им «закона», уместен вопрос, чье это должно было быть орудие? Во всех этих дискуссиях стандартным оборотом было «предотвращение будущей агрессии»; однако, трудность определения того, кто является агрессором, была уже показана на примерах провокации в Гаване в 1898 г. и Перл Харбора в 1941 г., что же касается одного из обоих главных агрессоров в начале Второй мировой войны, советского государства, то именно оно выиграло несравненно больше всех остальных по ее окончании, т.ч. все разговоры о предотвращении «агрессии» явно не велись всерьез. Несомненно было задумано создание «мирового орудия» для пользования им теми, кто сможет получить над ним контроль. Против кого оно должно было применяться? Ответ дают все пропагандисты этой идеи: все они ополчаются совместно против «суверенитета наций». Следовательно, оно должно было служить орудием для уничтожения самостоятельной государственности (фактически, при создавшемся положении вещей, одной только западной). Кем оно будет применяться, орудием чьих рук оно будет? Исход двух мировых войн нашего века дает на это ответ.

На этом фоне в 1945 г. была создана «Организация объединенных наций». На протяжении двух лет, пока еще продолжался послевоенный период идейного разброда, на какое-то время раскрылся истинный характер «мирового орудия» как и «мирового правительства». Впервые народам было показано, что их ожидает, если этот план будет полностью осуществлен. Широкие массы не поняли того, что им было показано, и быстро обо всем этом забыли, однако разоблачения оказались записанными черным по белому и не потеряют ценности для исследователей в течение всего того времени, пока закулисные дирижеры международной политики будут продолжать преследовать идею сверхнационального «правительства», столь ясно изложенную и предсказанную в «Протоколах» 1902 года. Именно в этот момент нашего повествования фигура Барнарда Баруха впервые выходит из тени «советников» на ярко освещенную сцену, и становится возможным сделать заключение о долготелней роли, которую он играл в событиях нашего столетия. Как было упомянуто выше, он решительным образом вмешался в пользу сионистского государства в 1947 году, обнаружив «большие перемены» в своей прежней враждебности к сионизму (как пишет Вейцман), а также «посоветовав» прекратить оппозицию против сионизма ответственному за оборону страны министру, Джеймсу Форрестолу. В этот момент мы впервые могли проследить влияние, которое Барух оказывал на государственную политику, и оно оказалось весьма знаменательным, показав, сколь напрасными были надежды многих на *«слияние евреев со всем человечеством»*; до тех пор м-р Барух выглядел (вероятно, нарочито желая таким казаться) полностью ассимилированным американцем, образцом еврейской эмансипации, интересным и почтенным господином, высокого роста, представительным и весьма успешным в своих делах.

Если «перемена» в м-ре Барухе действительно была столь неожиданной, как это пишет Вейцман, то другое свидетельство того же периода представляет ее весьма радикальной. В те дни одним из самых оголтелых сионистских шовинистов в Америке был некий г-н Бен Хехт, опубликовавший однажды следующее, заслуживающее нашего внимания заявление:

«Одним из самых замечательных дел, когда-либо совершенных толпой, было распятие Иисуса Христа. С интеллектуальной точки зрения, это было великолепно. Однако, на то и толпа, чтобы делать глупости. Если бы казнь Христа была поручена мне, я действовал бы иначе. Поверьте, я привез бы его в Рим и скормил львам на арене. Из рубленого мяса им никогда бы не удалось сделать Спасителя».

В период арабских погромов в Палестине, завершившихся резней в Дейр-Ясине, этот симпатичный господин опубликовал в ряде ведущих газет по всей Америке объявление на всю страницу, адресованное «К террористам в Палестине» и гласившее:

«Американские евреи за вас. Вы борцы за наше дело... Каждый раз, когда вы взрываете английский склад оружия, или когда взлетает на воздух английский поезд, когда вы грабите английский банк или когда ваши патроны и бомбы рвут на части британских предателей и захватчиков вашей родины, евреи Америки празднуют это в своих сердцах».

Автор этого любопытного объявления сообщает в своей автобиографии, что Барух счел нужным оказать ему честь личным визитом и заверить его в своей полной симпатии и поддержке:

«В один прекрасный день дверь моей комнаты открылась, впустив высокого, седовласого джентльмена. Это был Бернард Барух, мой первый гость из еврейского общества. Он уселся, разглядывая меня в течение некоторого времени и затем заговорил. «Я на Вашей стороне» – сказал Барух, – «евреи могут добиться чего бы то ни было не иначе, как вооруженной борьбой. Вы можете отныне считать меня одним из Ваших еврейских бойцов, в высоких зарослях и с длинным ружьем. Скрыто от глаз, я всегда достигал самых лучших успехов»».

Этот показательный пассаж, в сочетании с вмешательством у Форрестола, позволяет историку заглянуть глубоко в характер и личность Бернарда Баруха. Если он именно в этом смысле (*«еврейским бойцом в высоких зарослях и с длинным ружьем... скрыто от глаз»*) достигал своих наилучших успехов в течение 35-летней карьеры советником у шести президентов, то как американская политика, так и мировые события 20-го века получают исчерпывающее объяснение. Читатель имеет полное право принимать цитированные выше слова всерьез и рассматривать влияние Баруха на американскую и мировую политику именно в их свете. Они столь же важны для оценки единственного значительного общественного вмешательства Баруха в мировую политику, имевшего место примерно в то же время. Речь идет о «плане Баруха» создать деспотическое мировое правительство, поддержанное сокрушающей силой, а цитированные выше его собственные слова внушают абсолютное недоверие к целям, которым должно было служить подобное «мировое орудие власти». «План Баруха» имеет для нашего повествования столь важное значение, что не мешает бросить взгляд и на личность и карьеру Баруха.

Его всегда считали принадлежащим к еврейской аристократии сефардского происхождения, восходившей к испанским и португальским евреям, с отдаленной возможностью палестинских предков. В действительности, согласно его собственному заявлению (от 7 февраля 1947 г.), его отец был *«польским евреем, прибывшим сюда (в Америку) сто лет тому назад»*. Это означает, что Барух происходил из восточно-европейских ашкенази несемитского корня, из которых в настоящее время, по утверждению иудаистских статистиков, состоит почти всё мировое еврейство. Барух родился в 1870 г. в Кемдене, в штате Южная Каролина. Похоже было, что его семья готова была делить горести и радости своей новой родины; Барух-отец служил врачом у южных «конфедератов», а сам Бернард Барух родился в мрачные годы «восстановления» и видел еще мальчиком, как толпы негров, возбужденных демагогией политических мошенников и самогоном, рыскали по улицам сонного, окруженного плантациями городка, в то время как его старшие братья стояли с дробовиками наготове на веранде их дома; отец носил в то время плащ и клобук Ку-Клукс-Клана. Другими словами, уже в детстве он был свидетелем разрушительных действий революции, захватившей инициативу в свои руки в последних стадиях гражданской войны и руководившей всем периодом «восстановления», и смог впоследствии убедиться в ценности и преимуществах свободного общественного порядка. Однако, не имея кровных связей с американским Югом, его семья вскоре поддалась притяжению Нью-Йорка, переселившись на север. Еще не достигнув 30 лет, Барух стал здесь богатым человеком, делавшим быструю карьеру, а к сорока годам он уже представлял собой силу, хотя и невидимую, действовавшую за кулисами. Вполне возможно, что именно он явился прототипом финансиста Тора в романе Эдварда Мандела Хауза, и тот же «полковник» Хауз, вопреки возражениям многих, ввел его в круг ближайших сотрудников Вильсона. Его деловая карьера уже тогда состояла из финансовых махинаций большого масштаба, наживы на «срочной распродаже», на искусственном занижении цен, на скупке по дешевке разорившихся предприятий и их выгодной перепродаже и т.п. В его руках золото, каучук, медь и сера превращались в доллары. Когда в 1917 г. было назначено расследование биржевых махинаций, вызванных в 1916 г. распространением слухов о «близком заключении мира в Европе», он дал показание комитету Конгресса, что *«в один день заработал полмиллиона долларов на срочной перепродаже»*⁵⁹. Его поддержка президента Вильсона (на избирательную

⁵⁹ Евреи слынут особо успешными биржевиками, и почти все еврейские состояния были нажиты на биржевых спекуляциях, не пользующихся в деловых кругах положительной репутацией, как и сам термин «биржевика» считается противоположностью серьезного предпринимателя, зарабатывающего деньги собственным трудом и инициативой. Успехи евреев на бирже объясняются, разумеется, не особыми способностями, которые вряд ли превосходят таковые прочих смертных, а прежде всего тем, что в их

кампанию которого он сделал щедрые пожертвования) имела, по его словам, причиной выступления профессора Вильсона в свое время против привилегированных студенческих корпораций в Принстонском университете (том самом, в котором в 1956 г. советский шпион Альджер Хисс удостоился чести выступать с приветственной речью по адресу студенческого клуба). Это должно было квалифицировать Баруха как убежденного борца против «расовой, классовой и религиозной дискриминации», хотя трудно было бы найти в Америке человека, пострадавшего от какой бы то ни было дискриминации меньше, чем Барух.

Его появление на Уолл-стрит было встречено с неодобрением тогдашними заправилами делового мира, считавшими его чем-то вроде карточного жулика (как его характеризовал никто иной, как Джон Пирпонт Морган). Барух не слишком страдал от подобного рода критики, характеризуя себя сам как «спекулянта». Во время Первой мировой войны президент Вильсон назначил Баруха главой Ведомства военной промышленности, очевидно вняв повторным настояниям Баруха, что этот облеченный диктаторскими полномочиями орган должен непременно находиться в руках одного лица (и что наилучшим кандидатом для этого является именно он, Барух). Впоследствии Барух, без излишней скромности, характеризовал самого себя на этом посту, как самое могущественное лицо в мире. Когда президент Вильсон вернулся с Версальской мирной конференции совершенно неработоспособным в результате своей болезни, Барух *«стал одним из той группы лиц, которые принимали правительственные решения в период болезни президента, ... став известными, как «совет регентов»»*. Президенту Вильсону удалось подняться с постели на достаточно долгое время, чтобы уволить государственного секретаря Роберта Лансинга, позволившего себе созывать совет министров в качестве оппозиции этому «совету регентов».

Биограф Баруха сообщает, что он продолжал свою деятельность «советником» у трех президентов США от республиканской партии в 20-х годах, а г-жа Элеонора Рузвельт свидетельствует, что он же был советником Рузвельта как до, так и во время 12-летнего господства демократов, сменивших в 1933 году республиканцев. Мы помним, как Черчилль нашел нужным в марте 1939 г. доложить Баруху, тогда отдыхавшему в своем феодальном поместье в Южной Каролине, что *«война начнется очень скоро... и Вы будете там (т.е. в США) командовать парадом»*. Барух к тому времени давал «советы» американским президентам уже в течение почти 30 лет, но, несмотря на это, самый прилежный исследователь не в состоянии обнаружить или точно определить ни какого рода «советы» он давал, ни какие последствия они имели для американской и мировой политики, ни мотивы, которыми руководствовался м-р Барух, давая свои советы. Это вполне естественно, ибо, как мы уже видели, он всегда действовал *«в высоких зарослях... скрыто от глаз»*. Он никогда не был ни избран на какую-либо государственную должность, ни назначен на ответственный пост, т.ч. эта его деятельность не поддавалась проверке. Он был первым в ряду «советников», этого совершенно нового сорта власть имущих, предвиденных в самом начале нашего столетия одними только «Протоколами», дисквалифицированными, как известно, как *«фальшивка царской тайной полиции»*.

Во всей этой картине мы можем делать лишь выводы и заключения из отдельных, фрагментарных свидетельств, собирая их, как мозаику, для восстановления ее частей. Прежде всего бросается в глаза, что все официально зарегистрированные «советы» Баруха были направлены на установление того или иного контроля. Как во время Первой, так и во время Второй войны его универсальным средством от всех болезней были «контроль», «дисциплина» и т.п. Оно постоянно сводилось к требованию установления жесткой власти над людьми и к централизации этой власти в руках одного лица; много лет по окончании Второй войны он выдвигал те же требования, на этот раз якобы для предотвращения третьей: *«прежде, чем начали свистеть*

распоряжении находится обширный аппарат слежки, доставляющий вовремя нужную информацию «своим» и исключаяющий из нее «не-наших», оттесняющий «чужих» от выгодных сделок и подыгрывающий им невыгодные. Вспомним, как еще во времена Наполеона французский деловой мир был категорически против допущения в его среду евреев, указывая, что в то время, как французские коммерсанты действуют в одиночку, каждый на свой страх и риск, евреи при первой возможности *«сливаются в одно целое, как капельки ртути»*, действуя во вред всем не-евреям. Нелишне напомнить, что заведомый обман «чужих» Талмудом не только разрешается, но прямо предписывается (кроме как в случаях, когда это может повредить репутации всего еврейства) как «богоугодное» дело. Другими словами, что для верующего христианина является грехом, в представлении еврея является заслугой. Трудно не увидеть в подобного рода психологии и практике, прикрывающей мошенничество и уголовщину псевдорелигиозной мантией, одну из главных причин «антисемитизма», чем и объясняется то, что во всей Европе нет страны или провинции, в которой евреи за последние тысячу лет не подвергались бы изгнанию или погромам. – *Прим. издателей.*

пули... Америка должна согласиться на введение у себя мер дисциплины, как например карточной системы на товары потребления, и контроля цен» (выступление Баруха в сенатской комиссии 28 мая 1952 г.). Каждый раз, когда бы они ни делались, эти «рекомендации» должны были служить делу борьбы против того или иного «диктатора»: по очереди это были то «кайзер», то «Гитлер», то «Сталин». Как должен был выглядеть зажатый в тиски контроля и дисциплины мир, предвидимый Барухом, было показано им самим в его выступлении в комиссии Конгресса в 1935 г.: «Если бы война 1914–18 гг. продолжалась еще лишний год, то всё население Америки было бы одето в дешевую, но практичную форму... число типов обуви было бы сокращено до двух или трех». В свое время это заявление вызвало резкий протест: американцы не для того помогали победить «регламентированных» немцев, чтобы, продолжись война «еще лишний год», оказаться самим регламентированными на нищенском уровне. В то время Барух, разумеется, энергично отрицал, что он собирался заставить Америку «ходить в ногу» парадным шагом, но его биограф сообщает нам, что «во время Второй мировой войны он возобновил свое предложение о введении казенной одежды для всего населения». Вглядываясь в эту мало привлекательную картину, поневоле вспоминаешь похожее изображение нищенского существования порабощенных масс бывших национальных государств, данное в «Протоколах».

Другие отдельные камешки той же мозаики показывают нам, что мечты м-ра Баруха вращались вокруг картины столь же контролируемого и зажатого в тиски дисциплины всего мира. Похоже, что та *folie de grandeur*, мания величия, которую вильсоны и ллойд джорджи, Рузвельты и Черчилли так усердно приписывали кайзеру и Гитлеру, прежде всего поразила самого их «советника» Баруха. Биограф нашего «советника» пишет: «Барух много раз говорил, что он беретя приструнить весь мир». А во время второй мировой войны «Барух договорился с Рузвельтом и другими союзными лидерами, что всемирная организация должна быть создана в период максимального единства всех союзников во время войны». Эти слова являются ключом ко всей картине: они относятся именно к тому периоду общего идейного разброда во время большой войны, когда «советники» подсовывают свои планы, «премьеры-диктаторы» парафируют их, не глядя (а потом не могут понять, как они могли это сделать – см. выше), в результате чего мир переживает небывалые потрясения.

Всё это – фрагменты, мозаичные камешки, весьма существенные, но не дающие полной картины. Сразу же по окончании Второй войны Барух впервые вышел на авансцену мировой политики как автор плана всемирной диктатуры, основанной (по крайней мере, по мнению автора этих строк) на терроре, т.е. на страхе и принуждении. Тем самым его намерения и деятельность впервые стали доступными анализу и проверке, и именно в связи с этим его планом его слова, обращенные к упомянутому Бен Хехту, приобретают (опять-таки, по мнению автора этих строк) особое значение. Согласно его биографу, Баруху было 74 года,

«когда он стал готовиться к осуществлению главной задачи своей жизни... к созданию практически осуществимого плана международного контроля атомной энергии и, в качестве американского представителя в Комиссии атомной энергии ООН, к настоянию на принятии этого плана Комиссией».

Справка биографа о возрасте Баруха означает, что дело было в 1944 году, за год до того, как была сброшена первая атомная бомба и еще до основания самих «Объединенных наций». Если это так, то, значит, Барух знал о том, что произойдет в мире, за 2 года до самих событий: его «назначение», к которому он стал готовиться в 1944 году, было впервые предложено государственным секретарем Бернсом (после соответствующего разговора с Барухом) президенту Труману в марте 1946 года, через 7 месяцев после взрыва первой атомной бомбы над Хиросимой. Президент Труман не замедлил провести это назначение, в результате чего Барух появился наконец на глазах общественности, получив официальную должность. Он принялся за разработку «плана Баруха».

Согласно закону, регулирующему вхождение США в Объединенные Нации, американские представители в ООН обязаны следовать политике, сформулированной президентом и переданной им через государственного секретаря. Согласно же тому, что пишет его биограф, запрос Баруха об этой политике был явно сделан про-форма, поскольку ему было предложено выработать эту политику самому. Опять-таки, если всё это так (а биография была опубликована с его разрешения и по его утверждению), то «план Баруха» действительно был планом Баруха в буквальном значении слов. По тем же данным, он был составлен на скамье в Центральном Парке в Нью-Йорке, совместно с неким г-ном Фердинандом Эберштадтом, «помощником» г-на Баруха

в Версале в 1919 г. и его «усердным учеником» во время Второй мировой войны. Это можно было бы охарактеризовать как методику осуществления государственной политики в XX веке, и, по-видимому, именно этим методам Барух обязан своим популярным прозвищем «политика садовой скамейки». Барух представил свой план Комиссии по атомной энергии ООН на ее первой сессии 14 июня 1946 г. В тоне левитского Иеговы он предлагал сделать выбор между «благословением и проклятием» атомной бомбы, называя ее «абсолютным оружием» (два года спустя с ним уже стало конкурировать еще более смертельное, ядерное)⁶⁰, и выдвигая давно знакомый аргумент всех ложных пророков, что если его послушаются, то «мир» будет полностью обеспечен, а если нет, то всё кончится «разрушением». Сделанные им предложения сводились, по мнению автора этой книги, к установлению всемирной диктатуры, поддерживаемой господством террора в мировом масштабе; читателю предлагается вынести свое суждение самому:

«Мы должны выбирать между миром во всем мире или разрушением всего мира... Мы должны создать систему, обеспечивающую использование атомной энергии для мирных и исключаящую ее применение для военных целей. Для этого мы должны обеспечить немедленное, быстрое и надежное наказание всех нарушителей соглашений между народами. Наказание – существенно необходимо, если мы хотим, чтобы мир не был только лихорадочным промежутком между войнами. Объединенные Нации должны также предписать индивидуальную ответственность и наказуемость на основах, примененных в Нюрнберге Союзом Советских Социалистических Республик, Великобританией, Францией и Соединенными Штатами – что несомненно пойдет на пользу будущему всего мира. В настоящем политическом кризисе мы представляем не только наши правительства, но, больше того, мы представляем народы всего мира... Народы собравшихся здесь демократических стран не боятся интернационализма, который их защищает; они не желают быть одураченными болтовней об узком суверенитете, сегодняшнем обозначении вчерашнего изоляционизма».

Так Барух выступал не как представитель Соединенных Штатов, но говоря от имени «народов всего мира» и предлагая осчастливить весь мир созданием постоянного Нюрнбергского трибунала (который вероятно выносил бы свои приговоры в еврейский Судный День). На такой основе он предложил «контроль или владение на правах собственности международного директора» в отношении всей деятельности в области атомной энергии, могущей угрожать международной безопасности, а также его право контролировать, подвергать инспекции и осуществлять лицензирование всей прочей атомной промышленности. В отношении «нарушителей этого порядка» он предложил

«установление немедленных и надежно действующих наказаний за нелегальное владение или применение атомной бомбы или атомного материала, а также за сознательное нарушение деятельности директора».

Он повторил свое требование «наказаний», подчеркнув, что

«...вопрос наказания составляет основу всей современной системы безопасности... Хартия ООН допускает наказание только с согласия всех пяти великих держав... Не должно быть никакого права «вето» для защиты тех, кто нарушает принятые ими торжественные обязательства... Бомба не допускает проволочек, которые могут оказаться смертельными. Время между нарушением и превентивными действиями или наказанием должно быть предельно кратким и не допускает дискуссий относительно принимаемых мер. Такое решение потребует жертв в отношении самолюбия и положения государств, однако лучше заплатить за мир ущербом для гордости, чем смертью за состояние войны».

Из всего этого читатель видит, что для избежания «разрушения» Барух требовал «недопущения использования атомной энергии для войны», предлагая создать всемогущий директорат с монополией на атомную энергию, не подлежащий никакому контролю или ограничению в деле использования им той же атомной энергии как наказания любой стороны, которую он сочтет заслуживающей этого наказания. Это предложение позволило народам заглянуть в тот будущий мир, который готовило для него «всемирное правительство». Как пишет биограф Баруха, президент Труман «одобрил этот план», после чего Барух принялся за вербовку голосов в Комиссии

⁶⁰ В.Э. 2018-05-25: Поскольку слово «ядерное» здесь ошибочно (как урановая, так и водородная бомбы – обе ядерное оружие), то я посмотрел, что стоит у Рида в оригинале. У него этой ошибки нет: водородную бомбу он обозначает «even more pulverizing explosive» без «nuclear».

ООН за его принятие. Полгода спустя (15 декабря 1946 г.), потеряв терпение, он вновь указал Комиссии, что «промедление смерти подобно». Период военного смятения чувств и мозгов подходил к концу, и даже комиссию ООН трудно было заставить согласиться на что-либо подобное. 31 декабря 1946 г. г-н Барух подал в отставку, и его план был отложен в долгий ящик комиссии ООН по разоружению.

В январе 1947 г. Барух объявил, что он намерен «отойти от общественной деятельности», хотя его видимое в ней участие ограничивалось одним только описанным выше атомным планом. По словам его биографа,

«заинтересованные наблюдатели не были особенно обеспокоены... заключая пари, что не пройдет и месяца, как Барух вернется в Белый Дом и в Капитолий, что и произошло в действительности».

Позже в том же 1947 г. он вмешался «решающим образом», хотя и не публично, в политику Форрестола, а затем состоялась также его весьма примечательная встреча с г-ном Бен Хехтом, о чем была уже речь выше. Шесть лет спустя, в 1953 г. его биограф (очевидно имея в виду избрание Эйзенхауэра президентом) подытожил «рекомендации», которые новый президент получит от несменяемого в Белом Доме «советника». Они сводились к подготовке мобилизации на случай войны, «контролю», «глобальной стратегии» и пр. К этому времени Барух уже уточнил, против какой новой «агрессии» должны были быть направлены его предложения, потребовав в Сенатской комиссии 1952 года, чтобы

«для предупреждения советской агрессии» *президенту* «были даны все необходимые полномочия для проведения программы вооружения и мобилизации, включая производственные приоритеты и контроль ценообразования».

Это было всё той же программой сосредоточения власти «в руках одного лица», чего он требовал на протяжении обеих мировых войн. Однако, частным порядком он по-видимому был совершенно иного мнения о том агрессоре, о котором говорил с такой тревогой и отвращением перед Сенатской комиссией, поскольку в 1956 году он поведал одному из интервьюировавших его журналистов, как

«несколько лет тому назад я встретил на одном из вечеров Вышинского и сказал ему: «Мы с вами оба – дураки. У вас есть бомба и у нас есть бомба. ...Давайте возьмем это дело под наш контроль, пока еще есть время, потому что пока мы заняты болтовней, все другие тоже рано или поздно раздобудут себе эту бомбу»» («Дейли Телеграф» от 9 января 1956 г.).

Советы также явно не считали г-на Баруха своим врагом, поскольку уже в 1948 г. (как он сам подтвердил это в 1951 г.) его пригласили в Москву для совещаний с советскими диктаторами; он уже собрался было в путь, и только «неожиданная болезнь в Париже» заставила его прервать это путешествие (по крайней мере, согласно его объяснениям). Раскрытие Барухом его планов, как «приструнить весь мир», показало этому миру уже в 1946 г., что его ожидает в последних стадиях и в первое время после любой третьей мировой войны; здесь перед нами раскрылась полная картина «глобального плана». В 1947 году Барух как-то упомянул, что его отец «приехал в Америку ровно сто лет тому назад». На этом примере мы видим наглядным образом, какое влияние оказала на Америку, а через Америку и на весь мир, волна «новой иммиграции» 19-го столетия. На исходе всего лишь ста лет сын упомянутого папаши был уже почти 40 лет одним из самых могущественных людей в мире, хотя он и действовал «в *высоких зарослях ...скрыто от глаз*», и эта его деятельность продолжалась далее.⁶¹

⁶¹ Барух умер в 1965 г. в возрасте 95 лет – *прим. перев.*

Глава 45. Еврейская душа

Первые 50 лет нашего «еврейского века»⁶² естественно возымели свое действие на еврейскую душу, снова приведенную в состояние бурного беспокойства. Они превратили в шовинистов множество евреев, которые 150 лет тому назад, казалось бы, готовы были слиться с остальным человечеством. Теперь они снова в плену, – и многочисленные «пленения» евреев всегда были таковыми у их же старейшин с их догмами об избранности, а вовсе не у чужеземных порабощителей. В сионистском плену и под кнутом старейшин их превратили в самую разрушительную силу во всей известной нам истории. История нашего века, его войн и революций, как и будущей развязки, определяется талмудистским шовинизмом с его корнями во Второзаконии. Само слово «шовинизм» означает преувеличенно разгоревшиеся национальные страсти; Николай Шовен (Chauvin) был наполеоновским офицером, обожавшим своего императора со столь напыщенной и необузданной преданностью, что это компрометировало патриотизм даже в эпоху его наибольшего подъема и популярности. Тем не менее, даже этот термин недостаточен для описания воздействия талмудического сионизма на еврейскую душу; нет иного слова, как «талмудизм», чтобы охарактеризовать это единственное в своем роде и совершенно безграничное неистовство.

В 1933 г. уже неоднократно цитировавшийся нами Бернард Дж. Браун писал:

«Сознательно быть евреем – самый низменный вид шовинизма, ибо это – единственный шовинизм, основанный на совершенно ложных предпосылках».

Эти предпосылки исходят из Талмуда–Торы; а именно, что Бог обещал определенному племени неограниченное господство над всеми остальными порабощенными им же народами мира, а также исключительное наследие загробной жизни в обмен за точное соблюдение «закона», основанного на кровавых жертвоприношениях и уничтожении или порабощении «меньших» народов, поставленных вне этого закона. Независимо от того, является ли талмудистский или сионистский шовинизм (автор полагает, что любой из этих терминов более правилен, нежели «еврейский шовинизм» г. Брауна) действительно «самым низменным видом шовинизма», последние 50 лет⁶³ показали, что он представляет собой наиболее неистовую и насильственную его форму, которой до того не знало человечество. Его воздействие на еврейскую психику видно в совершенно новом тоне еврейской литературы в наши дни. Прежде чем привести примеры, мы покажем его различное воздействие на два поколения в одной и той же еврейской семье: на отца и на сына.

Генри Моргентау старший был весьма уважаемым американским евреем и послом этой страны в Турции. Его можно считать продуктом еврейской эмансипации в прошлом столетии; он был тем, чем могли бы стать евреи сегодня, если бы не было талмудистского шовинизма. Ему принадлежат слова:

«Сионизм – громаднейшее заблуждение в еврейской истории. Я утверждаю, что он в принципе ложен и духовно выхолощен. Сионизм – это предательство... восточно-европейская идея, которую переняли здесь американские евреи... Если они будут иметь успех, то евреи Америки потеряют всё, что они получили от свободы, равенства и братства. Я не позволяю называть меня сионистом, я – американец».

В следующем поколении имя его сына, Генри Моргентау младшего, оказалось неразрывно связанным с основанием сионистского государства («громаднейшее заблуждение» в глазах его отца) и с талмудистской мезтью в Европе. В конечном итоге сын может оказаться одним из тех, кто несет наибольшую ответственность за последствия, которых так боялся отец. Хаим Вейцман свидетельствует о решающей роли, сыгранной младшим Моргентау в закулисной драме в Нью-Йорке, завершившейся насильственным созданием сионистского государства и «признанием» его со стороны американского президента. В Европе он был инициатором раздела континента (с помощью «плана Моргентау») и способствовал распространению революции вплоть до Центральной Европы. Некоторые части этого «плана» (парафированного гг. Рузвельтом и Черчиллем,

⁶² Написано в 1955 г. – прим. перев.

⁶³ И еще более последние, почти 90 лет – прим. перев.

которые оба отказались от него, когда дело уже совершилось) имеют особое значение, а именно те из них, которые требуют, чтобы *«все промышленные предприятия и оборудование, не уничтоженные во время военных действий (в Германии), были... полностью уничтожены... а все шахты и рудники разрушены»*. Трудно найти иной источник этой варварской идеи «полнейшего разрушения», кроме как Талмуд и Тору, где оно подается как «Божий закон». Мы уже показали, что и само сионистское государство было основано на преступлении «полнейшего разрушения», другими словами на буквальном «исполнении» этого закона, Дейр-Ясине.

Не будь сионистского шовинизма и западных политиканов, служивших его «администраторами», сын мог бы стать тем, кем был его отец, и этот наглядный пример иллюстрирует то, что произошло с громадным количеством евреев, и изменения, происшедшие в еврейской душе. Если столь именитые евреи пошли на такое дело и смогли обеспечить ему поддержку американских президентов и британских премьер-министров, то рядовым евреям не оставалось ничего иного, как бежать за ними. Эта общая тенденция находит свое отражение в литературе талмудистского шовинизма, распространяющейся во всё большем количестве. Вплоть до середины прошлого века специально еврейская литература была малочисленна: ее писали для отделившихся от прочего мира закрытых общин, и читали там же. В обычной книготорговле еврейским авторам принадлежало место, примерно соответствовавшее их доле в общем населении, что было вполне нормальным, а в своих произведениях они, как правило, вовсе не выступали как «евреи» и не придерживались исключительно еврейских тем. Они писали для широкой массы читателей, избегая шовинистических призывов к еврейству, как и всего, что не-евреи могли бы посчитать богохульством, подстрекательством, непристойностью или клеветой.

Изменения, происшедшие в нашем столетии, в равной степени отражают как распространение талмудистского шовинизма, так и вынужденное подчинение ему всей не-еврейской массы населения. Если сосчитать в наше время все книги на еврейские темы, написанные как евреями, так и не-евреями, то, если исключить романы, они составят самый многочисленный раздел в западной литературе, а изменения в тоне и уровне необычайно велики. Это совершалось постепенно, а поскольку всякая критика в наше время запрещена как «антисемитизм», широкие массы не осознали происшедших перемен. Они видны из простого сравнения: значительная часть того, что содержится сегодня в литературе талмудистского шовинизма (ниже даются несколько примеров), в начале века не могло бы быть вообще напечатано, будучи нарушением общепринятых норм приличия. Боязнь разноса со стороны критики и читателей не позволила бы ни одному издателю опубликовать многие из этих произведений, или же, во всяком случае, заставила бы их исключить из текста наиболее скандальные пассажи.

Отправным пунктом этого процесса, который можно было бы охарактеризовать как вырождение еврейства, было появление в 1895 г. книги Макса Нордау именно под этим заглавием «Вырождение», задавшим тон для всего последующего хора. Фактически, эта книга была призвана засвидетельствовать не-евреям, что все они – дегенераты, и от нее были в восторге все «либералы» конца века, в кругах которых поток последовавшей за этим литературы того же сорта неизменно продолжал пользоваться успехом. Само собой разумеется, что о еврейском вырождении в этой книге не могло быть и речи, и для автора таким вырождением могла бы быть одна лишь оппозиция сионизму; как известно, он был правой рукой Герцля, и это он предсказал на сионистском конгрессе после смерти Герцля будущую мировую войну и роль, которую сыграет Англия в создании «еврейского очага». Книга «Вырождение» представляла интерес как по теме, так и по времени ее появления; она появилась в том же году, что и «Еврейское государство» Герцля, и этот же год был годом первого революционного взрыва в России.⁶⁴ Не забудем, что как революция, так и сионизм являются существенной частью талмудистской концепции Второзакония, и, как это стремился доказать автор этих строк, оба движения развивались под талмудистским руководством.

«Вырождение» положило начало наводнению Запада литературой талмудистского шовинизма. Примером нашего времени является книга некоего Теодора Кауфмана, «Германия должна погибнуть», вышедшая в Нью-Йорке в 1941 году, когда Гитлер и Сталин перестали быть друзьями, и Америка вступила в войну. Кауфман требовал уничтожения немецкого народа в буквальном смысле Талмуда и Торы. Это уничтожение должно было быть достигнуто путем стерилизации всех немцев – мужчин до 60 лет, женщин до 45 лет) в течение трех лет по окончании войны, причем границы Германии на этот срок должны были быть наглухо закрыты, а ее

⁶⁴ Автор, вероятно, имеет в виду 1905 г., ошибаясь на 10 лет – прим. перев.

территория затем поделена между другими народами, т.ч. она исчезла бы с географической карты вместе со всем своим населением. Г-н Кауфман подсчитал, что, по прекращении рождения в результате стерилизации, нормальная смертность уничтожила бы германскую расу в течение 50–60 лет. Трудно сомневаться в том, что общественное отвращение к подобного рода бредовым идеям отпугнуло бы любого издателя от публикации такой книги во время Первой мировой войны или в любое время с тех пор, как было изобретено книгопечатание. В 1941 году эта книга вышла с похвальными отзывами о ней в двух ведущих американских газетах (обе, разумеется, находятся в еврейских руках): «Нью-Йорк Таймс» охарактеризовал предложения Кауфмана, как *«план к достижению постоянного мира между культурными нациями»*; «Вашингтон Пост» назвала их *«интересно поданной, весьма стимулирующей теорией»*.

Планы Кауфмана были наиболее талмудистскими из всего, что автору удалось обнаружить в этой области, но их духом напитаны многие другие книги. Ненависть была направлена отнюдь не против одних только немцев; в других случаях это были арабы, а одно время и англичане, как раньше та же ненависть направлялась против испанцев, русских, поляков и прочих. В этом не было ничего личного; будучи конечным продуктом талмудистского учения, эта ненависть равномерно распределялась против всего нееврейского, направляясь то на одного символического врага, то на другого в этом мире, в котором, согласно левитскому «закону», все были врагами. Стремительное нарастание и открытое высказывание этого неистового бреда, не сдерживаемого более соображениями общепринятых норм, объясняют критику, неоднократно выражавшуюся еврейскими писателями, как-то Брауном в 1933 году, раввином Эльмером Бергером в 40-х и Альфредом Лилюенталем в 50-х годах. Их опасения и критика были вполне оправданы отражением этой ненависти в еврейском печатном слове. В одной книге за другой копающиеся в психологии еврейские писатели анализировали «еврейскую душу», неизменно кончая выражением презрения или ненависти по отношению то одной, то другой группы не-евреев в самых шовинистических формулировках. Известный еврейский писатель Артур Кестлер, описывая этот свой анализ иудаизма, писал:

«Самым поразительным открытием было, что легенда об «избранном народе» понимается правоверными евреями совершенно буквально. Протестуя против расовой дискриминации, они тут же подчеркивают свое собственное расовое превосходство, основанное на договоре Иакова с Богом».

Однако, воздействие этого «поразительного открытия» именно на эту конкретную еврейскую душу оказалось довольно неожиданным: *«Чем больше я знакоюсь с иудаизмом, тем большую горечь я испытываю, и тем более ярым сионистом я становлюсь»*. Вероятный повод (трудно употребить термин «причины») в отношении столь нелогичной реакции) странного воздействия на г-на Кестлера им же самим признанного еврейского расизма, нетерпимости и высокомерия следует искать на двухстах страницах его жалоб на преследование евреев в Европе и их изгнание оттуда. Его искание справедливости не распространяется, однако, на арабов, которые, по его мнению, заслужили свое, ибо он описывает арабскую семью (подвергшуюся преследованиям и изгнанию со стороны сионистов в Палестине) следующими словами, явно полными презрения:

«Старуха идет впереди, ведя на поводу осла, на котором сидит ее старик... погруженный в печальные мысли об упущенной возможности переспать со своим младшим внуком».

Другими словами, если страдающей стороной не являются евреи, то преследование и изгнание представляются вполне допустимыми, тем более если речь идет о существах с подобного рода низменной психологией.

Перемены в тоне и принятых нормах приличия в еврейской литературе нашего времени могут быть далее прослежены в писаниях уже цитированного нами г. Бен Хехта, сожалевшего о том, что Иисус не был превращен в мясной фарш, вместо того, чтобы быть удостоенным распятия, поскольку в этом случае христианство вряд ли смогло бы появиться на свете. Трудно представить себе, чтобы какой-либо издатель или какая-либо газета прежних времен позволили себе напечатать подобного рода мерзости, единственной целью которых является грязнейшее оскорбление религиозных чувств большей части цивилизованного человечества. Тот же самый Хехт писал также, что *«в течение сорока лет я жил в этой стране (т.е. в Америке), не встречая антисемитизма и даже отдаленно не размышляя о его существовании»*. Логическим выводом

из этого было бы, что г. Хехт не испытывал желания проживать где бы то ни было в другом месте. Тем не менее, когда готовилось создание сионистского государства, он писал, что каждый раз, когда в Палестине убивают британского солдата, *«американские евреи празднуют это в своем сердце»*. Глубокое, хотя и мало вразумительное понимание изменений в еврейской душе в нашем столетии дают также книги некоего г-на Мейера Левина, в которых, по мнению автора, тоже содержатся вещи, в другие времена считавшиеся непечатными. Его произведение «В поисках» (In Search) показывает, что имел в виду упоминавшийся нами Сильвен Леви на Версальской конференции в 1919 г., говоря о «взрывных тенденциях» восточного еврейства. Г-н Левин родился в Америке, его родители были иммигрантами из Восточной Европы, и его с детства воспитали в ненависти к русским и полякам. Похоже, что и в «новой стране», где он родился и вырос, он нашел мало хорошего для себя, занимаясь уже в ранней молодости подрывной агитацией среди рабочих в Чикаго. Он описывает, как он провел полжизни в мучительных попытках поочередно то отделаться от своего еврейства, то вновь к нему приобщиться. Если евреи в самом деле считают себя совершенно отличными от всего прочего человечества, то г-н Левин показывает читателю его книг, что это убеждение – продукт навязчивого, почти мистического извращения. По его собственным словам, он беспрестанно задавал себе вопросы, «кто я такой?» и «что я здесь делаю?», и он утверждает, что *«евреи повсюду задают себе те же самые вопросы»*. Далее он рассказывает о некоторых открытиях, к которым его привели эти попытки самоанализа. Описывая дело убийц Леопольда и Леба в Чикаго (двое молодых евреев из богатых семей изуродовали и убили маленького мальчика, тоже еврея, по крайне патологическим мотивам), он пишет:

«Я полагаю, что помимо ужаса, внушаемого этим делом, ужаса сознавать, что в человеческих существах могут быть мотивы убивать, помимо простых мотивов похоти, жадности или ненависти, помимо всего этого я испытывал некое подавленное чувство гордости за блестящие способности этих двух юношей, симпатию к ним за то, что они стали рабами своего чисто интеллектуального любопытства, гордость за то, что и этот совершенно новый уровень преступления, даже и он смог быть достигнут евреями. Помимо испытывавшегося также и мной модного увлечения «страстью к новому опыту», и в состоянии некоего странного благоговения, я чувствовал, что вполне их понимаю, и что именно я, будучи также молодым, интеллигентным евреем, был с ними в духовном родстве».

В другой раз он описывает свою роль (он называет себя при этом «добровольным помощником», но правильнее было бы охарактеризовать его как агитатора) в забастовке рабочих-литейщиков в Чикаго в 1937 г., вызвавшей столкновения с полицией, причем несколько рабочих были убиты. «Добровольный помощник», г-н Левин, «оказался в рядах» демонстрации забастовщиков и «удирал вместе с другими», когда началась стрельба. Он не был ни литейщиком, ни забастовщиком, а затем он и другие лица очевидно также «добровольные помощники», организовали массовый митинг, во время которого он показывал толпе диапозитивы газетных фотографий, подписи которых были им вырезаны, поскольку они не имели ни малейшего отношения к происходившим событиям. Показывая фотографии, он сопровождал их комментариями, рассчитанными на то, чтобы возбудить толпу, не имевшую представления о том, о чем в действительности шла речь на показанных снимках. Он пишет:

«Поднялся такой рев, что мне казалось, будто вся огромная аудитория превратилась в котел кипящей ярости, готовый опрокинуться на меня... Я чувствовал, что никогда не смогу обуздать разъяренную толпу, что она прорвется сквозь двери, вырвется наружу и разнесет и сожжет здание городского совета – так она была разъярена показанными мной картинками. В этот момент я испытал чувство опасности власти, сознавая, что лишь немногие дальнейшие слова могли бы развязать такое насилие, которое превзошло бы всё до тех пор виденное... Если я порой и чувствовал себя непричастным ко всему этому, в качестве постороннего, художника и еврея, то тем не менее я ясно ощущал, что существует также всеобщий, мировой порыв возмущения. Я осознал, что, вероятно, одной из причин склонности евреев к социальному реформизму было чувство необходимости слиться с этими движениями, которые включали в себя также и еврейские проблемы».

Непредвзятому читателю не остается, читая эти небезынтересные излияния, иного, как вспомнить написанное г. Морисом Самюэлем в 1924 г. то ли в качестве жалобы, то ли как угроза: *«Мы евреи – разрушители, и навсегда останемся разрушителями»*. Похоже, что только в качестве подстрекателя других г. Левин – по его словам «посторонний» – чувствовал себя причастным

ко всему этому, включавшему в себя также и его «проблемы». Подстрекательство нерассуждающей, глупой «черни» является темой, которая красной нитью проходит через все «Протоколы» 1902 года. В цитированном нами отрывке Левин признает сам, что только как подстрекатель толпы он мог чувствовать себя частью всего человечества. Его психология не изменилась и в последующие годы, а что касается сионизма, то в годы его юности он был в Америке почти неизвестен, в 1925 же году, когда ему исполнилось 20 лет, он всё еще был

«вопросом, едва доходившим до сознания евреев, родившихся в Америке... им занимались одни только бородачи со старой родины, а если американского еврея и случалось затащить на собрание сионистов, то он находил, что выступавшие говорили с русским акцентом или же просто переходили на «идиш». Моя собственная семья к этому движению никакого интереса не испытывала».

Другими словами, как и на примере обоих Моргентау, отца и сына, перемена произошла на протяжении одного поколения. Родители г-на Левина, прибывшие из страны, где их якобы «преследовали», были вполне довольны той страной, в которой они процветали. Сын, однако, доволен не был. Вскоре его понесло в Палестину, где он воспылил ненавистью к арабам, о которых он в дни своей юности даже и не слышал. Как об остроумной шутке он пишет о маленьком инциденте в сионистском поселении, где работавший в поле араб почтительно обратился с просьбой дать ему глоток воды; г-н Левин и его приятели указали ему на бочку, из которой араб с благодарностью стал пить под их смех: в бочке была вода для лошадей. Десять лет спустя он был в Германии, принимая участие в разгулявшейся там талмудистской мести. Он был всего лишь американским газетным корреспондентом, и он описывает, как он с другим евреем-корреспондентом разъезжали по Германии в качестве «победителей», вооруженные (нелегально, разумеется), в джипе, грабя и громя в свое удовольствие. Он пишет затем, что одни только робость и боязнь сопротивления «победителям» со стороны немецких женщин умеряли яростное желание насиловать их, но что *«время от времени ненависть была столь велика, что потребность в насилии становилась непреодолимой»*. В таком настроении взаимно подогревая друг друга, у него и его приятеля было только одно желание: *«бросить ее на землю и разорвать на части»*, и они обсуждали *«идеальные условия для сцены такого насилия; это должна была быть лесная дорога с редким движением и одинокая девушка пешком или на велосипеде»*. Оба храбреца сделали затем «пробную вылазку» в поисках «идеальных условий» и нашли наконец и одинокую девушку и «полностью подходящие условия». Девушку они – по крайней мере, по его словам – оставили в живых полумертвую от ужаса, и наш автор задает себе вопрос, было ли это присутствие другого свидетеля, удержавшее каждого из обоих от совершения убийства. Г-н Левин начал писать свою книгу в 1950 г., *«книгу о том, что означает быть евреем»*. И она, и многие ей подобные делают понятными опасения редких еврейских критиков по поводу хода развития последних полвека, ибо они не свидетельствуют ни о чем ином, как об устрашающем вырождении «еврейской души» под давлением талмудистского шовинизма. Единственное, что эта книга доказывает, это то, что к концу ее Левин знал столь же мало, как и в ее начале, *«что означает быть евреем»*; разве что ответом на вопрос были бы цитированные выше отрывки из нее, что он, вероятно, стал бы с жаром отрицать. Сотни других тоже писали на эту неуловимую и мало продуктивную тему, но с таким же успехом и электрический угорь мог бы глотать собственный хвост, пытаясь постигнуть источник его странных ощущений, и тоже наверное не нашел бы вразумительного объяснения. Книга еврея о том, как можно быть нормальным человеческим существом среди других людей, стала к середине нашего века редкостью.⁶⁵

⁶⁵ «Победители» типа Левина и Ко подвизались в Германии в гораздо более широких масштабах, чем это стало известно Дугласу Риду, а «еврейская душа», достаточно проявившая себя в русской революции и гражданской войне (см. описание зверств еврейской ЧК в Киеве в 1919 г. в книге В.В. Шульгина «Что нам в них не нравится») смогла разгуляться в Германии после капитуляции. В 60-х годах в Париже вышла книга некоего Михаила Бен-Зогара «Мстители», в которой участник событий описывает подвиги «палестинской бригады», прибывшей в обозе англичан через Италию в Австрию, а затем и в Германию. Еврейские герои, не рискнувшие сделать во время войны ни одного выстрела против немцев, въехали триумфаторами в побежденную страну на американских грузовиках под сионистским флагом с надписями на бортах: «Deutschland kaputt. Kein Volk, kein Reich, kein Führer. Die Juden kommen!» Их похождения занимают более 300 страниц, любимым развлечением по дороге за очередными жертвами было обгонять вплотную велосипедистов обоюбого пола, распахивая дверь с правой стороны, причем велосипедист сталкивался под задние колеса грузовика. Еврейская бригада творила самосуд, добывая имена жертв от органов союзной разведки, в которых служили главным образом эмигранты из Германии и Австрии. Одной из

Растущее количество литературы, наполненной ненавистью и подстрекательством к насилию, из которой мы подали лишь немногие примеры, и фактическое подавление всякой ее критики как «антисемитизма», стали одной из самых характерных черт нашего 20-го столетия; это – эпоха талмудистского шовинизма и талмудистского империализма. Почти 100 лет тому назад⁶⁶ наше сегодняшнее положение вещей было предсказано немецким писателем Вильгельмом Марром (см. библиографию в конце книги), в свое время революционером и заговорщиком, помогавшим «тайным обществам» (руководимым, согласно Дизраэли, евреями) подготовить неудавшиеся восстания 1848 года. Его писания тех времен носят на себе явную талмудистскую печать, хотя он и не был евреем: они – продукт яростного антихристианства, атеизма и анархизма. Впоследствии, подобно Бакунину, с которым у него много общего, он распознал истинный характер революционного руководства, и в 1879 году писал:

«Я глубоко убежден, что приход еврейского империализма – всего лишь вопрос времени... Мировая империя принадлежит евреям... Горе побежденным!... Для меня не представляет сомнений, что не успеют пройти четыре поколения, как не останется ни одной должности в государстве, включая самые высшие, которые не были бы в руках евреев... В настоящий момент среди европейских государств одна только Россия выдерживает еврейский напор и отказывает в признании равноправия за вторгающимися чужеземцами. Россия – последний бастион Европы, и именно против нее евреи готовят свой окончательный удар. Судя по ходу дел, русская капитуляция – также лишь вопрос времени⁶⁷... В этой громадной империи... иудаизм найдет свою Архимедову точку опоры, с которой он сможет раз и навсегда сбить всю Западную Европу с ее устоев. Еврейские заговорщики вызовут в России революцию, какой мир еще не видел... В настоящее время еврейство в России всё еще опасается изгнания из страны. Однако, после того, как Россия будет повержена, им уже нечего будет бояться. Когда евреи захватят власть в русском государстве... они примутся за разрушение общественной организации в западной Европе. Этот последний час Европы настанет, самое позднее, через сто или сто пятьдесят лет».

Настоящее состояние Европы, в каком ее оставила Вторая мировая война, показывает, что это предсказание в значительной степени исполнилось. Не хватает лишь полного, окончательного, формального завершения. Но, что касается этого последнего, то вполне возможно, что Марр считал положение слишком безнадежным. Мировая история не знала до сих пор ни необратимых решений, ни окончательных побед, ни постоянных завоеваний, ни абсолютно непобедимого оружия. Последним словом до сих пор всё еще всегда оказывались слова Нового Завета: «Это еще не конец». Однако, не подлежит сомнению, что последний этап предсказания Марра, третье действие в драме 20-го столетия, уже разыгрывается на наших глазах, чем бы оно ни кончилось и каковы бы ни были его последствия, и что, готовясь к его постановке, талмудизм снова смог захватить в свой плен еврейскую душу. Уже упоминавшийся нами известный нью-йоркский еврейский писатель-хронист Джордж Сокольский заметил в январе 1956 г., что

«раньше против сионизма наблюдалась значительная оппозиция среди мирового еврейства, но с годами оппозиция замерла, а там, где она еще существует, она настолько непопулярна, что должна прятаться; среди евреев в Соединенных Штатах оппозиция против Израиля совершенно незначительна».

Небольшое число предостерегающих голосов, всё еще подымающихся подобно древнему пророку Иеремии, почти все принадлежат евреям. Дело не в том, что не-еврейские писатели и публицисты хуже осведомлены, более близоруки или менее мужественны; давно уже стало неписанным правилом, что еврейские возражения могут, до известных пределов, выслушиваться, поскольку они исходят от «наших», в то время, как возражения и критика с не-еврейской стороны абсолютно недопустимы.

последних операций, пока союзное командование не нашло нужным отозвать «мстителей», была попытка массового отравления 36 тысяч солдат войсковых СС (Waffen-SS), содержащихся в Нюрнберге, мышьяком подмешанным в хлеб для раздачи пленным. Преступление не удалось полностью, т.к. отравителей, принятых за воров, спугнули, но около 800 пленных солдат умерли от отравления. См. Michel Ben-Zohar, «Les Vengeurs», Librairie Fayard, Paris, 1968. – *Прим. издателей.*

⁶⁶ Писалось в 1955 г. – *прим. перев.*

⁶⁷ Писалось в годы разгула революционного терроризма в России и лишь за 2 года до седьмого по счету – на этот раз удачного – покушения на Царя-Освободителя, Александра Второго – *прим. перев.*

Наглядным примером этого может служить 1956 год, год президентских выборов в Америке, когда никакая критика сионизма или «Израиля» была невозможна, в особенности в последние месяцы перед голосованием. Нападения Израиля на соседние арабские страны неизменно изображались в ведущих газетах США как происходящие «в отместку» или «в наказание». Одно израильское нападение следовало за другим, но ни президент, ни его министры, ни работники Госдепартамента не смели сказать ни слова, хотя все эти нападения кончались актами безжалостного уничтожения и разрушения по примеру Дейр-Ясина в 1948 году. Мало того, ведущие кандидаты соперничающих партий, как это уже было и в 1952 г., соревновались друг с другом, требуя вооружений для Израиля и стараясь этим привлечь к себе еврейские голоса, считавшиеся решающими. Однако, в то же самое время (11 сентября 1956 г.) более 2000 ортодоксальных евреев собрались на Юнион-Сквере в Нью-Йорке, протестуя против «*преследования религии в государстве Израиль*». Имя израильского премьера Бен Гуриона было встречено свистками, и несколько раввинов выступили с яростными нападениями на него и его правительство. Разумеется, эти протесты не имели ничего общего с положением арабов, о которых вообще не было сказано ни слова; все нападки были исключительно с точки зрения религиозной ортодоксии, а правительству Бен Гуриона бросались обвинения в несоблюдении религиозных предписаний в вопросе празднования субботы и пр. Как бы то ни было, это выступление было открытым, в то время как любая критика с нееврейской стороны была в это время под полным запретом. В те же дни (1 сентября 1956 г.) повторные бунты правоверных евреев в самом Израиле вылились в настоящее восстание, подавленное полицией, причем один еврей был убит. Убитый принадлежал к религиозной группе, отказывавшейся признать законным израильское правительство на том основании, что по ее мнению «*восстановление еврейского государства должно произойти исключительно по воле Божией*»; заметим, что то же самое является главным тезисом настоящей книги, написанной, как известно, не-еврейским автором. На основании этих убеждений убитого, нью-йоркские газеты охарактеризовали его как «религиозного экстремиста».

Другими словами, полнейшее подавление всякой критики с не-еврейской стороны в западной печати стало во второй половине 20-го века незыблемым правилом, почти не знающим исключений. Поэтому немногие цитируемые нами критические голоса неизменно принадлежат евреям. Некий Франк Ходоров довел до сведения правительства США (в журнале «Human Events» от 10 марта 1956 г.), что на Ближнем Востоке

«оно в действительности имеет дело вовсе не с правительством Израиля, а с американскими евреями... Не подлежит сомнению, что очень многие хорошие и лояльные американцы еврейской веры приветствовали бы откровенный обмен мнений по этому вопросу, не только с целью засвидетельствовать свою лояльность по отношению к нашей стране (*Америке*) и высказаться против мирового сионизма, но и для того, чтобы освободиться от надетого на них сионистского ярма».

В том же листке «Human Events» от 10 сентября 1955 г. г-н Альфред Лилиенталь повторил отчаянную мольбу давно погибшего министра обороны Джеймса Форрестолла, за 8 лет до того; в тени нависших над Америкой в 1956 году президентских выборов он также призвал обе большие политические партии «*изъять арабско-израильский вопрос из американской внутренней политики*». Оба этих предупреждения с еврейской стороны появились в вашингтонском листке, имеющем хорошую репутацию, но малый тираж; большие газеты оказались для них закрытыми. Другие еврейские критики наших дней повторяют давнишние предостережения о грядущей катастрофе. Хорошо известный нам Бернард Дж. Браун видел ее приближение еще в 1933 году:

«Никогда еще в истории человечества не было группы людей, до такой степени запутавшейся в собственных ошибках и упорствующей в своем нежелании видеть правду, как наш народ за последние 300 лет»;

эти 300 лет охватывают собой именно период появления в Европе талмудистских «восточных евреев» и успешной войны талмудистов против еврейской ассимиляции. Браун еще только намекал на возможность катастрофы, но 15 лет спустя еврейские критики уже произносили это слово открыто, и раввин Эльмер Бергер писал в 1951 г.:

«Если американцы еврейской веры и множество американцев иных исповеданий, введенных в заблуждение и поддерживающих сионизм, не вернуться к основам как американского духа, так и иудаизма, мы окажемся вовлеченными в катастрофу».

Предисловие к книге раввина Эльмера Бергера было написано известным не-еврейским публицистом, издателем журнала «The Christian Century», д-ром Полем Хатчинсоном, высказавшимся еще более определенно:

«Упорствование американских евреев в отказе от ассимиляции ведет к кризису, которому возыметь самые плачевные последствия. Уже сейчас видно, что каждый раз, когда Израиль попадает впросяк (а его политика, в особенности в области экономики и иммиграции, буквально и заведомо обречена на провалы), от американских евреев ожидается оказание небывалого давления на правительство США, чтобы оно поспешило исправить положение. Сионистские лидеры не останавливаются при этом перед крайними методами политического шантажа»

(это было написано задолго до того, как президент Труман подтвердил этот факт в своих воспоминаниях).

«Это может еще некоторое время так продолжаться, благодаря нашей странной избирательной системе... однако Нью-Йорк – еще далеко не Соединенные Штаты, и если подобное политическое рукоприкладство в пользу иностранного государства будет продолжаться далее, – берегитесь взрыва».

Эти предостережения, столь ясные, казалось бы, для евреев, могут произвести на не-еврейские умы ложное впечатление, что одни только «евреи» катятся к «катастрофе» их собственного производства; что в этом случае талмудистский шовинизм падет на их собственные головы; и что, *schliesslich*, «так им и надо», ибо ничего иного они, мол, не заслужили. Этому заблуждению могут особенно легко поддаться люди недалекие и злобные.

И всё-таки это – глубокое заблуждение. Этот вечный феномен «еврейской катастрофы», как он неизменно появляется в писанной истории, в действительности всегда составляет ничтожную часть всеобщих бедствий, в пропорции не более, скажем, одного процента от них. Чудовищная фальшивка Второй мировой войны о «шести миллионах погибших евреев» в этом твердо установленном факте ничего не изменяет. Катастрофа, назревающая за последние полвека, будет опять всеобщей катастрофой, в которой еврейская доля в бедствиях, как всегда, будет ничтожной. Она будет, однако, изображена, как «еврейская катастрофа», подобно тому, как это было сделано со Второй войной, но это будет той же фальсификацией, продемонстрированной на освещенном экране сидящей в темном помещении «черни». Евреи очень часто, и по-видимому даже вполне искренне, неспособны оценить любое бедствие, захватывающее евреев и не-евреев, как бы велико ни было число последних, иначе как «еврейскую катастрофу». Трудно не видеть в подобной психологии результатов учения Талмуда–Торы, согласно которому за одним только «избранным народом» признается человеческое существование, в то время как все другие – ничто иное, как тени или просто скот. Иллюстрацию этого образа мыслей дает нам, например, книга некоего Карла Штерна «Столп огня» (см. библиографию) – еврея, выросшего в Германии между двумя войнами, эмигрировавшего затем в Канаду и перешедшего там в католичество. Он пишет, что в 20-е годы в Германии, в молодежном еврейском движении наблюдалось общее настроение, указывавшее на происшедшие впоследствии события. Оно характеризовалось боязнью, вопросами и сомнениями в ожидании «*громкой еврейской катастрофы – или вернее большой европейской катастрофы, с которой неким таинственным образом окажется связанной и судьба евреев*». В этой цитате истинное положение вещей высказывается лишь во второй ее части как мысленная поправка, которая никогда не была бы выражена большинством еврейских авторов. Штерн является в этом отношении исключением: написав слова о «громкой еврейской катастрофе», он осознал их неправду и внес исправление; однако, даже и он всё же оставил первую часть фразы на ее прежнем месте. Наследственность и воспитание всё еще были достаточно сильны в нем, чтобы выразить главную мысль: катастрофа, постигшая 350 миллионов человеческих существ в Европе и превратившая половину из них в безвольных и эксплуатируемых рабов, была для него «громкой еврейской катастрофой».

В любом другом случае Штерн первым стал бы протестовать против такого подхода к делу. Он сам, например, пишет, что его оскорбило прочитанное им в католической газете сообщение, что столько-то членов экипажа потопленной английской подводной лодки были католиками. Он был неприятно поражен тем, что из общего числа жертв была выделена какая-то одна группа: «*Я не понимаю, кого может интересовать подобная статистика*». И тем не менее: «*громкая еврейская катастрофа...*»

Эта катастрофа, готовящаяся в нашем столетии для нас всех, ни в коем случае не сможет стать сугубо еврейской в смысле перевеса в ней еврейских жертв, но она будет таковой в смысле довлениия над ней «еврейского вопроса» (как и в последней «катастрофе»), в смысле подчинения всех развязанных ей энергий целям, которые будут представлены, как еврейские, и в смысле использования еврейских масс для способствования ее первому взрыву. Еврейские массы, «толпа» или «чернь», в одном отличны от всех остальных: они легче поддаются шовинистическому подстрекательству и гораздо более неистовы в этом состоянии. «Еврейская Энциклопедия», в маленькой статье, посвященной феномену истерии среди евреев, признает, что склонность к ней евреев сильнее, чем в среднем у других народов. Не будучи специалистом в этой области, автор всё же позволяет себе высказать предположение, что это – результат многовекового заточения в тесной изоляции гетто, в условиях деспотического господства в нем талмудистского абсолютизма; это тем более так, поскольку в наши дни мы имеем дело почти исключительно с восточными евреями, до самого недавнего времени жившими в этих условиях. В настоящей главе мы привели некоторые примеры растущей волны шовинистической истерии на страницах литературы, доступной рядовому читателю. Они демонстрируют, однако, лишь результаты, но не причины. Чтобы определить последние, читателю необходимо проделать более сложную работу: внимательно следить за печатью на еврейском языке или на «идиш», в подлинниках или в переводах. Он увидит тогда картину истинно демонического истязания еврейской души с целью не дать ей ни минуты покоя, и сможет сделать вывод, что нигде вне еврейской среды невозможно найти что-либо более антиеврейское, чем эти печатные излияния, свидетельствующие о неподражаемом мастерстве в применении методов внушения и усиления страха. Прежде, чем ознакомиться еще и с этими примерами, читатель должен учесть, что главная масса взрывчатого материала в лице восточных евреев проживает в настоящее время в Америке. Это обстоятельство, чреватое возможными последствиями более любого другого, судя по всему, едва дошло до сознания Западного мира или хотя бы только Америки. Приводимые ниже цитаты показывают, что говорится по-еврейски или на «идиш», другими словами вдали от ушей или глаз не-евреев, среди еврейских масс, и какое это оказало на них воздействие за короткий период всего лишь пяти лет. Один из наиболее известных еврейских хронистов Америки и нашей эпохи, Вильям Цукерман, опубликовал в мае 1950 г. в еврейской газете «South African Jewish Times» (19 мая 1950) статью под заглавием «Волосы дыбом у еврейского народа» (эта статья появилась также в многочисленных еврейских органах печати в различных странах). Она начиналась словами:

«В сионистском мире разгорается жаркий спор. Он пока еще не достиг не-еврейских ушей или даже еврейской печати в Англии, но он бушует в еврейских газетах в Израиле и в печати на «идиш» в Америке и в Европе... лучше, чем все другое за последние несколько лет, он дает нам профиль еврейской мысли и чувств в период, последовавший за появлением Израиля». *Спор разгорается, как он поясняет*, «по вопросу т.н. «халуциот», т.е. организации и подготовки эмиграции евреев в Израиль из всех остальных стран – но в особенности из США».

В 1950 году Цукерман писал еще только с небольшим оттенком некоего предчувствия, цитируя Шолема Нигера, «выдающегося еврейского литературного критика и эссеиста», осуждавшего не «кампанию за эмиграцию американских евреев в Израиль», но «манеру, с которой она преподносится американским евреям». Эта манера, по мнению Нигера, носит чисто отрицательный характер, агитируя не столько за Израиль, сколько против всего остального:

«Националисты ведут кампанию отрицания, очернения и разрушения всего еврейского за пределами Израиля. Еврейская жизнь в Соединенных Штатах и во всем остальном мире описывается, как достойная одних лишь презрения и ненависти... Всё еврейское за пределами Израиля объявляется рабским, недостойным, подавленным и бесчестным. Основным тезисом националистов в этом споре является, что ни один уважающий себя еврей [не может жить полноценно как еврей], ни в Соединенных Штатах, ни где бы то ни было, кроме Израиля».

Излюбленным методом навязывания «халуциота» американским евреям является, как пишется далее в статье,

«подрыв еврейской морали, веры и надежды на их американской родине; постоянное запугивание евреев антисемитизмом; вечные напоминания о гитлеровских ужасах, и распространение сомнений, страха и недоверия к будущему евреев в Америке. Малейшее проявление антисемитизма подхватыв-

вается и раздувается с целью создать впечатление, что американские евреи, подобно немецким под властью Гитлера, стоят на краю катастрофы, и что, рано или поздно, им также придется бежать, спасая свою жизнь».

В качестве примера Нигер привел выдержку из статьи «ведущего израильского сиониста, Ионы Косога» в известном еврейском литературном органе в Иерусалиме, «Израэль»:

«На нас, сионистов, возложен сейчас древний долг непрестанно держать волосы дыбом у всего еврейского народа, не давать ему ни отдыха, ни срока, все время держать его на краю пропасти, показывая грозящие им опасности. Мы не можем позволить себе ждать времени «после катастрофы», ибо откуда мы возьмем тогда сотни тысяч евреев, нужные для строительства нашего государства? Евреям нужно спасать самих себя не когда-то в будущем, но сейчас, именно в настоящий момент».

Как видит читатель, «катастрофа» является политической необходимостью или неизбежностью, а прочтя эти цитаты, ему станет ясно, почему «Еврейская Энциклопедия» отмечает у евреев склонность к массовой истерии. Цукерман пишет, что эта *«крайняя форма пропаганды «халуциота» доминирует в настоящее время в Израиле»*. Он цитирует также *«более умеренную форму этой теории»*, которую представляет издатель сионистского органа «Киум» в Париже, некий Ефройкин. Как пишет Цукерман, этот г. Ефройкин,

«хотя он считает непреложной истиной каждое слово националистической пропаганды о том, что ни один еврей не может жить полноценной и достойной жизнью нигде, кроме Израиля, и хотя он также утверждает, что «американские евреи живут в мире утопий», но тем не менее он признает, что при их теперешнем состоянии умов американские евреи никогда не согласятся поставить США в один ряд с Германией и Польшей и не будут рассматривать их нынешнюю родину, как пересыльный пункт по дороге в Израиль. Он считает, поэтому, что американских евреев нужно распропагандировать, чтобы они стали «поклонниками Израиля», а не обязательно израильянами душой и телом».

О результатах этой «пропаганды» сионистских эмиссаров из Израиля можно далее судить на основании замечаний, опубликованных полтора года спустя (в декабре 1951 г.) в еврейской газете «Интермаунтен Джуиш Ньюс» в г. Денвере, штат Колорадо. Ее издатель, некий Роберт Гамзей смотрел весьма неодобрительно на кампанию Еврейского Агентства (Jewish Agency) в Америке и Всемирного сионистского конгресса в пользу «халуциота» в Соединенных Штатах, на которую обе организации ассигновали 2 800 000 долларов. Он писал, что

«по собственному опыту, ему известно о широко распространенном ошибочном мнении в Израиле, будто в Америке у евреев нет никакого будущего и что антисемитизм грозит им судьбой их немецких собратьев». По его мнению далее, «совершенно невозможным является положение, при котором израильским эмиссарам в Америке не приходит в голову других аргументов в пользу переселения американской (еврейской) молодежи в Израиль, кроме охаивания и высмеивания перспектив американского иудаизма».

Все эти предчувствия 1950 и 1951 гг. полностью оправдались за последующие пять лет, в течение которых «эмиссарам» из Израиля удалось с помощью успешной «кампании» привить еврейским массам в Америке «националистическую теорию», образчики которой были приведены выше. И если в 1950 году г. Вильям Цукерман был лишь встревожен создавшимся положением, то в 1955 г. он уже был в полной панике. В газете «Джуиш Ньюслеттер» от ноября 1955 г. он писал следующее, что было перепечатано журналом «Тайм» (Нью-Йорк) от 28 ноября:

«Не может быть ни малейших сомнений в том, что среди американских евреев в настоящее время преобладают те же настроения, что и в Израиле. Повсюду царит фанатическая уверенность в том, что на свете существует только одна истина и что Израиль является ее единственным хранителем. Не делается никаких различий между евреями всего мира и Израилем, ни даже между Израилем и его правительством. Израильские правители и их политика считаются непогрешимыми и стоящими выше всякой критики».

Налицо потрясающая нетерпимость к любому мнению, отличающемуся от взглядов большинства, полное пренебрежение доводами разума и подчинение страстям охваченного паникой стада животных.

«Между израильскими и американскими евреями есть только одна существенная разница. В Израиле, насколько об этом можно судить из заграницы, взрыв эмоциональности имеет под собой реальное основание. Его питают скрытые источники разочарования у народа, которому обещали безопасность и мир и который вдруг оказался в военной ловушке. Американско-еврейский сорт истерии абсолютно лишен всяких корней в реальной жизни американских евреев. Это совершенно искусственный товар, сфабрикованный сионистским руководством и навязанный народу, не имеющему никаких поводов к истерии, с помощью целой армии платных пропагандистов, как средство открытого политического давления и выжимания денежных средств. Никогда еще пропагандная кампания в пользу иностранного государства не готовилась и не проводилась более нагло и цинично, в полном свете и под рев рекламы, чем нынешняя волна истерии, раздуваемой среди американских евреев».

Эти две выдержки показывают, как прогрессировало за пять лет вырождение еврейской души под опекой талмудистского сионизма. Они подводят также наше повествование о трех войнах к кануну третьей, если только «канун» можно счесть подходящим словом. Фактически, третья война началась сразу же после того, как закончились сражения второй, непрестанно с тех пор распространяясь вширь, то тут, то там во всем мире. Надо лишь немного поддуть с какой-либо стороны, чтобы она разгорелась в новую всеобщую войну. Этот процесс мог бы еще, возможно, быть остановлен двумя ответственными государственными людьми по обе стороны Атлантического океана, если бы они смогли взаимно договориться между собой, поскольку по сути дела речь идет лишь о чудовищном историческом блефе. Похоже однако, что простым смертным спасти нас не удастся, и автор этих строк не преувеличит, считая, что один только Господь Бог, которому удавались еще много большие дела, сможет отвратить третью мировую войну. Если этого не произойдет, то заключительные десятилетия этого века станут свидетелями либо полного фиаско, либо преходящего триумфа талмудистского шовинизма. В обоих случаях, как при его провале, так и при его успехе, сопровождающая их «катастрофа» будет прежде всего таковой для нееврейского человечества, а возможные еврейские бедствия будут, как всегда, лишь ничтожной ее частью. А когда пройдет наконец и это, то, поскольку человечество явно никогда не согласится принять Талмуда, евреям придется, наконец, принять человечество таким, как оно есть.

Глава 46. Апогей и кризис

Настоящая книга писалась между 1949 и 1952 гг., была заново пересмотрена в годы 1953–56, а ее заключительная глава написана в октябре и ноябре 1956 г. Это было весьма подходящее время, чтобы подытожить влияние талмудистского сионизма на ход истории человечества, ибо к тому времени прошли как раз полвека, половина нашего «еврейского столетия» с того момента, как он выплыл на поверхность политической жизни после 1800 лет более или менее подводного существования. В те же годы, а именно в 1952 году произошло аналогичное событие в биологии, когда на поверхность Индийского океана неожиданно выплыла кишечечно-полостная рыба породы, которую считали вымершей много миллионов лет тому назад. Появление этого экземпляра сильно подорвало эволюционную теорию Дарвина, еще более пострадавшую, когда некоторое время спустя выяснилось также, что и знаменитый Пильтдаунский череп был подделкой. Когда в начале нашего века левитский сионизм столь же неожиданно всплыл на поверхность политической жизни 20-го столетия, это было чем-то вроде аналогичного сюрприза из глубины времен. Английское предложение Уганды в 1903 году было первым, ставшим известным общественности указанием на то, что западные политики сугубо частным порядком давно уже торговались с «еврейской силой», как единым целым. Прием Бальфуrom в 1906 году в номере гостиницы, Хаима Вейцмана после отклонения евреями Уганды, можно рассматривать как второй шаг в этой цепи событий и как первый шаг на роковом пути полного ввязывания Запада в дело палестинского сионизма. В том же 1956 г. мировая революция, талмудистское происхождение которой автор этих строк считает неопровержимо доказанным, также праздновала свое 50-летие⁶⁸ как постоянного фактора нашей политической жизни. Само собой разумеется, что под водой корни этой революции простирались назад во времени через революционные потрясения в Европе в 1848 г. до французской революции и Вейсхаупта, и еще дальше до революции в Англии и ее Кромвеля. И наконец, тот же 1956 год был снова годом очередного балагана американских президентских выборов, которые на этот раз, еще явственнее, чем когда-либо прежде, разыгрывались в обстановке парализующего давления со стороны сионизма. Другими словами, если бы автор мог планировать появление этой книги заранее, когда он начал писать ее в 1949 г. – о чем, разумеется, не могло быть и речи – ему трудно было бы выбрать более подходящий момент, чем осень 1956 г. для подытоживания описанных процессов, как и их последствий вплоть до этой даты, а также и для указания на близящуюся развязку: апогей и кульминационный пункт описанного развития событий и конечный кризис, к которому они неизбежно стремились.

В период написания этой книги у автора не было особенных иллюзий относительно возможностей опубликовать ее, по причинам ясным для каждого, кто ее прочтет: на данной стадии «еврейского столетия» надеяться на это было бы смешным. Однако, даже если она и не появится сейчас, то она не потеряет актуальности и через пять, десять или еще большее число лет; автор ожидает, что она сможет увидеть свет в тот момент, когда рухнет наконец система подпольной цензуры, которая на протяжении последних трех десятилетий преследовала как ересь всякое открытое обсуждение «еврейского вопроса». Когда-то и на эту тему снова станет возможно открыто спорить, и кое-что из написанного в настоящей книге, возможно, окажется небезинтересным.⁶⁹ Что бы ни ожидало нас в будущем, во всяком случае автор заканчивает эту книгу теперь, в октябре–ноябре 1956 года, и, оглядываясь вокруг, он видит, что всё разыгрывается, как по нотам, совершенно так, как можно было предвидеть на основании изложенных в ней фактов. 1956 год снова был полон слухов о близкой войне, и они на этот раз были громче и настойчивее, чем когда-либо со времени окончания Второй мировой войны в 1945 г., исходя именно из тех двух направлений, из которых они неизбежно должны были появиться в резуль-

⁶⁸ Если считать ее от русской «генеральной репетиции» 1905 года, разыгранной в нужный момент русского поражения в войне с Японией, натравленной на Россию теми же подводными силами и поддержанной американскими деньгами и английским вооружением – *прим. перев.*

⁶⁹ Первое английское издание «Спора о Сионе» было опубликовано после смерти автора его друзьями в 1978 году, т.е. через 22 года по ее написанию; настоящий русский перевод является первым переводом этого единственного в своем роде труда на иностранный язык. Излишне подчеркивать, что он не только не потерял своей актуальности в наши дни, но, наоборот, всё написанное в книге Дугласа Рида находит свое блестящее подтверждение в современной политической действительности, полное понимание которой становится впервые возможным по прочтении «Спора о Сионе» – *прим. перев.*

тате того, что было натворено ведущими политиками Запада в 1945 году. Крик о войне исходит из Палестины, где Запад насильно водворил местечковых сионистов из России, и из Восточной Европы, где тот же Запад, при помощи если не силы, то своих денег, насадил талмудистскую революцию. Автор снова считает нелишним напомнить, что оба этих движения – революционный коммунизм и революционный сионизм – развивались, как об этом свидетельствует д-р Хаим Вейцман, в одной и той же местечковой России в конце 19-го столетия, часто мирно уживаясь друг с другом в одной и той же еврейской семье.

Дважды в течение последних лет крик о войне из уст западных политиков был громче обычного. В каждом из этих случаев непосредственные причины возникшей паники скоро забывались, уступая место новому крику о «бедных евреях», т.ч. задолго до начала самой войны, (которой на этот раз удалось избежать) массам было внушено что, если она начнется, то ее в первую очередь нужно будет вести в интересах или в защиту «евреев» (или «Израиля»). Автор уже неоднократно подчеркивал, что любая третья мировая война будет носить именно такой характер, поскольку развитие событий в период 1917–1945 гг. неизбежно приводило к такому заключению, а события 1953 и 1956 г.г еще яснее его подтвердили. Войны, на пороге которых мы стояли в 1953 и 1956 гг., явно должны были бы вестись Западом в таком плане, и в обоих данных случаях это признавалось гораздо более открыто и недвусмысленно, чем в обеих предыдущих мировых войнах. Когда бы этой книге ни было суждено увидеть свет, забывчивая «общественность» – если она к тому времени не окажется вовлеченной в новую мировую войну – давно уже забудет военные кризисы или «почти военные» кризисы 1953 и 1956 гг., а поэтому не мешает о них напомнить.

В 1953 г. в списке обвиняемых предстоявшего (но на этот раз не состоявшегося) показательного процесса в Москве появились полдюжины евреев, которые (это особо важно в отличие от аналогичных процессов там же в 30-х годах) были специально отмечены как таковые в качестве коллективных виновников особо тяжелых действительных или мнимых преступлений, наказание за которые явно должно было обрушиться далеко не на них одних. В западном политическом мире немедленно поднялся истерический вопль о «евреях», намеченных в качестве козлов отпущения к предстоящему «уничтожению». Вопль достиг размеров непосредственной угрозы войной, но тут Сталин довольно неожиданно помер, процесс был отменен, после чего шумиха на Западе сразу утихла. По мнению автора, этот эпизод не оставлял сомнений в том, что если бы началась война «против коммунизма» (о чем западные политики и газеты в те годы говорили и писали, как о вполне вероятном событии), то она и на этот раз велась бы за «евреев», о чем – в отличие от прежних войн – было бы даже открыто объявлено. То, что от коммунизма нужно было спасать половину закабаленного им человечества, об этом и на сей раз говорилось бы столь же мало, как и в свое время в 1945 году.

В июле 1956 г. снова раздались угрозы войной, когда Египет национализировал, т.е. попросту присвоил себе Суэцкий канал, отобрав его у владевшего им до тех пор международного консорциума. В продолжение нескольких первых кризисных дней британский премьер-министр оправдывал эту угрозу перед английской общественностью тем, что действия Египта ставили под удар «жизненно важный британский транспортный путь». Вскоре, однако, он переключился на (более эффективный по его мнению) аргумент, что «если Египту на этот раз уступят, то следующим его действием будет направление на Израиль». Мировая печать единодушно завопила, что от египетского контроля над Суэцким каналом в первую очередь и хуже всех пострадает сионистское государство. Другими словами, война на Ближнем Востоке, если бы она разразилась, тоже должна была быть войной «за евреев».

И, наконец, в-третьих, в том же 1956 г. состоялся очередной спектакль американских президентских выборов, в седьмой раз подряд под прямой, и в третий раз под открытой режиссурой сионистов в Нью-Йорке. Выборная кампания превратилась в гонку за «еврейскими голосами», причем обе конкурирующие партии старались перещеголять одна другую обещаниями оружия, денег и политических гарантий сионистскому государству. На пороге войны в этой части света обе ведущие американские политические партии публично дали обязательства поддерживать «Израиль» при каких бы то ни было обстоятельствах.

Эти результаты процесса, который в нашей книге был описан с самого его начала, легко было ожидать. Вывод в отношении нашего будущего представляется неизбежным: миллионы жителей современного Запада прикованы, по вине их политиков и в силу собственного безразличия, к пороховой бочке с горящим фитилем, который на наших глазах становится всё короче. Запад приближается к кульминационному пункту своих отношений с Сионом, начавшихся

открыто на рубеже столетия, и развязка будет точно такой, как ее можно было предвидеть в начале этой новой крепостной зависимости. Общим большим войнам нашего века следовали многочисленные публикации, в которых анализировались причины войны, оказывавшиеся весьма отличными от того, что говорилось толпе или «черни» в ее начале, а ответственность за войну также часто оказывалась переадресованной. Эта литература неизменно пользовалась успехом, ибо потребность расследования и анализа всегда сменяет фатальную доверчивость военных дней. Однако и эта литература неспособна оказать воздействие на долгое время, и в начале любой следующей войны массы окажутся столь же восприимчивыми к давлению подстрекателей, как и раньше, поскольку их способность противостоять массовой пропаганде минимальна, а яд пропаганды способен оказывать опьяняющее действие. Публика склонна закрывать глаза при приближении опасности, и трудно сказать, смогла ли бы полная и публичная информация, будучи предоставлена до начала войны, побороть этот природный инстинкт; до сих пор, кажется, такого еще никто не пробовал сделать. Одной из скромных целей, которые ставит себе настоящая книга, является показать, что происхождение и характер войны, а также и ответственность за нее могут быть установлены еще до ее начала, а не только когда она уже пройдет свой гибельный путь. Нам кажется, что содержание этой книги достаточно ясно это показывает, и что ее аргументация находит подтверждение в ходе событий. Автору кажется также, что в особенности события на Западе в годы 1953–56 эту аргументацию подкрепляют сильнейшим образом, как и все ее выводы, а поэтому он намерен посвятить остаток этой заключительной главы резюмированию важнейших событий в эти годы 1) в странах, поработанных революцией, 2) внутри и вокруг сионистского государства, и 3) в так называемом «свободном западном мире». Автору кажется, что они смогут добавить заключительное слово к его повествованию: развязка не за горами.

ОТ АВТОРА: Вышеприведенная часть заключительной главы, вплоть до слов «развязка не за горами», была написана в пятницу, 26 октября 1956 г. Автор затем уехал на субботу и воскресенье отдохнуть, собираясь закончить эту главу, черновик которой уже был написан, ко вторнику, 30 октября 1956 г. В понедельник, 29 октября, однако, израильские войска вторглись в Египет, и конец главы писался в свете разыгрывавшихся событий; он получился поэтому значительно более длинным, чем автор этого ожидал.

1. [Революция]

Революция на территории триумфирующей мировой революции, разросшейся до половины поработанной ей Европы, за смертью Сталина в 1953 г. последовал ряд народных восстаний в 1953 и 1956 гг. Наблюдавший за ними остальной мир вновь преисполнился уже почти было забытых надежд на то, что всеразрушающая революция в один прекрасный день разрушит и самое себя, и что люди и страны снова получат свободу. Ясный смысл событий был опять затуманен насильственным вмешательством в каждое из них пресловутого «еврейского вопроса». В нашем «еврейском столетии» широким массам не разрешается ни получать, ни обсуждать информации о каком-либо значительном событии кроме, как в аспекте его значимости «для евреев».

Смерть Сталина поразила весь мир, поскольку жизнь и деятельность этого существа, убившего и поработившего, вероятно, больше людей, чем любая другая личность в истории, приобрела ореол бесконечности, как извивы змей. Его место было на краткий промежуток времени занято неким Георгием Маленковым, который скоро сдал его дуумвирату из Никиты Хрущева (руководитель партии) и Николая Булганина (глава правительства). Трудно сказать, насколько они действительно унаследовали личную власть Сталина или же были орудием в других руках. Переживший все чистки и перемены Лазарь Каганович продолжал оставаться заместителем главы правительства и в ноябре 1955 г., в годовщину революции, ему было поручено сообщить всему миру, что «*революционные идеи не знают границ*». Когда оба дуумвира в том же месяце поехали в Индию, газета «Нью-Йорк Таймс», задав вопрос, кто же управляет Советским Союзом в их отсутствие, сама ответила: «*Лазарь Моисеевич Каганович, заслуженный коммунистический вождь*». Каганович принадлежал к числу старейших и ближайших сотрудников Сталина, но ни это, ни любое другое существенное соображение не могло удержать западную печать от нападков на Сталина в последние месяцы его жизни, как на нового антисемитского Гитлера. Подробности его смерти продолжают оставаться неясными,⁷⁰ но календарные даты происшедшего в то время представляют некоторый интерес:

⁷⁰ Они всё еще неясны и до сих пор – прим. перев.

15 января 1953 г. московские газеты сообщили об аресте 9 человек по обвинению в заговоре с целью убийства 7 высокопоставленных коммунистов. Не то 6, не то семеро из них были евреи (сведения об этом расходятся); о двух или трех прочих в мировой печати сообщалось так же мало, как если бы их вообще не существовало на свете, поскольку вся шумиха, немедленно разгоревшаяся на Западе, вращалась вокруг дела «еврейских врачей». Заметим, что вообще говоря, шумиха поднялась еще почти на три месяца ранее, накануне президентских выборов в Америке, по случаю судебного процесса в Праге, по окончании которого 11 из 14 обвиняемых были повешены после обычных «признаний» как участники сионистского заговора. Трое из жертв не были евреями, но и о них западная печать сообщала так же мало, как если бы они вообще не рождались на свет и не были повешены.

В феврале 1953 г., пока на Западе еще колыхались волны всеобщего возмущения, дипломаты в Москве, встречавшиеся со Сталиным, отмечали его здоровый вид и бодрое настроение.

6 марта 1953 г. Сталин умер, через месяц «еврейских врачей» выпустили на свободу. Еще через шесть месяцев сталинский заплечных дел мастер, Лаврентий Берия, был расстрелян за то, что он их в свое время арестовал, а обвинения были объявлены сфабрикованными. По поводу смерти Сталина хорошо осведомленный корреспондент в Москве, Гаррисон Солсбери, писал, что после нее Россией правит группа или хунта «еще более опасная, чем Сталин», состоящая из гг. Маленкова, Молотова, Булганина и Кагановича. Вполне возможно, писал он, что для захвата власти эта хунта убила Сталина, очень многое на это указывало: «если 2 марта у Сталина действительно произошло кровоизлияние в мозг, то это следует рассматривать как одно из самых удивительных совпадений в истории».

Для Запада все эти подробности и возможности в связи со смертью Сталина не представляли никакого интереса. Все 9 месяцев между пражским процессом (и президентскими выборами) и ликвидацией Берии были на Западе заполнены сплошным возмущением по поводу «антисемитизма в России». В продолжении всей этой шумихи (она прекратилась когда «еврейских врачей» выпустили на свободу и реабилитировали) из официальных заявлений явствовало, что какую бы войну Запад ни начал против СССР, она велась бы, как в свое время против Германии, исключительно «за евреев» или, по крайней мере, за тех, кто их якобы представлял. В 1953 г., таким образом, советская Россия представлялась западной печатью в виде нового антисемитского чудовища, каким в 1939 г. представлялась тогдашняя Германия, а в 1914 г. царская Россия. Судя по пропагандной шумихе, в случае вооруженного конфликта тот же «еврейский вопрос» покрыл бы дымовой завесой всё происходящее и снова одурачил бы все втянутые в войну народы. Бросается в глаза выбор времени для этой очередной кампании, и он не может быть объяснен случайностью, чтобы сделать машину «непреодолимого давления» в Америке наиболее эффективной, «еврейский вопрос» становится там наиболее «актуальным» именно в период любых президентских выборов. Эта «актуальность» выражается в наше время в одной из двух ее форм: либо в виде «антисемитизма» где бы то ни было, против которого надо непременно мобилизовать все силы (так было в 1912, 1932, 1936, 1940 и 1952 гг.), либо же в виде очередной «угрозы Израилю» (так обстояло дело в 1948 и в 1956 гг.). Без большого риска ошибиться можно сделать прогноз, что в одной из этих форм тот же вопрос будет доминировать и в президентских выборах 1960 г.

В положении евреев в советской России к тому времени не изменилось ровно ничего. Согласно новейшим еврейским же «оценкам» на Западе число евреев в СССР составляло около 2 млн., т.е. 1 % от двухсотмиллионного населения страны (данные советского статистического ежегодника от июня 1956 г.). Несколько евреев оказались, в числе прочих, на скамье подсудимых на показательном процессе в Праге, как и в объявленном было, но не состоявшемся процессе в Москве. 35 лет коммунизма были к тому времени свидетелями бесчисленных показательных и прочих процессов, которые всему миру давно уже надоели и стали безразличны. Поскольку террористическое советское государство держалось на том, что людей можно было сажать в тюрьму без всякого процесса, целью «показательных процессов» явно было произведение нужного впечатления, либо на советизированные массы, либо же на внешний мир. Даже обвинение в «сионистском заговоре» не было ничем новым; оно выдвигалось уже на некоторых процессах в 1920 г., и с самого начала (по свидетельству как Ленина, так и Сталина) сионизм формально был под запретом, что отнюдь не помешало революционному государству снабдить сионистов из всей Восточной Европы после 1945 г. оружием для создания ими «Израиля» в 1948 г.

Если Сталин действительно зашел дальше, чем это было позволено в своих нападках на «сионизм», то его скорая смерть внесла необходимые поправки. Не похоже, чтобы он перед

своей смертью в самом деле был бы против евреев. Лазарь Каганович до последнего момента был его правой рукой. За несколько дней до своей смерти Сталин приказал устроить одни из самых пышных похорон, которые когда-либо видела большевистская Москва, Льву Мехлису, одному из наиболее отвратительных и ненавидимых еврейских комиссаров в армии за все 35 лет советского режима. Гроб Мехлиса несли на своих плечах все выжившие до тех пор вельможи большевистской революции, стоявшие также в почетном карауле вокруг его выставленного на показ трупа, в чем трудно было видеть иное, чем напоминание поработанным массам русского народа, что «закон против антисемитизма» по-прежнему в силе. Сразу же после похорон Мехлиса 27 января 1953 г., «сталинская премия мира» была с большой помпой вручена апостолу талмудистской мести в Германии, Илье Эренбургу, чьи радиопередачи по адресу рвавшихся в Европу большевистских орд призывали их не щадить «еще не рожденных фашистов». За несколько дней до своей смерти Сталин распорядился напечатать в газете «Красная Звезда» заявление, что борьба против сионизма *«не имеет ничего общего с антисемитизмом. Сионизм – враг трудящихся всего мира, евреев не менее, чем не-евреев»*.

«Бедственное положение» ничтожного еврейского меньшинства в советской России, таким образом, не изменилось ни к лучшему, ни к худшему. Когда в комиссии американского Конгресса в те же годы депутат Кит Кларди задал еврейскому свидетелю вопрос, не приводит ли его в ужас то, что советская Россия «делает с евреями», то этот свидетель дал ему насмешливый ответ, что *«в Советском Союзе они всё еще «более равны», чем все другие»*. Они остались привилегированным классом, каким они были и раньше. Бушующие волны благородного негодования на Западе были, таким образом, бурей в стакане воды и не имели под собой никакой фактической основы. Тем не менее, они разбушевались до непосредственной угрозы войной, и легко могли бы перейти и эту границу, не умри Сталин вовремя и не будь «еврейские врачи» выпущены на свободу (автору никакими способами не удалось узнать, были ли освобождены также и не-еврейские). Всему этому могла быть только одна причина: Сталин ополчился на сионизм, а в 1952–53 гг. для всех ведущих политиков Запада оппозиция сионизму была равносильна «гитлеризму» и военной провокации. Этот эпизод показывает, что пропагандное подстрекательство может быть развязано в любой момент нажатием кнопки и направлено в любую сторону, в зависимости от требований момента (не исключая, в конечном итоге, и самой Америки). С помощью доведения этой пропаганды до белого каления легко вынуждаются все нужные «обязательства», выполнения которых можно требовать в будущем.

Американские президенты становятся объектами этого «непреодолимого давления» в шестимесячный период между выставлением и выбором кандидата в президенты и выборами президента и его вступлением в должность. В 1952–53 г. президент Эйзенхауэр стоял под тем же давлением, что и президент Вильсон в 1912–13 г., Рузвельт в 1938–39 и Труман в 1947–48. В течение всего периода вербовки избирателей, выставления кандидатуры, выборов и вступления в должность Эйзенхауэра над ним, как Дамоклов меч, висел пресловутый «еврейский вопрос» в его обеих формах, «антисемитизма» то тут, то там или повсюду, или палестинской авантюры. Не успел он быть выставлен кандидатом от республиканской партии, как он поторопился заверить м-ра Максвелла Абея, президента Объединенной Синагоги Америки, в том, что

«у еврейского народа не может быть лучшего друга, чем я... Я вырос веря, что евреи – избранный народ, и что они подарили нам высокие этические и нравственные принципы нашей культуры»

(стояло во всех еврейских газетах в сентябре 1952 г.).

Эйзенхауэр *«добавил, что его мать воспитала его и его братьев в учениях Ветхого Завета»*; это было скрытым указанием на то, что семья Эйзенхауэра воспитывалась в ереси жидовствующей секты «Свидетелей Иеговы». Таковы были основные обязательства одного из ведущих политиков Запада, столь хорошо знакомые в нашем веке и всегда сводившиеся в итоге к предъявлению гораздо более высокого счета, чем это предполагалось вначале дававшими их. Сразу же после этого состоялся Пражский процесс, и только что избранному президенту пришлось срочно доказывать свою лояльность; в письме к Еврейскому профсоюзному комитету в Манхеттене от 21 декабря 1952 г. Эйзенхауэр писал, что этот процесс

«был задуман с целью развязывания кампании бешеного антисемитизма по всей советской Европе и в странах-сателлитах Восточной Европы. Мне выпала честь стать в один ряд с американским еврейством... чтобы продемонстрировать возмущение, овладевшее всей Америкой при виде незаконных, которыми Советы попирают священные принципы нашей культуры».

«Беззакония» заключались в этот момент в том, что было повешено 11 человек, из них трое не-евреев, в числе бесчисленных миллионов, физически уничтоженных за 35 лет большевистского господства; их судьба, однако, к упомянутым «беззакониям» причислена не была. Президент не мог также заранее знать, какую «кампанию» этот процесс должен был «развязать», а бесчисленные прочие процессы в советской империи не удостоились президентского упоминания. Порабощенные коммунизмом народы косвенно красились при этом под «антисемитизм», поскольку их именовали «странами-сателлитами», а это слово в англосаксонском словаре обозначает «спутника, сопровождающего князя или другую могущественную личность, раболепно иждивенца или последователя» (Словарь английского языка Уэбстера). Для бывшего главнокомандующего, чей приказ, отданный по сговору с советским диктатором, обеспечил порабощение этих народов, выбранные Эйзенхауэром выражения были несколько странными. Они отражали точку зрения тех, кто был в состоянии оказывать «непреодолимое давление» на всех американских президентов и на все правительства. Для них закабаление миллионов европейцев не играло, разумеется, никакой роли; наоборот, они использовали всю свою власть для укрепления этого закабаления. Два первых действия нового президента вновь отразили существовавшее положение вещей. Перед выборами, ловя голоса, он использовал сильнейшее отвращение американской общественности к позорным делам 1945 г., обещав аннулировать ялтинские соглашения (представлявшие собой ничто иное, как политическое закрепление результатов его собственного приказа об остановке союзного наступления западнее Берлина, другими словами выдачу всей Восточной Европы на поток и разграбление коммунизму) в следующих словах. *«Под республиканским руководством, правительство Соединенных Штатов, аннулирует все обязательства, содержащиеся в секретных соглашениях вроде ялтинского и способствующие коммунистическому порабощению»*. Однако, после своего избрания новый президент послал Конгрессу (20 февраля 1953 г.) проект резолюции, всего лишь предлагавший Конгрессу присоединиться к нему в отказе излагать или применять секретные соглашения, подвергшиеся извращению с целью закабаления свободных народов. Эти последние были к тому времени уже названы им в публичном выступлении «сателлитами». Поскольку проектом резолюции не только не «аннулировалось» ялтинское соглашение, но Ялта даже вовсе не упоминалась, республиканская партия, разочаровавшись в руководстве президентом, в конечном итоге отказалась от этой резолюции вообще. Вместо нее новый президент поспешил предложить Конгрессу резолюцию, осуждающую «безнравственные и бесчеловечные кампании против евреев» в советизированной Европе. Так все «порабощенные» были попросту вычеркнуты и заменены «евреями» – типичный для нашего времени трюк. В поте лица Госдепартаменту удалось всё же дополнить эту резолюцию включением в нее «также иных меньшинств». Согласно современным еврейским «оценкам», в настоящую время «за железным занавесом находятся 2 500 000 евреев», в то время как порабощенные не-еврейские массы насчитывают 300–350 миллионов; эти массы, включающие в себя целые нации, как-то поляков, венгров, болгар и украинцев,⁷¹ не говоря уже о более малых

⁷¹ Русский читатель не удивится, увидев среди перечисленных наций также и «украинцев», якобы чем то отличных от «самих русских». Даже Дугласу Риду о русской истории известно не более того, что в течение последних 70 лет вбивается в головы «Запада» о «русском империализме», одной из первых жертв которого стала несуществовавшая в истории «Украина». Менее известно, но вполне согласно с историческим анализом Рида, что всякого рода сепаратизмы в России, не существовавшие до революции, с первых же дней революционных потрясений организовывались и поддерживались сионистами. В этом ничего не меняет неоспоримый факт, что свою роль в этом не преминули сыграть внешние противники России в Первой мировой войне, привезшие галицийских «самостийников» в своем обозе в 1918 г. Они сыграли роль орудия в чужих руках, как и при засылке в Россию еврейских революционеров во главе с Лениным. Посаженный австро-германцами «гетман» Скоропадский – русский генерал, женатый на дочери русского министра (Дурново) и не говоривший ни слова на «мове» – не скрывал, что принял этот пост лишь до восстановления в стране законного порядка. В противовес этому, масон Симон Петлюра, неожиданно выплывший на поверхность из полной неизвестности, был ярым врагом России. Сыграв лишь незаметную роль на краю основной борьбы между «красными» и «белыми» и опираясь лишь на несколько тысяч галицийских «сичевиков», Петлюра с самого начала был окружен евреями, составлявшими основной элемент его «правительства» и бывшими его единственной поддержкой. Петлюра объявил «полную автономию» евреям на Украине, назначил еврейскими «министрами» Зильберфарба, Красного и Гольденмана, своим «дипломатом» на Западе известного по процессу Бейлиса провокатора Марголина, и уже в эмиграции отправил «делегацию» на сионистский конгресс в Карлсбаде в 1921 г. с предложением организовать специальную еврейскую жандармерию для защиты еврейства, если ему помогут захватить власть на

народах и тем более о самих русских, удостоились небрежной характеристики в двух словах: «иных меньшинств». Эту резолюцию Сенат принял единогласно (27 февраля 1953 г.), но для демонстрации требуемой дисциплины и этого оказалось недостаточно, и каждого американского сенатора заставили лично подать свой голос, стоя, а немногие отсутствовавшие поторопились письменно засвидетельствовать свое согласие с этой переключкой. Если бы народы за «железным занавесом» смогли разобраться в истории этих двух резолюций, или хотя бы смогли о них узнать, они вероятно не рассчитывали бы на помощь Америки своим национальным восстаниям против большевистского террора, как это имело место в 1956 г. Президент сделал свое дело, и шумиха в печати продолжала расти. Одним из влиятельнейших сионистов этого периода был раввин Гилель Сильвер из группы судьи Брандейса и рабби Стефена Уайза. Во время избирательной кампании он нашел нужным защитить Эйзенхауэра от обвинений в «антисемитизме» со стороны бывшего президента Трумана (что стало неизбежно сопровождать все избирательные кампании нашего времени), после чего новый президент пригласил его прочесть *«молитву о Божьей благодати и наставлении»* при его торжественном вступлении в должность. Рабби Сильвера, поэтому, можно причислить к лицам, не лишенным авторитета в США, что придает некоторое значение его словам, что если Россия будет уничтожена, то это будет сделано из-за евреев: он ни много, ни мало, как *«высказал предупреждение России, что она будет уничтожена, если пойдет по стопам гитлеризма»*. Впоследствии на всех, кто намечался к «уничтожению» неизменно наклеивали этикетку «Гитлера», и одним из примеров этого был египетский президент Нассер. Смысл таких угроз всегда был одним и тем же: преследуйте кого угодно, но если вы выступите против евреев, вы будете уничтожены. Перещеголять рабби Сильвера в этом направлении смог лишь двукратный президентский кандидат Томас Дьюи, организовавший выдвижение Эйзенхауэра в 1952 г.:

«Теперь все видят, что это (*«антисемитизм» в России*) – новейшая и ужаснейшая программа геноцида... Сионизм, как таковой, стал преступлением, а родиться евреем достаточно, чтобы быть повешенным. Сталин выпил гитлеровский яд до последней капли, став злейшим преследователем еврейства... Похоже, что Сталин готов признать перед всем миром, что он намерен закончить за Гитлера то, чего тот не успел сделать при жизни».

Задним числом, даже опытного наблюдателя поражает безудержность этой кампании. Автор случайно прочел в «Монреальской газете» летом 1953 г. передовицу, в которой говорилось, что *«в Восточной Германии убиваются тысячи евреев»*; за 3 года до того еврейская газета «Зионист рекорд» в Йоганнесбурге констатировала (в номере от 7 июля 1950 г.), что всё еврейское население Восточной Германии насчитывает 4 200 душ, большинство которых занимают привилегированные посты в государственном аппарате.

«Обязательства» нового президента становились всё более обширными, по крайней мере в глазах тех, кому они были адресованы. В дни смерти Сталина он послал Еврейскому профсоюзному комитету цитированное выше «публичное обещание» (так по крайней мере стояло в «Нью-Йорк Таймс»; автор не имел полного текста), что Америка будет *«во все времена настороже против любого возрождения антисемитизма»*. Когда еврейские адресаты этого послания собрались в Атлантик Сити, «еврейских врачей» уже выпустили в Москве из тюрьмы и галдеж стал затихать, т.ч. в опубликовании этого послания не было большой нужды и его вернули отправителю. Однако президенту его опубликование представлялось достаточно важным, и он снова его отправил *«с письмом, весьма решительно осуждавшим советский антисемитизм»*. В мире пропагандных фикций, в котором мы живем, западные народные массы ведутся своими правителями от одной глупости к другой; кто знает, куда бы их увели в данном случае, не умри Сталин, не окажись «еврейские врачи» на свободе, и не будь убран палец с кнопки, приводящей в действие машину массового возбуждения? После смерти Сталина шумиха, искусственно раздутая по обеим сторонам Атлантического океана, умерла вместе с ним. Что, если бы он был жив, а

«Украине». Во всем этом, разумеется, ничего не меняет его убийство евреем Шварцбартом в Париже в 1926 г., якобы за «антисемитизм» и «еврейские погромы», поскольку убийца был советским агентом. В настоящее время чрезвычайно активные американские и канадские галичане, не имеющие ничего общего с Украиной, существуют исключительно благодаря поддержке сионистов, содержа книгоиздательства, газеты, журналы, «университеты» и «академии» и играя важную роль в антирусской пропаганде сионистов, сводящейся к отождествлению «русского империализма» с большевизмом и подготовке раздела России. Целью сионистов, уничтоживших христианскую Россию, является не допустить ее восстановления после падения (или революции) большевизма, развязав в этом случае «войну всех против всех» под знаком «самоопределения народов». – *Прим. издателей.*

«еврейские врачи» оказались бы на скамье подсудимых? К моменту его смерти пропагандный вой на Западе поднялся до уровня предвоенной истерии; «новый Гитлер» начал *«программу новейшего и ужаснейшего геноцида»*, *«убивались тысячи евреев»*, где их проживало лишь несколько сотен; вскоре эти тысячи превратились бы в миллионы, один миллион... два миллиона... шесть миллионов. Весь кровавый «холокауст» ленинско–сталинских 35 лет с их десятками миллионов безвестных могил колдовством этой пропаганды был превращен в еще одно «преследование евреев», фактически это уже было сделано, когда публичные обещания Эйзенхауэра *«аннулировать Ялту и коммунистическое порабощение»* оказались втихомолку подмененными резолюцией, осуждавшей *«безнравственные и бесчеловечные преследования евреев»*, хотя эти последние продолжали в странах коммунизма терроризировать порабощенное население. Начись тогда война, целое поколение западной молодежи пошло бы проливать свою кровь за евреев, думая, что оно воюет за «уничтожение коммунизма». Сталин умер. Запад на этот раз избежал войны, но его ждали, по вине его сионистских заправил, новые разочарования. Целое десятилетие по окончании Второй мировой войны ему втолковывали, что в один прекрасный день коммунизм будет уничтожен, а злое дело 1945 года будет исправлено. Годы 1953 и 1956 показали, насколько искренними были и здесь слова западных политиков. В эти годы порабощенные народы начали сами уничтожать коммунизм, встав на борьбу за свое освобождение, которое американский президент, бывший пособник их закабаления, им обещал, в то же время советуя не добиваться его силой (после венгерского восстания, государственный секретарь Даллес, – снова провозглашая лозунг освобождения Восточной Европы, снял с Америки всякую ответственность за его провал и подавление; по его словам, уже начиная с 1952 г., и он, и президент Эйзенхауэр высказались за «освобождение» мирными, эволюционными методами; это заявление было сделано Даллесом в г. Аугуста, в штате Джорджия, 2 декабря 1956 г.). Смерть Сталина подействовала, как оттепель на ооченение народов от страха, развязав освободительный процесс. Автор настоящей книги должен признать свою ошибку в оценке его возможностей. Собственный опыт и наблюдение убеждали его в том, что никакое народное восстание против танков и автоматов невозможно, и что методы ежедневного террора (арест, заключение, депортация или смерть без обвинения и суда) подверглись за 300 лет – т.е. с помощью революций в Англии, Франции и России – такому усовершенствованию, что, как казалось автору, – одна лишь помощь извне могла сделать такое восстание успешным. Автор не учел неисчерпаемых запасов энергии в человеческом духе. Первое из этих восстаний произошло в советском секторе Берлина 17-го июня 1953 г., где безоружные рабочие и молодежь выступили против советских танков с голыми руками и камнями. Разумеется, оно было подавлено, после чего «свирепая фрау Хильда Беньямин» (как стояло в «Таймсе» от 17 июля 1953 г.), специально по этому случаю назначенная министром юстиции, начала кровавое дело расправы с повстанцами, причем в числе бесчисленных приговоренных к смертной казни был мальчик, распространявший антикоммунистические листовки. (Хильда Беньямин была, в числе прочего, известна своей охотой за «Свидетелями Иеговы» – секты, в учении которой воспитывалась семья Эйзенхауэра. По общему мнению и по утверждениям нью-йоркской печати она была еврейкой; насколько это смог установить автор настоящей книги, она была лишь замужем за евреем, не будучи еврейкой по рождению). Косвенным и совершенно беспрецедентным результатом этого примера было восстание в советском концлагере на Воркуте, где заключенные выгнали охранников из лагеря и удерживали его в течение целой недели, пока прибывшие из Москвы чекистские войска не сломили сопротивление пулеметами. Оба эти восстания произошли при продолжавшемся на Западе шуме об «антисемитизме за железным занавесом». Никакого шума не произошло, когда, благодаря этим восстаниям, стали известны страдания легиона человеческих существ, в сотни раз более многочисленных. По адресу Советов не последовало угроз ни войны, ни их «уничтожения». Наоборот, западные политики и печать в один голос призывали взбунтовавшихся рабов сохранять спокойствие в надежде на будущее «освобождение», которое должно было – неизвестно только, какими путями – прийти к ним из Америки, той самой, которая продала их в 1945 году.

Тем не менее, мучительная жажда освобождения не утихла в душах миллионов людей, и за порывами к свободе в Восточном Берлине и на Воркуте разразились восстания в Польше и Венгрии в октябре 1956 г., когда автор начал писать настоящую, заключительную главу своей книги. Венгерское восстание произошло, как цепная реакция, в результате польского, превратившись в нечто, чего история никогда еще не видела: это была национальная война целого порабощенного народа против невероятно превосходивших его военных сил тюремщиков.

Автору кажется, что со временем именно это, венгерское восстание станет исторической вехой, либо возрождения «Запада» и воскресения Европы, либо же безвозвратного конца той Европы, которую история знала на протяжении последней тысячи лет, а с ней и всего того, что когда-либо подразумевалось под словом «Запад». Однако, каковы бы ни были перспективы будущего, эти октябрьские восстания, в особенности венгерское, смогли достигнуть одного: никогда больше с тех пор мировая революция не сможет сослаться хотя бы даже на пассивное принятие ее подчиненными народами. Они показали, что под ярмом коммунизма Карла Маркса этим народам нечего терять, кроме своих цепей, и что они согласны скорее идти на смерть, чем влечь эти цепи далее.

Причины восстаний обоих народов были одними и теми же, не оставляя ни малейших сомнений. В каждом из этих восстаний народ требовал своего освобождения путем вывода из страны Красной армии, отмены тайной полиции и наказания ее главных преступников, восстановления церкви и религии и, прежде всего, освобождения своих духовных пастырей (в обеих странах находившихся под арестом), и наконец, упразднения системы однопартийного господства и установления демократических свобод. Другими словами, не могло быть ни малейших сомнений в том, что стояло на карте: благодаря маленькому народу на своей восточной окраине, «Запад» или Европа поднялись против азиатского деспотизма. Здесь Бог восстал против безбожия, свобода против рабства, человеческое достоинство против унижения человека. Исход этого восстания зависел от того же, от чего будет зависеть и окончательная развязка нашей эпохи: от помощи, которую эти аванпосты христианской Европы смогли или смогут получить от того «Запада», который столько раз заверял их в своей дружбе и солидарности, но в час нужды в этой помощи отказывал.

Здесь, на этом самом «Западе», предельно ясный смысл происшедшего на «Востоке» был, как всегда, затемнен всепоглощающим вопросом нашего века, хотя и совершенно побочным в его истории: «еврейским вопросом». В событиях в Польше и Венгрии, самих по себе ясных, как кристалл, народным массам Америки и Англии не позволено было узнать правду, ибо всё их внимание было обращено на один только еврейский аспект вопроса, правдивая информация о котором систематически утаивается от них, начиная с того момента, когда революция 1917 года свергла законную власть в России. Еще за 3 месяца до событий в Польше и Венгрии в «Нью-Йорк Таймсе» из под пера г. Зульцбергера возобновился крик об «антисемитизме за железным занавесом», начатый, как мы помним, в 1953 г. В качестве примера этого «антисемитизма» статья Зульцбергера приводила отстранение от должности некоего Якова Бермана, особо ненавидимого партийного теоретика и еврея, главного пособника московских чекистов в Польше. В этой статье проглянуло то, о чем до тех пор ни в коем случае не должно было сообщаться западной общественности. В свое время Роберт Вильтон вдруг «потерял доверие» издателей «Таймса» (лондонского) за попытку познакомить читателей своей газеты с этим строго хранимым секретом; он был лишь первым в длинном ряду корреспондентов, пытавшихся сделать то же и потерпевших неудачу на протяжении последующих 40 лет. Народные массы, сначала в России, а затем и во всех остальных коммунизированных странах, не могли подняться против коммунистического террора без того, чтобы их немедленно же обвинили в «антисемитизме», поскольку этот террор был во всех случаях чисто еврейским и талмудистским, о чем безошибочно свидетельствовали все виды его проявления, характеризовавшие его именно таковым, а вовсе не «русским», «коммунистическим» или «советским». В этом одном только руководство в Москве, кем бы оно ни было в действительности или же является сейчас, никогда не отступало от первоначального плана, и именно из этого основного факта должно исходить историческое исследование всех событий нашего столетия. Теорию случайности можно еще было с грехом пополам применять к состоявшимся на 90 процентов из евреев революционным правительствам в России, Венгрии и Баварии в 1917–1919 гг. (уже тогда, как отмечалось ранее, народная ненависть к еврейско-большевистскому правительству в Венгрии характеризовалась еврейскими публицистами, как «антисемитизм», причем избежать этого обвинения можно было, очевидно, лишь путем беспрекословного подчинения этому режиму). Но с тех пор, как московское правительство насадило еврейские правительства во всех странах, выданных ему Западом в 1945 г., не могло больше оставаться сомнений в том, что это было заранее предрешенной политикой, преследовавшей вполне определенную цель.

Приведем снова информацию из источников, не могущих быть заподозренными в пристрастности, относительно состава этих правительств в те годы 1952–53, когда Сталин вдруг стал

«новым Гитлером», а «России» Нью-Йорк и Вашингтон пригрозили «уничтожением» в случае, если она допустит «возрождение антисемитизма»:

«В Чехословакии, как и во всей остальной центральной и юго-восточной Европе, вся партийная интеллигенция и руководители тайной полиции по своему происхождению в значительной части – евреи; рядовые граждане привыкли, поэтому, отождествлять партийное начальство с евреями и обвинять во всех своих бедах «еврейских коммунистов»» (*«Нью Стейтсмен»*, 1952 г.); «...сплошь еврейское (90 % на верхах) правительство коммунистической Венгрии под главенством коммунистического премьера Матиаса Ракоши, также еврея...» (*«Тайм»*, *Нью-Йорк*, 1953 г.); «В Румынии, как и в Венгрии, наибольшее число евреев осуществляют управление страной» (*«Нью-Йорк Геральд Трибюн»*, 1953 г.).

Эти сообщения, как и множество аналогичных им в архиве автора, взяты из статей, обличающих «антисемитизм в странах-сателлитах»; именно в эти годы, когда ни у кого не могло быть сомнений в том, что все эти страны управлялись евреями, президент Эйзенхауэр нашел нужным заявить о «*волне бешеного антисемитизма... в странах-сателлитах Восточной Европы*». Спрашивается, что могли эти угрозы из Вашингтона означать для поработанных народов, как не запрет роптать против тех, кто стоял над ними с кнутом в руке? И в то же самое время им на все лады обещали «освобождение», а «Голос Америки» и «Радио Свободная Европа» не уставали ежедневно и еженощно мучить их описанием их собственных бедствий.

На фоне этой неблагоприятной международной ситуации разыгрались польское и венгерское народные восстания в октябре 1956 г., первым сигналом к которым послужили беспорядки в Познани в июне 1956 г. Непосредственно вслед за ними появилась упомянутая выше статья г. Зульцбергера об «Антисемитизме за железным занавесом» с жалобами на то, что убрали тов. Якуба Бермана и что главнокомандующий польской армии, советский маршал Рокоссовский, уволил «несколько сот офицеров-евреев». В августе того же 1956 г. один из двоих польских заместителей председателя совета министров, Зенон Новак (второй из них был еврей, Гиларий Минц) заявил, что кампания «демократизации» и «либерализации» в польской печати искажалась особым вниманием, которое уделялось в ней «евреям». Он указал, что по мнению народа имелось «*непропорционально большое число евреев на ведущих постах в партии и правительстве*», в подтверждение чего он привел длинный список руководящих евреев в различных министерствах. Ему ответил в печати некий профессор Котарбинский, также подтвердивший, что «*евреи стали большинством на руководящих должностях, и что в результате этого они имеют возможность продвигать повсюду «своих»*» (*«Нью-Йорк Таймс»* от 11 октября 1956 г.). К тому времени Польша находилась уже 11 лет под советским господством и еврейским террором. Ничего не изменилось за эти годы с того времени, когда американский посол в Варшаве, Артур Блисс Лейн, описывал положение 1945–47 гг.:

«Американское посольство было свидетелем многочисленных арестов полицией госбезопасности... с применением устрашающих методов, ночных арестов, причем арестованные как правило были лишены всякой связи с внешним миром на долгие месяцы, быть может навсегда... Даже наши еврейские информаторы подтверждали... громадную непопулярность евреев, занявших ключевые государственные должности. В их числе назывались Минц, Берман, Ольшевский, Радкевич и Спыхальский... милиция была резко настроена против евреев, поскольку полиция госбезопасности под управлением Радкевича командовала как милицией, так и армией. Более того, как полиция госбезопасности, так и внутренние войска госбезопасности насчитывали у себя многочисленных евреев русского происхождения».

Лишь 11 лет спустя еврейский террор стал несколько ослабевать. В мае 1956 г. полетел Якуб Берман («*считавшийся московским ставленником номер один в польской компартии*» – *«Нью-Йорк Таймс»* от 21 окт. 1956 г.) с поста заместителя председателя совета министров, а за ним последовал в октябре 1956 г. и Гиларий Минц («*считавшийся московским ставленником номер два*»). Новака, одного из вновь назначенных заместителей премьера, в американской печати, разумеется, сразу же заклеили «антисемитом».

Такова была подоплека народного восстания, начавшегося 20 октября. Попав впервые под коммунистическое господство, Польша – как Россия и Венгрия в 1917–19 гг. – быстро убедилась в том, что террор, на котором это господство основывалось, был еврейским, а как только ее народ попытался этот террор сбросить, он был заклеен в Америке и Англии, как «антисемиты» – совершенно так же, как это в свое время произошло и с антикоммунистическими силами в

России и Венгрии. Подобно всем остальным странам, Польша также оказалась перед дилеммой «еврейского вопроса». Что же касается евреев в Польше, не занимавших руководящих постов, то и их положение, насколько об этом можно было судить по сообщениям посетивших страну американских раввинов и журналистов, было во всяком случае лучше, чем всего остального населения; заметим, что при общем населении Польши в то время около 25 миллионов, число евреев в ней, согласно западным еврейским «оценкам», колебалось между «тридцатью тысячами» («Нью-Йорк Таймс» от 13 июля 1956 г.) и «около пятидесяти тысяч» (та же газета, 31 августа 1956 г.). Они составляли, таким образом, малую часть одного процента, и никогда еще до нашего просвещенного века столь ничтожное меньшинство не смогло нигде стать большинством на руководящих должностях» и «продвигать повсюду «своих»».

Еще более характерным было положение в Венгрии, попавшей в 1945 вторично под коммунистическое господство. Режим террора здесь не только снова был еврейским, но носителями его были те же самые лица. Подчеркнутое восстановление на их постах еврейских террористов, презиравшихся народом и изгнанных из страны за 26 лет до того (подробности см. ниже в этой главе), следует считать наиболее разительным доказательством того, что в Москве сидела управлявшая революцией сила, сознательно ставившая талмудистскую подпись под свои зверства, а не «советскую», «коммунистическую» или «русскую».

На этом фоне, в котором «свободный мир» так никогда и не смог разобраться, силы национального возрождения постепенно старались сбросить террористический режим. В апреле 1956 г. в Польше был освобожден Владислав Гомулка (сидевший в тюрьме с 1951 по 1956 гг. при режиме Бермана и Минца за «уклонизм»), ставший в этот момент символом народных надежд, поскольку хотя он и был коммунистом, он прежде всего был поляком. 19 октября 1956 г. он был восстановлен как член ЦК польской компартии, а уже на следующий день 20 октября он сделал нечто, что могло бы изменить многое в нашем столетии, не пади на эти события снова тень пресловутого «еврейского вопроса» (на этот раз из другого его центра – Палестины). Гомулка фактически провозгласил новую польскую декларацию независимости, заклеив «безобразия последних 12 лет», обещав новые выборы и объявив, что *«польский народ будет защищаться всеми средствами, чтобы нас не столкнули с пути демократизации»*. Это было заявлено в лицо самим московским владыкам, срочно прилетевшим в Варшаву. Хрущев, которого сопровождали советские генералы, пригрозил ввести Красную армию, но был огорошен мужественным отпором Гомулки и, в особенности, Эдварда Охаба (разумеется, также «антисемита», судя по статье Зульцбергера), заявившего, согласно сообщениям тогдашней печати, что *«если вы не остановите немедленно ваших войск, мы выйдем отсюда и порвем с вами всякую связь»*. Польская армия стояла наготове для защиты национального дела, и Хрущев сдался. Советский маршал Рокоссовский улетел в Москву (в 1944 г. он оставил варшавских повстанцев без помощи, выдав их на расправу войскам СС; однако в 1956 г. нью-йоркские газеты заклеили и его «антисемитом»), а символом национального возрождения стал кардинал Вышинский, также отстраненный от руководства польской католической церковью в 1953 г., во время режима Бермана и Минца.

Польша ликовала. Коммунистическая революция потерпела свое первое поражение; вера и церковь восстали из пепла, о чем свидетельствовало возвращение кардинала; польская нация, брошенная внешним миром и предоставленная самой себе, сделала первый шаг к освобождению. Как степной пожар, огонь свободы зажег Венгрию, и даже польские события, при всей их значимости, оказались забытыми перед лицом еще более грандиозной народной революции в соседней стране. Неожиданно для всего мира факторы человеческой природы, времени и Провидения, казалось бы, сошлись вместе для торжества доброго дела.

22 октября 1956 г., через два дня после фактического объявления Польшей своей независимости, толпа народа на улицах Будапешта потребовала возвращения Имре Надя на пост главы правительства и вывода советских войск из страны. Ни одному из демонстрантов в тот момент не пришло в голову, что они начинают восстание, которое вскоре должно было превратиться в народно-освободительную войну. Вспышка пришла из Польши, а причины и подоплека были теми же, что и там, с той только разницей, что Венгрия уже во второй раз в недавней истории влачила свой крестный путь под игом еврейских комиссаров. Главным объектом народной ненависти и презрения был здесь некий Эрно Гере, глава венгерской компартии и третий из главных террористов 1919 года, засланных в Венгрию из Москвы для руководства большевистским террором. В венгерских событиях, таким образом, разрядилась не одна только горечь, накопленная за годы 1945–56, но еще и воспоминания о терроре 1918–19 гг. Имре Надь стал в Венгрии, как Гомулка в Польше, символом народных надежд в данный момент, будучи «национальным»

коммунистом. Как Гомулка был в первую очередь поляком, так Надь был венгром, а не «чужим». Если бы ему было позволено сыграть в историческом процессе свою роль до конца, она вероятно свелась бы к первым шагам на пути к достижению венгерской национальной независимости и личной свободы ее граждан, после чего он уступил бы свое место выборному народному представителю. Своей символической популярностью в дни народного восстания он был обязан в первую очередь тому, что он был устранен от руководства в 1953 г. и исключен из партии в 1955 г., в обоих случаях теми же ненавистными Матиасом Ракоши и Эрно Гере.

В Венгрии, как и в Польше, народ желал одного и того же, как это ясно показали слова и дела последующих дней: восстановления церкви и религии (символом чего в Венгрии был кардинал Миндсенти, заключенный еврейскими террористами в тюрьму) освобождения народа от иностранной зависимости (т.е. вывода советских войск), упразднения террористической тайной полиции и заслуженного наказания ее руководителей. Весьма важно подчеркнуть, что все эти требования были выдвинуты в ходе мирной демонстрации, а отнюдь не путем бунта или восстания. Наилучшим подтверждением этого служит заявление по радио (15 ноября 1956 г.) коммунистического диктатора Югославии Тито, какими бы соображениями это заявление ни было вызвано:

«Во время нашего визита в Москве мы прямо заявили, что как сам Ракоши, так и его режим не обладают нужными качествами, чтобы руководить венгерским государством и обеспечить его внутреннее единство... К сожалению, советские товарищи нам не поверили... Когда даже венгерские коммунисты стали требовать отставки Ракоши, советские руководители поняли, что дальше так продолжаться не может, и согласились на его отстранение. Но они допустили ошибку, не позволив убрать также и Гере и прочих ставленников Ракоши... Они согласились на отставку Ракоши при условии, что Гере останется на своем посту. Гере проводил ту же политику и был столь же виновен, как и Ракоши... Он обозвал сотни тысяч демонстрантов, которые в то время всё еще были мирными демонстрантами, черню»

(участник событий свидетельствовал впоследствии, что Гере назвал их «грязными фашистскими бандитами» и другими словами, не поддающимися воспроизведению в печати))

«... Этого оказалось достаточно, чтобы поджечь пороховую бочку и привести ее к взрыву. Гере призвал на помощь армию. Звать на помощь советскую армию против демонстраций было роковой ошибкой... Это обозлило народ еще более и так разразилось самопроизвольное восстание... Надь призвал народ на помощь против советской армии и обратился к западным странам с призывом о вмешательстве».

Из этого ясно, что народ взбунтовался лишь после провокационного и оскорбительного выступления партийного вождя Гере, оставшегося на своем посту после того, как венгерский ЦК назначил Имре Надя главой правительства. Гере призвал в Будапешт советские войска для наведения порядка. 24 октября 1956 г. советские танки и венгерские чекисты открыли огонь по демонстрантам на Парламентской площади, требовавшим отставки Гере, усеяв улицу мертвыми и умирающими мужчинами и женщинами. Именно это послужило началом настоящего восстания; народ восстал, как один человек, против советских войск и ненавистной чекистской полиции, и в течение немногих дней коммунистическая революция понесла в Венгрии такое поражение, что события в Польше, по сравнению с ним, показались детской игрой. Кардинал Миндсенти был освобожден из тюрьмы, Имре Надь занял пост главы правительства, ненавистный Гере исчез с горизонта (по сообщениям, его отправили на крымский курорт в компании с Ракоши), на чекистских террористов была устроена облава, а их казармы были разгромлены. Статуя Сталина была сброшена и разбита на куски; венгерские воинские части повсюду либо способствовали восстанию, либо оставались в бездействии; советские части (главным образом состоявшие из русских) часто сочувствовали народу, множество советских танков были уничтожены. Это были первые обнадеживающие дни в истории Европы после победы революционного коммунизма в 1917 году; но на другом конце континента быстро зашевелился революционный сионизм, спеша на помощь своему собрату, и в течение немногих дней, даже немногих часов, всё, что уже было достигнуто, потерпело полное поражение.

Мы должны здесь бросить взгляд назад, прежде чем закончить описание второй, последней стадии венгерской народно-освободительной войны, поскольку именно пример Венгрии представляется нам имеющим наибольшее значение. Мы не знаем, по каким причинам, но именно здесь руководство в Москве поставило знак равенства между еврейской властью и режимом

террора, приняв твердое решение не допустить разгрома ни того, ни другого; опыт Венгрии доказывает поэтому больше, чем любой иной, продолжение еврейско-талмудистского руководства революцией в ее центре в Москве. Коммунистический режим 1919 года, который венграм удалось сбросить собственными силами после краткого периода его безжалостного террора, был чисто еврейским, несмотря на участие в нем одного или двух не-евреев, ничего не меняющих в его основном характере. Это было кровавое господство четырех главных еврейских террористов, поддержанных многочисленной еврейской мелочью, а именно Бела Куна, Матиаса Ракоши, Тибора Самуэля и Эрно Гере, из которых ни одного нельзя назвать венгром и которые все были натасканы для своих задач в большевистской Москве.

После Второй мировой войны, по соображениям политического камуфляжа, Советы разрешили провести в Венгрии более или менее свободные выборы (ноябрь 1945 г.), естественным и неизбежным результатом которых была победа партии малых землевладельцев, т.е. крестьянского большинства, получившей громадное большинство парламентских мандатов. Из Москвы срочно был послан обратно в Венгрию Матиас Ракоши (глава венгерской Чека, Тибор Самуэль, покончил самоубийством во время бегства из Венгрии в 1919 г.); Бела Кун получил по заслугам пулю в затылок от своих московских товарищей во время чисток в 1930-х годах, но в феврале 1956 года XX советский партсъезд торжественно «реабилитировал» его память, в чем можно усмотреть предвосхищение того, что ожидало венгров в октябре того же года). С помощью советской армии и восстановленной венгерской Чека Ракоши принялся за уничтожение некоммунистических политических соперников, пятерых из которых (в их числе небезызвестный Ласло Ройк, также еврей, настоящая фамилия – Рейх) были повешены им и Гере в 1949 г. после обычных «признаний» в работе на «империалистические державы», что, однако, вовсе не потревожило упомянутые «державы», не в пример их неистовству по поводу обвинений в «сионистском заговоре» в 1952 г. К 1948 году Венгрия была под руководством Ракоши полностью советизирована и терроризирована. Главным чекистским террористом этих лет, под начальством Ракоши, был Эрно Гере, также вернувшийся из Москвы после двадцатилетней эмиграции; именно им был инсценирован позорный процесс против главы венгерской церкви, кардинала Миндсенти, обратившегося накануне своего ареста к верующим с просьбой не верить ни одному «признанию», которое будет вымучено из него чекистами. После венгерского восстания в газетах всего мира были опубликованы описания кардиналом того, что ему пришлось вытерпеть, причем вновь был продемонстрирован неизменно и принципиально анти-христианский характер еврейского террора: кардинала мучили в течение 29 дней и ночей, раздев его догола и избивая целыми днями резиновым шлангом, держа больного легкими старика в холодном и сыром подвале, заставляя его быть свидетелем непотребных сцен и отдавая его во власть издевавшихся над ним проституток. После этого Венгрия в течение нескольких лет задыхалась в тисках террора тех же двух подонков, которые распинали ее в 1919 году, а правительственный аппарат страны был «сплошь еврейским, 90 % на верхах»; в глазах рядового венгерского гражданина этот террор был еврейским и талмудистским, а не коммунистическим, советским или «русским», и этот характер был придан террористическому режиму не случайно, а смысл возвращения в Венгрию Ракоши и Гере после Второй войны вызывал столь же мало сомнений, как и их действия в стране.

После смерти Сталина что-то вдруг зашевелилось и в Восточной Европе; в июне 1953 г. Ракоши покинул пост главы правительства, после чего в лондонском «Таймсе» было напечатано, что *«г-н Гере остался единственным евреем в венгерском кабинете, который при г-не Ракоши был по преимуществу еврейским»*. Поскольку Ракоши остался главой партии, а Гере был заместителем председателя совета министров, вряд ли многое изменилось в Венгрии, а когда в июле 1956 г. Ракоши сняли и с поста главы партии, его место занял Гере, последствия чего сказались, как уже было показано, в октябре того же года. Гере закрутил гайки так, что взрыв оказался неизбежным: после победы народного восстания советская армия была выведена из страны (28 октября 1956 г.), а двумя днями позже, 30 октября, советское радио передало правительственное заявление с признанием *«ошибок, нарушивших принципы равноправия в отношениях между социалистическими государствами»* и предложением обсудить *«мероприятия... для устранения любых возможностей нарушения принципа национального суверенитета»*, а также *«рассмотреть вопрос размещения советских войск на территории Венгрии, Румынии и Польши»*. Была ли это хитрость с целью усыпить народы, пока убийца собирался с силами или же действительное отступление и вынужденное признание ошибок, открывавшее перспективы примирения и надежды?

Если бы только Израиль не напал на Египет... если бы Англия и Франция не присоединились бы к этому нападению... если бы всего этого не случилось, весь мир давно бы уже узнал ответ на этот вопрос. Теперь он его никогда не узнает, ибо сионистское вторжение в Египет и участие в нем Англии и Франции спасло коммунистическую революцию, избавив ее от необходимости выбирать между двумя указанными решениями: как по мановению волшебной палочки (в чьих руках?) глаза всего мира повернулись от Венгрии на Ближний Восток и венгерские события вдруг потеряли всякое значение. Напрасным стало сообщение Имре Надя на следующий день по радио ко всему миру с призывом о помощи и указанием, что 200 000 советских солдат и пять тысяч танков вступают в Венгрию.

Будапешт был превращен в развалины. 7 ноября замолкла последняя свободная венгерская радиостанция в Дунапентеле, как и в свое время замолкли голоса польских повстанцев в 1944 году и чешских патриотов в 1938-м, также вызывавших о помощи к «Западу». *«Это – наша последняя передача. Нас подавляют советские танки и авиация».* Эти слова, как записал венский корреспондент «Нью-Йорк Таймса», *«потонули в последовавшем оглушительном взрыве. После этого наступило молчание».* Имре Надь нашел убежище в посольстве Югославии, а когда он покинул его, получив от Советов заверение в свободном проезде, его схватили и увезли неизвестно куда, где он, по слухам, был повешен. Кардинал Миндсенти спасся в американском посольстве. В конце ноября 1956 г. хорошо осведомленный о происшедших событиях кубинский делегат в ООН сообщил, что число убитых в Венгрии составило 65 000 человек. Более ста тысяч бежали через австрийскую границу, и маленькая Австрия одна спасала пошатнувшийся престиж «Запада», принимая безоговорочно всех беглецов и не ставя никаких вопросов. Несколько тысяч из них смогли добраться до Соединенных Штатов, где некий м-р Вильбур Брукер, по должности военный министр США, заставил их «аплодировать американскому флагу», а после этого «аплодировать президенту Эйзенхауэру».

Эти десять дней действительно потрясли мир, и вероятно потрясут его еще более, если только вся правда о происшедшем станет когда-либо известна. Они показали, что те моральные ценности, которые когда-то символизировались в понятии христианской Европы и «Запада», воплощались теперь не в Америке или Англии, а в поработанных нациях Восточной Европы. «Западные демократии» повернулись к Венгрии спиной, их интересовали одни только события на Ближнем Востоке. Пресловутый «еврейский вопрос» вовремя выдвинулся на первый план, подавив своей тенью проблески надежды в Европе. Снова, как и в 1917 г., революционный коммунизм и революционный сионизм действовали рука об руку, взаимно поддерживая друг друга. У «объединенных наций» не нашлось времени обсудить венгерский призыв о помощи, пока волна террора не уничтожила просивших, посадив на их места агентов коммунистического режима.

В самой Венгрии место исчезнувшего Гере было занято другим комиссаром 1919 года, Ференцем Мюннихом, также игравшим видную роль в эпоху Бела Куна и также вернувшимся в Венгрию в обозе советской армии после Второй мировой войны. С 1946 по 1949 гг., когда Ракоши давил Венгрию второй в ее истории волной еврейского террора, Мюнних был начальником полиции в Будапеште. Теперь он стал «заместителем председателя совета министров, министром национальной обороны и общественной безопасности» в правительстве некоего Яноша Кадара, посаженного Москвой. За этим Кадаром ходила слава некоторой независимости, когда-то и где-то проявленной, а поэтому больших прав ему дано не было. Как писал «Нью-Йорк Таймс», Мюнних был *«московским тузом в колоде, приставленным к Кадару».* Так ночь снова спустилась на Венгрию и разгромленным венграм оставалось в виде сомнительного утешения одно лишь заверение президента Эйзенхауэра, что он «всем сердцем с ними». Заряд замедленного действия, заложенный на Ближнем Востоке в ту же самую неделю, когда большевистская революция восторжествовала в Москве, был взорван в нужный момент, когда эта революция терпела фиаско и стояла перед поражением. Эта диверсия превратила блестящие возможности, открывшиеся впервые за много лет, в потрясающую катастрофу. Советам освободили руки для кошмарной резни в Венгрии в то время, как великие державы Запада начали между собой спор об Израиле, Египте и Суэцком канале; весь мир, как замороженный, повернулся в эту сторону, и советские палачи с руками в крови европейских наций смогли присоединиться ко всеобщей анафеме, наложенной на Англию и Францию, когда они ввязались в израильскую агрессию против Египта.

Создание сионистского государства оказалось для судеб человечества еще более роковым, чем второе детище талмудистского кагала в России, – коммунистическая революция. Во втором

разделе нашего повествования о кризисных годах Западного мира мы должны поэтому обратиться к событиям в Израиле на протяжении 8 лет между его созданием с помощью террора в 1948 году и его нападением на Египет в 1956 г.

2. Сионистское государство

В эти годы маленькое государство под фальшивым именем «Израиля» представляло собой совершенно невиданное в истории явление. Оно было задумано, установлено, управляемо и в значительной степени населено несемитскими евреями хазарского происхождения из России. Основанное на племенных традициях глубокой древности, с которыми у его народа не было и не могло быть ни малейших кровных или исторических связей, оно вырастило дикарский шовинизм на основе буквального приложения левитских законов древней Иудеи. По своей территориальной и экономической ничтожности оно не обладало возможностями самостоятельного существования и жило с самого начала, пользуясь деньгами и оружием, которые его влиятельные сторонники и основатели способны были выжать из больших западных держав. За эти немногие годы оно перецегило воинственными словами и действиями всех когда-либо известных истории поджигателей и зачинщиков войн. Управляемое людьми того же сорта, что и террористы в Польше и Венгрии, оно ежедневно угрожало семи соседним народам разрушением и порабощением, предписанным и для них в левитском Второзаконии.

Оно не скрывало при всем этом, что его власть в столицах западных государств была достаточной, чтобы не позволить их правительствам в чем-либо ему противоречить и чтобы при любых условиях обеспечить ему их поддержку. Оно вело себя так, как если бы в особенности Америка была его колонией, и политика США полностью соответствовала этому представлению. Внутри своих границ оно ввело законы против смешанных браков и перемены религии, ничем не отличавшиеся от пресловутых нюрнбергских законов Гитлера, за которые побежденной Германии пришлось дорого расплатиться; за пределами его границ бедствовала обезземеленная орда арабов, изгнанных им в пустыню, численность которой возросла за 8 лет путем деторождения почти до миллиона. Непрекращающимися нападениями через границу и резней как беглецам, так и вынужденным приютить их соседям беспрестанно напоминалось, что судьба Дейр-Ясина висит и над ними: «...искореняй до последнего, мужчин, женщин и детей... не оставляй в живых ничего, что дышит». Западные создатели этого чудовищного государственного образования робко шептали слова упреков, одновременно посылая ему деньги и всё необходимое для войны, которой они якобы так боялись; подобно Франкенштейну, они создали орудие разрушения, над которым они больше не имели власти.

Основанное на легенде и фантазии, это маленькое государство не имело реального существования, обладая только силой и возможностями распространять беспокойство во всем мире, который с первых же дней его создания не находил ни минуты покоя. Оно начало выполнять слова древнего пророчества: «Тогда ужас Мой пошлю пред тобой, и в смущение приведу всякий народ, к которому ты придешь». Предоставленное самому себе, это государство потерпело бы полный крах, подобно тому как потерпел крах «еврейский национальный очаг» между обеими мировыми войнами. Стремление покинуть его снова стало преобладать над стремлением в нем поселиться, несмотря на всю силу шовинизма, на время способную торжествовать над всеми остальными побуждениями тех, кто ему поддается. Уже в 1951 г., через 3 года после основания «Израиля», число покидающих страну превысило бы число прибывающих в нее, если бы не упомянутая выше «неожиданная брешь» («Нью-Йорк Геральд Трибюн» от апреля 1953 г.), открывшаяся в «железном занавесе», в котором, как известно, брешей не случается, разве что если они допускаются нарочно; революционно-коммунистическое государство явно было заинтересовано в поставке населения революционно-сионистскому. Несмотря на всё это, в 1952 году в Израиль прибыли только 24 470 иммигрантов, в то время как 13 000 из него выехали, а в 1953 г. – последнем, за который автор настоящей книги располагает статистическими данными – эмиграция из Израиля превысила, согласно данным Еврейского Агентства, иммиграцию. Некий д-р Венъямин Абель, выступая в Иерусалиме, заявил в июне этого года, что за первые пять месяцев прибыли 8 500 чел., в то время как выехали 25 000.

Таков был бы естественный ход событий, если бы «Израиль» предоставили самому себе, поскольку, кроме оголтелого шовинизма, это государство не могло никому ничего предложить. Наглядную картину происходившего рисуют еврейские источники; некий Моше Шмилянский, проживший в стране 60 лет, писал в газете «Jewish Review» в феврале 1952 г.:

«Ко времени окончания британского мандата страна находилась в прекрасном состоянии. Государственные и частные продовольственные склады были полны, налицо был большой запас промышленного сырья. Страна располагала 30-ю миллионами фунтов стерлингов в Английском Банке, помимо английских и американских ценных бумаг на большие суммы. Денежное обращение в стране оценивалось примерно в 30 миллионов фунтов, ходивших наравне с английским фунтом стерлингов. ...Мандатное правительство оставило нам ценное наследство в виде глубоководного порта в Хайфе, двух причалов в Яффе и Тель-Авиве, железные дороги, хорошую дорожную сеть, правительственные здания, большие и полностью оборудованные военные и гражданские аэродромы, прекрасные казармы и нефтеочистительные предприятия в Хайфе. Бежавшие из страны арабы оставили нам около 5 миллионов дюнамов⁷² возделанной земли с фруктовыми садами, апельсиновыми рощами, маслинными плантациями и виноградниками, около 75'000 жилых домов в городах, многие из них весьма комфортабельные, около 75'000 лавок и фабрик, множество движимого имущества, мебели, ковров, драгоценностей и т.д. Всё это было большим богатством, и если мы теперь в Израиле погрязли в бедности, то виноваты в этом чрезмерная бюрократическая централизация, ограничение частной инициативы и установление социалистического режима».

В апреле 1953 г. член израильской ревизионистской партии Гурвич описал перед сионистской аудиторией в Йоганнесбурге «вырождение» сионистского государства. По его словам, невозможно больше было закрывать глаза на тревожное положение Израйля:

«В экономическом отношении страна стоит на пороге банкротства. Иммиграция сократилась, и за последние несколько месяцев большее количество покинуло страну, чем прибыло в нее. Помимо этого имеются 50'000 безработных и многие тысячи других работают лишь при сокращенном рабочем дне».

В распоряжении автора имеется множество аналогичных свидетельств с еврейской стороны, и их полезно сравнить с картиной жизни в Израиле, которая преподносится западной общественности ее политиками. Некий м-р Клемент Дэвис, лидер Британской либеральной партии, той самой, которая в 1906 году располагала 401 мандатом в Палате общин и сошла под руководством г-на Дэвиса на 6 мандатов в 1956 г., выступая перед еврейским собранием в Тель-Авиве, «славословил успехи, достигнутые Израилем, представляющимся ему чудом прогресса по пути превращения еврейского государства в страну молочных рек с кисельными берегами» (это было напечатано в той же еврейской газете, что и несколько отличные оценки г-на Гурвича). В то же время, Франклин Д. Рузвельт младший, «предвыборствуя» в штате Нью-Йорк, где еврейские голоса считаются решающими, в свою очередь заявил:

«Израиль – это очаг жизни и надежды в бурлящем море арабских народов. Он пропагандирует принципы свободы и демократии от имени свободного мира более успешно, чем вся пропаганда из Соединенных Штатов».

Адлай Стивенсон, выступая в президентской избирательной кампании в 1952 г., поучал еврейскую аудиторию, что

«Израиль принял в свое лоно с распростертыми объятиями и горячим сердцем весь свой народ, искавший спасения от постигших его несчастий... Америке не мешало бы перестроить свою собственную иммиграционную политику по великодушному примеру израильской нации, и мы должны к этому стремиться»

(если принять эту болтовню всерьез, то трудно усмотреть в ней что-либо иное, как предложение выгнать американцев из Соединенных Штатов и вернуть всю их страну северо-американским индейцам).

Другой охотник на президентское место, некий г. Стюарт Саймингтон, также не отстал в славословиях сионистскому государству: «Израиль – пример того, как твердость, мужество и конструктивная политика приносят победу демократическим идеалам, не сдавая позиций советскому империализму» – в те же дни школьникам государственных школ в Израиле было предписано петь о красных знаменах в день Первого мая, в то время как политики в Вашингтоне и Лондоне с пеной у рта кричали об «антисемитизме за железным занавесом».

⁷² Мера площади – прим. перев.

Как и во все предыдущие десятилетия, против подобного беззастенчивого искажения правды могли выступить лишь отдельные еврейские голоса (мы уже указывали, что любая критика с не-еврейской стороны давно уже полностью подавлена). Вильям Цукерман писал:

«Принятая всеми теория, что создание государства Израиль послужит к объединению и спайке еврейского народа, оказалась ложной. Наоборот, этот конгресс (*Сионистский конгресс в Иерусалиме в 1951 г.*) устрашающим образом еврейского политического образования по прошествии двух тысяч лет приводит к новому сильнейшему расколу, которого евреи, как национальная группа, не знали на протяжении многих столетий, и что в будущем Израиль скорее будет разделять евреев, чем их объединять... Предполагается, что каким-то таинственным образом Израиль должен обладать юридическими полномочиями над десятью или двенадцатью миллионами евреев, живущих во всех странах мира за его пределами... Он якобы должен беспрестанно расти за счет переселения в него евреев со всего света, как бы хорошо им ни жилось там, где они живут сейчас... Согласно этой теории, евреи, проживавшие там в течение столетий и многих поколений, должны быть «спасены» из их «изгнания» и переселены в Израиль в процессе массовой иммиграции... Лидеры всех израильских партий, от крайних правых до крайних левых, включая самого премьера Бен Гуриона, начали уже требовать, чтобы американские евреи, в особенности сионисты среди них, выплатили свой долг по отношению к древней родине, покинули свое американское «изгнание» и поселились в Израиле, или по крайней мере послали туда своих детей... Иерусалимский (*сионистский*) конгресс фактически означает конец славной истории американского сионизма и открывает период усиленного ближневосточного национализма... на основе теорий покойного Владимира Жаботинского, мечтавшего о большом еврейском государстве на обоих берегах Иордана,⁷³ собравшем в себе всех евреев мира и ставшем сильнейшей военной державой на Ближнем Востоке»⁷⁴.

Не иначе звучал и протест Лессинга Дж.Розенвальда:

«Мы заявляем наш неизменный протест против всех планов превращения (американских) евреев в националистский блок со своими особыми интересами в иностранном государстве – Израиле. Политика, предписываемая американскому сионизму со стороны г. Бен Гуриона, подстрекает сионистов умножить усилия по превращению американских евреев в отдельный блок политического давления в Соединенных Штатах. Целью этого плана является превращение американских евреев в людей, духовно и культурно зависимых от иностранного государства... Мы считаем «еврейский» национализм извращением нашей веры, снижающим ее всечеловеческие масштабы до размеров националистического культа».

Как и следовало ожидать, эти еврейские протесты были вызваны опасениями раздора и раскола, вносимого сионизмом среди евреев. Однако это было лишь частичным аспектом вопроса. Истинная опасность сионизма заключается в его способности вносить раскол между нациями всего мира, натравляя одну на другую и вызывая между ними конфликты, ведущие к катастрофам, в которых на одного пострадавшего еврея придется тысячи жертв на стороне нееврейских масс. Указания на эту очевидную роковую возможность считались в 1950-е годы ересью, и нееврейские протесты оставались неопубликованными, в то время как немногие еврейские не оказывали никакого действия. В 1953 г. Нью-йоркский еврейский журнал «Комментарии» косвенно подтвердил, что сделан еще один шаг по направлению к грядущей катастрофе, опубликовав следующие строки:

«Укрепление и усиление Израиля стало прочным элементом иностранной политики Соединенных Штатов, и никакие результаты выборов не могут больше этого изменить».

Здесь перед нами вновь скрытое указание на высшую власть, стоящую над всеми президентами, премьерами и партиями, на которую мы уже указывали в этой книге ранее. Как в свое время выразился Леопольд Эмери, один из английских министров, ответственных за Палестину в период между обеими мировыми войнами, эта политика установлена раз и навсегда, и не может подвергнуться изменению. В этих угрожающих заявлениях, в которых ясно слышится авторитет и высшее знание подоплеку событий, заключается внутренний секрет создавшегося положения. Они скрытны, но вполне определены и категоричны, и они выражают уверенность в том, что «Запад» ни при каких условиях не может отказать и не откажет сионистам в полной поддержке

⁷³ Осуществлено в 1967 г. – прим. перев.

⁷⁴ Что также является в настоящее время свершившимся фактом – прим. перев.

их опасных амбиций. Эта уверенность не может основываться на одних только угрозах или даже на полной возможности переключить поддержку «еврейских голосов», печати и т.д., она должна иметь под собой более прочные основания. Тон этих заявлений, это – тон надсмотрщиков и погонщиков, знающих, что галерные рабы должны выполнять их распоряжения, поскольку они прикованы и не могут освободиться. Автор считает газету «Нью-Йорк Таймс» рупором «еврейской власти» в мире, и она неоднократно конкретно указывала на этот пакт, капитуляцию или чем бы всё это ни было, например:

«По сути, политическая поддержка, которой государство Израиль располагает в Соединенных Штатах, делает немислимым для американского правительства принятие каких бы то ни было решений, противоречащих интересам Израиля» (1956 г.).

Даже если это всего лишь намек на контроль над избирательным механизмом, это означает ни много, ни мало, как то, что процесс парламентарного управления страной с помощью «свободных выборов» подвергся полнейшей фальсификации. По мнению автора, это именно и произошло на Западе в ходе нашего столетия. Одно только это положение вещей дало возможность новому еврейскому государству выжить с помощью нескончаемых финансовых впрыскиваний из Америки. Цитированный выше еврейский ежемесячник «Комментари» указывает, что до июня 1953 года общая финансовая поддержка Израилю со стороны США выражалась в сумме в 293 миллиона долларов; дальнейшие 200 млн. долларов были предоставлены в форме экспортно-импортных банковских займов. Представитель программы «технической помощи» в Иерусалиме, организованной президентом Труманом, сообщал в октябре 1952 г., что Израиль получил по этой программе наибольшие субсидии в пропорции к своему населению, и больше, чем все остальные ближневосточные государства вместе взятые. Газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» писала (12 марта 1953 г.), что Соединенные Штаты «обеспечили» Израилю, включая частные займы и пожертвования, *«более одного миллиарда долларов за первые 5 лет его существования»*. Сверх того, Западная Германия выплачивала под давлением американского правительства свою дань Израилю, в сумме 520 млн. израильских фунтов ежегодно. Автору не удалось найти официальных данных об общей сумме субсидий Израилю со всех сторон до 1956 года; однако, делегат Сирии в ООН сообщил после одного из очередных нападений Израиля на его соседей в 1956 году, что *«начиная с 1948 г., денежный поток в сумме 1 500 000 (полтора миллиардов) долларов направлялся из США в Израиль в форме контрибуций, репараций, финансовой помощи, займов и облигаций»* (даже в эту цифру не входили репарации Западной Германии и другие формы выплачиваемой Западом дани).

Подобного этому история еще не видела. Государство, финансируемое в таких масштабах из заграницы, может легко позволить себе (в смысле финансовых возможностей) вести агрессивную, воинственную политику, и угрожающее миру поведение нового государства было возможно исключительно благодаря этому гигантскому потоку западной финансовой помощи. Уверенное в неиссякаемой денежной поддержке, а также и политической поддержке Вашингтона, которая «не могла подвергнуться изменению», новое государство принялось за осуществление своих грандиозных амбиций: восстановить в его полной силе, в 20-м веке нашей эры, «новый закон», провозглашенный левитами во Второзаконии в 621 г. до Р.Х. Всё, что совершилось вслед за этим и что еще должно произойти, было и будет «исполнением» этого «закона»; монгольские хазары должны были позаботиться, чтобы Иегова выполнил свой договор в той форме, как его выдумали в свое время левиты. И всё, что происходило, было фактически взносами в счет этого «исполнения»; фантастическое видение «язычников», несущих сокровища всей земли в Иерусалим, приобрело реальные формы в виде американских денег, германской дани и прочего. С туго набитым кошельком маленькое государство всерьез приступило к осуществлению своей фантазии полного и буквального «исполнения», чудесным концом которого должно стать унижение всех великих мира сего, всемогущего Сиона и «собрание всех евреев в одном месте». Оно сочинило новую хартию этого «собрания»: «закон о национальности» сделал всех еврейских обитателей сионистского государства «израильтянами», а «закон о возвращении» объявлял такими же «израильтянами» всех евреев в любой стране мира, в обоих случаях независимо от того, хотели этого затронутые этими «законами» евреи или нет. В «законе о возвращении» от 1953 г. говорилось:

«собрание изгнанников требует непрестанных усилий со стороны еврейской нации в рассеянии, а поэтому государство Израиль ожидает участия всех евреев, будь то частным образом или в органи-

зациях, в построении государства и в способствовании массовой иммиграции, видя необходимость объединения всех еврейских общин (*во всем мире*) для достижения этой цели».

Не представляется удивительным, что предпосылкой для реализации подобного закона должно служить постоянное наличие «антисемитизма» во всем мире, без чего загнать всех евреев в Израиль представило бы некоторые трудности; поскольку же наиболее крупное скопление евреев проживает в настоящее время в Америке, то следует ожидать, что и там рано или поздно будет объявлена «антисемитская» ситуация.

Таковы были законы, которые, подобно привидениям из исчезнувших гетто, так встревожили гг. Цукермана и Розенвальда. Они провозглашают цели, подобных которым еще не ставило себе ни одно государство в человеческой истории, и русский еврей Бен Гурион многократно подтверждал эти цели, в частности, например, в своем послании американским сионистам от 16 июня 1951 г.:

«Вашей организации дана редкая возможность проложить дорогу единому и всеобъединяющему сионистскому движению, возглавляющему американское еврейство в великую эру, открывающуюся перед еврейским народом созданием нашего государства и началом собирания всех изгнанников».

Близкий сотрудник президента Эйзенхауэра, раввин Гилель Сильвер, выразил по этому поводу свое особое удовлетворение тем, что *«г-н Бен Гурион признает главными задачами сионистского движения, как и до сих пор, осуществление полной и неограниченной программы сионизма»*. В июне 1952 г. Бен Гурион выразился в Нью-Йорке еще более ясным образом: *«Еврейское государство еще не является осуществлением сионизма... Сионизм охватывает всех евреев во всем мире»*. Второй по счету президент Израиля, Бен Цви, заявил при своем вступлении в должность в декабре 1952 года:

«Собирание изгнанников всё еще остается нашей главной задачей, и мы от нее не отступим... Наша историческая задача не может быть осуществлена без помощи всей еврейской нации на Западе и на Востоке».

Нетрудно представить себе, какой гвалт и шабаш поднялся бы во всем мире, заяви только кайзер или Гитлер нечто хотя бы отдаленно подобное. Амбиции, сформулированные как «полная и неограниченная программа сионизма», в действительности безграничны, представляя собой политическую программу, замаскированную в Торе под видом договора с Иеговой: всемирное господство над «язычниками», исходящее из центральной империи, простирающейся от Нила до Евфрата. Поддержка со стороны западных правительств помогла стать реальностью тому, что при всех других обстоятельствах могло бы рассматриваться как самая смехотворная и абсурдная претензия, когда-либо выдуманная в истории человечества.

Вначале трудно было поверить, что западные политики полностью отдавали себе отчет в том, что они совершали, однако в 1953 г. последовало заявление, исключавшее всякие сомнения по этому поводу; в мае 1953 г., споря с египетским премьером по вопросу о Суэцком канале, британский премьер-министр Уинстон Черчилль пригрозил ему не британским, но еврейским возмездием. Говоря в Палате общин об израильской армии как о «лучшей на Ближнем Востоке», он заверил, что *«наши поставки авиации в эту часть света ни в коем случае не пойдут во вред Израилю»*, а затем добавил совершенно в духе заявлений Бен Гуриона и равви Сильвера, что он *«ожидает полного осуществления сионистских стремлений»*. Здесь, как бы невзначай, от имени ничего не подозревавшего английского народа главой его правительства было взято на себя вероятно крупнейшее из всех возможных политических обязательств. Израильский парламент, разумеется, поспешил засвидетельствовать свою благодарность *«дружескому отношению м-ра Черчилля к израильскому правительству и сионистскому движению за всё время их существования»*. Английская общественность прочла чреватые последствия слова своего премьера, плохо или вообще не разобравшись, о чем идет речь. В их смысле разобрались, однако, многие евреи, среди них даже г. Абрагамс, известный «ревизионист», которому они, вообще говоря, могли бы доставить удовлетворение («ревизионисты» открыто исповедуют амбиции покойного Жаботинского о создании «большого еврейского государства на обоих берегах Иордана», которое должно стать сильнейшей военной державой на Ближнем Востоке; см. Вильям Цукерман).

Абрагамс с удивлением, и даже с ноткой тревоги, задал вопрос, были ли слова Черчилля сказаны всерьез, и добавил:

«Премьер-министр прекрасно знает Библию; ему должно быть хорошо известно, что сионистские стремления не будут исполнены, пока Израиль не будет полностью восстановлен в его исторических границах, т.е. во всей земле десяти колен».

Подобные «стремления» не могут, разумеется, быть «исполнены» без новой мировой войны, и именно это по-видимому смутило г-на Абрагамса, или, возможно, его ужаснуло. Если Черчилль произнес свои слова с обдуманном намерением, то они означали готовность поддержать грандиознейшее предприятие во всем его буквальном значении, окончательной ценой чего может быть только уничтожение того, что до сих пор понималось под Европой и Западом. Как мы смогли установить, даже еще на месяц раньше, уже в апреле 1953 г., Черчилль засвидетельствовал свою полную готовность пойти по пути безоговорочной поддержки сионизма гораздо дальше, чем этому могли поверить все, кто знал его по прошлым выступлениям или по созданной вокруг него легенде. Он демонстративно солидаризовался с сионистской «канонизацией» открытого изменника, английского офицера по имени Орд Уингейт, дав этим пощечину всему английскому народу и, в особенности, тем английским офицерам, солдатам и администраторам, которые в течение 30 лет честно выполняли свой долг в Палестине. Уингейт, офицер британской контрразведки в Палестине в междувоенный период, так далеко отошел от беспристрастности по отношению к арабам и евреям, что было долгом и гордостью его товарищей по службе, что не только превратился в зядрого врага арабов, но и в изменника и ренегата по отношению к своей стране и офицерскому долгу. Его измена впервые стала известна, когда Бен Гурион, посвящая детский поселок на горе Кармель памяти Уингейта, который был убит во Второй мировой войне, заявил: *«Он боролся на стороне евреев против своего собственного правительства»*; Бен Гурион прибавил далее, что в год опубликования британской Белой книги 1939 г. *«он пришел ко мне (Бен Гуриону) с планами саботажа британской политики»*. Одним из предложений Уингейта было взорвать английский нефтепровод в Палестине. Черчилль послал в Израиль телеграмму с приветствием, которая была зачитана во время церемонии посвящения детской колонии памяти Уингейта; в этой телеграмме британский премьер назвал эту колонию, увековечившую память изменника, *«памятником дружбы, которая никогда не перестанет соединять Великобританию и Израиль»*, а английскому посланнику было предписано присутствовать при церемонии в знак официального одобрения со стороны британского правительства.

Таким образом, единственный англичанин, удостоившийся почтения своей памяти в сионистском государстве, был изменником своему долгу и присяге, а британский премьер-министр нашел нужным присоединиться к празднованию этого события. Описание службы и деятельности Уингейта дано Хаимом Вейцманом в его воспоминаниях. Вейцман одобрительно пишет о стараниях Уингейта подмазаться к сионистским поселенцам, для чего он даже пробовал выучиться говорить по-еврейски. По словам Вейцмана, Уингейт был «фанатичным сионистом». Видимо, он весьма напоминал «пророка» Монка прошлого века, однако в условиях нынешнего такой тип мог натворить гораздо больше вреда. Он даже явно копировал Монка, отрастив себе библейскую бороду и, судя по всему, нашел свое истинное призвание в стране иудеев. По всем данным, он был либо не вполне нормальным, либо же явно неуравновешенным субъектом, о чем свидетельствует его служебная характеристика в британской армии: *«слишком неуравновешен, чтобы командовать людьми на ответственной должности»*. Он обратился за помощью к Вейцману, который попросил известного лондонского врача, лорда Гордера (ярого приверженца сионистов), выправить Уингейту аттестат для британского военно-медицинского совета, засвидетельствовав его *«благонадежность и чувство ответственности»*. В результате столь мощной поддержки Уингейт получил назначение в капитанском чине на работу в палестинской контрразведке, результаты чего нетрудно было предвидеть. Во время Второй мировой войны этот субъект, *of all people*,⁷⁵ как говорят англичане, был особо выделен Черчиллем, который вызвал его в Лондон во время Квебекской конференции для внеочередного производства в генерал-майоры. Вейцман пишет далее, что «самым горячим желанием» Уингейта было войти во главе английских частей в побежденный Берлин и, судя по тексту Вейцмана, первой должна была войти еврейская бригада под командой Уингейта, знаменуя тем самым не британскую, но талму-

⁷⁵ В.Э. 2018-05-26: В оригинале: «During the Second War this man, of all men, was singled out for especial honour by Mr. Churchill...».

дистскую победу во Второй войне. Как с досадой пишет Хаим Вейцман, «генералы» помешали этому унижению побежденных, и их решение «было окончательным и бесповоротным».

Этот любопытный эпизод рисует еще отчетливее переменчивую и загадочную фигуру Черчилля, больше чем кто-либо иной взывавшего к чести, долгу и верности, и призывавшего свой народ в минуту тяжелых испытаний отдать свои «кровь и пот, труды и слезы» во имя этих вечных принципов. На его глазах один из его министров был убит в Палестине, а английские солдаты, замученные и обезображенные еврейскими террористами, повешены как символ иудейской мести на дереве; несмотря на это, он покровительствовал именно такому субъекту, как Уингейт, при его жизни, и выделил его память для особого почтения после его смерти. Заметим, что тот же Черчилль, еще до этих событий, работая над биографией своего знаменитого предка, прекратил свой труд после того, как были опубликованы документы, изобличавшие Джона Черчилля, первого герцога Марльборо в измене: он якобы выдал французам планы нападения на них британского флота. «Выдача планов нашей высадки в Бресте» – писал Черчилль – «оказалась препятствием, которое я не мог преодолеть», и от стыда за измену своего предка он прекратил работу над самым выдающимся из своих литературных произведений, возобновив ее лишь после того, как выяснилось, что опубликованные документы были подделкой. Но даже и в этой книге его понятие верности и долга вызывает сомнения, поскольку в предисловии к ней он одобряет и оправдывает настоящую и вполне доказанную измену герцога Марльборо: выйдя из Лондона во главе армии короля Якова Стюарта навстречу вторгнувшимся немецким и голландским войскам Вильгельма Оранского, он перешел на сторону врага, в результате чего вторжение в Англию не было встречено ни одним выстрелом с английской стороны. Другими словами, трудно не сделать вывода, что почтение памяти изменника 30 октября 1956 г. (хотя оно и было приказано уже преемником Черчилля, его верным приспешником Иденом) показывает, что ожидание Черчиллем буквального «исполнения сионистских стремлений» высказанное в мае 1953 г., было действительно вполне серьезным, что бы его слова ни сулили в будущем его народу и государству. Если Западу, как это, очевидно, известно Черчиллю и его сообщникам, тайно отведена роль способствовать «исполнению» сионистских амбиций, то это может только означать новую мировую войну еще более страшную, чем все до сих пор испытанное Европой и Западом, в которой их армии будут играть роль пешек в чужой разрушительной игре с целью натравливания христианских наций одну на другую, уничтожения мусульманских народов, установления всемирной сионистской империи и служения ей в качестве новых янычар. В этой грандиозной игре евреи во всем мире, на какой бы стороне так называемой линии фронта они ни стояли, всегда должны будут служить интересам Сиона, как этого требует от них «закон о возвращении». Как это делается, мы могли увидеть из статьи, опубликованной в еврейской газете в Йоганнесбурге (Южная Африка), «Jewish Herald» от 10 ноября 1950 г., по поводу одного любопытного, оставшегося в полной тайне, эпизода во время Второй мировой войны. В статье говорилось, что когда в США началось производство атомного оружия,

«доктору Вейцману было предложено собрать несколько наиболее известных еврейских ученых и организовать из них группу, которая могла ставить союзникам условия в интересах еврейства... Я (автор статьи) лично видел этот документ, составленный и переданный доктору Вейцману ученым, приобретшим некоторую известность в области военных изобретений».

Не приходится сомневаться, что такая «группа» была организована и продолжает действовать до сих пор, направляя производство смертоносного оружия в интересах «еврейства» и обеспечивая им «Израиль»: в смысле этой угрозы всему человечеству не приходится сомневаться.⁷⁶

⁷⁶ Ко времени написания настоящей книги Дугласу Риду еще не могли быть известны многие засекреченные данные об американской программе производства атомного оружия, однако его прогноз о соблюдении в ней «интересов еврейства» и обеспечении этим оружием в первую очередь Израиля представляется в свете данных, ставших известными с тех пор, безошибочным. Созданный во время второй мировой войны т.н. «проект Манхеттен», работавший над созданием атомной бомбы, находился целиком в еврейских руках. Руководящую роль в теоретических изысканиях сыграл эмигрировавший из Германии Альберт Эйнштейн. Директором атомной лаборатории в Лос Аламосе, в штате Нью Мексико, где начиная с 1942 г. велась практическая разработка проекта, был с 1943 по 1945 г. нью-йоркский еврей Роберт Оппенгеймер (род. 1904). Первая атомная бомба была взорвана под его руководством в том же районе Аламогордо в июле 1945 г., следующие были сброшены в августе 1945 г. над Хиросимой и Нагасаки (они предназначались для Берлина, но капитуляция Германии «помешала» этому). За эти заслуги Оппенгеймер получил в 1963 г. из рук президента Джонсона специально учрежденный атомный «приз Ферми» с золотой медалью и

О том, как проводится конкретная работа по «исполнению сионистских стремлений», повествует нам не менее авторитетное лицо, другой «доктор», Наум Гольдман – долголетний «президент» Всемирной сионистской организации и Всемирного еврейского конгресса; выступая перед еврейской аудиторией в Иоганнесбурге в августе 1950 г., он описал свою беседу с Эрнестом Бевингом, в то время министром иностранных дел Англии:

«Это маленькое государство (*Израиль*) является единственным в своем роде, занимая совершенно исключительную географическую позицию. В те годы, когда мы ставили на ноги, с помощью английского правительства, наше еврейское государство, и во время одной из моих бесед с м-ром

дотацией в 25 000 долларов. «Проект Манхеттен» был по декрету президента Тумана реорганизован в 1946 г. в Комиссию Атомной Энергии (АЕС), руководителем которой стал Бернард Барух, одновременно представлявший США в такой же комиссии ООН.

Заместителем директора атомной лаборатории в Лос Аламосе был с 1949 по 1952 г. родившийся в Будапеште (1908) венгерский еврей Эдвард Теллер, учившийся в 1926–30 гг. в университетах в Карлсруэ, Мюнхене и Лейпциге. Выехав из Германии в 1934 г., он учился на американскую стипендию в университете в Копенгагене у знаменитого датского атомного физика Нильса Бора, иммигрировав в США в 1935 г. В «проекте Манхеттен» Теллер принимал руководящее участие с 1942 г., с 1950 г. он был директором программы водородной бомбы, «отцом» которого он считался с тех пор. Одним из руководителей АЕС под Барухом был с 1946 по 1950 г. родившийся в 1899 г. Давид Лилиенталь, не имевший никакого отношения к физике и работавший в области коммунального хозяйства в Чикаго и штате Висконсин (1926–31); в 1933 г. на него «обратил внимание» президент Рузвельт, назначивший 34-летнего юриста директором национализированной долины Тенесси (Tennessee Valley Authority, TVA). По протекции Баруха Лилиенталь, став членом АЕС, одновременно состоял в Ведомстве консультантов по международному контролю атомной энергии при Госдепартаменте США. После отставки Баруха он был назначен его преемником в качестве председателя АЕС, которая к тому времени превратилась в гигантский научно-промышленный комплекс с государственными вложениями порядка десятков миллиардов долларов.

Другим руководящим членом АЕС был «адмирал» Льюис Штраус (род. 1896), ставший ее председателем в 1953 г. Штраус – внук еврейских иммигрантов из Баварии и сын мелкого сапожного фабриканта. Не получив ни малейшего образования, он торговал до 20-летнего возраста отцовским товаром, пока не был «открыт» тем же Барухом, который в 1917 г. навязал его руководителю Продовольственного ведомства и будущему президенту США Герберту Гуверу в качестве личного секретаря. Гувер, по-видимому не найдя более подходящих сотрудников, поручил 22-летнему невежде в 1918 г. разработку плана послевоенной помощи Бельгии. В марте 1919 г. Барух взял Штрауса с собой в Париж, сделав его одним из 4-х членов союзной репарационной комиссии (сам Барух был «советником» при Версальской мирной конференции). Яков Шифф, глава еврейского банка Кун, Леб и Ко в Нью-Йорке, игравший закулисную роль среди еврейских «советников» в Версале, взял протекцию Баруха сотрудником в свою фирму, где Штраус, в качестве ее партнера (1929–47), через 10 лет «заработал свой первый миллион долларов». Штраус был «финансовым советником» семьи Рокфеллеров, будучи одновременно директором радиовещательных компаний RCA и NBC (президент обеих – Давид Сарнов, род. 1891 в Узлянах под Минском, женат на Фелиции Шифф-Варбург). Во время второй мировой войны Штраус нажился на поставках американскому военному флоту и был произведен Рузвельтом в 1945 г. в адмиралы (Сарнов им же был произведен в генералы). Президент Труман ввел его по рекомендации Баруха в руководство АЕС, при Эйзенхауэре он был «специальным советником» президента по вопросам атомной энергии, в 1953 г. его назначили председателем АЕС. В американской общественности стало известно, что, вопреки протестам других директоров Комиссии, Штраус настоял на развитии и производстве водородной бомбы, создателем которой был упомянутый выше Эдвард Теллер.

Таким образом, «отцами» атомной бомбы были Альберт Эйнштейн и Роберт Оппенгеймер, а «отцом» водородной бомбы – Эдвард Теллер, в то время как общее руководство развитием и производством атомного оружия было в руках последовательно Бернарда Баруха, Давида Лилиенталья и «адмирала» Льюиса Штрауса. Дальнейшее развитие программы производства смертоносного оружия мирового масштаба в последние десятилетия держится в секрете, однако не существует сомнений в том, что оно продолжает оставаться в тех же руках. В частности, «отцом» последнего достижения в этой области – нейтронной бомбы, действующей только против живой силы и не разрушающей строений и оборудования, а также не заражающей местность – является американский физик из следующего еврейского поколения Самуил Т. Коган (Samuel T. Cohen), который в интервью с голландским телевидением в 1981 г. высказал убеждение, что атомная война, «само собой разумеется», разыграется на территории Европы. Руководителем программы атомных исследований в США в настоящее время (1985) является некий генерал-лейтенант Яков Абрамсон (James Abrahamson), ведающий также подготовкой лазерно-спутниковой защиты в мировом пространстве; дальнейших подробностей о нем пока неизвестно. В европейской и американской печати неоднократно сообщалось, что Израиль обладает в настоящее время по меньшей мере 200 атомных и водородных ракетных бомб. Опровержений этих сообщений сделано не было. – *Прим. издателей.*

Бевином, он мне сказал: «Знаете ли Вы, что Вы от меня требуете? Вы хотите, чтобы я отдал Вам ключ к одному из наиболее жизненно важных стратегических районов в мире»; на что я (*Гольдман*) ему ответил: «Ни в Новом, ни в Ветхом Завете не сказано, что этим ключом должна обладать Великобритания»».

Похоже, что Черчилль, если за его словами стояли истинные намерения, готов был этот ключ выдать, а после смерти Бевина все остальные политики в Вашингтоне и Лондоне ни о чем другом уже и не думали. Результаты всего этого вполне видимы и предвидимы, и в них невозможно усмотреть простую случайность. Грандиозный план безостановочно движется здесь к своему завершению или же провалу; великие нации Запада играют при этом роль его вооруженного эскорта, и, в случае его удачи, сами осуждены на величайшее унижение; они похожи на того, кто соглашается на предлагаемую ему работу при условии, что по мере преуспевания фирмы, его зарплата будет снижаться. На всех стадиях этой злополучной авантюры посвященные в нее всегда говорили об определенном плане, сознательно и целеустремленно проводившемся в жизнь. Мы уже раньше цитировали слова правой руки Герцля на 6-ом сионистском конгрессе в 1903 году, Макса Нордау:

«Я покажу вам теперь ступени лестницы, ведущей всё выше и выше... будущая мировая война и мирная конференция, на которой с помощью Англии будет создана свободная еврейская Палестина».

25 лет спустя ведущий английский сионист, еврейский лорд Мельчетт, говорил в тех же тонах тайного высшего знания перед сионистами в Нью-Йорке:

«Если бы я сказал вам в 1913 г.: «Приезжайте на конференцию для обсуждения создания в Палестине еврейского национального очага» – вы сочли бы меня пустым мечтателем, тем более, если бы я сказал вам уже в том же 1913 году, что австрийский эрцгерцог будет убит и что из всего того, что за этим последует, вырастет конкретная возможность создать для евреев национальный очаг в Палестине. Не кажется ли вам странным, что из всего этого мирового кровавого хаоса выросла именно одна эта возможность? Неужели вы в самом деле думаете, что обратно в Израиль нас привела простая случайность?» («Jewish Chronicle» от 9 ноября 1928 г.)

Если в наши дни грянет третья мировая война, то и это не будет «простой случайностью»; весь ход событий ясно указывает на последовательность причин и следствий, как и на силу, стоящую за ними. Через 30 лет после цитированных выше многозначительных слов лорда Мельчетта, в феврале 1956 г., автору этих строк случилось быть в Южной Каролине, и только благодаря этой случайности и с помощью местного газетного листка ему удалось услышать комментарий к будущей третьей мировой войне, высказанный в том же тоне и явно внушенный с таких же олимпийских высот высшего знания. Сын Черчилля, Рандольф Черчилль, гостил там у закадычного друга своего отца, г-на Бернарда Баруха, в феодальном поместье последнего «Литл Хобкау» в Южной Каролине. Распровавшись с «великим мира сего», Рандольф Черчилль поведал газетным корреспондентам (согласно сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс от 8 февраля 1956 г.), что

«напряженное положение на Ближнем Востоке может в любой момент перейти в вооруженный конфликт. Однако я не думаю, чтобы человечество могло неожиданно, как бы споткнувшись, ввязаться в следующую мировую войну. ...Третья мировая война, если она начнется, будет не случайной, а трезво рассчитанной и заранее запланированной».

На фоне исполнения сионистских амбиций (платеж дани великими народами западного мира и «собрание» всех евреев мира в Израиле) новое государство не оставило сомнений в своем намерении восстановить «исторические границы», засвидетельствовав это словами и делами. Ни один из известных истории западных «поджигателей войны» никогда еще не позволял себе подобных откровенностей. Бен Гурион заявил (согласно еврейской газете «Джуиш Геральд» в Иоганнесбурге, от 24 декабря 1952 г.), что Израиль «ни при каких условиях не позволит возвращения арабских эмигрантов» (т.е. коренных жителей страны, изгнанных из нее). Что же касается Иерусалима (который тогда еще был поделен между евреями и Иорданией, в ожидании «интернационализации» под управлением ООН), то «для нас судьба этого города решена так же окончательно, как судьба Лондона, несмотря на его смехотворные границы»;

этот вопрос не может быть темой для переговоров». «Изгнанники» за границей (разумеется не арабские, а еврейские) должны быть «собраны» в Израиле в количестве «четырёх миллионов иммигрантов в ближайшие 10 лет» (по словам министра иностранных дел Моше Шаретта, июнь 1952 г.), или, согласно тому же источнику, высказавшемуся в другое время, «в ближайшие десять–пятнадцать лет». На наших глазах потребовались две мировых войны, чтобы устроить «очаг» и затем «государство», и поселить в нем полтора миллиона евреев. Приведенные выше высказывания, очевидно, предвидят новую войну в ближайшие десятилетия, поскольку никакими иными путями не удастся «собрать» такое количество евреев из тех стран, в которых они сейчас проживают. Что же касается стоимости их переселения, то тот же Бен Гурион определил ее суммой от 7 до 8 миллиардов долларов (по существующему курсу, что равняется всему государственному долгу Италии и впятеро превышает всю британскую государственную задолженность в 1914 году), добавив, что он «ожидает, что американское еврейство даст эти деньги». Поскольку и американское еврейство явно такой суммы собрать не сможет, то платить придется налогоплательщикам западных стран.

Таким образом, всё что до сих пор заявлялось с еврейской стороны, было прямой угрозой войны всем арабским соседям, в особенности если это заявлялось такими лицами, как Менахем Бегин (что имело место неоднократно), лидер «активистской», группы сионистских убийц и террористов,⁷⁷ осуществивших резню в Дейр-Ясине. В то время от них формально «отмежевались», однако в новом государстве их с почетом восстановили и они образовали одну из крупнейших политических партий в израильском парламенте, партию Херут. У арабов, поэтому, не могло быть сомнений в смысле угроз по их адресу, если они исходили от Бегина. Дадим типичный пример: в мае 1953 г. он пригрозил 18-летнему королю Иордании, в день коронации последнего, смертью в духе Второзакония (управлявшего и резней в Дейр-Ясине). Выступая на массовом митинге в еврейской части Иерусалима, в непосредственной близости от иорданской границы, Бегин заявил:

«В этот час происходит коронация молодого араба королем Гилеада, Васана, Наблуса, Иерихона и Иерусалима. Пора сказать ему и его хозяевам: мы скоро вернемся, и город Давида будет освобожден».

Западным читателям кое-что в этом заявлении останется непонятным, однако каждый еврей и каждый араб знают о чем идет речь, а именно о стихе в 3-ей главе Второзакония:

«... И выступил против нас царь Васанский... и сказал мне Господь: не бойся его; ибо Я отдам в руку твою его, и весь народ его, и всю землю его... и предал Господь, Бог наш в руки наши и Ога, царя Васанского и весь народ его; и мы поразили его, так что никого не осталось у него в живых... и мы предали их закланию⁷⁸ ...предав закланию всякий город с мужчинами, женщинами и детьми».

Эти слова грозили смертью ордам арабских беженцев, скопившимся за пределами границ Израиля. Согласно отчету Генри Р. Лабуисса, директора Агентства ООН по труду и помощи в Палестине, к апрелю 1956 г. число беженцев превысило 900'000 чел.: 499'000 в Иордании, 88'000 в Сирии, 103'000 в Ливане и 215'000 в Египте (район Газы). Угрозы Бегина держали их в постоянном страхе перед новым бегством, возможно, лишь только попытке к бегству, в еще более отдаленную и негостеприимную пустыню. После этого слово было подкреплено делом: местные рейды через границу и резня повторялись систематически, чтобы показать арабам, что судьба Дейр-Ясина постигнет и их. 14 октября 1953 г. большой отряд неожиданно перешел иорданскую границу и разрушил до основания арабскую деревню Кибия, вырезав население до последнего человека: было найдено 66 трупов, в большинстве женщин и детей, выводы из чего полумиллионному населению арабских беженцев в Иордании предлагалось делать самому. Архиепископ Йоркский (Англия) заявил, что культурный мир «в ужасе» от того, что «еврейские голоса в Нью-Йорке оказывают парализующее действие на ООН в палестинском вопросе», и что, если не будут приняты решительные меры, то «на Ближнем Востоке вспыхнет пожар». Комитет еврейских депутатов в лондонской Палате общин, разумеется, тотчас же заклеил заявление архиепископа, как «провокационное и одностороннее»; мэр Нью-Йорка, некий Роберт Вагнер, поторопился заявить, что он «шокирован» и что «архиепископ по-видимому незнаком с

⁷⁷ Недавний премьер-министр Израиля – прим. перев.

⁷⁸ Т.е. полностью истребили – прим. перев.

американской политической обстановкой). Организация «объединенных наций» ограничилась мягким упреком по адресу Израиля.

28 февраля 1955 г. сильный израильский отряд вторгся в район Газы («присужденный» арабам Объединенными Нациями в 1949 г. и находившийся под египетским военным управлением), где прозябали 215 000 арабских беженцев, *«в крайней нищете, на узкой полосе голого побережья, две трети которого составляли песчаные дюны»* (сэр Томас Рапп, в журнале «Листенер», 6 марта 1955 г.). Было убито 39 египетских солдат и неизвестное число арабских беженцев; в знак отчаянного протеста эти последние затем сожгли 5 пунктов помощи ООН, лишив таким образом самих себя своего тощего пайка. Смешанная комиссия по перемирию выразила Израилю порицание за «грубую агрессию» и «преднамеренное и запланированное нападение». Эта смешанная комиссия состояла во всех случаях из представителей Израиля и арабской соседней страны, и также представителя ООН, чей голос оказывался решающим при установлении виновной стороны. Во всех без исключения случаях решения выносились против Израиля, пока, как в свое время в отношении британских администраторов в Палестине между 1917 и 1948 гг., не начало оказываться «давление» на правительства соответствующих представителей в комиссии с требованиями замены тех из них, кто обнаруживал беспристрастность. Были отозваны два американских представителя, вынесших в подобных случаях решения не в пользу Израиля. Вполне понятно, что все эти представители, независимо от их национальности, не забыли о судьбе, постигшей графа Бернадотта и многих других, что не могло не отзываться на их деятельности. Следует отметить, что, как и прежних британских администраторов, их не удалось ни запугать, ни подчинить, чем вновь обнаружился разительный контраст между поведением стоявших под угрозой работников на местах и их правительств в далеких от места событий западных столицах. Дело об израильской агрессии было в данном случае передано на рассмотрение Совета безопасности ООН, который единодушными голосами делегатов 11 стран выразил порицание Израилю. Делегат США отметил, что речь шла уже о четвертом аналогичном случае, *«наиболее серьезном из всех ввиду его явной преднамеренности»*. Французский делегат заявил, что принятое решение должно послужить «последним предостережением» Израилю (что не помешало французскому правительству присоединиться к нападению Израиля на Египет полтора года спустя).

8 июня 1955 г. смешанная комиссия вновь вынесла порицание Израилю за новое «вопиющее нарушение перемирия» после того, как израильские силы опять вторглись в Газу, убив несколько египтян. Единственным видимым результатом этого порицания было то, что еврейские агрессоры, прежде чем снова напасть на Газу («Тайм», сентябрь 1955 г.), причем было убито 35 египтян, арестовали 6 военных наблюдателей ООН и троих других служащих главного наблюдателя ООН за перемирием, канадского генерал-майора Э.Л.М. Бернса. В том же сентябре 1955 г. Бен Гурион заявил в газетном интервью, что если не прекратится блокада израильского порта Эйлат в заливе Акаба, то он начнет выступление на Египет, *«не позже года от этого дня»* (наступление было начато в октябре 1956 г.). Что-то по-видимому мешало «совету безопасности» занять твердую позицию по воплощению к новому нападению на невооруженных арабских беженцев в Газе (начиналась очередная американская президентская кампания), и он лишь предложил, чтобы израильские и египетские силы отошли на полкилометра друг от друга, создав между собой демилитаризованную зону, – предложение, уже ранее сделанное Египтом, но безрезультатно. 23 октября 1955 г. генерал Бернс опубликовал «осуждение Израиля» за «тщательно подготовленное нападение» на Сирию, при котором было похищено несколько сирийских граждан, а наблюдатели генерала Бернса были лишены возможности следить за событиями, будучи вновь арестованными. 27 октября израильский министр иностранных дел Моше Шаретт заявил корреспондентам печати в Женеве, что в случае необходимости Израиль начнет против арабов «превентивную войну». 28 ноября Американская сионистская организация выступила во всех крупных газетах с оплаченным заявлением на целую страницу, что *«Англия также присоединилась к лагерю врагов Израиля»*; недовольство евреев было вызвано тем, что сэру Антони Идену, который всего год спустя присоединился к израильскому нападению на Египет, в этот момент пришла в голову мысль о незначительных «исправлениях» израильской границы.

11 декабря 1955 г. Израиль напал на Сирию крупными силами; было убито 56 сирийцев. Результатом явилось самое энергичное до тех пор «осуждение» Израиля со стороны ООН, что представляет некоторый интерес, поскольку как раз начался год президентских выборов в США и всякие «осуждения» евреев по какому-то ни было поводу скоро стали весьма непопулярными. Сирийский делегат в ООН указал, что неоднократные осуждения *«не помешали Израилю совер-*

шить преступное нападение, которое мы сейчас обсуждаем». 13 января 1956 г., Совет безопасности припомнил четыре прежних акта агрессии, осудив израильское нападение как «*вопиющее нарушение... условий соглашения о всеобщем перемирии между Израилем и Сирией, как и обязательств Израиля, принятых им на себя согласно хартии ООН*», собравшись «*рассмотреть дальнейшие мероприятия*», если Израиль не изменит своего поведения. Ответом было повелительное требование Израиля о дальнейших поставках ему вооружения. Бен Гурион заявил 18 марта 1956 г. в Тель-Авиве, что только быстрая доставка оружия сможет предотвратить «арабское нападение», причем, как он добавил, «*агрессорами будут египетский диктатор Нассер*» – напомним, что за семь месяцев до того тот же Бен Гурион пригрозил Египту нападением «не позднее года» – «*с его союзниками, Сирией и Саудовской Аравией*». 5 апреля 1956 г., как раз когда Совет безопасности ООН собирался послать своего генерального секретаря, Дага Хаммаршельда, с «миссией мира» на Ближний Восток, израильская артиллерия открыла огонь по району Газы, убив 42 и ранив 103 гражданских арабов, половину из них женщин и детей. 19 июня 1956 г. Бен Гурион заменил Моше Шаретта на посту министра иностранных дел Гольдой Меир (бывшей Мейерсон, также, разумеется, из России), после чего «Нью-Йорк Таймс» многозначительно сообщил, что это могло означать поворот от «умеренности» к «активизму», из чего можно было заключить, что Шаретта, как в свое время и Вейцмана и самого Герцля, упрекнули в «умеренности». Похоже, что имело место повторение положения на сионистском конгрессе 1946 года, на котором Хаим Вейцман потерпел поражение и вынужден был уступить место оголтелому «активизму», охарактеризованному им самим как «*древнее зло под новой, еще более отвратительной личиной*». Начиная с лет революционного террора в России, «активизм» служил обозначением для голого насилия как метода революции, в форме террора и убийства. Как только это слово появилось на страницах печати, для внимательного исследователя сионизма не могло оставаться сомнений, что ожидало весь мир еще до окончания текущего года. 24 июня 1956 г. Израиль открыл артиллерийский обстрел Иордании через границу, после чего смешанная комиссия вынесла ему порицание. После этого Израиль потребовал убрать представителя ООН из комиссии, голос которого оказался решающим; генерал Бернс подчинился, заменив американского морского офицера, капитана 2 ранга Террилла, канадским офицером. Наблюдатели ООН оказались в положении, аналогичном положению британских администраторов в Палестине в межвоенный период: они не могли рассчитывать на поддержку со стороны своего же правительства, действовавшего по указке внешних сил. Перед их глазами стояло постоянное напоминание (поселок имени Уингейта в Израиле), что чины и награды даются в Палестине не за выполнение долга, а за предательство. Совершенно так же и другой американский наблюдатель, капитан 2 ранга Э.Г. Хатчисон, проголосовавший в комиссии против осуждения Иордании, был убран после того, как Израиль объявил бойкот комиссии. По возвращении в США он опубликовал книгу о положении дел на Ближнем Востоке, сохранившую свою ценность как исторический источник до настоящего времени. Подобно всем честным людям до него, он писал, что единственным выходом из создавшегося тупика могло быть только право арабов вернуться на родную землю, признание что демаркационная линия перемирия 1949 года была не окончательной границей, но лишь временной, и интернационализация Иерусалима, чтобы не допустить превращения его в объект мировой войны. 24 июля 1956 г. два военных наблюдателя ООН и иорданский офицер из смешанной комиссии подорвались на минах на горе Скопус, по вежливому объяснению с сионистской стороны, якобы на «прежнем израильском минном поле». В Египте два полковника, по утверждениям сионистов якобы работавших в египетской разведывательной службе, были убиты взрывом зарядов в письмах, доставленных им по почте (за десятилетие до того тот же метод был применен против английского офицера, капитана Роя Фаррана в Англии, служившего ранее в британской контрразведке в Палестине и заслужившего нерасположение сионистов; его брат, имя которого также начиналось с буквы «Р», открыл пакет и был убит на месте). 29 июля 1956 г. датский офицер-наблюдатель ООН за перемирием погиб в результате взрыва мины или бомбы недалеко от полосы Газы, а двое других наблюдателей были ранены оружейным огнем. «Активизм» брал свою дань прежними методами террора и убийств.

28 августа 1956 г. Израиль был вновь обвинен смешанной комиссией в «серьезном нарушении перемирия». За этим обвинением последовало новое израильское нападение 12 сентября, когда крупные силы вторглись в Иорданию, убили около двадцати иорданских солдат и взорвали полицейский пост в Рахоу. Генерал Бернс заявил очередной протест, указав, что подобные акты «*были неоднократно осуждены Советом безопасности ООН*», в ответ на что новые еврейские части произвели нападение на Иорданию, убив от 20 до 30 иорданцев в Гарандае. Британский

Форин Оффис (у Англии был союзный договор с Иорданией) выразил свое «сильнейшее неодобрение», после чего комитет еврейских депутатов в Палате общин ополчился на министерство за его «пристрастное заявление». 19 сентября смешанная комиссия вновь «осудила» Израиль за «враждебные и воинственные действия» (оба нападения явно должны были иметь символическое значение, ибо были совершены в период еврейского Нового года), а 26 сентября комиссия выразила «порицание» Израилю за нападение 12 числа. Немедленным ответом на это очередное «порицание» было официальное объявление в Иерусалиме в тот же день (26 сентября) о произведенном крупными силами регулярной израильской армии самом большом нападении до того времени на иорданский пост в Гусане, где были убиты 25 иорданцев, в их числе 12-летний ребенок. Смешанная комиссия реагировала 4 октября своим сильнейшим «порицанием» за «подготовленную неспровоцированную агрессию».

Ответом было новое, еще более сильное нападение 10 октября, поддержанное артиллерийским огнем с применением реактивных снарядов, летающих торпед и гранатометов. Наблюдатели ООН обнаружили после нападения трупы 48 арабов, в их числе женщины и ребенка. В нападении приняли участие танковый батальон и 10 реактивных самолетов; английское правительство вынуждено было заявить, что если его союзник, Иордания, подвергнется нападению, то Англия выполнит свои союзные обязательства. Израильское правительство сообщило о получении этого предупреждения «с тревогой и удивлением». Следует отметить, что с самого начала года президентской кампании все ведущие американские газеты и большинство английских характеризовали все израильские нападения, как «ответные» или как «возмездие», т.ч. с помощью пропагандной машины жертвы каждый раз превращались сами в агрессоров. В своем отчете о последнем нападении генерал Бернс сообщил в ООН, что Израиль «парализовал весь аппарат расследований» своим бойкотом смешанной комиссии во всех случаях, когда она голосовала против него, добавив:

«В настоящее время создается положение, при котором одна из сторон заключенного перемирия проводит свои собственные расследования, не допуская ни проверки, ни подтверждения со стороны незаинтересованных наблюдателей, публикует результаты своих расследований, делает свои собственные выводы и предпринимает на основании последних военные действия».

Американская и английская печать, переняв израильский термин «возмездия» и «ответного нападения», в течение всего этого времени сообщала общественности обоих государств ложную картину происходившего, в полном согласии с сионистами.

Израильское нападение 26 сентября было последним в серии агрессивных действий, заполнивших период 1953–56 гг.; следующим было открытие военных действий в полном смысле слова. Автор составил список упомянутых рейдов, нападений и резни, чтобы дать читателю истинную картину Ближнего Востока осенью 1956 г., когда Бен Гурион заявил, что Израиль «беззащитен», а политики в Вашингтоне и Лондоне соревновались друг с другом, требуя снабжения Израиля оружием для предотвращения «арабской агрессии». Если бы вся гора резолюций, накопившихся к тому времени в ООН и «осуждавших» Израиль за «неспровоцированную агрессию», «вопиющее нарушение» и т.п., имела хоть какое-нибудь значение, то это последнее нападение, официально объявленное в момент его совершения и брошенное в лицо последнему «осуждению», должно было наконец вызвать какие-то действия ООН против Израиля или же открытое признание того, что Израиль является хозяином ООН. Выхода из этой дилеммы искать не пришлось, поскольку, прежде чем жалоба Иордании смогла быть рассмотрена Советом безопасности, началась война Израиля против Египта. Автор так и не смог, несмотря на все свои старания, выяснить, что случилось с этой жалобой, исчезнувшей с глаз в ходе немедленно последовавших событий; насколько мы могли установить, возможно что состоялось «осуждение» нападения на Иорданию в тот самый момент, когда развивалось израильское наступление на Египет. Кто имел уши, мог услышать объявление этого наступления еще за месяц до того, когда Менахем Бегин, выступая в Тель-Авиве «потребовал немедленного израильского наступления на Египет» («Дейли Телеграф», 26 сентября 1956 г.). Бегин был рупором «активизма», и с того момента, как он это сказал, внимательные наблюдатели за развитием событий на Ближнем Востоке знали, что будет следующим шагом: сионистское наступление и вторжение большого масштаба в Египет.

Рассказанная выше история показывает, что к моменту израильского наступления ни одному внимательному наблюдателю не могло прийти в голову, что Объединенные Нации смогут сделать что-либо помимо словесного осуждения. Сионисты выбрали момент для начала ближне-

восточной войны, когда по их расчетам непосредственно предстоявшее голосование за кандидатуру президента в США парализует любое решительное действие против них. Для автора было ясным, что Запад и на этот раз подчинится сионизму, в той или иной форме. Чего даже автор не мог предполагать, это то, что его собственное государство, Великобритания, примет участие в израильском наступлении. Эта последняя и величайшая из целой серии роковых ошибок, в которые английский народ был заведен своими руководителями, как следствие их первоначального соглашения с сионизмом в 1903 году, легла черной тенью над Англией и над всем Западом на весь остаток нашего столетия, именно в момент появления некоего просветления на горизонте, как если бы неожиданное затмение солнца опрокинуло все расчеты у астрономов. В этих последних событиях «непреодолимое давление» на международную политику в западных столицах привело к результатам, полное значение которых станет ясным лишь по прошествии многих лет. Последняя часть настоящей главы должна, поэтому, снова быть посвящена анализу действий этого «непреодолимого давления» за кулисами западной политики, на этот раз в период нарастания кризиса и приближения к его кульминационному пункту в годы 1953–56. К концу этого периода оба чудовищных сиамских близнеца из грязных местечек за чертой оседлости в России, выпущенные талмудистами на христианскую Европу в конце прошлого столетия, исчерпали свои силы. Осенью 1956 года действия «Запада» дали обоим передышку для подготовки новых катастроф и разрушений.

3. Кульминационные годы

В годы 1952–56 народы Запада шли всё дальше по пути к расплате за поддержку революции и сионизма, которую их политические руководители оказывали этим двум силам на протяжении двух поколений и в ходе двух мировых войн. Их систематически втягивали в две новых войны, которые, как это видно уже сейчас, сольются в одну, служащую одной, довлеющей над всем остальным, цели. С одной стороны, их политики и партии впрягли их в телегу сионистского государства, официально объявившего своей целью увеличение своего населения на «три или четыре миллиона» в течение «десяти–пятнадцати лет»; это означало войну против мусульманского мира. С другой стороны, их неустанно приучали к мысли, что их долгом и судьбой является уничтожение коммунизма, залившего пол Европы после того, как Запад открыл ему шлюзы; это также означало войну.

Эти обе войны неизбежно должны слиться в одну, и рассчитать это не представляет труда. Территория для экспансии сионистского государства может быть получена только путем захвата ее у соседних арабских стран; население для расширения сионистского государства может прибыть только из районов, захваченных коммунистической революцией, поскольку «три или четыре миллиона» евреев получить неоткуда, кроме как разве из Соединенных Штатов, откуда они в настоящее время переселяться не собираются. Хотя «исход» евреев из США и представляется необходимым для «собираания изгнанников», но, судя по всему, ему будет предоставлена роль заключительного процесса, в зависимости от успеха его следующей стадии – «собираания» евреев из СССР и африканских арабских государств. После этого, как бы это ни показалось в настоящий момент странным для американцев и англичан, будет инсценировано «преследование евреев» в Америке с применением тех же методов, как это всегда имело место в одном государстве за другим: в России, Польше, Германии, Франции, Испании и Англии. Глава Всемирной сионистской организации, Наум Гольдман, заявил перед еврейской аудиторией в октябре 1952 года, что для полного успеха сионизма необходимо разрешить один трудный вопрос: «*Как заполучить евреев из тех стран, в которых их не преследуют, для иммиграции в Израиль?*» Гольдман добавил, что эта проблема особенно сложна в Америке, поскольку в Соединенных Штатах евреев меньше преследуют и возникновение их преследования там менее возможно, чем в любой иной стране» (см. газету «*Зионист Рекорд*», Йоганнесбург, 24 окт. 1952 г.). Читатель заметит, что не существует стран без «преследования евреев», есть только разные степени этого «преследования» в различных странах.

Для разрешения этого «трудного вопроса» в той фазе его решения, которая началась в 1952 году, западную общественность начнут убеждать, что «антисемитизм» уже созрел и свирепствует во всей советизированной Восточной Европе, – как в последующие 4 года ее уговорили, что сионистские нападения на арабские страны были в действительности нападениями арабов на Израиль. 8 декабря 1951 года Бен Гурион официально уведомил советское правительство, что

«возвращение евреев на их историческую родину является центральной задачей государства Израиль... израильское правительство призывает поэтому Советский Союз разрешить выезд тем евреям, которые желают эмигрировать».

Два года спустя газета «Нью-Йорк Таймс», комментируя сокращающуюся иммиграцию в Израиль, отмечала, что достижение целей Бен Гуриона *«представляется весьма отдаленным»*, добавляя, что «настоящий характер иммиграции» смог бы радикально измениться только в случае «нового взрыва антисемитизма» где бы то ни было; заметим, что как-раз в этот период (июнь 1953 г.) началась газетная кампания против «антисемитизма за железным занавесом». Газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» писала уже 12 апреля 1953 г., что «антисемитизм» в СССР возродился и что «решающей задачей» для Израиля на шестом году его существования является *«спасение двух с половиной миллионов евреев, запертых в России и в странах-сателлитах»*. В свете двух мировых войн и результатов каждой из них представляется ясным, что любая война «Запада» против «коммунизма» фактически будет вестись с главной целью снабжения сионистского государства новыми переселенцами из России, и что любая ближневосточная война, в которую окажется втянутым «Запад», будет вестись с главной целью расширения территории сионистского государства для размещения этого выросшего населения; и что эти обе войны фактически сольются в одну, на протяжении которой обе упомянутые главные цели каждой из них будут скрыты от воюющих народных масс до тех пор, пока они не будут полностью достигнуты и не будут, по окончании военных действий, подтверждены и закреплены каким-либо новым инструментом «мирового правительства».

Таково было положение «Запада» через полвека после того, как г-да Бальфур и Вильсон впервые попались в ловушку сионизма. Есть полное основание ставить слово «Запад» в кавычки, поскольку оно давно уже потеряло свое первоначальное значение. Когда-то под ним понималась христианская Европа от ее восточной границы на Урале, через Атлантический океан, до восточного побережья Америки, включая страны английского языка в Северной Америке, Африке и Австралии.⁷⁹ После Второй мировой войны, когда половину Европы отдали во власть талмудистской революции, этот термин получил более ограниченное значение. В представлении общественности, под «Западом» понимались Англия и Америка, противостоявшие новому большевистскому варварству, которое они призваны были в один прекрасный день оттеснить из Европы на его варварскую, азиатскую родину. Америка и Англия, в первую очередь и главным образом, символизировали «свободный мир», который должен был быть когда-то восстановлен в его прежних границах, а с ним, как и в прежние времена, надежды тех людей за его пределами, которые хотели свободы; так, по крайней мере, думали миллионы простых людей.

С военной точки зрения такие ожидания были вполне оправданы; материальная мощь «Запада», поддержанная чаяниями порабощенных народов на востоке Европы, была более чем достаточной для их исполнения. Фактически, однако, те самые великие державы, к которым обращали свои взоры порабощенные нации, давно уже сами были пленниками той же силы, которая принесла это порабощение; и дважды в истории наших поколений они показали, что их вооруженная мощь, будь она приведена в действие, способствует не освобождению и восстановлению правовых принципов, но лишь продолжению бедствий 20-го столетия. В силу всего этого Америка вовсе не заслужила того, чтобы принять от Англии во второй половине нашего века ее ведущую роль в мировой политике и выполнить задачу освобождения, чего от нее ожидали обманутые пропагандой народные массы. В материальном отношении эта заокеанская республика, основанная 200 лет тому назад, процветала. Богатства всего мира текли в нее во время двух мировых войн; ее население быстро росло, превысив 200 миллионов; ее военный потенциал, авиация были сильнейшими в мире и, как и ее армия, подчинялись порядку и дисциплине, которые ее народ когда-то считал проклятием Европы. В промышленности и технологии ее достижения были столь велики, что сплошь и рядом превращались в кошмар; ее товарная продукция была столь необозрима, что страна не в состоянии была ее потребить, а страшные воспоминания о кризисе 1929 года толкали ее политических вождей на изобретение всё новых методов распределения товаров во всем мире путем подарков и займов, оплачивая всё это из государственной казны, т.ч. долгое время предприниматели и рабочие получали плату за продук-

⁷⁹ Прим. перев.: Автор забывает о приобщенных к христианской культуре странах испанского и португальского языков Центральной и Южной Америки. (В.Э.: автор определяет понятие «Запад», а Латинскую Америку к Западным странам никогда не причисляли, в то время как британские доминионы – англоязычные Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию – причисляли).

цию, для которой в мирное время не существовало естественных рынков сбыта. Ее военные базы, расположенные на территории когда-то суверенных народов, были разбросаны по всему миру, т.ч. она в любую минуту могла нанести сокрушительный удар... кому и ради каких целей?

«Коммунизму» – говорилось простым людям, и ради освобождения поработанных народов, ради освобождения всего мира от угрозы, ради исправления злых дел 1945 года. Если бы это было правдой, то можно было бы по крайней мере надеяться на окончание в один прекрасный день бедствий нашего столетия, поскольку мысли и сердца всех людей во всем мире всегда только этого и ждали и на это надеялись. Однако все значительные политические шаги правительства в Вашингтоне в годы 1952–56 шли вразрез с этими заверениями. Похоже было, что оно находилось в еще большем рабстве «еврейской силы», чем даже английские правительства на протяжении предыдущих 50 лет. Похоже, что оно не в состоянии было подойти ни к одному важному вопросу американской внешней политики, кроме как с точки зрения «а как это для евреев?», причем то, как это было «для евреев», диктовало ему повелительное сионистское руководство. Ни одно когда-либо существовавшее в истории марионеточное правительство не было в своих действиях более вассальным и зависимым, чем это правительство, которое множеством людей считалось самым мощным правительством в мире: а именно, правительство Соединенных Штатов Америки под руководством президента Эйзенхауэра в годы 1953–56.

Подобно тени всемогущего канцлера при рождении наследника престола, тень сионизма лежала на выборе кандидатуры, назначении кандидатом и избрании президентом генерала Эйзенхауэра. Одна лишь его стремительная военная карьера, подобно комете на небосклоне, в годы 1939–45 – из никому неизвестных подполковников без малейшего опыта в боевом командовании в верховные главнокомандующие всех союзных армий, вторгающихся на европейский континент, – заставляет предполагать, что его наметили к выдвижению задолго до того, и это вполне подтверждается нашими историческими изысканиями. В 20-е годы молодой лейтенант Эйзенхауэр проходил курс наук в Национальном Военном колледже в Вашингтоне, где в числе прочих, преподавал и некий г. Барнард Барух, сыгравший, как известно, важную роль при выборе кандидатуры, назначении кандидатом и избрании президента Вудро Вильсона в 1911–12 гг. Уже в этот ранний период г. Барух явно решил, что способности лейтенанта Эйзенхауэра заслуживают поощрения, и 30 лет спустя, по своему избранию в президенты, генерал Эйзенхауэр⁸⁰ заявил перед собранием ветеранов войны, что в течение четверти века он *«имел счастье сидеть у ног Барнарда и внимать его словам»*. В первые же месяцы своего президентства благодарный Эйзенхауэр разрешил в пользу Баруха небольшой спор в Национальном Военном колледже, где кое-кто протестовал против установления в помещении колледжа бюста Баруха, преподнесенного его поклонниками, на том основании, что никогда еще в стенах этого офицерского училища не стояло бюстов гражданских лиц, тем более при их жизни.

Вполне вероятно, поэтому, что поддержка «советника шести президентов» немало способствовала быстрому продвижению лейтенанта Эйзенхауэра вплоть до должности главнокомандующего величайшей армии в человеческой истории. Официально известна также поддержка г. Баруха генералу Эйзенхауэру, когда тот (до тех пор не состоявший и не бывший в связи ни с какой из американских политических партий) предложил свою кандидатуру для выборов в 1952 году от республиканской партии. Вплоть до этого момента г. Барух был, по словам его собственного биографа *«преданным членом демократической партии, не просто обычным демократом, но ярким приверженцем партийного знамени и почти фанатичным ненавистником республиканского»*. В 1952 году Барух неожиданно превратился в ярого приверженца республиканского знамени при условии, что нести его будет Эйзенхауэр. Для столь внезапной перемены партийной принадлежности явно должны были быть серьезные причины, и стоит заняться их поисками.

В 1952 году республиканская партия уже 20 лет подряд не находилась у власти. Согласно одной лишь теории маятника, подошло время этой партии вернуться к власти, вытеснив демократов, «ярким приверженцем» которых г. Барух был в течение добрых 50 лет. Помимо обычного поворота от прилива к отливу у партии, слишком долгое время стоявшей у власти, у американских избирателей были в 1952 г. еще особые причины голосовать против демократов; главной из них было разоблачение коммунистического шпионажа и проникновения коммунистов в правительство в эру Рузвельта и Трумана, и общественность настоятельно требовала очистки Авгиевых конюшен правительственного аппарата. В этих условиях было довольно ясно, что в 1952 г.

⁸⁰ «Пятизвездный» генерал в США соответствует европейскому чину генерал-фельдмаршала – прим. перев.

на выборах победят республиканцы и их кандидат. Естественным кандидатом был лидер республиканской партии, сенатор Роберт Тафт, отдавший ей всю свою жизнь. Однако как-раз в это время г. Барух, также отдавший полвека своей жизни партийной политике, только в пользу демократов, и «фанатично ненавидевший» республиканцев (его денежные пожертвования в пользу демократов также были весьма существенны, а в дневнике министра обороны Форрестола отмечалось, какую роль играли эти пожертвования при определении курса американских выборов и государственной политики), неожиданно выставил другого кандидата для республиканцев. На сцене вдруг появился генерал, которого Барух так долго протезировал, и горячая рекомендация «советника шести президентов» показывала, какие силы сгруппировались вокруг нового претендента на высший пост в стране. Для знатоков политической сцены Америки было ясно, что если республиканская партия выдвинет кандидатом Эйзенхауэра вместо Тафта, то республиканцы пойдут за ним по дорожке демократической политики «интернационализма», начатой еще президентом Вильсоном, Рузвельтом и Труманом. А это, в свою очередь, означало, что если лидера республиканской партии, т.е. сенатора Тафта, удастся выжить, то американские избиратели фактически будут лишены настоящего политического выбора; единственным кандидатом, который мог предложить им политическую альтернативу к «интернационализму» демократов, был именно сенатор Тафт. Для посвященных всё это было достаточно ясным уже за год до выборов, когда второй за Тафтом лидер республиканцев, губернатор штата Нью-Йорк, Томас Дьюи – довольно неожиданно проигравший президентскую кампанию против Трумана в 1948 году, благодаря своей глупой политике «и я тоже», в смысле поддержки сионизма – заявил в интервью с журналом «Look» (11 сентября 1951 г.): «Я – интернационалист, поэтому я за Эйзенхауэра. Эйзенхауэр сердцем – республиканец, но что еще важнее, он – интернационалист». В кругах посвященных слово «интернационалист» (подобно «активизму» среди сионистов) является ключевым термином, обозначающим многое, о чем открыто не говорят; так например, в нашем столетии ни один «интернационалист» на ведущем посту никогда не выступал всерьез против наступления коммунизма, наступления сионизма или против проектов мирового правительства, которые также преследуются этими обеими разрушительными силами. На сенатора Тафта, наоборот, в эти годы велись ожесточенные нападки как на «изоляциониста»: это – также ключевое слово, и оно означает всего лишь, что объект нападок исповедует принципы национального суверенитета и национальных интересов, однако пропаганда придала этому эпитету в ушах широких масс порочащий смысл.

Так Эйзенхауэр сам предложил себя республиканской партии в качестве кандидата в президенты в оппозиции к лидеру партии; это произошло на республиканском партийном конвенте в Чикаго в 1952 году, что автор этих строк наблюдал по телевидению и, хотя не новичок в этих делах, он был удивлен, с какой легкостью было аранжировано поражение сенатора Тафта.⁸¹ Задолго до президентских выборов это событие показало, что механика выдвижения кандидатов к тому времени была уже настолько отработана, что ни та, ни другая партия не могли даже выставить ни одной кандидатуры, кроме получивших одобрение могущественной закулисной клики. Исход президентских выборов в этих условиях теряет в современной Америке всякое значение, и трудно представить себе, как эта заокеанская республика могла бы отделаться от этого тайного контроля, превращающего само понятие «демократии» в глупый фарс. Ни одна партия не может выдвинуть в кандидаты даже своего признанного лидера или любое иное лицо, если они заранее не будут утверждены «интернационалистами» – единственными, кто делает настоящий выбор за сценой, хотя он и имеет мало общего с интересами страны и еще менее с «демократией».

Отстранение заслуженного лидера республиканской партии накануне ее возвращения к власти было достигнуто путем контроля над голосами «ключевых штатов». На партийных конвентах, где выдвигается кандидат в президенты, делегации отдельных штатов располагают числом голосов в зависимости от населения данного штата, и по крайней мере в два из таких важнейших штатов, а именно в Нью-Йорк и в Калифорнию, за последние 70 лет⁸² преимущественно направлялся поток еврейской иммиграции. Это имеет существенное значение в избирательной стратегии, в свое время предложенной «полковником» Хаузом, но вероятно не им самим

⁸¹ Прим. перев.: Европейские газеты писали в эти дни, что покупка голосов в пользу Эйзенхауэра на Республиканском конвенте производилась «оптом и в розницу», причем не в переносном, а в буквальном, денежном смысле.

⁸² Написано в 1955 г. – прим. перев.

выдуманной. Каким путем здесь бросаются палки в колеса с еврейской стороны, было нами уже многократно показано на основании многочисленных заявлений осведомленных источников (министр обороны Джеймс Форрестол:

«Наш отказ поддержать сионистов может потерять для нас штаты Нью-Йорк, Пенсильвания и Калифорния; однако, мне кажется, что пришло время подумать о том, не потеряем ли мы Соединенные Штаты»;

государственный секретарь Джеймс Бернс:

«Найлс сообщил президенту (*Трумману*), что Дьюи собирается выступить с заявлением в пользу сионистских позиций, и что если президент (*Трумман*) не упредит его в этом, то штат Нью-Йорк окажется для демократов потерянным»;

губернатор Нью-Йорка Томас Дьюи:

«Демократическая партия не откажется от преимуществ, которые дают ей еврейские голоса»).

В 1952 году, когда автор следил за всеми этими событиями, голоса на республиканском конвенте поначалу разделялись более или менее поровну между обоими кандидатами, пока вдруг Дьюи с приятной улыбкой не подал все голоса своего штата Нью-Йорк против лидера своей партии и в пользу г-на Эйзенхауэра. Прочие «ключевые штаты» последовали тому же примеру, и он оказался выдвинутым в кандидаты, что в тех условиях было равносильно избранию в президенты.

Как уже отмечалось нами, всё это фактически означает бесславный конец настоящей двухпартийной системы в Америке наших дней; система выборных представителей народа, известная под именем «демократии», опускается до уровня однопартийной системы тоталитарных государств, если две партии существуют только по названию, но не дают возможности действительного выбора между двумя отличными друг от друга политическими курсами. На пороге американских выборов в 1952 году израильская газета «Jerusalem Post» поучала своих еврейских читателей в Америке (в номере от 5 ноября 1952 г.), что «особенно выбирать между обоими (речь шла о «республиканце» Эйзенхауэре и «демократе» Стивенсоне) с точки зрения еврейского избирателя не приходится» и что внимание этих последних должно быть сконцентрировано на «дальнейшей судьбе» тех конгрессменов и сенаторов, которые считались «враждебными еврейскому делу».

Немедленно после вступления в должность нового президента в январе 1953 года, британский премьер сэр Уинстон Черчилль поспешил в Америку для совещания с ним, однако отнюдь не в Вашингтон, где полагается пребывать президентам США: Эйзенхауэр предложил «встретиться на квартире у Берни», т.е. в особняке г-на Барнарда Баруха на Пятой Авеню в Нью-Йорке (согласно сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс от 7 февраля 1953 г.). Барух в то время настоятельно продвигал свой «план атомной бомбы в качестве единственной надежной защиты от советской агрессии» (в главе 44 мы цитировали его тогдашние предложения в Сенатской комиссии об установлении фактически единоличной власти президента в вопросах вооружений, мобилизации, контроля цен и продукции). Как также уже упоминалось, он не питал, однако, ни особой вражды к Советам, ни особых подозрений против них, поскольку лишь немного лет спустя он подтвердил, что и план совместной советско-американской атомной диктатуры над всем остальным миром казался ему вполне приемлемым:

«Несколько лет тому назад я встретил на одном из вечеров Вышинского и сказал ему: Мы с Вами оба – дураки. У вас есть бомба, и у нас есть бомба. Давайте возьмем это дело под наш контроль, пока еще есть время, потому что, пока мы заняты болтовней, все другие тоже рано или поздно разбудут себе эту бомбу» («Дейли Телеграф», 9 июня 1956 г.).

Избрание президентом генерала Эйзенхауэра как кандидата республиканской партии, лишило Америку последней возможности избавиться путем демократических выборов от политики «интернационализма» Вильсона – Рузвельта – Трумана. Сенатор Тафт был единственным ведущим политиком в стране, который в представлении избирателей твердо стоял за отказ от этой политики, и очевидно именно по этой причине силы, фактически правившие Америкой за последние 40 лет, придавали столь важное значение отстранению его от выдвижения в прези-

дентские кандидаты. Выдержки из его книги, написанной в 1952 году, сохраняют свое историческое значение, показывая что могло бы иметь место, будь республиканским избирателям дана возможность проголосовать за лидера своей партии:

«Результатом политики правительства (*Рузвельта – Трумана*) было усиление мощи советской России до таких пределов, когда она фактически стала угрозой безопасности Соединенных Штатов... Советская Россия – гораздо большая угроза безопасности Соединенных Штатов, чем ей когда-либо мог быть Гитлер в Германии... Не может быть сомнений в том, что наш военный флот – сильнейший в мире, и что в союзе с Англией мы господствуем на морях всего мира... Мы должны быть готовы оказать помощь нашими собственными флотом и авиацией всем островным народам, желающим этой помощи, среди них Японии, Формозе, Филиппинам, Индонезии, Австралии и Новой Зеландии; на атлантической стороне, разумеется, Великобритании... Я считаю, что союз с Англией и оборона британских островов гораздо более важны, чем союз с любой континентальной нацией... Вместе с англичанами мы несомненно можем господствовать на морях и в воздухе во всем мире... Если мы принимаем нашу антикоммунистическую политику всерьез... мы должны окончательно устранить из правительственного аппарата всех, кто прямо или косвенно связан с коммунистическими организациями. В основном, я считаю, что конечной целью нашей внешней политики должна быть защита свободы американского народа. Я нахожу, что наши последние два президента поставили всевозможные партийные и политические соображения выше своей заинтересованности в мире и свободе... Мне кажется, что посылка наших войск без санкции Конгресса в страну, подвергшуюся нападению, как это имело место в Корее, определенно запрещается» (*американской конституцией*)... «Проект европейской армии, однако, заходит еще дальше... он включает в себя отправку (*наших*) войск в международную армию, подобно тому, что было задумано в хартии ООН. Меня никогда не удовлетворяла эта хартия... она не имеет под собой законного основания и не основана на правосудии согласно закону... Я не вижу иного выхода, кроме выработки нашей собственной военной политики и нашей собственной политики военных союзов, не обращая большого внимания на несуществующие возможности ООН по предотвращению агрессии... Другая форма международной организации, которая теперь усиленно навязывается народу Соединенных Штатов, а именно мировое государство с международным парламентом для принятия законов и с международным правительством для командования вооруженными силами такой организации... представляется мне, по крайней мере в текущем столетии, фантастическим, опасным и неосуществимым. Такое (*мировое*) государство, по моему мнению, развалится в течение 10 лет... Трудность объединить подобное вавилонское столпотворение, под одним, непосредственным руководством явится непреодолимой... Но прежде всего, все, кто предлагает подобные планы, задумывает конец тем свободам, которые принесли величайшее счастье нашей стране... когда-либо существовавшее в истории. Они (*эти планы*) подчинят американский народ правительству большинства, не знающего жизненных основ Америки и не питающего к ним симпатии. Любая международная организация, стоящая бумаги, на которой составлен ее проект, должна основываться на сохранении суверенности всех входящих в нее государств. Мир должен быть обеспечен не путем уничтожения и смешения наций, но путем создания законных норм в отношениях между ними...».

Эти выдержки довольно ясно показывают, что нынешний обман народов не был для него секретом; из них же становится ясным, почему он был предан анафеме силами, управлявшими «голосами ключевых штатов», и почему ему даже не позволено было стать кандидатом в президенты. Историческая правда требует, однако, отметить, что позволительно сомневаться в отношении того, смог ли бы Тафт, будь он избран президентом, проводить ту ясную, противоположную доминировавшим до тех пор тенденциям политику, которая явствует из его записей. В частности, в вопросе сионизма, стоявшего за всеми планами мирового правительства, которые обличал Тафт, он был ему столь же послушен, как и все остальные ведущие американские политики, и по-видимому не различал неразрывной связи между обеими вопросами. Должность секретаря и помощника при Тафте была предложена в 1945 г. никому иному, как ведущему сионисту из Филадельфии, некоему Джеку Мартину (разумеется псевдоним) и, по его словам, первым вопросом, поставленным им Тафту, было: «*Сенатор, что я могу рассказать Вам о целях сионизма?*» – на что Тафт ответил, совершенно в духе Бальфура или Вильсона,

«что здесь объяснять? Евреев преследуют, им нужна территория и собственное правительство. Мы должны помочь им получить Палестину. Это также будет существенно способствовать делу мира».

Трудно не заметить разительного контраста между этой типичной болтовней охотящегося за голосами политика и разумными концепциями, цитированными выше. Мы взяли эти сведения из статьи в еврейском журнале «*Jewish Sentinel*» от 10 июня 1954 г., в которой упомянутый г.

Мартин характеризуется как «второе я» сенатора Тафта и даже, как его «наследник». После смерти Тафта тот же Мартин был приглашен президентом Эйзенхауэром на должность его «помощника, советника и связного с Конгрессом». Комментарий г-на Мартина гласил: *«Президент Эйзенхауэр всегда готов выслушать ваше мнение и ему легко давать советы»*. Весь период выдвижения кандидатуры Эйзенхауэра, его избрания в президенты и первое время его президентства настолько стояли под знаком пресловутого «еврейского вопроса», что создавалось впечатление избрания его президентом сионистов, настолько его слова и дела были направлены на способствование их амбициям.

Мы уже упоминали, что, не успев Эйзенхауэр стать президентом, как он поспешил заверить «президента» Американской Объединенной Синагоги, некоего г-на Максвелла Абея, что *«у еврейского народа не может быть лучшего друга, чем я»*, добавив, что его и его братьев их мать воспитывала на «учениях Ветхого Завета»⁸³ и что *«я вырос, веря, что евреи – избранный народ, и что они подарили нам высокие нравственные и этические принципы нашей культуры»* – всё это стояло в сентябре 1952 года во всей еврейской печати всего мира. За этим последовали усердные заверения в симпатиях к «евреям» и к «Израилю» со стороны обоих кандидатов в президенты (Эйзенхауэра и Стивенсона) по случаю еврейского Нового Года (сентябрь 1952 г.), и в эти праздничные дни американское давление на «свободную» Западную Германию преуспело в извлечении из немцев «репараций» в израильский карман. В октябре состоялся пражский процесс с обвинениями в «сионистском заговоре» против чешского социализма, и со стороны Эйзенхауэра последовали угрожающие обвинения в *«антисемитизме в Советском Союзе и в странах-сателлитах»*. Крик об «антисемитизме» явно считался выгодным в деле уловления голосов избирателей, а поэтому и заканчивавший свой срок президент Труман не преминул обвинить в нем Эйзенхауэра (чтобы помочь кандидату своей Демократической партии); у генерала буквально отнялся язык перед лицом такой несправедливости, и он заявил на одном из предвыборных собраний, что даже не собирается на это отвечать, представляя собранию вынести решение самому. Кливлендский раввин Гилель Сильвер, к тому времени уже успевший пригрозить СССР войной за «антисемитизм», был срочно вызван на заседание конклава с Эйзенхауэром и по выходе очистил своего кандидата от всех подозрений в антисемитском грехе; равви Сильвер в свое время произнес молитву на выдвинувшем Эйзенхауэра республиканском конвенте, а впоследствии, при его вступлении в должность, еще раз обратился к Иегове, испрашивая «благословения и наставления». Среди соперничающих охотников за голосами всех перещеголял заканчивавший свой срок вице-президент США, некий г. Альбен Баркли, заявивший в числе прочего:

«Я предсказываю славное будущее Израилю как образцу, по которому должны равняться остальные страны Ближнего Востока».

Даже «Тайм» не удержался от язвительного комментария, написав:

«Всех затмил вице-президент Баркли, в течение многих лет получавший по тысяче долларов за каждое выступление в пользу израильских займов, будучи платным агентом этого предприятия. Многие арабы полагают... что это обстоятельство оказывало некоторое влияние на политику США на Ближнем Востоке; однако, лишь немногие арабы участвуют в американских президентских выборах».

Вскоре по вступлении Эйзенхауэра в должность было ратифицировано соглашение об уплате Западной Германией дани Израилю, причем (об этом уже упоминалось раньше) один из западногерманских министров (министр финансов д-р Делер) сообщил открыто, что боннское правительство подчинилось давлению Америки, не желавшей открыто выступать в роли банкира сионистского государства. В том же апреле месяце 1953 года еврейская печать сообщала под заголовками «Израиль показывает свою мощь» о следующем:

«Весь дипломатический корпус и иностранные военные атташе, присутствовавшие на величайшем до сих пор параде израильской армии в Хайфе, с военным флотом на рейде и пролетавшей над их головами военной авиацией, получили должное впечатление, и парад полностью достиг цели показать готовность Израиля решать свою судьбу на поле сражения».

⁸³ Мадам Эйзенхауэр состояла в жидовствующей секте т.н. «Свидетелей Иеговы». – Прим. издателей.

Так начался новый президентский период в Америке в 1953 году под знаком новых «обязательств» на будущее; с мертвым Сталиным в московском мавзолее, с Израилем, готовым «решать свою судьбу на полях сражений», и со «свободной» половиной Германии, день и ночь работавшей для уплаты дани Израилю. Большой парад в Вашингтоне по случаю вступления президента в должность был отмечен любопытным инцидентом: в конце процессии ехал верхом неизвестный в костюме ковбоя, который, поравнявшись с президентской трибуной, попросил разрешения испробовать свое лассо; Эйзенхауэр послушно встал, склонив голову, и взвисящая петля была плотно затянута на его шее. Кинохроники затем показывали лысую голову «Айка» с петлей на шее.

Возможно, что в мыслях нового президента были лишь банальности, когда он заявил:

«Государство Израиль – форпост демократии на Ближнем Востоке, и каждый американец, любящий свободу, должен включиться в усилия навеки обеспечить будущность этого новейшего члена семьи народов».

По мнению тех, по адресу которых расточались эти комплименты, это было обязательством, подобным тому же, что в свое время раздавали в аналогичных формулировках Рузвельт и Вудро Вильсон. Через восемь лет после смерти Гитлера новое государство, где господствовали гитлеровские расовые законы и где коренное население было изгнано резней и террором, стало «форпостом демократии», и все «любящие свободу» должны были (отметим категорический императив!) всеми силами его защищать.

Если новый президент воображал, что, отдав дань подобным любезностям, он сможет затем по собственной воле определять политику своей страны, то через 9 месяцев после вступления в должность ему был преподан соответствующий урок, а по данному векселю в октябре 1953 года была потребована уплата в повелительном и не допускающем сомнений тоне. Попытка действовать независимо в соответствии с американскими национальными интересами в вопросе, касавшемся «нового члена семьи народов», была беспощадно сокрушена, а американскому президенту пришлось публично каяться, подобно «Рокданду» (т.е. Вудро Вильсону) в романе Хауза 1912 года. Это унижение главы правительства, которое неумудренным человечеством считалось самым могущественным в мире, представляется наиболее значительным инцидентом в настоящем повествовании, богатым эпизодами, аналогичными по характеру, но менее явственными для широкой публики. Серия сионистских нападений на соседние арабские государства, перечисленная в предыдущей части настоящей главы, началась 14 октября 1953 г., когда была вырезана до последнего человека целая арабская деревня Кибия в Иордании. Это было повторением резни в Дейр-Ясине в 1948 году с той разницей, что оно произошло за пределами Палестины, дав достаточно ясно понять всем арабским народам, что и их в нужное время постигнет «полное уничтожение», и, разумеется, снова с благословения «Запада». Кошмарные факты еврейской резни были доложены Организации ООН датским генералом Вагном Бенике, главой Комиссии ООН по наблюдению за перемирием (немедленно получившим угрозы убийства также и его) и его непосредственным подчиненным, капитаном 2 ранга военного флота США Хатчисоном, охарактеризовавшим еврейский налет как «хладнокровное убийство» (что быстро привело к его отозванию). Во время последовавшего обсуждения вопроса в Совете безопасности ООН французский представитель заявил, что «резня» вызвала во Франции «ужас и возмущение», обвинив Израиль, государство, основанное на утверждениях о «преследовании», в «*мищении ни в чем неповинным людям*». Греческий представитель назвал совершившееся «жуткой резней», а английский и американский представители присоединились к единодушному «осуждению» (9 ноября 1953 г.). Архиепископ Йоркский в Англии заклеил «жуткий акт терроризма», а консервативный депутат Палаты общин, майор Легг-Бурк назвал его «*кульминационным зверством в длинной цепи налетов на не-израильскую территорию, составляющим часть продуманного плана мести*».

В дни, когда произносились эти официальные обличения, Израиль получил от американского правительства 60 млн. долларов, очевидно, как награду за содеянное, президент же публично покаялся, уступив очередному сионистскому «давлению» в Нью-Йорке. Сообщаем хронику событий: через 4 дня после еврейской резни в Иордании (18 октября) правительство США «*приняло решение выразить суровое порицание своему протекже*» («Гаймс», 19 октября); оно сообщило, что

«полученные Госдепартаментом потрясающие отчеты об уничтожении человеческих жизней и имущества убеждают нас в необходимости привлечь к ответственности виновников и принять решительные меры для предупреждения подобных инцидентов в будущем»

(читателю предлагается сравнить эти слова с тем, что произошло несколькими днями позже). Лондонский «Таймс» добавил, что

«за этим заявлением стоит растущее возмущение высокомерной манерой, с которой Израиль склонен обращаться с Соединенными Штатами – по-видимому, будучи уверенным в том, что он всегда может рассчитывать на соответствующее давление в стране».

Сообщалось даже (как присовокупил «Таймс» как бы с затаенным дыханием), что

«подарок в несколько миллионов долларов израильскому правительству может оказаться задержанным, пока не будут получены гарантии неповторения пограничных инцидентов».

И действительно, два дня спустя (20 октября) Госдепартамент сообщил, что субсидия Израилю задержана. Однако, если президент Эйзенхауэр легкомысленно полагал, что через год по его избрании у его правительства будут развязаны руки на остававшиеся три года правления, чтобы самостоятельно вести американскую политику, то он жестоко ошибался. Роковая слабость Америки и сила ее истинных хозяев, располагающих как бы ключом от всего дома, состоят в том, что новые выборы вечно висят в воздухе: если не президентские, то в Конгресс, в муниципальные управления, в правительства штатов, и куда угодно еще. Как раз в этот момент на место мэра Нью-Йорка целились три кандидата (два еврея и один не-еврей), и к тому же начиналась кампания выборов депутатов в Конгрессе 1954 года, в которой должны были быть переизбраны все 435 депутатов Палаты представителей и одна треть сенаторов. На фоне этой ситуации стало снова возможным прикрутить гайки в Белом Доме потуже.

Три соперника в Нью-Йорке принялись переплывать один другого в погоне за «еврейскими голосами». 500 сионистов собрались 25 октября на митинг, приняв резолюцию, что они «потрясены» отменой «помощи Израилю» и требуют, чтобы правительство *«пересмотрело свое поспешное и неблагородное решение»*. Республиканский кандидат в мэры Нью-Йорка запросил по телеграфу немедленное интервью с государственным секретарем; вернувшись, он обещал встревоженным избирателям, что *«Израилю будет дана полная экономическая помощь США»* («Нью-Йорк Таймс», 26 окт.) в сумме 63 млн. долларов (избран он, тем не менее, не был). Тем временем республиканские партийные заправилы начали осаждать президента, предсказывая катастрофу на выборах в Конгресс 1954 года, если он не отменит своего решения. Осада длилась недолго, и 28 октября он капитулировал: официальное сообщение подтвердило, что Израиль получит полностью обещанную сумму (около 60 млн. долларов), из них первые 26 миллионов в первые 6 месяцев финансового года. Республиканский кандидат в нью-йоркские мэры приветствовал это, как *«признание того факта, что Израиль представляет собой твердый бастион безопасности свободного мира на Ближнем Востоке»*, и как акт *«государственной мудрости мирового масштаба»*, столь типичный для президента Эйзенхауэра. Картина того, что именно привело к этому «акту», была обрисована Джоном О’Доннелем в «Нью-Йорк Дейли Ньюс» от 28 октября:

«Профессиональные политики нажимали на него со всех сторон, угрожая страшной мезью. Айку всё это страшно не нравилось... но давление было столь сильным, что для сохранения мира в компании ему пришлось дать задний ход. С политической и с личной стороны это его сальтомортале было самым изящным и быстрым за многие месяцы в этой политической столице всего мира... Целую неделю давление со стороны кандидатов, гнавшихся за многочисленными еврейскими голосами в Нью-Йорке, было ужасающим. За последние 10 дней политическое образование президента Эйзенхауэра продвинулось вперед с головокружительной быстротой».

Как бы то ни было, республиканцы потеряли большинство в Конгрессе 1954 года, что было давно известным и неизбежным результатом подобных капитуляций, а после новых и еще более катастрофических уступок они понесли еще большее поражение в 1956 году. После этого американское правительство уже никогда более не осмеливалось выражать «порицание своему протекже» на протяжении целой серии совершенных им подобных же «жутких актов» терроризма, а в очередную годовщину основания Израила (7 мая 1954 г.) еврейская армия смогла продемон-

стрировать новейшее вооружение, полученное ею от Соединенных Штатов и Великобритании. В параде участвовало громадное количество американских и английских танков, реактивных самолетов, бомбардировщиков и истребителей: Соединенные Штаты объявили Израиль «имеющим право на помощь поставками вооружения» уже 12 августа 1952 года, а Англия разрешила вывоз оружия в Израиль частными фирмами еще раньше, 17 января 1952 г.

За этими событиями последовали два года относительного спокойствия, затишье необходимое для подготовки новых сюрпризов, приуроченных к следующим президентским выборам в Америке в 1956 году. В мае 1955 г. (как раз когда сэр Антони Иден сменил сэра Уинстона Черчилля на посту английского премьера) государственный секретарь США Джон Фостер Даллес, как за 30 лет до него лорд Бальфур, наконец собрался посетить страну, калечившую теперь внешнюю политику Америки, как она раньше калечила политику Англии. После печального опыта с неосторожными «порицаниями» и их результатами, ему должно было теперь быть ясным, что он имеет дело с самой могущественной силой в мире, с верховной властью в его собственной стране, с силой, в руках которой «Израиль» был лишь орудием, призванным вносить раздор между теми, которыми надо было управлять. Как и Бальфур, он был встречен арабскими бунтами, как только он появлялся за пределами еврейской Палестины. В самом Израиле он виделся лишь с немногими еврейскими политиками после того, как его провезли в закрытом автомобиле за сплошным кордоном полиции с аэродрома в Тель-Авив. Полицейская операция по его приему и охране носила название «операция Китаво», что на иврите означает «откуда ты пришел» – намек на стих из 26-й главы Второзакония:

«Когда ты придешь в землю, которую Господь Бог твой дает тебе в удел... и Господь обещал тебе ныне, что ты будешь собственным его народом, как Он говорил тебе, если ты будешь хранить все заповеди Его, и что он поставит тебя выше всех народов, которых Он сотворил... и что ты будешь святым народом у Господа Бога твоего».

Американский государственный секретарь считался в сионистском Израиле всего лишь мелкой фигурой в грандиозной драме «исполнения» левитского «закона».

По возвращении Даллес поведал, что арабы боятся сионизма больше, чем коммунизма – открытие, для которого незачем было ездить в Палестину, а достаточно было взглянуть на географическую карту: арабы были знакомы с содержанием Торы и видели его буквальное приложение в Дейр-Ясине и Кибии. В передаче по телевидению он заявил (согласно сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс 1 июня 1953 г.), что

«Соединенные Штаты твердо стоят за декларацией 1950 года, совместно с Англией и Францией; она обязывает эти три государства активно действовать в случае, если нынешние границы Израйла будут нарушены военными средствами».

Это была знаменитая «трехсторонняя декларация», но автор этих строк не смог установить действительно ли Даллес выразился именно так или же его неправильно цитировали: декларация была составлена в объективной форме и гарантировала «*границы на Ближнем Востоке и демаркационные линии перемирия*», но вовсе не «нынешние границы Израйла»; однако, именно в таком виде сообщения мировой печати достигали арабского мира, и словесный ляпсус Даллеса передавал фактическое положение вещей.

Поколения сменялись одно за другим, и удлиняющаяся тень сионизма всё тяжелее ложилась на каждое последующее. Сэр Уинстон Черчилль, наконец у предела своих физических сил, передал должность тому, кого он уже давно назначил своим наследником, как если бы дело шло о правах неограниченного монарха:

«Я не делаю ни одного шага в политической жизни без консультации с мистером Иденом; он будет нести дальше факел консерватизма, когда он выпадет из других, постаревших рук».

В этом случае, всё указывает на то, что сэр Антони перенял по наследству от сэра Уинстона его безоговорочную поддержку «исполнения стремлений сионизма», и, вероятно, рад был бы видеть этот факел в других руках, поскольку он не столько освещал, сколько губил и «консерватизм» и самую Англию. С того момента, как он занял должность, к которой он готовился всю свою жизнь, его правление стояло под клеймом пресловутой «ближневосточной проблемы», и его политический конец был заранее обречен на повторение печальной судьбы правлений Руз-

вельта и Вудро Вильсона. Летописец мог бы добавить: и Эйзенхауэра. В сентябре 1955 года его поразил удар и, хотя он и поправился, но его фотографии в печати обнаруживали те же черты, что в свое время характеризовали как Рузвельта, так и Вильсона под конец их правлений. «Давление», которому неизбежно подвергаются эти, по внешнему виду, столь могущественные лица в нашем «еврейском столетии», явно сказывается на их измученных заботами физиономиях. Их окружает толпа льстецов, но как только они пытаются следовать велениям совести и долга, их беспощадно призывают к ответу. После его первого опыта в этой области общее мнение было, что Эйзенхауэр не выставит своей кандидатуры вторично.

Как известно, Эйзенхауэр вовсе не принадлежал к республиканской партии, и явно чувствовал себя не в своей тарелке в качестве «республиканского» президента. Вскоре после вступления в должность, его «разногласия с могущественным правым крылом партии» (другими словами, с традиционными республиканцами, стоявшими за сенатором Тафтом)

«настолько обострились, что одно время он подумывал о создании новой политической партии в Америке, в которой смогли бы объединиться люди его взглядов, независимо от их прежней партийной принадлежности... Он стал советоваться со своими самыми близкими сотрудниками, не пришло ли время подумать о новой партии, которая, по его замыслу, должна бы быть существенно его партией. Она олицетворяла бы собой те политические доктрины во внешней и внутренней политике, которые, он считал бы наилучшими как для Соединенных Штатов, так и для всего мира».

Эти любопытные подробности мы почерпнули из книги корреспондента при Белом Доме, Роберта Дж. Донована «Eisenhower, The Inside Story», написанной и опубликованной в 1956 г., явно по желанию самого Эйзенхауэра, поскольку в ней используются протоколы правительственных совещаний и другие документы сугубо конфиденциального характера, относящиеся к событиям на самом высшем уровне. Ничего подобного до тех пор в Америке никогда не опубликовывалось, и автор не поясняет причин этого новшества. В ней сообщаются высказывания ближайших сотрудников Эйзенхауэра, которых они, вероятно, не сделали бы, учитывая возможность их опубликования: например шутовское предложение взорвать атомной бомбой сенатора Брикера и его сторонников, требовавших внесения в американскую конституцию особого дополнения, ограничивающего права президента заключать международные договоры и, таким образом, подчиняющего его более строгому контролю со стороны Конгресса. Мысль о создании новой политической партии Эйзенхауэр оставил лишь когда смерть сенатора Тафта лишила республиканскую партию ее естественного вождя, и после того, как Сенат, по инициативе самого президента, вынес порицание сенатору Джозефу МакКарти из Висконсина за его разоблачения коммунистического проникновения в правительственный аппарат. Напомним, что общественное негодование, вызванное разоблачением проникновения коммунистической агентуры в правительство при Рузвельте и Трумане были одной из главных причин поворота избирателей в сторону республиканской партии и ее кандидата Эйзенхауэра в 1952 году.

В конце 1955 года Америка снова была накануне очередного года президентских выборов в условиях, которые закулисами правителями страны считались самыми идеальными для их политических махинаций: болеющий президент, партийные политики в погоне за «еврейскими голосами», предвоенная ситуация на Ближнем Востоке и не меньшая в Европе. В этих условиях «внутреннее политическое давление» в столице богатейшего и наилучше вооруженного государства в мире могло практически добиться любых результатов. Заправила республиканской партии, всеми силами старавшиеся сохранить в Белом Доме республиканца хотя бы по названию, если уж им не удалось сохранить большинство в Конгрессе, столпились вокруг больного генерала, уговаривая его выставить свою кандидатуру в президенты во второй раз.

Подытожим вкратце события первого срока президентства Эйзенхауэра. В свете того несомненного факта, что избрание главным образом было следствием разоблачений коммунистического заражения всего правительственного аппарата и настоятельного желания общественности очистить правительство от этой заразы, важнейшим и роковым по своему значению событием при Эйзенхауэре было устранение наиболее энергичного противника коммунистов, сенатора МакКарти, что произошло по личному настоянию президента и с его согласия. Вторым, не менее значительным событием в той же области внутренней политики было решение Верховного Суда США в 1955 году, запрещающее сорока восьми штатам американской республики принимать меры против подрывной деятельности с какой бы то ни было стороны, предоставляя это право одному лишь федеральному правительству в Вашингтоне. Это решение в значительной степени парализует все возможности государства «бороться с подрывом и разложением» (как это и было

предусмотрено уже в «Протоколах» 1902 г.). Третьим важнейшим событием во внутривнутриполитической жизни страны было решение того же Верховного Суда против раздельного обучения белых и негритянских детей в школах, что было фактически направлено против южных штатов и неизбежно должно было привести к катастрофическим последствиям. Эти решения Верховного Суда привлекли внимание к этому учреждению, члены которого назначаются не из опытных и заслуженных юристов, а исключительно по политическим соображениям. В этих условиях Верховный Суд США в период правления президента Эйзенхауэра превратился в высшую политическую инстанцию в стране, способную отменять решения Конгресса; не было бы преувеличением назвать ее чем то вроде американского Политбюро. Генеральный прокурор США, некий Симон Собелов заявил в 1956 г.:

«В нашей политической системе Верховный Суд отнюдь не является лишь арбитром в возникающих разногласиях, в процессе этого арбитража он во многих случаях получает возможность окончательно формулировать государственную политику»

(цитируем по «Нью-Йорк Таймс» от 19 июля 1956 г.).

Избирательная кампания началась, как всегда, за целый год до фактических выборов. В сентябре 1955 года египетское правительство президента Гамаль Абдель Нассера заключило договор с СССР о покупке советского оружия. «Трехсторонняя декларация» по ближневосточному вопросу от 1950 года предусматривала продажу западными державами оружия как Израилю, так и арабским странам. Президент Нассер заявил (16 ноября 1955 г.), объясняя причины заключения договора с СССР, что ему не удалось «получить ни одного предмета вооружений от Соединенных Штатов, несмотря на трехлетние попытки», и обвинил американское правительство в «сознательной попытке поставить арабские страны в полную зависимость от Израиля и его угроз». Египетские закупки вооружения в СССР вызвали немедленный взрыв негодования в Вашингтоне и Лондоне, подобно крику в 1952–53 гг. по поводу «процесса еврейских врачей» в Москве. Президент Эйзенхауэр обратился с призывом к советскому правительству задержать поставку оружия Египту (главная масса вооружений поставлялась заводами Шкода в Чехословакии, оказавшимися в советских руках в результате ялтинского соглашения в 1945 г. и поставлявшими вооружение «Израилю» в 1947–48 гг., когда евреи славословили СССР как своего «освободителя»). В тот же самый день (9 ноября 1955 г.) сэр Антони Иден обвинил советское правительство в разжигании войны на Ближнем Востоке, а английский министр иностранных дел Гарольд Макмиллан пожаловался на введение «нового тревожного фактора в эту деликатную ситуацию». Арабам было ясно, что на «Западе» ничего не изменилось: Израилю оружие дадут, а арабы его не получат.

После этого пропагандная кампания нарастала со дня на день, совершенно как и в 1952–53 гг., пока за несколько недель из сознания мировой общественности не было окончательно вытравлено всякое воспоминание об израильских налетах на арабских соседей и «порицаний» их со стороны ООН. Вместо этого рядовому читателю газет становилось ясно, что по вине Запада безоружный Израиль был отдан на милость Египта, вооруженного до зубов «красным» оружием. В этот ранний период об истинном положении вещей было упомянуто только один раз, когда ведущий военный обозреватель США Хансон Болдвин написал о поставках американского оружия Израилю:

«Мы якобы стараемся сохранить весьма непрочное «равновесие» между Израилем и арабами. Ни в настоящее время, ни в ближайшем будущем не может быть речи о настоящем равновесии в том смысле, что обе стороны обладают равной военной мощью. Сегодня Израиль несомненно гораздо сильнее Египта, фактически даже гораздо сильнее Египта, Иордании, Саудовской Аравии, Ливана, Сирии и Ирака вместе взятых» (Нью-Йорк Таймс, 11 ноября 1955 г.).

В течение последовавшего года подобные объективные оценки положения ни разу больше не были допущены на страницы газет, по крайней мере насколько автор настоящей книги смог это проследить. 14 месяцев спустя, уже после израильского нападения на Египет, тот же Хансон Болдвин сообщал с Ближнего Востока (4 января 1957 г.):

«Начиная с 1949 г., Израиль был крупнейшей военной силой во всем этом районе. Он и сегодня, по сравнению с арабскими странами, сильнее чем когда-либо».

До того, однако, читателей газет ежедневно развлекали растущим криком о «красном оружии для арабов», и под эту музыку начались обе очередные избирательные кампании в США: выборы в Конгресс и выборы президента. Передавая общее настроение, иоганнесбургская еврейская газета «Джуиш Таймс» писала еще 24 декабря 1952 г.: *«Поставки (Египту) оружия советизированной Чехословакией ясно указывают евреям в Израиле и во всем мире на Советы, как поставщиков»*. Все президентские претенденты со стороны демократической партии (Эстус Кефвер, губернатор штата Нью-Йорк Гарриман, Стюарт Саймингтон и Адлай Стивенсон) соперничали в зажигательных заявлениях на эту тему: *«Если нужно будет, то государство Израиль получит извне помощь подавляющими силами»* (губернатор Гарриман, «Нью-Йорк Таймс», 23 марта 1955 г.). Одно время Американский сионистский комитет собирался даже организовать «марш в Денвер», где президент Эйзенхауэр лежал в больнице, пораженный ударом, однако было решено всё же от этого воздержаться; вместо этого от кандидатов всех партий потребовали подписать «политическую декларацию» против предоставления оружия какому бы то ни было арабскому государству. 120 претендентов на места Конгресса подписали ее немедленно, впоследствии число подписей выросло до 102 с демократической и 51 с республиканской стороны (согласно «Нью-Йорк Таймс» от 5 апреля 1956 г.). Явный перевес демократов под этой декларацией позволил бывшему израильскому министру Ишаку Грюнбауму заявить на Всемирном сионистском конгрессе в Иерусалиме 26 апреля того же года, что *«пока Америкой правят республиканцы, Израиль от США помощи не получит»*. Это было равносильно официальному требованию из Израиля, чтобы американские евреи голосовали за демократов; партийные заправилы в Америке смогли при виде победы демократов на выборах в Конгресс вновь убедиться в том, насколько важны «еврейские голоса» при любых выборах.

Год президентских выборов начался на фоне «непреодолимого давления» на большого президента со стороны партийных менеджеров и новой кампании против «преследования евреев», на этот раз символизируемых Израилем. Опытным наблюдателям с самого начала было ясно, что, как и все предыдущие избирательные годы, этот год должен был стать годом нарастающего кризиса, вполне способным закончиться настоящей войной. В основе расчетов лежало внутривнутриполитическое давление на американское правительство и его политику. В мире реальной политики тот же год начался новым единодушным «осуждением» Израиля (19 января 1956 г.) за «умышленное» и «явное» нападение на Сирию 11 декабря 1955 г. Это было уже четвертым по счету серьезным «осуждением» за два года, и на этот раз в тот самый момент, когда пропагандная кампания в пользу «беззащитного» Израиля под угрозой арабской «агрессии» полным ходом развивалась на всем Западе. В Израиле одновременно было объявлено фактическое военное положение. После этого сионистское наступление было направлено на ядро ответственных работников Госдепартамента США, пытавшихся – совершенно так же, как и их британские коллеги в министерствах колоний и иностранных дел за поколение до того – отвести чреватые последствия односторонние «обязательства» в пользу Израиля. В ноябре 1955 г. крупнейшая в мире религиозная организация «Мизрахи» в Америке объявила на своем собрании в Атлантик Сити, что *«клика анти-израильских элементов в Госдепартаменте блокирует эффективную американскую помощь Израилю»*; слово в слово, в тех же самых выражениях, доктор Хаим Вейцман жаловался на ответственных сотрудников британского правительства в течение добрых 30 лет, с 1914 по 1947 гг.

В год президентских выборов в 1956 г. груз просионистских обязательств оказался взваленным на плечи государственного секретаря США Джона Фостера Даллеса. После «осуждения» Израиля в январе Советом безопасности ООН Даллес сообщил о своих попытках уговорить ведущих политиков (противной) демократической партии *«изъять из президентской избирательной кампании»* вопрос Израиля и арабов. Комментарий «Нью-Йорк Таймс» от 24 января 1956 г. гласил:

«Как известно г. Даллес обвинил израильское посольство в том, что оно убеждает кандидатов в Конгресс занять позиции в пользу Израиля... Государственный секретарь добивается, чтобы ни одна партия не усложняла весьма delicate переговоры о соглашении на Ближнем Востоке дискуссиями об Израиле с целью получения личных или партийных преимуществ в избирательной кампании... Он в особенности опасается, как бы не было сказано чего-либо во время президентской кампании, что могло бы поощрить в Израиле убеждение в том, что США будут способствовать израильскому вторжению на арабские территории или же сотрудничать с ним в этом вопросе».

Другими словами, Даллесу пришлось отбояриваться от того же «политического давления», на которое в свое время жаловался и президент Труман в своих воспоминаниях. В то же время вышла в свет книга Чесли Мэнли «The U.N. Record», в которой описывалась любопытная реакция президента Трумана в год выборов в Конгресс в 1946 г. на доклады четырех ведущих сотрудников Госдепартамента, вызванных с Ближнего Востока в Вашингтон для консультаций по палестинскому вопросу; все четверо американских дипломатов высказались в пользу арабов, на что они слышали от Трумана следующее:

«Мне очень жаль, господа, но мне приходится считаться с сотнями тысяч избирателей, заинтересованных в успехе сионизма; я не вижу среди моих избирателей, однако, сотен тысяч арабов».

Теперь, 10 лет спустя, Даллес пытался добиться того, за что министр обороны США Форрестол поплатился в 1947 г. своей отставкой, болезнью и самоубийством.⁸⁴ На Даллеса немедленно же ополчилась вся американская и английская печать, как в свое время тем же нападениям подверглись английский министр иностранных дел Эрнест Бевин, а в Америке Форрестол. Он тут же получил полное упреков письмо от «группы республиканских депутатов Конгресса США», на которое ему пришлось в увещательном тоне ответить (7 февраля 1956 г.), что «в задачи внешней политики США входит сохранение государства Израиль» и что «мы вовсе не исключаем возможности продажи вооружения Израилю». Но это ему мало помогло, поскольку к тому времени он успел согрешить еще в одной области: еврейская газета «Джерузалем Пост» в Израиле, ставшая к тому времени чем-то вроде придворного вестника для западных столиц, сообщила, что Даллес совершил «небольшой недружелюбный поступок... приняв в течение 45 минут делегацию Американского Совета за Иудаизм». Это было повторением того самого, весьма нежелательного для сионистов, «вмешательства извне, исключительно с еврейской стороны», на которое горько жаловался, за поколение до того, Хаим Вейцман: Американский Совет за Иудаизм отвергал сионистский шовинизм и выступал против его поддержки Западом. Его возглавляли Лессинг Розенвальд, бывший глава крупной коммерческой фирмы, и неоднократно цитировавшийся нами раввин Эльмер Бергер. На собрании Совета в Чикаго в эти дни указывалось, что воспоминания президента Трумана

«подтверждают выходящее за пределы допустимого сионистское давление, якобы от имени всех американских евреев... создающее непривлекательную картину поддержки со стороны американских граждан иностранного национализма».

Со стороны Американского Сионистского Совета немедленно последовал энергичный протест против попытки Даллеса «*изъять палестинский вопрос из президентской избирательной кампании*»; председатель этого Совета, раввин Ирвинг Миллер, назвал «*совершенно ложным представлением, будто какая-то область внешней политики может быть убрана с арены свободного и беспрепятственного публичного обсуждения*». Относительно этой «свободы» и соответственных «препятствий» в те же дни в американской печати можно было найти, хотя и весьма редко, несколько иное мнение: цитированная нами известная журналистка Дороти Томпсон писала, что

«споры Израиля со своими соседями ставятся на повестку дня любого собрания в Америке, но малейшее упоминание арабской точки зрения равносильно политической смерти любого кандидата».

Джордж Сокольский писал:

«Про-египетская политика не принесет республиканцам голосов в Нью-Джерси, Коннектикуте или Массачусетсе, и это вы можете услышать от всех профессиональных политиков».

Джон О'Доннель:

«Ведущие политики прекрасно знают, что для получения еврейских голосов в таких ключевых штатах, как Нью-Йорк, Массачусетс, Иллинойс, Нью-Джерси и Пенсильвания, нужно чтобы Америка заняла резко антиарабскую позицию».

⁸⁴ Прим. перев.: см. примечание к главе 33 о «самоубийстве» Форрестола. (См. R-REED1 {[Forrestal](#)}-V.E.).

Следующим было сообщение в «Нью-Йорк Таймс» (21 февраля 1956 г.), что Даллесу придется давать «объяснения по вопросам внешней политики» перед Сенатским комитетом по иностранным делам «для расследования неразберихи в вопросах правительственной политики поставок оружия на Ближнем Востоке». Даллес явился на заседание Комитета (24 февраля), и здесь произошел инцидент, заслуживающий внимания. Обычно широкая общественность, как в Америке, так и в Англии, не имеет никакой возможности высказать мнение, противное официальному, в столь дорого ей обходящейся палестинской авантюре; кандидаты на любых выборах не могут даже ожидать своего выдвижения, если они не подпишутся под сионистской программой, а печатать, как правило, также ничего, что противоречит этой программе, не печатают. В данном случае во время выступления ответственного члена правительства присутствовало столько рядовых американцев, сколько могло включить помещение Сената на своих местах для зрителей, и они встретили Даллеса овациями, которые продолжались пока он говорил и когда он покинул зал. Причины оваций не оставляли ни у кого сомнений в том, как реагировали бы западные массы, если бы только их политические вожди когда-либо набрались мужества открыто выступить по данному вопросу. В числе многого другого Даллес сказал, что

«одной из самых больших трудностей, которые Соединенные Штаты встречают при своих попытках посредничать между арабами и евреями, является убеждение арабов в том, что политика Вашингтона диктуется внутривосточным давлением».

По словам Даллеса, налицо была опасность того, что Израиль «начнет то, что называется превентивной войной». В этом случае «Соединенные Штаты не выступят на стороне Израиля», поскольку они связаны обязательствами со своими союзниками противодействовать любому государству, которое начнет «агрессию» на Ближнем Востоке. Даллес

«несколько раз упомянул, что применялось внутривосточное давление с целью заставить правительство идти весьма неумным и неподобающим про-израильским политическим курсом на Ближнем Востоке».

Не может быть сомнений при чтении этих цитат в том, чему именно так бурно аплодировали слушатели Даллеса в зале Сенатского комитета; это было первым официальным и публичным указанием на то, в чьих когтях находился Запад. Публичные овации, как и следовало ожидать, несколько не уменьшили того «внутривосточного давления», которое упоминал государственный секретарь. Немногом позже (12 апреля 1956 г.) он был вызван для доклада лидерам Конгресса о положении на Ближнем Востоке, которым он сказал: «Боясь, что срок для мирного решения вопроса уже прошел». Даллес указал, что в ближневосточной политике США «два ключевых фактора» противоречат друг другу, а именно «сохранение громадных нефтяных запасов этого района для военного и хозяйственного пользования ими Западной Европы» (эти запасы и в настоящее время в арабских руках) и «сохранение Израиля как государства». Немедленно лидер демократов в Конгрессе Джон МакКормак задал грозный вопрос: «Что у Вас на первом месте: спасти Израиль или держаться за нефть?» Даллес ответил, что «мы пытаемся сделать и то, и другое», показав как глубоко завяз весь Запад в неразрешимой дилемме, куда его в свое время увела ставка Англии на карту сионизма.

Своими тщетными попытками «сделать и то, и другое» Даллес вскоре еще более ухудшил положение. Он явно никогда не надеялся на то, что его предложение изъять арабско-израильский вопрос из предвыборной политики будет принято, и ответил на соответствующий вопрос, заданный ему в то же время на пресс-конференции, «взрывом сардонического смеха». В тот самый момент, когда он выступал перед Сенатским комитетом (встретили бы его овациями, если бы слушатели знали об этом?), уже разрабатывался метод, с помощью которого Америка могла бы официально заявить, что она не поставляет «вооружение на Ближний Восток», обеспечив в то же самое время, что Израиль получит это вооружение, что даст ему возможность начать «превентивную войну», которой государственный секретарь якобы так «боялся». Этот метод был тем же самым, что и в вопросе западногерманских «репараций», выжатых под американским давлением и обеспечившим финансовый поток в Израиль без того, чтобы это нашло отражение в государственном бюджете США.

Немедленно вслед за докладом Даллеса Сенатскому комитету, как бы в ответ на него, израильские войска совершили новое «преднамеренное и подготовленное» нападение на египтян

в полосе Газа, причем были убиты 38 человек (27 февраля 1956 г.), а Израиль получил очередное «осуждение» за «грубую агрессию» от Комиссии ООН по перемирию. В последующие недели кOLUMNИСТЫ англосаксонской печати начали вентилировать в общественности вопрос о новом методе поставок оружия Израилю:

«Если Соединенные Штаты продадут оружие Израилю, это откроет коммунистический трубопровод вооружений арабским странам... судя по всему предполагается, что этого не будет, если израильские заказы на вооружение будут размещены в Англии, Франции и Канаде... Здесь (в Вашингтоне) считают, что если вооружение Израилю будет продаваться (нашими) союзниками, то Соединенные Штаты смогут сохранить свою позицию нейтралитета».

На практике это как раз означало «делать и то, и другое». Раввин Гилель Сильвер (тот самый, который молился еврейскому богу о «милости и наставлении» президенту Эйзенхауэру при его вступлении в должность) выразил мнение при своем посещении Израиля, что «*правительство Эйзенхауэра еще не сказало последнего слова в вопросе вооружений для Израиля*» (Нью-Йорк Таймс», 4 апреля 1956 г.). По возвращении в Вашингтон у него состоялось «*весьма открытое и дружеское собеседование*» с президентом. Тогда же выяснилось, что США «*скрытно побуждают французское и канадское правительства продавать вооружение Израилю*» («Нью-Йорк Таймс», апрель 1956 г.), и что фактически это было американскими поставками, поскольку французское правительство официально объявило (12 мая) о согласии американского правительства задержать указы НАТО, чтобы дать Франции возможность быстрее образом поставить последние 12 самолетов «Мистэр IV» Израилю. Эти самолеты приняли участие 5 месяцев спустя в нападении на Египет, но в мае, разумеется, не было сказано, что в нем примет участие и французская авиация. Полгода спустя накануне президентских выборов и непосредственно перед израильским нападением на Египет газета «Нью-Йорк Дейли Ньюс» взывала к «еврейским избирателям», напоминая им об услугах, оказанных еврейскому делу республиканским правительством:

«Правительство Эйзенхауэра не видело ясных путей в снабжении Израиля тяжелым вооружением в связи с возможными международными осложнениями. Однако, в апреле и мае правительство помогло Израилю получить 24 реактивных самолета «Мистэр» от Франции, а месяц тому назад Канада сообщила о продаже Израилю 24 реактивных самолетов типа «Сабр». Руководящие лица в Израиле подтвердили, что Даллес активно использовал влияние правительства Соединенных Штатов, способствуя поставкам как французских, так и канадских самолетов».

Здесь нужно объяснить механику этих военно-торговых комбинаций: американское правительство финансировало закупки вооружений для своих союзников по НАТО, размещая заказы иностранным производителям. Эти оплаченные американскими деньгами поставки были теперь при американском «поощрении» повернуты в Израиль. Так и НАТО, которое должно было представлять собой союз западных стран против «советской агрессии» и «коммунизма», также оказалось поставленным на службу сионизму. Подписанный в 1949 договор НАТО предусматривал исключительно, что все его члены (Америка и Канада, Англия, Франция, десять прочих европейских государств и Турция) будут считать любое нападение на одного из них, как нападение на всех, и поспешат на помощь жертве нападения. Другими словами, американское правительство, нападая на СССР за поставки вооружения Египту и заявляя, что оно само не намерено поощрять «гонку вооружений» на Ближнем Востоке продажей их Израилю, в действительности способствовало вооружению последнего и сохранению его военного превосходства над всеми семью арабскими странами. Даллес действовал чисто маккиавеллистическими методами, фактически подливая масло в огонь. Факт вооружения Израиля даже не находили нужным скрывать; как показывают приведенные цитаты из тогдашней печати, его открыто рекламировали в погоне за голосами в той самой избирательной кампании, из которой Даллес якобы стремился изъять весь израильско-арабский вопрос.

Побочным результатом этих махинаций на Западе было то, что даже заявление по данному вопросу со стороны московского руководства, не очень разборчивого в средствах своей политики, приобрели вид почтенной респектабельности. В ответ на западную шумиху по поводу «вооружений Египту», советское правительство разослало ноты правительствам Америки, Англии, Египта и Чехословакии, констатируя, что оно

«считает законным правом каждого государства заботиться о своей обороне и покупать оружие для оборонных нужд у других государств на обычных коммерческих условиях, вмешиваться во что не имеет права ни одно иностранное государство».

Это было абсолютно безукоризненным заявлением как с правовой, так и даже с моральной точки зрения; на эту же точку зрения встал и сам Израиль: пока на Западе разгорался печатный шум и гам, израильский министр иностранных дел Моше Шаретт заявил в Нью-Йорке (10 ноября 1955 г.): *«Если нас припрут к стене и речь пойдет о нашем существовании, то мы будем искать и примем вооружение из любого источника в мире»* – этим он ответил на вопрос, не получил ли Израиль предложения вооружений также и из Советского Союза. Короче говоря, суть западных протестов сводилась к тому, чтобы советское вооружение не попадало в одни только арабские страны, и для этого, разумеется, трудно было найти правовые или моральные основания. На фоне всей этой шумихи «беззащитный Израиль» (по словам Бен-Гуриона) устроил 16 апреля 1956 г. военный парад по случаю своей годовщины, показав всему миру громадное количество американских, английских и французских танков и самолетов («Нью-Йорк Таймс», 17 апреля). Советское вооружение на параде показано не было, чтобы не нарушать общей пропагандной картины. 24 апреля Бен Гурион вновь провозгласил в Иерусалиме националистические и экспансионистские цели своего государства:

«Продолжение собирания еврейских изгнанников остается высшей целью Израиля и существенной предпосылкой для реализации его мессианской удачи, сделавшей нас вечным народом».

Несмотря на всё это, трюк, с помощью которого США смогли обеспечить Израиль вооружением, в то же время официально отказываясь ему его продавать, не дал американскому президенту передышки (*«Никто не приветствует наше решение не продавать оружия Израилю, поощряя делать это наших союзников и освобождая для этого уже заказанное вооружение»* – «Нью-Йорк Таймс», 19 мая). Сион требовал открытого подчинения, и сионистский гнев начал обращаться против Эйзенхауэра. Накануне его вторичного коллапса (летом ему пришлось лечь на операцию печени) полетели насмешливые обвинения в том, что он *«работает неполное время»*. Кампанию открыла крикливая сионистка Агнеса Мейер, заявив на еврейском собрании в Нью-Йорке, что в то время, как «бастион демократии» (Израиль) находится в опасности, *«президента не найти на его посту в Вашингтоне: он играет в гольф в Августе»*, и предложила ему подумать о том, *«может ли наша страна позволить себе роскошь иметь президента, работающего неполное время»*. Непосредственно за этим Эйзенхауэра поразило его вторичное серьезное заболевание, и для приличия нападки на время прекратились; однако, как и всем его предшественникам, президенту не позволили забыть, в чем заключаются его настоящие обязанности и что если он отойдет от политической линии Рузвельта и Трумана, то все средства сионистской пропаганды немедленно обратятся против него. На другом берегу Атлантики в то же время на сионистской дыбе ломали кости другому главе правительства. В любом другом столетии сэр Антони Иден стал бы выдающимся государственным деятелем; в нашем ему пришлось вступить на пост премьер-министра с наследием «обязательств» Сиону, повисшим как жернов на его шее. Трудно было найти во всем мире политика равного ему по опыту и способностям в 1955 году, когда он принял свой пост. Он принадлежал к поколению Первой войны, и воспоминания о битвах на полях Фландрии не покидали его во всей последующей жизни, посвященной исключительно политике. Он происходил из старинной дворянской семьи с наследственными традициями государственной службы, и был кроме того одаренной и представительной личностью. В молодом возрасте он стал министром, занимая затем с краткими перерывами один высокий пост за другим в течение 20 лет, познакомившись за это время лично со всеми ведущими политиками в Европе и Северной Америке, будь они диктаторами или парламентариями. Этим он приобрел совершенно исключительный опыт, необходимый для предстоящих критических лет; один только сэр Уинстон Черчилль во всем мире обладал сходным запасом личных связей и умения вести переговоры в той области, которая когда-то причислялась к искусству государственной деятельности.

Для занятия поста главы правительства Британской империи в 1955 г. Иден был еще сравнительно молодым политиком (род. в 1897 г.), когда сэр Уинстон Черчилль отдал дань закону старости (ему шел 82-й год), передав «факел» тому, кого он еще в 1938 г. охарактеризовал, как воплощение «жизненной надежды британской нации». В том самом 1938 г. Антони Иден завоевал симпатии многих людей своего поколения тем, что подал в отставку с поста

министра иностранных дел в знак протеста против политики «умиротворения» по отношению к Гитлеру, которого он считал идущим прямой дорогой к войне. Тем печальнее было современникам событий 1956 года связывать их с именем Антони Идена. Автор настоящей книги был лично знаком с Иденом, насколько это было возможным для иностранного корреспондента в годы, предшествовавшие второй мировой войне; помня общность взглядов, связавших его с Иденом в эти годы сумерек, спускавшихся над Европой, он написал ему письмо в дни, когда, судя по всему, Иден стал терять связь с послевоенным поколением, и получил от него дружественный ответ с воспоминаниями о прежнем знакомстве, а также с подтверждением знакомства с книгами автора. Этот последний помнит Идена выходящим с озабоченным лицом после встречи с Гитлером в 1935 году, когда тот в угрожающих тонах заявил, что германская авиация (официально еще вообще не существовавшая) превосходит английскую. Автор сопровождал Идена во время его поездки в Москву в 1935 г. и смог услышать от него подтверждение того, что потом стало известно об этой первой встрече Идена со Сталиным: грузинский бандит ткнул пальцем в маленькое пятнышко на карте мира, обозначавшее Англию, выразив свое удивление тем, что такая маленькая страна может держать в своих руках ключ к миру во всем мире (что в те годы вполне соответствовало действительности). Именно эти личные воспоминания сделали автору столь трудным понимание того, в какую авантюру Иден был втянут в октябре 1956 года.

С самого начала в мае 1955 г. профессиональному политическому наблюдателю было ясно, что Антони Иден в действительности был не столько премьер-министром, сколько министром по еврейскому вопросу, к этому времени уже воплотившемуся в сионистском государстве и его безграничных амбициях. Было также ясно, что вся его деятельность на посту главы правительства стояла под тенью этого вопроса и что его политическая судьба будет определяться вовсе не успехами или неудачами в вопросах национального интереса, а одними лишь его действиями по отношению к сионизму. В этом можно было убедиться еще до принятия им поста главы правительства в последние недели, когда он был министром иностранных дел. Британское правительство заключило соглашение с Ираном и Турцией, обеспечивавшее защиту британских интересов на Ближнем Востоке, нефтяные запасы которого были жизненно необходимы для Англии и ее доминионов в южном полушарии. В парламентских прениях по этому вопросу этот его аспект совершенно игнорировался, и страсти разгорелись исключительно вокруг того, «как это будет для евреев», т.е. какое влияние это соглашение окажет на положение «Израиля». Из 625 депутатов Палаты общин только два имели мужество заявить протест:

«В наших прениях речь идет не о Палестине, и министр иностранных дел обязан принимать во внимание мировые интересы и интересы Англии, даже если это вызовет недовольство других стран» (*депутат Томас Рид*); «судя по всем выступлениям уважаемых депутатов на обеих сторонах Палаты, могло создаться впечатление, что речь шла исключительно о влиянии этого соглашения на положение Израиля, а не на улучшение нашей системы обороны во всем мире против угрозы советского империализма» (*депутат Ф. Беннет*).

На что еврей-депутат от социалистов ответил: «А почему бы и нет?» И в самом деле, к этому времени стало уже почти невозможным обсуждать какой-либо важный вопрос, кроме как в плане его отношения к Израилю, и это предопределило заранее весь политический курс правительства сэра Антони. В остававшиеся месяцы 1955 года, уже в качестве премьер-министра, ему пришлось неустанно возиться с «ближневосточным вопросом»: один раз он предложил разделить Израиль и арабские страны кордоном международных войск (США не согласились), в другой он хотел, чтобы Израиль, захвативший в 1948 г. гораздо большую территорию, чем та, что была «отведена» ему Объединенными Нациями, согласился на незначительные «поправки» своих границ (на что со стороны сионистской печати в Америке посыпались обвинения, что теперь и Англия встала в ряды врагов Израиля).

Следующий год был годом очередных президентских выборов в США и стал кризисным годом для Идена. Сионистская машина снова заработала на полный ход, разыгрывая Вашингтон против Лондона, а Лондон против Вашингтона, с сорокалетним опытом своих закулисных махинаций. В марте 1956 г. произошло нечто, оставшееся в значительной степени неизвестным мировой общественности, но указывавшее внимательным наблюдателям событий, что нападение на Египет предстоит в самом ближайшем будущем. Накануне еврейской пасхи загадочный «Голос Америки» передал праздничное сообщение, полное провокационных намеков на «освобождение евреев из египетского плена». В сочетании с пропагандной бомбардировкой Египта, всё более усиливавшейся в Вашингтоне и Лондоне, это ясно указывало на то, что еще до

следующей еврейской пасхи следовало ожидать грозных событий. Как правило, американская общественность не имеет понятия о том, что передает т.н. «Голос Америки» и к кому он обращается. Даже автору настоящей книги, несмотря на все старания, так и не удалось выяснить, какие официальные инстанции руководят этим «голосом» или хотя бы контролируют его, хотя для многочисленной аудитории во всех концах света он представляется рупором американского правительства. Единственное, что смог установить автор, было что средства этой институции, финансовые и прочие, поистине безграничны, и что ее персонал состоит главным образом из восточно-европейских евреев;⁸⁵ деятельность этого учреждения происходит в условиях полной безответственности и секретности. В период венгерского восстания в октябре–ноябре 1956 г. как венгерские беженцы, так и американские корреспонденты, вернувшиеся из разгромленной страны, возлагали значительную часть ответственности за венгерскую трагедию именно на «Голос Америки». В самой Венгрии американцы убедились в полной уверенности венгерского населения в американской поддержке в случае советских репрессий; венгры подтверждали, что хотя передачи «Голоса» и избегали произносить слово «восстание», но фактически они к нему призывали и его провоцировали, гарантируя американское вмешательство и защиту. Президент Эйзенхауэр заявил, однако, после восстания, что *«мы никогда не советовали ни одному из поработанных народов поднять восстание против советских вооруженных сил»*. Такая же критика со стороны венгров была обращена и по адресу т.н. «Радио Свободная Европа», оперировавшего из Западной Германии по лицензии боннского правительства. Газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила 23 ноября 1956 г., что по заявлению одного из первых венгерских беженцев, прибывших в Америку, «Голос Америки» и «Радио Свободная Европа» годами «подстрекали нас» к восстанию, но когда оно разразилось, Америка не пошевелила и пальцем. Западногерманское правительство назначило расследование передач «Свободной Европы» в период венгерского восстания после того, как в немецкой печати были опубликованы многочисленные обвинения в провокации со стороны этой радиостанции; в одной из ее передач, а именно 5 ноября 1956 г., в разгар восстания, венгерскому народу сообщалось, что *«военная помощь Запада не может быть оказана ранее 2-х часов утра»* следующего дня, другими словами, что ее следовало ожидать с минуты на минуту («Нью-Йорк Таймс», 8 декабря 1956 г.). Наиболее серьезное обвинение в провокации последовало со стороны главы венгерской социал-демократической партии, г-жи Анны Кетли, которой удалось спастись от чекистских палачей во время кратковременного освобождения страны от коммунистической власти в ходе восстания. Она показала, что еще в 1952 г., когда она сидела в тюрьме, «Радио Свободная Европа»

«в одной из своих венгерских передач сообщила, что я руководила из тюрьмы подпольным освободительным движением, причем были названы имена нескольких других лиц, якобы руководивших этим движением. Меня забрали из тюрьмы, где я сидела в одиночной камере с 1950 года и сделали мне очную ставку с сотнями бывших активистов венгерской социал-демократии и профсоюзов. Всех их пытками заставили признаться в участии в несуществовавшем антикоммунистическом заговоре. В передаче «Свободной Европы» не было ни слова правды: с момента моего ареста я сидела в одиночке и не видела и не встречала буквально никого. Радио Свободная Европа совершило тяжелый грех, заверяя венгерский народ в военной поддержке Запада, в то время как о такой поддержке не могло быть и речи» («Нью-Йорк Таймс», 30.11.56).

Так Америка говорила двумя «голосами»: одним своего президента, обращавшегося официально к мировой общественности, и другим «Голоса Америки», подстрекавшего народы поверх голов американцев, к опасным шагам. Официальную линию американской политики газета «Нью-Йорк Таймс» выразила в тот период в следующих словах:

⁸⁵ В годы написания настоящей книги «Голос Америки» содержал в Мюнхене «русскую редакцию», поставлявшую материалы для его русских передач. Из многих сотен тысяч русских эмигрантов и послевоенных русских беженцев в США, в их числе многочисленных представителей культурнейшего слоя России, для возглавления и руководства этой редакцией в Америке не нашлось никого, кроме двух русских евреев: «Чарльза Львовича» Маламуда и «Нельсона Карловича» Чипчина, не обладавших ни малейшей квалификацией для занятия этих должностей, помимо посредственного знания русского языка. В те годы, если в комнатухах русских беженцев и висели какие-нибудь портреты, то либо государя-императора и вождей Белого движения, либо же генерала А.А. Власова; в кабинете Маламуда висел «портрет» (старинная русская гравюра) Пугачева, – также одна из тех символических «мелочей», старательно соблюдающихся сионистами, о чем пишет Дуглас Рид. – *Прим. издателей.*

«Ответственные члены правительства частным образом заверяют, что правительство США стремится избежать впечатления, будто бы оно стоит исключительно на стороне Израиля, что было бы равнозначно выдаче арабских стран под влияние Советского Союза».

Трудно предположить, чтобы арабские народы поверили этим «частным» заявлениям, если они вообще о них когда-либо слышали, после того, что они узнали от «Голоса Америки» о готовящемся освобождении евреев из «египетского плена».

С этого момента ураганный огонь западной пропаганды повернулся против Египта. Последовавшие события легко понять в свете уже цитированной нами записи в дневнике военного министра США Генри Стимсона накануне Перл-Харбора, согласно которой задачей правительства Рузвельта в конце 1941 г. было спровоцировать японцев на «первый выстрел». Всё указывало на то, что теперь, в 1956 г., к этому «первому выстрелу» должен был быть спровоцирован Египет. Этот последний себя спровоцировать не дал, но тогда весь мир убедился в том, что вовсе не обязательно было делать «первый выстрел», дабы попасть в агрессоры: средства массовой пропаганды в мировом масштабе были уже до того усовершенствованы, что нужное государство можно было объявить агрессором в тот самый момент, когда чужие войска переходили его границы, и даже еще раньше этого. Все предшествовавшие этим событиям «осуждения» Израиля в намеренной и неспровоцированной агрессии не играли ни малейшей роли.

Кризисный период начался 7 марта 1956 г. (как раз накануне передачи «Голоса Америки» об освобождении из египетского плена), когда Антони Идену вновь пришлось в Палате общин встретиться с пресловутым еврейским вопросом. К тому времени его противники из социалистической оппозиции, несмотря на все «осуждения» Израиля в ООН, с пеной у рта требовали оружия для еврейского государства и «*нового международного договора с гарантиями для Израиля*»; как и нью-йоркские политиканы, они не видели иной возможности вновь прийти к власти, кроме как ценой новых поблажек Сиону. На премьер-министра

«обрушилась буря злобных нападок и оскорблений, каких Палата общин не видела со времен последних дней премьерства Невилля Чемберлена» («*Нью-Йорк Таймс*»); «Разыгрались такие сцены, что даже те, кто их вызвал, почувствовали себя неловко; пришлось вмешаться спикеру с просьбой дать премьер-министру все же возможность высказаться» («*Дейли Телеграф*»).

Тщетно Иден пытался напомнить, что до тех пор парламент его вежливо выслушивал в течение «более чем 30 лет». Возможно, что он рассчитывал на поддержку из Америки, где в тот же самый день президент Эйзенхауэр высказал мнение, что «*бесполезно стараться сохранить мир на Ближнем Востоке, вооружая один миллион семьсот тысяч евреев против сорока миллионов арабов*» (к тому времени американские поставки оружия были уже на пути в Израиль). В Англии, однако, все ополчилось против Идена. «Дейли Телеграф», считавшийся органом его партии, мог в текущей информации возмущаться тем, как с премьером обращались в парламенте, но в своих передовицах писал, что необходимость вооружения Израиля «неоспорима» – словечко, избавляющее от нужды каких-либо доказательств. Социалистическая оппозиция в своем стремлении угробить премьера на «еврейском вопросе» распоясалась до последнего. В двух последовательных номерах левого журнала «Нью Стейтсмен» говорилось, что с одной стороны Англия не имеет ни права, ни средства ввязываться в новую мировую войну при каких бы то ни было условиях и должна просто сложить оружие («*Эффективная оборона превышает в настоящее время наши возможности, и единственной альтернативой к полному уничтожению является полное разоружение*», 10 марта 1956 г.), с другой же требовалось, чтобы Англия вооружила Израиль и обязалась воевать за него

(«Война станет менее вероятной, если Израиль получит самое современное вооружение, и рабочая партия вполне права, требуя, чтобы он его получил»... «вопрос не столько в нежелательности гарантировать еще даже официально не установленные границы (*Израиля*)... сколько в военной проблеме как собрать и отправить необходимую военную силу (*для его защиты*)... Имеем ли мы достаточные военно-морские силы в восточном Средиземноморье? Не уверен ли г-н Гейтскелл (*лидер социалистов*) в том, что британская общественность поддержит войну в защиту Израиля, даже без санкции Объединенных Наций?»), – 17 марта).

Из этих цитат видно, к каким необозримым последствиям привели данные Сиону обязательства, по началу казавшиеся лишь маловажными. Казалось, что сэр Антони Иден, вместе с правительством США, в этот момент старался удержать волну массового психоза, тем не менее,

он нашел нужным послать «предупреждение Египту», которое не было ничем оправдано и привело, как показало будущее, к роковым последствиям. Официально и для видимости английское и американское правительства в этот момент ухаживали за Египтом, надеясь на его помощь в «умиротворении» Ближнего Востока; с этой целью Англия даже собиралась «под американским давлением» убрать свои войска из зоны Суэцкого канала. В наличии этого «давления» не может быть сомнений, поскольку вся американская печать отмечала успех политики США в этом направлении; «Нью-Йорк Таймс», например, писал 21 октября 1956 г.:

«Государственный секретарь Даллес не сомневается, что ему будет обеспечена дружба арабов при сохранении дружбы Израиля, если он окажет давление на Англию, чтобы она вывела свои войска из Египта».

Политикам никогда не удастся найти ответ на вопрос, почему это вдруг Антони Иден, не получив ничего взамен, поддался этому «давлению», выпустив из рук то, что непосредственно вслед за этим было объявлено «жизненной линией» (Суэцкий канал) Британской империи. Всякое «давление» из Вашингтона в вопросах Ближнего Востока за последние 40 лет⁸⁶ всегда было сионистским давлением; и в то же самое время египетский журналист, некий г. Ибрагим Иззат, был обрадован сердечным приемом у израильских премьер-министра, министра иностранных дел и министра труда, заверивших его в том, что у «Израиля и Египта общая цель противодействовать британскому влиянию на Ближнем Востоке» («Рос эль Юсеф», май 1956 г.; «Нью-Йорк Таймс», 20 мая). Как бы то ни было, результаты этой уступки «давлению» сказались очень скоро в виде войны, в которой Англия потерпела невиданное унижение и фиаско. Выход англичан из Египта по всей видимости был британской половиной англо-американской сделки с целью «завоевания дружбы арабов»; ее американской половиной должно было стать предоставление, вместе с Англией и Международным Банком 900 миллионов долларов на постройку Ассуанской плотины на реке Нил (это предложение Египту было сделано в декабре 1955 года). Для анализа событий этого времени снова необходима их точная хронология. Британские войска эвакуировались из зоны Суэцкого канала, согласно договоренности, в июне 1956 г. 6 июля того же года представитель американского Госдепартамента сообщил печати, что предложение финансировать строительство Ассуанской плотины «сохраняет свою силу». Несколькими днями позже и египетский посол в Вашингтоне подтвердил, что Египет «окончательно решил обращаться за западной помощью в строительстве плотины». 19 июля тот же посол явился к Даллесу для официального принятия этой помощи, но ему было сказано, что американское правительство «передумало». За день до того представитель Форин Оффиса в Лондоне сообщал печати, что английская часть предложения «сохраняет силу». 19 июля тот же представитель Форин Оффиса сообщил печати (но не египетскому послу) что Англия также берет свое предложение помощи обратно. Указать причины этого он отказался, но подтвердил, что имела место «непрестанная консультация между Уайтхоллом (резиденция британского правительства) и Вашингтоном».

Другими словами, «давление» с явной целью нанести оскорбление Египту этим презрительным афронтом исходило с той же стороны, что и «давление» задобрить его выводом англичан из зоны Суэца. Британское правительство было намеренно поставлено в затруднительное и опасное положение: если первая «уступка» (вывод войск из Суэца), заявление Эйзенхауэра о его желании «приостановить ухудшение отношений между арабскими народами и Соединенными Штатами» и «восстановить доверие арабов» к Америке, то неожиданный поворот в вопросе финансирования жизненно важной для Египта Ассуанской плотины должен был насторожить Лондон, который имел возможность выиграть многое, не подчинившись «давлению» в этом втором вопросе.

В истории не найти примера другой, столь же расчетливой и наглой провокации по отношению к стране, с которой «Запад» якобы собирался укреплять свою дружбу. Подобное поведение Вашингтона и Лондона стало возможным только после того, как оба они стали послушными слугами сионизма. Американский отказ от уже сделанного предложения в столь важном для Египта вопросе, и главное то, в какой манере этот отказ последовал (о послушной имитации в Лондоне не приходится и говорить), явились истинным началом военного кризиса в 1956 г., однако настоящий источник его, пресловутое «давление», не были американскими. Комментируя отказ от данных Египту обещаний, «Нью-Йорк Таймс» скромно замечал, что «некто-

⁸⁶ Написано в 1956 г. – прим. перев.

рые конгрессмены опасались недовольства в сионистских кругах» этими обещаниями. Остается лишь добавить, что провокация была проведена в самый подходящий момент: в год президентских выборов, когда политики обеих американских партий думают лишь о том, как перешеголять друг друга в «уступках» еврейству.

Реакцию взбешенного Египта нетрудно было предвидеть: в ту же неделю президент Нассер объявил о национализации Суэцкого канала, управлявшегося частной международной компанией, большая часть акций которой была скуплена Англией еще в эпоху Дизраэли; международная политическая атмосфера вновь наполнилась разговорами о войне, как в свое время в 1952–53 гг. в период «процесса еврейских врачей» в Москве. В мировой печати немедленно появился новый «злодей» – президент Нассер, что было верным признаком готовящейся войны. Автору пришлось за свою жизнь видеть многих таких «злодеев» на страницах газет, и каждый раз он мог наблюдать, что эту пропаганду можно открывать и закрывать, как водопроводный кран, наполняя отравой сознание масс:

«Проклятый сок хранится в этой склянке,
И в ухо мне влита смертельная отрава...»

(Гамлет).

В детские годы автора пугали «сумасшедшим муллой» (давно забытый всеми мусульманский вождь) и превращенным в «злодея» почтенным старым буром по имени Пауль Крюгер. Задним числом становится ясно, что все эти «злодеи» из политического кабинета страхов были не хуже, чем те, кто обливал их помоями. Даже еще до того, как пропагандная подготовка войны достигла стадии «злодея», и задолго до беспрецедентной провокации 19 июля, всё еще не вызвавшей со стороны Египта ничего, что можно было бы приравнять к «воинственным действиям», президент Нассер был уже объявлен агрессором в войне, которая еще должна была начаться. В марте 1956 г. Бен Гурион заявил в Тель-Авиве, что одна только быстрее поставка оружия Израилю может предотвратить «*нападение со стороны арабских государств в ближайшие несколько месяцев*», добавив что агрессором будет египетский диктатор Нассер». 13 апреля Черчилль вновь появился на сцене после годичного пребывания на пенсии, заявив на весьма аристократическом собрании т.н. «Лиги Первоцвета», основанной его отцом, лордом Рандольфом Черчиллем, в память Венямина Дизраэли, что «мудрость и честь» требуют английской защиты Израиля «*если на него нападет Египет*». Сэр Уинстон достаточно ясно заранее высказал одобрение израильскому нападению на Египет, которого в то время требовали израильские «активисты»:

«Если Израиль уговорят не использовать всех сил своей расы для отражения Египта сейчас, пока египтяне не научились пользоваться поставленным им русским (!) вооружением, после чего Египет начнет нападение, то не только велением мудрости, но и делом нашей чести будет обеспечить, чтобы Израиль не был наказан за свое терпение»⁸⁷.

⁸⁷ Позиция Черчилля в еврейском вопросе со времени его возвращения в правительство в 1940 г. и до последних дней его жизни (умер в 1965 г. в возрасте 91 года) резко расходится с его взглядами в том же вопросе во время русской революции и в последующие годы, когда он видел в сионистах воплощение дьявольского начала и писал о «*шайке... подонков больших городов Европы и Америки... держащей в своих руках русский народ*» (см. главу 32 «Мировая революция шагает дальше»). (см. R-REED1 {Churchill} – V.E.) Известный английский историк наших дней, Давид Ирвинг, получивший всемирную известность своими трудами о Второй мировой войне («Разрушение Дрездена», «Смерть генерала Сикорского», «Война Гитлера», «Путь к войне» и др., см. библиографию) собирал в течение 9 лет материалы для биографии Черчилля, пользуясь британскими, американскими, германскими, чешскими, польскими и советскими архивами. Рукопись была приобретена ведущими английскими, американскими и западногерманскими книгоиздательствами еще до ее окончания. По получении ее все издательства от печатания книги отказались, а американское изд-во *Doubleday* потребовало возврата 100 000 долл., выплаченных в качестве аванса. Главный редактор ведущего английского изд-ва *Macmillan & Co* был до последнего момента самого высокого мнения о полученной рукописи, но вынужден был сообщить автору, что на заседании правления было принято решение книгу не печатать; председатель правления лорд Стоктон (б. английский премьер-министр Гарольд Макмиллан) заявил, что «*книга будет напечатана только через мой труп*». Предложения автора дать рукопись на отзыв профессорам-историкам Оксфорда и Кембриджа были оставлены без внимания. На вопрос корреспондента одной ирландской газеты о закулисных причинах отказа Давид Ирвинг ответил, что в частности еврейская «*Анти-Диффамационная Лига*» (АДЛ) в США розослала издательствам и газетам «циркуляр» на 30 страницах с личными нападками и клеветой против

За этим завуалированным приглашением к агрессии последовало явно провокационное нападение Израиля на египетские войска в полосе Газа, во время которого были убиты и ранены 150 человек, включая женщин и детей. Пропагандный гвалт о «злодее» и «египетской агрессии» на всем Западе продолжал тем временем нарастать. Два весьма символических события показали в те дни, как далеко зашло закрепощение Англии Сионом. В июне 1956 г. в Лондоне, в роскошном средневековом зале Гильдхолла т.н. «Англо-Еврейская Община» праздновала *«трехсотлетие поселения евреев на британских островах»*⁸⁸; супругу молодой королевы,

него (см. главу 40 «Захват Америки»). Ирвингу удалось получить один экземпляр, и он уведомил главу АДЛ, что в случае появления этого документа в Англии (где законы о клевете гораздо строже, чем в США) он подаст на эту организацию в суд. Если книга Давида Ирвинга всё же появится в печати (на что можно надеяться), читатель познакомится с портретом знаменитого политика, сильно отличающимся от обычных славословий по адресу этой личности, о которой Дуглас Рид пишет, что в первую очередь к ней самой относится характеристика Черчиллем советской системы, как *«загадки внутри секрета, окутанного тайной»*: обнаруженные историком материалы свидетельствуют о том, что Черчилль был прежде всего *«спившимся трусом и лицемером»*, по крайней мере в последние 30 лет своей жизни. В области политики главная заслуга Черчилля перед сионизмом заключалась, как это явствует из труда Ирвинга, в том, что он продал интересы Англии клике финансовых воротил, до сего дня руководивших политикой США, а с ней и всего мира. Речь, однако, идет далеко не об одной только Англии с ее бывшей колониальной империей, поскольку «деколонизация» во всем мире менее всего пошла на пользу «освобожденных», отданных во власть анархии и варварства, то главной ее целью следует считать ликвидацию колонизаторской миссии Европы, приобщившей к христианской культуре целые континенты. Это «достижение» представляется, в свою очередь, частью плана разрушения христианского порядка и общества, над чем работают, как это показывает Дуглас Рид, уже многие поколения «сионских мудрецов», а Уинстон Черчилль выступает, в свете настоящей книги и новейших изысканий, как их орудие. – *Прим. издателей.*

⁸⁸ Евреи были изгнаны из Англии в 1290 г. королем Эдуардом I после многочисленных разоблачений убийств христианских детей евреями с ритуальной целью, зарегистрированных в 1144 г. в Норвиче, в 1160 г. в Глостере, в 1181 г. в Бэри Сент-Эдмунде, в 1192 и 1232 гг. в Винчестере, в 1235 г. снова в Норвиче, в 1244 г. в Лондоне, в 1255 г. в Линкольне, в 1257 и 1276 гг. снова в Лондоне, в 1279 г. в Нортхемптоне и в 1290 г. в Оксфорде. В добросовестности произведенных в каждом случае расследований нет оснований сомневаться, в 1144 г. следствием руководил епископ Норвичский, в 1255 г. – сам король Генрих III; в этих обоих случаях жертвы – 12-летний и 8-летний мальчики – были причислены церковью к лику святых, что, как известно, также делается после тщательнейшего расследования. По официальным данным, из Англии были изгнаны все 16 000 проживавших в ней в то время евреев; Дуглас Рид считает, однако, что изгнание состоялось лишь «на бумаге» и что евреи фактически страны не покинули. Вполне вероятно, что значительной их части, при отсутствии полицейского надзора и регистрации, а также с помощью взяток местным властям, действительно удалось изгнания избежать. Изгнания евреев в большинстве стран континентальной Европы также имели причиной ритуальные убийства, существование которых евреи начисто отрицают. Трудно, однако, считать «случайностью», что сотни зарегистрированных убийств производились аналогичным образом, всегда над одинаковыми жертвами (за немногими исключениями, дети мужского пола от младенцев до 12–13 летнего возраста) и повсюду обнаруживали одни и те же признаки мучений ребенка в подражание мукам Иисуса Христа (распятие) и полного обескровливания жертв, причем собранная в сосуды кровь детей, согласно бесчисленным признаниям обвиняемых во всех концах Европы, рассылалась еврейским общинам для употребления при изготовлении «мацы». Изгнание евреев из Франции впервые состоялось в 1080 г. после ритуального убийства сына парижского торговца, и повторялось в 1396 и 1591 гг. Убитый в 1179 г. в Понтуазе мальчик Ришар был причислен церковью к лику святых. Изгнание евреев из Испании в 1492 г. было декретировано через 2 года после неопровержимо установленного ритуального убийства мальчика Христофора в Толедо, также причисленного к лику святых, как и убитый в Сарагоссе в 1250 г. св. Доминик. Из более 200 зарегистрированных самыми серьезными источниками ритуальных убийств в истории всей Европы, к лику святых были причислены св. Рудольф в Берне (Швейцария, убит в 1287 г.), св. Андрей в Ринне под Инсбруком (Австрия, 1462), св. Вернер в Обервезеле на Рейне (1268), св.св. Симон (Триент, 1475) и Лоренцино (Падуя, 1485) в Италии. Обычные доводы еврейских авторов, что признания добывались под пыткой, не выдерживают критики: ни светские, ни церковные суды (инквизиция) христианской Европы «вымучиванием» признаний из невиновных не занимались. Еврейский историк Сесиль Рот (Оксфорд) признает в своей «Истории марранов», что инквизиция применяла пытку лишь с целью добиться сознания уже изобличенного преступника, поскольку по закону той эпохи без этого осуждение не могло состояться (см. Cecil Roth, «A History of the Marranos», Philadelphia, The Jewish Publication Society, 1932, p.116). Попытки еврейских источников изобразить осуждения за ритуальные убийства как практику «варварского средневековья» также не выдерживают критики: в 19-ом столетии, когда о пытках не могло быть речи, зарегистрировано наибольшее число преступлений этого рода в одном столетии: 34 случая по одним источникам, 39 – по другим. Это стало

герцогу Эдинбургскому, было предложено для участия в банкете надеть на голову еврейскую ермолку. В сентябре того же года «Общество Кромвеля» отслужило молебен (!) у статуи царевубийцы и палача ирландских священников в Дрогхеде, чтобы отпраздновать ту же сказку о «возвращении» евреев в Англию при Кромвеле; президент почтенного общества, некий г. Исаак Фут, «рекомендовал», чтобы молодой принц Чарльз, если ему случится взойти на престол, принял имя «Оливера Второго», потому что *«мы не хотим иметь Карла Третьего»*. От внимательных наблюдателей не ускользнет упорство, с которым закулисные режиссеры наших дней инсценируют одну за другой *«мелочи, явно имеющие символическое значение»*; во время коронации Елизаветы II в 1953 г. важной частью торжеств был смотр в военно-морской гавани в

возможным, благодаря установлению полицейского контроля и регистрации населения, а также усовершенствованию криминалистики, в то время как в средние века обнаруженные случаи этого преступления, несомненно, составляли лишь малую часть их действительного числа. Вспомним, что половой психопат и садист, барон Жиль де Рэ (кстати, один из самых блестящих сподвижников Жанны д'Арк, маршал Франции в 25 лет), мог безнаказанно творить свои преступления в течение 8 лет (1432–40), пока не был повешен и затем сожжен на костре 26 октября 1440 г. в Нанте; в подвалах только одного из его замков были обнаружены около 140 трупов детей и молодых людей обоего пола в возрасте от 7 до 20 лет, но историки считают число его жертв близким к 400. Этот случай не имел, разумеется, никакого отношения к еврейству и был расценен церковным судом как сатанизм. Никаких пыток по отношению к Жилью де Рэ применено не было, и его полное сознание состоялось под давлением улик, как это имело место также и во многих случаях ритуального убийства. Аргументация еврейских источников, в том числе еврейских энциклопедий на всех языках, против «клеветы о ритуальных убийствах» поражает своей примитивностью и беззастенчивым искажением фактов в конкретных случаях: трудно видеть в этом иное, чем обычное отрицание совершенного любым преступником, ни одним судом не считающееся достаточным доказательством невиновности.

В России выяснение вопроса о ритуальных убийствах впервые было поручено министром вн. дел графом Л.А. Перовским в 1844 г. чиновнику особых поручений, знаменитому лингвисту и составителю «Толкового словаря великорусского языка» Влад. Ив. Далью, составившему после многолетних изысканий «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», напечатанное в немногих экземплярах для служебного пользования, явно чтобы не возбуждать народа против евреев. Даль приводит более 30 авторов на нескольких языках, занимавшихся расследованием этого вопроса в разные эпохи европейской истории, цитирует трактат Талмуда «Санхедрин», в котором значится, что *«дети христиан суть незаконнорожденные, а писание повелевает (!) мучить и убивать незаконнорожденных»*, и другие тексты Талмуда, говорящие о христианах как о скотах, достойных смерти. После описания 79 случаев ритуальных убийств в Польше, Даль разбирает ритуальные убийства в г. Велиже, Витебской губ., и в районе этого города в 1805, 1817 (2 случая), 1819 и 1821 гг., в Виленской губ. (1827) и в Варшаве (также в 1827 г.), в Минской губ. (1833), в Волынской губ. в том же 1833 г. и в особенности хорошо известное Велижское дело 1823 г. Расследование В.И. Даля (на 127 стр.) впоследствии исчезло из тех немногих библиотек, где имелся его экземпляр, но было переиздано в 1913 г. в связи с нашумевшим делом Бейлиса в Киеве. На этом последнем процессе неоднократно цитировалось Саратовское дело о ритуальном убийстве 2-х мальчиков 10 и 11 лет в 1852 и 1853 гг., закончившееся осуждением 4-х избобличенных евреев к высшей мере наказания за уголовные преступления в дореволюционной России, 20 годам каторжных работ. В деле Бейлиса факт ритуального убийства был установлен с полной достоверностью, но суду, видимо, было предложено воздерживаться от употребления этого термина, чтобы не возбуждать народ против евреев; обвиняемый Мендель Бейлис был оправдан судом присяжных по недостатку улик после того, как в ходе двухгодичного следствия (1911–13) были подкуплены несколько следователей и отравлены трое детей, видевших, как Бейлис тащил 12-летнего Андрея Ющинского на кирпичный завод еврея Зайцева, где произошло убийство. Православной церковью признано канонизирование двух жертв ритуальных убийств, св.св. младенца Гавриила (Белосток, 1690), произведенное католической (униатской) церковью в Польше до ее раздела, и преп. Евстратия (Киев, 1096).

Таким образом, первое изгнание евреев из Англии (полное или частичное) состоялось в 1290 г. по обвинению в коллективно совершаемом преступлении, хорошо известном во всей христианской Европе, начиная от первого упоминания о распятии евреями христианского мальчика в Антиохии в 418 г. и кончая делом Бейлиса в Киеве в 1911 г. Даль упоминает, что вторичное изгнание евреев из Англии имело место в 1510 г., что сходится с версией Д. Рида, что либо часть евреев избежала изгнания в 1290 г., либо же они смогли, несмотря на запрет, прибыть в Англию в последующие столетия. Празднование Англо-Еврейской Общиной «300-летия поселения евреев на Британских островах» относится, разумеется, к официальному разрешению возвращения их в Англию, данному Кромвелем. Описывая связи Кромвеля с голландскими евреями (раввин Манассе в Амстердаме), автор не отметил, однако, общеизвестный факт финансирования ими английской «революции» 17-го века (см. R-REED1 {[Cromwell](#)} – V.E.). Вплоть до прошлого века большинство английских евреев были испанского происхождения, прибывшие в страну через Голландию.

– Прим. издателей.

Спитхед, куда прислали свои суда все страны, располагавшие флотом. Среди нескончаемого ряда кораблей, мимо которых проходило судно королевы, был один, на котором не было выстроено команды для приветствия (газеты объяснили это простой «случайностью»): это был советский крейсер «Свердлов», названный в честь еврейского убийцы семьи русского императора, двоюродного брата короля Георга V, деда королевы Елизаветы.

После захвата Суэца президентом Нассером крики на Западе о войне поднялись до угрожающей ноты. Сама по себе, «национализация» не могла в 1956 г. никого удивить. Америка примирилась с захватом иностранной собственности – нефтяных месторождений – в Мексике, правительство которой согласилось возместить их стоимость владельцам (что сделал и Нассер); у себя дома американцы давно уже вступили на проторенную дорожку к обнищанию страны путем «национализации», отдав под управление правительственной бюрократии 100 тыс. кв. километров в долине реки Тенесси в семи штатах (одно из первых мероприятий «нового курса» Рузвельта в 1933 г., т.н. *Tennessee Valley Authority, TVA*), в Англии социалистическое правительство национализировало железные дороги и угольные месторождения. Трудно было поэтому найти сколько-нибудь обоснованные, законные или моральные, причины для разбушевавшейся кампании обличения и осуждения, хотя и следует признать некоторую разницу в оттенках между имевшими место прецедентами и актом президента Нассера, представлявшим собой не столько акт разумной политики, сколько протест против явной провокации и реакцию на нее.

Во всяком случае, если уж мероприятие Нассера представлялось столь нетерпимым, то единственным эффективным ответом могла бы быть лишь новая оккупация зоны Суэцкого канала, но как раз этого сделано и не было. Вместо этого все политические и газетные оракулы, словно читая по давно заготовленной шпаргалке, принялись приклеивать Нассеру этикетку «Гитлера». Израильский премьер Бен-Гурион начал с «диктатора», скоро превратившегося в «фашистского диктатора», а французский премьер (к тому времени социалист Ги Молле) сразу же переделал это в «Гитлера». После этого кампания пошла знакомым путем, испробованным еще против Сталина в 1952–53 гг.: диктатор, фашистский диктатор, и наконец «Гитлер». Значение всего этого не представляло сомнений: Нассера нужно было изобразить, а если надо и наказать, как врага евреев. Когда сэр Антони Иден поднялся со своего места в Палате Общин (9 августа 1956 г.), чтобы снова сцепиться с кошмаром его ночей, «ближневосточным вопросом», лидер социалистов Хью Гейтскелл возвестил: *«Всё это давно уже знакомо... это совершенно то же, с чем мы встретились у Муссолини и Гитлера перед войной»*. Другой социалистический оратор, – некий Педжет, также утер нос премьеру: *«Эта техника (Нассера) совершенно та же, что и у Гитлера; понятны ли Вам последствия отказа отвечать на силу силой, пока еще не стало слишком поздно?»* Социалисты намеренно кололи Идена намеками на политическое прошлое, провоцируя его на применение силы (когда он ее применил, на него посыпались крики «убийца»). Однако в прошлом он был как раз тем министром, который ушел в отставку в знак протеста против уступок Гитлеру, и его правота была немедленно подтверждена вторжением Гитлера в Австрию. Это и было той «силой», применение которой Иден давно уже видел, и в 1938 г. он был совершенно прав. В 1956 г. всё выглядело совершенно по-иному и никакие сравнения не были возможны. Египет не был большой военной силой, но лишь весьма малой; никто не «умиротворял» Египет после вывода английских войск из Суэца, но, наоборот, он стал жертвой провокации и намеренного унижения; Египет вовсе не был агрессором, подвергаясь провокационным нападениям в течение многих лет, а Израиль открыто заявил, что будет воевать с Египтом. Всякие сравнения с «Гитлером» были поэтому полнейшим абсурдом, если только единственной целью этой демагогии не было подтверждение того, что сионисты считают Египет своим врагом. Тем не менее, и Антони Иден опустил до этой сказки (возможно под давлением еще свежих воспоминаний о 1938 годе), назвав Нассера *«фашистским грабителем, аппетит которого растет при его откармливании»*: словарь применявшийся им и Черчиллем за 18 лет до того против Гитлера. Автор должен добавить, что точно этих выражений ему не удалось найти в текстах выступлений Идена, но во всяком случае в этой форме они были доведены «Нью-Йорк Таймсом» до сведения «черни» (см. «Протоколы»), а только это и представляет значение, что должно быть хорошо известно премьер-министрам. В остальном нападки сэра Антони на президента Нассера основывались на доводах, что Суэцкий канал

«жизненно нужен другим странам во всех частях света... вопрос жизни и смерти для всех нас... канал должен умело эксплуатироваться и оставаться открытым, как это всегда было в прошлом в качестве свободного и надежного международного морского пути для судов всех наций».

Однако Нассер вовсе не закрыл канал, а только его национализировал, т.е. изменил права собственности, получение с него доходов и управление им. Он продолжал оставаться открытым для «судов всех наций» с одним только исключением, в котором явно и заключался секрет пропагандного шабаша: единственной страной, которой не было предоставлено полной свободы прохода через канал, был Израиль с которым – по крайней мере технически – Египет всё еще был в состоянии войны, поскольку в свое время в 1948 г. было заключено лишь перемирие. Египет задерживал, поэтому, суда, направлявшиеся в Израиль и проверял не везут ли они оружие. Это было единственным ограничением в эксплуатации Суэцкого канала: следовательно, сэр Антони выступал только по поводу одного этого вопроса, а вовсе не британских интересов; заключительными словами сэра Антони, однако, было: *«Дорогие друзья, мы не собираемся решать этот вопрос силой»*. В последующие недели, пока на многочисленных конференциях в Лондоне и Вашингтоне шли поиски «решения», международная печать печатала сообщения, что «египтяне» не в состоянии эксплуатировать канал и что движение в нем скоро закроется. В действительности канал управлялся вполне нормально и судоходство продолжалось без помех, кроме одного лишь, упомянутого выше исключения. Совершенно ясно, поэтому, что нараставшие в своей резкости протесты правительства сэра Антони могли представлять интересы одного только Израиля. Это было подтверждено и с еврейской стороны. 22 августа 1956 г. мадам Роза Гальперина, исполнявшая дела председателя Еврейского Агентства в Палестине, констатировала в газете «Нью-Йорк Таймс», что *«единственной юридической претензией западных держав против Египта в смысле нарушения конвенции 1888 г. (о правах пользования Суэцким каналом) является запрет Египта для судов Израиль и ограничения для судов, направляющихся в Израиль»*. Заявление г-жи Гальпериной с юридической точки зрения было вполне правильно. Если бы спор о Суэце шел в юридической плоскости, то единственными претензиями могли бы быть таковые со стороны Израиля, а рассмотрение этих претензий в правовой плоскости неизбежно привело бы к оценке законности создания государства Израиль (на чужой земле и при изгнании коренного населения в условиях неприкрытого геноцида) и продолжения состояния войны между ним и Египтом. Другими словами, любое государство, которое включилось в пропагандную кампанию против Египта, фактически действовало по поручению Израиля в одних лишь его интересах, заранее решая все правовые вопросы в пользу Израиля. В сентябре сэр Антони пошел еще далее по пути предвосхищения египетской агрессии. Автору остался недоступным текст его выступления, однако агентство печати Ассошиэйтед Пресс передало для печати в тысячах газет во всем мире следующую его версию:

«Премьер-министр Иден предсказал сегодня, что если ему простят захват Суэцкого канала, то следующим шагом президента Нассера будет нападение на Израиль. Сэр Антони дал понять, что в случае необходимости Англия окажет Израилю вооруженную помощь» (13 сентября).

Так британский премьер оказался на скользком пути. За какие-нибудь полтора месяца тема «жизненной линии» и «вопроса жизни и смерти» отошла на второй план, и весь мир оказался перед неожиданной угрозой войны, которую должен был начать президент Нассер, при условии если в мире произойдет еще что-то другое. С этого момента «чернь» стали усиленно пичкать сообщениями о непосредственно предстоящем нападении Египта на Израиль; от темы о «нарушении международного судоходства» пришлось отказаться за ее очевидной несостоятельностью. Со временем эта демагогия достигала такой силы, что многие рядовые читатели газет должны были полагать, что Египет уже напал на Израиль. Дадим только один из множества примеров: как писало лондонское «Weekly Review» в сентябре 1956 г. за несколько недель до нападения Израиль на Египет:

«Можно быть абсолютно уверенными в том, что подстрекаемые Россией арабы нападут на Израиль. В настоящее время это не представляет ни малейших сомнений и должно лечь в основу всех наших расчетов».

Приступая к написанию этой книги, автор хотел лишь дать понять читателям позднейших, как он надеется, более разумных времен, некоторое представление о том, в каком удивительном состоянии находилось печатное слово в течение 1950-х годов. Им не удалось бы понять того, что происходило в эти годы, не отдавая себе отчета в царившем тогда режиме систематической дезинформации, не знавшей никаких пределов. Цитированное выше «сообщение» было напечатано после долгодетных, непрекращавшихся нападений Израиль на своих арабских соседей и его

повторных осуждений со стороны ООН именно за эти акты неприкрытой агрессии. Так за первые 9 месяцев года президентских выборов в Америке была подготовлена почва для решающих событий в октябре 1956 г. Вооружение поступало непрерывным потоком с Запада в Израиль. После национализации Нассером Суэцкого канала Иден объявил, что «*все поставки вооружения Египту остановлены*»; в том же июле месяце Израилю были поставлены из Англии два эсминца. В течение весны и лета Франция поставляла под американским «давлением» реактивные самолеты-истребители и другое вооружение Израилю. В сентябре, по тем же настояниям, Канада также обязалась поставить Израилю реактивную авиацию; правительство в Оттаве сообщило («Нью-Йорк Таймс», 22 сентября), что «*перед принятием этого решения оно консультировалось с США*». В течение всего этого времени предвыборная кампания шла в Америке полным ходом, и демократы, стремясь снова овладеть Белым Домом, побивали все прежние рекорды в своих посулах по адресу «еврейских избирателей»: мэр Нью-Йорка потребовал, например, чтобы Израиль получал свое вооружение «в качестве подарка», т.е. даром; республиканские кандидаты были несколько более сдержанными, однако, когда открылись предвыборные конвенты (республиканский в Сан-Франциско, демократический в Чикаго, оба в августе), между про-еврейскими обязательствами обеих партий трудно было найти разницу, т.ч. израильская «Jerusalem Post» спокойно могла бы повторить (а возможно и действительно повторила) свое заявление 1952 года, что «для еврейского избирателя» между обоими кандидатами в президенты «нет большой разницы». В «программах внешней политики» обеих партий единственными существенными пассажами были относившиеся к Израилю; все остальные внешне-политические заявления были набором общих слов, не заслуживавших внимания. Напротив, обязательства по отношению к Израилю были предельно ясными и конкретными.

В программе республиканской партии, кандидатом которой был единогласно избран президент Эйзенхауэр, было сказано:

«Мы считаем сохранение существования Израиля важным догматом американской внешней политики. Мы полны решимости поддержать целостность независимого еврейского государства. Независимость Израиля мы поддержим против всякой вооруженной агрессии». *В демократической программе говорилось: «Демократическая партия будет активно действовать с целью исправления опасного неравновесия в вооружениях, созданного коммунистическими поставками вооружения Египту, путем снабжения Израиля оборонительным оружием, и предпримет все необходимые шаги, включая гарантию безопасности Израиля, для предотвращения агрессии и войны на Ближнем Востоке»*

(«опасное неравновесие в вооружениях» отражало, разумеется, пропагандную сказку о «беззащитном» Израиле, противостоящем вооруженным до зубов арабским странам; мы уже цитировали ранее высказанное американским военным экспертом, Хансоном Болдвином, убеждение, что военная мощь Израиля превосходила все семь арабских стран, взятых вместе).

Обе политических программы отражали картину пол-мира в ярме у сионистов, полностью согласуясь с соответствующими заявлениями правительства Англии. К собственно американским интересам обе программы не имели никакого отношения, отражая лишь сионистский контроль над выборной механикой Америки или же, по крайней мере, слепую веру партийных менеджеров в наличие такого контроля. События, по всем данным, подтверждают эту веру: посулившая евреям больше Демократическая партия завоевала большинство в Конгрессе, хотя президентом и был переизбран номинальный «республиканец» Эйзенхауэр.

Единственное другое важное событие обоих конвентов имеет, казалось бы, мало отношения к теме настоящей книги, но в будущем может возыметь немалое значение: это было вторичное утверждение Ричарда Никсона «напарником» Эйзенхауэра предвыборной кампании, т.е. фактически вице-президентом. Состояние здоровья Эйзенхауэра придавало должности вице-президента значительно большую важность, чем обычно, и возможность наследования Никсоном президентского поста между 1956 и 1960 гг. явно считалась в тех кругах, что управляют нынешней Америкой, большой опасностью; были поэтому приложены все усилия, чтобы противодействовать утверждению кандидатуры Никсона. Это в нашем веке вовсе не было удивительным; чему действительно можно удивляться, это тому, что эти попытки провалились. Можно надеяться, что когда-то на западном горизонте появятся сильные люди, которым удастся сбросить ярмо, довлеющее над американской и английской политической жизнью, и этот провал закулисных гешефтмахов был, возможно, проблеском зари грядущего освобождения; личность

Ричарда Никсона приобретает поэтому в наши дни символическое значение, даже если он сам, случись ему стать президентом, вряд ли сможет разорвать свои цепи.⁸⁹

Причиной столь непримиримой враждебности было прежде всего то, что Никсон не был «интернационалистом». Мало того, он сыграл ведущую роль в разоблачении и осуждении Альджера Хисса, советского шпиона в правительстве Рузвельта. Именно с этого момента ему неизменно была обеспечена «плохая пресса» не только в Америке, но и во всем «западном» мире. С таким «черным пятном» на его репутации Никсон внушал опасения, что, достигнув высшего поста, он сможет взбунтоваться против кабалы, которой почти без исключения подчинялись все американские президенты и английские премьер-министры с начала нашего столетия. Само собой разумеется, что дело не обошлось и без обычного обвинения в «антисемитизме»; знакомому равнину пришлось выступить в защиту Никсона от ни на чем не основанной клеветы. Короче говоря, в кампании с целью помешать его выдвижению в президентские «напарники» были применены все средства политической интриги с необычной до тех пор энергией. Влиятельный политик из ближайшего окружения президента был специально освобожден на несколько недель от всех прочих дел, чтобы организовать во всеамериканском масштабе кампанию «Остановите Никсона!» с комитетами, массовыми собраниями и плакатами. На широкую публику, однако, это не произвело большого впечатления, и Никсон явно продолжал оставаться одним из популярнейших кандидатов. С целью свалить его, демократическая партия (столь же заинтересованная в поражении Никсона, как и известные круги в его собственной, республиканской партии) изобрела новую тактику утверждения кандидатов в вице-президенты. Вместо того, чтобы предоставить право своему президентскому кандидату (Адлай Стивенсон) самому назначить своего «напарника», как это всегда практиковалось до тех пор, на демократическом конвенте было решено сделать вице-президентский пост также объектом выборов; из числа нескольких претендентов избранным от демократов оказался сенатор Эстес Кефвер, один из самых усердных сионистов в своей партии. Целью этого маневра было заставить республиканскую партию также следовать этой «демократической процедуре», заменив, таким образом, простое назначение кандидата в вице-президенты его выборами из числа нескольких лиц. Республиканцы не замедлили последовать этому примеру, и Никсон, как и Эйзенхауэр, был избран единогласно. Это событие, как и умелое поведение Никсона во время болезни Эйзенхауэра, которого он успешно замещал, еще более повысили его шансы быть в один прекрасный день лично избранным в президенты, и его популярность возросла в такой степени, какой до того не могли себе представить его противники. Его политическая карьера до сего времени⁹⁰ делает его фигурой, подающей такие же надежды, как и Иден в 1938 г., и можно ожидать, что на высшем посту в своей стране он примет меры для оздоровления американской внешней и внутренней политики.

После утверждения кандидатов в президенты и вице-президенты Америка на время вздохнула с облегчением. Переизбрание Эйзенхауэра считалось обеспеченным, и печатная реклама стала изображать его как «того, кто избавил нас от войны». Это весьма походило на то, что писалось в свое время и о Вудро Вильсоне в 1916 г. и о Рузвельте в 1940 г., но к 1956 г. передышка хотя бы на три года считалась благом, и Эйзенхауэр пожинал преждевременные лавры «миротворца», сколь бы сомнительными они ни представлялись внимательным политическим наблюдателям. Автор был свидетелем выборов в 1956 г., как и предыдущих в 1952 г., и полностью отдавал себе отчет в том, что фактически война – локализованная или всеобщая – была на носу. По его мнению, передышка могла бы быть выиграна, если бы день выборов президента (6 ноября) прошел без взрыва на Ближнем Востоке, который вне всякого сомнения подготавливался с сионистской стороны в течение долгого времени: из практики известно, что по окончании выборов сионистское давление на время ослабевает. Автор помнит, как он 20 октября сказал одному из своих американских друзей, что если ближайшие 17 дней пройдут без войны, то можно надеяться, что мир будет от нее избавлен на ближайшие три или четыре года. Он имел в виду то, что в американских политических кругах именуется «законом Фарлея», названного так

⁸⁹ Прим. перев.: Дуглас Рид вновь предвосхищает события, наступившие через много лет по написании его книги. Никсон стал президентом, одержав блестящие выборные победы в 1968 и, в особенности, в 1972 гг., но уже в 1973 г. стал жертвой беспрецедентной клеветнической газетной кампании, вошедшей в историю под именем Уотергейта. В августе 1974 г. Никсон был вынужден подать в отставку, что было неслыханным событием во всей истории США. Как и предвидел Д. Рид, сломить диктатуру лево-либерального и сионистского «эстеблишмента» не удалось и Никсону.

⁹⁰ Написано в 1956 г. – прим. перев.

по имени необычайно ловкого партийного воротилы, Джеймса А. Фарлея, которому приписывались ранние выборные успехи Франклина Д. Рузвельта. Суть этого «закона» сводится к тому, что к середине октября избирательного года американцы уже решают внутри себя, за кого они подадут голос, и что изменить их решение может лишь неожиданная смерть их кандидата, война или какой-либо особенно крупный скандал между серединой октября и 6 ноября. На следующий день после израильского нападения на Египет известный комментатор Джон О. Доннель писал:

«Представители Госдепартамента, Пентагона (*военное министерство*) и главных квартир обеих политических партий не сомневаются в том, что Израиль открыл военные действия против Египта в полной уверенности, что Соединенные Штаты не рискнут в случае еврейской войны предпринимать что-либо накануне выборов своего президента... До политического руководства страны дошли сведения, что американские сионисты уведомили Тель-Авив, что для Израиля правительство демократов в Америке под Стивенсоном и Кефвером будет более выгодным, чем республиканское под Эйзенхауэром и Никсоном» (*«Нью-Йорк Дейли Ньюс»*).

Война разразилась 29 октября, ровно за неделю до выборов; был явно выбран заранее самый подходящий момент с расчетом на замешательство в Вашингтоне и Лондоне. С этого момента события развивались подобно стихийной волне, свободной от всех преград, и человечеству станет лишь позднее ясно, что при этом было уничтожено и что уцелело. Для Англии и происшедшей из нее семьи заокеанских народов эта война явилась почти полным разгромом, предвидимым концом ее ввязывания в дело Сиона.

29 октября 1956 г. израильское правительство сообщило о начале вторжения в Египет всеми своими силами на всем фронте египетской границы с Израилем, и что его войска *«продвинулись на 75 миль (120 км) внутрь египетского Синайского полуострова»*. В момент вторжения была проведена новая резня среди арабов внутри Израиля, далеко от египетской границы, а именно на другом конце Израиля, на границе с Иорданией. В арабской деревне Кафр-Кассем были хладнокровно вырезаны 48 мужчин, женщин и детей. Для арабов внутри и вне Израиля этот новый Дейр-Ясин явился символическим предупреждением о готовящейся им судьбе *«полного уничтожения... мужчин, женщин и детей... не оставляя в живых ничего, что дышит»*, судьбе всех арабов, поскольку убитые принадлежали к сравнительно небольшому числу арабов, оставшихся в стране после Дейр-Ясина и образования государства Израиль. Это преступление было официально признано израильским правительством после того, как оно стало широко известным и предметом очередной жалобы арабских стран в адрес Организации Объединенных Наций (где на нее не было обращено никакого внимания, по крайней мере до дня написания этих слов, 20 декабря 1956 г.). 12-го декабря, через полтора месяца после преступления, Бен Гурион сообщил в израильском парламенте, что *«убийц ожидает судебный процесс»*. Для арабов это было слабым утешением, ибо они хорошо помнили, что убийц из Дейр-Ясина также «ожидал судебный процесс» и что после «осуждения» их немедленно освободили и затем чествовали во всей стране. Опять-таки, до дня написания настоящих строк (20 декабря 1956 г.) среди миллионов слов, посвященных разразившимся событиям, автор не мог найти ни одного о судьбе 215'000 арабских беженцев (согласно отчету ООН от апреля 1956 г.) в полосе Газа после того, как Израиль вторгся и в Египет, и в эту полосу. Израильское правительство с тех пор заявило, что оно не уйдет с этой территории; еще ранее было заявлено, столь же официально, что оно ни при каких условиях не допустит возвращения арабских беженцев в Израиль. Другими словами, судьба четверти миллиона человеческих существ, которая в любое иное время прежде вызвала бы возмущение и сочувствие во всем мире, была теперь совершенно игнорирована. Вероятно, к ним относилось упоминание в коллективной жалобе 11 арабских стран на имя ООН (14 декабря), что *«сотни мужчин, женщин и детей были зверски и хладнокровно вырезаны»*; однако нет шансов на полное освещение и беспристрастное расследование этих событий, поскольку в самой арабской жалобе говорилось: *«Все подробности этого события и все размеры этой трагедии никогда не смогут быть выяснены»*. Во всяком случае, в деле резни в Кафр-Кассеме все факты были официально зарегистрированы.

Сообщения об израильском вторжении в Египет после целой серии прежних нападений и их неоднократного «осуждения» Объединенными Нациями, вызвали волну возмущения и негодования во всем мире. В это самое время венгерский народ стоял накануне победы во всенародном восстании против коммунистической революции. Обе разрушительные силы, спущенные из России в октябре 1917 года, осудили сами себя своими равно зверскими преступлениями. Не было нужды их уничтожать, они уничтожали себя сами. Великая сила возмездия поднялась

против них, с которой даже они не в состоянии были справиться. Никакое «сионистское давление» в Нью-Йорке не в состоянии было изобразить израильское вторжение как «египетскую агрессию» и заставить общественность поверить этой сказке. Это было подарком неба, освобождавшим «Запад» от его дотоле неразрешимой дилеммы. Достаточно было стоять в стороне, предоставив «мировому общественному мнению» делать свое дело; на этот раз такое общественное мнение действительно существовало, будучи вызвано действиями, которые никакая «печать» не в состоянии была ни скрыть, ни замаскировать, ни представить в ложном свете.

В течение двадцати четырех часов эта драгоценная возможность была упущена. Английское и французское правительства объявили, что они займут зону Суэцкого канала *«если израильские и египетские войска не прекратят военных действий и не оттянут свои части на 10 миль по обе стороны канала в течение двенадцати часов»*. Поскольку это оставило бы израильские войска на добрых ста милях внутри египетской территории, было заведомо ясно, что это требование было для Египта неприемлемым. После этого британские и французские воздушные силы начали бомбардировку египетских аэродромов и других военных целей; уничтожение египетской авиации позволило захватчикам одержать легкую победу.

Будущему читателю этой книги трудно будет представить себе чувства, овладевшие англичанином его образа мыслей, когда автор, находясь в США, узнал о случившемся. Слово «стыд» недостаточно для их характеристики, и они овладели им сильнее, чем в свое время в дни «Мюнхена», когда он ушел из «Таймса», не имея других возможностей выразить свой протест (представляющийся ему в настоящее время довольно глупым). Автор никогда не забудет благородства его друзей-американцев в те дни. Они не верили своим ушам, будучи потрясенными и смущенными услышанным, но ни один из них не злорадствовал при виде беды, в которую попала Англия, что у многих американцев является инстинктивной, хотя часто и неосознанной реакцией. Многие из них отдавали себе отчет в том, что зигзаги стоявшей под «непреодолимым давлением» американской политики были главной причиной этой катастрофической развязки, и разделяли чувство стыда, овладевшее автором. Для них было ясно, что стыдиться за свою услужливость сионизму нужно было всему «Западу», а не одним лишь Англии и Америке. Стыд стыдом, но вина за происшедшее ложилась в этот момент на Англию. Последствия ее действий простираются настолько далеко в будущее, что им трудно дать полную оценку в настоящее время, однако одно не подлежит сомнению: Запад пренебрег блестящими возможностями, представлявшимися ему одновременными событиями на Синайском полуострове и в Венгрии, совершив целую серию потрясающих просчетов, не имеющих по нашему мнению прецедентов в истории. С точки зрения политического игрока (поскольку с государственной деятельностью всё это не имело ничего общего) это было всё равно, что ставить на лошадь, уже отставленную от участия в скачках: невозможно было представить себе какого бы то ни было исхода этих событий, могущего пойти на пользу Англии (или Франции).

Из трех замешанных в эту историю сторон один только Израиль не мог ничего потерять и мог, наоборот, многое выиграть. Возмущение мировой общественности неспровоцированным нападением на Египет немедленно перебросилось с Израиля на Англию и Францию, как только они поспешили надеть на себя доспехи агрессора и обеспечить ему победу. Его оставили далеко внутри египетской территории праздновать свои «завоевания». О Франции можно только сказать, что ей терять уже было нечего: революция 1789 г. подарила ей целую эпоху непрерывных поражений и политических провалов, отняв у нее способность подняться из состояния постоянной духовной подавленности. За 160 лет она испробовала все формы правления, которые только можно было придумать, не найдя ни в одной из них ни новых сил, ни нового доверия к самой себе. Ее премьер-министры менялись так часто, что публика редко знала их по именам; подобно теням, они даже внешне походили один на другого, а понятие французского политика стало синонимом продажности; американские комики смешили публику сообщением, что они едут в Лондон смотреть смену караула и в Париж – смену правительства. Государство, доведенное рядом продажных правительств до неспособности защищаться от германского вторжения на собственной территории в 1940 г., вторглось в 1956 г. на египетскую территорию, будучи на службе у Израиля. Однако после 1789 года это было лишь эпизодом в печальной истории Франции, неспособным сильно повлиять на ее будущее.

С Англией дело обстояло по-иному; она не только носила гордое имя, но и была примером достойных традиций в тяжелые времена не хуже, чем в хорошие. В компании подобной публики она не могла ничего выиграть, но могла потерять не только имя, но и душу. Англия доказала, что она способна была научиться из уроков истории, не пытаясь силой штыков отворотить неизбежное

и держаться за отжившую империю. Она смогла принять неизбежное и успешно плыть на волнах перемен, превращая колониальную империю сначала в содружество независимых заокеанских народов, а затем, по мере того, как бывшие колонии приобретали независимость, в большую семью наций, связанных друг с другом без всякого принуждения невидимыми узами и продемонстрировавших свою неослабевающую силу во время коронации молодой королевы Елизаветы в 1953 г. Отсутствие какой бы то ни было жесткой организации, основанной на применении силы, и постоянные возможности новых взаимоотношений между дружественными народами сделали проистекшую из «Британской империи» семью народов совершенно исключительным экспериментом в человеческой истории, обещавшим в 1956 г. блестящие возможности в будущем при условии сохранения прежнего курса. Заметим, что это было полной противоположностью тем методам, которыми человечество должно было управляться «мировым правительством», как оно было задумано в Нью-Йорке Бернардом Барухом и его школой «интернационалистов». Их концепция была основана на жесткой организации с применением силы и наказующих санкций, и ее трудно охарактеризовать иначе, как «сверх-национализм». Выступая на открытии памятника Вудро Вильсону в вашингтонском соборе в декабре 1956 г., Барух повторил свои прежние требования в на редкость противоречивой форме:

«После двух мировых войн... мы вновь стремимся к тому, к чему стремился Вильсон, к «господству закона, основанному на взаимном согласии управляемых... этот закон может господствовать только если за ним стоит поддерживающая его сила»... именно поэтому мы должны по-прежнему настаивать на том, чтобы всякое соглашение о контроле атомной энергии и разоружении сопровождалось нерушимыми условиями инспекции, контроля и наказания нарушителей».

В противоположность этой явно недостижимой схеме «сверх-правительства», кажущаяся слабость гибкой взаимосвязанности британской семьи народов в действительности обращалась в ее силу в момент испытаний; там, где жесткая организация разрушилась бы под влиянием внешних сил, эта система способна была временно уступить давлению, вернувшись к прежней форме по миновании опасности. Другими словами, в 1956 г. любое действие, которое фактически или даже только внешне означало отказ от политики, заслужившей столь высокую репутацию и принесшей, в конечном итоге, большую материальную пользу, ставило на карту достижения всей британской истории. Именно с этой точки зрения следует рассматривать действия английского правительства 30 октября 1956 г.

Если Суэцкий канал был для Англии «жизненно важен», то почему она вывела свои войска из его зоны? Если жизненно важными были дружественные отношения с Египтом после этого вывода, то что должен был означать нарочитый афронт в июле 1956 г.? Если английским судам был обеспечен свободный проход и пользование каналом, то что означал крик о том, что канал «закрыли» и что под угрозой стояли «свобода и безопасность международного судоходства»? Если на карте стояли какие-либо британские жизненные интересы, то почему Англия ждала, пока Израиль вторгнется в Египет, и только тогда начала и свое наступление? Как ни крутить эти вопросы и с какой стороны их ни рассматривать, ответ всегда остается одним и тем же. Всё это не могло делаться ради интересов Англии или Франции, достаточной уликой является момент, выбранный для начала наступлений. Не будь Израиля, никакого наступления не было бы вообще; другими словами, унижение Англии (если угодно, и Франции) было куплено ценой успеха Израиля. Это было логическим последствием авантюры, в которую ввязался Бальфур за 50 лет до того, и своими действиями Англия обеспечила ее продолжение, упустив из рук редкую возможность от нее отделаться. Если за британским наступлением – глупейшим в ее военной истории – вообще могли стоять какие-либо соображения национального интереса, то надо надеяться, что о них когда-нибудь будет упомянуто в воспоминаниях тех, кто был замешан в этой акции; автор этих строк сомневается, чтобы ей можно было бы найти какое-либо оправдание. В настоящий момент о ней можно судить лишь по полному фиаско, наступившему за последние четыре недели.

Судя по всему, что стало до сих пор известно, вторжение в Египет было давно уже подготовлено, по крайней мере двумя его участниками, а именно Израилем и Францией. Корреспонденты «Таймса», агентства Рейтер и других газет и агентств сообщали, что они видели французские самолеты (с французскими опознавательными знаками) и французских офицеров авиации на израильских военных аэродромах во время вторжения, а также и на «празднестве победы», данном в Тель-Авиве командованием израильских военно-воздушных сил, на котором присутствовал израильский командующий, генерал Моше Даян. Сообщения этих корреспондентов сходи-

лись все в одном важном пункте: французская авиация должна была обеспечить воздушную защиту Тель-Авива («воздушный зонт») в случае нападения египетской авиации. Агентство Рейтер сообщало, что французские летчики, по их собственному признанию, атаковали египетские танки во время боев на Синайском полуострове. Другими словами, официальное утверждение, будто задачей французских вооруженных сил было «разделить» воюющие стороны, являлось ложью: французские летчики, офицеры авиации и самолеты были обнаружены во время военных действий позади израильского фронта в самом Израиле и на Синае. Корреспондент «Таймса» сообщал, что

«Франция обязалась осуществить, в случае войны между Израилем и Египтом, всё необходимое для предотвращения любых враждебных действий против Израиля согласно условиям трехсторонней декларации 1950 года, предоставив Израилю всё необходимое для войны вооружение».

Однако, согласно упомянутой декларации 1950 года, Франция обязывалась беспристрастно

«противодействовать применению вооруженной силы или угрозе такового на Ближнем Востоке. Все три правительства обязуются, в случае если какое-либо из этих (*ближневосточных*) государств собирается нарушать границы или линию перемирия... немедленно принять меры... для предотвращения таких нарушений».

Что касается Англии, то ко времени окончания написания настоящей книги правительство неоднократно отказывалось удовлетворить требования о расследовании по вопросу о наличии тайного соглашения с Израилем; официальных доказательств о существовании такого соглашения поэтому, в отличие от Франции, не имеется. Не исключено, разумеется, что решение начать военные операции британскими вооруженными силами было принято внезапно, в момент считавшийся благоприятным. В этом случае имел место катастрофический просчет гигантских размеров, ибо в момент предъявления английского и французского «ультиматума» Египту уже было созвано срочное заседание Совета безопасности ООН, и внесена резолюция, осуждавшая израильское вторжение и требовавшая, чтобы Израиль вывел свои войска с египетской территории (29 октября 1956 г.). Другими словами, единственным результатом англо-французских операций было отвлечение всемирного осуждения от Израиля на самих себя, т.ч. к 7 ноября, после второй резолюции ООН, требовавшей вывода израильских войск, подавляющее большинство Генеральной ассамблеи ООН, как и полагается, перенесло всю тяжесть обвинений и осуждений на «Англию и Францию», а Израиль оказался на третьем месте в числе тех сторон, которым было предложено убраться из Египта. Вслед за президентом США, первым применившим этот трюк, «осуждение» было несколькими последовательными стадиями перенесено с «Израиля» на «Израиль, Англию и Францию», затем на «Англию и Францию», и под конец на одну только «Англию»; трудно не заметить любопытной параллели к применению того же трюка перед Второй мировой войной в отношении к гитлеровским преследованиям, когда сначала речь шла о «преследовании политических противников», затем о «преследовании политических противников и евреев», потом «евреев и политических противников» и наконец только «евреев». В качестве наиболее характерного комментария этого периода можно привести слова г-жи Элеоноры Рузвельт, которая считалась в США рупором тех же сил, которые представлял и ее покойный муж, Франклин Д. Рузвельт; на пресс конференции за три дня до президентских выборов (она принимала деятельное участие в кампании в пользу кандидата демократической партии) она заявила: «Я не считаю Израиль агрессором, он действовал в порядке самозащиты... по моему мнению Англия и Франция технически являются виновными в агрессии» («Нью-Йорк Таймс», 4 ноября 1956 г.)

К этому времени военное фиаско было столь же ясным, как и политическое. В течение пяти дней английские радиослушатели принимали сообщения об английских бомбардировках против египтян, Суэцкий канал был блокирован потопленными судами, популярность президента Нассера в арабском мире выросла до небывалых размеров, а английское правительство постепенно сдавало позиции с «вывода войск не будет» к «войска будут выведены при условии...», и наконец к «безоговорочному выводу войск» из Египта. Президенту Эйзенхауэру и его правительству авантюра принесла немалый политический доход, представив эту компанию в роли желанных миротворцев. Не представляет сомнений, что (подобно истории с Перл-Харбором) Вашингтон прекрасно знал о том, что подготовлялось на Ближнем Востоке. За несколько дней до израильского наступления американцам было предложено убраться из опасной зоны, а за два дня до него

Эйзенхауэр дважды посылал Бен-Гуриону предупреждения, один раз «срочно», а в другой раз «самым серьезным образом»; единственным ответом было сообщение по радио, полученное Эйзенхауэром в самолете на пути из Флориды в Вирджинию, о начале израильского наступления. Английское правительство, однако, никаких сообщений о своих намерениях не посылало, по крайней мере официально, что дало возможность Эйзенхауэру выступить по телевидению с видом оскорбленной невинности: *«Мы полагаем, что это (наступление) было ошибкой, поскольку мы не считаем военную силу разумным или подходящим орудием для разрешения международных споров»*. Против этого трудно было бы что-либо возразить, если бы вина за происшедшее не ложилась в равной степени и на Америку, под чьим давлением Израилю в течение всего лета 1956 г. поставлялось французское, английское и канадское вооружение. Если английское правительство рассчитывало на «сионистское давление» в Вашингтоне, то на этот раз оно просчиталось: в закулисных махинациях всегда возможна ошибка, а избрание Эйзенхауэра уже было обеспечено, что дало ему некоторую свободу действий. Как бы то ни было, возможность обрушиться с обвинениями по адресу Англии пользовались в Америке популярностью еще со времени «бостонского чаепития» в 1773 г., положившего начало войне за независимость; можно ли допустить, чтобы британское правительство обо всем этом забыло?

Поскольку трудно себе представить, чтобы правительство большой страны действовало на манер лунатика, единственным объяснением английского участия в синайской авантюре может быть нарочитая сионистская провокация. Однако, если уж ввязываться в подобные действия, то надо их проводить быстро и с превосходящими силами; надежда на успех могла осуществиться только в случае быстрой оккупации оставшегося неповрежденным канала, что поставило бы весь мир перед совершившимся фактом. В данном же случае английские операции были замедленными и обнаруживали явные колебания и неуверенность руководства. После катастрофы «Таймс» сообщал (16 ноября) из британской военно-морской базы на Кипре:

«Решение британского правительства начать военные операции в Египте было принято без консультации с его ведущими дипломатическими представителями на Ближнем Востоке. Операции продолжались вопреки предостережениям почти всех из них, указывавших на вероятные последствия в отношениях Англии с арабскими странами. Когда в британских посольствах в арабских странах стали известны подробности ультиматума Каиру и решение начать наступление против Египта, реакцией почти всех дипломатических представительств было либо неверие в возможность этой акции, либо же уверенность в предстоящей катастрофе... Английские дипломаты не верили своим ушам или пришли в ужас при виде того, что это наступление сделало Англию соучастником политики Израиля и Франции»;

автору этих строк всё это живо напомнило реакцию британских посольств во всей Европе после «Мюнхена». Это – все, что можно сказать о политической стороне английских действий. Что касается их военной стороны, то в «Таймсе» от 17 ноября сообщалось, что среди британских военных на Кипре

«господствовало единодушное мнение, что если уж было решено наступать, то надо было действовать быстро. То, что им не дали по крайней мере завершить операции, вызвало как у военного руководства, так и среди его подчиненных, чувство полнейшего смущения и глубокого разочарования».

Ведущий американский военный специалист и комментатор, Хансон Болдвин, разбирая впоследствии «Провалившееся вторжение», которое по его мнению было

«призвано стать классическим примером в курсах военной истории в военных академиях», писал, что под неуверенным руководством из Лондона «создалась полная неразбериха в многочисленных политических, психологических, военных целях; ее результатом было полное отсутствие ясных задач, во всяком случае таких задач, которые могли бы быть выполнены военной силой при тех ограничениях, которые были ей поставлены».

Вскоре после начала военных действий стало ясно, что действительно что-то сдерживало и замедляло проведение английским и французским правительствами задуманных ими операций. Для Франции, по причинам, упомянутым выше, это не играло большой роли, что же касается Англии, то здесь стояли на карте ее политическая репутация, честь и надежды на процветание и нерушимость большой семьи народов. В эти трудные дни от канадского премьер-министра по-

ступило предупреждение, что подобные действия могут привести к развалу британского Содружества наций. В ООН Англия являла собой плачевную картину страны, поставленной к позорному столбу рядом с Израилем и Францией. Против громадного большинства голосов, за Англию встали одни лишь Австралия и Новая Зеландия, да и те больше из чувства собачьей преданности, чем из соображений здравого смысла.

Каковы были причины, сдерживавшие это вначале столь тщеславно обнародованное предприятие, пока оно окончательно не выдохлось? В Лондоне первые колебания были, вероятно, вызваны «решительным и энергичным протестом» со стороны президента Эйзенхауэра и резолюции ООН. Далее события развивались с потрясающим параллелизмом. Как только англо-французская авиация начала бомбить египетские цели, Советы вернули свои войска в Венгрию и начали там резню. На форуме «объединенных наций» представители «Запада» и «Востока» тыкали пальцами друг в друга: в то время, как англичане и французы сбрасывали бомбы на Порт Саид, их делегаты в ООН обвиняли Советы в бесчеловечном зверстве; когда советские танки давили безоружных венгров, советские делегаты обвиняли Англию и Францию в неприкрытой агрессии. Вся эта перебранка разыгрывалась перед мировой общественностью в стиле профессиональных брехунов на левантинских базарах. Общая картина вскоре приобрела характер кошмара. Сэр Антони Иден, в свое время шедший в гору молодой политик, подавший в отставку в 1938 г., должен был теперь принять отставку другого шедшего в гору молодого политика 1956 года, его статс-секретаря по иностранным делам Антони Наттинга, а также других его коллег, «самым энергичным образом протестовавших против британской интервенции в Египте». Спасая положение, Иден обратился к Черчиллю, не замедлившему провозгласить:

«Перед лицом серьезнейшей провокации Израиль восстал против Египта... Не сомневаюсь в том, что наши действия в ближайшее время приведут к справедливому и победному концу. Мы намерены восстановить мир и порядок на Ближнем Востоке, и я уверен, что мы достигнем нашей цели. Решительные действия нашего правительства в конечном итоге несомненно пойдут на пользу миру во всем мире, Ближнему Востоку и нашим национальным интересам».

Будущее покажет, как следует оценить это, вероятно, одно из самых последних публичных заявлений сэра Уинстона. «Решительные действия» явно носили черты его характера, а его преемник на посту главы правительства был всю свою жизнь так связан с ним, что трудно представить его действовавшим без согласия и одобрения Черчилля. Ветеран британской политики к этому времени опубликовал второй том своей «Истории англо-саксонских народов», о котором «Нью-Йорк Таймс» писал:

«Автор горд тем, что его маленький остров, «маленькое царство в северном море», насчитывавшее в эпоху, с которой начинается этот том, всего лишь три миллиона жителей, смогло цивилизовать три континента и приобщить к культуре полмира».

Опять-таки, лишь время сможет показать, было ли британское нападение на Египет продолжением этой цивилизаторской и культурной традиции, или же оно останется пятном на репутации Англии. А затем произошло самое потрясающее из всего, к чему привели действия британского правительства. В нотах на имя Идена и премьер-министра Франции советский премьер Булганин пригрозил атомно-ракетной атакой в случае, если они не «прекратят агрессию и пролитие крови»; в эти дни в Будапеште кровь лилась ручьем, а поток беженцев через дружественную австрийскую границу подходил к ста тысячам; бывший подручный Бела Куна в 1919 г., Ференц Мюнних, стал здесь главным агентом Москвы, сменив Ракоши и Гере, и развязал новую волну террора. Более того, в письме на имя президента Эйзенхауэра Булганин предложил начать «в течение ближайших часов» совместное советско-американское нападение на Англию и Францию; в сообщении для печати Белый Дом объявил это предложение «немыслимым».

Существуют ли вообще «немыслимые» вещи в наше время? Стачка Гитлера со Сталиным в 1939 году (предсказанная автором этих строк и другими) представлялась общественному мнению того времени «немыслимой», пока она не стала действительностью, начав Вторую мировую войну. «Нью-Йорк Таймс» цитировал в эти дни «ведущего американского дипломата с многолетним опытом службы в арабском мире», который фактически одобрял советское предложение:

«Наш отказ от русского предложения, как «немыслимого», и желание рассмотреть его в руках ООН расценивается здесь» (он находился в этот момент в Иордании) «как подтверждение того, что независимо от того, что бы мы ни заявляли, мы в конечном счете всегда будем на стороне Израиля».

В тот момент советско-американское атомное нападение на Англию было действительно немислимым, но фактически обе страны, хотя и различными методами, действовали против Англии, оказывая массивное давление с двух сторон. Сэр Антони Иден пустился на утлой лодченке в плавание через тропические водопады; в Соединенных Штатах всегда существовал скрытый матере-убийственный комплекс по отношению к Европе вообще, и к Англии в частности, который трудно объяснить, но всегда необходимо принимать во внимание; легче всего он возрождается к жизни в результате обвинений в «колониализме». Что проку в том, что сами Соединенные Штаты представляют собой крупнейшую колониальную державу в мире (поскольку автор не видит разницы между заморской и сухопутной экспансией), владея путем завоевания или покупки бывшими колониальными территориями англичан, голландцев, французов и испанцев, и бывшими территориями Мексики и России (последние в Аляске и в Калифорнии). Сегоднешнее состояние этих присоединенных территорий отличается от колоний Англии, Голландии, Франции и Испании с их миллионами «колониальных народов» только тем, что за время существования Соединенных Штатов коренное население всех этих когда-то чужих областей было фактически уничтожено. Заморские владения США, завоеванные или купленные, невелики; особым случаем является зона Панамского канала, стоявшая под постоянным господством Америки, и если она что-либо и доказывает, то лишь преимущества подходящей вывески и близости собственных вооруженных сил. Каково бы ни было, однако, фактическое положение, этот чисто иррациональный фактор в т.н. «американском общественном мнении» всегда должен приниматься во внимание.

Не забудем, однако, что само «общественное мнение» в наше время превратилось в фабричный товар, изготавливаемый в любом желаемом виде. В данном конкретном случае гораздо важнее то, что выбор кандидатуры, ее выдвижение и фактически избрание президента Эйзенхауэра той же «интернационалистской» закулисной группой, которая протезировала и руководила в свое время президентами Вильсоном, Рузвельтом и Труманом, неизменно служили целям поддержки мировой революции, и что во все кризисные периоды это скрытое руководство занимало антибританскую позицию. Конечной целью «интернационалистов» является создание мирового сверх-правительства, и эта цель достигается совместным концентрическим [convergent] воздействием разрушительных сил революционного коммунизма и революционного сионизма, а для успеха этой операции необходимо постоянное разделение обеих великих англо-саксонских наций по обе стороны Атлантического океана; только разыгрывание этих наций одной против другой может обеспечить создание всемирной сионистской империи, и эта политика скрыто довлела над ходом всей Второй мировой войны. Эйзенхауэр впервые выдвинулся в составе американского военного триумвирата Рузвельта–Маршалла–Эйзенхауэра. Выше уже было показано, насколько антибританскими были все военные планы генерала Маршалла; фактически он был главным соперником и противником Черчилля, и именно его влиянию следует приписать то, что (как это официально зарегистрировано в изданной в 1956 г. английской истории военных действий), несмотря на всемирную славу и внешне громадный авторитет английского премьера, ему не удалось провести ни одного важного стратегического решения на протяжении всей войны, а ее конечный исход представляет собой явный результат политики группы Рузвельта–Маршалла–Эйзенхауэра. Опубликованные после войны ялтинские протоколы, несмотря на многочисленные умышленные пропуски, показывают, кроме того, что главным желанием Рузвельта в Ялте было унижить Англию:

«Президент сказал, что ему хотелось бы сообщить маршалу (*Сталину*) кое-что по секрету, чего ему не хотелось бы говорить в присутствии премьер-министра Черчилля... Англичане – странная публика, они хотят, чтобы и волки были сыты, и овцы целы... (*Президент*) предложил «интернационализировать» британскую колонию Гонконг и поставить Корею под международную опеку, из которой Англия должна была быть исключена. Сталин дал понять, что он не считал бы это хорошим решением, добавив, что «Черчилль нас за это убьет». Когда речь шла о послевоенном политическом устройстве, он (*Рузвельт*) часто занимал явно антибританскую позицию» (*«Нью-Йорк Таймс»*, 17 марта 1955 г.).

Что же касается Эйзенхауэра в качестве главнокомандующего союзных вооруженных сил в Европе, то именно его приказ о приостановке наступления западных союзников, как уже было показано выше, привел к фактической выдаче пол-Европы на поток и разграбление мировой революции.

На фоне этих событий военного времени рассчитывать на поддержку Суэцкой авантюры Эйзенхауэром было со стороны британского правительства безумием: уроки самой недавней истории должны были дать это ясно понять. Эйзенхауэр был орудием выполнения политических планов Рузвельта–Маршалла во время войны, и 7 лет по ее окончании был сознательно выдвинут группой закулисных дирижеров в качестве оппонента сенатору Тафту в собственной же партии как надежная подставная фигура для дальнейшего продолжения «интернационалистской» политики. Единственным, что было неожиданным и что трудно оправдать, было как далеко он зашел в стремлении унижить Англию, вынудив ее «безоговорочный» вывод войск из Суэцкой зоны на самых унижительных условиях, подвергнув британского посла в Вашингтоне фактическому бойкоту и продемонстрировав по отношению к своим бывшим союзникам злобу, не отличавшуюся от настроений Рузвельта в Ялте.

Никаких моральных оснований это показное отвращение, ясно продемонстрированное укоризненной миной президента в телевидении, разумеется не имело. Ни с какой иной стороны, как из Белого Дома исходило «давление» на Англию сначала вывести свои войска из зоны Суэцкого канала (до его «национализации» Нассером), а затем присоединиться к Америке в провокационном оскорблении Египта (отказ от обещанных кредитов на постройку Асуанской плотины), что явилось непосредственной причиной военного кризиса 1956 г. Мало того, всё это делалось во время резни в Венгрии после лицемерного заявления, что «сердцем» он на стороне жертв советской интервенции; ничего, кроме этого заявления, не последовало, и американское правительство осталось в этой, гораздо более серьезной, чем весь Суэц истории совершенно пассивным. В этом Эйзенхауэр также был вполне последовательным: после своего избрания президентом в 1952 г. он немедленно же забыл о предвыборных обещаниях «ликвидировать Ялту», что в свою очередь было лишь продолжением его приказа остановить западное наступление в Европе в 1945 г. Конечным итогом всего этого была всё та же поддержка мировой революции, и именно в ней заключался догмат американской государственной политики в обеих мировых войнах.

Кое-какие уроки всё же можно было извлечь из событий октября–ноября 1956 г. Они доказали, что при условии достаточной встряски даже в мировой говорильне, известной под именем «объединенных наций» в Нью-Йорке, может проявить себя нечто вроде «мирового общественного мнения». Возмущение и отвращение были единодушными и подавляющими в обоих случаях: и при нападении на Египет, и при советской резне в Венгрии. Однако, они же показали, что поддержать такое моральное осуждение сколько-нибудь эффективными действиями «Объединенные Нации» совершенно неспособны. В наиболее серьезном случае, в Венгрии, ООН не в состоянии была сделать вообще ничего, поскольку Советы были хозяевами положения в стране, а Америка оставалась совершенно пассивной. В другом случае, в Египте, немедленный результат был достигнут исключительно благодаря совместным действиям этих обеих стран против Англии: одной – методами «почти вплоть до войны» (эмбарго на поставки нефти), и другой – с помощью прямой угрозой войны. Другими словами, вывод англичан из Суэца был осуществлен путем советско-американского сотрудничества, и до тех пор, пока «интернационалисты» в состоянии контролировать американскую механику выдвижения и избрания президентов, это будет оставаться большой угрозой всему миру. В нашем столетии «пакт Эйзенхауэра–Булганина» отнюдь не более «немыслим», чем в свое время пакт Гитлера–Сталина. Во всяком случае, претензии одной из сторон «покончить с коммунизмом» в обоих случаях показали, чего они в действительности стоили.

Просчетом английской политики явились также надежды на «сионистское давление» в Вашингтоне и поддержку им англо-израильской акции в Суэце, подобно тому, как в свое время это давление вынудило Англию убраться из Палестины, обеспечив создание Израиля в 1947–48 гг. Явно не были приняты в расчет эффект израильского нападения и еще более потрясающий эффект присоединения к этому нападению Англии и Франции: проклятия всего мира посыпались главным образом на голову Англии, позволив президенту Эйзенхауэру занять позицию благородного негодования. Британское правительство оказалось, таким образом, между двух огней: с одной стороны грозило советское нападение, с другой же – враждебность Белого Дома, чего в Лондоне явно не ожидали. «Жизненно важная линия снабжения» – Суэцкий канал – оказался заблокированным, а вместе с ним и снабжение Англии нефтью. Ожидая ее поставок от Америки, она услышала, что не получит ничего, пока не выйдет из Египта, и все шишки вдруг посыпались на нее. Британских дипломатов встречали в Вашингтоне холодно, и всякий серьезный разговор, включая просьбы о поставках нефти, был оставлен до «выхода» Англии из Египта. Если президент США зашел в эти дни в своем публичном унижении Англии гораздо дальше, чем это

было необходимо, то и в этом он лишь продолжал антибританскую традицию своего патрона Рузвельта. История американских правительственных махинаций в вопросах Египта и Суэца, осуществленных за время президентства Эйзенхауэра, лишала его всякого подобия прав на моральное осуждение. Это, однако, не меняет ничего в том, что британское унижение было вполне заслуженным. Нападение на Египет было непростительной катастрофой во всех своих главнейших пунктах: оно явно продемонстрировало сговор с Израилем, оно началось в момент советского поражения перед лицом венгерской революции, и оно же явило позорную картину нерешительности и бесплодности после своего начала. В состоянии политического банкротства и физического потрясения сэру Антони Идену не оставалось иного, как ехать «поправляться» на Ямайку. [**«Безоговорочный отвод» из** Египта, причем одних только англичан и французов, а отнюдь не главного агрессора – Израиля **[начался]**. «Объединенные Нации» срочно собрали с бору по сосенке «международные войска» и послали их околачиваться в зоне Суэца, сами не зная, что им там делать. Репутация президента Нассера в арабском мире возросла до невиданных высот, канал оставался заблокированным, Египет заявил, что не намерен отдать ни пяди египетской территории, а Израиль поднял очередной гвалт по поводу «антисемитизма» в Египте. Подвыпивший Хрущев высмеял британского и французского послов на приеме в польском посольстве в Москве: *«Вы говорите, что мы хотим войны, а теперь сами попали в положение, которое я могу только назвать идиотским... Вы дали нам хороший урок в Египте»*. Кто мог ему возразить? Неделями позже «Нью-Йорк Таймс» подвел итоги. *«Англия и Франция повели рискованную игру и, по-видимому, катастрофически проигрывают... Израиль пока что вырвался из кризиса в улучшенном положении»* (25 ноября 1956 г.). Еще двумя неделями позже та же газета охарактеризовала Англию как скатившуюся отныне на положение «второстепенной державы». В том же номере газеты сообщалось о выступлении в израильском парламенте некоего г-на Михаила Хазани:

«По мнению г-на Хазани, неудача Англии и Франции достигнуть своих целей в Суэцком канале пошла на пользу Израилю... Израиль в настоящее время менее изолирован, чем перед наступлением на Синай 29-го октября, которое оттолкнуло его друзей и разъярило всех его врагов во всем мире... Израиль пожинает плоды новой дружбы с Францией, поставившей оружие, с помощью которой он смог одолеть египтян... Еще несколько недель тому назад израэли дрожали при мысли, что они могут спровоцировать термоядерную войну. Однако, страх скоро прошел, поскольку все эти угрозы явно были лишь средствами психологической войны. ...По мнению некоторых членов Кнессета (*израильский парламент*), Израиль тоже мог бы воспользоваться этими методами... почему бы ему не использовать своего нынешнего положения, как угрозы международных осложнений, для побуждения великих держав оказать давление на Египет и другие арабские страны, чтобы они заключили (*окончательный*) мирный договор с Израилем?»

Эти цитаты показывают читателям, как мало надежд на передышку может существовать у всего мира, пока не будет окончательно ликвидирована сионистская авантюра. Неизбежной судьбой всех, кто связал себя с ней, будет полное фиаско, ибо такое же фиаско будет и ее неизбежным концом, однако в каждой очередной катастрофе все шишки повалятся именно на пособников, а вовсе не на первоначальных инициаторов этого сумасшедшего предприятия. Оно нарушает сегодня все нормальные взаимоотношения между народами, натравляя друг на друга тех, у кого нет ни малейших причин для споров, провоцируя других на действия, которые не могут принести им ничего хорошего, и подстрекая третьих на угрозы мировой войной.

В том, что касается Англии, Суэцкая авантюра вновь завлекла ее в трясины, из которой, как было показано выше, Эрнест Бевин попытался было ее вытащить в 1947–48 гг., причем расплата в данном случае была столь тяжелой, что, если сравнить весь процесс ввязывания в сионизм с подъемом приговоренного по 13 ступенькам к виселице, то Англия уже вступила на двенадцатую; последней было бы окончательное разрушение всего Британского Содружества, и предостережение об этом послышалось со стороны самой влиятельной инстанции за пределами самой Англии (Канада), о чем в прошлом ни разу еще не могло даже быть и речи. Англия оказалась на скамье подсудимых рядом с Израилем и Францией, и была осуждена как пойманный с поличным злодей. Угрозы посыпались со всех сторон, ни одна из поставленных целей не была достигнута, ее войскам не только были поставлены весьма неприятные задачи, но им даже не было позволено их выполнить, и конечным результатом был один сплошной позор. На страну обрушились, в качестве дальнейших последствий, повышение налогов, лишения и трудности, что было очередной данью Сиону.

Одно во всем этом не подлежит сомнению: ничего этого не могло бы случиться, не будь создано в 1948 году еврейское государство. Если бы разразилась мировая война, ее инициатором был бы Израиль; если она еще раз разразится – а к моменту окончания данной книги к этому имеются все возможности – и ее виновником и инициатором будет Израиль. Говоря от собственного имени, автор этих строк, как англичанин, смог бы примириться с Суэцкой авантюрой, если бы его убедили в том, что она могла бы служить каким-либо британским интересам; в этом случае он в состоянии был бы поверить, что британскому правительству было известно что-то, неизвестное автору, что могло бы как-то оправдать то, что по всей внешней видимости представлялось непростительным и заведомо обреченным на провал. Автор не в состоянии, однако, убедить себя в этом. Всё это представляется ему лишь очередным ложным шагом в той трагедии ошибок, которая началась в 1903 году, когда Англия впервые связала свои судьбы с сионизмом. Автор попытался проследить развитие этой трагедии с самого начала в этой книге. Ему кажется, что ничего иного не было сказано и с мест членов правительства в Палате общин по окончании катастрофы. Пока сэр Антони Иден восстанавливал свое здоровье на Ямайке, задача оправдания происшедшего выпала на долю его коллег, и один из них, Антони Хэд, по должности министр обороны, обосновал свою апологию совершенного вовсе не какими-либо британскими интересами, а тем, что его правительство отвратило угрозу *«искалеченного Израиля, разбомбленного Тель-Авива и объединенного арабского мира»*⁹¹: автор вновь цитирует «Нью-Йорк Таймс», не имея на руках оригинального текста выступления министра; однако, ему кажется, что политики должны отвечать и за то, что о них пишется.

Естественным заключением из сказанного Хэдом должно быть, что поставленными его правительством целями были искалеченный Египет, разбомбленный Порт Саид и разъединенный арабский мир, из которых достигнута была лишь вторая, в то время как достигнуть первой и третьей не удалось. Спрашивается, каким британским интересам могли бы служить искалеченный Египет и разъединенный арабский мир? Какой англичанин согласился бы поддержать подобные действия, будь они представлены ему в такой форме до их совершения? И когда открытое стремление их правительства всеми средствами поддержать «осуществление сионистских стремлений» было объявлено английским избирателям перед тем, как их просили подать свой голос в порядке осуществления «демократии»? В некоторых болезнях современная медицина способна обнаружить первоначальный источник заразы, очаг болезни. Первоначальным источником всех пертурбаций, завершившихся действиями 29 и 30 октября 1956 г., безусловно был сионизм, без которого они не смогли бы совершиться в такой форме. В качестве логического следствия всех его шагов с тех пор, как он оформился как политическая сила в местечковых гетто в России столетие тому назад, он привел весь мир на порог всеобщей войны, и на этом пороге никто не знал, какой вчерашний друг станет завтрашним врагом. Обман народов достиг здесь своей полной меры.

Может ли со временем из этого получиться что-либо хорошее? Несомненно может и должно: одних только современников все эти совершенно излишние тревоги и осложнения, в которых мы живем, продолжают непрестанно раздражать. Нам кажется, что появляются первые признаки поворота к лучшему. Народы, скованные цепями революционного коммунизма, начинают их сбрасывать; народы Восточной Европы могут сбросить их собственными усилиями, а остаток скованного Запада сможет последовать их примеру. Автору кажется, что и евреи во всем мире начинают убеждаться в заблуждении революционного сионизма, близнеца другого разрушительного движения, и смогут к концу этого столетия наконец пойти одним путем со всем остальным человечеством. Какой иной вывод можно сделать из сообщения (если только оно соответствует истине) «Нью-Йорк Таймса» от 30 декабря 1956 г., что *«менее 900 из общего числа евреев, бежавших из Венгрии, ...решили поселиться в Израиле»*, в то время как «громадное большинство» из них предпочло поселиться в США или в Канаде. С другой стороны, однако, трудно не видеть опасности перенаселения этих стран массой восточных евреев, насаждение которых за последнее столетие и привело к существующему положению в мировой политике; в предыдущей главе мы цитировали еврейские источники по вопросу об исконной враждебности восточных евреев по отношению к Америке и ее образу жизни. О событиях октября–ноября 1956 г. можно лишь сказать, что они сами явились достойной заключительной главой к настоящей книге, а в качестве

⁹¹ В.Э. 2018-05-27: Плохой перевод, который и понять-то невозможно. Оригинал: «claim to have averted "a crippled Israel, a bombed Tel Aviv and a united Arab world"», т.е. цель была предотвратить такое положение, что Израиль будет изуродован, Тель-Авив разбомблен, а Арабский мир объединится.

сноски к Суэцкой истории можно цитировать обращение Эйзенхауэра к Конгрессу США за постоянным разрешением применять американские войска против

«открытой военной агрессии со стороны любого государства, находящегося под контролем интернационального коммунизма».

Похоже, что президент собирается повторять то, за что он же клеймил позором правительство Антони Идена, которое также якобы действовало против угрозы со стороны Египта, «контролируемого» Советами и снабженного их вооружением. Что же касается «открытой» агрессии, то и американская военная история знает ее примеры: «открытой агрессией» было, например, потопление американского линкора «Мэйн» в Гаванском порту в 1898 году, приписанное Испании, после чего против последней была начата война, закончившаяся отобранием в пользу Америки последних испанских колоний. Как до, так и после нападения на Египет международная печать на все лады обличала одно арабское государство за другим как «контролируемых» интернациональным коммунизмом; обращение Эйзенхауэра к конгрессу США показывает перспективы того, как разрекламированное уничтожение коммунизма легко может обернуться нападением отнюдь не на коммунизм, а на арабов. Сам термин «под контролем коммунизма» не поддается никакому точному определению и открывает любые возможности для полного извращения положения путем пропаганды. За примерами ходить недалеко: 2 декабря 1956 г. в «Нью-Йорк Таймс» были опубликованы фото «русских танков, захваченных Израилем» во время нападения последнего на Египет; письма осведомленных читателей заставили газету признать, что сфотографированные танки были не советскими, а американскими. Были ли они действительно захвачены у египтян, не поддается проверке; кто угодно может сфотографировать любой танк и снабдить снимок любым заголовком. Израильская армия первоначально была оснащена исключительно советским вооружением, однако мы не слышали о том, что на этом основании Израиль следует считать находящимся «под контролем интернационального коммунизма». Как бы то ни было, сообщения об обращении Эйзенхауэра в Конгресс США привели к немедленному подъему курсов израильских акций на нью-йоркской бирже и к хвалебным проповедям в нью-йоркских синагогах. Причину ликования легко усмотреть в том, что Эйзенхауэр собрался посылать американские войска на Ближний Восток только по просьбе «одного или нескольких государств», подвергшихся нападению со стороны, «контролируемой коммунизмом». Поскольку Египет во всем мире был представлен как агрессор в Суэцкой авантюре в октябре 1956 г., совершенно очевидно, что и это условие применения американских сил может быть истолковано как угодно по усмотрению заинтересованной стороны. Если бы слова президента можно было считать честными и принимать всерьез, то вполне естественно было бы ожидать, что по египетской просьбе американские солдаты оказали бы сопротивление израильскому вторжению в октябре 1956 г., однако – мягко выражаясь – представить себе подобное положение довольно трудно, как и невозможно представить себе американское военное вмешательство на Ближнем Востоке по просьбе какого-либо иного государства, кроме Израиля; времена, разумеется, меняются, и в нашу эпоху всё становится возможным. Пока что, однако, ближневосточные события в 1956 году не только сами явились заключительной главой к настоящей книге, но и лишний раз подтверждают всё в ней написанное.

Эпилог

Если содержание этой книги производит несколько мрачное впечатление, то – это отражение тех событий, которые она описывает, а не личной точки зрения автора. Последний охотно признает, что он писал не как заинтересованный наблюдатель, а как современник, участник и свидетель описанных событий, как журналист, которому не позволено было следовать своему призванию, заключающемуся по его мнению в служении правде без страха или пристрастия, а не в служении каким-либо особым интересам. Автору случилось наблюдать большее число событий, а также манипуляций национальными интересами, чем это выпадает на долю большинства современников, и он мог убедиться на основании собственного опыта, что дело идет не о случайностях, а об определенном плане. Всё написанное им представляет собой, поэтому, протест, но не против естественного течения жизни, а против подавления правды о ней. Настоящий труд – рассказ современника о том, как делается история. После него придут историки, которые попытаются на основании раскопанных фрагментов составить историю событий во всех ее деталях; с таким же успехом можно пытаться определить чувства, владевшие человеком при жизни, на основании его откопанного скелета. Однако, им, возможно, удастся проникнуть в детали, скрытые в настоящее время от автора, и прежде всего они непременно найдут, что всё происшедшее было совершенно необходимо для достижения того положения вещей, в котором находятся они сами – а в случае историков это обычно очень удобное положение. Где-то между упомянутыми методами изложения событий расположена полная и истинная правда; роль автора ограничивается живым протестом живого участника.

Несомненно, что всё происшедшее существенно необходимо для достижения скрытой от нас конечной цели, в характере которой у автора не существует сомнений; однако, многое из происшедшего было в момент своего совершения абсолютно ненужным и излишним, и именно в этом и заключается тема авторского протеста. Автор считает, что неизбежный по его мнению хороший конец мог бы быть достигнут гораздо скорее без этих досадных и ненужных событий; однако, ему также ясно, что всё это лежит за пределами понимания простых смертных и что, согласно Божьему произволению, повторяющиеся испытания могут быть нужными для конечного самоосвобождения человеческой души. Согласно тому же произволению, верующий должен восставать против них, как только они случаются.

Как бы то ни было, автор предоставляет анализ событий будущим летописцам, чьи чувства и сердце не будут ими затронуты; они будут пользоваться микроскопом там, где автор играл свою роль на жизненной сцене, он – затронут всем этим. Как писал в свое время лорд Маколей⁹²:

«В истории выживает, по-видимому, лишь та ее интерпретация, которая служит требуемой доктрине, все же неудобные или противоречащие ей факты забываются или игнорируются».

Это может послужить оправданием появления настоящего труда живущего историка, современника описываемых им событий: он не упустил ничего из того, что стало ему известным, представив всё известное ему столь правдиво, насколько он к этому был способен. Он написал картину нашего столетия такой, какой она представлялась непосредственному участнику событий, будучи скрытой от широких масс, которым она подавалась лишь в той «интерпретации», какую политики считали необходимой. По мнению автора, мы являемся свидетелями того, как порожденное в глубокой древности варварское суеверие, вскормленное в продолжение долгих веков полусекретной кастой невежественных жрецов, вернулось в наши дни, сев нам на шею в виде политического движения, поддержанного громадными деньгами и большой властью во всех больших столицах мира. Для достижения своей фантастической цели мирового господства оно пользуется двумя методами – революцией снизу и развращением правительств сверху – и оно добилось больших успехов на этом пути, применяя оба орудия для натравливания классов и народов друг на друга.

Автор не берется решать, что есть зло; он может его лишь чувствовать, и возможно, что он ошибается. Во всяком случае, его собственные ощущения в согласии с воспринятыми им правилами жизни убеждали его во время работы над данной книгой, что он живет рядом со злом.

⁹² Macaulay, 1800–1859, английский эссеист, поэт, государственный деятель и блестящий историк. – Прим. издателей.

Силы, пересаженные в 20-е столетие словно из пещеры доисторического динозавра, не основаны ни на чем, кроме самого невежественного суеверия. У автора не проходило чувство постоянного контакта с людьми типа Иезекииля, жившими в варварские времена и мыслившими по-варварски. Ему случилось непосредственно испытать чувство встречи с подобным же феноменом в наши дни, хотя и на территории, лишь недавно спасенной от варварства, когда он прочел книгу сэра Артура Гримбля «На островах» (см. библиографию). В ней автор описывает встреченное им в начале 20-го столетия, в качестве британского колониального чиновника, на отдаленной группе тихоокеанских островов Гильберта, где население жило в атмосфере первобытных суеверий до 1892 года, когда там был установлен британский протекторат. Существует любопытное сходство между проклятиями, перечисленными во Второзаконии, являющемся законом сионистского шовинизма наших дней, и словами проклятия над очагом врага, применявшимися на этих островах до прихода туда англичан. Сидя на корточках перед очагом на рассвете, голый заклинатель колот его палкой, бормоча:

«Дух безумия, дух испражнений, дух людоедства, дух гниения! Я колю очаг его пищи, очаг этого человека (*имя рек*). Порази его с запада, порази его с востока, порази его, как я колю его, порази его смертью! Задуши его, обезумь его, опозорь его гниением! Пусть вздуется его печень, она вздувается, она перевертывается и рвется на куски. Пусть вздуются его кишки, они вздуваются, они рвутся в клочья и поражаются. Он чернеет от безумия, он мертв, он – кончен, он мертв, мертв, мертв, он уже гниет!»

Сравнение этого бреда с многочисленными местами во Второзаконии и в книге Иезекииля особо поучительно в наше время, когда Тора и Талмуд прилагаются буквально для совершения дел, подобных Дейр-Ясину; не мешает также вспомнить указание «Еврейской Энциклопедии», что Талмуд учит верить в дословную действительность проклятий. Эти места невольно приходят на ум, когда слышишь политиков, цитирующих «Ветхий Завет», и каждый раз приходится спрашивать, читали ли они его когда-либо и понимают ли они связь между этими древними суевериями и современными событиями, творящимися с их помощью. Здесь мы явно имеем дело с силой, спущенной на наш мир 20-го века людьми, находящимися во власти этих варварских суеверий; о чем же может говорить запоздалое признание Хаима Вейцмана, в ужасе отшатнувшегося при виде натворенного им: «...*возрождение древнего зла под новой, еще более ужасной личиной*».

Одно лишь невежественное суеверие может по мнению автора объяснить тот страх, под воздействием которого еврейские массы поддаются сионистскому шовинизму. Столетие эмансипации почти освободило их от него, и еще через каких-нибудь полвека они слились бы с течением жизни всего человечества; однако теперь их цепкими когтями оттянули назад, под то же ярмо. Читая описание жизни населения на Гильбертовых островах до британского протектората, автору казалось, что он читает местечковую хронику еврейского гетто в русской черте оседлости:

«Человек, в крови которого жили верования 60 поколений, воспитанные страхом... становился легкой добычей смертельного суеверия. ...На этих островах жили поколения за поколениями возмущавших зло жрецов и людей, дрожавших перед их властью. Накопленный страх этих суеверий приобрел с веками собственные вес и тени, стал реальностью, довлеющей над всем живущим. Мысли, навязанные другими, сильнее привидений преследовали жилища этих людей. Чувствовалось, что в такой атмосфере может практически совершиться всё, что угодно».

«Мысли, навязанные другими, сильнее привидений преследующие жилища этих людей» – эти слова вполне подходят для характеристики жизненных условий еврейских масс, в крови которых жили верования более, чем 60 поколений, и которых в конце прошлого века вновь стали из светлого дня во мрак невежества. Чувство освобождения, так близко прошедшего мимо них, казалось бы говорило устами старухи на Гильбертовых островах, узнавшей новую жизнь и помнившей старую:

«Послушайте, что говорят люди в наших хижинах. Мы работаем в мире, мы говорим в мире, ибо дни злобы прошли... Как хороша жизнь в наших селах теперь, когда нет больше убийств и нет войны»;

и эти ее слова, как сильно они напоминают плач Иереми об ушедших счастливых днях Израиля («вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви, когда ты была невестой») в его упреках «вероломной Иудее» за впадение в ересь.

Прослеживая в веках историю этого древнего суеверия и его возрождения как политической силы нашего столетия, автора не покидало чувство постоянного ощущения живого, враждебного зла. По его мнению, революционное разрушение является составной частью зла, и он мог бы повторить написанное американским дипломатом Франком Раундсом на Рождество 1951 года: *«Здесь в Москве вы чувствуете, что зло существует как вещественная реальность; это – мои мысли в этот рождественский день»*. Этим процессом 20-го столетия, представляющимся как сопутствующее нам постоянное зло, затронуты мы все – евреи и неевреи и большинство из нас дождетя его развязки. Это предчувствовал в 1933 году неоднократно цитировавшийся в этой книге еврей, Бернанд Дж. Браун, когда он с упреком писал:

«Конечно нас должны бояться и даже ненавидеть, если мы будем продолжать загребать всё, что нам дает Америка, одновременно отказываясь стать американцами, как мы всегда отказывались стать русскими или поляками».

Эти слова относятся ко всем странам Запада, а не к одной только Америке, но в одном Бернанд Браун был неправ. Его предчувствие относилось как раз к тому, чего талмудисты достигнуть не в состоянии: ненависть является одной только их монополией и верой, и им никогда не удастся заставить христиан ненавидеть евреев. Страшные дела, совершенные «Западом» в нашем столетии, были совершены по указке Талмуда; месть и ненависть не присущи западному человечеству, а его вера запрещает их. Учение ненависти как часть религии всё еще исходит от буквальных толкователей Торы–Талмуда в странах, захваченных революционным коммунизмом, в оживленной Палестине, и повсюду там, где они свили себе гнезда в западных столицах. Ни один европеец, ни один человек Запада не в состоянии был бы обратиться к еврейскому собранию со словами одного сионистского вожака в мае 1953 года в Йоганнесбурге:

«Нельзя доверять зверю, именуемому Германией. Немцам никогда не должно быть прощения, и ни один еврей не может иметь ни связей, ни дел с немцами».

Человечество не может жить на подобных основах, и именно поэтому подобные планы сионистов в конце концов неизбежно осуждены на провал. Это именно та самая ересь, отвергнуть которую было прежде всего призвано учение Иисуса Христа; и это она же, которой продались вожди «Запада» с того момента, когда в начале века некий Бальфур начал подчинять ей интересы своей страны. Когда близящийся апогей и кризис минуют, минует также и это еретическое учение, привитое Западу из талмудистского центра в местечковой России.

Как писателю, автору кажется, что оно минует тем скорее и с тем меньшими бедами для всех, затронутых им, чем больше широкие массы общественности узнают о том, что в действительности происходило на протяжении всего нашего столетия.

«Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» – Евангелие от Луки, [8:17](#).

Добавление

«После жизни Иисуса Христа Ветхий Завет был вместе с Новым Заветом переведен св. Иеронимом на латинский язык, и оба стали считаться Церковью исходящими из равного божественного авторитета, как части одного Писания»

(согласно одной из современных энциклопедий).

ТОРА

«И сказал мне Господь, говоря... В сей день я стану вселять ужас пред тобой и страх пред тобой во все народы под небом, что услышат о тебе, и будут дрожать, и будут в страхе пред тобой... И Господь повелел мне в то время учить вас законам и предписаниям, чтобы могли вы исполнять их в стране, куда вы пойдете, чтобы владеть ею... И потому что любил Он твоих отцов, потому избрал Он их семя после них... чтобы изгнать народы пред тобой, которые больше и сильнее тебя, чтобы вошел ты, чтобы отдать тебе их земли в наследие... И когда Господь, Бог твой предаст их тебе, ты побьешь их, и полностью их уничтожишь; и не заключишь с ними договора, ни окажешь им милости; ни заключишь браков с ними... и разрушишь их алтари, и разобьешь их кумиров... Ибо ты святой народ под Господом, Богом твоим; и Господь, Бог твой избрал тебя быть особым народом под Ним, над всеми народами, что на лице земли... И ты пожрешь все народы, которых Господь, Бог твой предаст тебе; глаз твой не будет иметь к ним жалости... Но Господь, Бог твой предаст их тебе, и

истребит их мощным разрушением, пока не будут они истреблены... И предаст царей их в руки твои, и ты истребишь имя их из поднебесной; не устоит никто против тебя, доколе не искоренишь их... Всякое место, куда ступит нога твоя, будет твоим... даже до самых дальних морей будут твои берега... А из городов сих народов, которые Господь, Бог твой даст тебе в наследие, не оставь в живых ничего, что дышит... И будешь давать займы многим народам, но сам брать займы не будешь... Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим...».

(Второзаконие)

НОВЫЙ ЗАВЕТ

«Благословенны миротворцы, ибо назовутся детьми Господними... Я пришел не разрушить (законы пророков) но исполнить их... Вы слышали, что было сказано, чтобы вы любили соседей ваших и ненавидели врагов ваших. Но Я говорю вам, любите ваших врагов... Он учил их как имеющий закон, а не по книжникам... Не собирайте сокровищ на земле... какая польза человеку если овладеет всем миром, но потеряет душу свою? Люби Господа, Бога твоего... это – первая и великая заповедь; а вторая такая же: люби ближнего твоего, как самого себя. На этих двух заповедях стоят все законы и пророки... Один господь ваш, Христос, и все вы – братья... Да продолжится любовь братская... Кто захочет возвыситься, да будет унижен... Горе вам, книжники и фарисеи... ибо вы дети тех, кто убивал пророков... Это учение царства небесного да будет проповедываться во всем мире как свидетельство для всех народов... Прости им, ибо не ведают, что творят... Бог, создавший весь мир и всё, что в нем... и сделал все народы из одной крови... Знайте, что спасение Господне послано неевреям, и услышат его... Ибо обещание, что он будет владеть всем миром, не было дано Аврааму, ни его семени, по закону, но лишь по праведной вере... Един Бог, отец всех, над всеми... Ибо многие ходят, о ком я вам часто говорил, и иные говорю даже плача, что враги они креста Христова; ибо конец их – разрушение...»

(Евангелие, Деяния и Послания)

«Ни один человек не остров сам по себе; каждый – часть всего континента, часть главного; когда море смывает ком земли, вся Европа становится меньше, как если бы смыло целую гору, или дом твоего друга, или твой собственный; смерть каждого человека уменьшает и меня, ибо я – часть человечества; а поэтому никогда не спрашивай, по ком звонит колокол: он всегда звонит для тебя».

Джон Донн (Donne), английский поэт, богослов и проповедник, 1571–1631.

Библиография

1) Еврейский вопрос

- Abrahams, Israel «Jewish Life in the Middle Ages».
- Aronson, Chaim «A Jewish Life Under the Tsars: The Autobiography of Chaim Aronson, 1825–1888», Totowa N.J. 1983.
- Bakounine, Michel «Polemique contre les Juifs», 1869.
- Baroja, Julio Caro «Los Judios en la Espana Moderna y Contemporanea», Madrid 1978.
- Baron, Salo «Social and Reigiobs History of the Jews», 1937.
- Bentwick, Norman «The Jews», 1934; «Judea Lives Again», 1943.
- Ben-Zohar, Michel «Les Vengeurs», Paris 1968.
- Бейлиса дело: «Дело Бейлиса. Стенографический отчет», 3 тома, Киев 1913 г.
- Berger, Rabbi Elmer «The Jewish Dilemma», 1946; «A Partisan History of Judaism», 1951; «Who nows Better Must Say So», 1956.
- Bernadotte, Count Folke «To Jerusalem» 1951.
- Bertuel, Joseph «L’Islam, ses veritables origines», Paris 1981, 2 tomes (о еврейском происхождении ислама).
- Brafmann, Jakob «Das Buch vom Kahal. Materialien zur Erforschug der judischen Sitten» (перевод с русского издания), Leipzig 1928.
- Brandeis, Louis Dembitch «Miscellaneous Papers», 1935; «The Brandeis Guide to the Modern World», 1941.
- Brown, Bernard J. «From Pharaoh to Hitler», 1933.
- Burton, Sir Richard «The Jew, the Gypsy, and El Islam», Hutchinson 1898 (переиздано заново).
- Butz, A.R. «The Hoax of the 20th Century», 1977.
- Chamberlain, Houston Stewart «Le Christ n’est pas Juif», Fontenay-sous-bois 1978; «Die Grundlagen des 19. Jahrhunderts», 1899 (10.Auflage 1914).
- Chesterton, A.K. & Joseph Leftwich «The Tragedy of Anti-Semitism», 1948.
- Даль, Влад.Ив. «Записки о ритуальных убийствах», С.Петербург, 1913.
- Dardenne, Henriette «Lumieres sur l’affaire Dreyfus», Paris 1964.
- Drach, D.P. «De l’Harmonie entre l’Eglise et la Synagogue», 1844.
- Drumont, Edouard «La France juive», Paris 1885, 2 tomes.
- Edersheim, Alfred «The Life and Times of Jesus the Messiah», 1883.
- Eisenmenger, Johann Andreas «Entdecktes Judenthum», Frankfurt/Main 1700, Konigsberg/Ostpr. 1711.
- Encyclopedia Judaica, Jerusalem 1971.
- Jewish Encyclopedia, New York 1905, 1909, 1912, 1916.
- New Jewish Enciclopedia, New York 1962.
- Uniwersal Jewish Enciclopedia, 10 vol., New York 1948.
- Fern, Athanasius «Judische Moral und Blutmysterium», Leipzig 1937.
- Ford, Henry «The Unternational Jew», 4 vol. Dearborn 1920–22; «Der internationale Jude», Leipzig 1922 (немецкий перевод).
- Форд, Генри «Международное еврейство», Берлин 1925 (русский перевод).
- Forrest, Rev.A.C. «The Unholy Land», 1971.
- Franke, Arno «Staat im Staate. Das Wesen des judischen Geheimbundes, auf Grund der Brafmanschen Kahal-Akten gemeinverstandlich dargestellt», Leipzig 1930 (см. Брафман).
- Freedman, Benjamin H. «The Truth About Khazars», Los Angeles 1954.
- Freehof, Rabbi Solomon B. «Revorm Jeish Practice», 1944.
- Funk, S. «Die Entstehung des Talmuds» Cayre of Gayre, R. «The Syro-Mesopotamian Ethnology as Revealed in Genesis X», 1973.
- Glubb, Brig.-Gen.Sir John «Peace in the Holy Land», 1971.
- Gold, Norman & Pritsak, Omeljan «Khazarian Hebrew Documents of the 10th Century», Ithaca and London: Cornell University Press, 1982.
- Goldman, Nahum «Le Paradoxe Juif», Paris 1976; «Das judische Paradox», Koln 1978.
- Goldman, Rabbi Solomon «God and Israel».
- Goldstein, Dr.John «All the Doors Were Opened», 1955.
- Graetz, Heinrich «Geschichte der Juden», 11 Bande, 1853–1876; «Volkstumliche Geschichte der Luden», 1888.
- Грулев, М. «Записки генерала-еврея», Париж 1930.
- Haertle, Hewinrich «Deutsche und Juden», Leoni 1977; «Was «Holocaust» verschweigt», 1979.
- Harris, Maurice H. «Modern Jewish History», 1909.
- Hecht, Ben «A Jew in Love».

- Hertzberg, Arthur «The French Enlightenment and the Jews», New York 1968.
Herzl, Theodor «Der Judenstaat», 1896.
Hess, Moses «Rom und Jerusalem, die letzte Nationalitätsfrage», 1862.
Horstmann, Lali «We Chose To Stay», 1954.
Hutchison, Cdr. E.H. «Violent Truce», 1956.
Jeffries, J.M.N. «The Palestine Deception», 1933; «alestine, The Reality», 1939.
John, Robert & Hadawi, S. «The Palestine Diaries», 1970.
Kastein, Josef «History and Destiny of the Jews», 1933.
Kaufman, Theodore N. «Germany Must Perish», 1941.
Kern, Erich «Die Tragodie der Juden», Pr. Oldendorf 1979.
Koestler, Arthur «Promise and Fulfilment, Palestine 1947–1949», 1949; «The Thirteenth Tribe», 1976.
Laible, «Jesus Christus im Talmud».
Landrieux, Mgr. «L'Histoire et les histoires dans la Bible».
Laurent, Achille «Relation historique des affaires de Syrie depuis 1840 puisq en 1842; procedure complete dirigee en 1840 contre les Juifs de Damas a la suite de la disparition du Pere Thomas», s.l. (о ритуальном убийстве в Дамаске, в 1840 г. Материалы процесса).
Lasare, Bernard «L'Antisemitisme», 1969 (переиздано заново); «Antisemitism», 1903 (англ. перевод).
Leese, Arnold S. «Jewish Ritual Murder», The Thuderbolt Inc., Marietta, Georgia 1938; «The Jewish War of Survival», Sons of Liberty, Hollywood, Cal. 1945.
Lewin, Meyer «In Search», 1950.
Lemann, Abbe «Napoleon Ier et les Israelites», Paris 1894.
Lilienthal, Alfred «What Price Israel?», 1953; «There Gors the Middle East», 1957; «The Other Side of the Coin», 1965.
Ljutostanski, J.J. «Leben und Trieben im Judischen Kahal», 1934 (перевод книги Брафмана, см.).
Lombares, Michel de K «Affaire Dreyfus. La clef du mystere», Paris 1972.
Margoliouth, Moses «History of the Jews of Great Britain», 1857.
Marr, Wilhelm «Der Sieg des Judenthums uber das Germanenthum», 1879.
Menuhin, Moshe «The Decadence of Judaism in Our Time».
Meyer, Eduard «Entstehung des Judenthums», 1986.
Mocatta, David «The Jews in Spain and Portugal».
Montefiore, C.G. «Religion of the Ancient Hebrews», 1892.
Oliver, Revilo P. «Christianity and the Survival of the West», 1973.
Pinsker, Leon «Auto-Emancipation», 1881.
Poncins, Vicomte Leon de «La Mysterieuse internationale juive», Paris 1936; «Le Probleme juif fase au Concile», 1965.
Pranaitis, Pater J.B. «Christianus in Talmude Judaeorum sive Rabbinicae doctrinae de Christianis secreta», St. Petersburg 1892; «The Talmud Unmasked. The Rabbinical Teachings Concerning Christians», Liberty Bell Publications, Reedy, West Virginia, n.d. (новейший англ. перев.) «Protocols des Sages de Sion» (trad. Roger Lambelin), Paris 1921.
«Protocols of the Learned Elders of Sion» (trans. Victor Marsden), n.d. «The Protocols and World Revolution», Boston 1920.
«Die zionistischen Protokolle» (Hrsg. Theodor Fritsch), Leipzig 1924.
«Die Geheimnisse der Weisen von Zion» (Hrsg. Gottfried zur Beeck), Berlin 1919.
«Die echten Protokolle der Weisen von Zion. Sachverständigen-Gutachten im Auftrage des Richteramtes V in Bern», Erfurt 1935 (к процессу в Берне в 1935 г. против «клеветы о ритуальных убийствах»).
Robertson, Wilmor «The Dispossessed Majority», 1972.
Rodkinson, Michael Levi, «History of the Talmud», 1903.
Rohling, Prof.Dr. August «Meine Antwort an die Rabbiner. 5 Briefe uber den Talmudismus und das Blut-Ritual der Juden», Prag 1883; «der Talmudjude», München 1871.
Rosenblum, Morris «Peace Through Strength. Bernard Baruch and a Blueprint for Security», 1977.
Roth, Cecil «A History of the Marranos», Philadelphia 1932.
Rubens, William «Der alte und der neue Glaube im Judentum».
Rudolf, Erich «Ritualmord, Judentum und Freimaurerei», Berlin 1927.
Samuel, Maurice «You Gentiles», 1924.
Sanning, Walter N. «The Dissolution of Eastern European Jewry», Torrance, Cal. 1983.
Sigilla Veri Lexikon der Juden, Leipzig 1929.
Слюозберг Г.Б. «Дела минувших дней. Записки русского еврея» 2 тома, Париж 1933.
Шульгин, В.В. «Что нам в них не нравится», Париж 1930 (переиздано заново).
Skousen, W.Cleon «The Naked Capitalist», 1970.
Smith, W.Robertson «The Prophets of Israel and Their Place in History», 1895.
Stauf von der March, Ottokar «Der Ritualmord. Beitrage zur Untersuchung der Frage», Wien 1933.
Strack, Hermann L. «Einleitung in den Talmud», 1908; «Introduction to the Talmud and Midrash», New York 1980 (англ. перевод).

- Toynbee, Arnold J. «The Modern West and the Jews» (in vol. VII of «A Study of History», 1954).
 Utikal, Gerhard «Der judische Ritualmord. Eine nichtjudische Klarstellung», Breslau 1937.
 Weizman, Chaim «Trial and Error», 1949.
 Wellhausen, J. «Israelitische und judische Geschichte», 1897; «Composition des Hexateuch», 1901.
 Williams, Robert H. «The Anti-Defamation League and Its Use in the World Communist Offensive», Santa Ana, Cal. 1947.
 Zakarias, Hanna (Pere Gabriel Thery) «De Moise a Mohammed», 2 tomes, 1981 (les origines juives de l'islam).

2) Подрывные организации и движения в Европе и Америке

- Bakounine, Michel «Polemique contre les Juifs», 1869.
 Barruel, S.J., Abbe Augustin «Memoires pour servir a l'histoire du Jakobinisme», 1797; nouvelle edition Chire-en-Montreuil 1973.
 Bidegain, Jean «Le Grand Orient de France. Ses doctrines et ses actes. Documents inedits», Paris 1905.
 Bord, Gustave «Conspiration revolutionnaire de 1789».
 Bordiot, Jacques «Le Gouvernement invisible», La Librairie Francaise, Paris 1983; «Une main cachee dirige...», La Librairie Francaise, Paris 1974–76.
 Buchan, John «Oliver Cromwell», 1934.
 Burke, Edmund «Reflections on the Revolution in France», (new edition) Regnery, Chicago 1955.
 Butler, Eric «The Red Pattern of World Conquest».
 Caro y Rodriguez, Cardinal Jose Maria, Archbishop of Santiago, Chile «The Mystery of Freemasonry Unveiled. With a Reprint of Pope Leo XIIIth Encyclical Humanum Genus», Christian Book Club of America, Hawthorne Cal. 1971.
 Copin-Albancelli, «La Conjuracion juive contre le monde chretien», Paris-Lyon 1909.
 Coston, Henry «La Conjuracion des Illumines», La Librairie Francaise, Paris 1979; «Proces de Louis XVI et de Marie-Antoinette», Paris 1981; «La Republique du Grand Orient. Un Etat dans l'Etat, la Franc-Maconnerie», La Librairie Francaise, Paris 1976.
 Dillon, Monsignor George F. «Grand Orient. Freemasonry Unmasked», (5th edition), Britons Publishing Company, London 1965 (first edition 1950).
 Disraeli, Benjamin «Coningsby», 1844; «Live of Lord George Bentinck», 1852.
 Druon, Maurice «Les Rois maudits», Paris 1957, 7 tomes.
 Fay, Bernard «la Franc-Maconnerie et la revolution intellectuelle du XVIII siecle», Editions de Cluny, Paris 1942.
 Gaxotte, Pierre «La Revolution francaise» (124e edition), Paris 1928.
 Herder, Johann Gottfried von «Untersuchungen des vergangenen Jahrhunderts».
 Knupffer, George «The Struggle For World Power», London 1971.
 Kuehnelt-Leddihn, Erik von «Die flach gestellten Weichen. Der Rote Faden 1789–1984», Wien 1985.
 Malon, Benoit «Espose des Ecoles socialistes», 1872.
 Morley, John «Edmund Burke».
 Morse, Rev. Jedediah «Sermons», 1795–1799; «Proofs of the Early Existence, Progress and Deterious Effects of French Intrigue and Influence in the United States», 1798 (в статье о Морсе в «Амер. Энциклопедии» т.19, Нью-Йорк 1968, стр.482–483, это произведение не упоминается).
 Pearson, Hesketh «Disraeli».
 Pinay, Maurice «The Plot Against the Church», Los Angeles Cal. 1967.
 Ploncard d'Assac, Jacques «Le Secret des Francs-Macons», Editions de Chire, Chire-en-Montreuil 1979.
 Poncins, Vicomte Leon de «Christianisme et Franc-Maconnerie», Chire-en-Montreuil 1972; «La Franc-Maconnerie d'apres ses documents secrets», 1972; «Top Secret. Secrets d'Etats anglo-americaains», Chire-en-Montreuil 1972; (et alia) «Infiltrations ennemies dans l'Eglise», Paris 1970; & Comte Emmanuel Malynski «La Guerre occulte», 1940.
 Queensborough, Lady (Edith Starr Miller) «Occult Theocracy», 1933 (new editions Los Angeles, Cal. 1968, 1976, 1980).
 Robison, John «Proofs of a Conspiracy Against All the Religions and Governments of Europe, Carried On In the Secret Meetings of Free Masons, Illuminati and Reading Societies», Dublin 1798 (new edition Boston 1967).
 Webster, Nesta «The French Revolution», 1919; «World Revolution», 1921; «Secret Societies and Subversive Movements», 1924 (reprinted by Christian Book Club of America).
 Weishaupt, Adam «Einige Originalschriften des Illuminaten Ordens», 1787 (hrsg. von der bayerischen Regierung).

3) Европейская политика перед Первой мировой войной

- Бок, М.П. «Воспоминания о моем отце П.А.Столыпине», Нью-Йорк, изд-во им. Чехова 1953.
 Farrer, J.A. «Die europaische Politik unter Eduard VII», (Ubers. aus dem engl.), München 1925.

- Fischer, Fritz «Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914», Dusseldorf 1969.
 Franzel, Emil «Kronprinzen-Mythos», Wien–München 1973.
 Hallmann, Hans (Hrsg.) «Zur Geschichte und Problematik des deutsch–russischen Rückversicherungsvertrages von 1887», Darmstadt 1968.
 Lichnowsky, Furst «Auf dem Wege zum Abrund», 2 Bände, Dresden 1927.
 Loyay, Count Carl «Rudolf», 1950.
 Rohl, John «1914: Delusion or Design? The Testimony of Two German Diplomats», London 1973.
 Сазонов, С.Д. «Воспоминания», Париж 1927.
 Stieve, Friedrich (Hrsg.) «Der diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911–1914», 5 Bände, Berlin 1924.
 Trautmann, Oskar P. «Die Sangerbrücke. Gedanken zur russischen Politik von 1870–1914», Stuttgart 1941.
 Vogel, Barbara «Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bulow 1900–1906», Dusseldorf 1973.
 Waller, Bruce «Bismarck at the Crossroads. The Reorientation of German Foreign Policy After the Congress of Berlin 1878–1880», London 1974.

4) Первая мировая война

- Asquith, Lady Cynthia «Remember and Be Glad», 1952.
 Asquith, Lord «Memoirs and Reflections», 1928.
 Castex, Henri «Les Comites secrets, 1917. La paix refusee», Librairie Gedagle, 1972.
 Churchill, Winston «The World Crisis», 5 vol., 1923–1929.
 Garnett, David «Letters of T.E.Lawrence», 1938.
 Головин, ген.Н.Н. «Военные усилия России в мировой войне», 2 тома, Париж 1939.
 Lanne, Peter «Armenien: Der erste Volker mord des.20 Jahrhunderts», München 1977.
 Lloyd George, David «War Memoirs», 1936.
 Macphail, Sir A. «Theree Persons», 1926.
 Repington, Colonel C. «The First World War», 1921.
 Robertson, Sir William «Soldiers and Statesmen, 1914–1916», 1926.
 Suchomlinow, General W.A. «Erinnerungen, Berlin 1924.
 Wilson, Sir Henry «Life and Diaries», 1927.

5) Революция в России и Германии. Гражданская война в России

- Аронсон, Григорий «Россия накануне революции», Нью-Йорк 1962 (о роли масонов).
 «Архив русской революции», Гессен И.В. (изд.) Берлин 1928.
 Brasol, Boris L. «The World at the Crossroads», 1921 (reprinted 1970, Christian Book Club of America, Hawthorne Cal.).
 Деникин, генерал А.И. «Путь русского офицера», Нью-Йорк 1953; «Очерки русской смуты», 5 томов, Париж-Берлин 1921–1926; «Брест-Литовск», Париж 1933; «Старая армия», 2 тома, Париж 1929–1931
 Дреер, генерал В.Н. фон «На закате империи», Мадрид 1965.
 Ehrt, Adolf «La Terre rouge. Revelations sur l'organisation bolcheviste en Russe, en Allemagne et en France», Paris 1934.
 Геруа, ген. штаба ген.-майор Борис Владимирович, «Воспоминания о моей жизни», Париж 1970.
 Gilliard, Pierre «Le Tragique destin de Nicolas II et de sa famille», Paris 1921.
 Жильяр, Пьер «Трагическая судьба русской императорской фамилии», Франкфурт/М., изд-во «Посев» 1973 (перев. с франц.); «13 лет при русском дворе», Париж б.д.
 Goulevitch, Arsene de «Czarism and Revolution», 1962.
 Gourko, General Basil «War and Revolution in Russia, 1914–1917», New York, Macmillan 1919.
 Grey, Marina (fille du general Denikine) & Jean Bourdier, «Les Armees blanches», Paris 1968.
 Hahlweg, Werner «Lenins Ruckkehr nach Russland 1917», Leiden 1957.
 Катков, Г.М. «Февральская революция», Париж 1984 (перев. с англ.).
 Курлов, генерал П.Г. «Гибель императорской России», Берлин 1923.
 Levine-Meyer, Rosa «Levine the Spartacist», London – New York 1978.
 Макашов, В.А. «Первая Государственная Дума» (Воспоминание современника), Париж б.д.; «Вторая государственная Дума», Париж б.д.
 Мельгунов, С.П. «На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г.», Париж 1931; «Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 г.», Париж 1953; «Судьба императора Николая II после отречения», Париж 1951.
 Mitchell, Allan «Revolution in Bavaria 1918/17. The Eisner Regime and the Soviet Republic», Princeton 1965; (dtsch. Übers.) «Revolution in Bayern 1918/19. Die Eisner-Regierung und die Raterepublik», München 1967.
 Nicolas Mikhailovitch, Grand-Duc «La Fin du Tsarisme», Paris 1968.
 Netchvolodoff, A. «L'Empereur Nicolas II et les Juifs», Paris 1924.

«Октябрьская революция. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев» (сост. С.А.Алексеев), Госуд. Изд-во, Москва-Ленинград 1926.

Павлов, подполк. В.Е. (сост.) «Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов», Париж 1962.

Raupach, Robert von «Russische Schatten», Leipzig 1939.

Robien, Comte Louis de «Journal d'un diplomate en Russie (1917–1918)», Paris 1967.

Senn, Alfred Erich, «The Russian Revolution in Switzerland, 1914–1917», 1971.

Шавельский, о. Георгий «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота», 2 тома, изд-во им. Чехова, Нью-Йорк 1954.

Шульгин, В.В. «Что нам в них не нравится», Париж 1930 (переиздано заново).

Соколов, Н. «Убийство Царской семьи», Буэнос Айрес 1969.

Солженицын, Александр «Красное колесо, узел I: Август четырнадцатого», 2 тома, Париж 1983; «Ленин в Цюрихе», Париж 1975.

Спиридович, ген. А.И. «Партия социалистов-революционеров и ея предшественники», Петроград 1918; «Великая война и февральская революция 1914–17 гг.», Нью-Йорк 1960.

Spiridovitch, General Alexandre «Histoire du terrorisme russe, 1868–1917», Paris 1930; «Les Dernieres annes de la Cour de Tsarskoe Selo», Paris 1928; «Rasputin» (dtsch.), Bern–Stuttgart 1939.

Stolypine, Alexandra «L'Homme du dernier Tsar», 1931.

Stolypine, A. «Contre-revolution», 1937.

Summers, Anthony & Mangold, Tom «The ile on the Tsar», London 1977.

Sutton, Anthony «Wall Street and the Bolshevik Revolution», 1974.

Therry, Jean-Jacques «Anastasia. La Grande-Duchesse retrouvee», Paris 1982.

Тимошенко, С. «Воспоминания», Париж 1963 (о «самостийной Украине» в 1918 г.).

Валентинов, В. «Малознакомый Ленин», Париж 1972.

Вильтон, Роберт «Последние дни Романовых», Берлин 1923.

Wilton, Robert «Last Days of the Romanoffs», (last edition) Christian Book Club of America, Hawthorne Cal. 1969.

Войцеховский, С.Л. «Эпизоды», Лондон 1978 (о масонах в русской революции).

Врангель, бар. Людмила «Воспоминания и стародавние времена», Вашингтон 1964.

Врангель, генерал бар. П.Н. «Воспоминания», (новое издание) изд-во «Посев», Франкфурт 1969.

Zeman, Z.A.V. (ed.) «Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry», London 1958.

б) Междувойенный период, Вторая мировая война, подготовка и последствия

Ahrens, Wilfried «Verbrechen an Deutschen. Dokumente der Vertreibung», Argel 1983.

Allen, Gary «None Dare Call it Conspiracy», 1971.

Arraras, Joaquin «Francisco Franco. The Times and the Man», (English translation), Milwaukee 1938–39.

Bavendamm, Dirk «Roosevelts Weg zum Krig. Amerikanische Politik 1914–1939», München–Berlin 1983.

Beale, F.J.P. «Advance To Barbarism», New York 1955.

Beamish, Tufton M.R. «Must Night Fall», 1951.

Beaty, John «The Iron Curtain Over America», 1951.

Belgion, «Mongomery» en-Zohar, Michel «Les Vengeurs», aris 1968.

Benson, Ivor «Undeclared War», 1978.

Bethell, Lord Nicholas «The Last Secret. orcible Reparatriation to Russia 1944–1947», London 1974.

Buber-Neumann, Margarete «Als Gefangene bei Stalin und Hitler», 1949; «Which Was the Worst?» (Engl. transl.).

Butcher, Harry C. «My Three Years With Eisenhower», 1946.

Butz, A.R. «The Hoax of the 20th Century», 1977.

Chesterton, A.K. «The New Unhappy Lords», 1969.

Churchill, Winston «The Second World War», 6 vol., 1948–53.

Chutter, Rev. James B. «Captivity Captive», 1954.

Clifton, Brigadier George «The Happy Hunter», 1952.

Clostermann, Pierre «Flames in the Sky», 1952.

«Conferences at Malta and Yalta», U.S.State Dept., 1955.

Dall, Colonel Curtis «F.D.R. My Exploited Father-in-Law», 1968.

Деникин, генерал А.И. «Мировые события и русский вопрос», Париж 1939.

Dewhurst, Brig. C.H. «Close Contact», 1954.

Diwald, Hellmut «Geschichte der Deutschen», Frankfurt/Main – Berlin – Wien, 1978. (О депортациях евреев и «газовых камерах» см. стр. 164–165. По требованию еврейских кругов и издательства «Прописи» Аксея Шпрингера обе страницы должны были быть автором переписаны заново, с исключением указаний, что «газовых камер» в германских лагерях не существовало).

- «Documentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa», 2 Bände, hrsg. vom Bundesministerium für Vertriebene, Wolfenbüttel, o.D.
- Eisenhower, Dwight D. «Crusade in Europe», 1948.
- Faurisson, Robert «Memoire en defence contre ceux qui m'accusent de falsifier l'Histoire. La question des chambres a gas», Paris 1980; «Reponce a Pierre Vidal-Naquet», Paris 1982.
- Fish, Hamilton «Tragic Deception. FDR and America's Involvement in World War II», Old Greenwich, Conn. 1983.
- Forrest, Rev. A.C. «The Unholy Land», 1971.
- Glubb, Brig.-Gen. Sir John «Reace in the Holy Land», 1971.
- Goldmann, Nahum «Le Paradoxe juif», Paris 1976; «Das judische Paradox», Koln 1978 (dtsh. Ubers.).
- Grenfell, Russell «Unconditional Hatred», 1955.
- Griffin, Edward «The Fearfull Master».
- Haertle, Heinrich as «Holocaust» verschweigt», 1979.
- Hesse, Fritz «Das Vorspiel zum Krige. Englandberichte und Erlebnisse eines Tatzeugen, 1935–1945», Leoni 1979.
- «Hitlers Generale und ihre Schlachten», Bayreuth, 1978 (немецкий перевод блестяще документированного совместного труда группы англо-американских военных историков и военных специалистов, последняя фаза которого гласит: «*В общем и целом вполне можно сказать, что во всех вместе взятых армиях боровшихся с гитлеровской Германией союзников не было столькоих высоко талантливых генералов, как в одном только германском Вермахте*»).
- Hoggan, David «Der erzwungene Krieg. Die Ursachen und Urheber des 2. Weltkrieges», 11. Auflage, Tubingen 1971; «Frankreich Widerstand gegen den 2. Weltkrieg», Tubingen 1963 (Оба труда современного американского историка опубликованы впервые в Германии в немецком переводе, т.к. в США и в Англии для них «не нашлось издателя»).
- Horn, General Carl von «Soldiering for Peace», 1966.
- Hull, Cordell «Memoirs», 1948.
- Hulme, Kathryn «The Wild Pleace», 1953.
- Hunt, Frazier «The Untold Story of Douglas MacArthur», New York 1954.
- Hutchison, Cdr. E.N. «Violent Truce», 1956.
- Irving, David «The Destruction of Dresden», «Accident. The Death of General Sikorski»; «Hitler's War»; «The War Path», London 1978; «Winston Churchill» (in preparation).
- Jeffries, J.M.N. «The Palestine Deception», 1933.
- John, Robert & Hadawi, S. «The Palestine Diaries», 1970.
- Jordan, George Racey «From Major Jordan's Diaries», 1952.
- Kaufman, Theodore N. «Germany Must Perish», 1941.
- Kelley, Francis CVlement «Blood-Drenched Altars. Mexican Study and Comment», Milwaukee 1935 (о кровавых преследованиях христиан и трехлетней войне 1926–29 гг. масонского правительства в Мексике против собственного народа).
- Kern, Erich «Dance of Death», 1952.
- Kleist, Peter «Die europaische Tragodie», Pr. Oldendorf 1971 (о «восточной политике» Гитлера).
- Kluge, Dankwart «Das Hossbach-«Protokoll». Die Zerstorung einer Legende», Leoni (Подложный документ о «подготовке мировой войны», на основании которого были вынесены смертные приговоры в Нюрнберге в 1946 г.).
- Koestler, Arthur «Promise and Fulfilment. Palestiene 1947–49», 1949.
- Komorowski, E.A. «Nigth Never Ending», New York 1974 (Katyn Murders).
- Lane, Arthur Bliss «I Saw Poland Betrayed», 1948.
- Launay, Jaques de «Histore de la diplomatie secrete, 1789–1965», 5 tomes, Nyon (Suisse), 1973–74.
- Lerma, Duke of «Combat Over Spain. Memoirs of a Nationalist Fighter Pilot, 1936–1939», Nev York 1966.
- Liddel Hart, Sir Basil H. «History of the Second Word War», New York 1970.
- Lilienthal, Alfred «There Goes the Middle East», 1957; «The Other Side of the Coin», 1965.
- Mackiewicz, Joseph, «The Katyn Wood Murders», London n.d.
- Manly, Chesly «The U.N. Record», 1955.
- Marshall, Bruce «The White Rabbit», 1952.
- Maser, Werner «Nurnberg. Tribunal der Sieger», Dusseldorf-Wien 1977; «Adolf Hitler. Legende, Mythos, Wirklichkeit», München 1971.
- Massing, Hede «This Deception», 1951.
- McCullagh, Captain Francis «Red Mexico. A Reign of Terror in America», New York – London 1928.
- Meyer, Jean «Apocalypse et revolution au Mexique. La Guerre des Christeros (1926–1929)», Paris 1974.
- Morgenthau Jr., Henry «Germany Is Our Problem», New York – London 1945.
- «Das Morgenthau-Tagebuch. Dokumente des Anti-Germanismus», Hrsg. Hermann Schild, Leoni 1970.
- Mosley, Sir Oswald «My Life», London 1968.
- Moss, W. Standley «a War of Shadows», 1952.
- Northcliffe, Lord «My Journey Round the World», 1923.

- Picker, Dr. Henry «Hitlers Tischgesprache im Fuhrerhauptquartier», Wiesbaden 1983.
 Ploncard d'Assas, Jacques «Salazar», (2e edition) Paris 1983.
 Quigley, Caroll «Tragedy and Hope», 1966.
 Rassiniere, Paul «Les Responsables de la seconde guerre mondiale», Paris 1967.
 Reed, Douglas «Insanity Fair», 1938; «Disgrace Abounding», 1939; «Lest We Regret», 1943; «Somewhere South of Suez», 1949; «Far and Wide», 1951; «The Battle for Rhodesia», 1966; «The Siege of Southern Africa», 1974; «Behind the Scene», 1975; «The Grand Desidn of the 20th Century», 1977.
 Ribbentrop, Joachim «Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen», hrsg. von Annelies von Ribbentrop, Leoni 1961.
 Ribbentrop, A. von «Deutsch-Englische Geheimverbindungen. Britische Dokumente der Jahre 1938 und 1939 im Lichte der Kriegsschuldfrage», Wuppertal 1967.
 Rzeuski O.P., Comte Alex-Ceslas «A Travers l'visible cristal», Paris 1976.
 Saunders, Hilary St. George «The Red Beret», 1950.
 Sheean, Vincent «Personal History».
 Sherwood, Robert A. «Rooseveld and Hopkins», 1948.
 Smith, Fred «Morgenthau Plan, Its History», in «U.N. World», March 1947.
 Smith, Merriman, «Thank You, Mr. President», 1946.
 Smuts, J.C. «Life of Jan Christian Snuts», 1952.
 Stimson, Henry L. «On Active Service in Peace and War», 1947.
 Stormen, John A. «None Dare Call It Treason», 1964.
 Szembek, Comte Jean «Journal 1933–1939», Paris 1952.
 Tansill, Charles Callan «Back Door To War. Roosevelt Foreign Policy, 1933–1941», Chicago 1952.
 Thion, Serge «Verite historique ou verite politique? Le dossier de l'affaire Faurisson. La question des chambres a gaz», Paris 1980.
 Thorwald, Jurgen «Die grosse Flucht», Locarno 1979.
 «Times, Official History of», 1952.
 Tolstoy, Nicholas «Victims of Yalta», 1977.
 Untermeyer, Samuel «Text of Samuel Untermeyer's «Sacred War» Speech August 7, 1933, Upon His Return From the World-Wide International Jewish Boycott Conference At Amsterdam, Holland» and Father Coughlin's Comments March 16, 1942, n.h. n.d.
 Wise, Rabbi Stephen «Challenging Years», 1949.
 Zawodny, J.K. «Death in the Forest», 1962; «Nothing But Honour», 1978.
 «Zwei deutsche Friedensvorschlage 1936/1939», Witten 1982.

7) Англия и США, история, политика общество

- Adams, James Truslow «The Epic of America», 1931.
 Adams, President John «Works», 1850–1856.
 Allen, Gary «None Dare Call It Consriracy», 1971.
 Anonymous (E.M.House) «Philip Dru, Administrator», 1912.
 Benson, Ivor «The Opinion Makers», 1966; «Undeclared War», 1978.
 Butler, General Sir William «Autobiography», 1911.
 Carter, Hodding «The Aspirin Age», 1949.
 Chambers, Whittaker «Witness», 1952.
 Connel, Brian «Manifest Destiny. A Study of the Mountbatten Family», 1953.
 Cowles, Virginia «Winston Churchill».
 Dall, Colonel Curtis «F.D.R. My Exploited Father-in-Law», 1968.
 Davis, Forrest «Huey Long», 1953.
 Dugdale, Blanche E.. «Life of a A.J. Balfour», 1948.
 Flynn, John T. «The Roosevelt Myth», 1948.
 Forrestal, James «The Forrestal Diaries», 1951.
 Grimble, Sir Arthur «A Pattern of Islands», 1952.
 Hamilton, Alexander «Works» 1886–1887.
 Hobson, J.A. «The War in South Africa», 1900.
 House, E.M. «Orivate Papers of Colonel House», 1926.
 Howden, Arthur D. «Mr. House of Texas», 1940.
 Josephson, Emanuel M. «The Strange Death of Franklin D. Roosevelt», New York 1948.
 Lambert, R.S. «For the Time Is At Hand», (life of Henry Wentworth Monk), 1947.
 Long, Huey «My First Week in the White House».
 Lothian, Sir Arthur «Kingdoms of Yesterday», 1951.
 MacLean, Fitzroy «Eastern Approaches», 1949.
 Omlor, Patrick Henry «The Hundred Years» Hoax. The Civil Rights Movement 1866–1966», Menlo Park, Cal. 1966.

- Pepper, Senator George Wharton «Philadelphia Lawyer», 1944.
 «Report of the Canadian Government Royal Commission», 1946 (дело Игоря Гузенко).
 «Report of the Subcommittee of the .S. House of Representatives», 1947 (The ADL «Black List»).
 Robertson, Wilmore «The Dispossessed Majority», 1972.
 Roosevelt, F.D. «Personal Letters» (Samuel Rosenman, ed.), 1947.
 Sherwood, Robert A. «Roosevelt and Hopkins», 1948.
 Simpson, Cornell «The Death of James Forrestal, First Secretary of Defense», 1966.
 Kousen, W.Cleon «The Naked Capitalist», 1970.
 Smith, Merriman «Thank You, Mr. President», 1946.
 Smuts, J.C. «Life of Jan Christian Smuts», 1952.
 Stimson, Henry L. «On Active Service in Peace and War», 1947.
 Stormen, John A. «None Dare Call It Treason», 1964.
 Strachey, Lytton «Eminent Victorian», 1918 (Cardian Manning).
 Taft, Senator Robert «A Foreign Policy for Americans», 1952.
 Taylor, R.C. «Winston Churchill», 1952.
 «Times, Official History of, 1922–1948», 1952.
 Washington, President George «Writings», 1837.
 Williams, Robert H. «The Anti-Defamation League and Its Role in the World Communist Offensive», Santa Ana, Cal. 1947.
 Wise, Rabbi Stephen «Challenging Years», 1949.

8) Большевизм, коммунизм, советское государство

- Bajanov, Boris «Bajanov revele Staline», Paris 1979 (французский перевод «Воспоминаний бывшего помощника Сталина»).
- Боголепов, проф. А.А. «Церковь под властью коммунизма», изд. Ин-та по изучению СССР, Мюнхен 1958.
- Borkenau, F. «The Communist International», London 1938.
- Buber-Neuman, Margarete «Als Gefangene bei Stalin und Hitler», 1949.
- Bunyan, James «The Origin of Forced Labor in the Soviet State 1917–1921», Baltimore 1967.
- Butler, Eric «The Red Pattern of World Conquest».
- Dallin, David J. & Nikolaevsky, Boris «Forced Labor in Soviet Russia», Yale University Press 1949 (dtsch. Übers.) «Arbeiter oder Ausgebeutete. Das System der Arbeitslager in Sowjetrussland», München 1948.
- Gerson, Lennard D. «The Secret Police in Lenin's Russia», Philadelphia 1976. Этот весьма обстоятельный и неплохо документированный труд обходит полным молчанием роль евреев в советском аппарате террора и даже избегает называть еврейские имена, ограничиваясь русскими, польскими и латышскими; детально описываются зверства Харьковской ЧК в 1919 г. под руководством некоего Саенко, однако ни слова не говорится о значительно худших зверствах Киевской ЧК в том же 1919 г., в которой из 25 руководящих чекистов 23 были евреи (см. В.В. Шульгин «Что нам в них не нравится»). Книга Шульгина, вышедшая в Париже в 1930 г., в библиографии Герсона не упоминается.
- Gouzenko, Igor «The Fall of a Titan», 1954.
- Kravchenko, Viktor «I Chose Freedom», 1946; «Ich wahlte die Freiheit», Hamburg 1946.
- Krivitsky, General Walter «In Stalin's Secret Service», 1939.
- Lyons, Eugene «Our Secret Allies: The Russian Peoples», New York 1953.
- Melgounov, S.P. «La Terreur rouge en Russie (1918–1924)», Paris 1927 (французский перевод русск. оригинала «Красный террор»); «The Red Terror in Russia», London 1926 (англ. перев.).
- Myagkow, Alexis «Inside the K.G.B.», London 1976; «Un officier du KGB parle», Paris 1977 (франц. перев.).
- Poncine, Vicomte Leon de «Histoire du communisme de 1917 a la deuxieme guerre mondiale», Chire-en-Montreuil 1973.
- Reports, Collection of; Bolshevism in Russia. British Government's Stationary Office, 1919.
- «Report of the Canadian Government Royal Commission», 1946.
- Rounds, Frank «A Window on Red Square», 1953.
- Шульгин, В.В. «Что нам в них не нравится», Париж 1930 (переиздано заново).
- Солженицын, Александр «Архипелаг ГУЛАГ» в 3-х томах, Париж 1973.
- Solzhenitsyn, Alexander «The GULAG Archipelago», 1974.
- Tolstoy, Nicholas «Victims of Yalta», 1977.
- Voslensky, Michael «Nomenklatura. Die herrschende Klasse der Sowjetunion», Wien-München-Zürich 1980.
- Zawodny, J.K. «Death in the Forest», 1962.

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-REED2	1
Дуглас Рид	1
СПОР О СИОНЕ II.....	1
Глава 37. Заповеди, пророки и народные массы	2
Глава 38. Далекие маленькие страны.....	14
Глава 39. Сион вооружается	20
Глава 40. Захват Америки	25
Глава 41. Революция распространяется.....	38
Глава 42. Месть талмудистов.....	68
Глава 43. Сионистское государство	93
Глава 44. Орудие мирового владычества.....	131
Глава 45. Еврейская душа	138
Глава 46. Апогей и кризис.....	149
1. [Революция].....	151
2. Сионистское государство.....	163
3. Кульминационные годы	176
Эпилог	215
Добавление	217
Библиография.....	219
1) Еврейский вопрос	219
2) Подрывные организации и движения в Европе и Америке.....	221
3) Европейская политика перед Первой мировой войной	221
4) Первая мировая война	222
5) Революция в России и Германии. Гражданская война в России.....	222
6) Междоувоенный период, Вторая мировая война, подготовка и последствия	223
7) Англия и США, история, политика общество	225
8) Большевизм, коммунизм, советское государство.....	226
Оглавление	227